АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

REVUE d'HISTOIRE ANCIENNE

1 (184)

Январь — Февраль — Март

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ОСНОВАН В 1937

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА · 1988

Редакционная коллегия:

чл.-корр. АН СССР *Г. М. Бонгард-Левин*, д. филолог. н. *М. Л. Гаспаров*, д. и. н. *Е. С. Голубцова*, д. и. н. *М. А. Дандамаев*, акад. АН АрмССР *С. Т. Еремян*, д. и. н. *Ю. К. Колосовская* (зам. главного редактора), д. и. н. *В. И. Кузищин*, акад. АН ГрузССР *Г. А. Меликишвили*, д. и. н. *Л. П. Маринович*, д. и. н. *А. И. Павловская* (ответственный секретарь), к. и. н. *О. И. Савостьянова*, д. и. н. *Е. М. Штаерман*

Заведующая редакцией *И. К. Малькова*

Адрес редакции: 117036, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19, комн. 237
Институт всеобщей истории АН СССР. Тел. 126-94-37

© Издательство «Наука»,
«Вестник древней истории», 1988 г.

Технический редактор *Н. П. Торчигина*

Сдано в набор 20.11.87 Подписано к печати 25.01.88 Формат бумаги 70×100¹/₁₆
Высокая печать Усл. печ. л. 22,1+2 вкл. Усл.-кр.-отт. 166,0 тыс. Уч.-изд. л. 26,3 Бум. л. 8¹/₂
Тираж 7349 экз. Зак. 1074

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»,
103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6

Памяти главного редактора
„Вестника древней истории“ АН СССР
члена-корреспондента АН СССР
Зинаиды Владимировны Удальцовой

Зинаида Владимировна
УДАЛЬЦОВА
(1918—1987)

З. Г. Самодурова

З. В. УДАЛЬЦОВА — ИССЛЕДОВАТЕЛЬ, ОРГАНИЗАТОР НАУКИ, ПЕДАГОГ

Советская историческая наука понесла тяжелую утрату: 29 сентября 1987 г. на 70-м году жизни скоропостижно скончалась Зинаида Владимировна Удальцова, член-корреспондент АН СССР, директор Института всеобщей истории АН СССР, профессор, главный редактор журнала «Вестник древней истории», крупнейший специалист в области византиноведения, медиевистики, славяноведения и истории поздней античности, выдающийся организатор науки и замечательный педагог.

Зинаида Владимировна Удальцова была ученым широкого диапазона, большого исследовательского таланта и исключительной творческой активности, много сделавшим для отечественной исторической науки. Ею была создана советская школа византинистики, завоевавшая всеобщее признание мировой научной общественности. К ее мнениям, суждениям, критическим высказываниям прислушивались с большим вниманием и уважением византинисты, медиевисты, слависты и антиковеды не только в нашей стране, но и за рубежом. Тонкий знаток источников, она с любовью относилась к истории, проявляла высокую ответственность в подходе к изучению жизни и культуры далекого прошлого.

З. В. Удальцова оставила обширное научное наследие. Ее перу принадлежит около 300 работ. Это три книги: «Италия и Византия в VI в.» (М., 1959), «Советское византиноведение за 50 лет» (М., 1969), «Идейно-политическая борьба в ранней Византии (по данным историков IV—VII вв.)» (М., 1974), большие разделы в изданных по ее инициативе, под ее руководством и при самом активном участии коллективных трудах: «История Византии» (т. 1—3. М., 1967), «Культура Византии. IV — первая половина VII вв.» (М., 1984), «История крестьянства в Европе в средние века» (т. 1—3. М., 1985), главы в III—IV томах «Всемирной истории» и многочисленные статьи, выполненные на высоком идейно-теоретическом и научном уровне. Они были посвящены разработке общетеоретических проблем феодального способа производства, перехода от рабовладения к феодализму, изучению социально-экономической и политической истории Византии, Италии и южнославянских стран, кардинальных вопросов историографии и культуры. Многие из них переведены на иностранные языки и опубликованы в международных журналах по византиноведению и медиевистике в Чехословакии, ГДР, Югославии, Бельгии, Франции, ФРГ, Италии, Испании и других странах.

Большое влияние на формирование Зинаиды Владимировны как ученого оказали выдающиеся советские исследователи академики Е. А. Косминский, С. Д. Сказкин, М. Н. Тихомиров, преподававшие на историче-

ском факультете Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, куда она поступила в 1935 г. после окончания московской средней школы. В 1940 г. после завершения курса обучения Зинаида Владимировна была оставлена в аспирантуре при кафедре истории средних веков, где занималась изучением истории Византии. Ее научным руководителем был академик Е. А. Косминский. В 1945 г. она успешно защитила кандидатскую диссертацию на тему «Борьба партий в Византии в XV в. и деятельность Виссариона Никейского», а в 1960 г.— докторскую диссертацию на тему «Италия и Византия в VI в.».

В 1945—1948 гг. Зинаида Владимировна читала лекции и вела занятия на кафедре всеобщей истории в Заочной Высшей партийной школе при ЦК КПСС, одновременно она преподавала и на кафедре истории средних веков исторического факультета МГУ. В 1948 г. З. В. Удальцова перешла на исследовательскую работу в Институт славяноведения АН СССР, в 1949 г. — в Институт истории АН СССР, а в 1970 г. — в Институт всеобщей истории АН СССР.

Уже первые работы З. В. Удальцовой, появившиеся в середине 40-х — начале 50-х годов, отличались глубиной исследования материала и оригинальностью выводов. Они были посвящены изучению проблем поздневизантийского феодализма, выяснению причин падения Византии, анализу идейно-политической борьбы внутри господствующего класса накануне османского завоевания и освещению героической борьбы народов Балканского полуострова.

Рассмотрев сочинения византийских писателей XV в.: Виссариона Никейского, Критовула, Сфрандзи, Лаоника Халкокондила, Дуки, Сильвестра Сиропула, Иосифа Мефонского, Марка Эфесского, а также акты Ферраро-Флорентийского собора, З. В. Удальцова пришла к обоснованному заключению, что ослаблению византийского государства и облегчению его завоевания Османской империей способствовал комплекс причин: экономический упадок Византии, засилие итальянцев в экономике городов, обострение классовых противоречий, народные восстания, феодальные войны и развернувшаяся в XIV—XV вв. религиозная борьба. Она убедительно доказала, что главной причиной падения Византии был назревавший конфликт между развивавшимися в поздний период в государстве производительными силами и тормозившими это развитие феодальными производственными отношениями. Обстоятельно проанализировала З. В. Удальцова идейно-политическую борьбу религиозно-политических партий (латинофилов, туркофилов и ортодоксально-православной партии), выяснила их социальный состав и попыталась решить одну из самых сложных и спорных проблем истории византийской культуры — проблему византийского гуманизма.

Центральное место в творчестве З. В. Удальцовой занимали проблемы перехода от рабовладельческого строя к феодальному и генезиса феодализма в Византии и соседних с ней государствах Южной и Юго-Восточной Европы. Большое внимание она уделяла вопросу о характере общественных отношений Поздней Римской империи и ранней Византии времени перехода от рабовладения, соотношению рабства и колоната, формам последнего. Специфика складывания византийского феодализма, пути его развития, особенности аграрной структуры и роль сельской общины в ранней Византии, классовая борьба и народные движения VI в. и их воздействие на ход исторического развития Византии, Италии и Северной Африки — все эти вопросы были предметом изучения З. В. Удальцовой и получили оригинальное истолкование в ее многочисленных статьях,

опубликованных в 50—60-х годах, в монографии «Италия и Византия в VI в.» (высокая оценка этой книги дана в рецензии М. А. Заборова в ВДИ, 1961, № 1) и в главах первого тома коллективного труда «История Византии». Главное внимание было сконцентрировано на выяснении путей и форм становления феодальных отношений в Византии, Италии и в завоеванных Юстинианом I областях Северной Африки. На основании анализа огромного фактического материала — данных нарративных и законодательных памятников и папирусов — З. В. Удальцова охарактеризовала социально-экономическое и политическое развитие стран указанного региона. Ею были исследованы формы эксплуатации зависимого населения, положение различных категорий трудящихся масс (рабов, колонов, рустиков и свободных земледельцев), а также крупная земельная собственность в Византии, рассматриваемая ею как феодализирующаяся. По ее мнению, в эту эпоху в Византии хотя и преобладали рабовладельческие отношения, тем не менее шел процесс их разложения и зарождения в недрах старого общества элементов нового, феодального строя, формирование которого происходило в результате синтеза элементов феодализма и общественных отношений варваров. Она рассматривала IV — VI вв. как заключительный этап развития рабовладельческого общества, как переходный период, когда продолжалась борьба рабовладельческого и феодального укладов.

По данным источников она проследила эволюцию рабства, выявляя те новые черты, которые оно приобрело в это время по сравнению с классической эпохой. В процессе становления феодализма в Византии, по словам З. В. Удальцовой, происходило не только формирование новых видов собственности, но и изменение характера рабовладения. Проанализированы были Зинаидой Владимировной и различные формы колоната, который она охарактеризовала как принципиально отличную от феодальной форму эксплуатации, свойственную переходному периоду от рабовладения к феодализму. Эволюция колонатных отношений, по ее мнению, шла в сторону увеличения феодальных черт в статусе колонов. Одновременно ею были отмечены изменения и сближение социально-экономического положения различных групп зависимого населения, что повлекло за собой превращение их в единую массу феодально-зависимого крестьянства.

В работах З. В. Удальцовой нашла свое решение одна из кардинальных проблем истории Византии — проблема специфики складывания византийского феодализма, его отличительных особенностей по сравнению с феодальными отношениями в странах Западной и Юго-Восточной Европы и Ближнего Востока. Она считала, что своеобразие феодального строя в Византии во многом зависело от развития славяно-византийской общины, история которой была ею тщательно изучена. Сравнительное сопоставление общины IV в. с общиной VIII—IX вв. позволило ей вскрыть существенные различия между ними. Зинаида Владимировна выявила значительные изменения, которые произошли в общине в ходе общественного переворота VII в. и славянской колонизации. Византийскую общину исследовательница рассматривала как исходную ячейку развития феодальных отношений.

Разработка З. В. Удальцовой вопросов классовой борьбы и народных движений VI в. и их воздействия на ход исторического развития Византии, Италии и Северной Африки представляет несомненный интерес для антиковедов, византинистов и медиевистов-западников. Характеризуя завоевательные войны, которые вел Юстиниан I, она убедительно доказала, что подчинение этих новых областей империи способствовало рестав-

рации рабовладельческих порядков и временно затормозило развитие феодального строя на территории этих стран.

Исследуя социально-экономическую историю ранней Византии, Зинаида Владимировна обратилась к изучению одной из наименее разработанных в советском византиноведении проблем — проблемы истории византийского права. Анализ законодательной деятельности Юстиниана I и юридических памятников VI в. позволил ей определить социальную сущность и политическую направленность законодательных реформ этого императора, вызванных к жизни переменами, происшедшими в социально-экономических и политических отношениях византийского общества VI в., а также показать воздействие социально-политической борьбы на законодательство.

Как истинно крупный исследователь, З. В. Удальцова не ограничивалась только изучением истории Византии. Много и плодотворно она занималась проблемами культурных взаимоотношений Византии и славянских стран. Эти вопросы были освещены ею в ряде статей, опубликованных в 50—70-х годах, главах по истории Византии и южных славян, подготовленных для третьего тома коллективного труда «Всемирная история» (М., 1957) и для второго и третьего издания учебника по истории средних веков для университетов (М., 1952, 1966), и в докладах, прочитанных на XIII Международном конгрессе византинистов в Оксфорде (1966 г.) и на XV Международном конгрессе исторических наук в Бухаресте (1980 г.). Проведенный ею анализ русско-византийских культурных связей привел ее к выводу, что взаимоотношения Руси и Византии были взаимоотношениями двух независимых держав, широкое же распространение византийской культуры на Руси не уничтожило самобытной русской культуры, а способствовало ее обогащению.

Много сил и энергии было отдано З. В. Удальцовой созданию коллективного труда «История Византии» в 3-х томах — первого обобщающего марксистского исследования, базирующегося на последних достижениях отечественной и мировой исторической науки. В нем подведены итоги полувекового развития византиноведения в СССР. Значение этого издания и, в частности, I тома, освещающего проблемы становления византийского общества и государства, было подчеркнуто в рецензии Е. М. Штаерман в ВДИ, 1968, № 1. З. В. Удальцовой были подготовлены 13 глав, в которых освещаются наиболее сложные, переломные периоды истории Византии: IV—VII вв. — эпоха крушения рабовладельческого и формирования феодального строя, XIV—XV вв. — эпоха разложения феодального и зарождения элементов нового, капиталистического способа производства. Она стремилась показать своеобразие этих процессов в Византии по сравнению со странами Западной Европы и Ближнего Востока. Со страниц, написанных З. В. Удальцовой, предстает целостная картина жизни византийского общества, его становление и закат. Ею были глубоко проанализированы исторические события, классовая борьба, внешняя и внутренняя политика, раскрыта сущность социально-экономических и политических преобразований и изменений в идеологии и культуре указанных периодов. В заключительной главе «Своеобразие общественного развития Византийской империи. Место Византии во всемирной истории» ею были подведены итоги комплексного изучения византийской истории, изложена общая концепция социально-экономического и политического развития Византии, охарактеризованы ее роль во всемирно-историческом процессе.

Большое место в творчестве З. В. Удальцовой занимали историографические исследования. В многочисленных статьях и монографии «Совет-

ское византиноведение за 50 лет», настольной книге для всех занимающихся изучением Византии, освещена история становления и развития советской византинистики, обстоятельно охарактеризованы основные этапы и важнейшие направления, показан сложный путь, который прошло марксистское византиноведение в СССР в борьбе с буржуазной исторической наукой. Критически оценивая труды византинистов старой русской школы, Зинаида Владимировна одновременно показала то положительное, что было ими сделано при разработке ряда существенных вопросов истории Византии и в деле изучения и издания византийских памятников. Ею были проанализированы и работы советских ученых, посвященные исследованию широкого круга кардинальных проблем истории Византии: специфических особенностей византийского феодализма, аграрных отношений, классовой борьбы, византийского города, государства и права, причин падения Византии, ее отношений с соседними странами, материальной и духовной культуры, науки и искусства византийского общества, а также были намечены первоочередные задачи дальнейшего развития советского византиноведения и разработана проблематика научных исследований.

З. В. Удальцова внесла большой вклад в изучение сложных, дискуссионных и недостаточно разработанных проблем кризиса идеологии античного мира и рождения новой идеологии будущего средневекового общества в переходный от рабовладения к феодализму период. Ею опубликованы многочисленные статьи, посвященные анализу творчества и мировоззрения ранневизантийских историков и писателей, и монография «Идейно-политическая борьба в ранней Византии (по данным историков IV—VII вв.)», обобщившая результаты многолетних изысканий в этой области и ставшая крупным явлением в советской византинистике. На основании скрупулезного анализа сочинений ранневизантийских авторов Зинаида Владимировна пришла к выводу, что рассматриваемая эпоха характеризуется тесным переплетением, взаимопроникновением и причудливым сочетанием самых разнообразных элементов отживающей античной и нарождающейся культуры средневековья, черт старой языческой образованности с чертами христианской идеологии, что в духовной жизни византийского общества IV—VI вв. шел процесс сближения и взаимного обогащения античной языческой и христианской культур. Одновременно З. В. Удальцова отметила, что становление культуры и идеологии византийского общества происходило в противоречивых социально-политических условиях, в остром идейном противоборстве с религиозно-философскими, этическими и эстетическими воззрениями античного мира, и показала связь идейно-политической борьбы между отмирающей античной и нарождающейся средневековой культурой. Она установила свойственные данным столетиям сдвиги в идеологии, философских, этических и общественно-политических взглядах, определила важные вехи этого процесса. Ею были раскрыты существенные особенности ломки старой античной идеологии и выявлены черты возникающего нового явления в византийской культуре. Специфику рождения средневековой культуры Византии она видела в синтезе, в слиянии элементов старой и новой идеологии. Вместе с тем складывание и формирование культуры и идеологии ранней Византии она рассматривала в неразрывной связи с развитием общества.

В числе первых советских византинистов З. В. Удальцова приступила к марксистской разработке теоретических проблем генезиса и развития феодализма. Цикл статей теоретического и методологического характера посвятила она исследованию типологии феодализма в Византии и Запад-

ной Европе. Данные вопросы были рассмотрены также в докладе, подготовленном совместно с Е. В. Гутновой для XIII Международного конгресса исторических наук в Москве (1970 г.). В этих работах были выяснены общие закономерности и специфические особенности становления и развития феодальных отношений в Византии и странах Западной Европы, воссоздана общая картина исторического процесса, показаны разнообразие и пестрота его конкретных проявлений, разработаны критерии типологии генезиса феодализма, среди которых основными являются определяющие социально-экономические факторы, взаимодействие элементов феодализма, вызревавших в недрах рабовладельческой формации и общинно-родового строя, воздействие классовой борьбы, а также другие факторы феодализации. Были выделены три типа генезиса феодализма в Европе: 1) тип так называемого «уравновешенного» синтеза; 2) тип, когда феодализм развивается на основе синтеза, но с явным преобладанием античных начал; 3) тип — «бессинтезный» или с очень незначительными элементами синтеза, феодализм здесь развивается непосредственно из родоплеменного строя варваров. Главное внимание З. В. Удальцова уделяла изучению характерного для Византии типа генезиса феодализма. Она выявила общее и особенное в социально-экономическом развитии империи, отличительными чертами которого, по ее мнению, было длительное сохранение рабовладельческого уклада, позднеримских форм собственности, античных городов, центров ремесла и торговли, сильного централизованного государства и внутренне сплоченной сельской общины. Труды З. В. Удальцовой по типологии феодализма положили начало новому этапу в исследовании феодальной формации не только в Византии, но и в других регионах мира.

Работы З. В. Удальцовой открыли новый аспект в изучении особенностей феодальных отношений в Византии в последующие столетия по сравнению со странами Западной Европы. В серии статей, а также в докладе «Центробежные и центростремительные силы в византийском мире (1071—1261 гг.). Социально-экономические аспекты проблемы», прочитанном на XV Международном конгрессе византинистов в Афинах (1976 г.), ею была дана характеристика социально-экономических отношений в империи в конце XI — середине XIII в. и подчеркнута значимость в их развитии двух факторов: укрепления феодальной вотчины и роста провинциальных городов. По ее мнению, социально-экономическая эволюция в Византии в указанный период послужила фундаментом закономерного и прогрессивного на данном историческом этапе феодального раздробления византийского государства на основе внутренней экономической консолидации провинций и обусловила борьбу сил централизации и децентрализации, осложняемую внешнеполитическими событиями. Однако закономерный процесс феодального раздробления Византии и подъема провинций был затруднен противоборством центрального правительства и столичного центра — Константинополя. З. В. Удальцова установила основные этапы развития византийского государства в свете борьбы сил централизации и децентрализации. В связи с этим ею было обращено внимание на выяснение роли городов в социально-экономической и политической истории Византии, их отличительных особенностей по сравнению с городами Западной Европы, а также на изучение положения крестьян поздней Византии. Эти вопросы были разработаны ею в докладе «Социальные и политические структуры поздней Византии», подготовленном совместно с К. В. Хвостовой для XVI Международного конгресса византинистов в Вене (1981 г.).

Велико значение работ З. В. Удальцовой по истории культуры ранней Византии. Данной проблематикой она много и плодотворно занималась в последнее время. Результаты ее многолетних изысканий в этой области опубликованы в серии статей и главах первого тома коллективного труда «Культура Византии. IV — первая половина VII в.». В них нарисована обобщающая картина состояния византийской культуры, выработана концепция ее развития, прослежена ее эволюция. Культура ранней Византии представлена ею «не как совокупность памятников литературы, искусства, права, философии, науки, но как особый срез бытия византийского общества, связанный со всеми другими сторонами его жизни». З. В. Удальцова показала выдающееся значение византийской культуры, более тысячелетия во многом определявшей развитие европейской цивилизации. Ей удалось доказать ложность бытовавших долгое время представлений о косности и застойности византийской цивилизации, забвении и отказе ее от ценностей и достижений античности и убедить читателей, что «*византийская культура с ранних этапов своего развития обладала* и своеобразной внутренней динамикой, и творческими началами, питавшимися прежде всего народными истоками». Она сумела дать яркую характеристику обстановки драматической напряженности и полной острейших противоречий духовной жизни ранней Византии, когда происходило становление византийской культуры, создание основ византийского общества, формирование христианского миросозерцания, складывавшегося под сильным воздействием не только ближневосточных религий: иудаизма и манихейства, но и неоплатонизма, восходящего к философии Платона и перипатетиков. Они, по ее мнению, были важными компонентами в философско-религиозной системе христианства, которое не только боролось против античной культуры, но и использовало ее в своих интересах. З. В. Удальцова показала, сколь сложным и длительным был процесс складывания нового видения мира, более соответствующего образу мышления и запросам средневекового человека, проследила изменения представлений человека о космосе, времени и пространстве в этот период. На смену замкнутым историческим циклам античных писателей приходит телеологическое, обусловленное волей бога библейское видение поступательного движения истории у средневековых авторов.

З. В. Удальцова аргументированно доказала наличие коренных преобразований в литературе, изобразительном искусстве, во всех сферах знания византийского общества. Отличительный признак этих перемен — возникновение в Византии этого периода новых видов литературы: патристики, агиографии, библейской космографии, литургической поэзии, церковных историй, всемирных хроник, которые приходят на смену античной литературе и овладевают умами византийцев. Византийскими художниками, испытавшими воздействие эллинистической и восточнохристианской традиций, вырабатывается свой собственный стиль в искусстве, задачей которого становится воплощение в художественном образе трансцендентной идеи.

Зинаида Владимировна не только дала всеобъемлющую характеристику развития византийской культуры как единой оригинальной целостности в системе мировой цивилизации, но и выявила ее типологические особенности, отличающие ее от средневековой культуры Европы и Ближнего Востока. Первой и важнейшей типологической особенностью византийской культуры она считала синтез западных и восточных элементов в разных сферах материальной и духовной жизни общества. Слияние греко-римских и ближневосточных традиций наложило отпечаток не только

на общественную жизнь, государственное устройство и социальные структуры, но и на религиозно-философские идеи, политические доктрины, а также на искусство византийского общества. Синтез, реальный и полнокровный, создал новую, неповторимую в своей самобытности и не имеющую исторических аналогий византийскую культуру, оказавшую длительное воздействие на культуру многих сопредельных стран и народов. Одновременно Зинаида Владимировна отмечала, что синтез западных и восточных элементов происходил все же с явным превалированием греко-римских начал, хотя она и не преуменьшала значение восточных традиций как одного из составных компонентов византийской культуры. Именно обогащение византийской культуры, греко-римской в своей основе, элементами культуры народов Востока придало ей, по убеждению З. В. Удальцовой, неповторимый колорит, отличающий ее от культуры Западной Европы.

Второе, не менее важное типологическое отличие византийской культуры Зинаида Владимировна усматривала в сохранении в Византии в значительных масштабах культурных традиций античности. По ее мнению, византийская цивилизация в эпоху варварских вторжений оставалась последним оплотом греко-римской культуры и образованности; как византийская государственность устояла под натиском варваров, так и византийская культура сумела противостоять волне варварских влияний. З. В. Удальцова отстаивала тезис об органическом синтезе античных элементов с зарождающейся культурой средневекового общества и о глубоком переосмыслении античного культурного наследия в Византии.

Третью типологическую особенность культурного развития Византии по сравнению со странами Запада Зинаида Владимировна видела в господстве «государственных» доктрин, культа империи и императора, эстетики аристократического общества столицы, в централизации и унификации всей культуры. Особо ею была подчеркнута роль Византии в выработке господствующего в средние века учения о монархическом государстве, единой, вселенской христианской империи во главе с императором и теории божественного происхождения императорской власти. Значительное влияние на теоретическое оформление учения об автократии, по словам З. В. Удальцовой, оказали философско-политические концепции абсолютной власти, воспринятые от соседних с Византией восточных народов.

Зинаида Владимировна показала, что господство государственно-политической доктрины пронизывало все сферы политики, идеологии, культуры и привело к унификации и «централизации» общественной мысли и художественного творчества. В своих работах она осветила происходившие в науке, богословии, философии, литературе процессы обобщения и классификации, усиление традиционализма в духовной жизни византийского общества, отметила статичность, бездейственность, рассудочность, свойственные византийской литературе и культуре IX—X вв., господство символики, канонизацию ситуаций и трафаретность сюжетов.

Ею была раскрыта роль государства и церкви в строгой регламентации мышления (что поддерживало, по ее мнению, канонизированность и унифицированность всей духовной жизни византийского общества) и охарактеризованы задачи, стоявшие перед византийскими художниками, творчество которых было ограничено поучительностью и дидактичностью. З. В. Удальцова установила, что общественная мысль, литература и искусство как бы отрываются от реальной действительности и замыкаются в кругу высших абстрактных идей, что в византийской культуре одерживает окончательную победу аристократическое направление, выражающее

эстетические идеалы высшей придворной знати, и что византийское искусство и другие сферы культуры становятся все более программными, строго регламентируются и подчиняются устойчивому канону. Изучение источников и специальной литературы привело ее к мысли, что эти типологические особенности византийской культуры, ее неповторимое своеобразие были обусловлены прежде всего спецификой социально-политической структуры единого централизованного византийского государства.

З. В. Удальцова охарактеризовала появившиеся в XI—XII вв. и особенно в XIV в. новые, более прогрессивные идейные течения, историко-философские концепции, прогресс точных наук, борьбу передовых мыслителей, философов, писателей, представителей народных ересей против господства государственной и церковной идеологии. Анализ культуры и искусства поздней Византии, позволивший ей выявить в них гуманистические черты, привел ее к мысли, что в своем развитии эти области духовной жизни палеологовского общества как бы остановились на пороге Ренессанса. З. В. Удальцова вскрыла причины данного явления, объяснив его историческими судьбами государства, типологическими особенностями его социально-экономического и политического развития: слабостью ростков предкапиталистических отношений, отставанием экономики городов XIV—XV вв. от развития западноевропейских, особенно итальянских, городов, засильем феодалов, слабостью городских сословий, острой идейной борьбой в империи, закончившейся победой мистического течения — исихазма, и катастрофическим внешнеполитическим положением.

Вопросы кризиса и крушения рабовладельческой идеологии, роли культурного наследия античности и христианства в развитии византийской цивилизации исследованы З. В. Удальцовой в главах, написанных для первого тома коллективного труда «Культура Византии. IV — первая половина VII в.», представляющего собой комплексное исследование, в котором культурная жизнь ранней Византии изучается и осмысливается как единое целостное явление. В этом труде ей принадлежат основополагающие главы проблемного характера, в которых анализируются социально-экономическое и политическое положение ранней Византии, особенности становления и развития исторической мысли, задачи, сущность и смысл дипломатического искусства, космографические и географические представления византийцев этого периода. Она показала сложность и противоречивость условий жизни византийского общества, противоречивость и противоборство тенденций, на пересечении которых сложилась ранневизантийская культура. Она выявила коренные сдвиги во всех сферах духовной культуры, которые привели к рождению новых представлений о вселенной и человеке, знаменовавших водораздел между античным мировоззерцанием и христианской идеологией, и новой историко-философской концепции, господствовавшей в сочинениях византийских авторов. В заключительной главе, обобщив результаты исследования, З. В. Удальцова охарактеризовала основные направления византийской культуры IV — первой половины VII в.

Проблемы формирования феодального крестьянства в Византии она рассмотрела в главах трехтомного коллективного труда «История крестьянства в Европе в средние века», изданного Институтом всеобщей истории АН СССР, главным редактором которого она была. В них подведены итоги изучения генезиса феодально-зависимого крестьянства в Европе.

З. В. Удальцова возглавила создание многотомного коллективного труда «История Европы с древнейших времен до новейшего времени» (в

8-ми томах) — основного объекта государственного плана Института всеобщей истории АН СССР. Она была главным редактором всего издания. Для второго тома этой работы, ответственным редактором которого она была, ею написаны общетеоретическая глава по проблемам генезиса феодализма (совместно с Е. В. Гутновой), а также разделы по истории и культуре Византии.

История дипломатии византийского государства, а также культурные связи его с Древней Русью и Италией освещены З. В. Удальцовой в главах второго тома коллективного труда «Культура Византии. Середина VII—XII в.», сданного в издательство «Наука» в 1987 году. В ближайшее время выйдет в свет ее новая книга по истории византийской культуры.

Труды З. В. Удальцовой, охватывая широкий спектр проблем, способствовали более глубокому пониманию генезиса феодализма, закономерностей развития социально-классовых структур и идеологии докапиталистических формаций, культурно-исторического процесса в Европе. Благодаря своим огромным историческим познаниям и широте научных интересов и кругозора Зинаида Владимировна сумела раскрыть роль и показать место Византии во всемирной истории. Ее работы открыли новую страницу в историографии Византийской империи и сопредельных государств, внесли большой вклад в советскую историческую науку. Без учета ее исследований невозможно дальнейшее изучение истории Византии. Они имеют огромное значение и для решения многих общих вопросов истории средневековой Европы. Ее труды получили высокую оценку в советской и зарубежной научной литературе, оказали большое воздействие на развитие византиноведения. Они стали классическими для любого историка и прежде всего византиниста и справедливо считаются образцовыми по широте охвата материала и глубине интерпретации источников, новому их прочтению. Работам З. В. Удальцовой присущи подлинный историзм, оригинальность концепции развития феодализма в Византии, самостоятельность суждений и оценок событий и явлений жизни и культуры средневекового общества, большая эрудиция.

Многогранную научно-исследовательскую деятельность З. В. Удальцова успешно совмещала с научно-организационной, редакторской, педагогической и общественной работой. В августе 1980 г. она была назначена директором Института всеобщей истории АН СССР. В 1986 г. Институт за плодотворную научно-исследовательскую деятельность в развитии советской исторической науки и подготовку кадров был награжден орденом Трудового Красного Знамени. Под руководством Зинаиды Владимировны Институт всеобщей истории по итогам социалистического соревнования коллективов научных учреждений АН СССР и академий наук союзных республик неоднократно завоевывал почетные места за успехи в разработке проблем всеобщей истории.

В течение многих лет З. В. Удальцова возглавляла в Институте сектор истории Византии, который превратился в научно-исследовательский и координационный центр по византиноведению в Советском Союзе. Она была инициатором возрождения в конце 40-х годов издания «Византийского временника», одного из лучших в мире ежегодников по истории Византии. В 1966 г. Зинаида Владимировна возглавила редколлегию «Византийского временника». При этом она была не только ответственным редактором его, но и неутомимым организатором работы авторского коллектива.

В 1977 г. З. В. Удальцова была назначена главным редактором «Вестника древней истории» и руководила работой журнала последние 10 лет.

В 1987 г. ВДИ отметил свое 50-летие, проведя под ее председательством X Всесоюзную авторско-читательскую конференцию, где рассматривались итоги работы журнала и обсуждались доклады по проблеме «Социально-экономическая структура древнего общества и идеологическая борьба в древнем мире». На страницах ВДИ З. В. Удальцова опубликовала статьи: «Сельское зависимое население Италии IV века» (1955, № 3), «Страничка из истории византийской культуры (Косьма Индикоплевст и его „Христианская топография“)» (1977, № 1), «Основные направления развития византийской культуры IV — первой половины VII в.» (1984, № 1), отражающие основные направления ее исследований переходной эпохи от античности к средневековью.

Зинаида Владимировна являлась членом редколлегий журналов «Культура и жизнь», «Новая и новейшая история», ежегодника «Средние века», редактором многих крупных монографий, сборников и коллективных трудов. Много сил она отдавала работе в качестве председателя Научного совета «Закономерности исторического развития общества и перехода от одной социально-экономической формации к другой», который стал координационным центром теоретических и методологических исследований советских историков, и принимала активное участие в разработке комплексной программы по истории докапиталистических формаций.

Научная деятельность З. В. Удальцовой получила широкое признание как в нашей стране, так и за рубежом. В 1976 г. она была избрана членом-корреспондентом АН СССР, за заслуги в развитии исторической науки и подготовку научных кадров была награждена в 1975 г. орденом Трудового Красного Знамени, в 1981 г.— орденом «Знак Почета», двумя юбилейными медалями и медалью «Ветеран труда». В 1987 г. за участие в создании 13-томной «Всемирной истории» З. В. Удальцова была удостоена Государственной премии СССР.

З. В. Удальцова являлась заместителем председателя Национального комитета историков Советского Союза и председателем секции византинистики, а также председателем Советско-Венгерской комиссии историков, членом правления обществ «СССР — Греция», «СССР — Испания», членом Советско-Болгарской и Советско-Югославской комиссий историков. В 1976 г. на XV Международном конгрессе византинистов в Афинах З. В. Удальцова была избрана вице-президентом Международной Ассоциации византинистов, в 1975 г.— иностранным членом Научного комитета Международного центра исследований по истории византийской культуры в Южной Италии (г. Бари), в 1983 г.— иностранным членом Саксонской Академии наук (ГДР). Она достойно представляла советскую историческую науку за рубежом, принимала активное участие в работе пяти международных конгрессов исторических наук (Вена, 1965; Москва, 1970; Сан-Франциско, 1975; Бухарест, 1980; Штутгарт, 1985), восьми международных конгрессов византинистов (Стамбул, 1955; Мюнхен, 1958; Охрид, 1961; Оксфорд, 1966; Бухарест, 1971; Афины, 1976; Вена, 1981; Вашингтон, 1986), а также ряда международных научных конференций и симпозиумов, где выступала с докладами, высоко оцененными мировой научной общественностью. Зинаида Владимировна читала лекции в зарубежных научных учреждениях.

Убежденный и принципиальный коммунист, З. В. Удальцова в течение многих лет избиралась в состав партийного бюро Института всеобщей истории АН СССР, была депутатом Моссовета. Большое внимание она уделяла подготовке научных кадров по византиноведению, воспитала много талантливых ученых, докторов и кандидатов наук, которые стали вы-

сококвалифицированными специалистами, авторами ценных научных исследований.

Во всех своих трудах З. В. Удальцова проявила себя специалистом, мастерски владеющим сложной методикой комплексного исследования разнопланового и разнохарактерного исторического материала: сочинений греческих и римских писателей, юридических памятников публично-правового и частно-правового характера, житий святых и т. п. Ее работы написаны на основании тщательного их изучения. Они отмечены строгим безупречным анализом фактических данных, умением их найти, великолепным знанием источников и памятников византийской культуры, литературы, живописи, зодчества. Извлеченный из них документальный материал она умело использовала, чтобы осветить происходящие в далеком прошлом события, выяснить их причины и обрисовать духовный мир средневекового человека. Обладая незаурядным литературным талантом, З. В. Удальцова создала широкую панораму жизни целых эпох, смогла ярко и образно представить далекое прошлое, раскрыть суть и «дух» тех периодов, о которых она писала, выявить все самое характерное в их структурах. Работы Зинаиды Владимировны отличаются ясностью, строгостью, вместе с тем занимательностью и живостью изложения. Они лишены скучной академичности. Это произведения, рассчитанные не только на профессионалов, но и на широкий круг читателей, интересующихся историей. При этом они не теряют своей научной ценности и значимости и являются глубокими и обстоятельными исследованиями. Необыкновенная увлеченность наукой, удивительная работоспособность, литературный талант, редкое умение раскрыть и ярко представить историческое прошлое, разносторонность и широта научных интересов Зинаиды Владимировны поражали всех, кому посчастливилось работать с ней.

До последних дней своей жизни З. В. Удальцова продолжала активно, с неиссякаемой энергией трудиться, подготавливая новые статьи, книги, рецензии, разрабатывая малоисследованные проблемы социально-экономической и политической истории, культуры и идеологии Византии. У нее были большие планы, долг ее коллег и учеников воплотить их в жизнь.

М. Ю. Трейстер

РОЛЬ МЕТАЛЛОВ В ЭПОХУ ВЕЛИКОЙ ГРЕЧЕСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ

В современном антиковедении вопрос о причинах и характере Великой греческой колонизации — предмет нескончаемых дискуссий, и, если бы мы обратились к их подробному рассмотрению, данная работа стала бы историографическим очерком, от написания которого нас избавляют как зарубежные, так и отечественные подробные публикации [1]. В последние десятилетия все больше внимания обращается на связь причин колонизации с поисками сырья, главным образом — металлов, важную роль которых признают многие исследователи [2]. Активно пропагандируют эту точку зрения советские ученые: так, в программном докладе на I Всесоюзном симпозиуме в Цхалтубо отмечалось, что «важнейшим стимулом ранних греческих плаваний были поиски источников получения металла... Для Эллады металл был не менее важен, чем хлеб» [3]; Г. А. Кошеленко, обосновывая стремление греческого полиса к самообеспечению, также констатировал, что оно было идеалом полиса, в большинстве случаев недостижимым, в частности, из-за отсутствия своих источников металла в большинстве полисов [4]. Вместе с тем уже на первом Цхалтубском симпозиуме была высказана критика «гипотезы о поисках металлов как основной двигательной силы колонизации» [5].

В небольшой по объему работе невозможно осветить роль металлов в образовании каждого греческого полиса, в процессе выведения той или

---

[1] Из работ последних лет см., например: *Яйленко В. П.* Греческая колонизация VII—III вв. до н. э. М., 1982. С. 4—60; *Шелов-Коведяев Ф. Б.* История Боспора в VI—IV вв. до н. э. // Древнейшие государства на территории СССР. 1984 г. М., 1985. С. 44—57; *Austin M. M., Vidal-Naquet P.* Economic and Social History of Ancient Greece. An Introduction. Berkeley — Los Angeles, 1977. P. 61 ff.; *Jeffery L. H.* Archaic Greece. The City-States c. 700—500 B. C. L., 1978. P. 51 f. *Murray O.* Early Greece. New Jersey, 1980. P. 102 ff.; The Expansion of the Greek World. Ed. by J. Boardman and N. G. L. Hammond // CAH². 1982. V. III. Pt 3; *Graham A. J.* Colony and Mother City in Ancient Greece. Chicago, 1983.

[2] *Boardman J.* The Greeks Overseas. L., 1980. P. 162, 208; *Roebuck C.* Ionian Trade and Colonisation. N. Y., 1959. P. 87—104; *Finley M. I.* Early Greece. The Bronze and Archaic Age. L., 1970. P. 97; *Snodgrass A. M.* The Dark Age of Greece. Edinburgh. 1971. P. 416 f; *Graham A. J.* Patterns in Early Greek Colonisation // JHS. 1971. V. 91. P. 35—47; *Starr C. G.* The Economic and Social Growth of Early Greece, 800—500 B. C. N. Y., 1977. P. 62 f.

[3] *Блаватский В. Д., Кошеленко Г. А., Кругликова И. Т.* Полис и миграции греков // Цхалтубо-I. С. 12 сл. См. также: Цхалтубо-I. С. 357; *Онайко Н. А.* Архаический Торик. Античный город на северо-востоке Понта. М., 1980. С. 113 сл.; *Кошеленко Г. А.* Греческий полис и проблемы развития экономики // Античная Греция. Т. 1. М., 1983. С. 217 сл.

[4] *Кошеленко Г. А.* Полис и город // ВДИ. 1980. № 1. С. 11—13. Прим. 60.

[5] Цхалтубо-I. С. 349 (выступление Д. Б. Шелова).

иной колонии, однако мы постараемся рассмотреть роль различных металлов (железа, серебра, золота, меди, олова) в процессе колонизации от Испании на западе до Северного Причерноморья на востоке. Представляется, что объективное решение проблемы должно явиться результатом тщательного анализа остатков горнорудного и металлообрабатывающего производства как на территории метрополий, так и в областях греческой колонизации, особенно в свете археологических (в том числе и подводных) и археометаллургических исследований последних десятилетий.

В работах, посвященных горному делу и металлургии древнего мира [6], практически не делалось попыток показать, в какие исторические периоды греками разрабатывались те или иные месторождения металлов. За исключением немногих случаев, когда в источниках сообщается о хронологии эксплуатации рудников, картина зачастую остается расплывчатой, как, например, в работе Дж. Хили. Письменные источники, дополненные археологическими материалами, по его мнению, свидетельствуют о том, что в архаический период медь и железо добывались на о-ве Эвбея. Возможно, некоторое количество меди выплавляли из руд также в Македонии, Арголиде, на о-ве Делос, в Малой Азии (например, в Кисфене, на берегу, противоположном о-ву Самос). Залежи свинца и серебра известны в Лаврионе, на о-ве Сифнос. Месторождения железной руды разрабатывались в Беотии, Лаконии, на островах Эгейского моря, в Малой Азии. Важным источником золота в архаическую эпоху были рудники Македонии и Фракии, островов Сифнос и Фазос; аллювиальное золото добывалось лидийцами в районе г. Тмол и в р. Пактол. Серебро добывалось также в Македонии и Фракии [7].

Новые сведения об эксплуатации залежей металлов в архаическую эпоху получены в последние годы. В 1975—1977 гг. Институт ядерной физики им. Макса Планка в сотрудничестве с рядом организаций провел обследование серебряных рудников, расположенных на территории Малой Азии, Балканского полуострова и островов Эгейского моря. Помимо названных выше месторождений подтверждена разработка в античную эпоху рудников в районе Стагир на севере Греции, а также на о-ве Фазос [8]. Исследования 1975 и 1983 гг. в Троаде также открыли много рудников, разрабатывавшихся в древности, в том числе и в античную эпоху. Один из них — в Балье — разрабатывался еще в эпоху архаики [9].

Исследование металла на изотопы свинца Pb^{206}, Pb^{207}, Pb^{208} позволило установить, что еще в III—II тыс. до н.э. свинцовые и серебряные предметы в Греции и на островах Эгейского моря [10] изготовляли из металла, происходящего в основном из двух месторождений — Лавриона и о-ва

---

[6] *Forbes R. J.* Studies in Ancient Technology. Leiden, 1963. V. VII. P. 139 ff.; *Ramin J.* La technique minière et métallurgique des Anciens. Bruxelles, 1977 // Coll. Latomus. V. 153; *White K. D.* Greek and Roman Technology. Ithaca, 1984. P. 113 ff.

[7] *Healy J. F.* Mining and Metallurgy in the Greek and Roman World. L., 1978. P. 46, 53, 57 f., 61 f.; а также: *Ramin.* Op. cit. P. 201 f.; *Pleiner R.* Iron working in Ancient Greece. Praha, 1969.

[8] *Gentner W. et al.* Silver Sources of Archaic Greek Coinage // Die Naturwissenschaften. 1978. Jg 65. Ht 6. P. 275—278.

[9] *Pernicka E. et al.* Archäometallurgische Untersuchungen in Nordwestanatolien // JRGZM. 1984. Jg 31. S. 542.

[10] Правда, на о-ве Кипр в эпоху бронзы изготавливали свинцовые изделия из местной руды, но количество их крайне незначительно (*Stos-Gale Z. A.* A Puzzle of the Bronze Age Silver-Lead on Cyprus // ΠΡΑΚΤΙΚΑ Β' ΔΙΕΘΝΟΥΣ ΚΥΠΡΙΟΛΟΓΙΚΟΥ ΣΥΝΕΔΡΙΟΥ. ΤΟΜΟΣ Α'. ΛΕΥΚΩΣΙΑ, 1985. P. 71).

Сифнос [11]. Что касается разработок в Лаврионе, то еще А. Бёк отмечал, что во времена Солона их систематическая эксплуатация не велась [12]. Точку зрения о том, что до второй половины VI в. до н. э. лаврионские рудники не разрабатывались, отстаивал и Э. Ардайон; продолжает оставаться господствующей она и в настоящее время [13]. Археологическое обследование подземных выработок в Торике позволило, однако, собрать керамический материал от эпохи бронзы до архаического времени [14]. Кроме того, в Торике открыты остатки производства по очистке серебряной руды, относящиеся к IX в. до н.э. [15], что позволяет предполагать разработку лаврионских рудников и в VIII—VII вв. до н. э., хотя оценить объем добычи металлов не представляется возможным. Как показали современные исследования, в Лаврионе добывались не только серебро и свинец, но и медь, причем в эпоху бронзы Лаврион был одним из основных источников меди не только для Греции, но и для островов Эгейского моря и даже для Крита [16]. О разработке месторождений меди на Кипре в архаическую эпоху свидетельствуют анализы дерева на С-14 из рудников Тамасса, давшие результаты: 685—660 ± 110 гг. до н.э. [17]

Золотые и серебряные рудники острова Сифнос неоднократно упоминает Геродот (III.57), отмечая, что из всех жителей островов сифносцы были богатейшими, а расцвета своего богатства они достигли во времена Поликрата Самосского. Как сообщает Павсаний (X.8; XI.2), рудники Сифноса были истощены, когда сифносцы пренебрегли приношениями в Дельфы. Таким образом, судя по нарративным источникам, остров обладал значительными запасами благородных металлов, которые истощились, вероятно, около 516 г. до н. э. Что добавляют к этому современные методы исследования? Производство серебра и свинца на Сифносе велось с начала III тыс. до н. э., разработки выявлены уже в пяти местах

[11] См. работы: *Gale N. H., Stos-Gale Z. A.* The Sources of Myceanean Silver and Lead // JFA. 1982. V. 9. P. 467—485; Cycladic Lead and Silver Metallurgy // BSA. 1981. V. 76. P. 169—224; Lead and Silver in the Ancient Aegean // Sci. Amer. 1981. V. 244. № 6. P. 142—152; *Gale N. H.* Some Aspects of Lead and Silver Mining in the Aegean // Thera and the Aegean World. Ed. by C. Doumas. L., 1980. V. II. P. 161—195; IAMS Newsletter, June 1984. № 6. P. 6 f.; *Karageorghis V., Gale N. H., Stos-Gale Z. A.* Two Silver Ingots from Cyprus // Antiquity. 1983. V. 57. № 221. P. 211—214; *Gale N. H., Stos-Gale Z. A., Davies J. L.* The Provenance of Lead used at Ayia Irini, Keos // Hesperia. 1984. V. 53. № 4. P. 389—406.

[12] *Boeckh A.* A Dissertation on the Silver Mines of Laurion in Attica. L., 1842. P. 622.

[13] *Ardaillon É.* Les mines du Laurion dans l'antiquité. P., 1897. P. 134—136; *Marinos G. P., Petrascheck W. E.* Laurium. Athens, 1956; *Lauffer S.* Der antike Bergbau von Laureion in Attika // Journal für Geschichte. 1980. Jg 2. Ht 4. S. 4; *Weisgerber G., Heinrich G.* Laureion- und kein Ende? // Der Anschnitt. 1983. Jg 35. Ht 6. S. 196; *Kalcyk H.* Untersuchungen zum attischen Silberbergbau. Frankfurt am Main — Bern, 1982. S. 99—106; *idem.* Der Silberbergbau von Laureion in Attika // Antike Welt. 1983. Jg 14. Ht 3. S. 15 ff. По мнению Дж. Хили, лишь потеря рудников Македонии и Фракии, захваченных персами в 512 г., заставила афинян разрабатывать месторождения Лавриона (*Healy.* Op. cit. P. 53).

[14] *Jones J. E.* The Laurion Silver Mines: A Review of Recent Researches and Results// Greece and Rome. 1982. V. 29. P. 176.

[15] *Hopper R. J.* The Laurion Mines: A reconsideration // BSA. 1968. P. 293 ff.; *Idem.* Trade and Industry in Classical Greece. L., 1979. P. 170.

[16] *Gale N. H., Stos-Gale Z. A.* Bronze Age Copper Sources in the Mediterranean: A New Approach // Science. 1982. V. 216. № 4541. P. 11—19; *Gale, Stos-Gale, Davies.* Op. cit. P. 400; *Gale N. H., Stos-Gale Z. A.* The Minoan Thalassocracy and the Aegean Metal Trade // The Minoan Thalassocracy. Myth and Reality. Proceedings of the Third Intern. Symp. at the Swedish Inst. in Athens. Ed. by R. Hägg and N. Marinatos. Stockholm, 1984. P. 59—69.

[17] *Buchholz H.-G.* Tamassos, Zypern, 1974—1976 // AA. 1978. Ht 2. S. 167.

острова. Термолюминесцентный анализ фрагментов керамики из отложений рудника № 2 в Айос Состис дал следующие датировки: 750 (±190, 290) г. до н. э.; 660 г. до н. э. и 530 г. до н.э.; анализ шлаков — 810, 750 и 570 гг. до н. э. В залегающем ниже слое также были обнаружены фрагменты керамики и угля. Анализ на С-14 и термолюминесцентный анализ показали даты от 2970 до 2590 гг. до н.э. [18]

Среди золотых рудников, упоминаемых Геродотом, фигурируют рудники Фазоса. Рассказывая о доходах острова, он пишет, что золотые рудники в Скаптегиле приносили фазосцам обычно 80 талантов, рудники же на самом острове — несколько меньше (VI.46), и отмечает (VI.47), что «самые замечательные из них — это рудники, открытые финикиянами, когда они под предводительством Фасоса поселились на этом острове... А эти финикийские рудники на Фасосе лежат между местностями под названием Эниры и Кениры, напротив Самофракии. Огромная гора там изрыта в поисках золота» (пер. Г. А. Стратановского). Б. Хольцман, анализируя сообщение Геродота, пришел к выводу, что «финикийские рудники» не были золотоносными [19], тем самым противопоставив золотые рудники в Скаптегиле рудникам западной части острова, природа которых, по мнению исследователя, неизвестна. Эту же точку зрения отстаивают А. Мюллер и некоторые другие ученые, полагающие, что рудники Кениры заслужили особого упоминания «отца истории» отнюдь не по причине того, что здесь добывались драгоценные металлы, которые разрабатывались на острове и в других местах, или потому что рудники приносили высокие доходы; Геродота привлекла древность рудников [20]. Наиболее древние рудники были открыты на акрополе Фазоса в 1978—1979 гг. Судя по керамическому материалу, они разрабатывались с конца VI по IV в. до н. э. [21] Рудники были открыты и на восточном берегу острова между заливами Потамии (возможно, древней Эниры) и Кениры. В образцах руды из 450-метровых галерей рудников акрополя Фазоса содержалось золото, причем в одном из образцов в таком количестве, которое наводит на мысль, что здесь добывалось именно оно, а не медь или железо, как предполагалось ранее. В образцах руды, найденных в рудниках восточного побережья, идентифицированных с теми, которые видел Геродот, также содержится высокая концентрация золота [22].

Наши сведения о металлообрабатывающем ремесле Греции эпохи колонизации весьма фрагментарны. В Афинах, Коринфе, Олимпии известны

---

[18] *Gale.* Op. cit. P. 183—192; IAMS Newsletter. 1983. № 4. P. 3; Ibid. June 1984. № 6. P. 6; *Heinrich G.* Ein Besuch der Silbergruben des Herodot auf Siphnos, Kykladen // Aufschluss. 1981. Jg 32. S. 145—154; *Wagner G. A.* Die Kykladeninsel Siphnos: eine bedeutende Rohstoffquelle für Silber und Blei im Altertum // Aufschluss. 1980. Jg 31. S. 247. Abb. 8; *Wagner G. A., Weisgerber G.* The Ancient Mine of Aghios Sostis on Siphnos (Greece) // Archaeophysika. 1979. V. 10. P. 209—222; Silber, Blei und Gold auf Sifnos. Bearb. von Wagner und G. Weisgerber. Bochum, 1985. S. 205.

[19] *Holtzmann B.* Des mines d'or à Thasos? // BCH. Suppl. Thasiaca, 1979. V. V. P. 345—349.

[20] *Müller A.* La mine de l'acropole de Thasos // BCH. Suppl. Thasiaca. 1979. V. V. P. 315 ff.; *Des Courtils J., Koželj T., Müller A.* Des mines d'or à Thasos // BCH. 1982. V. 106. P. 417.

[21] *Koželj T., Müller A.* La mine de l'acropole de Thasos. Rapports sur les travaux de l'école française en Gréce en 1978 // BCH. 1979. V. 103. P. 658.

[22] *Koželj T., Müller A.* Travaux de l'école française en Grèce en 1979 // BCH. 1980. V. 104. P. 716 suiv.; *Caskey M. E.* News Letter from Greece (1979 and 1980) // AJA. 1981. V. 85. № 4. P. 460; *Wagner G. A. et al.* Nachweis antiken Goldbergbaus auf Thasos: Bestätigung Herodots // Die Naturwissenschaften. 1979. Jg 66. Ht 12. S. 613; *Wagner G. A. et al.* Ancient Gold Mines on Thasos // Ibid. 1981. Jg 68. S. 263.

производственные остатки VI в. до н. э.[23], мастерские VIII—VII вв. до н. э. до недавнего времени не были известны, и лишь раскопки последних лет принесли некоторые данные. К известным ранее мастерским, открытым раскопками к югу от храма Аполлона Дафнефора в Эретрии, следует добавить раскопанную в 1982 г. бронзолитейную мастерскую второй половины VII в. до н. э., также расположенную у храма[24].

В 1980 г. к северу от храма был найден расписной геометрический скифос, датируемый последними десятилетиями VIII в. до н. э., содержащий большое количество золотых и электровых слитков разнообразной формы и веса, фрагменты проволоки и обломки изделий — общим весом 510 г[25]. В 1983 г. при раскопках Коммоса на о-ве Крит недалеко от храма В был открыт сброс металлообрабатывающей мастерской, включающий железные шлаки и крицы[26]. К этому списку следует добавить оружейную мастерскую в Филии[27] и бронзолитейное производство в Калаподи[28]. Примечательно, что мастерские, как правило, располагались в пределах храмов[29], что, кстати, было характерно и для других эпох греческой истории: храмовые металлообрабатывающие мастерские известны также в Олимпии, Тегее, Бассах, на Самосе и в Спарте[30]. Вместе с тем отдельные мастерские были раскопаны и на поселениях вне святилищ, как, например, в Эретрии и Эфесе[31].

Подводя итог обзору горнорудного и металлообрабатывающего ремесла Греции VIII—VI вв. до н. э., отметим, что документально подтверждается добыча и обработка золота и электра. Не приходится сомневаться, что греки изготавливали серебряные и свинцовые изделия из металлов Сифноса и Лавриона: для второй половины VII в. до н. э. это подтверждается результатами анализов греческих серебряных монет 14 центров чеканки из Асьютского клада, найденного в Египте. Третьим важным месторождением серебра, характеризовавшегося высокими микропримесями золота, висмута и олова, могла быть Македония или Лидия[32], хотя точное геогра-

---

[23] *Mattusch C. C.* Casting Techniques of Greek Bronze Sculpture. Foundries and Foundry Remains from the Athenian Agora with Reference to Other Ancient Sources. Diss. Univ. of North Carolina at Chapel Hill, 1975; *eadem.* Bronze- and Ironworking in the Area of the Athenian Agora; *eadem.* Corinthian Metalworking: The Forum Area // Hesperia. 1977. V. 46. № 4. P. 340—389.

[24] *Konstantinou I.* // Praktika. 1955. Athenai. 1959. P. 128—130; *Winter N. A.* News Letter from Greece, 1982 // AJA. 1984. V. 88. № 1. P. 54 f. Fig. 2.

[25] *Themelis P. G.* An 8th Century Goldsmith's Workshop at Eretria // The Greek Renaissance of the Eighth Century B. C. Tradition and Innovation. Proceedings of the Second Intern. Symp. at the Swedish Inst. in Athens. Ed. by R. Hägg. Stockholm. 1983. P. 157—165.

[26] *Winter N. A.* News Letter from Greece, 1983 // AJA. 1984. V. 88. № 4. P. 467; *Shaw J. W.* Excavations at Commos (Crete) during 1982—1983 // Hesperia. 1984. V. 53. № 2. P. 283.

[27] *Kilian K.* Weihungen aus Eisen und Eisenverarbeitung im Heiligtum zu Philia (Thessalien) // The Greek Renaissance. P. 131—146.

[28] *Felsch R. C. S.* Zur Chronologie und zum Stil geometrischer Bronzen aus Kalapodi// Ibid. P. 123—129.

[29] Ibid. P. 165; *Hurwit J. M.* Rec.: The Greek Renaissance of the Eighth Century B. C. // AJA. 1984. V. 88. № 4. P. 603.

[30] *Kilian* // The Greek Renaissance. P. 147 (Discussion); *Yalouris N.* Problems Relating to the Temple of Apollo Epikourios at Bassae // Acts of the XIth Intern. Congress of Classical Archaeology. L., 1979. P. 91; *Voyatzis M.* The Eighth-Century Sanctuary of Athens Alea at Tegea. The 87th General Meeting of the Arch. Inst. of America // AJA. 1986. V. 90. № 2. P. 194.

[31] Ibid.

[32] Исследование остатков плавки золота в Сардах, относящихся к 620—550 гг. до н. э., показало, что лидийские плавильщики практиковали разделение золота и се-

фическое положение этого источника серебра раннегреческой чеканки пока не определенно [33]. Множество бронзовых изделий, разнообразие их типов, относительно большое количество известных бронзолитейных мастерских VIII—VI вв. до н.э. говорят, вероятнее всего, об использовании местных источников сырья, что косвенно подтверждается широким распространением медной руды Лавриона еще в эпоху бронзы. Гораздо сложнее обстояло дело с получением олова, важнейшего легирующего компонента для изготовления бронзы. Несмотря на то что в печати периодически появлялись сообщения об открытии древних оловянных месторождений на территории Греции и Малой Азии, они в дальнейшем не подтверждались, поэтому не приходится сомневаться в том, что греки ввозили олово извне [34].

Лишь в самое последнее время были найдены залежи олова в форме станнина в горах Тавра. В этом районе известны поселения, на которых раскопаны плавильные печи разного времени [35]. Но выплавлялось ли здесь в древности олово, а если да, то когда? Хотя нам известны железообрабатывающие мастерские рассматриваемого времени, вопрос о ввозе железной руды в Грецию с Ближнего Востока особо рассматривался А. Снодграссом, который основывал свои выводы на публикации Дж. Варуфакиса анализов металла наконечников копий из Микен [36]. Однако результаты новейших исследований, проведенных Дж. Варуфакисом, частично опровергают высказанные им ранее предположения (анализ состава металла 19 железных треножников IX — начала VII в. до н.э. из Олимпии показал, что часть их была изготовлена из местных руд, в том числе происходящих из месторождений Крита и Лаконии). Это позволило ему прийти к заключению, что по крайней мере часть железных изделий этого времени изготовлялась из местных руд, что, конечно, не исключало возможности ввоза в Грецию железа в больших или меньших количествах [37].

ребра из очищенного электра методом цементации. См. *Waldbaum J. C.* Metalwork from Sardis. The Finds through 1974. Cambr. Mass., L., 1983. P. 7.

[33] *Gale N. H. et al.* Mineralogical and Geographical Sources of Archaic Greek Coinage // Metallurgy in Numismatics. I. Ed. by W. Oddy. L., 1980. P. 46—49.

[34] *Waldbaum.* Op. cit. P. 5 f.; *Benton S.* No Tin from Kirrha in Phokis // Antiquity. 1964. V. 38. P. 138; *Branigan K.* Aegean Metalwork of the Early and Middle Bronze Ages. Oxf., 1974. P. 64—66; *Charles J. A.* Where is the Tin? // Antiquity. 1975. V. 49. P. 19—24; *Wertime T. A.* The Search for Ancient Tin: the geographic and historic boundaries // The Search for Ancient Tin / Ed. by A. D. Franklin et al. Washington, 1977. P. 4; *Muhly J. D.* Copper and Tin. The Distribution of mineral resources and the nature of the metals trade in the Bronze Age // Transactions of the Connecticut Academy of Arts and Sciences. New Haven, 1973. V. 43. P. 155—535; 1976. V. 46. P. 77—136; *idem.* Sources of tin and the beginnings of Bronze Metallurgy // AJA. 1985. V. 89. № 2. P. 277 f., 290 f.; *De Jesus P.* The Development of Prehistoric Mining and Metallurgy in Anatolia // BAR. Intern. Ser. 1980. V. 74. P. 57—60, 396. Map № 20. К сожалению, нам пока не удалось ознакомиться с работой: *Penhallurick R. D.* Tin in Antiquity: Its Mining and Trade throughout the Ancient World, with Particular Reference to Cornwall. L., 1986.

[35] *Yener K. A.* Tin in the Taurus Mountains: The Bolkardağ Mining Survey // The 87th General Meeting. P. 183.

[36] *Snodgrass A. M.* Iron and Early Metallurgy in the Mediterranean // The Coming of the Age of Iron/Ed. by T. A. Wertime and J. D. Muhly. New Haven — L., 1980. P. 354; *Varoufakis G. J.* Untersuchungen an drei stählernen Speerspitzen aus dem 7. und 6. Jahrhundert v. Chr. // Archiv für das Eisenhuttenwesen. 1970. Jg 41. Ht 11. S. 1023—1026. А. Снодграсс ссылался на греческий вариант этой статьи, опубликованный в журнале «Metalleiologiká Metallourgiká Chroniká. 1973. № 10.

[37] *Varoufakis G. J.* Chemical and Metallurgical Investigation of 19 Iron Tripod Legs of the Geometric Age. Athens, 1979; *idem.* The Origin of Mycenean and Geometric Iron on the Greek Mainland and in the Aegean Islands // Early Metallurgy in Cyprus. Larnaca, 1982. P. 318 f.

Древние разработки источников металлов известны и в областях греческой колонизации. Так, например, железные и медные руды добывались в Этрурии вблизи основанных греками колоний [38]. Интересные данные были получены при раскопках в Поджио Цивитате этрусского памятника VIII—VI вв. до н.э., расположенного в 40 км от морского побережья напротив о-ва Эльба: приблизительно в 1 км от поселения имеется месторождение медной руды, однако залежей железа поблизости нет. Ближайшие запасы железной руды находятся в Популонии и на о-ве Эльба, но, по мнению ряда исследователей, железные руды о-ва Эльба до середины VI в. до н.э. не были известны этрускам. Каким же образом изготовляли железные изделия в Поджио Цивитате? Исследования найденных там шлаков показали, что лишь с конца VI в. до н.э. железная руда с Эльбы стала перевозиться на материк в Популонию, где слой железоделательных шлаков перекрыл некрополь VII в. до н.э. [39] Сведя в одной работе данные геологического обследования рудников Центральной Италии, результаты аналитических, металлографических и археологических исследований, П. Уорден убедительно показал, что до середины VIII в. до н.э. рудные богатства этого района разрабатывались лишь спорадически, добыча металлов, вероятно, носила сезонный характер. О систематической добыче здесь медной руды можно говорить лишь начиная с середины VIII в. до н.э., а железной — с середины VI столетия [40].

Следы производства серебра и меди в Рио-Тинто (Иберия) VIII—VII вв. до н.э. были впервые открыты не так давно. Производство было домашним, небольшого объема, который нельзя сравнить с деятельностью многочисленных «компаний» римского времени. Характерно, что археологические материалы свидетельствуют о разработке рудников финикийцами, о чем говорят, в частности, приемы выплавки серебра, носящие ярко выраженный восточный характер [41]. Осуществленный Британским институтом археометаллургических исследований проект «Уэльва» позволил существенно дополнить картину на основе комплексного изучения источника [42]. Следы производства интересующего нас периода найдены в основном на медных рудниках. Остатки выплавки серебра из руды были обнаружены в 1979—1980 гг. в Корте Лаго. Интересно, что в слоях шлака среди обнаруженной керамики (около 81% составляли местные лепные изделия) имеются также фрагменты финикийских амфор. Анализ керамического материала и единообразие шлаков из Корте Лаго навели исследователей на мысль, что здесь не было «заморской технологической колонизации», а разработка рудника была местным тартессийским предприятием; финикийцы же занимались лишь торговлей металлами [43].

---

[38] К сожалению, нам осталась недоступной диссертация Н. Хартманна (*Hartmann N. B.* Iron-workings in Southern Etruria in the Ninth and Eighth Centuries B. C. Diss. Univ. Penna, 1982).

[39] *Warden P. G. et al.* Copper and Iron Production at Poggio Civitate (Murlo) // Expedition. 1982. V. 25. № 1.

[40] *Idem.* The Colline Metallifere: Prolegomena to the study of mineral exploitation in Central Italy // Crossroads of the Mediterranean. Louvain-la-Neuve, 1984. P. 349—363.

[41] *Blanco A., Luzon J.-M.* Pre-Roman Silver Miners at Riotinto // Antiquity. 1969. V. 43. P. 124—131.

[42] *Rothenberg B., Blanco-Freijero A.* Studies in Ancient Mining and Metallurgy in South-West Spain. Explorations and Excavations in the Province of Huelva. L., 1981; см. также наш обзор «О новых исследованиях Британского института археометаллургии» (СА. 1987. № 3. С. 233—235).

[43] *Rothenberg, Blanco-Freijero.* Op. cit. P. 171—173; *Rothenberg B., Andrews P., Keesmann I.* Monte Romero. September 1986. The discovery of a unique Phoenician silver workshop in South-West Spain // IAMS. Newsletter. № 9. Dec. 1986. P. 1—4.

Термолюминесцентное датирование серебряного шлака из Калле Пулос (Уэльва) показало, что он относится ко времени 401 ± 280 гг. до н. э., что довольно близко предварительной датировке шлака 800—700 гг. до н.э.[44]

Среди других причин основания Милетом Аполлонии на западном побережье Черного моря называют заинтересованность в получении меди из рудников Странджи[45]. Исследования рудников Центральной Странджи в 1975—1981 гг. показали, что кроме материалов эпох энеолита и бронзы здесь известна фракийская керамика V—III вв. до н. э., достаточно обильно представлен и эллинистический материал[46]. Близкие результаты показали исследования фракийских рудников болгаро-советской экспедицией в 1971, 1972 и 1974 гг. Поселения, открытые близ рудников, относятся либо к IV—II тыс. до н.э., либо к эллинистическому или раннесредневековому времени[47]. Также к эллинистической эпохе, по мнению В. Велкова, относятся трехкилограммовые медные слитки, найденные в море у Ахтополя[48].

А. С. Островерхов, анализируя остатки мастерских по производству железных изделий в районе Днепровско-Бугского лимана, пришел к следующему выводу. Образцы железных руд, найденные на Ягорлыцком поселении, представлены магнетитовым кварцитом, месторождения которого сосредоточены в Криворожском бассейне и на Корсак-Могиле, в Северной Таврии. Они имели вид прямоугольных брусков, что, по мнению А. С. Островерхова, свидетельствует о специальной подготовке сырья для транспортировки на большие расстояния[49]. Он считает также, что комплексы, связанные с обработкой железа, открытые на о-ве Березань, предназначались для обогащения гематитовых песков — выносов рек Буга и Днепра из кристаллических массивов континента, залегавших в осадках Одесского желоба и в западинах дна заливов[50]. Мнение о том, что гипотеза А. С. Островерхова нуждается в дальнейшей проверке, было высказано вскоре после публикации его работы[51]. Совсем недавно предположение об использовании руд Криворожского бассейна в античную эпоху еще раз подверглось критике, впрочем, как и интерпретация А. С. Островерховым прямоугольных брусков руды. Таким образом, вопрос о местной добыче железа на Ягорлыцком поселении остается открытым[52].

---

[44] *Carriveau G. W.* Dating of «Phoenician» Slag from Iberia using Thermoluminescense Techniques // MASCA Newsletter. 1974. V. 10. № 1.

[45] См., например: *Данов Х.* Характер и значение на гръцката колонизация по западним бряг на Черно море // Археология. 1969. Кн. 1. С. 16; *Велков В.* Фракия Понтика и ее взаимоотношения с греческим миром в XII—IV вв. до н. э. Доклад на IV Цхалтубском симпозиуме.

[46] *Теоклиева Е., Балабанов П.* Пещери и рудни галерея в Централна Странджа // Известия на музеите от Югоизточна България. Пловдив, 1981. Т. IV. С. 18—22.

[47] *Радунчева А., Черных Е. Н.* Археологические материалы с древних рудников // *Черных Е. Н.* Горное дело и металлургия в древнейшей Болгарии. София. 1978. Прил. 2. С. 322 сл.

[48] Автор благодарит В. Велкова за информацию.

[49] *Островерхов А. С.* Про чорну металургію на Ягорлицькому поселенні // Археологія. 1978. Вып. 28. С. 26—36; *он же.* К вопросу о сырьевой базе античного ремесленного производства в районе Днепровского и Бугского лиманов // ВДИ. 1979. № 3. С. 118.

[50] Там же. С. 118—123.

[51] *Щеглов А. Н.* // Цхалтубо-II. С. 181.

[52] *Шрамко Б. А., Солнцев Л. А., Фомин Л. Д.* К вопросу о железообрабатывающем ремесле в степной Скифии // СА. 1986. № 2. С. 166 сл.

Минералогическое изучение образцов железных руд и шлаков из раскопок Торика показало, что руды относятся к месторождениям осадочного происхождения киммерийского возраста, по химическому составу они близки к керченскому железорудному месторождению, однако по текстуре отличаются от рыхлых керченских руд. Н. Н. Терехова и Л. С. Хомутова пришли к выводу, что рассматриваемые руды могут относиться к подобной же рудной формации в районе западного побережья Кавказа [53]. Образцы местной керченской руды неоднократно находили при раскопках металлообрабатывающих мастерских Пантикапея конца VI—V вв. до н.э.[54]

В некоторых греческих колониях VIII—VI вв. до н. э. были обнаружены остатки металлообрабатывающих мастерских и предметы, связанные с обработкой металлов. Наиболее ярким и широко известным примером служат материалы раскопок древних Питекусс на о-ве Искья, где с середины VIII в. до н.э. существовала древнейшая колония эвбейцев. Здесь, в Скарико Гозетти, был обнаружен сброс из мастерской, относящийся к VIII в. до н.э.: большое количество железного шлака, фрагменты тиглей, обломки глиняных наконечников мехов [55]. Во многих публикациях сообщалось, что анализ найденного в Скарико Гозетти образца железного минерала показал, что он происходит с о-ва Эльба. Высказанное на основании анализа предположение послужило важным аргументом в работах сторонников связи колонизации с поиском металлов [56]. Вместе с тем к нему надо отнестись осторожнее. Так, по мнению голландского геолога Б. Крейлена, категоричное утверждение преждевременно, ведь железные руды Халкиды, как и Эльбы, гематитовые, и различить их можно только путем анализа микропримесей, который не был произведен [57].

В 1969—1970 гг. в Меццави на о-ве Питекуссы был открыт целый квартал, состоящий из четырех домов, жители которого занимались обработкой железа, бронзы и свинца в период с середины VIII по начало VII в. до н.э. Помимо находок железных криц, шлаков, фрагментов бронзовых пластин, проволоки, бронзового и свинцовых слитков, неоконченной бронзовой фибулы, необходимо отметить находку разновеска в 8,79 г, по весу близкого эвбейскому статеру [58]. Металлообрабатывающая мастер-

---

[53] *Терехова Н. Н., Хомутова Л. С.* Результаты минералогического изучения образцов железных руд и шлаков из раскопок Торика // *Онайко.* Архаический Торик. С. 172 сл.

[54] *Марченко И. Д.* К изучению металлообработки в раннем Пантикапее // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. М., 1978. С. 455. Остатки железоделательной мастерской и фрагменты руды были открыты в 1985 г. на Центральном раскопе. Мастерская относится к концу VI в. до н. э. См. также: *Трейстер М. Ю.* Бронзолитейное ремесло Боспора VI—V вв. до н. э. // Eirene. 1987. V. 24; *Treister M. Ju.* Metalworking of Pantikapaion, Kingdom of Bosporus Capital // Bull. of the Metals Museum. 1987. V. 12.

[55] *Ridgway D.* The Western Greeks: Campanian Coast and Southern Etruria // Archaeology into History. I. Greeks, Celts and Romans. Studies in Venture and Resistance. Totowa, 1973. P. 17 f.

[56] Особенно ярко это мнение высказано А. Снодграссом: «250-мильный морской путь, по которому должна была перевозиться громоздкая, требующая больших расходов руда, еще более ясно, чем 800-мильное путешествие колонистов с родины, показывает, на что были готовы некоторые греки в поисках металлов» (*Snodgrass.* Iron and Early Metallurgy. P. 335).

[57] *Bakhuizen S. C.* Chalcis-in-Euboea, Iron and Chalcidians Abroad. Leiden, 1976 (Chalcidian Studies, III). P. 66. Not. 83.

[58] *Buchner G.* Recent work at Pithekoussa (Ischia), 1965—1971 // Archaeological Reports for 1970—71. № 17. P. 65—67.

ская открыта при раскопках крепости Мецад Хашабъяху, расположенной между Яффой и Ашдодом на побережье Средиземного моря, в которой в последней четверти VII в. до н.э. размещался отряд греческих наемников [59].

Обратимся к находкам из Северного Причерноморья. Интересно, что большинство известных на сегодняшний день остатков металлообрабатывающих мастерских относится здесь к VI в. до н.э. Ранние мастерские и остатки производства открыты на о-ве Березань, Ягорлыцком поселении, в Ольвии и на поселениях ее хоры, в Никонии, Пантикапее, Тирике [60]. Кроме того, на Березани был найден клад с деформированными золотыми изделиями и монетами, вероятно зарытый ювелиром в начале VI в. до н.э.[61] К сожалению, список металлообрабатывающих мастерских в ранних слоях греческих колоний оказался не так уж велик, что, вероятно, отражает реальную картину экономической жизни ранних городов.

Подводя промежуточный итог, отметим, что высказанные многими исследователями предположения о скудости источников металла на территории Греции и их слабой разработанности в эпоху Великой греческой колонизации [62] необоснованны. В то же время материалы об эксплуатации рудников в районах греческой колонизации и наличии в ранних слоях колоний металлообрабатывающих мастерских не столь уж значительны, а для многих регионов вообще отсутствуют. Обрисовав современное состояние исследования горнорудного и металлообрабатывающего ремесла VIII—VI вв. до н.э. в Греции и в районах греческой колонизации, мы можем перейти к рассмотрению различных гипотез о связи колонизационного движения с поиском тех или иных металлов. Для этого необходимо разобрать ситуацию в девяти различных регионах античного мира VIII—VI вв. до н.э.: 1) фокейская колонизация в Западном Причерноморье (Галлия, Иберия); 2) Питекуссы и эвбейская колонизация на Западе; 3) Иллирия и коринфская колонизация; 4) Фазос и колонизация острова паросцами; 5) ионийская колонизация западного побережья Черного моря; 6) Северного Причерноморья; 7) Колхиды; 8) южного берега Черного моря; 9) ранние греческие колонии на Ближнем Востоке.

---

[59] *Согомонов А. Ю.* Греки-наемники на доэллинистическом Леванте (Археологические свидетельства) //Десятая Всесоюзная авторско-читательская конференция ВДИ. М., 1987. С. 27.

[60] *Ольговский С. Я.* Цветная металлообработка в греческих городах Северо-Западного Причерноморья: Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1982; *Шелов Д. Б.* Железоделательное производство в Северном Причерноморье в раннеантичное время // КСИА. 1979. Вып. 159. С. 3—9; *Трейстер М. Ю.* Бронзолитейное ремесло античного Боспора: Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1984; *он же.* Бронзолитейное ремесло Боспора VI—V вв. до н. э.; *Островерхов.* Про чорну металургію...; *он же.* Обробка кольорових металів на античних поселеннях // Археологія. 1981. Вып. 36. С. 26—37; *Фурманська А. І.* Ливарні форми з розкопок Ольвії // АП УРСР. 1958. Т. VII; *Лейпунська Н. О.* Ливарні форми з Ольвії / Археологія. 1984. Вып. 45; *Рубан В. В.* Литейная форма с поселения Козырка XV // СА. 1979. № 3; *Лапин В. В.* Греческая колонизация Северного Причерноморья. Киев, 1966. С. 160; *Доманский Я. В.* Работы Березанской экспедиции // АО — 1983. М., 1985. С. 272; *Марченко К. К., Доманский Я. В.* Комплекс вещественных находок на античном поселении Старая Богдановка // АСбГЭ. 1983. Вып. 24. С. 69. Табл. 10. 7.

[61] *Карышковский П. О., Лапин В. В.* Денежно-вещевой клад эпохи греческой колонизации, найденный на Березани в 1975 г. // Цхалтубо-I. С. 105.

[62] *Coldstream J. N.* Geometric Creece. L., 1979. P. 19; CAH². 1982. V. III. Pt 3. P. 426; *Roebuck.* Op. cit. Вместе с тем имеются и противоположные точки зрения. Так, Дж. Вальдбаум на основе тщательного анализа материалов, относящихся к 1200—900 гг. до н. э., пришла к выводу, что в эпоху раннего железного века Греция могла обеспечить себя собственными запасами металлов, за исключением олова (From Bronze to Iron. Göteborg, 1978).

Неоднократно высказывались предположения о том, что одной из причин греческой колонизации на Западе были поиски различных металлов, прежде всего серебра и олова, которыми так богата Иберия [63]. В настоящее время эта точка зрения является господствующей [64]. Исследователи единодушно признают, что немногочисленные ранние греческие изделия (аттическая и коринфская керамика конца VIII — начала VII в. до н.э.), найденные на территории южной части Иберийского полуострова, были привезены сюда финикийцами [65]. Считается, что и первые сведения о Тартессе были получены в Греции от финикийцев; в этой связи чрезвычайно важно сообщение Диодора о том, что они привезли испанское серебро в Элладу, Азию и другим народам (V.35.3). Новая волна греческого (преимущественно восточногреческого) импорта началась с конца VII в. до н.э. Одни историки относят ее к деятельности фокейцев (например, Б. Шефтон, Ю. Б. Циркин), другие считают, что и в эту эпоху греческий импорт поступал через посредство финикийцев (Ж.-П. Морель, Х. Альвар и др.).

Ю. Б. Циркин полагает, что фокейцы не только поддерживали связи с Тартессом, но и имели свои поселения на тартессийской территории, признавая незначительную интенсивность контактов, которые были прерваны политическими событиями рубежа VI—V вв. до н.э. с распадом Тартессийской державы и взятием ее остатков под контроль Карфагена. По мнению некоторых исследователей, непосредственные греко-тартессийские контакты осуществлялись со второй половины VII в. до н.э., а в первой половине VI в. на территории Тартессиды была основана фокейская колония Майнака. Заметим, однако, что Х.-Г. Нимейер недавно предположил, что остатки Тосканоса на юге Иберии и есть упоминаемая античными авторами Майнака, которая на деле не являлась фокейской колонией и была заброшена с середины VI в. до н.э. и вплоть до раннеимператорской эпохи. Кроме того, В. Рёллигом и Б. Тройман высказано предположение о семитском корне названия Майнака [66]. Несомненно влияние финикийцев и на железоделательное ремесло Тосканоса. Чрезвычайно показательна такая деталь: при раскопках Тосканоса были найдены многочисленные фрагменты и целые сопла с двумя отверстиями, точно такие же находки были сделаны на поселении Серро Саломон в

---

[63] *Cary M.* The Sources of Silver for the Greek World // Mélanges Glötz. P., 1932. V. I. P. 136—138; *Roebuck.* Op. cit. P. 94, 99; *Jeffery.* Op. cit. P. 227; *Murray.* Op. cit. P. 106. Эту точку зрения традиционно отстаивали испанские историки. Не изменилась она и по сей день. См. доклады Х. Альвара и Х. Бласкеса на IV симпозиуме в Цхалтубо. Солидарны с ними и советские исследователи (Ю. Б. Циркин, В. И. Козловская).

[64] *Romera R. O.* La cerámica Griega en el sur de la Peninsula Ibérica. La aportación de Huelva // I Focei dall'Anatolia all'Oceano (La Parola del Passato, fasc. CCIV—CCVII). Napoli, 1982. P. 403; *Garrido J. P., Orta E. M.* Las cerámicas griegas de Huelva. Un informe preliminar // Ibid. P. 410—416; *Morel J.-P.* Les Phocéens d'Occident; Nouvelles données, nouvelles approches // Ibid. P. 495 suiv.; Historia de Espana. T. I. Introducion. Primeras culturas e Hispania Romana (por M. Tunon de Lara, M. Tarradell J. Mangas). Barcelona, 1983. P. 111—116.

[65] *Shefton B. B.* Greeks and Greek Imports in the South of the Iberian Peninsula. The Archaeological Evidence // Phönizier in Westen. Die Beiträge des Internationale Symposiums über «Die phönizische Expansion im westlichen Mittelmeeraum». DAI Madrider Beiträge. Bd 8. Mainz, 1982. P. 338 f; *Циркин Ю. Б.* Греки и Тартесс // Западное Средиземноморье в первом тысячелетии до н. э. Л., 1984. С. 41.

[66] *Niemeyer H.-G.* Auf der Suche nach Mainake. Der Konflikt zwischen literarischer und archäeologischer Überlieferung // Historia. 1980. Bd 25. S. 165 ff.; *idem.* Die phönizische Niederlassung Toscanos: eine Zwischenbilanz // Phönizier im Westen. S. 369 f.

Уэльве, в Карфагене, а также в слое VII в. до н.э. в Лакко Амено на о-ве Искья [67].

Очевидная слабость построений исследователей, отстаивающих гипотезу о непосредственных греко-тартессийских контактах, заключается в том, что Ю. Б. Циркин не исключает, что и греческий импорт VI в. до н.э. на территорию Тартессиды поступал через посредство финикийцев, относя к изделиям, переданным тартессийцам непосредственно греками, небольшую фокейскую электровую монету первой половины VI в. до н.э. и медное кольцо с греческой надписью [68]. Приветствуя абсолютно оправданную осторожность исследователя, мы тем не менее не можем не задаваться вопросом, что же отдавали фокейцы взамен бесчисленных транспортов со слитками?

Как соотносятся данные письменных и археологических источников с результатами археометаллургических исследований? На территории юга Иберийского полуострова в VIII—VI вв. до н.э. разрабатывались медные и серебряные рудники, металл которых, возможно, приобретали финикийцы. Были ли греки заинтересованы в получении указанных металлов? Во всяком случае, Колей с Самоса около 638 г. до н.э., как сообщает Геродот (IV.152), вывез из Иберии груз серебра, однако это плавание относилось еще к доколонизационному периоду и, вероятнее всего, было событием чрезвычайным; вряд ли основанные греками через полстолетия колонии на крайнем Западе были результатом плавания Колея.

Предполагается, что серебро поступало в Грецию из Иберии лишь до середины VI в. до н.э., поскольку после битвы при Алалии около 540 г. до н.э. карфагеняне и этруски практически закрыли Западное Средиземноморье для греческой торговли [69]. Заметим, впрочем, что на объеме чеканки греческих городов это событие не отразилось, а резкое увеличение монетной чеканки серебра в Афинах, Коринфе и на о-ве Эгина произошло незадолго до этого, примерно в 560 г. до н.э.[70] Результаты анализов на изотопы свинца монет середины VI— начала V в. до н.э. из Асьютского клада не дали неожиданных результатов. Анализы лишь трех монет из 112 дают некоторую возможность предполагать, что металл, из которого они чеканены, происходит из рудников Лос-Линарес или Рио-Тинто [71]. Для решения вопроса о ввозе иберийского серебра в Грецию следовало бы проанализировать материалы первой половины VI в. до н.э. Нуждается в аналитической проверке и высказанная Т. Данбабиным гипотеза об использовании иберийского серебра в чеканке городов Гимера и Селинунт в Сицилии. Исследователь не дает ответа на вопрос о том, как распространялось серебро из Испании дальше, предполагая, что большую часть греческих городов снабжал серебром Коринф. Тот факт, что и после 540 г. до н.э. чеканка Гимеры оставалась обильной, Т. Данбабин объясняет тем, что серебро из Испании могло поступать через посредство карфагенян [72].

---

[67] *Idem.* // Phönizier im Westen. S. 200—201. Abb. 6; *idem.* «Phönizische» Blasebalgdusen? Die Funde im spanischen Toscanos im zeitgenössischen Vergleich // Der Anschnitt. 1983. Jg 35. S. 50 ff.

[68] *Циркин.* Ук. соч. С. 49.

[69] *Gale et al.* Mineralogical and Geographical Sources. P. 12, 43; *Cary.* Op. cit. P. 137.

[70] *Gale et al.* Mineralogical and Geographical Sources. P. 43.

[71] Ibid. P. 46—49.

[72] *Dunbabin T.* The Western Greeks. Oxf., 1948. P. 248, 301.

Широко распространено мнение о доставке фокейцами олова из Иберии в Ионию [73]. Предполагается, что греки до Пифея не доплывали непосредственно к «оловянным островам», а обменивали олово в Тартессе на продукты своего сельского хозяйства и ремесла [74]; существует и мнение, что фокейцы основали свою колонию Массалию около 600 г. до н.э., чтобы получить более непосредственный доступ к атлантическим источникам олова [75]. Торговлю оловом через Францию по рекам Сене, Роне и Соне считают вероятной многие исследователи [76], однако это был, по мнению П. Уэлса, несомненно не единственный товар и, судя по всему, не главный: торговля оловом не может объяснить наличие вначале этрусского, а затем греческого импорта на широкий территории в Галлии [77]. Высказывалось также предположение, что торговый путь, проходивший через территорию Франции и Швейцарии [78], функционировал после того, как греки утратили господство на море после битвы при Алалии, о чем говорят и датировки перевалочных пунктов, которые были заселены около 540 г. и покинуты около 480 г. до н.э. практически одновременно [79]. Не решен окончательно вопрос, из каких месторождений Северо-Западной Европы поступало олово в Эгейский бассейн, хотя многие исследователи предполагают, что в VIII—VI вв. до н.э. разрабатывались рудники Корнуэлла, где олово выплавлялось еще в начале II тыс. до н.э.[80] Вместе с тем следы разработок рассматриваемого периода неизвестны в Корнуэлле. По мнению специалиста в области металлургии Британии Дж. П. Нортховера, в VIII—VI вв. до н.э. основным поставщиком олова являлась Бретань, а олово из Корнуэлла начали ввозить на континент лишь в III в. до н.э.[81] Гипотеза, высказанная Нортховером, подтверждается исследованиями, посвященными торговым связям между Британскими островами и континентом в эпоху поздней бронзы и раннего же-

---

[73] *Roebuck.* Op. cit. P. 94—100; *Muhly.* Copper and Tin. P. 270; *idem.* Sources of Tin. P. 276.

[74] *Muhly.* Copper and Tin. P. 270.

[75] Обзор различных точек зрений см.: *Villard F.* La céramique grecque de Marseille. P., 1960. P 143—161.

[76] Этот «оловянный путь» действовал еще в эпоху бронзы (*Jully J. J.* Le marché du métal en Méditerranée occidentale au premier age du fer: sémites et étrusques // Opuscula romana. 1968. V. VI. P. 55 suiv.). По нему проникали во Францию и этрусские товары. См.: *Morel J.-P.* Le commerce étrusque en France, en Espagne et en Afrique // L'Etruria Mineraria. Atti del XII Convegno di studi etruschi e italici. Firenze, 1981. P. 489 ff. P. 464. Fig. 1; *Boucher S.* Importations étrusques en Gaule à la fin du VIIe siècle avant J.-C. // Gallia. 1970. T. 28. № 1; *eadem.* Recherches sur les bronzes figurés de Gaule Pré-Romaine et Romaine. P., 1976 (BEFAR. Fasc. 228). P. 15—17, 347. Fig. 1. См. также: *Циркин Ю. Б.* «Оловянный путь» и северная торговля Массалии // ВДИ. 1968. № 3. С. 96—104. Ю. Б. Циркин считает, что по родано-секванскому и родано-рейнскому путям олово в VI в. до н. э. доставлялось в Массалию.

[77] *Wells P. S.* West-Central Europe and Mediterranean // Expedition. 1979. V. 21. № 4. P. 21; CAH[2]. 1982. V. III. Pt 3. P. 141.

[78] Недавно опубликованные найденные в Швейцарии оловянные украшения XI—X вв. до н. э., как предполагают, выплавлены из тосканского металла. См.: *Primas M.* Bronzezeitlicher Schmuck aus Zinn // Helvetia archaeologia. 1984. V. 15. № 57—60. S. 33—42.

[79] *Шваб Х.* От Корнуэлла до Коринфа. Существовал ли в Европе 2500 лет назад «оловянный путь»? // Курьер ЮНЕСКО. 1984. № 7.

[80] *Muhly.* Copper and Tin. P. 270; *idem.* Sources of Tin. P. 287—290; IAMS Newsletter, Jan. 1983. № 4. P. 1. Высказанное недавно предположение о древних разработках олова на о-ве Сардиния нуждается в проверке. См. *Lo Schiavo F., Maddin R., Muhly J. D., Stech T.* Preliminary report on Ancient Metallurgy in Sardinia. 1984 // AJA. 1985. V. 89. № 2. P. 318.

[81] Благодарю Дж. П. Нортховера (Оксфордский университет) за любезное сообщение в письме от 28.VII.1985 г.

лезного века [82]. Ж. Рамэн, посвятивший специальное исследование проблеме источников олова, также считает, что месторождения Корнуэлла и Иберии следует исключить, и отождествляет Касситериды с островами, расположенными в устьях Луары и Киберона [83]. Древние разработки в провинции Пуату известны в районе устьев Луары. Археологические данные говорят об их эксплуатации с конца эпохи поздней бронзы до римского времени. В обнаруженных на территории провинции бронзовых слитках эпохи поздней бронзы среднее содержание олова составляет 10% [84]. Средние концентрации олова в изделиях эпохи конца бронзового века, найденных в кладе на территории провинции Дё-Севр, составляют 11,2%, в бронзах гальштатского времени из Пикардии — около 12,5% [85]. В то же время в эпоху поздней бронзы в Бретани топоры отливались, как правило, из свинцово-оловянистой бронзы при средних концентрациях олова около 6,1% [86].

До недавнего времени древнейшие известные слитки олова относились к римскому времени. В 1983—1984 гг. у южного побережья Турции, недалеко от Каша, к западу от мыса Гелидонья, были обнаружены остатки корабля XIV в. до н.э. с 84 медными и оловянными слитками [87]. Еще ранее находки слитков металлического олова со знаками кипро-минойского слогового письма XVI—XI вв. до н.э. были обнаружены в порту Хайфы [88]. В конце 70-х годов там же было обнаружено еще множество оловянных слитков [89]. Все слитки, вероятнее всего, происходят из одного источника — с затонувшего корабля. Как отмечает Б. Ротенберг, так называемые «кипро-минойские знаки», вырезанные на слитках, были известны не только во II тыс. до н.э., но и позднее, в том числе в Иберии вплоть до VII—VI вв. до н.э. По предварительным предположениям, и медные и оловянные слитки, найденные в Хайфе, были погружены на корабль в Испании приблизительно в 700—600 гг. до н.э. Б. Ротенберг и А. Бланко-Фрейхеро считают, что оловянные слитки могли быть доставлены на корабле из Тартесса, замечая при этом, что олово, которым торговали тартессийцы, происходило не из Юго-Западной Иберии, а должно было доставляться из богатого оловом североатлантического региона [90]. В то же время в печати сообщалось, что первоначальные исследования слитков, проведенные в исследовательской лаборатории

[82] *O'Connor B.* Cross-Channel Relations in the Later Bronze Age // BAR. Intern. Ser. 91. 1980. Pt 1. P. 300.

[83] *Ramin J.* Le problème des Cassitérides et les sources de l'étain occidental depuis les temps protohistoriques jusq'au début de notre ère. P., 1965. P. 103—113.

[84] *Patreau J.-P.* Quelques aspects de la métallurgie en Poitou aux Ages de Cuivre et du Bronze // Paleométallurgie de la France atlantique. Age du Bronze. I. Rennes, 1984. P. 101, 125—127. Fig. 1.

[85] *Bourhis J., Patreau J.-P.* Analyses des bronzes du dépôt de Trion; *Bourhis J.* Analyses des cuivres et bronzes de Picardie et du Nord de la France // Paleométallurgie de la France. P. 137, 42.

[86] *Briard J., Bourhis J.* La paleométallurgie du Nord-Ouest de la France. Spectrographie des bronzes // Paleométallurgie de la France. P. 59. Все результаты анализов статистически обработаны автором данной работы.

[87] *Mellink M. J.* Archaeology in Asia Minor // AJA. 1984. V. 88. № 4. P. 450; *Pulak C., Frey D. A.* The Search for a Bronze Age Shipwreck // Archaeology. 1985. V. 38. № 4. P. 18—24.

[88] *Maddin R. et al.* Tin in the Ancient Near East: Old Questions and New Finds // Expedition. 1977. V. 19. № 2. P. 45—47; *Muhly.* New Evidence for Source of and Trade in Bronze Age Tin // The Search for Ancient Tin. P. 45—57.

[89] Как выяснилось, за последние годы рыбаки подняли со дна моря около семи тонн (!) слитков и большинство их было сдано в металлолом (IAMS Newsletter. 1980. № 1. P. 1; 1981. № 2. P. 4).

[90] *Rothenberg, Blanco-Freijero.* Op. cit. P. 182. Not. 211.

Британского музея, дали возможность предположить, что олово, вероятно, происходит из Испании, тогда как медь — с Кипра или из Анатолии. Ожидалось, что анализ на изотопы свинца в Оксфордском университете поможет прояснить картину [91], однако недавно Б. Ротенберг сообщил нам, что в слитках из Хайфы отсутствуют микропримеси свинца, поэтому анализ на изотопы свинца невозможен [92].

Ответ на вопрос о связи процесса колонизации с поиском олова чрезвычайно сложен. Если проанализировать статистически обработанные данные по результатам анализов бронзовых изделий Греции с эпохи бронзы по классическое время, то резких скачков в повышении содержания олова в VIII—VI вв. до н.э. мы не заметим. Нами обработаны результаты анализов, проведенных в исследовательской лаборатории Британского музея и опубликованных П. Т. Крэддоком [93]. Безусловно, обработанные данные не совершенны, поскольку для разных периодов исследовались не всегда одинаковые категории изделий, а количество проведенных анализов неравномерно распределяется по хронологическим периодам. Кроме того, в работе П. Т. Крэддока бронзовые изделия не рассматриваются по регионам, где они были найдены. Таким образом, статистически обработанные данные представляют более или менее «усредненную» картину развития бронзолитейного ремесла Греции.

В изделиях позднего бронзового века (статуэтки, 22 анализа) содержание олова [94] колеблется от 5,6 до 15,8% составляя в среднем 7,4%. Примерно такая же картина сохраняется и в геометрический период (статуэтки и декоративные бронзы, 160 анализов). Для бронз архаического периода отмечается определенное повышение процентного содержания олова в сплавах примерно до 8,0% (статуэтки — 7,4%, декоративные бронзы — 8,9%, зеркала — 9,9%, сосуды — 8,5%, 105 анализов), т. е. в пересчете на металлическое олово его употребление увеличилось лишь на 8%. До 8,5% в среднем поднялась концентрация олова в бронзах классического периода (статуэтки, зеркала, сосуды, 86 анализов).

Более информативны результаты анализов бронзовых изделий Греции, Востока и ориентализирующих бронз, проведенных недавно в связи с исследованием К. Ролле и группы греческих ученых. Проанализированы бронзовые треножники четырех типов, датирующиеся периодом конца IX — второй половины VIII в. до н.э. Из 20 анализов изделий, относящихся к концу IX — середине VIII в. до н.э., лишь в 11 случаях (55%) зарегистрировано использование олова в количестве более 1%, что дает возможность предполагать искусственное легирование, при этом среднее содержание олова составляет около 2,8%. Положение изменилось во второй половине VIII в. до н.э. Из 16 анализов в 13 случаях (около 81%) зафиксировано содержание олова, превышающее 1%, а среднее содержание олова в сплавах составляет 4,5%. Таким образом, по сравнению с периодом конца IX — первой половины VIII в. до н.э. во второй половине VIII в. использование олова для легирования греческих бронзовых треножников возросло на 60%. Что касается однотипных греческих и

[91] IAMS Newsletter, 1981. № 2. P. 4; *Galili E.* Metal from the Depths of the Sea // IAMS Newsletter. 1987. № 9. P. 5.

[92] Письмо Б. Ротенберга от 20.I.1986 г.

[93] *Craddock P. T.* The Composition of the Copper Alloys used by the Greek, Etruscan and Roman Civilisations // JAS. 1976. V. 3. P. 93—113; 1977. V. 4. P. 103—123.

[94] Рассматриваются только искусственные примеси олова. Границу искусственного ввода олова условно считаем равной концентрации в 1%. См. *Трейстер М. Ю.* Результаты спектральных анализов бронзовых украшений из Горгиппии // КСИА. 1983. Вып. 174.

ориентализирующих бронз — котлов с протомами и подставок, то среднее содержание олова в них значительно выше, чем в треножниках, соответственно 8,45 и 8,87% [95].

Для сравнения заметим, что анализ бронзовых изделий из раскопок городища Техада в Иберии, относящихся к эпохе раннего железного века, показал, что они содержат в среднем около 7% олова, при том, что в эпоху поздней бронзы концентрации олова в сплавах были выше, составляя около 9%. Таким образом, по содержанию олова иберийские бронзы вполне соответствуют одновременному материалу из Сардинии, Италии (включая Этрурию), Греции, Нимруда [96]. Статистическая обработка 169 результатов анализов этрусских бронз VII—VI вв. до н.э., проведенных П. Т. Крэддоком [97], показала, что в бронзах Этрурии этого времени содержится в среднем 7,85% олова (в том числе 7,5% — в декоративных бронзах, 8,25% — в статуэтках, 7,45% — в посуде).

Итак, бронзолитейщики Греции архаической эпохи использовали примерно столько же олова, сколько их коллеги в Этрурии или в Иберии. Анализы отмечают определенное увеличение использования олова для легирования бронз в архаическую эпоху по сравнению с предшествующим временем, а для некоторых категорий греческих бронз, таких, как треножники, значительное увеличение содержания олова падает на вторую половину VIII в. до н.э., т. е. по времени совпадает с началом колонизационного движения на Западе.

По мнению К. Ролле и группы греческих ученых, проблема с использованием олова ясна. Восточные бронзолитейщики применяли легирование бронз высокими концентрациями олова еще до середины VIII в. до н.э. (в отличие от греческих мастеров). Не давая ответ на вопрос об источниках олова, исследователи ставят проблему «экспорта технологии». По их предположению, в рассматриваемый период происходило не просто заимствование форм и мотивов восточного искусства греческими мастерами, а в Греции работали бронзолитейщики, выходцы из Северной Сирии, которые сохраняли связи со своей родиной [98].

Вопрос об источниках олова пока остается открытым. Если дополнительные исследования подтвердят иберийское или североатлантическое

[95] *Rolley C. et al.* Bronzes grecs et orientaux: influence et apprentissages // BCH. 1983. V. CVII. P. 118, 131. В одной из публикаций анализов ориентализирующих бронз, в том числе протом грифонов, найденных в Этрурии, отмечается высокое (10—40%) содержание олова в сплавах (*Vlad Borelli L., Ronchi M., Miccio M.* Analisi comparative su alcuni bronzi orientalizzanti // SE. 1979. V. 47. P. 237—262), однако, как нам любезно сообщил П. Крэддок (письмо от 23.V.1983 г.), эти результаты не могут считаться достоверными, так как содержание олова определяли вычитанием концентраций меди в сплаве из 100%.

[96] *Craddock P. T.* The Composition of the non-ferreus Metals from Tejada // *Rotenberg, Blanco-Frijero.* Op. cit. P. 279; *idem.* The Composition of Iberian Bronze Age Metalwork in the British Museum // Aspects of Early Metallurgy. Ed. by W. A. Oddy. L., 1980. P. 61 f; *Giumlia-Mair A.* Die phönizischen Kupferlegierungsobjekte aus Morro de Mezquitilla im Vergleich mit Gebrauchsgegenständen anderer Mittelmeerkulturen — Zusammensetzung und Verarbeitung // 9. Internationale Tagung über antike Bronzen. Wien, 21—25 April 1986. Kurzfassung der Referate. S. 30.

[97] Результаты анализов были нам любезно предоставлены П. Т. Крэддоком (исследовательская лаборатория Британского музея).

[98] *Rolley et al.* Op. cit. P. 127, 130; *Rolley Cl.* La métallurgie du bronze au début du Ier Millénaire: Gréce et Orient // RA. 1984. Fasc. 1. P. 178; *idem.* Les bronzes grecs: recherches récentes // RA. 1984. Fasc. 2. Впервые гипотеза о том, что в Эгеиде работали постоянно жившие там ремесленники-металлисты, была высказана Т. Данбабиным (The Greeks and their Eastern Neighbours // JHS. 1957. Suppl. 8). Эту точку зрения разделяет и Д. Колдстрим (Greeks and Phoenicians in the Aegean // Phönizier im Westen. P. 268, 272).

происхождение слитков олова, найденных у берегов Палестины, а мы примем гипотезу об «экспорте технологии с Востока», подтвержденную исследованием К. Ролле, то получится интересная картина. Восточные мастера работают в Греции, распространяя технологию изготовления оловянистых бронз, а олово поступает из Западного Средиземноморья (Иберии или Бретани), вероятно, на финикийских кораблях. Если эта схема окажется верной, роль греков в доставке олова с Запада и их заинтересованность в нем надо будет признать отнюдь не первостепенными. Возможен, впрочем, и несколько иной вариант — греки получали олово из гор Тавра (см. выше) или с Ближнего Востока, причем в одни центры, такие, как Коринф, оно поступало, тогда как в другие нет [99].

Как можно интерпретировать находки, сделанные на о-ве Питекуссы? Д. Клейн, автор первой публикации, предполагает следующее. При раскопках было найдено множество привозной керамики. Что могло вывозиться с острова в обмен на доставляемые товары, как не металлы? Поскольку на о-ве Искья нет залежей руды, можно предположить, что Питекуссы были не металлургическим, а лишь металлообрабатывающим центром, возможно получавшим сырье из Центральной Италии (Популония) или с о-ва Эльба. Автор вслед за Д. Бюхнером считает, что именно возможность обработки металлов, получаемых с близлежащей территории, была главной причиной переселения греков в Италию [100]. Такого же мнения придерживается большинство зарубежных и советских ученых [101]. А. Ретье полагает, что в металлах Этрурии были заинтересованы не только греки, но и финикийцы, а находки финикийских предметов в некрополе Питекусс свидетельствуют о том, что на острове бывали не только финикийские торговцы, но, возможно, и поселенцы [102]. М. Фредериксен показал, что торговля металлами и изделиями из них предшествовала поселению греков в непосредственной близости от Этрурии [103]. В статье, опубликованной в 1975 г., Д. Бюхнер, анализируя золотые украшения из некрополей Этрурии, высказал предположение, что большая их часть, которая ранее приписывалась раннему ориентализирующему стилю Этрурии, была сделана в Питекуссах, а возможно, и позднее — в Кумах. Главными аргументами своей гипотезы Д. Бюхнер считает не находку весовой гирьки и не интерпретацию использования Страбоном слова χρυσία (V.4.9), а частоту встречаемости подобных изделий в Кумах и тот факт, что во второй половине VIII в. до н.э. только в Питекуссах сложилась та особая торгово-экономическая ситуация, в которой могли

[99] *Rolley Cl.* Les Bronzes Grecs. Fribourg — Paris, 1983. P. 14; *Magou E., Philippakis S., Rolley Cl.* Trépieds géométriques de bronze (analyses complémentaires) // BCH. 1986. V. 110. P. 133, 136.

[100] *Klein J.* A Greek Metalworking Quarter. Eighth Century Excavations on Ischia // Expedition. 1972. V. 14. № 2. P. 34—39.

[101] *Coldstream.* Geometric Greece. P. 221—226; *Boardman.* Op. cit. P. 168; *Austin, Vidal-Naquet.* Op. cit. P. 66; *Snodgrass.* The Dark Age of Greece. P. 335, 417; *Murray.* Op. cit. P. 74; *Jeffery.* Op. cit. P. 63; *Muhly.* Copper and Tin. P. 282; *Блаватский, Кошеленко, Кругликова.* Ук. соч. С. 12 сл; *Брашинский И. Б., Щеглов А. Н.* Некоторые проблемы греческой колонизации // Цхалтубо-1. С. 37 сл.; см. также обзор различных точек зрения о причинах основания Питекусс; *Close-Brooks J., Ridgway D.* Veji in the Iron Age // Italy before the Romans. L., 1979. P. 120, 124. Not. 8.

[102] *Rathje A.* Oriental Imports in Etruria in the Eighth and Seventh Centuries B. C.: Their Origin and Implications // Italy before the Romans. P. 179 f.; см. также *Buchner G.* Die Beziehungen zwischen der euböischen Kolonie Pithekoussai auf der Insel Ischia und dem Nordwestsemitischen Mittelmeeraum in der zweiten Hälfte des 8. Jhs. v. Chr // Phönizier im Westen. S. 278—298.

[103] *Frederiksen M.* The Etruscans in Campania // Italy before the Romans. P. 284—286.

быть созданы подобные изделия. При этом автор полагает, что изготовлением золотых украшений занимались эвбейские колонисты, которые в обмен на них получали из Этрурии металлы [104]. В 1979 г. Бюхнер заявил, что после находки амфоры с арамейской надписью в Питекуссах гипотеза, высказанная им ранее, получила более солидное обоснование [105].

Специальное исследование древних разработок железной руды на о-ве Эвбея и причин халкидской колонизации на Западе предпринял К. Бакхёйзен, так же как и остальные специалисты признающий ввоз сырья на о-в Искья [106]. Вопрос состоит в том, откуда привозили железо. Ведь если исходить из заключения Б. Крейлена (см. выше), нельзя исключать и метрополию в качестве источника сырья для ремесленного производства ее колонии, Питекусс. Суть концепции К. Бакхёйзена заключается в том, что причины древнейшей греческой колонизации на Западе заключались в экспорте, а не импорте, что халкидяне прибыли как опытные ремесленники в районы, в определенном отношении технологически неразвитые [107]. Выражаясь современным языком, это был «экспорт технологии» на основе «ноу-хау» из Центральной Эвбеи [108]. Анализируя точки зрения Т. Данбабина и Д. Бордмана, Бакхёйзен справедливо замечает, что наряду с вывозом меди и олова с запада на восток мог иметь место вывоз железа или технологии его обработки с востока на запад и гипотеза о «греческих кузнецах-эмигрантах» должна быть учтена наряду с гипотезой о «греках, искавших металл» [109]. Как резонно отметил А. Грэйэм, сам факт находки в Питекуссах куска железной руды, возможно происходящего с Эльбы, еще не говорит о том, что эвбейцы основали колонии в Кампании, чтобы добывать железо или медь. В то же время доступность металлов могла быть дополнительной причиной при выборе колонистами удобного в других отношениях места [110]. Наблюдения Г. Уордена свидетельствуют в пользу того же [111].

Еще в 30-е годы Р. Бомоном была выдвинута гипотеза о том, что Коринф стремился контролировать путь, по которому поступало серебро из месторождений Иллирии. Среди аргументов называлось практическое отсутствие свидетельств активности Коринфа во фракийской зоне добычи серебра и данных о том, что Коринф получал серебро из Испании. Возможность обеспечения Коринфа серебром из рудников Сифноса исклю-

---

[104] *Buchner*. Early Orientalizing: Aspects of the Euboean Connections // Italy before the Romans. P. 135—138.

[105] *Idem*. Die Beziehungen zwischen euböischen Kolonie. S. 296.

[106] *Bakhuizen*. Op. cit.; *Idem*. Iron and Chalcidian Colonization in Italy // Mededelingen van het Nederlands Instituut te Rome. 1975. Deel 37. P. 15—26; *idem*. Le nom de Chalcis et la colonisation Chalcidienne // Cahiers du Centre Jean Berard. Naples. 1981. V. VI. P. 163—174.

[107] Показателен проведенный А. Снодграссом анализ материалов из могильников Италии. Так, в некрополе города Вейи неожиданное увеличение количества железных предметов приходится на 800—760 гг. до н. э. В Этрурии несколько позднее, чем в других областях Италии, было воспринято железо. В этом контексте А. Снодграсс ставит вопрос о том, что греки своим интересом к металлу стимулировали развитие этого процесса, что доказывают находки греческой керамики в Вейях (*Snodgrass*. Iron and Early Metallurgy. P. 362).

[108] *Bakhuizen*. Chalcis-in-Euboea. P. 65—67.

[109] *Dunbabin*. The Western Greeks. P. 3, 7—8, 254; *Boardman*. Op. cit. P. 177; *Bakhuizen*. Chalcis-in-Euboea. P. 67. Not. 87.

[110] CAH². 1982. V. III. Pt 3. P. 103; *Graham*. Patterns. P. 43—45. Относительно перевозки железной руды в Греции на большие расстояния см. *Rostoker W*. Iron and Steel in Greece and the Aegean // AJA. 1983. V. 87. №. 2. P. 255.

[111] *Warden*. Op. cit.

чалась [112]. Аналогичной точки зрения придерживались Т. Данбабин и Д. Бордман [113]. А. Грэйэм отмечает, что и сейчас эта гипотеза является господствующей, поскольку в пользу нее есть хорошие теоретические и косвенные аргументы. Не имея точных доказательств, нельзя сказать определенно, являются ли эти предположения верными, однако они не являются и невозможными или неправдоподобными, поскольку Коринф был богатым городом с сильными торговыми и производственными интересами [114], хотя еще в 60-е годы ряд историков, в том числе М. И. Финли, отвергли (по мнению А. Ю. Согомонова, справедливо) гипотезу о торговле серебром в Иллирии и ее монополизации Коринфом, считая ее лишенной всяких оснований [115].

На наш взгляд, решающим свидетельством за или против выдвинутой гипотезы могут быть результаты анализов серебряных монет Коринфа на изотопы свинца. Было исследовано восемь таких монет из Асьютского клада. Исследования показали, что одна из монет была чеканена из сифносского серебра, пять — из серебра Лавриона и две — из серебра третьего, пока не локализованного источника [116].

Главной причиной греческой колонизации Фазоса, как считает ряд исследователей, были его золотые рудники [117]. Однако не будем забывать, что рудники, открытые на акрополе города, разрабатывались, по археологическим данным, с конца VI в. до н.э., датировка же так называемых «финикийских» рудников неизвестна, хотя предполагается, что их видел Геродот. Колонизация Фазоса паросцами относится примерно к 680 г. до н. э. (археологическая дата начала колонизации — середина VII в. до н. э.). Судя по археологическим данным, к моменту паросской колонизации на острове проживали фракийцы, которые находились во взаимовыгодных контактах с финикийцами; присутствие последних на острове подтверждается анализом топонимов [118]. Тем не менее, по мнению Р. Хоппера, не похоже, чтобы в такое раннее время, задолго до возникновения чеканки серебра, причиной колонизации были рудники Фазоса [119]. Анализ материалов по истории рудников Странджи также не дает оснований для вывода о связи с поиском металлов колонизации западного побережья Понта. Что касается Северного Причерноморья, то гипотез о связи колонизации с поиском металлов не возникло, несмотря на довольно значительное количество ранних мастерских; некоторые из них ориентировались на местные железные руды Керченско-Таманской области. Можно с определенной долей уверенности считать, что колонисты здесь старались использовать местные источники железной руды и, наконец, что среди них были ремесленники, специалисты по металлообработке. Вероятно, при выводе колоний при прочих условиях учитывались местные сырьевые ресурсы, хотя не следует забывать, что большинство остатков металлообрабатывающего производства в Северном Причерноморье, судя по их датировкам, надо связывать

---

[112] *Beaumont R. L.* Greek Influence in the Adriatic Sea before the Fourth Century B. C. // JHS. 1936. V. 56. P. 181—184.

[113] *Dunbabin.* The Western Greeks. P. 248, 301; *Boardman.* Op. cit. P. 226.

[114] CAH². 1982. V. III. Pt 3. P. 133.

[115] *Согомонов А. Ю.* Великая греческая колонизация в новом освещении «Кембриджской античной истории» // ВДИ. 1984. № 3. С. 165.

[116] *Gale et al.* Mineralogical and Geographical Sources. P. 43, 48 f.

[117] *Jeffery.* Op. cit. P. 181; *Graham A. J.* The Foundation of Thasos // BSA. 1978. № 73. P. 95; *Kalcyk H.* Bergbaugeschichtliche und geologische Notizen zur Insel Thasos / Griechenland // Der Aufschluss. 1983. Jg 34. Ht 2. S. 111 ff.

[118] *Graham.* The Foundation. P. 86 f., 89 f.

[119] *Hopper.* Trade and Industry. P. 38 f.

с деятельностью не первопоселенцев, а второго и даже третьего поколения колонистов [120].

Особое место в рассмотрении проблемы роли металлов в эпоху колонизации занимает анализ ситуации в Колхиде. По мнению ученых, особенности процесса греческой колонизации в этом регионе могут быть объяснены поисками греками металлов, о чем свидетельствует Страбон (1.II.39). Здесь не образовывались полисы с аграрной экономикой. В период, предшествующий колонизации, и во время нее прибрежные зоны Колхиды были покрыты густой сетью местных поселений с развитым ремеслом и сельским хозяйством. На поселениях были найдены остатки многочисленных кузниц IX—VI вв. до н. э. [121] М. П. Инадзе отмечает, что поселения конца VII — первой половины VI в. до н. э., возникшие, по ее мнению, в результате ионийской колонизации в юго-западных регионах Колхиды, являлись по существу торговыми факториями, благодаря которым милетяне значительно расширили свои источники добычи металла, особенно железа [122]. Новейшие открытия показывают, что во всяком случае уже с VII в. до н. э. в Западной Грузии наступает период широкого освоения железа и с этого времени железоделательное производство в Колхиде носит глобальный характер [123]. Однако можно ли считать поиски железа или даже золота в Колхиде одной из причин греческой колонизации в этом регионе? Ведь само по себе наличие развитого местного производства еще не доказывает этого. Вряд ли следует принимать аргумент, выдвинутый Т. К. Микеладзе и О. Д. Лордкипанидзе, о том, что жители греческих факторий в колхских городах, по всей вероятности, были купцами, а не ремесленниками. На это, по мнению исследователей, указывает тот факт, что со времени первого появления греческой продукции, т. е. с VI в. до н. э. до середины IV в. до н. э., не обнаружено ни одного образца греческих изделий, изготовленных на месте [124].

О том, что железо к VI в. до н. э. было достаточно распространено в Греции, чтобы его не вывозить из Колхиды, мы уже писали. Попробуем подробнее осветить ситуацию с источниками золота для рассматриваемого периода. Наряду с золотыми рудниками Фазоса исследователи не без оснований считают главным источником золота Лидию. По мнению О. Девиса, месторождения Лидии не разрабатывались ранее начала железного века,

[120] Таким образом, совершенно справедлива критика Ф. В. Шеловым-Коведяевым тезиса И. Б. Брашинского и А. Н. Щеглова о том, что запаздывание греческой колонизации на северных берегах Понта объясняется отсутствием здесь месторождений металлов. См. *Брашинский, Щеглов.* Ук. соч. С. 38; ср. *Шелов-Коведяев.* Ук. соч. С. 52.

[121] *Лордкипанидзе О. Д.* К проблеме греческой колонизации Восточного Причерноморья (Колхиды). Тбилиси, 1977. С. 79 сл.; *Хахутайшвили Х. А.* Некоторые вопросы истории древнеколхидской металлургии железа // Цхалтубо-I. С. 338; *Лордкипанидзе Г. А.* О характере греко-колхских взаимоотношений в VI—IV вв. до н.э. // Там же. С. 322; *Lordkipanidze O. D.* The Greco-Roman World and Ancient Georgia (Colchis and Iberia) // Modes de contacts et processus de transformation dans les sociétés anciennes. Actes du colloque de Cortone. Pise-Rome. 1983. P. 126—129; *idem.* Das alte Kolchis und seine Beziehungen zur griechischen Welt vom 6. zum 4. Jh. v. Chr. Konstanz, 1985 (Xenia, Ht 4). S. 29, 35. См. также выступления Я. Боузека и О. Д. Лордкипанидзе на II Цхалтубском симпозиуме (Цхалтубо-II. С. 385, 391). Несколько осторожнее высказывается Д. Бордман (Op. cit. P. 239).

[122] *Инадзе М. П.* Греческая колонизация Восточного Причерноморья. Тбилиси, 1982. С. 224—229.

[123] *Лордкипанидзе О. Д., Микеладзе Т. К.* Колхида в VII—IV вв. до н.э. Доклад на IV Цхалтубском симпозиуме.

[124] *Микеладзе Т. К.* Исследования по истории древнейшего населения Колхиды и Юго-Восточного Причерноморья. Тбилиси, 1974. С. 187; *Лордкипанидзе О. Д.* // Цхалтубо-I. С. 406. Ср. критику этой точки зрения А. И. Болтуновой (Эллинские апойкии и местное население Колхиды // Цхалтубо-I. С. 266 сл.).

К. Рёбак уточняет — ранее VII в. до н. э., хотя существует мнение (С. Пшеворски), что Иония стала потреблять золото Лидии уже во второй половине VIII в. до н. э. [125] Недавно В. Янг предположил, что золото Пактола выплавлялось еще с III тыс. до н. э., однако специальные исследования показали, что вопрос о столь древней выплавке здесь золота пока ставить преждевременно [126]. О золоте, добываемом в р. Пактол, неоднократно писал Геродот (I.69; V. 101), причем последнее сообщение свидетельствует о том, что греки рассматривали Сарды как рынок для приобретения особо крупных количеств драгоценного металла. Недавно опубликованный новый фрагмент Гераклита содержит метафоры, описывающие процесс плавления-очистки «горного золота». Уместно будет вспомнить, что Эфес был расположен близко от богатейшего месторождения золота на горе Тмол и ионийцы, судя по терминологии Гераклита, знали процесс выплавки золота в деталях [127]. Так или иначе, древнейшая раскопанная в Сардах в 1968 г. мастерская по выплавке золота относится к 620—550 гг. до н. э. [128], таким образом, к моменту колонизации берегов Колхиды золото выплавлялось в непосредственной близости от ионийских центров.

Следовательно, гипотезу о причинной обусловленности колонизации поиском металлов Колхиды вряд ли можно считать доказанной, особенно если учесть, что греческие города Юго-Восточного Причерноморья археологически не изучены.

В литературе неоднократно высказывалось мнение о том, что причиной ранней колонизации ионийцами, прежде всего милетцами, южного берега Черного моря было стремление выйти на пути, связывающие побережье с металлоносными районами Анатолии [129]. К. Рёбак считает, что Иония практически не имела запасов железной руды и испытывала трудности с их доставкой. С конца VII—VI вв. до н. э. открылись новые источники,— возможно, полагает исследователь, какое-то количество железа привозили фокейцы из Этрурии, а после колонизации южного побережья Понта на Эгейские рынки стала поступать халибская сталь. Хотя древнейшие письменные свидетельства о вывозе халибской стали относятся лишь к первой половине V в. до н. э., когда она уже ценилась выше местных изделий, по мнению К. Рёбака, ее начали вывозить ионийские торговцы начиная с середины VI в. до н. э., и не исключено, что главным образом через Амис [130]. Р. Дрюз доказывает свой тезис близостью и распространенностью месторождений железа и серебра к Трапезунду, считая, что он был основан как эмпорий Синопы коринфянами и другими греками для

[125] *Roebuck*. Op. cit. P. 88; CAH². 1982. V. III. Pt 3. P. 215.

[126] *Waldbaum*. Metalwork. P. 3 f.

[127] *Лебедев А. В.* ΨΗΓΜΑ ΣΥΜΦΥΣΩΜΕΝΟΝ. Новый фрагмент Гераклита (Реконструкция металлургической метафорики в космогонических фрагментах Гераклита) // ВДИ. 1979. № 2. С. 13 сл.

[128] *Waldbaum*. Metalwork. P. 7; *Hanfmann M.*, *Waldbaum J. C.* New Excavations at Sardis and Some Problems in Western Anatolian Archaeology // Near Eastern Archaeology in the 20th Century. N.Y., 1970. P. 307—326; *Hanfmann*. Letters from Sandis. Cambr. Mass., 1972. P. 230; *Ramage A.* Pactolus North // BASOR. 1970. V. 199. P. 16—23; *Goldstein S. M.* The Examination of the Gold Samples from Pactolus North // Ibid. P. 26—28.

[129] *Максимова М. И.* Античные города Юго-Восточного Причерноморья. М.—Л., 1956. С. 35, 69—70; *Boardman*. Op. cit. P. 248; *Jeffery*. Op. cit. P. 210; *Murray*. Op. cit. P. 101. Ссылка Д. Хайнда на работу П. де Йезуса, в которой якобы говорится о поиске металлов как причине колонизации, неверна. См. *Hind J.* Greek and Barbarian Peoples on the Shores of the Black Sea // Archaeological Reports. 1984. № 30. P. 95; ср. *De Jesus P.* Metal Resources in Ancient Anatolia // Anatolian Studies. 1978. V. 28. P. 97—102.

[130] *Roebuck*. Op. cit. P. 101—103.

вывоза металлов. В качестве аналогии Р. Дрюз приводит разобранный нами выше пример с вывозом железной руды с Эльбы на Питекуссы, подкрепляя его ссылкой на Гомера (Od. I. 184). Тем не менее сам автор недоумевает, зачем было грекам ввозить железо и серебро в Эгеиду, где достаточно месторождений и того и другого металла, объясняя ввоз тем, что мы не знаем, какая ситуация с металлами сложилась в середине VIII в. до н. э. При этом Р. Дрюз замечает, что в V в. до н. э. ни Афинский морской союз, ни Персидская держава не выказывали большого интереса к южному берегу Черного моря. Что касается источника греческих знаний о металлах Каппадокии, то, по мнению автора, греки могли узнать о металлах также через урартцев [131]. Точка зрения Р. Дрюза о причинах колонизации южного берега Понта была недавно оспорена Д. Хайндом [132]. Следует отметить, что археологические или археометаллургические подтверждения гипотезы «металлической» колонизации южного побережья Черного моря отсутствуют: сторонники ее выдают возможное за действительное.

Обратимся к ситуации на Ближнем Востоке. По мнению некоторых исследователей, эвбейские торговцы отправлялись в Аль-Мину, чтобы расширить свою торговлю за счет металла, привезенного на побережье из богатых источников внутри страны [133]. А. Ю. Согомонов [134] обращает внимание на то, что идея о вывозе греками с Востока металлов, в первую очередь железа, не получила до сих пор документированного обоснования (заметим, что последние исследования Д. Варуфакиса в какой-то степени опровергли ее, см. выше), считая, что Эвбея и Киклады обладали достаточными запасами железа, меди и благородных металлов для нужд металлургического производства в эпоху раннего железного века (отсутствовало лишь олово, однако не было его и на Ближнем Востоке). Возможно, кикладцев притягивали оловянные рынки Леванта, но это остается пока лишь соблазнительным предположением.

Рассмотрев гипотезы о связи колонизации с поиском металлов, можно констатировать следующее. Географический их диапазон чрезвычайно широк: от Иберии на западе до Палестины, южного и восточного берегов Понта на востоке. Широк и хронологический разброс: от Аль-Мины и Питекусс до колоний VI в. до н. э. Проанализированные гипотезы рассматривают под интересующим нас углом зрения практически все потоки греческого колонизационного движения. Лишь по поводу дорийской колонизации исследователи почти единодушно молчат.

Попробуем рассмотреть, соотносятся ли гипотезы о связи колонизации с поиском металлов с различными моделями колонизации. Три основные модели колонизации были намечены в статье И. Б. Брашинского и А. Н. Щеглова [135]. Анализ гипотез свидетельствует о том, что во всех случаях речь идет о первой или второй моделях (*1.* колонизация районов, занятых компактными группами многочисленного оседлого населения с достаточно высокой социальной организацией общества; *2.* основание колоний на территории развитых древневосточных рабовладельческих го-

[131] *Drewhs R.* The Earliest Greek Settlements on the Black Sea // JHS. 1976. V. 96. P. 26—31.

[132] Доклад Д. Хайнда на IV Цхалтубском симпозиуме.

[133] *Блаватский, Кошеленко, Кругликова.* Ук. соч. С. 12; *Boardman.* Op. cit. P. 42; *Jeffery.* Op. cit. P. 63; *Murray.* Op. cit. P. 73; CAH². 1982. V. III. Pt 3. P. 13.

[134] *Согомонов А. Ю.* Греческая колонизация Леванта: этнические и социокультурные контакты эпохи архаики // ВДИ, 1985. № 1. С. 11. Прим. 20. Ср. точку зрения Кл. Ролле (см. выше).

[135] *Брашинский, Щеглов.* Ук. соч. С. 36 сл.

сударств). Это и понятно, в случае с нестабильным населением или незаселенным районом колонизации, откуда бы могли греческие переселенцы, кроме как из своего собственного опыта, узнать об источниках металлов в осваиваемом районе? Вероятнее всего, именно так обстояло дело, например, в Северном Причерноморье. Кроме того, какими силами бы они смогли разрабатывать месторождения, если учесть, что контингент колонистов был, как правило, весьма немногочисленным?

Обращает на себя внимание мнение А. Грэйэма о причинах колонизации (III том Кембриджской истории). По мнению автора, говоря о причинах колонизации, особенно если ее связывают с такими явлениями, как торговля зерном или металлами, большее, чего обычно достигают,— это более или менее правдоподобные гипотезы. При этом мотивы колонизации часто постулируются, доказательства же (что они были raison d'être колонизации) получают чрезвычайно редко или же вообще их не имеют. Как бы то ни было, мы оказываемся в затруднении, если ищем какое-то однозначное объяснение. По мнению А. Грэйэма, греческие колонии в большинстве своем занимались сельским хозяйством, однако в редкой колонии не имела место торговля: во многих ее роль была важна, а в некоторых — всеобъемлюща [136].

В последнее время все чаще высказывается мнение о том, что греков, основывавших колонии, интересовало прежде всего обеспечение ресурсами сырья (в связи с чем, если бы не боязнь без необходимости «обогащать» терминологию, появилась бы и теория не «торговой», а «сырьевой» колонизации [137]). Анализ полученных благодаря успехам естественных наук и археометаллургии данных, попытка которого предложена здесь, заставляет нас с осторожностью относиться к этой еще не получившей названия теории и в каждом конкретном случае тщательно изучать и интерпретировать факты. Это касается и соображений о связи колонизации с вывозом металлов.

Так, представляется маловероятным говорить о поиске металлов как о причине ранней эвбейской колонизации и колонизации Милетом берегов Черного моря. Даже если мы примем гипотезу Д. Бюхнера о том, что в Питекуссах работали ремесленники, производившие украшения для Этрурии в обмен на сырье, все же это еще не доказывает, что стремление приблизиться к сырьевому богатству Италии явилось причиной основания колонии на о-ве Искья. Преждевременно, на наш взгляд, говорить о причинной зависимости колонизации от поиска металлов и в остальных случаях. В ситуации с фокейской колонизацией на западе несомненно следующее [138]: на территории юга Иберийского полуострова имеются находки греческого импорта, анализ которого с определенной долей вероятности говорит о том, что он мог поступать через посредство греков-фокейцев с последней четверти VII на протяжении всего VI в. до н. э. В это время в рудниках провинции Уэльва добывались медь и серебро, однако античная керамика здесь появляется позднее, тогда как финикийская присутствует в значительных количествах. Есть и другие данные в пользу того, что испанское серебро (если оно и поступало в Грецию) шло через посредство финикийцев. Анализы серебряных монет различных греческих цент-

---

[136] CAH². 1982. V. III. Pt 3. P. 159.

[137] *Виноградов Ю. Г.* Полис в Северном Причерноморье // Античная Греция. М., 1983. Т. I. С. 383.

[138] О первоначальном аграрном характере экономики Эмпорнона см. *Коротких И. М.* Эмпорион и иберийская культура Северо-Востока Пиринейского полуострова. Воронеж. 1979. Деп. 3868. ИНИОН. С. 64.

ров чеканки показали, что в основной массе они отчеканены из серебра Лавриона и Сифноса, которого, вероятно, было достаточно для удовлетворения потребностей греческих полисов. Правда, проанализированные монеты относятся не к первой половине VI в. до н. э. (когда предполагался интенсивный вывоз серебра из Иберии), а к несколько более позднему времени, так что гипотеза о вывозе иберийского серебра все еще требует аналитической проверки. Казалось бы, ответ на этот вопрос могут дать анализы монет Фокеи. Электровая чеканка Фокеи исследована Ф. Боденштедтом. Анализы показывают, что со временем содержание золота в монетах падает, а серебра, наоборот, растет, оставаясь наименьшим в монетах 600—522 гг. до н. э. [139] К сожалению, результаты анализов могут быть интерпретированы двояко — либо металл был получен из руды методом цементации, что позволяет допустить его происхождение из рудников Лидии; либо полученный сплав золота, серебра и меди — искусственный, что заставляет задуматься, почему в VI в. до н. э. в сплаве было наименьшее количество серебра. Таким образом, единственный весомый аргумент сторонников теорий «металлической» колонизации — наличие греческого импорта, однако, как известно, сам факт наличия импорта еще не всегда говорит о торговле [140].

Даже если подтвердится, что бретонское или иберийское олово вывозилось на Восток или олово поступало с Ближнего Востока, из этого отнюдь не следует, что определенно надо связывать, скажем, фокейскую колонизацию или освоение Леванта с поиском металлов, хотя бы потому, что, как показали новейшие исследования, имел место «экспорт технологии» изготовления оловянистых бронз в Грецию с востока, а металл с запада скорее всего перевозился на финикийских кораблях.

Возможны были и другие пути. Привлекает внимание теория К. Бакхёйзена о причинах эвбейской колонизации на Западе, в которой участвовали греческие ремесленники, носители более передовой технологии в районы колонизации. При этом до получения решающих доказательств нельзя исключать и метрополию в качестве источника сырья для ремесленного производства ее колонии.

И в тех случаях, когда в колониях на ранних этапах процветала металлообработка (как, например, в Питекуссах, Пантикапее, на Березани или на Ягорлыцком поселении), поиск металлов не обязательно надо считать причиной основания колоний. Объяснения могут быть различными: и потребность в металлических изделиях, орудиях труда, инструментах при городском строительстве, и необходимость производства оружия в условиях враждебного варварского окружения, и изготовление металлических изделий и украшений на сбыт тем же варварам. Представляется верной точка зрения о том, что при выведении колонии прежде всего учитывалось соответствие выбранного места условиям, необходимым для нормального функционирования переселяющегося коллектива, интересы переселенцев, а не метрополии [141].

Наконец, хотя греки и вывозили металлы, в том числе и через колонии [142], это отнюдь не означает, что колонии основывались для того, что-

[139] *Bodenstedt F.* Phokaisches Elektron Geld von 600—326 v. Chr. Mainz, 1976; *idem.* Die Elektronmünzen von Phokaia und Mytilene. Tübingen, 1981 — Rev.: *Tylecote R. F.*— JHMS, 1978. V. 12. № 1. P. 51; *Stos-Gale Z.* // JHMS. 1982. V. 16. № 2. P. 85 f.

[140] *French D. H.* Myceneans in the Black Sea // Thracia Pontica. I. P. 21.

[141] *Шелов-Коведяев.* Ук. соч. С. 55.

[142] *Snodgrass.* Heavy Freight in Archaic Greece // Trade in the Ancient Economy. L., 1983. P. 22—25; *Austin, Vidal-Naquet.* Op. cit. P. 295; *Varoufakis G.* Materials Testing in Classical Greece // BHMS. 1975. V. 9. № 2. P. 57—63.

бы это делать. Не следует и преувеличивать роль торговли в раннегреческом обществе [143]. В настоящее время многие исследователи сходятся во мнении, что, например, торговля в архаическую эпоху принимала форму обмена подарками (gift exchange),— это объясняет неожиданные на первый взгляд находки керамики [144]. Кроме того, надо учитывать, что на греческую колонизацию помимо таких хорошо известных факторов, как избыточное перенаселение и нехватка земли, мог повлиять целый ряд факторов, с большим трудом поддающихся учету в сохранившихся источниках. В этом отношении интересна работа Д. Мак Кемпа, в которой на археологическом и письменном материале представлена гипотеза о том, что на колонизационное движение конца VIII — начала VII в до н. э. в значительной степени повлияла засуха и последовавшие за ней эпидемии [145]. Таким образом, не следует вообще смешивать и пытаться искать взаимообусловленность таких двух процессов, какими были торговля металлами и колонизационное движение.

К созвучным с нашими выводам пришел недавно М. Элат, анализируя финикийскую колонизацию в Западном Средиземноморье [146]. По его мнению, финикийско-иберийские контакты имеют две стадии, подобно двум периодам в истории Финикии. В первый период, когда Финикия, как и другие государства Сирии и Палестины, была независима от великих держав, финикийские торговцы отправлялись за серебром в Испанию (Diod. V. 20. 1—2; 35. 1—5). М. Элат отмечает, что у финикийцев в первый период не было необходимости покидать свою родину, чтобы поселяться в отдаленных районах Западного Средиземноморья. Рассказ Геродота (IV.196) о том, как карфагеняне обменивали свои товары на золото, наглядно иллюстрирует возможности, которые открывались финикийцам для того, чтобы установить торговые контакты в Западном Средиземноморье и вывозить оттуда необходимые для них металлы без переселения целых общин. Вероятно, именно по этой причине незначительное количество финикийского импорта, относящегося ко времени до второй половины VIII в. до н. э., было найдено в Западном Средиземноморье. Судя по археологическим данным, финикийское колонизационное движение относится ко второму этапу западных контактов, который наступил после того, как Финикия попала под господство Ассирии в 737 г. до н. э., и продолжался на протяжении всего VII в. и первых десятилетий VI в. до н. э. М. Элат считает, что именно политическое и экономическое давление Ассирии и Вавилона на Финикию послужило причиной эмиграции финикийцев и основания ими колоний в Западном Средиземноморье [147]. Таким образом, хотя вывоз металлов предшествовал колонизации, он не был ее причиной.

[143] CAH². 1982. V. III. Pt 3. P. 426; *Finley*. Technical Innovation and Economic Progress in the Ancient World // *idem*. Economy and Society. P. 190; *Hopkins K*. Introduction // Trade in the Ancient Economy. P. X—XIV; *Snodgrass*. Heavy Freight. P. 26.

[144] *Finley M. I*. The World of Odysseus. N. Y. 1954. P. 61 ff.; *idem*. Marriage, Sale and Gift in the Homeric World // *idem*. Economy and Society. P. 235; *Snodgrass*. Archaic Greece. The Age of Experiment. L. 1980. P. 128, 224; *idem*. Heavy Freight. Coldstream. Gift Exchange in the Eighth Century B. C. // The Greek Renaissance. P. 203, 207. М. Финли полагал, что в эту эпоху торговля металлами в греческом мире носила характер частной инициативы (*Finley M. I*. Metals in the Ancient World // JRSA. September. 1970. P. 604).

[145] *Mak Camp II J*. A Drought in the Late Eighth Century B. C. // Hesperia. 1979. V. 48. № 4. P. 397 ff. Критику гипотезы Д. Мак Кемпа см.: *Snodgrass*. Two Demographic Notes // The Greek Renaissance. P. 170 f., а также p. 211 (дискуссия), p. 34. Not. 5. P. 115. Not. 2.

[146] *Elat M*. Tarshish and the Problem of Phoenician Colonisation in the Western Mediterranean // Orientalia Lovaniensia Periodica. 1982. V. 13. P. 55—69.

[147] Ibid. P. 66—68.

Вероятно, подобный процесс был характерен и для греческого общества. О том, что греки отправлялись в далекие края и привозили оттуда металлы в период до колонизации, свидетельствует и рассказ Геродота о плавании Колея (IV.152), и анализ текста «Одиссеи» (I.184). Однако плавание Колея носило, по меткому выражению Ж. Велисаропулоса, полукоммерческий, полупиратский характер [148], а плавание в Темес для обмена железа на медь можно интерпретировать как «обмен подарками» [149].

Насколько нам известно, попытка специального изучения роли металлов в период Великой греческой колонизации предпринята впервые. Уже сейчас не подлежит сомнению весомый вклад археометаллургических исследований в ее разрешение, однако многое еще предстоит сделать. Важную информацию могут еще дать архаические серебряные монеты, но интересно также проанализировать методом анализа на изотопы свинца и серебряные изделия VIII—VI вв. до н. э. Не исчерпаны возможности спектроаналитического исследования бронзовых изделий этого времени из районов колонизации, как греческих, так и местных. Чрезвычайно важно для решения проблемы исследование финикийского металла. Безусловно, эта задача под силу не отдельным ученым, а организованным усилиям специалистов разного профиля в рамках специального проекта «Роль металлов в эпоху Великой греческой колонизации». Над подобными проектами, объединенными в рамках темы «Металл в истории», работает созданный в 1973 г. в Лондоне Институт археометаллургических исследований [150].

[148] *Velissaropoulos J.* Les nauclères Grecs. Genève, Paris, 1980. P. 27.

[149] *Finley.* The World of Odysseus. P. 67; *idem.* Marriage, Sale and Gift. P. 291. Not. 20. О локализации Темеса см. *Muhly.* Copper and Tin. P. 186—188; *Buchholz H.-G.* Tamassos, Zypern, 1970—1972 // AA. 1973. Ht 3. S. 364—366.

[150] См. *Трейстер.* О новых исследованиях Британского института археометаллургии.

LE RÔLE DES MÉTAUX A L'ÉPOQUE DE LA GRANDE COLONISATION GRECQUE

M. Ju. Trejster

Comme on observe, ces dernières décennies, un intérêt croissant des chercheurs soviétiques et étrangers vis-à-vis du rapport entre la colonisation et la recherche de matières premières, y compris de gisements métallifères, l'auteur généralise et analyse les données relatives à l'industrie minière, à la métallurgie et à l'usinage des métaux en Grèce et dans ses colonies aux VIIIe-VIe ss. av. n. è., compte tenu des données les plus récentes de l'archéométallurgie. Ces données permettent d'affirmer qu'à cette époque la Grèce était suffisamment approvisionnée par ses propres réserves de métaux, excepté l'étain qu'elle recevait de Bretagne, d'Ibérie ou du Proche-Orient, sans doute par le truchement de vaisseaux phéniciens. L'auteur examine les hypothèses selon lequelles la colonisation aurait été motivée par la recherche de métaux dans diverses régions du monde antique: Ibérie, Italie, Illyrie, île de Phasos, Région pontique et Proche-Orient; il conclut qu'il ne faut pas chercher de rapport causal entre les deux processus que furent le commerce des métaux et la colonisation. La description par Hérodote (IV. 196) du commerce par troc des Phéniciens montre qu'il était parfaitement possible d'échanger des marchandises contre des métaux et de les exporter sans qu'aucune migration importante ne fût nécessaire. Il est à supposer qu'un tel processus caractérisait aussi le société grecque. Ce qu'Hérodote nous rapporte sur la navigation de Coloeus (IV. 152) et l'analyse *d'Od.* I. 184 attestent que les Grecs ramenaient des métaux de très loin bien avant la colonisation. Ainsi, bien que l'exportation des métaux ait précédé la colonisation, elle n'en fut pas la cause.

А. И. Павловская

ОТРАЖЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ В ЕГИПТЕ В КОНЦЕ III в. В ЧАСТНОЙ ПЕРЕПИСКЕ И ПЕТИЦИЯХ

Последние годы III столетия в Египте были ознаменованы набегами блеммиев (292 г.) и волнениями местного населения в Копте и Бусирисе [1]; особенно крупным было движение, охватившее всю страну и известное в истории как восстание Ахиллеса. Сообщения о нем сохранились у многих древних авторов [2], но в основном они восходят к версиям современников событий — Евтропия (в Breviarium, IX. 22—24) и Евсевия (в Chronicon [3]). Известия о восстании Ахиллеса в литературных источниках очень скудны: сообщается, что оно по времени совпадает с узурпацией Караузия в Британии, восстанием квинквегентианов в Африке и началом войны с Нарсесом. По Евсевию — до этих событий, а по Евтропию — в связи с ними Диоклетиан преобразовал диархию в тетрархию и, отправив в Британию Констанция, в Африку Максимиана, а против персов Галерия, сам двинулся в Египет. Разбив восставших у Пелузия, он осадил Александрию. Однако одержать победу над Ахиллесом удалось только в результате длительной (около 8 месяцев) осады города, после чего Диоклетиан учинил жестокую расправу над восставшими по всему Египту. Затем император провел ряд реформ, которые, по словам Евтропия, сохранили значение до его дней (quae ad nostram aetatem manet — Eutr. IX. 23).

Долгое время эта литературная традиция была единственным источником по истории восстания Ахиллеса, на основании ее делались разные предположения о характере и масштабах восстания и о самом Ахиллесе [4]. Многочисленные находки в конце XIX в. монет, чеканенных в Александрии с легендой IMP. L. DOMITIVS DOMITIANVS AVG, но по времени и характеру чекана близких монетам Диоклетиана и его соправителей, породили гипотезу об Ахиллесе как узурпаторе, принявшем имя Домиция Домициана [5]. Публикация в 1927 г. нескольких папирусов из мичиган-

[1] См. *Johnson A. Ch.* Lucius Domitius Domitianus Augustus // Classical Philology. 1950. 45. P. 13—21; *Lallemand J.* L'administration civile de l'Egypte. Bruxelles. 1964. P. 35.

[2] *Eutrop.* IX. 22—23; *Aur. Vict.* XXXIX. 23; *Hieronim.* Chronicon. P. 225 (R.Helm); *Oros.* VII.25. 4—8; *Johannes Malalas.* Chronographia. XII. 409c—410e; *Theophanes.* Chronographia // PG.CVIII. 67; Epitoma historiarum. XII. 31—32.

[3] «Хроника» Евсевия (= Παντοδαπὴ ἱστορία) дошла в переводе V в. на древнеармянский язык (издана в 1818 г. М. Авгеряном в Венеции; критическое издание — A. Schoene. Bd I—II, 1866—1875) и в переработке Иеронима. См. *Удальцова З. В.* Развитие исторической мысли // Культура Византии. М., 1984. С. 183.

[4] Полный обзор историографии дан в монографии: *Schwartz J.* L. Domitius Domitianus (Etude numismatique et papyrologique). Bruxelles. 1975.

[5] *Sachs H.* Achilleus and Domitianus // ZfN. 1885. 13. S. 239—244.

ской коллекции, содержащей письма из Коптоса некоего Паниска к своей жене [6], в одном из которых упоминался ἐπανορθωτής Ахиллес, позволила папирологам предположить, что эти документы также связаны с восстанием Ахиллеса. И только публикация в 1939 г. каирского папируса из архива Аврелия Исидора [7] дала возможность установить ход событий и создать более правильное представление о социально-политической обстановке в Египте этого времени. Документ представляет собой петицию на имя бенефикиария и декадарха Аврелия Леонтия от Таэсис и Кириллус, дочерей Копреса, из комы Каранис, по поводу присвоенного мачехой отцовского наследства. В петиции указывается, что их жалобу будет рассматривать «светлейший корректор» (διασημότατος ἐπανορθωτής) Аврелий Ахиллес, истицы просят бенефикиария обязать мачеху представить необходимые документы для этого рассмотрения. Петиция датирована 2-м годом Луция Домиция Домициана.

Опубликование этого документа разрешило вопрос о расхождении нумизматических и папирологических данных с литературной традицией, но в то же время породило целый ряд новых вопросов [8]: кто такой Домиций Домициан? Почему в исторической традиции не сохранилось его имени? Какой характер носила его узурпация? Какими годами следует датировать правление Домициана и восстание Ахиллеса?

В ходе последующих исследований было выявлено 15 документов (папирусов и остракa), датированных первым, а в подавляющем большинстве случаев — вторым годом правления Л. Домиция Домициана [9], и более сотни чеканившихся при нем монет (с его именем и портретом) разных типов и достоинств, в том числе тетрадрахмы, датированные вторым годом. Но сами по себе датировки по годам правления Домиция Домициана не дают возможности непосредственно перевести их на наше летосчисление, для этого необходимо сначала согласовать их с годами правления Диоклетиана и его соправителей. Сопоставление папирусов и остракa, содержащих упоминания о Домиции Домициане и Ахиллесе с литературной традицией и с папирусами и остракa, датированными годами правления тетрархов, породило различные гипотезы и концепции.

В. Сестон в результате своего анализа свидетельств древних авторов и папирусов датировал восстание Ахиллеса 296—297 гг. и высказал мнение, что именно Ахиллес играл главную роль в организации восстания, исполняя при Домиции те же функции, которые выполнял Оденат при Аврелиане в Пальмире [10]. Опираясь на эдикт Диоклетиана против манихеев, изданный, по его мнению, в 297 г., Сестон связывает восстание Ахиллеса с

---

[6] *Winter J. G.* The Family Letters of Paniskos // JEA. 1927. 13. P. 59—74 = SB. 7274—7253, re-published in 1936, p. Mich. III. № 214—221.

[7] *Boak A. E. R.* Early byzantine papyri from the Cairo museum, № 21 // Études de papirologie. 1939. 5. P. 85—93, переиздан P. Cair. Isidor. № 62.

[8] См. *Lallemand J.* Lucius Domitius Domitianus // Aegyptus. 1953. XXXIII. Fasc. 1. P. 97—104.

[9] P. Cair. Isidor. 38, 39, 62, 80, 99, 100, 104, 105, 139; P. Thead. 26; P. Mich. III, 220; P. Michaelid. 24. BGU.XI. 2027; O. Mich. 802, 1029. Первым годом правления Домиция Домициана датирован только один документ из архива Исидора (P. Cair. Isidor. 139) — петиция бенефикиарию Аврелию Гордиану, помеченная μεσορὴ ἐπαγομένων, т. е. добавочными днями, вставлявшимися между последним месяцем закончившегося года и 1 *тота* — началом нового, приходившимся на 29 августа по юлианскому календарю. Так как по обычаю в Египте годы правления императоров исчислялись по календарному году, то с 29 августа начинался уже второй год правления Домиция Домициана. Поскольку более ранних, чем этот папирус, не найдено, ученые считают, что восстание Ахиллеса началось незадолго до этой даты.

[10] *Seston W.* Dioclétian et la tétrarchie. P., 1946. P. 136—160.

манихеями и с антиримской дипломатией Нарсеса. Получилась интересная и яркая интерпретация, но недостаточно убедительная. Так, его стремление доказать, чо Паниск принадлежал к секте манихеев, базируется на обычных в начале писем формулах добрых пожеланий с обращением за помощью к богу или богам (типа: «молю богов, чтобы ты был здоров») [11]. Но уже издатель P. Mich. III отметил, что характер почерка и расхождения в написаниях имен жены (в P. Mich. 217 и 220) и дочери (в P. Mich. 220 и в 214, 217, 218) позволяют предположить, что письма были написаны разными профессиональными писцами [12]. Следовательно, стиль писем и стандартные формулы не могут служить бесспорным свидетельством принадлежности Паниска к манихеям, поэтому концепция Сестона не нашла поддержки в последующих исследованиях.

Узловыми вопросами, вокруг которых развернулась дискуссия, стали соотношение во времени документов и монет, содержащих имя узурпатора, с документами и монетами, датированными именами тетрархов, и вытекающая из этого последовательность событий. В зависимости от той или иной интерпретации соотношения документов решаются вопросы о времени восстания, его причинах, размахе и результатах. Предложенные даты начала восстания Ахиллеса колеблются от 294 до 298 г. [13], но после работ Ж. Шварца [14] и Д. Томаса [15] дискутируются лишь две датировки — 296/297 и 297/298 годы. Исследователи сходятся лишь в том, что восстание длилось менее года [16] и что Диоклетиан, одержав первую победу над восставшими у Пелузия, затем с некоторым трудом восстановил свою власть в долине Нила и овладел Александрией. Шварц выдвинул гипотезу [17], что восстание имело два центра — юг Египта и Дельту, Средний Египет лишь на короткий срок оказался в руках восставших. Томас считает восстание исключительно серьезным, по его мнению, оно началось в Фиваиде, затем распространилось на весь Египет и примерно на шесть месяцев эта провинция была потеряна для тетрархии [18].

Расхождения исследователей в оценке причин и результатов восстания по существу сводятся к определению места в цепи источников одного очень важного документа — эдикта префекта Аристия Оптата (P. Cair. Isidor 1), твердо датированного 20-м *фаменота* 13 года правления Диоклетиана, т. е. 16 марта 297 г. Этим эдиктом префект извещал население о произве-

---

[11] Ibid. P. 150.

[12] Papyri in the University of Michigan Collection. V. III. Miscellaneous Papyri / Ed. J. G. Winter. Ann Arbor, 1936. P. 275. Позднее это подтвердил Г. Юти, отметив, что едва ли Паниск умел писать, так как ни в одном из писем нет приписок другим почерком прощальных приветствий, что обычно делали грамотные люди (*Youtie H. C.* Paniskos and his wife's name // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. Bonn, 1976. Bd 21. Ht 3. S. 193—196).] Ф. Фарид, проанализировав форму и содержание писем, также пришел к выводу, что на основании их можно судить лишь о религиозной принадлежности писцов, а не Паниска (*Farid F.* Paniskos: christian or pagan? // Museum philologum londoniense. V. 2. Amsterdam, 1977. P. 109—117).

[13] *Lallemand.* Op. cit. P. 98.

[14] *Schwartz J.* L. Domitius Domitianus (Étude numismatique et papyrologique). Bruxelles, 1975.

[15] *Thomas J. D.* The date of the revolt of L. Domitius Domitianus // ZPE. 1976. 22. S. 253—279.

[16] Большинство исследователей, интерпретируя сообщение Евтропия (IX, 23) Diocletianus obsessum Alexandriae Achilleum octavo fere mense superavit eumque interfecit, считают, что слова «почти 8 месяцев» относятся ко всей длительности войны Диоклетиана с Ахиллесом, а не к осаде Александрии.

[17] *Schwartz J.* Autour du dossier de Paniskos (P. Mich. 214—221 // Aegyptus. 1968. 48. P. 115; *idem.* L. Domitius Domitianus // ZPE. 1977. 25. P. 218.

[18] *Thomas.* Op. cit. P. 277.

денной тетрархами налоговой реформе и о введении новых норм обложения. Одни исследователи, например А. Ч. Джонсон, К. Вандерслейен, Д. Томас и другие, считают, что эдикт и объявленные в нем реформы предшествовали восстанию Ахиллеса и даже послужили одной из причин восстания [19]. Другие, в том числе Ж. Лаллеман, Ж. Шварц и А. Бек и Г. Юти, издавшие эдикт Оптата, видят в нем результат замирения Египта [20].

Учитывая важность документа, рассмотрим его содержание. Вот его текст [21]: «Всепровидящие императоры наши Диоклетиан и Максимиан и славнейшие Цезари Констанций и Максимиан, узнав ... что обложение государственными налогами, случается, происходит так, что одних почти освобождают, других же переобременяют, сочли достойным, чтобы искоренить этот порочный и гибельный порядок ради блага самих жителей эпархии (ὑπὲρ τοῦ συμφέροντος τῶν ἑαυτῶν ἐπαρχειωτῶν), дать спасительный образец (τύπον τε σωτήριον), согласно которому должно облагать налогами. Итак, сколько с каждой аруры в соответствии с качеством земли следует налога и сколько с каждой головы сельских жителей и с какого по какой возраст, пусть будет всем известно из обнародованного божественного эдикта и приложенной к нему инструкции (βρεουίου) копии которых я публично выставил впереди этого моего эдикта. Облагодетельствованные этим в высшей степени ([εὐ]εργετηθέντες οὖν καὶ ἐν τούτῳ τὰ μέγιστα), жители эпархии пусть позаботятся согласно божественным предписаниям (ἀκολούθως τοῖς θειώδος διατυπωθεῖσιν) внести налоги со всей быстротой, никоим образом не дожидаясь принуждения сборщика, ибо подобает, чтобы каждый со всем усердием выполнял долг преданности (τὰ εἰς καθοσίωσιν σύμπαντα προθυμότατα); если же кто-то будет уличен, как действующий по-иному после столь великого благодеяния (букв.: дарования — μετὰ τὴν τοιαύτην δωρεάν), тому будет грозить наказание. Предписывается архонтам и пританам каждого полиса отослать копию божественного эдикта вместе с инструкцией и (копию) этого эдикта в каждую кому или даже местечко, чтобы как можно быстрее дошло до сведения всех великое благодеяние (μεγαλοδωρίαν) императоров наших и цезарей. Напоминается практорам всех видов (налогов), чтобы они старались изо всех сил, кто же будет уличен в пренебрежении, тот рискует головой. Год 13 и 12 и 5 господ наших Диоклетиана и Максимиана Августов, Констанция и Максимиана знатнейших Цезарей, Фаменот 20».

В тексте эдикта, как подчеркнул Томас [22], нет упоминаний о восстании Ахиллеса, что, по мнению Эльберна [23], служит решающим аргументом в пользу того, что эдикт появился до восстания. Но почему в эдикте префекта, сопровождающем копии «божественного эдикта» и бревиария и имеющем целью лишь довести их содержание до всех налогоплательщиков и обязать их немедленно начать выплату налогов, должно присутствовать упоминание о восстании? Логичнее предположить, что об этом должно было говориться в императорском эдикте. Но копия его до нас не дошла, можно лишь предположительно, на основании информативной части со-

[19] *Johnson.* Op. cit. P. 17—21; *Vandersleyen Cl.* Chronologie de préfets d'Egypte de 284 à 395. Bruxelles, 1962. P. 58; *Thomas.* Op. cit. P. 271; см. также введение T. C. Skeat к P. Beatty Panop. P. XI—XII.

[20] *Lallemand.* Lucius Domitius Domitianus. P. 99; *eadem.* L'administration civile de l'Egypte. P. 36; *Schwartz.* L. Domitius Domitianus (Étude ...). P. 66; *Boak A.E.R., Youtie H. Ch.* (*Ed.*) The Archive of Aurelius Isidorus. Ann Arbor, 1960. P. 23.

[21] Папирус впервые был издан А. Беком в 1934 г. (Et. de Papyr. 2. P. 1—8), переиздан в SB.V. 7622 и P. Cair. Isidor 1.

[22] *Thomas.* Op. cit. P. 271.

[23] *Elbern St.* Usurpationen im spätrömischen Reich. Bonn, 1984. S. 156.

хранившегося документа сконструировать некоторые моменты императорских предписаний [24].

Вероятно, в эдикте императоров, так же как и в эдикте Оптата, декларировалось стремление облегчить положение налогоплательщиков и устранить злоупотребления в обложении государственными налогами, обусловленные порочностью самой системы раскладки налогов. Чтобы искоренить эти пороки, императоры вводили новый порядок обложения и установили шкалу, согласно которой следовало исчислять налоги. Очевидно, конкретизация этих основных установок была дана в приложенной к императорскому эдикту инструкции. Новый порядок и нормы обложения императоры предписывали довести до сведения всех жителей провинции, так как именно для их блага они дали этот «спасительный образец». Эдикт императоров, по-видимому, был выдержан в духе филантропических благодеяний, и жители провинции призывались «со всем усердием выполнять долг преданности». В ряду риторических пассажей могло находиться и какое-то глухое упоминание о восстании, но при современном наличии источников это не более чем гипотеза.

Что касается дошедшего до нас эдикта Оптата, то в его содержании и тональности можно, как кажется, найти аргументы в пользу того, что он появился после подавления восстания Ахиллеса [25]. В эдикте префекта предписывается всем жителям эпархии, «облагодетельствованным в высшей степени» «божественными предписаниями» тетрархов, внести налоги возможно быстрее, без принуждения, чтобы доказать свою преданность тетрархии, иное поведение будет расценено как нелояльное и повлечет за собой наказание. Эдикт императоров был издан в *фаменоте* (марте), т. е. в начале второй половины египетского года, незадолго до созревания хлебов — во время, не вполне подходящее для перестройки системы обложения. И поскольку уже приближалось время сбора урожая, префект торопит местные власти как можно быстрее известить каждую кому о новом порядке и нормах налогового обложения. Характерна и угроза сборщикам налогов: уличенные в небрежном исполнении своих обязанностей они рискуют быть подвергнутыми смертной казни.

Едва ли такой тон предписаний префекта соответствовал бы обычной нормальной обстановке в Египте, скорее он свидетельствует об экстраординарных обстоятельствах — о недавнем замирении страны, о необходимости организации быстрого сбора хлебных поставок для обеспечения вывоза зерна из Египта, вероятно, прервавшегося во время восстания и осады Александрии.

Возможность такой интерпретации эдикта позволяет усомниться в бесспорности весьма убедительно выстроенной Д. Томасом цепи хронологических доказательств [26] своей концепции и присоединиться к мнению Ж. Шварца, что вопросы датировки восстания Ахиллеса нельзя решать, не рассматривая проблему в целом [27]. Один из аспектов этой проблемы —

[24] *Boak, Youtie.* Op. cit. P. 24.

[25] Аргументацию Ж. Шварца см. в его книге: L. Domitius Domitianus (Étude...) P. 66 suiv.

[26] В дополнение к аргументам Д. Томаса укажем на P. Thead. 27— датированную 29 *фаофи* 15 г. Диоклетиана (26 октября 298 г.) квитанцию в получении декапротами (полисными магистратами, ведавшими сбором налогов) Геронимом, Афанасием-Филадельфом и Серением (первые два — прежние экзегеты Александрии, третий — прежний гюмнасиарх Арсинополя) от Сакаона и наследников Сатабута из Теадельфии пшеницы в счет урожая 14 года Диоклетиана, т. е. 297/298 г. Те же декапроты и с указанием тех же званий выдали квитанцию, датированную 16 *тота* (=13 сентября) 2 года Домиция Домициана (P. Thead. 26).

[27] *Schwartz.* L. Domitius Domitianus. P. 217 f.

изучение обстановки в комах в период восстания по дошедшим документам и частным письмам.

Большинство документов из Фаюма, датированных годами правления Домиция Домициана свидетельствуют о мирной повседневной деятельности населения. Так, первым днем (1 *тота* = 29 августа) 2-го года правления Домиция Домициана помечен договор на аренду Исидором, сыном Птолемея, из комы Каранис трех участков земли возле комы Керкесухон Агора, принадлежащих Аврелию Зоилу из Арсинополя (P. Cair. Isidor. 99); в октябре того же года Исидор берет в аренду еще один участок земли в Керкесухон Агора, принадлежащий булевту Аврелию Немесину из Арсинополя (p. Cair. Isidor. 100), оба договора заключены на три года. В декабре того же года Памун, сын Филосараписа, из комы Тептюнис заключает договор об аренде участка земли возле своей комы, принадлежащей Аврелию Гераклиду, сыну Максима, вероятно, из Арсинополя (p. Michaelidae, 24). Ноябрем второго года Домициана помечены два соглашения о разделе имущества между наследниками Копреса, сына Птолемея (P. Cair. Isidor. 104 и 105).Сохранились расписки декапротов о получении налоговых поставок зерном от жителей Теадельфии и Каранис [28], поселений, находившихся на противоположных окраинах Фаюмского оазиса. Такого же рода документы содержатся в папирусах, датированных 13—12—5 и 14—13—6 годами правления тетрархов [29], т. е. 296—298 гг., в рамках которых, как считают исследователи, произошло восстание Ахиллеса.

Лишь немногие документы этого времени могут служить свидетельством необычной, не вполне мирной обстановки в стране. Так, кто-то из жителей Каранис (имя не сохранилось) жалуется бенефикиарию [30] Аврелию Гордиану (находящемуся в Арсинополе), что какие-то чужие люди напали на него, свидетелями называет комархов (P. Cair. Isidor. 139, жалоба очень фрагментированная, датирована 24—28 августа 1-го года Домициана). В октябре 2-го года Домициана Аврелий Герон, сын Птолемея, из Каранис, заключает соглашение с кем-то из граждан Арсинополя, что будет за него исполнять обязанности summachos — вооруженного посыльного, оружие (меч) предоставит наниматель (P. Cair. Isidor. 80).

На имя другого бенефикиария [31] — Аврелия Леонтия — адресована уже упоминавшаяся жалоба Таэсис и Кириллус, дочерей Копреса, о присвоении мачехой отцовского наследства (P. Cair. Isidor. 62). В архиве Исидора сохранилось несколько документов [32], связанных с наследством Копреса и дальнейшей судьбой его дочерей, так как одна из них — Таэсис — стала женой Гераса, брата Исидора. Как выясняется из них, Таэсис и Кириллус в раннем возрасте потеряли мать, а отец, женившийся второй раз, тоже вскоре умер. Девочек взял на воспитание дядя по матери Аммоний, хотя все отцовское наследство осталось в руках родственников отца и отчасти его второй жены. Судя по содержанию петиции на имя Аврелия Леонтия, спор с мачехой по поводу наследства уже рассматривался в какой-то

---

[28] BGU. XI. 2027; P. Thead. 26; P. Cair. Isidor. 38, 39; O. Mich. 802, 1029.

[29] Контракты на аренду земли: P. Micaelidae. 23; SB. 9269; PSI. 1071; договор найма P. Cair. Isidor. 81; налоговые квитанции P. Cair. Isidor. 37; p. Oxy. 1571, ряд острака.

[30] Бенефикиарий, по папирусам III в.,— заслуженный воин (вероятно, офицерского ранга), откомандированный из воинской части для специальной службы в штате магистрата, обладавшего военной властью в провинции; в Египте назначался префектом. См. *Boak, Youtie.* Op. cit. P. 255.

[31] В P. Cair. Isidor. 62 название должности не сохранилось, издатели восстанавливают по аналогии с P. Cair. Isidor. 63. См. ibid. P. 249.

[32] P. Cair. Isidor. 62—64; 104—105; 59; 53; 55.

инстáнции, теперь же истцы (Аммоний и племянницы) намереваются представить дело на рассмотрение «величию светлейшего корректора» (τὸ μέγεθος τοῦ διασημοτάτου ἐπανορθωτοῦ) Аврелия Ахиллеса и просят бенефикиария Аврелия Леонтия принудить мачеху представить документы, подтверждающие ее права на присвоенное имущество (27 овец и деньги — 1 мину золотых) и на долевое владение рабыней, и ознакомить с ними истцов.

Эта жалоба, датированная 2-м годом правления Домиция Домициана значительно отличается по своему стилю от других петиций из архива Исидора, адресованных местным чиновникам и префектам. Прежде всего она начинается с риторической преамбулы: «многообразны бывают обман и жадность людей, но в этом случае обвиняемых остается лишь наказать с присущей высшей власти строгостью (τῆς τοῦ μείζονος ἐπιστρεφείας) за то, на что они отважились». В других документах такого рода, в том числе в петициях, адресованных бенефикиарию Аврелию Гордиану, близких по времени, преамбулы отсутствуют, а в петициях, направленных префекту Элию Публию [33] и презесу Аврелию Антонину [34], они имеют не такой морализующий, а более деловой характер и более кратки. Хорошо известно, что стиль петиции в большинстве случаев определяется не истцами, часто неграмотными, а писцом, составлявшим жалобу по определенному, избранному им канону [35]. И тем не менее рассматриваемый нами документ имеет определенный колорит, отражающий время его создания.

Возможно, само появление жалобы на обидчиков сирот в какой-то мере было стимулировано фактом или известием об установлении новой власти, от которой ожидали восстановления справедливости. Ведь название должности или, скорее, титула Аврелия Ахиллеса — corrector в греческой передаче ἐπανορθωτής, производное от глагола ἐπανορθόω «исправлять, улучшать», вселяло надежду на устранение несправедливости, насилия, наказание обидчиков.

Характерно, что в петиции дважды говорится в неопределенной форме о высшей власти — ὁ μείζονος (издатели переводят «Его Высочество»), а там, где упоминается Аврелий Ахиллес, с его именем связан термин τὸ μέγεθος — «величие (духа?)») и титул, обычно употреблявшийся по отношению к префектам Египта — διασημότατος = clarissimus — «светлейший», «знаменитейший», «славнейший».

Таким образом, стиль петиции с преамбулой и выражением исключительного почтения к «светлейшему корректору» позволяет предположить, что Аврелий Леонтий, «находящийся при исполнении службы в Арсиноитском номе», принадлежал к ближайшему окружению Аврелия Ахиллеса. Авторы петиции, сообщая ему о своем намерении передать свои претензии к мачехе на рассмотрение «светлейшего корректора», надеются, что их дело будет слушаться в присутствии «высочества» (λέγειν . . . ἐπὶ τοῦ μείζονος) очевидно, в Арсинополе. Все это подводит к выводу, что ко вре-

---

[33] P. Cair. Isidor. 66—67. По данным P. Oxy. 1204, 1416 и OGIS 718 = SB 8278 известен как префект 298—299 гг. См. также *Vandersleyen*. Op. cit. P. 12, 70—72.

[34] P. Cair. Isidor. 74, петиция датирована декабрем 315 г. В петиции, адресованной префекту Юлию Юлиану (P. Cair. Isidor. 73), занимавшему эту должность в 314 г. (см. *Vandersleyen*. Op. cit. P. 13), преамбула отсутствует.

[35] См. *Ковельман А. Б.* Риторика прошений и массовое сознание в римском Египте // ВДИ. 1984. № 2. С. 170—184. Хотя издатели отмечают, что в петиции дочерей Копреса прослеживаются два почерка и что основной текст содержит множество ошибочных написаний, вероятно все же, что жалобу писал если не профессиональный писец, то человек, знакомый с практикой составления петиций.

мени написания петиции 8 *тота* (5 сентября) 2-го года Домиция Домициана Аврелий Ахиллес находился в Фаюме или ожидалось его прибытие.

Как разрешилась тяжба дочерей Копреса с мачехой, участвовал ли в разборе дела Аврелий Ахиллес — остается неизвестным. Зато сохранился ряд документов о тяжбе Таэсис и Кириллус по поводу отцовского наследства с родственниками отца, позволяющих высказать некоторые соображения о развитии событий. Спустя полтора месяца после их петиции бенефикиарию Аврелию Леонтию состоялись два соглашения: о разделе находившихся ранее в совместном владении братьев и сестер Копреса ступ (P. Cair. Isidor. 104) и разделе 2 арур земли, присвоенных одним из братьев — Хайремоном (P. Cair. Isidor. 105), в результате чего была выделена доля Таэсис и Кириллус. Не исключено, что эти соглашения последовали за рассмотрением их жалобы корректором, так как можно полагать, что, обращаясь в высшую инстанцию, сестры просили о возвращении всего наследства отца, оказавшегося не только в руках мачехи, но и в руках его братьев и сестер. Однако не все имущество, на которое претендовали сестры, было им возвращено.

Во второй из сохранившихся петиций (P. Cair. Isidor. 63) Таэсис жалуется, что они уже дважды обращались к бенефикиарию (имя не названо) с просьбами заставить Хайремона вернуть им наследство отца, но он все еще не вернул и, мало того, его жена и дочери избили Таэсис за упорные попытки добиться справедливости. Эта жалоба адресована бенефикиарию Аврелию Гордиану, упоминавшемуся также в петиции, датированной 1-м годом Домиция Домициана [36], и написана в обычном деловом стиле (очевидно, по своему служебному рангу Гордиан занимал более низкое положение, чем Леонтий), и на этот раз петиция Таэсис не привела к желаемым результатам.

Спустя какое-то время [37], уже после восстановления в Фаюме власти тетрархов сестры снова обращаются с жалобой, на этот раз к стратегу Арсиноитского нома Аврелию Герону на то, что Хайремон присвоил из отцовского наследства 61 овцу, 40 коз, мельницу, 3 таланта серебряных монет, двух рабов и 2 артабы пшеницы, а им вернул лишь арýры малоплодородной государственной земли, уплатить налоги с которых они не в состоянии. Обращаясь к стратегу с просьбой заставить Хайремона вернуть им отцовское движимое имущество, сестры уже не упоминают о решениях бенефикиариев, а ссылаются лишь на распоряжение протостата комы Серена—Гарпократа, которому Хайремон не подчинился.

Сопоставление рассмотренных документов позволяет с большой долей вероятности высказать предположение, что дело о наследстве дочерей Копреса рассматривалось в канцелярии (или при штабе) корректора Аврелия Ахиллеса в полном объеме и было решено в их пользу. Принятые решения в течение октября-ноября имели безусловную силу на территории Каранис (и, вероятно, всего Фаюма), что заставило родственников Копреса пойти на соглашение о разделе имущества. Однако уже в декабре появляются жалобы на то, что Хайремон упорно сопротивляется выполнению решения бенефикиариев о возвращении племянницам имущества их отца, и это можно рассматривать как свидетельство о падении на местах авторитета бенефикиариев — представителей власти Аврелия Ахил-

[36] P. Cair. Isidor. 139, см. выше

[37] Д. Томас, исходя из своей датировки восстания Аврелия Ахиллеса 297/298 г., относит сроки подачи петиций бенефикиариям на период от 25 ноября по 21 декабря, а петицию на имя стратега датирует началом 298 г. (см. *Thomas D.* A family dispute from Karanis and the revolt of Domitius Domitianus // ZPE. 1977. Bd 24. S. 233—240).

леса (что, возможно, связано с уходом из Фаюма основных сил повстанцев), хотя документы продолжают датироваться годами правления Домиция Домициана. Таким образом, возлагавшиеся жалобщиками надежды на власть ἐπανορθωτής оказались неосуществленными.

Очень интересный материал о судьбах людей в период восстания Ахиллеса дают письма некоего Паниска, тоже найденные в Фаюме в руинах комы Филадельфии на восточной окраине оазиса [38]. Всего к настоящему времени известно шесть относительно хорошо сохранившихся писем Паниска и один фрагмент, содержащий дату; к ним обычно присоединяют письмо Плутогении к матери, идентифицируя автора письма с женой Паниска. Из шести писем только в двух указаны число и месяц написания письма без указания года P. Mich. 216—22 *пауни* и P. Mich. 220 — 12 *тота*, фрагмент P. Mich. 215 датирован месяцем *фармути*. Как уже говорилось, в одном из писем (P. Mich. 220) упоминается ἐπανορθωτής Ахиллес, и это позволило приурочить всю переписку к определенному году и извлечь из нее важную информацию о восстании Ахиллеса.

Так как большинство писем не датированы, то их очередность и последовательность отраженных в них событий устанавливаются исследователями на основе логических соображений. Так, если следовать порядку расположения писем в III томе Мичиганских папирусов и предложенному издателем (М. Уинтером) чтению и трактовке писем, то получается следующая картина. Паниск, житель Филадельфии в Фаюме, возможно, торговец (оружием?), по каким-то делам незадолго до восстания отправился в Копт. В первом письме своей жене Плутогении (P. Mich. 214) Паниск сообщает о благополучном приезде в Копт и встрече с сестрой жены и ее семьей, о своем намерении прислать кого-то за ней и просит привезти с собой некоторое количество шерсти, оливкового масла, меда, его оружие — новый щит, шлем, копья, снаряжение (палатку?), а также всю одежду и ее золотые украшения, но советует не надевать их в пути на судне.

Во втором письме (P. Mich. 216 [39]), датированном 22 *пауни*, Паниск снова зовет жену приехать и перечисляет, что ему привезти из оружия и снаряжения, просит привезти какой-то материал, если он у нее есть, для изготовления одежды (?); сообщает также, что получил от нее письмо и что дал Антонию 1 талант для передачи ей. В приписке (после прощания и даты) говорится об упомянутых в полученном от Плутогении письме двадцати с чем-то щитах и о каких-то людях («Таммон не из них, Темнас остался внизу»).

Третье, недатированное письмо (P. Mich. 217) написано в раздраженном тоне: Паниск выговаривает жене за то, что она вопреки его распоряжению не отлучаться из дома все же ушла, и упрекает ее, что она ни на одно из трех его писем не ответила. Если она не хочет приехать к нему, то он ее не принуждает, это письмо он пишет по настоянию ее сестры. Тем не менее он выражает надежду, что если у нее нет возможности писать об этом (т. е. о приезде?), то пусть она хоть что-то напишет о себе; о не относящемся к ней он слышал. Теперь он уже просит п р и с л а т ь его вооружение — шлем, щит, пять копий, нагрудник, портупею. Паниск повторно (?) сообщает, что послал с Антонием 1 талант. То ли с обидой, то ли в оправдание своего раздраженного тона он передает (в конце письма)

[38] Папирусы были куплены в 1923 г. Мичиганским университетом, впервые изданы в 1927 г. в JEA. XIII. P. 59—74, переизданы в SB 7247—7253 и в P. Mich. III. № 214—221 (это последнее издание использовано в настоящей работе).

[39] Как уже говорилось выше, в P. Mich. 215 сохранился лишь небольшой фрагмент от конца письма, содержащий дату (фармути) и пометку, кому от кого письмо.

слова письмоносца, что Плутогения и ее мать не дали ему ответа для Паниска; следует отметить, что в этом письме нет упоминания о дочери.

В следующем письме (P. Mich. 218) жене Паниск спрашивает, не нуждаются ли они в чем-либо, и сообщает, что написал Айону (чтобы он позаботился о них?), и если она (Плутогения) будет отправлять что-то в Гелиополь, пусть известит (Айона?) об этом. Он пишет также, что послал ей шерсть, чтобы она израсходовала (вырученные от ее продажи деньги?) для себя, просит жену заботиться о скоте, сделать ножные браслеты для дочери, изготовить материал себе на хитон и гиматий. Паниск пишет, что намеревается вернуться домой; о своем приезде сообщит (?) через Ахаона, просит приготовить для него какую-то кожаную одежду (τὸ δερματικίν) и поступать соответственно тому, что они (Айон и Ахаон?) хотят.

В письме, адресованном брату Айону (P. Mich. 219), Паниск поручает ему заботиться о своей дочери Гелиодоре, снабдить ее тем, в чем она нуждается, просит обращаться с ней терпеливо и сообщить, хорошо ли она ведет дела, заботится ли об овцах. Конец письма очень фрагментирован, упоминается брат Пасоейс, передаются приветствия матери и другим родственникам и их семьям.

Последнее письмо (P. Mich. 220), датированное 12 *тота* (9 сентября) 2-го года Домиция Домициана, содержит наиболее важную информацию: Паниск сообщает жене, что ее брат Гермия находится на другой стороне у эпарха, что он (Паниск) неоднократно «на словах» (т. е. не письмом) звал его перейти к корректору Ахиллесу, но он не пришел, хотя большинство из κολλεγῶν ἡμῶν перешло к ним. Он сообщает также, что послал ей письмо с Диоскором, которому одолжил 1 талант для какой-то выплаты, а сейчас вторично пишет ей и пересылает его расписку, чтобы Плутогения удержала из имущества Диоскора.

С письмами Паниска издатели и другие исследователи связывают и письмо Плутогении к матери, где она пишет, что уже 8 месяцев находится в Александрии и не получает известий от нее, дает ряд хозяйственных поручений: дать Атас медные сосуды и получить их обратно, позаботиться о механизме (для орошения?) и скоте, сообщить, сколько κέρμα (монет?) взяла у Купинерис, и советует матери не опасаться и не стремиться к сведению счетов (μὴ ὀκνήσῃς καὶ μὴ θελήσῃς σκυλῆναι [40]). Плутогения обещает матери приехать, если получит от нее известие, что она хочет свою дочь (сестру Плутогении?) выдать замуж.

Таким образом, по мнению издателя, события развивались в следующем порядке: Паниск прибыл в Копт, рассчитывая на приезд туда жены, и неоднократно писал ей, чтобы привезла туда оружие и одежду; убедившись, что она не приедет, настойчиво просил прислать его оружие и снаряжение и, возможно, через кого-то получил его. Поручив брату Айону заботиться о дочери и жене, Паниск вместе с какими-то коллегами присоединяется к отрядам Аврелия Ахиллеса. Предполагая, что первое письмо P. Mich. 214 предшествует фрагменту, датированному месяцем *фармути* (P. Mich. 215), издатель считает, что с апреля до сентября (с *фармути* и до *тота*) Паниск находился в районе Копта. Поездку Плутогении в Александрию он относит ко времени до прибытия Паниска в Копт.

Ж. Шварц [41], анализируя эту переписку, предложил иную последовательность писем. Он считает, что P. Mich. 215 является фрагментом от P. Mich. 219 и, следовательно, этот папирус, содержащий письмо Айону,

[40] Σκυλῆναι буквально означает «снять доспехи с убитых».

[41] *Schwartz J.* Autour du dossier de Paniskos (P. Mich. 214—221) // Aegyptus. 1968. 48. P. 110—115.

нужно датировать месяцем *фармути*, так же как и связанное с ним письмо к Плутогении (P. Mich. 218), а затем уже были отправлены P. Mich. 214, 216, 217, 220. Таким образом, оба исследователя полагают, что вся переписка Паниска относится ко времени подготовки и начала восстания Аврелия Ахиллеса и служит для Ж. Шварца важным аргументом в пользу его концепции о двух очагах восстания.

Но помимо вопроса о датировке и последовательности писем в их содержании можно отметить ряд деталей, характеризующих обстановку этого времени и ситуацию в семье Паниска. Прежде всего, в P. Mich. 214 Паниск по прибытии в Копт к родственникам пишет жене: «вас обнимает Гермия», а в P. Mich. 220 сообщает, что Гермий, брат Плутогении, находится «по ту сторону вместе с эпархом», т. е. в числе противников Паниска, и его попытки перетянуть Гермия к корректору Ахиллесу терпят неудачу. Затем из P. Mich. 216 ясно, что Паниск письма от жены получал (см. сткк. 13—14, 27—28), причем в фрагментированной части упоминаются στρατιῶται, а Плутогения имела какое-то отношение к хранению (или получению) τὰ ὅπλα. Выпадает из общего тона переписки P. Mich. 217; в нем единственном из дошедших писем нет упоминаний о дочери, к которой Паниск относился очень заботливо; в то же время он упрекает жену, что она ушла из дома без его разрешения и не едет к нему. Нельзя ли предположить, что это письмо было послано не по обычному адресу, а туда, где в это время находилась Плутогения [42]? С таким предположением увязывается письмо Паниска к брату Айону (P. Mich. 219) с просьбой, чтобы он позаботился о его дочери и сообщил ему, как она справляется с хозяйством.

В том же P. Mich. 217 имеется довольно любопытный в психологическом плане отрывок: «Смотри, я тебе отправил три письма, и ни на одно мое ты не ответила. Если же ты не хочешь приехать ко мне, никто тебя не принуждает. Это письмо пишу тебе потому, что твоя сестра заставляет меня теперь писать. [Если же у тебя нет возможности] написать об этом, напиши же о себе что-либо другое, об остальном, не относящемся к тебе, я слышал» [43]. В этих фразах звучит и обида на жену, и тревога за нее: Паниск, видимо, предполагает, что Плутогении, вынужденной прибегать к услугам писца, небезопасно было разглашать свое намерение поехать в Верхний Египет, где назревали или, может быть, даже вспыхнули волнения. Не получая писем от жены, Паниск все же имеет какую-то устную (ἄλλα ἤκουσα) информацию о том, что происходит дома, следовательно, связь между Коптом и Фаюмом оставалась более или менее устойчивой. И снова в этом же письме Паниск настойчиво требует доставить ему в Копт его оружие, на этот раз, очевидно, с посыльным. Из письма P. Mich. 220 уже совершенно ясно, что он находится в составе войска Аврелия Ахиллеса и пытается переманить к нему и своего шурина Гермию, который, видимо, еще до отъезда Паниска был призван в войска тетрархии, дислоцированные в Фиваиде.

Что касается P. Mich. 218, то оно тоже выпадает по содержанию из серии предыдущих писем жене: в нем речь идет только о бытовых заботах — о реализации посланной Паниском домой шерсти, изготовлении украшений для дочери и одежды для жены и самого Паниска. Некоторый оттенок неопределенности носит лишь сообщение о его намерении вернуться домой:

[42] Возможно, Плутогения ушла из дома Паниска в дом своей матери: письмоносец обратился за ответом Паниску к обеим вместе — жене и теще (сткк. 22—25).

[43] P. Mich. 217, сткк. 8—16; конец 13-й строки фрагментирован, перевод приблизительный.

«если этого захочет бог, я приду», предварительно известив об этом через Ахаона, и советует жене поступать соответственно их (неясно, кого) желаниям. В этом письме нет намека на тревожную обстановку, оно могло быть написано и до начала волнений, и после замирения, поэтому едва ли есть необходимость непосредственно связывать его с P. Mich. 219, вероятно, в нем упоминается другое, не дошедшее до нас, письмо Айону.

Таким образом, в период восстания Ахиллеса семья Паниска оказалась разбросанной, и родственники — он сам и шурин — были даже во враждующих лагерях, хотя сохранялась, по крайней мере в начале восстания, возможность сношений между ними. О дальнейшей судьбе Паниска сведений в папирусах нет (или пока не найдено?), но можно предполагать, что он вместе с войском Аврелия Ахиллеса передислоцировался в Александрию и Плутогения вслед за ним (или ранее?) отправилась туда же. Такая гипотеза делает объяснимыми и сетование Плутогении в письме к матери, что она уже восемь месяцев не получала от нее писем, и такую фразу из ее письма: «неужели опять считаешь меня не за свою дочь, а за врага своего?» [44] (напомним, что брат Плутогении Гермия находился в императорских войсках), и совет не стремиться сводить счеты.

Итак, письма Паниска дают очень живую и конкретную картину жизни египетской семьи, втянутой ходом событий, вольно или невольно, в сложную обстановку, порожденную восстанием Аврелия Ахиллеса и узурпацией Домиция Домициана.

Кто же такой Паниск и почему он оказался в лагере восставших? Об этом его письма дают очень скудную информацию. Издатель мичиганских папирусов М. Уинтер пишет, что упоминания об оружии, о коллегах-воинах и префекте создают впечатление, что это солдат, но данные о материальных ценностях, которыми Паниск располагал (золотые украшения жены, денежные суммы, товары), позволяют видеть в нем торговца, связанного с торговлей оружием [45]. Однако приведенные Уинтером аргументы свидетельствуют лишь об относительной зажиточности Паниска, но не могут служить доказательством того, что он торговал оружием. Из писем известно также, что он имел дом и какое-то хозяйство (упоминаются овцы) в одной из ком Арсиноитского нома (может быть, в Филадельфии, в развалинах которой были найдены папирусы), видимо, по соседству с братом Айоном, которому он поручает заботиться о дочери после того, как жена ушла из дома. Мать Плутогении также имела дом, скот и земельный участок (упоминается оросительное устройство) в другой коме того же нома (?). Брат Плутогении, как уже говорилось, служил в войсках эпарха. У Паниска, судя по его письмам, имелся комплект его личного военного снаряжения: старый и новый щит, шлем, 5 копий, нагрудник, портупея, палатка; очевидно, он тоже когда-то находился на военной (или полицейской?) службе. Лица, окружавшие Паниска в Копте и упоминавшиеся в его переписке с Плутогенией, носят имена: Антоний, Нонн, Сарапион, Корнелий, Диоскор, чаще встречавшиеся в городах и в военной среде, чем в сельских поселениях (ср., например, имена братьев и соседей Паниска — Айон, Пасоэйс, Атас).

Цель его поездки в Копт не ясна, но не исключено, что она была связана с какими-то торговыми интересами, к тому же в Копте жила сестра его жены и через родственников он мог получить информацию о назре-

[44] Πάλι οὖν οὐκ ἔχις με ὡς θυγατέραν σου ⟨ἀλλά⟩ ὡς ἐχθράν σου (P. Mich. 221, сткк. 6—8). Следует, конечно, не забывать о риторике, привнесенной писцом, составлявшим письмо.

[45] Papyri in the University of Michigan Collection... V.III. P. 275.

вающих там событиях. Сразу же по приезде в Копт Паниск стал звать Плутогению приехать к нему и привезти его одежду и военное снаряжение (захватив и свою одежду и драгоценности), видимо, рассчитывая остаться в Копте надолго. Последующие настойчивые просьбы прислать его личное оружие говорят о том, что он решил вступить в армию Ахиллеса. Однако, если у Плутогении и были намерения поехать в Копт, то со временем они изменились, и она начала действовать самостоятельно и, видимо, с той же ориентацией, что и Паниск. Из ее письма Паниск узнал, что она взяла (у кого, не известно) 23 щита, но с его стороны почему-то никакой реакции на это важное сообщение не последовало. Тем не менее такой факт сам по себе подтверждает мнение М. Уинтера об участии Паниска в торговле оружием. Как уже говорилось, в сентябре 2-го года Л. Домиция Домициана Паниск пишет, что большинство из его коллег — οἱ πλεῖστοι τῶν ιθ κολλήγων ἡμῶν — «пришли к нам», т. е. к корректору Ахиллесу. Написанная над строкой цифра 19 может означать и число перешедших и число «коллег». Кто подразумевается под «коллегами» — сослуживцы в воинском подразделении или сотоварищи по торговым операциям — не ясно, но скорее первое.

Итак, из всего, что нам известно о Паниске, можно заключить, что по своему социальному статусу он не был горожанином, но и к рядовым кометам его тоже нельзя причислить: он имел опыт военной службы, а к моменту восстания, видимо, стал заниматься сбытом воинского снаряжения, в частности щитов. Его причастность к воинскому делу, надо думать, и определила его позицию во время восстания Ахиллеса.

Таким образом, в итоге рассмотрения петиций и хозяйственных документов из Фаюма и писем Паниска из Копта складывается впечатление, что обстановка в египетской хоре в период восстания Ахиллеса хотя и была напряженной, но признаков массового стихийного участия в нем сельского населения проследить не удается. Видимо, восстание Ахиллеса на юге Египта и узурпация Л. Домиция Домициана в Александрии носили характер военного переворота, готовившегося в районах дислокации воинских подразделений, а затем поддержанного городским населением. По свидетельствам древних авторов наиболее массовым и упорным было восстание в Александрии и, как уже говорилось, было подавлено лишь в результате длительной осады.

LA LUTTE SOCIO-POLITIQUE EN ÉGYPTE DE LA FIN DU IIIe S. D'APRÈS LES LETTRES ET PÉTITIONS DE L'EPOQUE

A. I. Pavlovskaja

L'article analyse des papyrus se rapportant à l'époque de l'usurpateur Domitius Domitianus et de l'«insurrection d'Achilleus». S'appuyant sur les pétitions de Taësis et Kyrillous, filles de Kopres, du village de Karanis (*P. Cair. Isidor.* 62—64) et d'autres documents, ainsi que sur les lettres de Paniscos et de sa femme (*P. Mich.* III, 214—221), l'auteur étudie la façon dont les événements en rapport avec l'insurrection étaient perçus par la population rurale d'Egypte et se sont répercutés sur son destin.

En ce qui concerne la polémique suscitée par la date et l'ordre des événements qui ont marqué l'insurrection, l'auteur estime convaincante la chronologie reconstruite par J. D. Thomas, mais n'en pense pas moins que toutes les datations demeureront discutables tant qu'on ne les aura pas confirmées par une étude de la situation socio-économique et politique dans son ensemble en Egypte à cette époque.

И. Г. Алиев

ИЗУЧЕНИЕ ПРОБЛЕМ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ И АРХЕОЛОГИИ В АЗЕРБАЙДЖАНЕ В 1977—1987 годы

Истекшее десятилетие отмечено дальнейшим развитием азербайджанской историографии в области древней истории и археологии, повышением методологического и идейно-теоретического уровня исследований, расширением проблематики и источниковой базы, актуализацией тематики, в какой-то мере освоением новых, современных методов, применяемых в исторических исследованиях.

Весьма значительное место в области исследования древнейшей и древней истории Азербайджана, как и прежде, занимали археологические изыскания. Развитие полевых археологических исследований в последнее десятилетие приобрело небывалый ранее размах. Раскопками была охвачена почти вся территория республики. Археологи проводили работу по изучению палеолита, мезолита, энеолита, эпохи бронзы, железа и античности.

Материал уникальной стоянки — Азыхской пещеры, как это отметили участники Советско-Французского семинара по теме «Динамика взаимодействия природной среды и доисторического общества», проходившего в Тбилиси в 1978 г. [1], имеет исключительное значение в изучении проблем формирования и развития первобытного общества, его материальной и духовной культуры, а также палеоэкологической ситуации, в которой жил и творил первобытный человек [2]. Азыхские материалы позволяют нам еще раз вполне определенно говорить об общности основных законов развития человеческого общества, об общем направлении социогенеза, предполагать универсальность модели образа жизни человека. Изучение материалов эпохи палеолита позволяет утверждать, что человек в Азербайджане обитал уже около полутора миллионов лет назад [3]. Эти же материалы вкупе с другими данными дают основание полагать, что Азербайджан, возможно, входил в пределы прародины человечества [4].

Изобилующий эффектным серийным материалом Тагларский комплекс позволил нашим археологам выявить локальные особенности развития местной мустьерской культуры и проследить этапы ее эволюции на протяжении длительного периода. Этот комплекс впервые представил надежный материал для установления древнейших культурных контактов

[1] См. Вестник АН СССР. 1981. № 10. С. 13—24.
[2] *Гусейнов М. М., Джафаров А. К.* Палеолит Азербайджана. Баку, 1986.
[3] *Гусейнов М. М.* Древний палеолит Азербайджана. Баку, 1985. С. 64.
[4] См. Вестник АН СССР. 1981. № 10. С. 23; *Гусейнов М. М.* Палеолит в Азербайджане // Каменный век и энеолит в Азербайджане. Баку, 1984. С. 3.

Кавказа с областями Передней Азии [5]. В последнее время на территории Азербайджана выявлены и другие палеолитические стоянки — пещеры Дашсалахлы [6] и Газма [7], а также около 20 стоянок открытого типа [8].

Обнаруженные в зоне Гобустана и некоторых других местах памятники эпохи мезолита и неолита [9] позволяют вплотную подойти к проблеме истоков производящего хозяйства. Исследования показали, что территория Азербайджана, очевидно, входила в ближневосточный ареал первоначального становления и развития скотоводства [10].

На территории Северного Азербайджана к настоящему времени выявлено более ста раннеземледельческо-скотоводческих памятников эпохи энеолита. Они зафиксированы и в значительной степени изучены в бассейне Куры, в Мильско-Карабахской степи, на Мугани и в зоне Аракса [11]. Открытие серии энеолитических памятников в Азербайджане, Грузии, Армении и Дагестане заметно изменило наше общее представление о ходе культурно-исторического процесса в указанном регионе в VI—IV тыс. до н. э. Благодаря этим открытиям стало возможным выделение на юге СССР, наряду со среднеазиатским и северопричерноморским, еще одного древнейшего центра раннеземледельческо-скотоводческой культуры — кавказского.

Материал эпохи энеолита [12] свидетельствует о значительном прогрессе, достигнутом населением, жившим на территории Азербайджана, по сравнению с предшествующим периодом, особенно в развитии производящего хозяйства и оседлой земледельческой культуры, домашнего производства, в росте населения, в освоении новых территорий в горных и низменных районах, в расширении связей с соседними племенами и народами, особенно Передней Азии (Месопотамия, Северо-Западный Иран, Восточная Анатолия). В нашем распоряжении имеется материал, позволяющий полагать, что в отдельных случаях в Азербайджане эпохи энеолита поселялись иноземные этнические группы. В частности, на поселении Лейлатепеси в Карабахе выявлена культура, несомненно принадлежав-

---

[5] *Джафаров А. К.* Мустьерская культура Азербайджана. Баку, 1983.

[6] *Гусейнов М. М., Джафаров А. К.* Мустьерская стоянка Дашсалахлы // ИАН АзССР. 1982. № 2.

[7] *Они же.* Палеолит Азербайджана. С. 16—17.

[8] *Мансуров М. М.* О палеолите Западного Азербайджана // Итоги полевых археологических и этнографических исследований за 1972 г. в Азербайджанской ССР. Баку, 1973. С. 3.

[9] *Алиев И. Г., Ахмедов Г. М.* Археологические исследования в Азербайджанской ССР. Баку, 1986. С. 9—10; *Мурадова Ф. М., Рустамов Дж. Н.* Памятники Гобустана. Баку, 1986; *Рустамов Дж. Н.* Мезолитическая стоянка в Гобустане // Каменный век и энеолит в Азербайджане. Баку, 1984. С. 4 сл.; *Гаджиев Д. В., Рустамов Д. Н.* Рисунки рыб в наскальных изображениях Гобустана // Фауна, экология и охрана животных в Азербайджане. Баку, 1987. С. 35 сл.; *Рустамов Дж. Н.* Мезолитические женские статуэтки Гобустана // ДАН АзССР. 1986. Т. XIII. № 3. См. также *Алиев И. Г., Османов Ф. Л.* Древние терракоты Азербайджана // Искусство и культура Монголии и Центральной Азии. М., 1983. С. 19 сл.

[10] *Гаджиев Д. В.* Материалы по древнейшим домашним млекопитающим Азербайджана // II съезд Всесоюзного териологического общества. М., 1978. С. 6—7.

[11] *Алиев, Ахмедов.* Ук. соч. С. 10—11; *Нариманов И. Г.* Культура древнейшего земледельческо-скотоводческого населения Азербайджана (Эпоха энеолита, VI—IV тыс. до н.э.): Автореф. дис... д-ра ист. наук. Тбилиси, 1982.

[12] *Алиев, Ахмедов.* Ук. соч. С. 10—11; *Нариманов.* Ук. соч.; *он же.* Раскопки энеолитических поселений Азербайджана // АО 1984 г. М., 1986; *Нариманов И. Г., Азимов М. С.* Энеолитическое поселение Чалагантепе. Баку, 1985; *Исмаилов Гудрат.* Следы древнейших культур в междуречье Гуручай и Кенделенчай. Баку, 1981; *Исмаилов Г. С., Даниелян О. А.* Археологические памятники междуречья Гуручай и Кенделенчай. Баку, 1985.

шая обейдским племенам Месопотамии и датирующаяся первой половиной IV тыс. до н. э. [13]

Богатейший материал, позволяющий нарисовать картину культурно-исторического развития племен Азербайджана эпохи бронзы, выявить экономические, культурные и политические контакты насельников интересующего нас региона с племенами и народами Закавказья, Северного Кавказа и древнего Востока, дали раскопки в зоне Нахичеванской АССР, а также таких памятников, как Гаракепектепе, Баба-Дервиш, Гюнештепе, Мейнетепе, Хангая, Гобустан, Лейлатепеси, Мишарчай, Чинартепе и др. [14] Важное значение имеют наскальные изображения Гобустана, Апшерона, Кельбеджарского яйлага и Гемигая [15]. В результате изучения памятников этой эпохи получены весьма интересные данные относительно происхождения и процесса формирования культуры отдельных этапов бронзового века, взаимосвязи ее как с предшествующими, так и с последующими культурами.

Серьезная работа проведена по изучению керамики эпохи поздней бронзы и раннего железа [16]. Керамический материал Азербайджана указанной эпохи позволяет определенно сказать о близости и, возможно, даже родстве его с хурритской керамикой того времени. Констатация этого обстоятельства чрезвычайно интересна еще и потому, что лингвисты устанавливают родство хуррито-урартского и северо-восточнокавказских (нахско-дагестанских) языков. Азербайджанский материал, вне всякого сомнения, свидетельствует также о длительных контактах племен Азербайджана с хурритским миром.

Чрезвычайно интересным явлением, проливающим определенный свет и на этнические процессы, протекавшие в Азербайджане в эпоху бронзы и раннего железа, было слияние черт ритуалов и погребальных обрядов, которое наблюдается на памятниках той поры. Это следствие контактов и, по-видимому, слияния, консолидации отдельных племенных групп в более крупные объединения. Сказанное нуждается в углубленном исследовании. Только тогда археологический материал можно будет использовать для решения этнических проблем края. Однако важно, что начало этому делу у нас уже положено. Наши археологи уделяли особое внимание изучению связей племен Азербайджана с народами и племенами соседних стран в эпоху бронзы и раннего железа. Эти связи более быстрыми темпами развивались в конце II — начале I тыс. до н. э. [17] На это указывают кинжалы переднеазиатского типа, глазурованные сосуды, предметы глиптики, в частности цилиндрические печати, обнаруженные в Азербайджане. К числу привозных изделий принадлежат агатовая бусина с именем Ададнерари, по-видимому, I (1310—1281 гг. до н. э.), различные пастовые и стеклянные бусы, золотые украшения и т. п.

---

[13] *Нариманов И. Г.* Обейдские племена Месопотамии в Азербайджане // Всесоюзная археологическая конференция «Достижения советской археологии в XI пятилетке». Тезисы докладов. Баку, 1985. С. 271 сл.

[14] См. *Алиев, Ахмедов.* Ук. соч. С. 12—15; *Исмаилов Г. С.* Археологическое исследование древнего поселения Баба-Дервиш. Баку, 1977; *он же.* Следы древнейших культур в междуречье Гуручай и Кенделенчай; *он же.* Поселение Гаракепектепе. Баку, 1985; *Исмаилов, Даниелян.* Ук. соч.; *Мурадова Ф. М.* Гобустан в эпоху бронзы. Баку, 1979.

[15] *Алиев В. Г.* Петроглифы Гемигая. Баку, 1985.

[16] *Гусейнова М. А.* Керамика Восточного Закавказья эпохи поздней бронзы и раннего железа. Баку, 1987.

[17] *Джафаров Г. Ф.* Связи Азербайджана со странами Передней Азии в эпоху поздней бронзы и раннего железа. Баку, 1984; *он же.* Древнейшие связи азербайджанских племен со странами Ближнего Востока. Баку, 1985.

На основе накопленного материала удается проследить процесс разложения первобытнообщинного строя, появления элементов классового общества в памятниках эпохи поздней бронзы и раннего железа на территории Азербайджана [18]. Недавно в зоне Шамхорской ГЭС выявлен значительный некрополь с типично скифским материалом, который относится к VII—IV вв. до н. э. [19] Весь рассмотренный выше материал сжато изложен в I главе однотомника «История Азербайджана», изданного в 1979 г. (вторая глава посвящена собственно древней истории края). Труд этот, несмотря на отдельные недостатки, должен быть оценен как важное достижение азербайджанской советской исторической науки после вышедшей ранее фундаментальной трехтомной «Истории Азербайджана».

Однако несмотря на значительные достижения наших археологов они медленно перестраивают свою работу. Теоретический уровень трудов не всегда высок, нередко издаются работы, в которых немало различного рода ошибок. В частности, в 1986 г. из печати вышла книга Р. Б. Геюшева «Археология Азербайджана», в которой содержится много путаного, ошибочного.

Важное место в исследованиях азербайджанских ученых занимают вопросы этнической принадлежности насельников края. Это одна из основных, наиболее сложных проблем древней и средневековой истории Азербайджана, которая остро дебатируется в нашей науке и на страницах популярных изданий. Вообще необходимо отметить, что изучение этнической истории любого народа представляет огромный интерес, и не только познавательный, оно важно и с позиций реальной политики. Интерес к этническому прошлому, особенно своего народа, в современном мире неуклонно возрастает. Этот своеобразный этнический парадокс проявляется в том, что все большая интернационализация жизни народа сочетается во всех случаях с ростом этнического самосознания.

Несмотря на множество неясностей концепция этногенеза азербайджанского народа в общем виде (подчеркиваю, в общем виде) в советской науке была разработана и нашла свое отражение в I томе «Истории Азербайджана» (Баку, 1958), в «Большой Советской энциклопедии» (3-е издание), «Советской исторической энциклопедии» и ряде других работ. Согласно этой концепции, в сложении азербайджанского народа основную роль сыграли племена и народности, населявшие Атропатену и Кавказскую Албанию,— маннеи, каспии, мидяне Атропатены, албаны и др., говорившие на языках разных семей, в том числе кавказских (например албаны) и иранских (например мидяне). На протяжении веков на территорию Азербайджана проникали разноязычные племена (киммерийцы, скифы, аланы, гунны, хазары и др.), также сыгравшие известную роль в этногенезе насельников Азербайджана. Переход населения края на тюркскую речь произошел в завершающий период этногенеза — уже в эпоху средних веков. Такова, в самом кратком виде, картина сложения азербайджанского народа, изложенная в упомянутых выше работах [20].

---

[18] См. История Азербайджана. Баку, 1979. С. 17—19; *Джафаров Г. Ф.* Борсунлу — погребение племенного вождя. Баку, 1986.

[19] *Асланов Г. Г.* Шамхорский могильник. Баку, 1986.

[20] Однако еще в 60-е годы в трудах некоторых наших ученых наметилась тенденция к коренному пересмотру основных положений этой концепции этногенеза азербайджанского народа. Ряд историков и филологов стал выдвигать на первый план тезис о глубокой древности и даже автохтонности тюркского элемента на территории Азербайджана, были восприняты свойственные ученым пантюркистского направления методы лингвистических построений, давно отвергнутые наукой, а сама идея о древних тюрках в Азербайджане стала весьма популярной среди части нашей интеллигенции.

Эта концепция, опирающаяся на значительный фактический материал, явно противостоит существующим в буржуазной науке идеям пантюркизма.

Частные и общие вопросы этнической истории насельников края, этническая атрибуция отдельных археологических культур на территории Азербайджана рассматривалась в последние годы в моих работах, а также в работах, написанных мною в соавторстве с Г. М. Асланова, М. Н. Погребовой и Ф. Л. Османовым. В опубликованной совместно с М. Н. Погребовой статье «Об этнических процессах в областях Восточного Закавказья и Западного Ирана в конце II — начале I тысячелетия до н. э.» [21], написанной в традициях отечественного востоковедения, на основании конкретных материалов рассмотрена этническая ситуация в регионе в эпоху, предшествующую проникновению сюда ираноязычных племен. Указывается, что этнические процессы, протекавшие в самом конце II — начале I тыс. до н. э. на территории Восточного Закавказья и Северо-Западного Ирана, имели огромное значение для всего этого ареала и предопределили этноязыковую картину Иранского нагорья и некоторых смежных областей в последующий период их истории. Отмечается, что исторические цивилизации интересующего нас региона были, несомненно, созданы аборигенами, обитавшими здесь уже в глубокой древности. Не приходится сомневаться в том, что здесь до самого начала I тыс. до н. э., в отдельных случаях и позднее автохтонные этнические группы были доминирующей этнокультурной, экономической и политической силой. Но уже в конце II — начале I тыс. до н. э. в названной зоне появляется новый этнический элемент — ираноязычные племена. Высказывается мнение о том, что, очевидно, во второй четверти I тыс. до н. э. значительная часть областей Западного Ирана уже подверглась иранизации, сложившиеся в ту эпоху ираноязычные народности по большей части состояли из потомков деэтнизированного автохтонного населения. Решающую роль в более или менее полной иранизации западноиранского региона сыграло завоевание Манны мидянами. Именно мидийское завоевание положило начало формированию нового этнического образования на территории Южного Азербайджана. Отныне и на протяжении веков мидийский (мидийско-атропатенский) этнический элемент играл главную роль в этом регионе.

В статьях И. Г. Алиева и Г. М. Асланова «К вопросу о проникновении на территорию Азербайджана племен сармато-массагето-аланского круга в первые века нашего летосчисления» и «Племена сармато-массагето-аланского круга в Азербайджане» [22] делается попытка интерпретировать культуру носителей катакомбных погребений Мингечаура как аланскую. Уже одно то обстоятельство, что в I веке, в период аланских походов, в зоне Мингечаура появляются неизвестные здесь ранее погребальные сооружения, новые погребальные обряды и инвентарь, чуждые местным культурам, но тождественные тем, которые приносили с собой в завоеванные области аланы в I в. и позднее, позволяет уверенно говорить авторам о втор-

---

[21] См. сб. «Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности». М., 1981. С. 126—137. Тезисы статьи см. Этнические проблемы древней истории Центральной Азии. Международный симпозиум. Душанбе, 17—22 октября 1977 г. М., 1978; Journal of Central Asia. V. I. № 1. Islamabad. July, 1978.

[22] Первая статья опубликована в «Материалах по археологии и древней истории Северной Осетии». Т. III, Орджоникидзе, 1975. С. 72—88, вторая в сб. Древний Восток, 2. Ереван, 1976. С. 218—237.

жении в северо-западные районы Азербайджана нового этнического элемента — алан.

Тщательное изучение мингечаурских катакомб показало, что основная масса их чрезвычайно близка по своим показателям к самым древним из числа известных нам аланских катакомб — нижнеджулатским, причем так называемого 1 типа. Это устраняет сомнения в том, что катакомбы принесены в зону Мингечаура, и исключает возможность их гетерогенного, независимого происхождения. Существование в начальный период у мингечаурских строителей катакомб как аланских обрядов, так и обрядов, отличных от аланских, не должно нас смущать: так обычно бывает в зоне, где контактируют этнические группы с различными культурами, в частности погребальными обрядами. Достаточно сослаться на Нижне-Джулатский могильник. Рассмотренный в названных статьях материал со всей определенностью позволяет считать, что носителями культуры катакомбных погребений на территории Мингечаурской округи были, вне сомнения, аланы [23]. Им же, по-видимому, принадлежали катакомбные захоронения в зоне Дайламана на юго-западе Каспия. Археологические материалы хорошо подтверждаются письменными источниками, свидетельствующими о проникновении алан в упомянутые области. Таким образом, можно утверждать, что в бурную эпоху передвижений значительных групп ираноязычных племен и народов на рубеже и в первые века нашей эры в областях прикаспийской полосы и в северо-западной зоне Азербайджана, так же как и в некоторых соседних районах, хозяйничали племена сармато-массагето-аланского круга, позднее смешавшиеся с местным населением.

Вопросы этнической истории затрагиваются также в тезисах моего доклада «О роли и значении иранского элемента в истории Кавказской Албании» [24], где отмечается, что ираноязычные племена, приходившие на протяжении веков в названную область, не смогли ассимилировать автохтонное население страны, бесспорным доказательством чему служит само существование самобытного албанского этноса и его культуры в античную и раннесредневековые эпохи, а также в тезисах совместного с Ф. Л. Османовым доклада о ванночных погребениях на территории Кавказской Албании [25], в котором констатируется, что появление в зоне Моллаисаклы (Исмаиллинский район) ванночных погребений по времени совпадает с экспансией парфянских элементов в Албанию начиная со II в. до н. э., тогда же в области Юго-Восточного Закавказья начинают проникать и парфянские монеты. В I в. в юго-западные районы Прикаспия были переселены дахские племенные группы, которые должны были стать опорой парфянских Аршакидов на захваченных территориях.

Важным этническим проблемам посвящены статьи о начале миграции на территорию Азербайджана ираноязычных племен и об этнических про-

[23] Наши с Г. М. Асланова положения об аланском характере мингечаурских катакомб подверглись критике в статье М. П. Абрамовой (см. *Абрамова М. П.* К вопросу об аланской культуре Северного Кавказа//СА. 1978. № 1. С. 78—79), носящей, с нашей точки зрения, очень субъективный характр: рецензент намеренно обедняет нашу аргументацию и неверно интерпретирует некоторые наши положения.

[24] VIII Всесоюзная конференция по древнему Востоку, посвященная памяти акад. В. В. Струве. Москва, 6—9 февраля 1979. М., 1979. С. 117—120. Этнических сюжетов касаюсь я и в статье «О скифах и Скифском царстве в Азербайджане» (Переднеазиатский сборник. III. М., 1979).

[25] *Алиев И., Османов Ф. Л.* Ванночные погребения Кавказской Албании и вопрос о культурных связях насельников Юго-Восточного Закавказья с парфянским миром// III Всесоюзная конференция «Искусство и археология Ирана и его связь с искусством народов СССР с древнейших времен». М., 1979. С. 11—12.

цессах в эллинистическую эпоху [26]. В первой из них отмечается, что в эпоху так называемого железного века II (1000—800 гг. до н. э.), в отдельных случаях и несколько ранее, в областях Иранского плато, в частности и на территории Южного Азербайджана, как об этом вполне определенно говорят археологические комплексы Хурвина, Амлаша, Марлика, Калураза, Динка-тепе, Хасанлу, Луристана, Сиалка и др., засвидетельствовано наличие новых групп иммигрантов-коневодов и всадников, принесших с собою практику конских захоронений и возведшие в культ почитание коня. Распространение всадничества, новых идеологических представлений, погребальных обрядов и сооружений, новых культов животных и образов в искусстве и т. п., не имевших истоков в местных культурах края, говорит о том, что перед нами пришельцы, принесшие в места нового обитания свой быт и культуру. Синхронные ассирийские источники сохранили ономастический материал и некоторое количество специфических терминов, анализ которых определенно свидетельствует о том, что новые поселенцы были носителями иранского этноса. Указывается, что уже в самом начале I тыс. до н. э. новые пришельцы начинают играть важнейшую роль в судьбах интересующего нас региона. Несколько позднее они выступали в качестве главной силы в этногенезе древнеазербайджанской (мидийско-атропатенской) народности. Местные языки не имели шансов устоять в конкуренции с языками скотоводов, распространенными на широких пространствах в более или менее единообразных формах. Постепенная языковая и культурная ассимиляция, деэтнизация больших групп аборигенов края вели к их этнической ассимиляции. Иранский язык (точнее, близкородственные наречия северо-западной иранской группы) становился языком межобщинных, межплеменных коммуникаций.

Во второй статье рассматривается этническая картина Атропатены эллинистического времени. Автор разбирает сведения источников о, так сказать, автономных племенах Атропатены — миках, утиях, парсиях, матиенах, каспиях, кадусиях, мардах, магах и др. Отмечается решающая роль мидийского завоевания в изменении этноязыковой картины Южного Азербайджана, в иранизации насельников края.

Говоря об этнических процессах на территории Атропатены, автор касается и некоторых теоретических проблем. В статье акцентируется вопрос о взаимозаменяемости в интересующий нас период терминов «Мидия» и «Атропатена», «мидянин» и «атропатенец». Рассматривается вопрос об иранском «атропатенском» (среднемидийском) языке. Проведенное исследование позволяет автору сделать вывод, что в эллинистическую пору на территории Южного Азербайджана появляется новая ираноязычная этническая общность со своим языком, самоназванием (этнонимом), почти несомненно — этническим самосознанием и другими неотъемлемыми компонентами этноса. Указывается на то, что общенародные языки — койнэ — в Армении и Иберии возникают именно в то же самое время, что и в Атропатене.

Давая общую характеристику атропатенского феномена, автор отмечает, что именно в атропатенский период было положено начало самого понятия «Азербайджан», а также связанных с ним явлений и обстоятельств этнокультурного, социального и политического характера. Да и сам хо-

---

[26] *Алиев И. Г.* О проникновении на территорию Азербайджана ираноязычных племен в конце II — начале I тысячелетий до н. э.// ИАН АзССР. 1987. № 2; *он же.* Племена и племенные группы в Атропатене. Формирование мидийско-атропатенского этноса// ВДИ. 1987. № 3.

роним «Азербайджан» в основе своей восходит к тому времени и является закономерно измененной формой древнего *Ātarpātakāna.

Наряду с этими исследованиями по проблемам этнической истории, идущими в русле утвердившихся в советской науке концепций, в последние годы в республиканских вузовских и академических изданиях и в научно-популярной литературе появилось немало статей, сборников и монографий, в которых развиваются идеи о господстве тюркского элемента на территории Азербайджана еще в глубокой древности [27].

Из специалистов по древней истории эту идею разрабатывает Ю. Б. Юсифов. В недавно опубликованной в ВДИ статье [28], он, как и ряд других наших историков, ищет в областях переднеазиатского Востока представителей «алтайской языковой общности», «алтайского этноса», «алтайско-пратюркских этносов». В статье много надуманного, немало различных натяжек, а главный принцип лингвистических построений — похожесть слов. Против положений, высказанных автором, можно выставить множество контраргументов, но достаточно одного, который ломает все его построение о пратюркских этносах в областях Передней Азии. Дело в том, что шумерское Aratta никак не могло передавать «алтайские» Алатау, Алатао, Алатаа и др. Эти «алтайские» формы в шумерском должны были бы выглядеть как Alataw, Alatau и т. п., но никак не Aratta, поскольку в шумерском — и в фонетике и в орфографии — вполне четко противопоставлялись фонемы и графемы r и l.

Требуют самого критического анализа изданные в 1983 и 1984 гг. Институтом языкознания АН АзССР два выпуска «Вопросов азербайджанской филологии». Здесь мы остановимся лишь на некоторых моментах, вызывающих наибольшие недоумения и возражения. Главная задача, поставленная составителями и авторами,— доказать древность тюркского элемента в областях Передней Азии — достигается методами, не выдерживающими критики. Незнание фактического материала и литературы, нещадная эксплуатация в качестве главного «аргумента» метода сопоставления разновременных языковых форм на основе только звуковой и кажущейся семантической аналогии, отсутствие лингвистического анализа, непонимание авторами сборников существа сложнейших процессов этнической истории, естественно, приводит к весьма серьезным ошибкам.

Важное место в сборниках занимают шумерологические сюжеты. А. М. Мамедов, опубликовавший по одной статье о шумеро-тюркском родстве в каждом из сборников [29], по существу ограничивается только поисками сходных слов в тюркских и шумерском, хотя и пытается подвести под свои рассуждения теоретическую базу. Однако он не делает даже попытки хотя бы поверхностно сопоставить структуры сравниваемых языков. Ему ни в коей мере не удалось установить закономерные

[27] Во второй половине 70-х годов тенденции «тюркизма» в некоторой мере ослабли, в последние же несколько лет вновь тюрок ищут везде и всюду. Об этом см. *Тихвинский С. Л.* Состояние и задачи координации исторических исследований//ВИ. 1986. № 3.

[28] *Юсифов Ю. Б.* Ранние контакты Месопотамии с северо-восточными странами// ВДИ. 1987. № 1. Ю. Б. Юсифов в соавторстве с С. К. Керимовым совсем недавно опубликовал учебник для вузов — «Основы топонимики» (Баку, 1987). В этой книге опять проводится идея о древности тюркского этноса на территории Азербайджана, делается вывод о наличии там еще в III—I тыс. до н. э. «протоазербайджанцев» и «протоазербайджанского» (тюркского) языка! Причем утверждается это на основании бездоказательного заявления о том, что топоним Ушкайа — это тюркское Учгаја (три горы), Уишдиш — не что иное, как тюркское Бешдиш (пять зубов гор) и т. д.

[29] *Мамедов А. М.* Материалы к ранней истории азербайджанского языка // ВАФ. 1983. С. 5—24; *он же* Теоретические проблемы восстановления первичных корней в тюркских языках // ВАФ. 1984. С. 5—21.

соответствия между отдельными фонемами сравниваемых языков, выявить общие праформы, показать материальное родство таких слов основного словарного фонда, как термины родства, названия частей тела, числительные и т. д., он не сумел, да и не мог показать материальное родство грамматических формантов шумерского и тюркских языков. Поскольку автор, по моему глубокому убеждению, не имеет никакого представления о шумерском языке, то он сводит свою задачу к поиску сходно звучащих слов и при этом не понимает, что при сравнении совершенно обязательно соблюдение системности. Часть его сопоставлений ошибочна уже потому, что основана на неправильном озвучении шумерских слов. А. М. Мамедов, видимо, не знает, что до сих пор нам не известно произношение множества шумерских слов, передающихся понятийными знаками, в частности логограммами-идеограммами. При помощи тех методов, коими действует А. М. Мамедов, шумерский можно увязать с любым языком планеты.

Ниже всякой критики статьи, в которых ведутся поиски тюрок среди скифо-сакских племен[30], «выявляются» хатто- и хетто-тюркские параллели[31], «доказывается» наличие тюрок в Мидии[32], «древнеазербайджанских слов» в Авесте[33] и т. д.

Множество ничем не подкрепленных допущений и ошибок, непростительных лингвисту, имеется в статьях В. Гукасяна[34]. Не выдерживает критики его идентификация саспер — сабир, кангары — печенеги, Баласакан — Баласагун — Баладжагун. Очень много произвольного, невероятно путаного и ошибочного содержит статья М. Сеидова «Заметки об этимологии топонима Карабах-Арсаг-Арцаг» (ВАФ. 1983).

Здесь нет возможности разбирать все статьи названных сборников, достаточно сказать, что значительная их часть производит впечатление несерьезно, дилетантски написанных, содержит различного рода ошибки конкретного, общеисторического и теоретического характера.

Не менее критической оценки заслуживает выпущенный издательством «Эльм» в 1984 г. сборник «К проблеме этногенеза азербайджанского народа» (ответственный за выпуск М. А. Исмаилов). В открывающей сборник статье С. С. Алиярова[35] (занимавшегося прежде проблемами новой истории Азербайджана) утверждается, что «доминирующую роль в этнических процессах» на территории Азербайджана в эпоху раннего средневековья играли не албаны и не атропатенцы, а тюркоязычный элемент, являвшийся «одним из компактных массивов на этнической карте страны», к тому же «расширяющийся постоянно за счет новых инфильтраций». По мнению автора, «компактный массив» тюрок в Азербайджане состоял преимущественно из протобулгар и кангаров. Но, во-первых, «земля кангар», упоминаемая в источниках, никакого отношения к Азербайджану не имеет: она находилась на границе Армении

[30] *Тагирзаде А.* Этимология топонима «мачахы» в свете скифской проблемы // ВАФ. 1983.

[31] *Меликов И. С.* Древнехеттские и азербайджаноязычные схождения // Там же. С. 128 сл.; *он же.* Хатто-общетюркские параллели // ВАФ. 1984.

[32] *Гаджиев Г. Н.* О следах азербайджанского языка дописьменного периода // ВАФ. 1983; *он же.* О древней ономастике Азербайджана // ВАФ. 1984; *Рагимов А.* О происхождении слов «Мидия» и «маг» // ВАФ. 1983.

[33] *Гусейни А.* Древнеазербайджанские слова в «Авесте» // ВАФ. 1983.

[34] *Гукасян В. Л.* К вопросу об истории возникновения азербайджанского языка // ВАФ. 1983; *он же.* Азербайджанские палеотопонимы в закавказских источниках // ВАФ. 1984.

[35] *Алияров С. С.* Об этногенезе азербайджанского народа // К проблеме этногенеза азербайджанского народа. Баку, 1984. С. 4—39.

и Иберии [36], во-вторых, отождествление кавказских кангаров с печенежскими кангарами весьма спорно: ведь хорошо известно, что печенеги выступают на исторической арене значительно позже: их история началась в VIII в. в низовьях Сыр-Дарьи и закончилась в X в., причем по сообщению Константина Порфирородного три печенежских племени, называвшиеся «кангар», в его время (середина X в.) обитали на Днепре. Исходя из сказанного, эти тюркоязычные кангары VIII—X вв. не могли иметь никакого отношения к кавказским кангарам V в., и, следовательно, не могут быть привлечены в качестве компонента (причем основного или одного из основных, как считает автор) в этногенезе азербайджанского народа. На ошибочных исходных данных строятся и остальные положения С. С. Алиярова о шумеро-тюркских параллелях, бунтурках и булгарах. В статье сквозит явное желание вопреки очевидности удревнить тюрок на территории Азербайджана. Тенденциозно интерпретируя хорошо известные факты, автор пытается создать у читателя иллюзию того, что Азербайджан издревле был страной тюркоязычной.

Статья К. Алиева «Этюды о населении древнего Азербайджана» в том же сборнике написана на весьма низком профессиональном уровне. Автор, плохо разбираясь в сложностях предмета, видит свою задачу в том, чтобы подобрать (вне времени и пространства) к тем или иным словам неизвестного языка похожие слова в тюркских языках. Вопросы лингвистических закономерностей для него не существуют, при сравнении различных слов и имен им не учитываются историческое окружение, сама история слова. В таком плане он этимологизирует из тюркского этноним албан, имя албанского царя Зобер и пр. Главное, К. Алиев стремится доказать древность тюркского элемента в Азербайджане. Под недифференцированным понятием «кочевники», которых он ведет из прикаспийских и приаральских степей в Азербайджан уже в начале I тыс. до н. э., К. Алиев видит одних лишь тюрок.

В статье Г. А. Гейбуллаева «К этногенезу азербайджанцев (По данным топонимии)» из того же сборника произвольность интерпретации доходит до крайнего предела, ошибки бросаются в глаза сразу. Так, например, автор «пересмотрел» мнение о кавказоязычности «конкретного племени албан», объявив их тюркоязычными. Более того, он последовательно «доказывает» тюркоязычность «скифов-саков», гаргаров, ижмахов и др. Автор безапелляционно заявляет, что кангары-печенеги проникли в Албанию вместе с гуннами уже в первые века н.э. На территории между Меотидой и Каспийским морем среди разнообразных племен он «нашел» нужных ему печенегов, которых, по его мнению, в форме «панксаны» упоминает Страбон. Автор не понимает, что из «панксанов» совершенно невозможно получить «пачанак», ибо иноязычный «ч» греки всегда передавали через *дзету*, а не через *кси*.

Заключая все сказанное о сборнике «К проблеме этногенеза азербайджанского народа», следует еще раз подчеркнуть, что этот opus свидетельствует о весьма низком профессиональном уровне его авторов. Сборник выпущен определенной группой историков, поставившей перед собою задачу доказать древность обитания тюрок в Азербайджане при помощи различного рода манипуляций с лингвистическим и историческим материалами.

[36] См. *Парпеци Лазар*. История Армении. Тифлис, 1904. С. 132. См. также *Langlois V.* Collection des historiens anciens et modernes de l'Armenie. II. P., 1869. P. 336. По «Армянской географии VII века» (текст и перевод К. П. Патканова. СПб., 1877. С. 40)— это двадцатый гавар Иберии.

В недавно изданной книге Г. А. Гейбуллаева «Топонимия Азербайджана» (Баку: Эльм, 1986) в концентрированном виде отразились все отрицательные стороны методики его исследовательской работы. Единственная цель автора и на сей раз — это доказать при помощи любых средств древность обитания тюрок в Азербайджане. Насилуя факты, он объявляет тюрками подавляющее большинство обитателей Азербайджана. Более чем свободное обращение Г. А. Гейбуллаева с источниками (которые он знает очень плохо) и литературой (с которой он знаком еще хуже) бросается в глаза чуть ли ни с первой страницы работы [37].

В аналогичном ключе сделана статья М. Сеидова «Об этимологии слова „Азербайджан“» (ИАН АзССР, сер. литературы, языка и искусства. 1986. № 3. С. 17—21). В статье отсутствует то, что в науке принято называть этимологическим анализом. Автор произвольно делит интересующее его слово на такие «куски», которые его устраивают. Пользуясь формулой «по нашему (мнению)», он утверждает, что начальной формой хоронима «Азербайджан» было «Азәрбајган(чеан)», игнорируя целую вереницу названий — предшественниц этого хоронима. Далее автор по своему усмотрению делит «Азәрбајчеан(ган)» на «составные» части: «Аз» — название тюркоязычного племени, әр — киши (муж), бай//бе (бек), аджан//ган (хан, отец). Таким образом, слово «Азербайджан», по его мнению, означает «хан бека человека из племени Аз». Это невразумительное словосочетание предлагается для доказательства тюркского происхождения названия страны.

Те же идеи об изначальной древности тюркского этноса на территории Азербайджана и, к сожалению, те же методы доказательства присутствуют в учебных пособиях по истории азербайджанского языка, по которым учатся целые поколения студентов. Автор рекомендованной Ученым советом филологического факультета Азербайджанского гос. ун-та им. С. М. Кирова «Истории азербайджанского литературного языка» (Баку, 1976) Т. Гаджиев совершенно убежден в том, что «среди племенных союзов на территории Мидии, Албании, Аррана в с е г д а (разрядка моя.— *И. А.*) наличествовали этносы тюркского происхождения» (с. 21). Присутствие тюркского этноса на значительной части территории Передней и Средней Азии еще во времена Александра Македонского он аргументирует ссылкой на Низами (!) (с. 25). Каспии, идентифицируемые с... хазарами, по его мнению, были тюрками (с. 26). Уподобляя «ишкуз'ов» (обозначение скифов в клинописи) «ич огуз'ам», он заверяет читателя, что среди скифов «всегда преобладали тюркоязычные племена». О полной некомпетентности автора свидетельствует его трактовка этнонима «луллубей»: он и не подозревает, что в этом наименовании нет никакого тюркского «бej». Все рассуждение Т. Гаджиева о родстве шумерского и тюркских зиждется не на научных принципах, а на недоразумениях.

Совершенно то же самое мы видим в другом пособии для филологических факультетов — «Истории азербайджанского языка» (Баку, 1983), написанном тем же Т. Гаджиевым и К. Велиевым.

Мне трудно вскрыть все причины, породившие отмеченные выше пороки историко-филологических работ этого направления, но думается одна из них — это недостаточная, нередко весьма низкая профессиональная подготовка ряда наших ученых, незнание ими специальных языков и современных методов лингвистического анализа. Подавляющее боль-

[37] Поскольку я закончил развернутую отрицательную рецензию на работу Г. А. Гейбуллаева, здесь считаю возможным ограничиться сказанным.

шинство пишущих у нас об этнических процессах не знает, что «важнейшей частью этимологического исследования... являются отдельные операции той процедуры, которая называется сравнительно-историческим методом» [38]. Они не предполагают, что внешнее сходство, «похожесть» отдельно, вне системы взятых слов не имеет никакой доказательной силы, ибо случайные совпадения слов, названий, формантов и т. д. в разных языках просто неизбежны: в силу законов теории вероятности в разных языках всегда можно обнаружить несколько десятков соответствий, слов, не только совершенно одинаково звучащих, но и означающих одно и то же в языках, ничего общего, однако, по своему происхождению не имеющих (особенно разительны примеры из области топонимики [39]). Эти авторы не принимают во внимание, что при сравнении совершенно необходимо соблюдение системности. Необходим показ системности соответствий грамматических формантов, таких слов основного словарного фонда, как числительные, термины родства, названий частей тела и т. д. в сравниваемых языках. Без учета исторического окружения, а также самой истории слова и тех изменений в течение веков, которые слова претерпевают в данном языке на основе внутренних фонетических законов этого языка, короче — без серьезного анализа сопоставление отдельных слов лишено какого бы то ни было научного значения.

Наши авторы глубоко заблуждаются, если думают, что в науке можно довольствоваться простым сравнением похожих слов и делать на основании этого важные выводы. Поступающие подобным образом пытаются возродить методы донаучного периода в языкознании. Они полностью игнорируют установившиеся в науке принципы. И делается это во имя доказательства древности тюркоязычных элементов в нашем крае. Поэтому вполне прав Н. А. Баскаков, осудивший «научно необоснованные попытки некоторых исследователей неоправданно удревнять этногенез ряда тюркских народов, исходя из сомнительных этимологий... неправомерных сопоставлений и проч., в то время как наукой доказано, что формирование современных тюркских народов и народностей относится к значительно более позднему периоду, чем этим ученым хотелось бы. Для решения вопросов этногенеза тюркских племен и народностей необходимо опираться на достоверные источники, использовать всю имеющуюся отечественную и зарубежную научную литературу, с которой упомянутые исследователи знакомы явно недостаточно. В результате высказываются антинаучные суждения, подрывающие престиж советской тюркологической науки, которая традиционно пользовалась высоким авторитетом и занимала приоритетное место в мире» [40].

Положение осложняется тем, что в последние годы у нас в республике появилась значительная группа дилетантствующих и профанирующих науку «популяризаторов», поставивших перед собою цель во что бы то ни стало доказать древность или даже автохтонность тюркоязычных элементов в областях Азербайджана. Фальсифицируя известные факты и используя совершенно ненаучные методы, они умышленно и упорно пытаются создать у непосвященного и доверчивого читателя иллюзию того, что Азербайджан издревле был страной тюркоязычной, что сюда еще в древности вторгались различные тюркоязычные племена и народности. Тюрками у них оказываются насельники Атропатены, мидяне,

[38] *Белецкий А. А.* Лексикология и теория языкознания. Киев, 1972. С. 12—13.
[39] *Никонов В. А.* Введение в топонимику. М., 1960, С. 112 сл.
[40] Двенадцатое пленарное заседание Советского комитета тюркологов // Советская тюркология. 1986. № 3. С. 93.

албаны, скифы, саки, массагеты и многие другие племена и народности древности, языковая принадлежность которых давно установлена наукой.

Полное незнание многими авторами, бойко рассуждающими об этнических проблемах края, фактического материала источников и значительной специальной литературы на русском и европейских языках, а также, что самое главное, непонимание ими существа процессов этнической истории, неумение вникать в суть явления, пренебрежение элементарными нормами научного исследования, очень низкий профессиональный уровень — вот характерные черты многочисленных статей, заполнивших страницы наших газет, журналов, научно-популярных книг [41]. Неприемлемы сам метод и характер преподнесения читателю различных вздорных высказываний, безапелляционный тон авторов, часто поучающих и даже порочащих специалистов, хорошо знающих свое дело (см. газету «Баку» от 24.IX.1986).

Масштабы дилетантизма и весьма вредной халтуры, превратившись в сущий бич наших популярных изданий, становятся уже опасными: они оказывают чрезвычайно сильное влияние на неискушенную молодежь и некоторые круги азербайджанской интеллигенции и не только гуманитарной. Когда речь идет о таком соблазнительном с точки зрения ложно понимаемого национального чувства сюжете, как проблема тюрок в древнем Азербайджане, многим изменяет здравый рассудок. Отнюдь не собираясь обвинять всех авторов, искавших тюрок на нашей земле в древности, в различного рода смертных грехах, навешивать на них ярлыки, я не могу, однако, не указать на то, что утверждения о глубокой древности или даже автохтонности тюркского элемента в переднеазиатских областях, как известно, в конечном счете восходят к идеям пантюркистов. Потоку псевдонаучных и дилетантских работ, направленных на поиски тюркского этноса на территории Азербайджана в период до нашей эры, необходимо противопоставить квалифицированные научные исследования и научно-популярные издания, посвященные непредвзятому тщательному изучению истории племен и государств Восточного Закавказья и Западного Ирана, лингвистической ситуации в этом регионе во II—I тыс. до н. э. и первые века н. э.

В известной мере эту задачу выполняют уже изданные у нас работы по проблемам истории Манны, Атропатены и Албании.

В 1977 г. из печати вышла книга С. М. Кашкай «Из истории Маннейского царства» — первая специальная работа, посвященная названному государству [42]. Маннейское царство — наиболее раннее крупное государственное образование на территории Южного Азербайджана, засвидетельствованное письменными источниками. В работе исчерпывающе использованы письменные ассирийские и урартские источники и в особенности археологические материалы, которые нередко позволяют

---

[41] Множество такого рода статей печатается в очень читаемом (тираж около 115 тысяч) ежемесячном научно-популярном журнале общества «Знание» АзССР «Эльм ве хаят» («Наука и жизнь»). Последней по времени является статья с громким названием «Мысли по вопросу о формировании азербайджанского народа» (1987. № 4), принадлежащая чл.-корр. АН АзССР М. А. Исмаилову (специалисту по новой истории Азербайджана), с критикой концепций которого я уже выступал (см. ИАН АзССР. 1986. № 1). К этой же категории работ следует отнести брошюры М. Сеидова «Судьба „золотого воина“» (Баку, 1984), А. Ниджата «На рассвете истории» (Баку, 1982), роман И. Гусейнова «Идеал» (Баку, 1986) и др.

[42] В общем плане история Манны рассматривалась и прежде — в монографиях И. М. Дьяконова (История Мидии. М.—Л., 1956) и Играра Алиева (История Мидии. Баку, 1960).

автору по-новому взглянуть на те или иные вопросы истории Маннейского царства. Серьезное внимание уделяется проблемам этнической истории, возникновения государственности на изучаемой территории, воссоздаются отдельные звенья социально-экономической истории насельников края. Широко привлечены археологические материалы по градостроительству, ремесленному производству, различным отраслям хозяйственной жизни, искусству, религии. Автор подчеркивает самобытный характер культуры Маннейского царства, справедливо полагая, что она зиждилась на высоко развитой экономике государства, которое в свое время было одним из значительных политических образований на Ближнем Востоке. В соавторстве с одним из крупнейших востоковедов страны, И. М. Дьяконовым С. М. Кашкай участвовала в подготовке и издании отличной книги — «Geographical Names According to Urartian Texts» (Wiesbaden, 1981). В работе собраны все географические наименования, упоминаемые в урартских источниках, и дана их локализация с учетом основных мнений исследователей. С. М. Кашкай опубликовала также несколько статей, посвященных археологическим раскопкам памятников первой половины I тыс. до н. э. в зоне Нахичеванской АССР [43]. Исследованные материалы позволяют говорить о тесных связях насельников зоны с обитателями Приурмийского бассейна.

С древневосточной тематикой связаны исследования Ю. Б. Юсифова. Им разрабатывались проблемы истории Элама и некоторые другие вопросы. В статье, опубликованной в «Переднеазиатском сборнике» [44], автор приходит к выводу, что в домашних общинах Элама рабство существовало в более или менее развитом виде, а само эламское общество уже в ранний период находилось на рабовладельческой стадии развития. Ю. Б. Юсифов опубликовал также несколько статей, посвященных скифской проблематике, вопросам истории Албании и т. д.[45]

С древневосточной тематикой связаны также и исследования молодых ученых М. Н. Мирзоева и Р. С. Меликова. М. Н. Мирзоевым опубликовано несколько статей и тезисов, посвященных различным аспектам истории касситской Вавилонии. В одной из них [46] на основании документов из Ниппура, Ура, Дур-Куригальзу он исследовал состояние цен на движимое имущество в касситской Вавилонии и пришел к выводу, что цены были приблизительно на том же уровне, что и в Месопотамии старовавилонского времени и в соседних странах. В другой статье [47], посвященной роли религии в древневавилонском обществе, отмечается, что покровительство касситских правителей вавилонской религии было свя-

[43] См. *Кашкай С. М.* Связи Нахичеванского края с Иранским Азербайджаном во II — начале I тыс. до н. э. // Переднеазиатский сборник. III. М., 1979; *Асланов Г. М., Кашкай С. М.* Некрополь Мунджуглутепе в Нахичеванской АССР // Древние культуры Евразии и античная цивилизация. Л., 1983; *они же.* New Archaeological Finds in Soviet Azerbaijan // Archiv für Orientforschung. 1982.19, и др.

[44] *Юсифов Ю. Б.* К вопросу о рабстве в Эламе // Переднеазиатский сборник. III. М., 1979.

[45] *Yusifov Y. B.* On the Scythians in Mannea. Societies and Languages of the Ancient Near East. Studies in Honor of I. M. Diakonoff. 1982; *Юсифов Ю. Б.* О языках древнейших насельников Азербайджана (III тысячелетие до н. э.) // ВАФ. 1983; *Юсифов Ю. Б., Бабаев И. А.* Кавказская Албания в эллинистическую эпоху // Причерноморье в эпоху эллинизма. Материалы III Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья. Цхалтубо, 1982. Тбилиси, 1985.

[46] *Мирзоев М. Н.* Цены на движимое имущество в касситской Вавилонии XIV—XII вв. до н. э. // ВДИ. 1982. № 3.

[47] *Он же.* Роль религии в древневавилонском обществе (По данным средневавилонских источников) // Место религии в общественно-политической жизни стран Ближнего и Среднего Востока. Баку, 1985.

зано с политическими соображениями и преследовало цель укрепления власти касситов в Вавилонии. Другие работы автора по истории и культуре касситской Вавилонии опубликованы в виде кратких тезисов [48].

Р. С. Меликов работает над важной для нашей науки и весьма сложной темой — «Этническая картина Азербайджана в эпоху ахеменидского владычества». Известно, что период господства Ахеменидов характеризуется интенсивными процессами этнического смешения и синкретизации культур и религиозных представлений различных народов, входивших в состав первой мировой державы древности. В этом плане важную роль играли не только массовые депортации, но и военные колонии из представителей различных народов, переселенных в те или иные покоренные области. Один из аспектов этой темы рассматривается в тезисах Р. С. Меликова «Каспии — военные колонисты в Египте» [49]. В другой заметке Р. С. Меликов рассматривает вопрос о территории обитания одного из мощных племенных образований древнего Азербайджана — кадусиев и отмечает, что последние сохранили свою независимость в эпоху ахеменидского владычества [50].

Проблемам социально-политической истории и культуры Парфии эллинистического времени посвящены работы В. А. Гаибова [51].

Важное место в албановедческих изысканиях в истекшее десятилетие занимали работы археологов. Первым обобщающим трудом по истории материальной культуры Кавказской Албании античного времени, в котором охвачен по существу почти весь комплекс вопросов темы, является монография Ф. Л. Османова, изданная в 1982 г.[52] В ней впервые обобщен значительный археологический материал, привлечены письменные источники, дана относительно полная характеристика самобытной материальной культуры Албании. В книге нашли отражение важнейшие материалы раскопок около 20 албанских поселений, впервые обнаруженных автором, рассмотрен обильный погребальный материал. Ф. Л. Османов на основании скрупулезного изучения весьма значительного археологического материала, увязываемого со скудными письменными источниками, опровергает тезис об отсталости албан, имевший довольно длительное хождение в специальной и популярной литературе, прослеживает дипломатические, торговые, культурные отношения Албании с римским миром. На базе нововыявленных погребальных обрядов им изучены древние религиозные представления населения, рассмотрены этнические особенности, социальная структура общества и т. д. В работе рассмотрены важные социально-экономические и политические вопросы,

[48] *Он же.* О рабовладельческих отношениях в касситской Вавилонии // VIII Всесоюзная конференция по древнему Востоку. М., 1979: *он же.* Некоторые аспекты культуры касситской Вавилонии // Древневосточная культура и вопросы ее преподавания в высшей школе. Тезисы конференции. Даугавпилс, 1981; *он же.* О взаимоотношениях Вавилонии с Египтом в период господства касситской династии // Материалы научной конференции, посвященной итогам научно-исследовательских работ за 1981—1985 гг. Баку, 1986, и др.

[49] Тезисы научной конференции молодых ученых Института истории АН АзССР и исторического факультета АГУ им. С. М. Кирова. Баку, 1984.

[50] *Меликов Р. С.* Кадусии // Материалы республиканской научной конференции аспирантов. II. Баку, 1986.

[51] *Гаибов В. А.* О некоторых проблемах социально-политической истории Парфии (Schippmann K. Grundzüge der parthischen Geschichte. Darmstadt, 1980) // ВДИ. 1984. № 2; *он же.* Храмовая архитектура Ирана в эллинистическо-парфянское время // Хозяйство и культура доклассовых и раннеклассовых обществ. III конференция молодых ученых Института археологии АН СССР. Тезисы докладов. М., 1986, и др.

[52] *Османов Ф. Л.* Материальная культура Кавказской Албании. IV в. до н. э.— III в. н. э. Баку, 1982 (на азерб. яз.).

показано развитие государства Кавказской Албании и его место в истории античности. Ф. Л. Османовым издано также несколько статей, посвященных раскопкам отдельных объектов [53].

В 1985 г. из печати вышла книга Дж. А. Халилова [54], посвященная по существу тем же вопросам, что и монография Ф. Л. Османова, хотя по объему она шире и охватывает больший материал. Автор, конечно, проделал определенную полезную работу, ввел в научный оборот немало новых материалов, обобщил их, сделал ряд правильных выводов. И тем не менее трудом этим следует пользоваться с большой осторожностью. В нем множество спорных и ошибочных положений, аргументация автора часто неубедительна, ссылочный аппарат сделан неряшливо: много ошибок в ссылках на источники, некоторыми трудами автор пользовался из вторых или даже третьих рук. Все это свидетельствует о слабости источниковедческой основы монографии [55]. Дж. А. Халилов выдвигает идею о существовании в Албании начиная со времени возникновения Албанского государства (т. е. с IV в. до н. э.) единой албанской культуры. Однако автору вопреки его стремлениям так и не удалось доказать, что две археологические культуры Албании — ялойлутепинская и кувшинных погребений — «по археологическому материалу... оказываются идентичными» (с. 203). Несмотря на отдельные близкие черты культуры ялойлутепинская и кувшинных погребений — это культуры разные и не только по погребальным обрядам, но и по месту возникновения, по материальной и духовной культуре. И только на рубеже нашей эры эти культуры сливаются в более или менее единообразную культуру, которую действительно можно назвать албанской. Автор, сознательно элиминируя непреодолимые препятствия и нивелируя значительные отличия в материальной культуре людей, практиковавших обряд кувшинных, грунтовых, ванночных и других погребений, утверждает вопреки очевидности, что с образованием Албанского государства складывается единая культура.

Несколько работ, посвященных археологическим памятникам Кавказской Албании античного времени, опубликовал И. А. Бабаев. Это прежде всего первая на азербайджанском языке научно-популярная книга по истории Кабалы, столицы государства, написанная в соавторстве с Г. М. Ахмедовым [56]. В ней обобщены результаты археологических исследований, проведенных в Кабале, прослежена история города со времени его основания приблизительно в III в. до н. э. и до конца его существования, т. е. до XVII в. Он опубликовал также ряд статей, посвященных руинам общественного здания I в. до н. э., сохранившимся

---

[53] *Османов Ф. Л.* Поселение и некрополь у села Нюди Ахсуинского района // КСИА. 1979. № 159; *он же.* Новые археологические находки античного времени из Моллаисаклов // МКА. IX. Баку, 1980; *он же.* Новый памятник Кавказской Албании // АО 1981 г. М. 1983; *он же.* Работа Узунбойларского отряда // АО 1982 г. М., 1984; *Османов Ф. Л., Джабиев Г. Дж.* Античные памятники Гырлартепе. Баку, 1986, и другие работы.

[54] *Халилов Дж. А.* Материальная культура Кавказской Албании. Баку, 1985.

[55] В свое время, когда Дж. А. Халилов защищал докторскую диссертацию, я выступил с резким отзывом и указал на множество конкретных ошибок в его работе. Однако значительное количество ошибок, на которые было указано автору, остались неисправленными и в изданной монографии. Все отрицательные стороны Дж. А. Халилова как автора отразились, к сожалению, и в разделах, написанных им для монументальной «Археологии СССР (Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии)». М., 1985, С. 93—106. Одних только фактических ошибок здесь более двух десятков.

[56] *Бабаев И. А., Ахмедов Г. М.* Кабала (Историко-археологический очерк). Баку, 1981.

в Кабале, античным традициям в материальной культуре Кавказской Албании, влиянию иранской культуры ахеменидского времени на материальную культуру Азербайджана, буллам эллинистического времени из Кабалы и т. д.[57] И. А. Бабаевым сдана в печать монография «Города Кавказской Албании в IV в. до н. э.— III в. н. э.», в которой освещается ранний этап урбанистического процесса в областях Северного Азербайджана.

Плодотворно работал в области античной и раннесредневековой археологии Кавказской Албании Ф. Гадиров. В соавторстве с И. Алиевым он издал иллюстрированную книгу-альбом «Гəбəлə—Кабала—Cabala» (Баку, 1985) на азербайджанском, русском и английском языках и опубликовал более десятка статей, посвященных в основном изучению археологических материалов, обнаруженных в Кабале [58].

Интересную работу в области исследования оружия древних албан проделал молодой археолог А. А. Алиев[59]. Им же опубликован ряд статей, посвященных интерпретации археологического материала по преимуществу албанского времени, обнаруженного в различных районах Азербайджана и оборонительным сооружениям на территории Кавказской Албании [60].

Над проблемами истории Кавказской Албании трудился К. Г. Алиев, по этой теме им опубликован ряд докладов и тезисов [61], а также заметок в «Азербайджанской Советской энциклопедии», написано несколько рецензий и обзоров. В 1986 г. он издал «Античные источники по истории Азербайджана» [62]— полезное пособие для интересующихся древней историей Азербайджана.

---

[57] *Бабаев И. А.* Исследования общественного здания второй половины I в. до н. э.— I в. н. э. на городище Кабала // СА. 1977. № 4; *Халилов Дж. А., Бабаев И. А.* Античные традиции в материальной культуре Кавказской Албании // Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов Советского Востока. М., 1978; *Бабаев И. А.* Буллы эллинистического времени из раскопок Кабалы // Всесоюзный симпозиум по проблемам эллинистической культуры на Востоке. Тезисы докладов. Ереван, 1980; *Юсифов Ю. Б., Бабаев И. А.* Кавказская Албания в эллинистическую эпоху // Причерноморье в эпоху эллинизма. Материалы III Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья. Цхалтубо, 1982. Тбилиси, 1985, и т. д.

[58] *Гадиров Ф. В.* О поселении античного периода, выявленном в Кабалинском магале//ИАН АзССР. 1978; *он же.* Работа 1975 года на городище Кабала//АЭИА (1975 г.). Баку, 1978; *он же.* Работа на городище Кабала // АО 1980 г. М., 1981; *он же.* Раскопки в Сельбире в 1978 г. // АЭИА (1978г.). Баку, 1982; *он же.* Исследования в Кабале // АО 1981 г. М., 1983; *он же.* Работа Сельбирского отряда // АО 1982 г. М., 1984; *он же.* Археологические раскопки на Гараултепе // ИАН АзССР. 1985. № 1; *он же.* О полевых исследованиях Сельбирского археологического отряда (1980 г.)//АЭИА (1980/81 гг.). Баку, 1986, и другие.

[59] *Алиев А. А.* Сравнительный анализ археологических находок с письменными источниками об оружии албан (IV в. до н. э. — III в. н. э.) // ИАН АзССР. 1981. № 1.

[60] *Он же.* Случайные находки в Геокчайском районе // АЭИА (1976 г). Баку, 1979; *он же.* О древних могильниках вблизи селения Дзанахар // ИАН АзССР. 1981. № 3; *он же.* Исследования в Евлахском районе // АО 1983 г. М., 1984; *он же.* Исследования на Бешбармакской стене и Гильгильчайском оборонительном сооружении // АО 1984 г. М., 1986; *он же.* Гильгильчайское оборонительное сооружение. Баку, 1986.

[61] *Алиев К.* К вопросу об общественно-экономическом строе древней Кавказской Албании // VIII Всесоюзная конференция по древнему Востоку. М., 1979; *он же.* К вопросу о гаргарах и территории их расселения // ДАН АзССР. 1981. № 1; *он же.* Топонимика и этнонимика об этногенезе на территории Азербайджанской ССР // Материалы докладов II научной конференции, посвященной изучению топонимии АзССР. Баку, 1981; *он же.* О духовной культуре древнего Азербайджана (III в. до н. э. — III в. н. э.) // Всесоюзная археологическая конференция «Достижения советской археологии в XI пятилетке». Тезисы докладов. Баку, 1985, и др.

[62] *Алиев Кемал.* Античные источники по истории Азербайджана. Баку, 1986.

Важным достижением албановедения в нашей республике является исследование Ф. Мамедовой «Политическая история и историческая география Кавказской Албании (III в. до н. э.— VIII в. н. э.)», изданное в 1986 г.[63] Этот труд посвящен рассмотрению ряда кардинальных вопросов истории и культуры позднеантичной и раннесредневековой Кавказской Албании, причем значительная часть этих вопросов, не имевших по сей день однозначного решения, ставится и решается автором по-новому. Значительным вкладом в науку является исследование вопроса о рукописной основе «Истории албан» Моисея Каланкатуйского: автор провел текстологический анализ этого важнейшего памятника албанской исторической литературы и мастерски выявил следы албанской и армянской редакций в рукописях «Истории албан». Исключительное значение имеют рассуждения автора о длительном сохранении албанского этноса, интересна попытка осмысления сложнейших и чрезвычайно запутанных проблем исторической географии Кавказской Албании. Ф. Мамедова является пионером в этой области албанистики. Вполне убедительным представляется ее вывод о том, что, несмотря на иноземное происхождение, Аршакиды и Михраниды проводили албанскую политику, полностью албанизировались. Важный материал содержит глава об албанской церкви.

Интересна по своему содержанию монография С. Ю. Касумовой «Южный Азербайджан в III—VII вв.» (Баку, 1983), посвященная малоразработанной в отечественной и зарубежной историографии проблеме — этно-культурной и социально-экономической истории Южного Азербайджана в III—VII вв. На материале античных и раннесредневековых источников исследуются его географическое и стратегическое положение, население и языки, города, административная и социальная структура, положение рабов и формы манумиссий, экономика, зороастризм и христианство, храм огня Адур Гушнасп. Работа основана на совокупности опубликованных к настоящему времени письменных источников (среднеперсидские надписи, книжная литература, манихейские тексты, византийские, сирийские, армянские, арабские, новоперсидские) и вещественных — гемм, булл, материалов археологических раскопок храмового комплекса Тахт-и Сулейман (храм огня Адур Гушнасп). При анализе этнического состава и языковой ситуации автор прослеживает основные этапы изменения этнической и лингвистической карты области на протяжении длительного периода, для чего по мере надобности привлекаются материалы памятников на древнеиранских языках, а также данные исторической лексикологии (в основном историко-этимологический анализ терминов). На протяжении многих столетий в диалектах Южного Азербайджана и южных районов Азербайджанской ССР, прикаспийской зоне Ирана прослеживается преемственность историко-фонетических особенностей, присущих древнемидийскому языку, точнее — его диалектам. В работе отмечается, что Азербайджан был одной из административных единиц (шахров) государства Сасанидов, особенно важной тем, что на его территории находился храм Адур Гушнасп — храм царской фамилии и сословия знати, а также своим экономическим и стратегическим положением; прослеживаются изменения административной структуры после реформ Хосрова Ануширвана. В одной из глав работы исследуются социально-экономические отношения (рабовладение, формы

[63] Рец.: *Алиев Играр*. Серьезный вклад в албанистику (Мамедова Ф. Политическая история и историческая география Кавказской Албании (III в. до н. э.— VIII в. н. э.). Баку, 1986 // ИАН АзССР. 1986. № 4.

землепользования, система податного обложения) на основе данных письменных и вещественных источников, среди которых наиважнейшее место отводится буллам, обнаруженным в ходе раскопок Тахт-и Сулейман; надписи на буллах с социальной и административной терминологией впервые привлекаются для исторического исследования. Автор рассмотрела материалы археологических исследований храмового комплекса Тахт-и Сулейман, доказывающие его идентичность с храмом огня Адур Гушнасп, который функционировал на протяжении десяти веков, с III до XIII в.

С. Ю. Касумовой опубликованы также две важных статьи [64]. В одной из них на основании Сасанидского судебника прослеживаются основные категории рабов сасанидского времени — аншахриги и бандаги, другая статья посвящена исследованию среднеперсидской надписи из Мишкиншахра. Участвуя в Дербентской археологической экспедиции, С. Ю. Касумова выявила пять новых среднеперсидских надписей, которым посвящены ее тезисы, изданные в Махачкале в 1986 г.[65]

В 1985 г. Ю. Р. Джафаров опубликовал весьма интересную монографию «Гунны и Азербайджан». Книга посвящена одной из наиболее сложных проблем древней и раннесредневековой истории Азербайджана, связанной с процессом длительного взаимодействия гуннских этнических групп Северного Кавказа с насельниками Албании. В ней освещается период (II—VI вв.), имевший большое значение в истории закавказских народов, когда они столкнулись с мощной волной передвижения кочевых тюркоязычных племен.

В работе впервые сделана попытка систематизировать и критически обобщить данные источников и литературы по этой проблеме и на основании этого реконструировать целостную картину истории взаимоотношений гуннов с Албанией и другими государствами Закавказья. Главное внимание в работе уделено освещению большой группы взаимосвязанных вопросов, отражающих, с одной стороны, процесс возникновения, эволюции и распада гуннских племенных объединений на Северном Кавказе, а с другой — характер и этапы их длительного взаимодействия со странами Закавказья.

Ю. Р. Джафаров издал также несколько статей, посвященных истории Кавказской Албании [66]. В одной из них анализируются сведения источников о походе Помпея в Албанию, на основании чего локализуется место зимней стоянки римских легионов в 66/65 г. до н. э. на территории албанской храмовой области Луны в зоне современного города Казаха. В другой его статье предлагается новая локализация «Страны чилбов» и «Страны лпинов» — областей обитания двух племен, известных из армянских источников V в. и упоминаемых также Моисеем Каланкатуйским.

Среди найденных на территории Азербайджана памятников декоративно-прикладного искусства, отражающих культуру и художественные вкусы албанского общества, выявлено немало предметов из драгоценных

[64] *Касумова С. Ю.* Основные категории рабов в Сасанидском государстве и их особенности // ДАН АзССР. 1982. 38. № 10; *она же.* Среднеперсидская надпись из Мишкиншахра (Южный Азербайджан) // ИАН АзССР. 1984. № 3.

[65] *Она же.* Новые пехлевийские надписи Дербента // Тезисы докладов научной сессии Ин-та истории, языка и литературы им. Г. Цадасы Даг. ФАН СССР, посвященной итогам экспедиционных исследований в 1984—1985 гг. Махачкала, 1986.

[66] *Джафаров Ю. Р.* О локализации храмовой области в Кавказской Албании // ВДИ. 1985. № 2; *он же.* Город Цри и страна чилбов в «Истории Албан» Моисея Каланкатуйского // Древний и средневековый Восток. I. М., 1985.

металлов и бронзы, стоящих по уровню технического исполнения и эстетического воздействия в одном ряду с выдающимися памятниками торевтики древности, и их изучение имеет определенное значение в исследовании древней художественной металлообработки в целом. Над изучением торевтики древнего Азербайджана плодотворно работает К. О. Кошкарлы, им опубликовано несколько статей, посвященных отдельным памятникам, и монографическое исследование торевтики Азербайджана. В статье о серебряных фиалах ахеменидского типа, найденных в грунтовых погребениях с вытянутым костяком в Мингечауре, К. О. Кошкарлы не только дал всестороннюю характеристику и датировку этих фиал, но и выдвинул предположение о том, что в Закавказье были торевтические мастерские по изготовлению сосудов «ахеменидского» типа [67]. Изучение двух серебряных чаш со сходным орнаментом в виде виноградных гроздьев и ложчатых вдавлений позволило ему проследить влияние художественных вкусов античного мира на местное албанское искусство и ремесло в области художественной обработки металлов [68]. Богатый и разнообразный чеканный, гравированный или же исполненный в манере накладных пластинок орнамент и сюжетные композиции послужили прекрасным материалом для анализа и на этой основе освещения некоторых вопросов духовной жизни. Так, сюжет терзания грифоном оленя на позолоченном медальоне уникальной серебряной вазы из катакомбного погребения с. Карабулах Кахского района позволил рассмотреть вопросы о распространении образа грифона и сцен терзания грифоном оленя в искусстве древнего Азербайджана и о трансформации этого образа и сюжета на местной почве [69].

В статье К. О. Кошкарлы, посвященной «блюду с Нереидой», хранящемуся в Эрмитаже, и другим предметам античной торевтики, выявленных на территории Азербайджана, рассмотрены вопросы значения античного импорта для установления абсолютной хронологии некоторых местных археологических комплексов, степень развития торгово-экономических и культурных связей албанского общества с античным миром, влияние этих связей на развитие местной материальной и духовной культуры [70]. Специальная статья была посвящена им анализу позднеантичной и раннесредневековой торевтики Азербайджана, которая по своему характеру входит в тот обширный круг драгоценной утвари, условно именуемой в литературе сасанидским металлом [71].

В изданной в 1985 г. монографии [72] наряду с всесторонним анализом каждого предмета с целью определения времени и места его изготовления, условий проникновения в Азербайджан, техники изготовления и т. д., К. О. Кошкарлы сделал попытку решить и такие вопросы, как истоки художественной металлообработки в Азербайджане, генетическая связь художественного металла античной и раннесредневековой эпохи с предшествующим искусством и техникой в области художественной металлообработки, обосновать вероятность местного производства драгоценной

---

[67] *Кошкарлы К. О.* Торевтика ахеменидского типа из Азербайджана // Материалы научной конференции аспирантов АН АзССР. II. Баку, 1980.

[68] *Он же.* Две серебряные фиалы из археологических раскопок Азербайджана// //ДАН АзССР. 1979. XXXV. № 6.

[69] *Он же.* Ваза из Торпагкалы // Там же. 1978. № 9.

[70] *Он же.* Торевтика Кавказской Албании I—III вв. н. э. // Уч. зап. АГУ им. С. М. Кирова. Серия истории и философии. Баку, 1979. № 7.

[71] *Он же.* О «сасанидском металле» в Азербайджане // ИАН АзССР. Серия истории, философии и права. 1980. № 2.

[72] *Он же.* Античная и раннесредневековая торевтика из Азербайджана. Баку, 1985.

утвари. В процессе исследования в ряде случаев автором даны принципиально новая атрибуция и датировка памятников торевтики. К. О. Кошкарлы рассматривает памятники торевтики как важный исторический источник, имеющий существенное значение при решении ряда вопросов истории Азербайджана.

А. А. Карахмедовой, интересы которой лежат в области археологии позднеантичной и раннесредневековой Кавказской Албании, издана брошюра «Христианские памятники Кавказской Албании» (Баку, 1986). Она изучала также бусы, хурритские печати и т. д.[73]

А. Г. Фазили опубликовал в 1984 г. монографию «Древняя и раннесредневековая история Азербайджана в историографии Ирана (III—VII вв.)». Автор самым скрупулезным образом, критически рассматривает труды иранских историков, касавшихся указанных проблем. Особое внимание уделяется вопросам экономики, классовой борьбы, торговле, городам, Авесте. А. Г. Фазили опубликовал также несколько статей посвященных исследованиям иранских ученых истории Азербайджана и некоторым частным вопросам древней и средневековой истории нашего края [74].

Т. М. Мамедов, выпустив в 1977 г. монографию «Албания и Атропатена по древнеармянским источникам», продолжает работу над армянскими источниками по древней и раннесредневековой истории Азербайджана.

В заключении обзора следует отметить, что в текущем году будет сдан в печать I том девятитомной «Истории Азербайджана», работа над которым вследствие неправильного планирования, непонимания сложностей предмета и многочисленных ошибок непомерно затянулась. В этом томе освещается огромный период нашей истории — более чем в миллион лет, начиная с глубочайшей древности и кончая началом III в.н.э.

Итак, нашими учеными за истекшее десятилетие проделана значительная работа по изучению древнейшей и древней истории Азербайджана. Успехи наши налицо. Однако, как видно из нашего обзора, у нас немало и нерешенных вопросов, множество серьезных ошибок.

Последние программные документы партии и прежде всего XXVII съезда КПСС обязывают нас по-новому взглянуть на многие из наших проблем, каковых у нас, как мы видели, немало. Нам предстоит огромная, трудная работа, в которой необходимо объединение усилий историков, археологов, филологов, антропологов, представителей других общественных и гуманитарных дисциплин, с тем, чтобы коренным образом перестроить нашу работу. И нет сомнений в том, что азербайджанские ученые успешно справятся со всеми задачами, стоящими перед ними.

---

[73] *Карахмедова А. А., Тагиев Р.* Бусы Талышской зоны // АЭИА (1977 г.). Баку, 1980; *Карахмедова А. А.* Хурритские печати из Мингечаура // Культурные взаимосвязи народов Средней Азии и Кавказа с окружающим миром в древности и средневековье. Тезисы докладов. М., 1981; *она же.* Разведка античных памятников Шеки-Белоканской зоны // АЭИА (1979 г.). Баку, 1984.

[74] *Фазили А. Г.* Об античных суждениях Р. Энятуллы по вопросам истории Азербайджана // Против буржуазных фальсификаторов истории и культуры Азербайджана. Баку, 1978; *он же.* Новый сасанидский клад из села Багырлы Шемахинского района // ДАН АзССР. 1982. 38. № 9; *он же.* О заметках В. Ушакова и И. Милославского о г. Тебризе // ИАН АзССР. 1979. № 1, и др.

LES PROBLEMES D'HISTOIRE, PHILOLOGIE ET ARCHÉOLOGIE ANCIENNES DANS LES TRAVAUX PUBLIÉS EN 1977—1987 EN AZERBAÏDJAN

I. G. Alijev

L'état des recherches archéologiques en Azerbaïdjan et les résultats des fouilles de monuments paléolithiques, néolithiques, chalcolithiques et de l'âge du bronze. Revue critique des publications azerbaïdjanaises sur les processus ethniques dont l'Azerbaïdjan fut le théâtre dans l'antiquité. Brèves caractéristiques des travaux consacrés à l'histoire concrète de l'Orient ancien et de l'Azerbaïdjan antique.

ПУБЛИКАЦИИ

В. М. Зубарь

НОВОЕ ЛАТИНСКОЕ КЛЕЙМО ИЗ ОЛЬВИИ

Латинские клейма на керамических сосудах, в отличие от греческих, сравнительно редко встречаются при раскопках античных памятников на юге СССР [1]. Поэтому каждая новая находка этих эпиграфических памятников, которые служат важным источником для изучения социально-экономического развития античных городов Северного Причерноморья в первые века нашей эры, заслуживает пристального внимания и публикации.

В 1969 г. при исследовании цитадели Ольвии был найден фрагмент мортария (Reibschale) с фрагментированным латинским клеймом [2]. От мортария, изготовленного из глины красного оттенка с примесью довольно крупных темных частиц, сохранились часть слива и венчик. Слив трапециевидный в плане, с прямым окончанием и неширокими боковинами. Широкий венчик мортария горизонтально отогнут наружу и слегка загнут книзу (рис. 1,*2*; 2,*1*). Двухстрочное латинское клеймо расположено слева от слива, поперек горизонтально отогнутого венчика мортария. Клеймо читается: IBERALIS / ECIT и может быть восстановлено как (L)IBERALIS /(F)ECIT. В конце 2-й строки имеется стилизованное изображение пальмовой ветви или колоса, что обычно для той категории клейм (рис. 1, *2*) [3].

Аналогичные клейма на мортариях не известны ни в Северном Причерноморье, ни в римской Мезии. Наиболее близкая аналогия ольвийскому клейму происходит из раскопок Сингидунума (на территории современной Югославии). Здесь на мортарии II—III вв. н. э. зафиксировано однострочное латинское клеймо, которое Д. Бойович считает возможным читать как BERAIS [4]. Если учесть, что в латинской эпиграфике и клеймах на мортариях буквы A и L, а также L и I зачастую давались в лигатуре [5], то это клеймо может быть восстановлено как (LI)BERA(L)IS. Двустрочные ла-

[1] *Придик Е. М.* Инвентарный каталог клейм на амфорных ручках и горлышках и на черепице Эрмитажного собрания. Пг., 1917. С. 138.

[2] Раскопки Р. И. Ветштейн. ИА АН УССР, инв. № 0-69(46); *Ветштейн Р. І.* Розкопки римської цитаделі в Ольвії в 1969 р. // АДУ. Вып. IV. Київ, 1972. С. 173.

[3] Inscripţiile Daciei Romane. V. II. Bucureşti, 1977. P. 136—137. № 302; P. 137. № 303, 304; P. 188. № 466, 467, 469; P. 189, № 470—471; Inscripţiile Daciei Romane. V. III/2. Bucureşti, 1980. P. 151. № 161; P. 138. № 572; P. 439. № 573; P. 440. № 575; P. 441. № 579; *Pippidi D. M., Russu I. I.* Inscriptiones Scythiae Minoris. V.V. Bucureşti, 1980. P. 316. № 318 etc.

[4] *Bojovic D.* Rimska keramika Singidunuma. Beograd, 1977. P. 58. № 545. Tab. LXII, 545.

[5] *Петровић П.* Палеографија римских натписа у Горној Мезији // Археолошки Институт, посебна издања. Кн. 14. Београд, 1975. С. 88, 89. 91—93, 104.

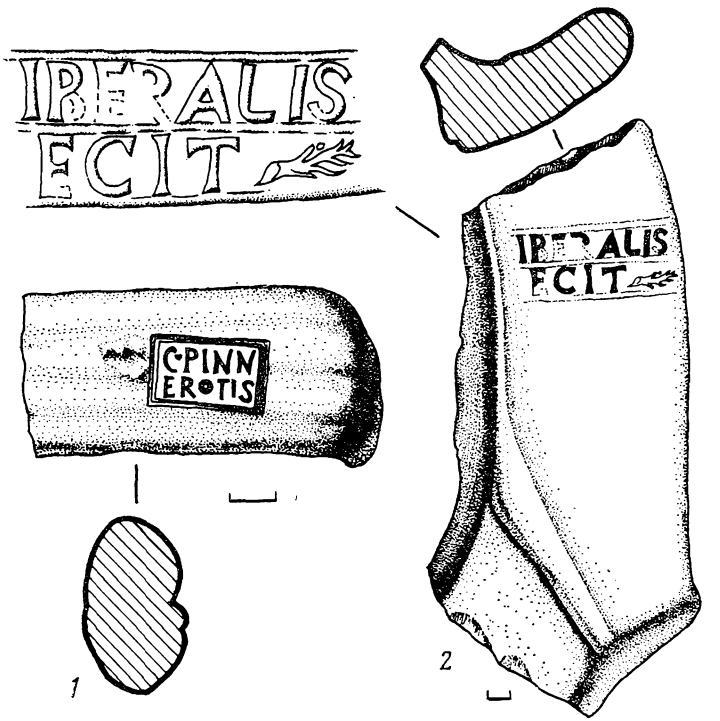

Рис. 1. Латинские клейма на мортарии и амфорной ручке. Прорисовка
Рис. 2. Латинские клейма на мортарии и амфорной ручке. Фотография

тинские клейма с именем Либералис известны на мортариях, происходящих с территории Италии [6], а однострочные клейма с этим же именем встречены на амфорах, обнаруженных в ходе раскопок в Испании [7]. Сказанное позволяет относить фрагмент ольвийского мортария с клеймом LIBERALIS/FECIT к продукции одной из ремесленных мастерских, работавшей во II—III вв. н. э. на территории Италии или западных провинций Римской империи.

Латинский когномен Либералис, хорошо известный в просопографии Римской империи [8] может указывать на рабское происхождение его носителя. В ольвийском клейме, в отличие от клейм на мортариях, обнаруженных на территории Италии [9], отсутствует тройное имя изготовителя, а дан лишь его когномен. Однако он мог быть и отпущенником [10].

---

[6] CIL. X/3. № 8047/19; 8048/14; 8059/30; 314, 324, 369.

[7] *Ponscich M.* Marcas de amforas aceite de las riberas del Betis // Archivo Español de Arqeologia. Madrid, 1982. V. 55. P. 177. Pl. LIV, *1—13*.

[8] *Petersen L.* Prosopographia Imperii Romani. Saecula I, II, III. Pars V. Fasc. 1. B., 1970. № 163.

[9] Ср. CIL. X/2. № 8047/19; 8059/30; 314; 324; 369.

[10] В связи с этим интересен алтарь из Ульпия Траяна с посвящением от имени Либералиса, который был Augusti nostri verna и выполнял обязанности adiutor tabularii (*Pippidi D. M.*, *Russu I. I.* Inscripţiile Daciei Romane. V. III/2. Bucureşti, 1980. P. 169).

Глиняные мортарии, служившие, очевидно, для приготовления теста[11], в первые века нашей эры встречаются на востоке Римской империи (Афины, Восточное Средиземноморье)[12], но наиболее характерны для городских центров западных провинций (Британия, Галлия, Германия, Реция, Паннония, Мезия)[13]. Наибольшее количество находок целых или фрагментированных мортариев известно в местах дислокации римских воинских подразделений, причем на территории Мезии латинские клейма на мортариях обнаружены, как правило, в греческих городах и римских военных лагерях, где дислоцировались легионы, из состава которых формировались вексиляции, отправлявшиеся в античные центры Северного Причерноморья[14]. На территории нашей страны целые мортарии или их фрагменты, с латинскими клеймами или без них, найдены при раскопках в Тире[15], Ольвии[16], городища у с. Козырка[17], Херсонеса[18], Харакса[19] и Илурата[20], т. е. преимущественно в тех местах, где в первые века нашей эры стояли римские гарнизоны.

Незначительное количество мортариев и их фрагментов с латинскими клеймами, обнаруженных при раскопках античных городов Северного Причерноморья, не позволяет считать их важной статьей импорта с территории западных и дунайских провинций Римской империи. Скорее всего, мортарии, которые были обычной посудой в быту римских солдат[21], в своей массе поступали не к греческому населению античных городов, а в римские гарнизоны северопричерноморских центров через торговцев, следовавших за римскими воинскими подразделениями[22]. Очевидно, с деятель-

[11] *Culica V.* Un nou «mortarium» cu ştampilă descoperit in Dobrogea // SCIV. 1965. T. 16. № 2. P. 376—377.

[12] *Heyes J. W.* North Syrian Mortaria // Hesperia. 1967. V. 36. N 4. P. 342.

[13] *Wenham L. P.* The South-West Defences of the Fortress of Eboracum // Britain and Rome. L., 1965. P. 22—23. Fig. 5, *4*; *Robertson A., Scott M., Keppie L.* Bar Hill; A Roman Fort and Its Finds // British Archaeological Report, 16. Oxf., 1975. P. 148 f. Fig. 50, *1—5*; *Tudor D.* Oltenia Romana. Bucureşti, 1968. P. 536; *Hayes.* Op. cit. P. 337; *Schumacher K.* Die Kastelle bei Neckarburken // ORLR. Lief. IX. Heidelberg, 1898. S. 34. Taf. V, *97*; *Wolff G.* Die Erdbefestigungen von Heldenbergen // ORLR. Lief. 13. Heidelberg, 1900. S. 33. Taf. III, *24*, *27*; *Ritterling E.* Das Kastell Wiesbaden // ORLR. Lief. 31. Heidelberg, 1909. S. 119 f. Taf. XIII, *15*; XIV, *15*, *17*, *28*, *29*, *30*; *Drexel F.* Das Kastell Faimingen // ORLR. Lief. 35. Heidelberg, 1911. S. 97. Taf. XI, *41*; XII, *40*; *Gymn K., Fink J.* Das Kastell Kösching // ORLR. Lief. 38. Heidelberg, 1913, S. 38. Taf. IV, *38*, *73—76*, *91*.

[14] *Tudor D.* Comuniceri epigrafice. I // SCIV. 1962. T. 13. № 1. P. 120—121; *Culică.* Op. cit. P. 377; *Tudor D.* Comuniceri epigrafice. II // SCIV. 1965. T. 16. № 1. P. 186—187; *Petolescu C.* Nota epigrafică // SCIV. 1977. T. 22. № 1. P. 107.

[15] *Клейман И. Б., Сон Н. А.* Западнопонтийские и провинциально-римские культурно-экономические связи Тиры // Материалы по археологии Северного Причерноморья. Киев, 1983. С. 52, 53. Рис. 2—4.

[16] *Фармаковский Б. В.* Раскопки в Ольвии // ОАК за 1909—1910. СПб., 1913. С. 42. Рис. 45, 46; *Штаерман Е. М.* Керамические клейма из Тиры // КСИИМК. 1951. Вып. 36. С. 48. Латинские клейма на мортариях из Ольвии, хранящиеся в Эрмитаже, готовятся к публикации Ю. П. Калашником.

[17] *Бураков А. В.* Козырское городище рубежа и первых веков нашей эры. Киев, 1976. С. 84.

[18] ГХЗ. Инв. № 31504, 35272/3248, 390/36502; *Сорочан С. Б.* Экономические связи Херсонеса Таврического с Балканами (I в. до н. э. — VI в. н. э.) // Народно-демократические революции и развитие славянских стран по пути социализма. Харьков, 1985. С. 157.

[19] *Блаватский В. Д.* Харакс // МИА. 1951. Вып. 19. С. 255. Рис. 4, 8.

[20] По сообщению В. А. Горончаровского, в ходе раскопок Илурата обнаружено клеймо на мортарии.

[21] *Ritterling.* Op. cit. S. 119; *Culică.* Op. cit. P. 377.

[22] CIL. III. № 3505; *Mócsy A.* Das Territorium Legionis und die Canabae in Pannonien // AAH. 1953. T. III. Fasc. 1—4. S. 199 f.; *MacMullen R.* Soldier and Civilian in the Later Roman Empire. Cambr. Mass., 1963. P. 119 f.; *Watson G. R.* The Roman Soldier. N. Y., 1969. P. 140 f.

ностью таких торговцев связано появление в Ольвии амфорной тары с латинским клеймом Гая Пиннария Эрота и его сына [23]. Из Ольвии вино или оливковое масло в амфорах поступало к населению нижнеднепровских городищ, о чем свидетельствуют находки ручек с этим именем на Любимовском городище [24]. Еще одна ручка от красноглиняной амфоры с двустрочным латинским клеймом C(aii) Pinn(arii) Erotis была найдена на этом городище в 1978 г. [25] (рис. 1,*1*; 2,*2*).

Таким образом, фрагмент мортария с латинским клеймом (L)IBERALIS(F)ECIT может служить новым подтверждением наличия экономических связей Нижнего Побужья с западными и дунайскими провинциями Римской империи в первые века нашей эры [26], а также еще одним важным свидетельством дислокации в Ольвии римского гарнизона, к солдатам которого поступала продукция провинциально-римских ремесленных мастерских.

---

[23] *Придик.* Ук. соч. С. 138; *Штаерман.* Ук. соч. С. 49.

[24] *Дмитров Л. Д., Зуц В. М., Копилов Ф. Б.* Любимівське городище рубежу нашої ери // АП УРСР. Київ, 1961. Т. X. С. 95. Табл. II, *8*; *Кропоткин В. В.* Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н. э.— V в. н. э.) // САИ. Вып. Д1-27. М., 1970. С. 12. Табл. 1. В. В. Кропоткин прочитал это клеймо как O(fficina) Pinn(arii) Erotis.

[25] Пользуясь случаем, выражаю благодарность В. В. Дорофееву, обнаружившему эту ручку на Любимовском городище и передавшему ее мне для публикации.

[26] *Фармаковский Б. В.* Ольвия. М., 1915. С. 32, 33; *Козуб Ю. И.* Стеклянный ритон из Ольвии // История и культура античного мира. М., 1977. С. 72, 73.

NOUVEAU TIMBRE LATIN D'OLBIA

V. M. Zubar'

L'auteur publie un nouveau timbre latin — *(L)IBERALIS / (F)ECIT* — sur fragment de *mortarium* découvert pendant les fouilles de la citadelle romaine d'Olbia, en 1969. La comparaison avec d'autres matériels permet de conclure que la plupart des *mortaria* à timbres latins étaient destinés non à la population grecque, mais aux garnisons romaines des villes antiques de la Région pontique du Nord, et amenés par des négociants qui suivaient partout les unités militaires romaines. Le timbre publié, ainsi que l'anse d'amphore à timbre latin *C(aii) Pinn(arii) Erotis* trouvée dans le lieu-fort de L'ubimovskoje, sont de nouveaux témoignages importants de l'existence de relations économiques entre le Bas - Boug et les provinces occidentales et danubiennes de l'Empire romain.

А. Б. Никитин

ПЕРЕЧЕКАНКА МЕДНЫХ МОНЕТ В ПАРФИИ

(Монеты I в. н. э. из музейных собраний Москвы и Ленинграда)

Перечеканка и надчеканка медных монет — явление, широко распространенное в античном мире [1]. Кроме тех случаев, когда отдельные правители использовали выпуски своих предшественников как готовые монетные кружки, известны случаи перечеканки ими собственных, более ранних типов. А. Сейриг связывает это явление с попытками стабилизировать денежное обращение, отмечая, что количество надчеканенной и перечеканенной монеты особенно увеличивается в периоды кризисов [2]. Выпуск медной монеты, служившей знаком стоимости, не требовал особых затрат и должен был приносить определенный доход государственной казне, что стимулировало увеличение объема чеканки. В тех случаях, когда поступавшее в обращение количество монеты превышало потребности рынка, она обесценивалась. Чтобы стабилизировать денежное обращение, предпринимали выпуск монеты нового типа, для которой устанавливался определенный курс. Старая, обесценившаяся монета частично изымалась из обращения и перечеканивалась.

Тот же самый процесс, вероятно, имел место и в Парфянском государстве, которое в области организации монетного дела и ведения денежного хозяйства во многом следовало эллинистическим традициям. Самая ранняя серия медных монет со следами перечеканки принадлежит городскому чекану Суз — Селевкии-на-Эвлее, эллинистического полиса, входившего в состав Парфянской державы. Они выпускались в 80-е годы I в. до н. э., во время так называемого «темного периода» парфянской истории, от имени одного из царей или претендентов на престол, носившего титулы «Теопатора Эвергета», которого обычно отождествляют с Ородом I или Готарзом I, известным по письменным источникам [3]. Все имеющие следы перечеканки монеты трех его эмиссий, найденные при археологических работах в Сузах, перечеканены по его собственным, более ранним сузианским выпускам [4].

Среди медных номиналов II—I вв. до н. э. государственного парфянского чекана, выпускавшихся на монетных дворах Мидии, монеты со следами перечеканки почти не встречаются. Интенсивная перечеканка меди в Парфии производится в течение первой половины I в. н. э. Особенно много халков со следами перечеканки встречается среди медных выпусков

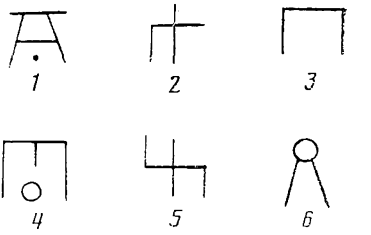
[1] *Le Rider G.* Contremarques et surfrappes dans l'Antiquité greque. Numismatique Antique. Problemes et méthodes. Nancy — Louvain, 1975. P. 53.

[2] *Seyrig H.* Monnaies contremarquès à Syrie // Syria. 1952. P. 188—190.

[3] *Simonetta A. M., Sellwood D. G.* Again on the Parthian. Coinage from Mithridates II to Orodes II // Numismatica e Anticita Classiche. VII. Lugano, 1978. P. 106.

[4] *Le Rider G.* Suse sous les Seleucides et les Parthes. P., 1965. P. 93—94, 395.

Артабана II (10—38 гг.) и Готарза II (около 40—51 гг.), которые отличаются большим разнообразием сюжетов оборотных сторон. В тех случаях, когда по сохранившимся на перечеканенной монете следам удается восстановить предшествующий тип, можно проследить последовательность выпусков, установить их относительную хронологию. Появление перечеканенных монет в это время, по-видимому, не случайно. В первые десятилетия I в. н. э., при постоянном вмешательстве со стороны Римской империи, в Парфии периодически возобновлялась борьба между претендентами на престол. Соперником Артабана II в начале его правления был Вонон I (8—12 гг.), ставленник римлян. На протяжении своего относительно долгого правления Артабан несколько раз был вынужден на время уступать трон другим претендентам. Около пяти лет продолжалась борьба между его преемниками Варданом I и Готарзом II — первый захватил Вавилонию, второй правил Мидией [5]. Эти события не могли не сказаться на состоянии парфянской экономики: перечеканка медных монет при Артабане II, возможно, один из симптомов каких-то кризисных явлений, хотя, судя по обилию его драхм и халков в музейных собраниях, объем чеканки при нем оставался весьма значительным. Количество дошедших до нас монет Готарза II и Вардана I сравнительно невелико, что указывает на уменьшение объема чеканки. Число медных номиналов в музейных собраниях значительно превышает число драхм [6].

Монограммы на парфянских монетах

Д. Селвуд предположил, что разнообразие сюжетов изображений на халках Артабана II — следствие установившейся при нем системы годичных выпусков [7]. Каждая новая эмиссия чеканилась со своим изображением на оборотной стороне, отличавшим ее от предшествующих. Бóльшая часть медных эмиссий Артабана приходится на 12—38 годы, на период после окончательной его победы над Вононом I (по классификации Д. Селвуда — эмиссии 63/16—63/38) [8]). Из 23 выделенных Селвудом типов 17, не имеющие монограмм, по-видимому, принадлежит центральному монетному двору в Экбатанах; два — 63/30 и 63/31$_{9}$ с монограммой № 2 — чекану города Раги; два — 63/29 и 63/36, с монограммами № 3 и 4,— вероятно, Митридатокерту и два — 63/32 и 63/35, с монограммами № 5 и 6,— каким-то другим монетным двором. К перечисленным у Селвуда типам добавим еще три эмиссии рагианского чекана с монограммой № 2, представленные единичными экземплярами в собрании Гос. Эрмитажа (табл. II, *20—22*; номера монет в таблицах соответствуют номерам Приложения, с. 86 сл.). Таким образом, даже на центральном монетном дворе выпуск производился не каждый год — на период около 27 лет приходится всего 17 эмиссий. Возможно, что выпуск медных номиналов осуществлялся не регулярно, а по мере необходимости, или же изменение типа оборотной стороны происходило не ежегодно. Восстановить всю последовательность медных эмиссий Ар-

---

[5] *Debvoise N.* A Political History of Parthia. Chicago, 1958. P. 76.

[6] В «Каталоге Британского музея» учтены 23 драхмы и 87 халков Артабана II, 7 драхм и 14 халков Вардана I и 1 драхма и 18 халков Готарза II. *Wroth W.* A Catalogue of the Greek Coins in the British Museum. Coins of Parthia. L., 1903. P. 146—177. В собрании Гос. Исторического музея — 102 драхмы и 159 халков Артабана II, 12 драхм и 12 халков Вардана I и 7 драхм и 25 халков Готарза II.

[7] *Sellwood D.* An Introduction to the Coinage of Parthia. L., 1971. P. 186.

[8] Ibid. P. 194—196.

табана II пока не удается, но на основании перечеканенных монет определяется относительная хронология нескольких основных типов (табл. III).

Три монеты Артабана II (эмиссия 63/34, по Селвуду) с изображением головы коня, окруженной лавровым венком, перечеканены по однотипным монетам его противника Вонона I (эмиссия 60/7) с монограммой экбатанского монетного двора (монограмма № 1) и легендой, повествующей о победе Вонона над Артабаном: ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΟΝΩΝΗΣ ΝΕΙΚΗΣΑΣ ΑΡΤΑΒΑΝΟΝ (Табл. I, № 1—3). На одной монете (№ 1) часть легенды: ΒΑΣΙ[ΛΕΥΣ] [ΑΡΤΑ]ΒΑΝΟΝ и монограмма монетного двора выступают из-под изображения Артабана на лицевой стороне. Эмиссию с изображением головы коня можно считать наиболее ранней из выпущенных после изгнания Вонона, поскольку она перечеканивалась по халкам последнего; монеты Вонона с претенциозной надписью, повествующей о победе над Артабаном, вероятно, были немедленно изъяты из обращения после прихода Артабана II к власти.

Следующим близким по времени выпуском, видимо, были монеты с изображением лаврового венка, аналогичного венку, окружавшему голову коня (эмиссия 63/33). По ним перечеканивались халки эмиссии 63/38 с изображением рыбы (табл. I, *4*). Им предшествовала также эмиссия 63/37 с изображением бюста Гелиоса, по которой перечеканивалась та же эмиссия 63/38 (табл. I, *5*). Все эти выпуски еще не имеют точечного ободка, окружавшего изображение оборотной стороны,— он появляется позднее.

Несколькими экземплярами представлены халки эмиссии 63/17 с изображением бюста правителя в тиаре, перечеканенные по одному типу — 63/21 (царь, стоящий у алтаря,— табл. I, *6—9*) — из-под нового изображения видны либо протянутая к алтарю рука, либо ленты диадемы, свисающие за спиной стоящей фигуры.

По эмиссии 63/27 с изображением рога изобилия перечеканивались две других: 63/26 (рука, держащая кадуцей — табл. I, *10—13*) и 63/25 (амфора — табл. II, *12—13*),— установить предшествующий тип позволяет характерная форма выступающего из-под нового изображения точечного ободка (табл. I, № *10—13*; табл. II, № *12—13*).

Экземпляры со следами перечеканки имеются практически среди всех экбатанских эмиссий Артабана II, что свидетельствует о распространении этой практики. Часто установить предшествующий тип не удается, но выступающий по краям точечный ободок говорит о принадлежности его чекану того же правителя (табл. II, *14*).

Готарз II, выпускавший в Экбатанах халки четырех разных типов с квадратным точечным ободком на оборотной стороне, перечеканивал монеты Артабана II — на двух его халках (эмиссия 65/34 — царя на троне, с луком в руке и 65/33а — царь на троне, с пальмовой ветвью в руке) на оборотных сторонах выступают следы круглых ободков халков Артабана (табл. II, *15—16*). Эти две эмиссии Готарза предшествовали его эмиссии 65/33 (Ника с пальмовой ветвью). На одном из халков этой эмиссии из-под изображения Ники видна фигурная ножка трона — она в равной мере может принадлежать изображению на одной из двух предшествующих эмиссий (табл. II, *17*).

Все перечисленные эмиссии халков Готарза II выпускались до 45 г., поскольку по типу 65/33 перечеканивались халки его соперника Вардана I (около 40—45 гг.) — на монете из собрания ГМИИ им. А. С. Пушкина из-под изображения Вардана видна рука Ники с пальмовой ветвью, а из-под изображения орла на оборотной стороне — портрет Готарза II (табл. II, *18*).

Медные монеты последующих правителей аршакидской династии со сле-

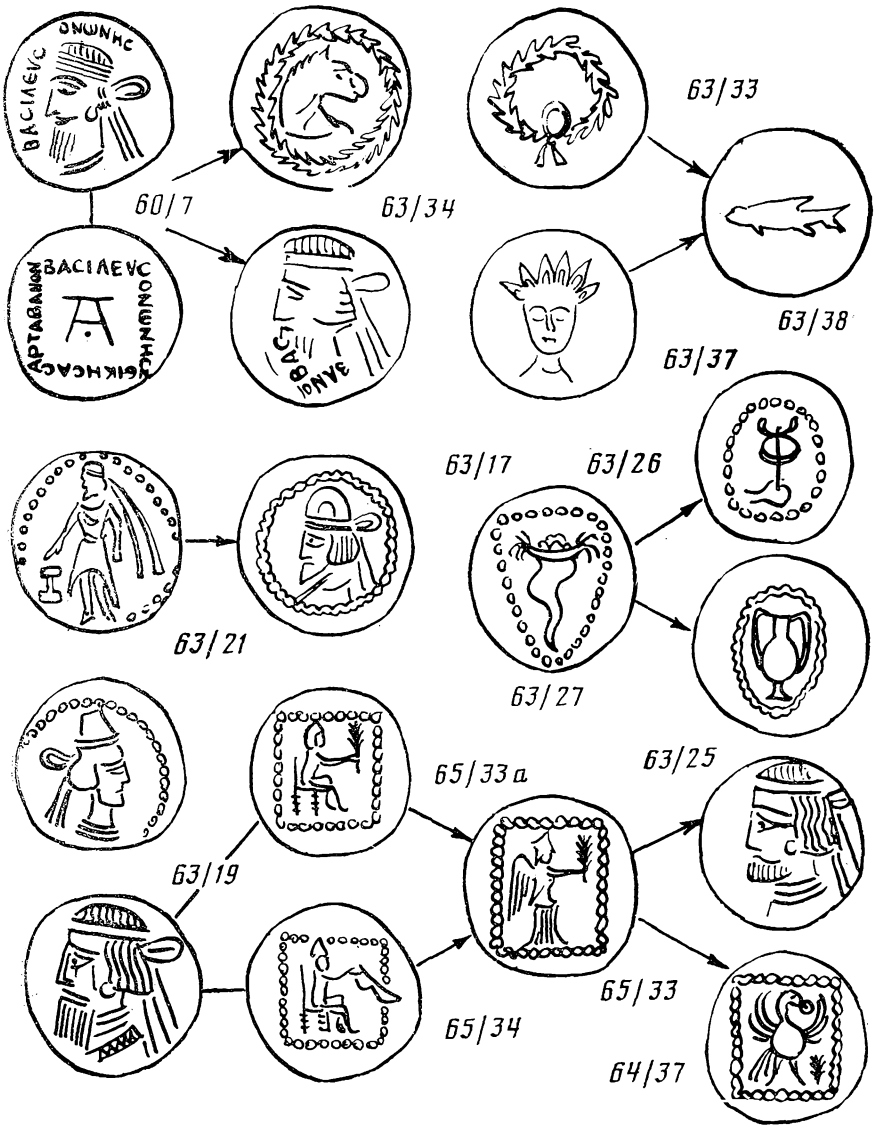

Таблица III. Последовательность перечеканки парфянских медных эмиссий первой половины I в. н. э. (номера по классификации Селвуда)

дами перечеканки пока неизвестны. Судя по составу музейных коллекций, выпуск меди в Парфии после середины I в. значительно сократился. Регулярно медная монета чеканилась только в греческих городах, входивших в состав парфянского государства—в Сузах и Селевкии-на-Тигре, где она, судя по находкам, сделанным при раскопках этих городских центров, предназначалась в основном для внутреннего городского рынка и редко выходила за его пределы [9]. Ограниченный ареал обращения, в пределах Мидии, имели и халки, выпускавшиеся экбатанским монетным двором,—

[9] *McDowell R.* Coins from Seleucia on the Tigris. Ann Arbour, 1935.

они почти не встречаются в восточных областях и в Вавилонии, хотя находки их отмечены в Закавказье [10].

Все известные нам случаи перечеканки монет в Парфии можно условно разделить на две группы.

Первая группа перечеканок связана в основном с политическими событиями, когда парфянские цари перечеканивали монеты своих предшественников или соперников. Сюда же можно отнести перечеканку Митридатом II (123—87 гг. до н. э.) халков побежденного им царя Харакены Гиспаосина [11] или связанную с принятием тем же Митридатом II титула «царя царей» перечеканку его собственных более ранних халков, где этот титул в легенде отсутствовал [12].

Вторая группа перечеканок, в которой парфянские правители использовали в качестве монетных кружков свои собственные более ранние выпуски, отражает процессы, происходившие в парфянской экономике, и связана с попытками регулирования денежного обращения. Появление в I в. н. э. значительного числа монет со следами перечеканки, частые изменения сюжетов оборотных сторон халков показывают, что в это время структура денежного хозяйства в наиболее развитых областях парфянского государства была достаточно сложной и что методы государственного контроля над ним были заимствованы парфянами из практики эллинистических государств.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПАРФЯНСКИЕ МОНЕТЫ I в. н. э. СО СЛЕДАМИ ПЕРЕЧЕКАНКИ В КОЛЛЕКЦИЯХ ГИМ, ГМИИ им. А. С. ПУШКИНА И ГОС. ЭРМИТАЖА

1. Артабан II, тип 63/34 (голова коня, окруженная венком). Перечеканка по халку Вонона I, тип 60/7, Экбатаны. ГИМ, № 455323.
2. То же, ГИМ, № 455324.
3. То же, Эрмитаж, № 21699.
4. Артабан II, тип 63/38 (рыба), перечеканен по халку того же правителя, тип 63/33 (венок), Эрмитаж, № 21681.
5. Артабан II, тип 63/38, перечеканен по халку того же правителя, тип 63/37 (бюст Гелиоса в фас), ГИМ, № 455284.
6. Артабан II, тип 63/17 (бюст правителя в тиаре, влево), перечеканен по халку того же правителя, тип 63/21 (царь, стоящий у алтаря), ГИМ, № 455236.
7. То же, Эрмитаж, № 21592.
8. То же, Эрмитаж, № 21583.
9. То же, Эрмитаж, № 21596.
10. Артабан II, тип 63/26 (рука, держащая кадуцей), перечеканен по халку того же правителя, тип 63/27 (рог изобилия), Эрмитаж, № 21722.
11. То же, Эрмитаж, № 21721.
12. Артабан II, тип 63/25 (амфора), перечеканен по типу 63/27 (рог изобилия), Эрмитаж, № 21712.
13. То же, Эрмитаж, № 21711.
14. Артабан II, тип 63/19 (бюст царицы в тиаре, вправо), перечеканен по халку того же правителя, Эрмитаж, № 21604.

---

[10] *Акопян А. М.* Клад медных парфянских монет из Апарана // ВДИ. 1982. № 2.

[11] *Newell E. T.* Mithradates of Partia and Hyspaosines of Characena // Numismatic Notes and Monographs. 1925. V. 26.

[12] *Никитин А. Б.* Халк Митридата II со следами перечеканки // ВДИ. 1981. № 2. С. 117.

15. Готарз II, тип 65/34 (царь на троне, с луком в руке), перечеканен по халку Артабана II, Эрмитаж, № 21635.
16. Готарз II, тип 65/33а (царь на троне, с пальмовой ветвью в руке), перечеканен по халку Артабана II, Эрмитаж, № 21645.
17. Готарз II, тип 65/33а (царь на троне, с пальмовой ветвью в руке), перечеканен по халку Артабана II, Эрмитаж, № 21645.
17. Готарз II, тип 65/33 (стоящая Ника, с пальмовой ветвью в руке), перечеканен по халку того же правителя, тип 65/34 или 65/33а (царь на троне, с луком, или с пальмовой ветвью в руке), ГИМ, № 455163.
18. Вардан II, тип 64/37 (орел, держащий в клюве венок), перечеканен по халку Готарза II, тип 65/33 (Ника с пальмовой ветвью), ГМИИ, № 3115/42.
19. Артабан II, халк рагианского чекана, тип 73/30 (стоящий конь, вправо, монограмма № 2), Эрмитаж, № 21698.
20. Артабан II, харк рагианского чекана (Ника с венком, вправо, монограмма № 2), Эрмитаж, № 21542.
21. Артабан II, халк рагианского чекана (лучник на троне, вправо, монограмма № 2), Эрмитаж, № 21652.
22. Артабан II, халк рагианского чекана (кадуцей, справа монограмма № 2), Эрмитаж, № 21765.

LA REFRAPPE DE MONNAIES DE CUIVRE EN PARTHIE

A. B. Nikitin

On trouve des monnaies avec des traces de refrappe parmi les pièces de cuivre d'Artaban II (vers 10—38 de n.è.) et de Gotarz II (vers 40—51). La plupart des pièces refrappées appartenaient à des émissions antérieures des mêmes monarques. Il est possible que cette refrappe ait été motivée par une dévaluation de la monnaie de cuivre en circulation; les émissions nouvelles étaient mises en circulation à un cours obligatoire. Les refrappes permettent d'établir l'ordre de succession de nombreuses émissions.

С. Ю. Касумова

НОВЫЕ НАХОДКИ СРЕДНЕПЕРСИДСКИХ НАДПИСЕЙ В ДЕРБЕНТЕ

Единственным сохранившимся до наших дней большим памятником среднеперсидской эпиграфики на территории СССР является комплекс пехлевийских надписей, начертанных на стенах Дербента. Надписи из Дербента имеют особое значение, поскольку они могут быть довольно точно датированы, сопоставлены с данными нарративных источников и археологических исследований, особенно широко развернувшихся в последние годы [1].

Кавказская Албания, расположенная у северных границ державы Сасанидов, имела первостепенное стратегическое значение — албанские укрепления должны были сдерживать кочевников, на протяжении многих столетий продвигавшихся к северным рубежам сасанидских владений. Границы империи шаханшахов, как это зафиксировано в надписи Шапура I на «Каабе Зороастра» (ок. 272 г.) и в надписях высшего зороастрийского иерарха — мобеда Картира (ок. 290—293 гг.), проходили на севере по Кавказскому хребту; в этих надписях неоднократно упоминаются «Албанские ворота» — Дербентский проход. Этот проход, шириной всего в 2—3 км, был наиболее удобным путем для вторжений кочевников Северного Кавказа и прикаспийских степей.

Строительство фортификационных сооружений Дербента арабские источники связывают с именами сасанидских шаханшахов Кавада (488—531) и его сына Хосрова I Ануширвана (531—579).

Археологические работы показали, что еще в VIII — начале VII в. до н. э. на Дербентском холме была выстроена крепость. Мощные фортификационные сооружения, перекрывшие весь проход вплоть до моря, были воздвигнуты в сасанидское время [2].

До недавнего времени было известно 20 среднеперсидских (пехлевийских) надписей из Дербента, в большинстве своем кратких, датирующихся VI в. [3] Надписи многократно издавались [4], однако автору, работавшему

[1] См. *Кудрявцев А. А.* Город, не подвластный векам. Махачкала, 1976; *он же.* Древний Дербент. М., 1982; см. также Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований Института истории, языка и литературы им. Г. Цадасы Даг. ФАН СССР в 1984—1985 гг. (28—29 апреля 1986 г.). Махачкала, 1986.

[2] *Кудрявцев.* Древний Дербент. С. 31—35, 40—43.

[3] *Касумова С. Ю.* К толкованию среднеперсидских надписей из Дербента // ВДИ. 1979. № 1. С. 117; ср. *Gropp G.* Die Festung Derbent zwischen Hunnen und Sassaniden. XIX. Deutscher Orientalistentag vom 28 September bis 4 Oktober 1975. Freiburg im Breisgau // ZDMG. 1977. Suppl. III. № 2. S. 1621, где автор датирует надписи концом IV в.

[4] *Пахомов Е. А.* Пехлевийские надписи Дербента // Известия Общества обследования и изучения Азербайджана. Вып. V. № 8. Баку, 1929. С. 1—25; *Нюберг Г. С.* Материалы к истолкованию пехлевийских надписей Дербента // Там же. С. 26—32; *Тревер К. В.* Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. М.—Л., 1959. С. 346—353.

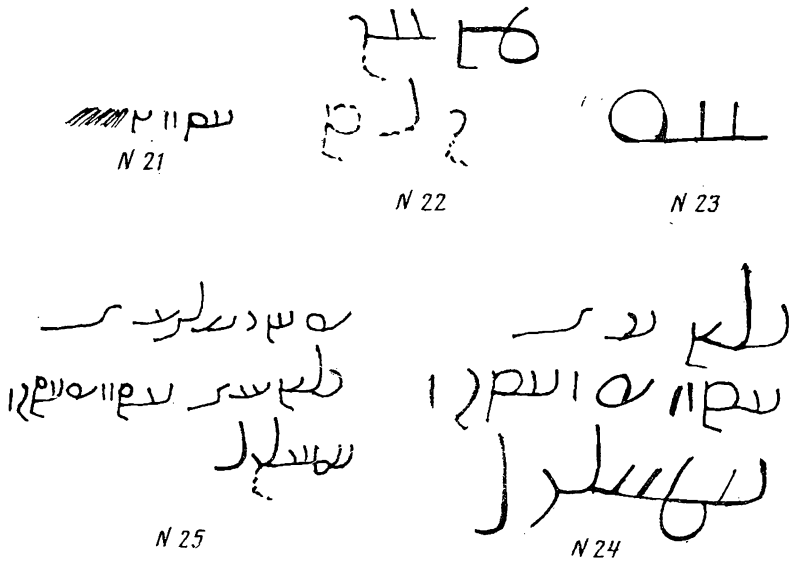

Рис. 3. Прориси надписей № 21—25

в составе Дербентской археологической экспедиции [5], удалось обнаружить еще пять надписей, близких по формуляру к известным ранее.

Г. С. Нюберг, которому принадлежит первое чтение пехлевийских надписей Дербента, разделил их по структуре на пять групп [6]: I — № 1—7, 10, 11; II — № 8 и 9; III — № 12 и 13; IV — № 14, 15, 17, 19, 20; V — № 16 и 18. Чтения и толкования некоторых слов (в том числе и повторяющихся в нескольких надписях) до сих пор вызывают споры.

Новонайденные надписи в данной статье обозначаются № 21—25 (см. рис. 1—3). Рис. 1, 2 см. вклейку.

На южной стене цитадели между второй (закругленной) и третьей (квадратной) башнями находятся семь надписей. Пять из них, очень краткие (группа IV), выбиты по правому краю каменных блоков, уложенных наружу широкой гранью. Эти надписи имеют один и тот же текст: mwšyk krt (Mōšīg kard) «сделал Мошиг». Правильное чтение имени собственного принадлежит Г. Гроппу [7]. Две другие надписи, также на южной стене цитадели, расположены по левому краю блоков, уложенных наружу узкой гранью. Они идентичны по содержанию: ʾtwrgwšnsp krt (Ādurgušnasp kard) «сделал Адургушнасп» [8].

Табл. 38—40; *Луконин В. Г.* Среднеперсидские надписи из Кара-тепе // Буддийские пещеры Кара-тепе в Старом Термезе. М., 1969. С. 45. Прим. 23; *Касумова.* К толкованию... С. 113—125; *Henning W. B.* Mitteliranisch // Handbuch der Orientalistik. I. Abt. Bd IV. Leiden—Köln, 1958. S. 48; *Gropp G.* Die Derbent-Inschriften und das Adur-Gushnasp//Monumentum H. S. Nyberg. I (Acta Iranica). Leiden, 1975. S. 317—319; *idem.* Die Festung Derbent... S. 1619—1625.

[5] Пользуясь случаем, выражаю благодарность сотрудникам Института истории, языка и литературы им. Г. Цадасы Даг. ФАН СССР, начальнику экспедиции А. А. Кудрявцеву и его заместителю М. С. Гаджиеву за любезное приглашение для участия в работе Дербентской археологической экспедиции и непосредственную помощь в поисках надписей.

[6] *Нюберг.* Материалы... С. 24.

[7] *Gropp.* Die Derbent-Inschriften... S. 318; ср. *Нюберг.* Материалы... С. 22; *Луконин.* Среднеперсидские надписи... С. 45—46. Прим. 23.

[8] О чтении этого имени см. *Луконин.* Среднеперсидские надписи... С. 45—46. Прим. 23; ср. *Нюберг.* Материалы... С. 32.

Ниже надписей, входящих в V группу, на левой стороне блока, расположенного ниже современной дневной поверхности, нам удалось обнаружить начало еще одной надписи (№ 21): ʾtwrg [. . ., что можно уверенно восстановить как «сделал Адургушнасп». Раскопки, проводимые с 1971 г., показали, что северная стена и цитадель возводились в одно время. Свидетельство тому — наличие перевязки между северной стеной города и стеной цитадели [9]. Тем самым не подтверждается мнение В. В. Бартольда, основанное на данных нарративных источников, о том, что цитадель была построена после X в. [10] Среднеперсидские надписи на южной стене цитадели, внутри цитадели (№ 22, см. ниже) и на облицовке северной стены города, сходные по палеографии и относящиеся, очевидно, к одному и тому же периоду, также подтверждают одновременность строительства.

В юго-западном углу цитадели расположена квадратная башня, из которой некогда шел ход (ныне почти полностью заваленный обвалившимися блоками) на Горную стену (Даг-бары), примыкающую к цитадели [11]. Каменные блоки здесь — наиболее старые в кладке укреплений Дербента. Надпись (№ 22), находящаяся внутри цитадели, у выхода на Даг-бары, идентична надписям IV группы, расположенным на облицовке южной стены цитадели: mwš(y) [k] k(r)[t] «сделал Мошиг». Эта надпись выбита по правому краю четвертого блока от дневной поверхности. Длина блока — 107 см, высота — 62 см. Надпись вертикальная, состоит из двух строк. Правый нижний угол блока слегка отбит. Сохранившиеся буквы четкие, высота их около 11 см, длина надписи — 23—24 см.

Между 41-й и 42-й башнями [12] северной стены, идущей на этом участке по краю крутого глубокого оврага, недалеко от ворот Джарчи-капы («Ворота вестника»), на третьем блоке от дневной поверхности найдена надпись (№ 23), состоящая только из одного слова: ʾp (āb) «вода». Длина блока — 72 см, высота — 122 см. Длина надписи — 30 см, высота букв — 7—8 см. Надпись находится почти в центре блока.

Эта надпись, вероятно, служила указателем. Строители дербентских укреплений придавали огромное значение системе водоснабжения. В городе строились водопровод и резервуары для хранения воды на случай осады или разрушения неприятелем каналов, подводящих воду к городу. Ворота Джарчи-капы были наиболее удобным выходом к источникам, которые находились в ущелье западнее цитадели [13]. В городе, за крепостной стеной, приблизительно в 50 м по прямой от надписи № 23, находится подземный резервуар для воды (еще в начале XX в. местные жители брали здесь воду). Пехлевийская надпись может указывать на то, что это водохранилище существовало уже в VI в. Возможно, что ниже надписи находился водослив для периодической очистки подземного колодца либо рядом были проложены трубы. Надпись могла служить указателем при проведении ремонтных работ.

Надпись № 24 (рис. 1) расположена между 21-й и 22-й башнями, в левой стороне широкого блока, находящегося на высоте 2 м 40 см (6-й блок от современной дневной поверхности). Длина блока — 209 см, высота — 53 см.

[9] *Кудрявцев.* Древний Дербент. С. 103; Е. А. Пахомов (Пехлевийские надписи... С. 21) также относил цитадель, северную стену, Даг-бары к одной строительной традиции, однако растянул датировку до VII—VIII вв.

[10] Ср. *Тревер.* Очерки... С. 280.

[11] *Кудрявцев.* Древний Дербент. С. 118.

[12] Здесь мы придерживаемся нумерации башен по Е. А. Пахомову (Пехлевийские надписи... С. 12—13), где отсчет башен ведется от берега моря.

[13] *Хан-Магомедов С. О.* Дербент. Горная стена. Аулы Табасарана. М., 1979. С. 102, 178 сл.

Высота строчных букв — 2,5—3,5 см. Стена не носит следов поздней перекладки. Надпись трехстрочная, вертикальная, как и все пехлевийские надписи Дербента:

(1) blznyš ZY (2) ʾtwrpʾ tkn (3) ʾmʾlkl
Barzniš i Ādurbādagān āmārgar
«Барзниш, амаргар Адурбадагана».

Такая же надпись была уже известна ранее. Е. А. Пахомов обозначил ее № 10, она расположена между 2-й и 3-й башнями на высоте около 1 м 75 см [14]. Размеры блока с № 10: длина — 33 см, высота — 55 см; блок обращен наружу узкой гранью. Стена на этом участке, по заключению Е. А. Пахомова, носит следы перекладки.

Еще одна надпись (№ 25), трехстрочная, обнаружена между 20-й и 21-й башнями северной стены. Она начертана на 7-м блоке от дневной поверхности, обращенном наружу широкой гранью. Высота букв — 3—4 см. Длина блока — 111 см, высота — 55 см. Высота стены до начала блока — 3 м 35 см. Чтение надписи:

(1) phny ʾLBʾ Zy (2) blznyš ZY ʾtwrpʾtkn (3) ʾmʾlkl
Pahnāy čahār ī Barzniš ī Ādurbādagān āmārgar
«Ширина — четыре (локтя?). Барзниш, амаргар Адурбадагана».

Первая строка надписи имеет соответствие в ранее известной надписи № 2 [15], где вместо phny выступает иное написание — phn, без конечного -y. Это слово Г. С. Нюберг читал как pdyn, но отказывался дать ему какое-либо толкование [16]. Исходя из чтения pdyn, мы предлагали видеть здесь дефектное написание для pʾdʾn или pdyʾn и толковать его как pāyān, множ. число от pāy «нога», но также мера длины («фут»), равная 30 см [17]. Однако вновь найденная надпись позволяет предположить иное чтение первого слова 1-й строки: phny (менее вероятно — phnd), в № 2 — phn. Написание phny может скрывать среднеперсидское pahnāy «ширина, широта», абстрактное существительное от pahn «широкий (по поверхности), обширный».

В книжно-пехлевийских текстах обычны написания этого слова с «лишним» алефом для краткого *a* — pʾhnʾ (pahn), pʾhnʾd (pahnāy) [18], однако засвидетельствованы формы и с одним алефом — phnʾ, phnʾd [19]. Следует при этом учитывать, что в среднеперсидских надписях из Дербента, как и во многих других памятниках сасанидской эпиграфики, алеф часто опускается даже при передаче долгого ā; ср., например, многократно ʾtwrpʾtkn вместо ʾtwrpʾtkʾn, ʾmlkl (№ 3) наряду с ʾmʾlkl (№ 1).

Среднеперс. pahn, pahnāy, соответствующие новоперс. pahn (вариант pahan), pahnā, восходят к древнеиранскому *paθana-, авест. paθana- «широкий, обширный», ср. осет. fätän «широкий (по поверхности); широкое ровное место» [20], белудж, patah [21], курд. pān, афган. plan, согд. pδnyh,

[14] *Пахомов.* Пехлевийские надписи... С. 17.
[15] Там же. Табл. I и III.
[16] *Нюберг.* Материалы... С. 30.
[17] *Касумова.* К толкованию... С. 123.
[18] *MacKenzie D. N.* A Concise Pahlavi Dictionary. L., 1971. P. 64.
[19] *Kapadia D. D.* Glossary of Pahlavi Vendidad. Bombay, 1953. P. 471.
[20] *Абаев В. И.* Осетинский язык и фольклор. I. М.— Л., 1949. С. 20, 46; *он же.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. М.— Л., 1958. С. 464 сл.
[21] Г. С. Нюберг приводит также белуджское pahnād (с -h-?), см. *Nyberg H. S.* A Manuel of Pahlavi. II. Wiesbaden, 1974. P. 148.

pδn'y, pδkw, хотано-сакс. phattanai, phaṃnai «(широкая) полость (рта) = нёбо» [22]. Древнеиранский корень, от которого образованы эти формы, восстанавливается как «быть широким» из индоевропейского *pet- (греч. πετάννυμι «простираю, расстилаю», лат. patēre «быть открытым» и т. д.). Образованное от этого корня немецкое Faden приобрело и значение меры — «размах обеих рук, сажень».

Возможно, что среднеперс. pahn и pahnāy служили и обозначениями меры площади, однако такое употребление, насколько мы можем судить, не засвидетельствовано в текстах; нет его следов и в новоперсидском. Поэтому следует предположить, что pahnāy (phny) в надписи № 25 имеет значение «ширина» и что следующее затем числительное ('LB' = čahār) предполагает наличие не обозначенной в надписи меры («локоть»?, «сажень»?). В № 2 pahn (phn), вероятно, не «широкий», а дефектное написание вместо phny или phn'y (конечный согласный суффикса -āy выписывался и как -'d, и как -'y). Во всяком случае, phny, phn выглядят предпочтительнее в этих надписях, чем совершенно загадочное pdyn.

В 1979 г., когда была опубликована наша статья о дербентских надписях, нам не было еще известно о докладе Г. Гроппа, посвященном этим памятникам и прочитанном в 1975 г. Доклад этот издан в 1977 г. [23] Благодаря любезности Г. Гроппа мы смогли с ним ознакомиться. Чтение и интерпретация автора производят весьма странное впечатление, хотя Гропп — опытный исследователь среднеперсидской эпиграфики, не впервые обращающийся к дербентским надписям. В самом деле: в надписях № 1 и 3 совершенно уверенно — от Нюберга до наших дней — читают ZNH W MN ZNH 'plbl «это и отсюда выше (сделал. . . . . .)», а Гропп (вопреки тексту) — ZNH wmndwmn spldl «Эта наша имеющая щит (?) граница» (№ 1) и ZNH wmndwmn spl «Эта наша граница — щит. . . . .» [24]. К тому же Г. Гропп для имени финансового контролера Адурбадагана предлагает чтение Дарий (dlyywš, dlywš), что совершенно неприемлемо, поскольку характерное для древнеперсидского языка окончание -š не могло сохраниться в среднеперсидском. Среднеперсидское написание имени — d'l'y (Dārāi) [25]. Ошибка Г. Гроппа, на наш взгляд, заключается в том, что при чтении 1-й строки обеих надписей он не обратил внимания на отмеченное в свое время Г. С. Нюбергом четкое различие между лигатурой MN и конечным H [26].

В решении вопроса о дате, содержащейся в стк. 3 надписи № 3, мнения исследователей далеки от единства [27]. Дату 700 по селевкидской эре (=389 г. н. э.), предлагаемую Г. Гроппом, трудно принять по нескольким причинам, ибо, во-первых, исходя из палеографии, надписи невозможно датировать концом IV в.: здесь мы имеем развитое курсивное письмо и вертикальное направление строк, что характерно для поздних, не ранее VI в., сасанидских надписей; во-вторых, селевкидская эра в Сасанидском государстве применялась только христианами.

Основываясь на предположении о том, что амаргар сам повелел выполнить строительные работы, на что потратил собранные им и не внесенные в казну подати, Г. Гропп считает, что строительство каменных стен Дербента могло осуществиться лишь при слабом центральном правительстве,

[22] *Bailey H. W.* Dictionary of Khotan Saka. Cambridge, 1979. P. 259, 507.
[23] См. прим. 3.
[24] *Gropp.* Die Festung Derbent... S. 1620.
[25] *Nyberg.* A Manual of Pahlavi. II. P. 58.
[26] *Нюберг.* Материалы... С. 26.
[27] *Пахомов.* Пехлевийские надписи... С. 14—15; *Касумова.* К толкованию... С. 123 сл.; ср. *Луконин.* Среднеперсидские надписи... С. 45. Прим. 23; *Gropp.* Die Festung Derbent... S. 1621.

при Варахране IV (388—399), до реформ Кавада (488—531) и Хосрова I Ануширвана (531—579), особо подчеркивая, что в надписи не указано имя правящего шаханшаха [28], как и в надписи Михр-Нарсе из Фирузабада.

Напомним, что для сасанидского времени, помимо комплекса среднеперсидских надписей Дербента, известны еще только две строительные надписи. Это надпись Нарсе-Хормизда из Мишкиншахра (Южный Азербайджан), датируемая 335/336 г. н. э. [29], и надпись вузург-фрамадара Михр-Нарсе из Фирузабада, относящаяся к первой половине V в. [30]

В надписи Нарсе-Хормизда указан год правящего династа — месяц *михр*, год 27 Шапура, царя царей, сына Хормизда; имеется в виду Шапур II (309—379). Михр-Нарсе был настолько известной личностью, что, по-видимому, не было никакой необходимости указывать в надписи имя правящего шаханшаха. Михр-Нарсе был вузург-фрамадаром в первой половине V в. при последовательно сменявшихся царях — Иездигерде I (389—421), Бахраме V Гуре (421—439) и Иездигерде II (439—457).

Надпись Нарсе-Хормизда о строительстве крепости и надпись Михр-Нарсе о строительстве моста объединяет одно общее: и то и другое строительство было предпринято и осуществлено во исполнение какого-то обета, с надеждой на расположение богов и признательность сограждан. В отличие от этих надписей, а также торжественно прокламативных царских надписей Сасанидов, рассчитанных на потомков, дербентские надписи, по всей вероятности, всего лишь разметка, маркировка, средство учета и контроля за строительством.

На наш взгляд, каменные фортификационные сооружения в Дербенте, строительство которых требовало особой тщательности в работе и достаточно долгого времени, могли быть возведены только при сильной центральной власти, когда влияние Сасанидов в северных областях державы, в частности в Албании, было весьма велико, к тому же в период хотя бы относительной стабилизации внутренней и внешней политики.

Внутри- и внешнеполитическая обстановка в Сасанидском государстве с начала V в. была сложной. В первую очередь это было связано с постоянными набегами гунно-булгарских племен во главе с оногурами (хауландурами), обосновавшимися в степях Предкавказья. Иездигерд II (439—457) был вынужден обратить особое внимание на безопасность кавказских границ, откуда через Дербентский проход гунны осуществляли свои вторжения. По данным источников, при Иездигерде II были сооружены в Дербентском проходе оборонительные укрепления, в дербентской крепости был посажен марзбан, а в Албании размещена сасанидская конница [31].

Строительство сырцовых фортификационных сооружений в Дербенте в первой половине V в. при Иездигерде II подтверждается археологическими исследованиями [32].

Во второй половине V в. положение в державе осложнилось народно-освободительной борьбой закавказских народов против сасанидского гнета (450—451 гг.). По свидетельству армянского историка V в. Егише, после победы Вардана Мамиконеана у г. Халхал в 450 г. над марзбаном Чора (= Дербент, Хоннские врата) восставшие «. . .напали на замки и города,

---

[28] *Gropp*. Die Festung Derbent... S. 1621.

[29] См. *Касумова С. Ю.* Среднеперсидская надпись из Мишкиншахра (Южный Азербайджан) // Известия АН АзССР. Сер. ист., филос. и права. 1984. № 3. С. 49—55.

[30] *Henning W. B.* The Inscription of Firuzabad // Asia Major, N.S. L., 1954. V. IV. Pt 1. P. 98—102.

[31] *Джафаров Ю. Р.* Гунны и Азербайджан. Баку, 1985. С. 62—63.

[32] См. подробно *Кудрявцев*. Древний Дербент. С. 76—78.

что имели персы в стране Албанской», затем «. . .направились к Хоннским вратам, взяли и разрушили врата и перебили войска, что располагались внутри, а ворота вверили власти Вагана, бывшего из рода царей Албанских» [33]. После Аварайрского сражения в 451 г. гунны, союзники восставших, вновь прорвались через проход и разрушили крепость [34]. Во время восстания албанского царя Вече 457 —463 гг. Дербентский проход вновь вышел из-под контроля Сасанидов.

В конце V в. в связи с появлением на Северном Кавказе гуннов-сабир внешнеполитическая обстановка снова обостряется. С 503 по 508 г. шла война между Кавадом и сабирами, которые прошли через Дербентский проход, охраняемый сасанидским гарнизоном, и вторглись в Албанию [35]. После этого нашествия, закончившегося поражением кочевников, наступил период относительного спокойствия в отношениях с последними [36]. Влияние Сасанидов в Албании особенно усилилось после кончины Вачагана III (около 510 г.), когда окончательно пресеклась царствовавшая в Албании ветвь Аршакидов и страну стали полностью контролировать марзбаны, назначаемые сасанидскими шаханшахами.

Вторая половина правления Кавада, после окончания войны с гуннами в 508 г., была наиболее благоприятной для проведения строительных работ по укреплению северной прикаспийской границы. Надо полагать, что такой дальновидный политик, как Кавад, не мог не считаться с возможностью новых конфликтов с кочевниками. Строительство каменных укреплений Дербента в правление Кавада подтверждается археологическими работами, в ходе которых были выявлены различия в конструкции и планировке стен, что говорит о разновременности строительства отдельных частей оборонительного комплекса [37].

Хосров I Ануширван предпринял меры по укреплению своих закавказских владений, особенно оборонительных сооружений Дербента. При нем в 552 г. кочевники вновь совершили набег на закавказские владения Сасанидов и вновь потерпели поражение. После мира, заключенного в 562 г. между Византией и Сасанидским государством, создались благоприятные условия для продолжения строительства каменных дербентских укреплений [38].

Один из этапов строительных работ отмечен в надписи № 3 — год 37-й (правления Хосрова I. — *С. К.*) = 568 г. Мы считаем возможным отнести эту дату к правлению Хосрова I Ануширвана, с одной стороны, исходя из палеографических особенностей надписей, характерных для второй половины VI в., с другой стороны, памятуя о том, что в дербентских надписях представлен амаргар Адурбадагана, финансовый чиновник «стороны Адурбадагана», появившейся в результате административной реформы Хосрова I Ануширвана, разделившего державу на четыре «стороны»;

[33] *Егише.* О Вардане и войне армянской. Пер. И. А. Орбели. Ереван, 1971. С. 79.
[34] Там же. С. 92, 117.
[35] *Джафаров Ю. Р.* К вопросу о первом появлении сабир в Закавказье // ВДИ. 1979. № 3. С. 166.
[36] Там же. С. 171.
[37] *Кудрявцев.* Древний Дербент. С. 91.
[38] Там же. С. 76; к концу царствования Хосрова I Ануширвана положение в державе было настолько осложнено восстанием закавказских народов 571—572 гг. и 20-летней войной с Византией, окончившейся в 591 г., уже в правление Хосрова II, что говорить о развернутом строительстве дербентских укреплений в этот период нет оснований. Далее, вплоть до конца существования Сасанидской державы, силы ее были отвлечены попеременно то войной с Ираклием (610—641), то с хазарами, и постепенно влияние Сасанидов в Закавказье сходило на нет (см. *Тревер.* Очерки... С. 232—250).

северная, куда входили Адурбадаган, Албания, Иберия и Армения, именовалась по главной области края.

Руководство строительством дербентских укреплений — форпоста Сасанидов на северных границах — могло быть поручено только весьма влиятельной и облеченной особой властью и доверием со стороны центрального правительства личности, каким и был, несомненно, Барзниш, амаргар Адурбадагана, представитель финансового ведомства державы.

Во время пребывания в Дербенте мы попытались найти надписи № 8 и 9, которые, судя по сохранившимся фрагментам, могли бы дать интересные сведения. Однако поиски оказались безрезультатными. Остается лишь сожалеть, что более чем за полвека, прошедших с момента обследования Е. А. Пахомовым стен Дербента, не был предпринят целенаправленный поиск новых и уточнение чтений уже известных надписей. Надо надеяться, что дальнейшее обследование дербентских стен принесет новые находки пехлевийских надписей.

NOUVELLES TROUVAILLES D'INSCRIPTIONS EN IRANIEN MOYEN À DERBENT

S. Ju. Kasumova

Cinq inscriptions nouvelles découvertes par l'auteur pendant les travaux de l'Expédition archéologique de Derbent (été 1985) sont venues s'ajouter au corpus des inscriptions en iranien moyen de Derbent.

La plus intéressante est le n° 25 dans la première ligne de laquelle figure le mot *phny* (*pahnāy*), qui désigne une dimension de superficie, la «largeur», et le numératif suivant, *čahār* («quatre») suggère la présence d'une unité omise (coudées ? écarts de bras?).

L'inscription nouvelle permet de préciser la leçon de la troisième ligne de l'inscription n° 2 (selon l'édition de Je. A. Pakhomov), où l'on trouve le mot *phn*, variante tronquée de *phny* sans le suffixe *-'y* ayant la même signification de «largeur» mais interprétée antérieurement de façon erronée comme *pāyān*, pluriel de *pāy* «pied».

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

НАДПИСИ НА ЗАПАДНОЧЖОУСКИХ БРОНЗОВЫХ СОСУДАХ ИЗ ФУФЭНА

Источники, по которым современный исследователь изучает древнекитайскую историю и культуру, могут быть отнесены к трем категориям — письменным памятникам, эпиграфике и данным археологии. Первое место, отведенное в предложенном перечне письменным источникам, вполне закономерно и соответствует приоритету нарративной традиции в источниковедении древнего Китая в целом. Однако значение письменных памятников уменьшается по мере продвижения вглубь китайской истории. В частности, применительно к архаической эпохе (Инь — Западное Чжоу) речь может идти о весьма ограниченном круге письменных источников; роль же археологии и эпиграфики, напротив, значительнее, чем для более поздних периодов. При этом несомненная аутентичность и синхронность археологических и эпиграфических данных позволяют проверять и уточнять сообщения письменной традиции, чья достоверность подчас не бесспорна из-за их ретроспективного характера или самого факта существенных изменений, которые претерпели классические тексты в позднейшие эпохи. Историческая истина рождается на стыке сведений письменных памятников, с одной стороны, и археологии и эпиграфики — с другой [1]. Ценность последних увеличивается еще и тем обстоятельством, что их число постоянно растет и несомненно будет расти по мере полевых изысканий. Успехи китайской археологии,— пожалуй, наиболее динамичной из гуманитарных наук КНР на протяжении последних двух-трех десятилетий — предвещают новые важные открытия и находки.

К числу таких находок принадлежит клад бронзовых сосудов раннечжоуского времени, обнаруженный в 1976—1977 гг. в уезде Фуфэн пров. Шэньси (КНР) [2]. В ста метрах к югу от деревни Байцзяцунь была обнаружена прямоугольная яма (длиной 1,95 м, шириной 1,1 м, глубиной 1,12 м), наполненная бронзовыми сосудами различных типов. Невдалеке от клада были найдены следы поселения того же времени. Общее число сосудов — 103, на 74-х имеются надписи, объем которых варьирует от 1 до 284 знаков. Наибольший интерес представляют собой самые крупные эпиграфические тексты. Их перевод и предлагается читателю. Надписи, о которых пойдет речь, были сделаны в разное время, но их отличает ряд особенно-

[1] О плодотворности корреляции данных нарративной традиции и археологии для реконструкции ранговой структуры западночжоуского общества см. *Крюков В. М.* Погребальный обряд в архаическом Китае и проблемы формирования ранговой иерархии // Пятнадцатая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. Ч. I. М., 1984. С. 26—33.

[2] Краткий отчет о раскопках клада № 1 западночжоуских бронзовых сосудов в Чжуанбай уезда Фуфэн провинции Шэньси // Вэньу. 1978. № 3. С. 1—18 (на кит. яз.).

Рис. 2. Латинские клейма на мортарии и амфорной ручке. Фотография

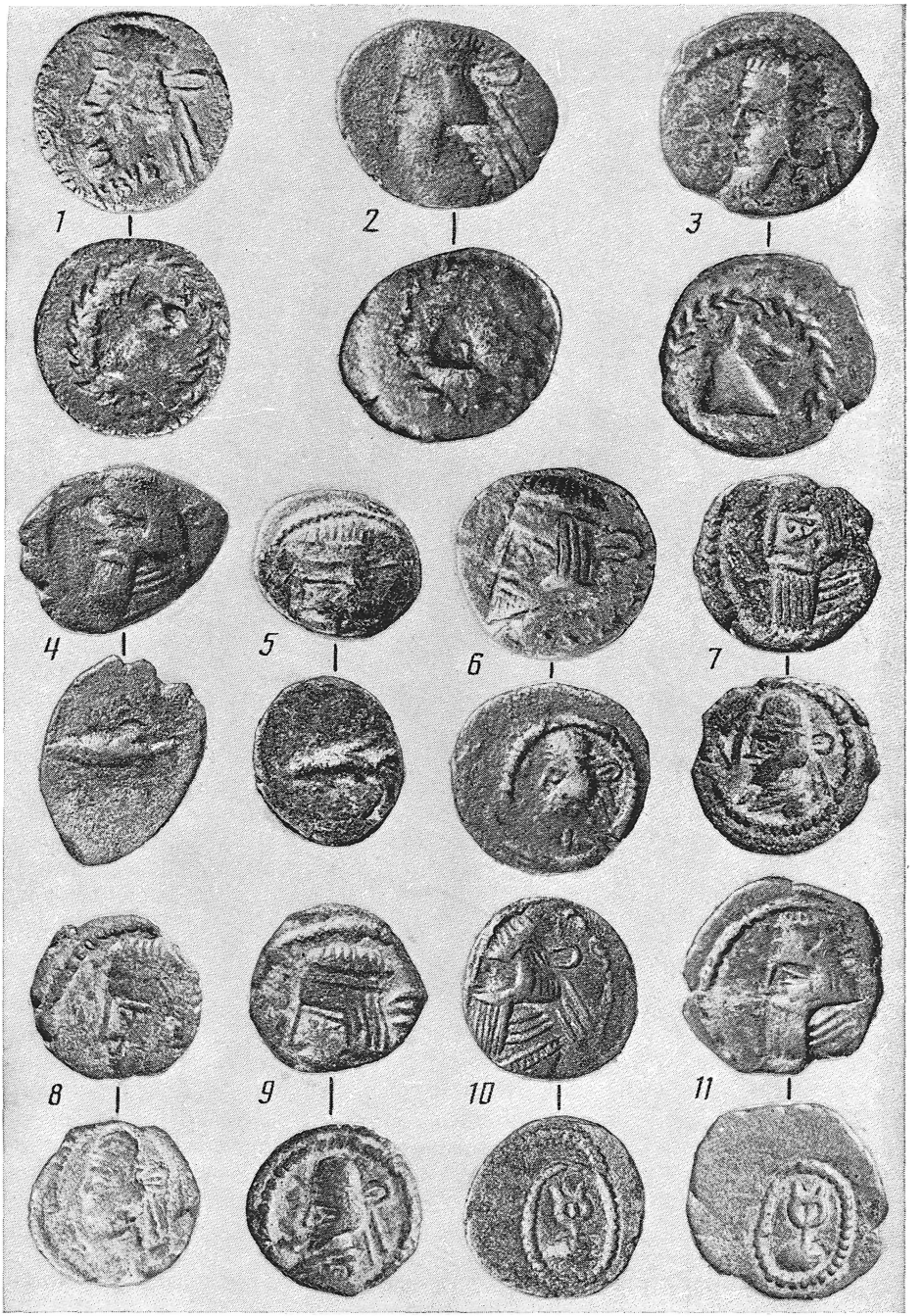

Таблица I. Халки Артабана II со следами перечеканки. № *1—11* по Приложению, см. с. 84

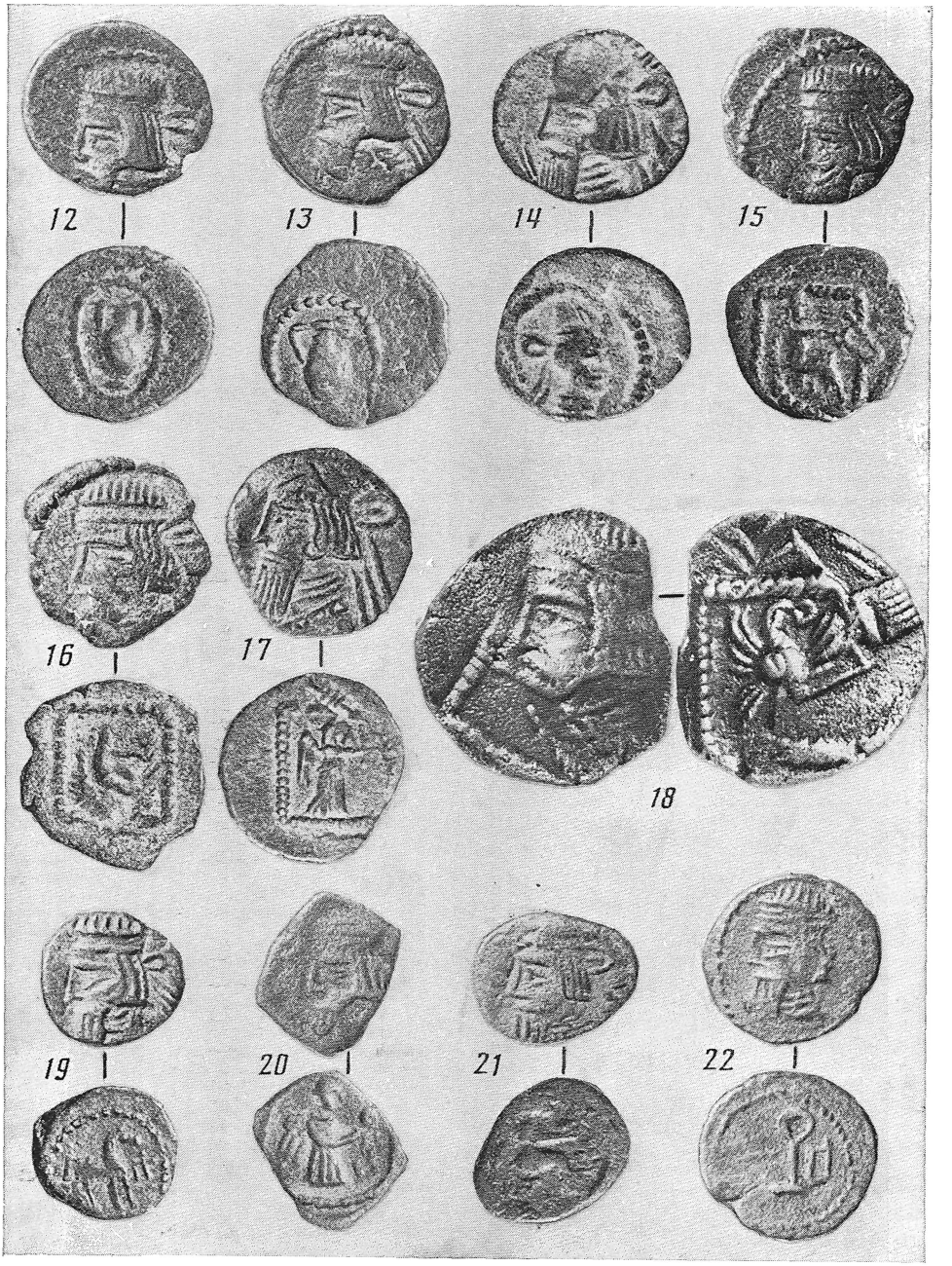

Таблица II. Халки Артабана II и Готарза II со следами перечеканки и халки Артабана II рагианского монетного двора. № *12—22* по Приложению, см. с. 84.

Вклейка к ст. Касумовой С. Ю., стр. 89.

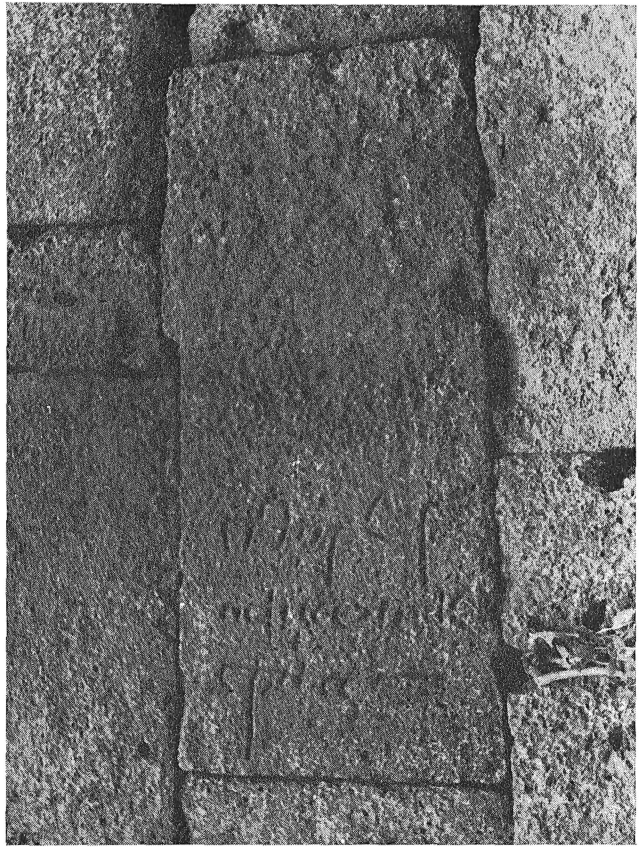

Рис. 1. Среднеперсидская надпись № 24. Дербент

Рис. 2. Среднеперсидская надпись № 25. Дербент

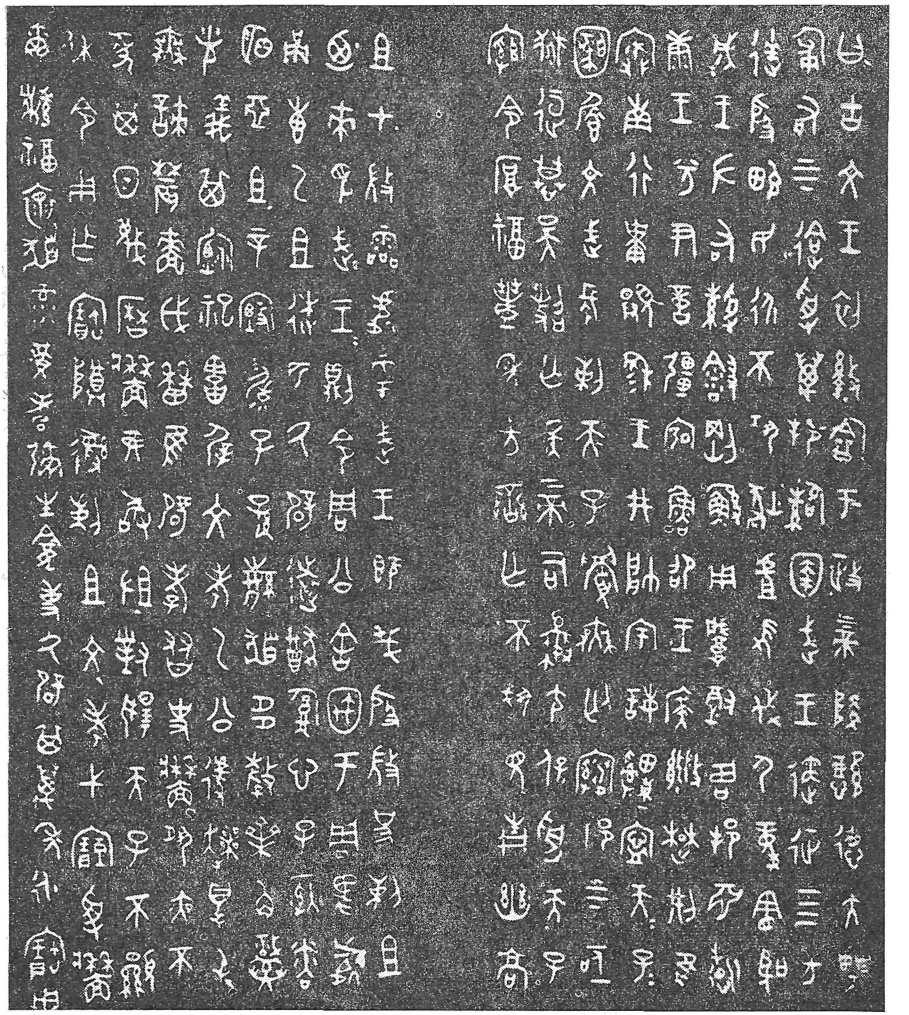

Рис. 1. Надпись на сосуде «Ши Цян пань»

стей, дающих основание полагать, что владельцы соответствующих сосудов принадлежали к одной родственной группе. Надписи расположены в хронологическом порядке.

Надпись № 1. «Чжэ гун» [3].

Текст состоит из 40 иероглифов (6 строк).

«В пятом месяце. Ван находился в Гань. В день у-цзы[а] (ван) приказал цзоцэ[б] Чжэ пожаловать Сян-хоу земли в (местности) Ван. Одарил металлом, одарил слугами[в]. (Чжэ) возблагодарил ванскую милость. (Это произошло) во время девятнадцатого годичного жертвоприношения вана. (Чжэ) воспользовался (этим случаем), дабы изготовить жертвенный сосуд (своему) отцу (по имени) Иг. (Чжэ) будет пользоваться (сосудом) как драгоценностью».

[3] По сложившейся традиции наименование сосуда состоит из двух компонентов — имени владельца сосуда (в данном случае — Чжэ) и названия типа сосуда (гун).

Комментарий

[а] *25-й день шестидесятиричного цикла.*

[б] *Название должности. Букв.: «делающий записи на скрижалях», т. е. придворный скриб.*

[в] *Вопрос о социальном статусе «слуг» (чэнь) принадлежит к числу дискуссионных. Смысл проблемы можно сформулировать следующим образом: являлись ли чэнь рабами?* [4]

[г] 2-й знак десятиричного цикла.

Надпись № 2. «Фэн цзунь».

Текст состоит из 31 иероглифа (5 строк).

«В шестом месяце, в первой декаде, в день и-мао[а]. Ван находился в Чэнчжоу. (Ван) приказал Фэну устроить пир для Да Гуя. Да Гуй одарил Фэна металлом и раковинами-каури. (Фэн) воспользовался (этим случаем), чтобы изготовить драгоценный жертвенный сосуд (своему) отцу (по имени) Синь[б]».

Комментарий

[а] 52-й день шестидесятиричного цикла.

[б] 8-й знак десятиричного цикла.

Надпись № 3. «Ши Цян пань» [5].

Текст состоит из 284 иероглифов (18 строк). Эта надпись является наиболее крупной по объему и наиболее интересной по содержанию. Она включает рифмованную часть (А), состоящую из 227 знаков, и нерифмованную часть (Б), насчитывающую 57 иероглифов. В оригинале надпись «Ши Цян пань», как, впрочем, и все другие надписи на бронзе, дана сплошным текстом (см. рис. 1). Но выявление рифм — всего их имеется 35 — дает возможность осуществить «разбивку» текста по строкам и строфам. Ритмическая структура рифмованной части текста показана на схеме 1.

Схема 1

I строфа — А — А — Б — Б — А — А — А
II строфа — А — А — А — А
III строфа — А — А — А — А — А — А
IV строфа — А — А — А
V строфа — В — В — В
VI строфа — Г — Г
VII строфа — Д — Д — Д
VIII строфа — Е — Е — Е
IX строфа — Д — Д — Д — Д — Д
X строфа — Ж — Ж — Ж
XI строфа — З — З — В — В
XII строфа — И — И — И

[4] Об этом см.: *Васильев Л. С.* Аграрные отношения и община в древнем Китае. М., 1961. С. 177—183; *Крюков М. В.* Социальная организация древних китайцев. М., 1967. С. 76—79; *Серкина А. А.* Символы рабства в древнем Китае. М., 1982. С. 6—11, 21—27.

[5] Различные толкования надписи на сосуде «Ши Цян пань» см. в статьях на китайском языке: *Тан Лань.* Коротко о значении клада западночжоуских бронзовых сосудов, принадлежавших семье вэйских скрибов // Вэньу. 1978. № 3. С. 19—24; *Цю Сигуй.* Толкование надписи на сосуде «Ши Цян пань» // Вэньу. 1978. № 3. С. 25—32; *Сюй Чжуншу.* Комментарии к надписи на западночжоуском сосуде «Цян пань» // Каогу сюэбао. 1978. № 2. С. 139—148; *Дай Цзясян.* Толкование надписи на сосуде «Цян пань» // Шанхай шифань дасюэ сюэбао. 1979. № 2. С. 60—82.

(A)

(I) «И сказано: в древности Вэнь-ван
Впервые внес гармонию в управление.
Верховный Владыка[а] ниспослал (ему) великую опору
совершенной благодати,
(И Вэнь-ван) объял покровительством верхи и низы,
Сплотил воедино десять тысяч стран.

(II) Могучий и грозный У-ван
Покорил четыре стороны света,
Низвергнул Инь и исправил народ,
Навсегда лишил (чжоусцев) страха перед *ди* и *чжа*,
Ходил в дальние походы на *и* и *тун*[б].

(III) Прозорливый и совершенномудрый Чэн-ван,
Окружив себя *решительными и непреклонными*,
Начал овладевать управлением чжоуской державой.
Глубочайший и постигший[в] Кан-ван
Навел *порядок на несчетных землях*.

(IV) Величественный и щедрый Чжао-ван
Полностью покорил Чу и Цзинг[г],
Предприняв охоту в южных пределах.

(V) Благочестивый и проявленный[д] Му-ван
Следовал возвышенным замыслам,
Передал Сыну Неба умиротворенность.

(VI) Сын Неба[е] почтительно продолжает
Великое дело Вэнь-вана и У-вана,
Долголетие Сына Неба не имеет предела.

(VII) (Сын Неба) привечает в обилии (пребывающие) верхи и низы[ж].
(Верхи и низы) почтительно радуются и без конца восхищаются
Сиянием великого неба, не приносящим пресыщения.

(VIII) Верховный Владыка и Государь-просо[з]
Надежно одаривают Сына Неба благим повелением,
Обильным счастьем и тучным урожаем,
И среди соседних племен нет таких, кто бы не явился
на (высочайшую) аудиенцию (к вану).

(IX) Незапятнанный и сокровенный[и] Гао-цзу
Обретался в благостной обители в Вэй.
(Когда) У-ван покарал Инь,
Вэйский скриб Ле-цзу
Тотчас явился на аудиенцию к У-вану.
У-ван тогда отдал приказ,
И Чжоу-гун отвел резиденцию (Ле-цзу),
Велев поселиться в Чжоу.

(X) Проницательный и милостивый И-цзу
Умело содействовал своему государю,
Смог долгое время служить (ему), подобно (его) сердцу и утробе[к].

(XI) Лучезарный и ослепительный Я-цзу Цзу-синь
Породил и вскормил детей и внуков,
(Ниспослал им) пышное счастье и множество даров,
Был безупречным и процветающим [л],
Возносил жертвенные подношения.

(XII) Высокочтимый, просвещенный и великий отец И-гун
Был глубок и просветлен: достигнутая (им) целостность [м]
была безупречна,
И было тучно зерно, ежегодно наполнявшее нивы и амбары.

(Б)

Ши Цян, исповедующий принципы «сяо» и «ю» [н], не оступается ни днем, ни ночью. Ему ежедневно воздается по заслугам. Цян не осмеливается совершать дурные поступки. Он возносит хвалу Сыну Неба за (его) проявленные и милостивые повеления. Пользуется (этим), дабы изготовить драгоценный жертвенный сосуд. Славные предки и просвещенный отец непременно одарят Цяна своими щедротами, благостной заботой, преуспеянием, богатством [о] и долголетием. (Цян) усердно послужит своему государю. На протяжении десяти тысяч лет будет постоянно пользоваться (сосудом) как драгоценностью».

Комментарий

[а] Шанди.

[б] Под *хо*, *чжи*, *и*, *тун*, судя по всему, подразумеваются соседние племена, враждовавшие с Чжоу.

[в] Букв.: «постигший-благодать». Иероглиф представляет собой слитное написание двух знаков — «постигать» (чжэ) и «благодать» (дэ).

[г] «Царства» в Южном Китае. По мнению некоторых исследователей, Цзин первоначально представляло собой независимое «царство», впоследствии подчиненное Чу. Согласно другой точке зрения, «Цзин» с самого начала являлось лишь вторым названием Чу.

[д] «Проявленность» (сянь) — важное качество сакральной персоны или сакрального действия в западночжоуской идеологии. Согласно этому представлению, реализация сакральной потенции происходит через посредство зримых знаков силы и могущества, являющих собой меру и «образ» претворения этой потенции: сила государя не должна остаться втуне, она должна «проявиться».

[е] Т. е. Гун-ван, сын Му-вана.

[ж] Смысл первой строки VII строфы, да и всей строфы в целом довольно темен и сложен для понимания. Предложенный вариант перевода не является единственно возможным.

[з] Мифический прародитель чжоусцев.

[и] Эпитет «сокровенный» (ю) (также возможны переводы: «темный», «смутный», «глубокий», «сокрытый» и т. д.) в данном случае может быть понят двояко — как указание на «самоуглубленную» и «чудесную» природу Гао-цзу, основателя рода вэйских скрибов, а также на «нереализованность», «непроявленность» Гао-цзу в условиях, когда он жил в уединении и вне службы при чжоуском дворе. В этом последнем смысле понятие «ю» противопоставляется термину «сянь» (см. прим. д).

[к] В раннечжоуских эпиграфических текстах сподвижники государя нередко метафорически осмысляются как отдельные члены «ванского тела», например, «локти и суставы», «когти и клыки», «сердце и утроба».

[л] Букв.: «ровное обличие, цветущий и сияющий (вид)».

[м] К данному термину, по мнению некоторых китайских исследователей, восходит понятие «первозданного хаоса» (хунь дунь) [6]. Понятие «целостности» в западночжоуской идеологии находится в одном семантическом ряду с такими категориями, как «благодать» (дэ), «первоначальное» (юань), «сердце» (синь), «умение внушать благоговейный страх» (вэй и) [7].

[н] Сяо — «сыновняя почтительность», ю — «братская любовь».

[о] Имеется в виду не богатство в собственном смысле, а «вознаграждение», т. е. доля материальных благ, присваиваемая аристократом в соответствии с местом, занимаемым им в ранговой иерархии.

Надпись № 4. «Ин гуй».

Текст состоит из 44 иероглифов (6 строк).

«Ин сказал: „Проявленные царственные предки наследовали способность внушать благоговейный страх, использовав (это) для служения прежним ванам. (Ин) ни днем, ни ночью не осмеливается не брать пример (со своих предков). Ван воздал Ину за его заслуги, пожаловал яшмовые подвески [а]". (Ин) изготовил жертвенный сосуд для своих предков, с его помощью будет совершать жертвоприношения великим духам. (Ин) вымолит у великих духов много счастья [б]. Ин на протяжении десяти тысяч лет будет пользоваться (сосудом) как драгоценностью».

Комментарий

[а] Важный компонент ритуальной одежды, который, среди прочих «даров», подлежал пожалованию сановникам и представителям знати, что в архаическом Китае входило в практику редистрибуции. Характер и количество даров являлись предметом ранговой регламентации [8].

[б] Букв.: «великие духи будут умолены (на предмет дарования)... счастья».

Надпись № 5. «Ин сюй».

Текст состоит из 60 иероглифов (6 строк).

«В 4-й год (правления вана), во втором месяце, в первую декаду, в день у-сюй [а]. Ван находился во дворце Шилугун в Чжоу. (Ван) вошел в большой зал, занял свое место. Сыма Гун, находясь справа от Ина, (ввел его в зал). Ван приказал скрибу по имени Нянь нанести на скрижали (указ) о пожаловании (Ину) ремня для закрепления ярма [б], набедренной повязки и уздечки [в]. (Ин) осмелился возблагодарить милость Сына Неба. Воспользовался (этим), чтобы изготовить драгоценный сосуд для просвещенного отца. Ин на протяжении десяти тысяч лет, его дети и внуки будут вечно пользоваться сосудом как драгоценностью».

Комментарий

[а] 35-й день шестидесятиричного цикла.

[б] В древнем Китае лошади впрягались в колесницу с помощью особого ярма, имевшего форму рогатки и прикреплявшегося к лошади специальным ремнем [9].

[в] Ремень для закрепления ярма, набедренная повязка, уздечка — объекты ритуальных дарений.

---

[6] См., например, *Го Можо.* Общий свод надписей на бронзовых сосудах эпохи Чжоу. Т. 7. Пекин. 1958. С. 81 (на кит. яз.).

[7] Об этом см. *Крюков В. М.* Первоначальная семантика дэ // Семнадцатая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. Ч. I. М., 1986.

[8] Об этом см. *Крюков В. М.* Система дарений и ее эволюция в Китае эпохи Чжоу // Четырнадцатая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. Ч. I. М., 1983. С. 18—27.

[9] Подробно см. *Хаяси Минао.* Лексика, связанная с колесницами, в надписях на западночжоуской бронзе // Кокоцугаку. 1976. № 11. С. 69—96 (на японск. яз.).

Надпись № 6. «Ин ху» (А).

Текст состоит из 56 иероглифов (14 строк).

«В 13-м году (правления вана), в девятом месяце, в первый счастливый день у-инь [а]. Ван находился во дворце Сытухугун в Чэнчжоу. (Ван) вошел в большой зал, занял свое место. Чжифу, находясь справа от Ина, (ввел его в зал). Ван приказал цзоцэиню [б] занести на скрижали (указ), о пожаловании Ину узорчатого ремня для закрепления ярма... [в] красных туфель. Ин, сложа руки, отбил поклон и вознес хвалу вану за его милость. Ин на протяжении десяти тысяч лет будет вечно пользоваться как драгоценностью (сосудом, изготовленным по этому случаю)».

Комментарий

[а] У-инь — 15-й день шестидесятиричного цикла. Что значит выражение «первый счастливый день» (чу цзи) не вполне ясно. Не исключено, что оно означало первый день декады.

[б] Название должности, вероятно, аналогичное «цзоцэ» (скриб).

[в] Идентификация предмета затруднена.

Надпись № 7. «Ин ху» (Б).

Текст состоит из 60 иероглифов (12 строк).

«В 3-м году (правления вана), в девятом месяце, в день дин-сы [а]. Ван, находясь в Чжэн, задал пир. (Ван) приказал Гошу вызвать Ина, одарил (Ина)... ... [б]. В день цзи-чоу [в] ван находился в Цзюйлине, устроил угощение вином по случаю встречи. Приказал ши Шоу вызвать Ина, одарил (Ина) ... ... [г] (Ин), сложа руки, отбил поклон. Осмелился возблагодарить милость Сына Неба. Воспользовавшись (этим), изготовил жертвенный сосуд для (своих) царственных предков и просвещенного отца. Ин на протяжении десяти тысяч лет будет пользоваться (сосудом) как драгоценностью».

Комментарий

[а] 54-й день шестидесятиричного цикла.

[б] Название предмета идентификации не поддается.

[в] 26-й день шестидесятиричного цикла.

[г] Название предмета идентификации не поддается.

Надпись № 8. «Ин чжун» (А) [10].

Текст состоит из 104 иероглифов (8 строк).

«Ин сказал: „В высшей степени проявленные предки Гао-цзу, Я-цзу, просвещенный отец смогли просветлить свои сердца, помогли иньши [а] (воплотить) свою способность внушать благоговейный страх, использовали (это) для служения прежним ванам. Ин не осмеливается не брать пример со своих предков и отца, овладевших просветленной благодатью [б], почтительно днем и ночью находится по левую руку от иньши. Царственный ван воздает Ину за его заслуги, пожаловал (ему) яшмовые подвески. (Ин) осмелился изготовить большой благозвучный [в] колокол для просвещенных людей [г]. (Ин) использует его для выражения почтительности (к усопшим предкам), чтобы чтить великих духов, совершать (им) подношения, вызывать и радовать (их). Великие духи поднимаются вверх и нисходят вниз, (осуществляют) строгую опеку ... [д], у них вымаливают много обильного счастья. О [е]! (Великие духи) даруют мне первозданные щедроты, постоянное богатство, вечные повеления [ж], долголетие и спокойную смерть [з]. Ин на протяжении десяти тысяч лет будет ежедневно бить в колокол, (используя его) как драгоценность“».

---

[10] Чаще всего надписи делались на ритуальных сосудах, иногда на других — ритуальных же — предметах, например на музыкальных инструментах. Данная надпись сделана на колоколе (чжун).

Комментарий

[а] Название должности при чжоуском дворе.

[б] Дарованная свыше благодать (дэ) не «усваивалась» автоматически реципиентом. По отношению к ней нужно было осуществить такие действия, как «овладение», «просветление», «постижение» и др.[11]

[в] Букв.: «гармоничный».

[г] Т. е. для своих предков.

[д] Иероглиф не поддается идентификации.

[е] Звукоподражание, имитирующее удары в колокол (букв.: «фэн-фэн, цюань-цюань»).

[ж] Юн мин. Данное словосочетание имеет также значение «бессмертие».

[з] При сохранении тела в нерасчлененном состоянии.

Надпись № 9. «Ин чжун» (Б) [12].

Текст состоит из 109 иероглифов (16 строк).

«И сказано: в древности Вэнь-ван
Впервые внес гармонию в управление.
Верховный Владыка ниспослал (ему) великую опору
совершенной благодати,
(И Вэнь-ван) объял покровительством верхи и низы,
Сплотил воедино десять тысяч стран.
(Когда) У-ван покарал Инь,
Вэйский скриб Ле-цзу
Тотчас явился на аудиенцию к У-вану.
У-ван тогда отдал приказ,
И Чжоу-гун отвел резиденцию (Ле-цзу),
На территории в 50 сун [а].
Ныне (я), Ин, днем и ночью (проявляю) почтительное благоговение (перед предками), выполняю свой долг [б], впервые изготовил благозвучный звонкий колокол. Использую (его) для молений об обильном счастье, (чтобы предки) во всем помогали (мне), Ину, претворять вечные повеления, опекая, одарили меня своими щедротами, счастьем и спокойной смертью. (Я), Ин, на протяжении десяти тысяч лет буду безупречен [в], буду без конца совершать подношения просвещенным духам и (смогу снискать) явленное [г] счастье. Используя колокол для прославления Ина, вечно буду использовать (его)... [д] как драгоценность».

Комментарий

[а] По мнению Тан Ланя, один сун равняется десяти квадратным ли [13]. Однако вопрос о толковании выражения «50 сун» и всей строки в целом остается спорным. Согласно одной из гипотез, речь идет о «50 способах толкования триграмм по утраченной гадательной книге „Гуйцан“» [14]. По мнению Цю Сигуя, «50 сун» означают «50 правил придворного этикета» [15].

[б] Букв.: «дело всей жизни».

[в] Букв.: «буду иметь безупречный вид».

[г] См. прим. д к надписи № 3.

[д] Идентификация иероглифа затруднена.

Надпись № 10. «Ин чжун» (В).

Текст состоит из 103 иероглифов (8 строк).

---

[11] Подробно см. *Крюков.* Первоначальная семантика дэ...

[12] Надпись сделана на двух колоколах.

[13] *Тан Лань.* Коротко о значении клада... С. 20.

[14] Подробно см. *Лю Сян.* Толкование словосочетания «и уши сун чу» // Сюэси юй сыкао. 1982. № 1. С. 79—80 (на кит. яз.).

[15] *Цю Сигуй.* Толкование надписи... С. 28—29.

«Ин постоянно, днем и ночью, мудро справляет траур (по покойным предкам), выказывает почтительность по отношению к возвышенному предку Синь-гуну, просвещенному предку И-гуну, царственному отцу Дин-гуну. (Изготовил) благозвучный звонкий колокол, которым воспользуется, чтобы призывать, радовать и тешить прежних просвещенных людей, чтобы вымаливать долголетие, испрашивать вечные повеления, обильные блага [а], преуспеяние, богатство и первозданные щедроты... [б] Царственные предки! (Ин) возносит высокую хвалу (вашим) деяниям. Находясь в строгом (величии) наверху, (вы), о предки [в], одариваете (Ина) обильным счастьем, во всем помогаете Ину претворять вечные повеления, опекая, одариваете меня, (Ина,) своими щедротами и счастьем. Ин на протяжении десяти тысяч лет будет безупречным и процветающим, будет без конца совершать подношения просвещенным духам и (сможет снискать) явленое счастье. Использует (колокол) для прославления Ина, будет вечно использовать (его)... [г] как драгоценность».

Комментарий

[а] Значение данного словосочетания (вань чо) не вполне ясно. Вероятно, оно близко понятиям «долголетие» и «вечные повеления».

[б] Идентификация знака затруднена.

[в] Звукоподражание («фэн-фэн, цюань-цюань»).

[г] Идентификация знака затруднена.

* * *

Новые эпиграфические тексты на предметах из клада в Фуфэне вносят ценный и многосторонний вклад в наши знания об истории и культуре древнекитайского общества эпохи Западного Чжоу (XI—VIII вв. до н. э.). Отметим некоторые перспективы, открываемые этой находкой.

Как известно, к настоящему времени насчитывается более трехсот средних и больших (20—30 знаков и более) надписей на ритуальных бронзовых сосудах иньского и чжоуского времени. Основной корпус этих надписей представлен известными публикациями Го Можо [16], Ло Чжэньюя [17], Чэнь Мэнцзя [18] и др. Археологические находки последних 30 лет — времени, когда сложилась археология Чжоу [19],— существенно пополнили корпус эпиграфики: за эти годы были найдены несколько десятков сосудов с надписями. При этом было бы заблуждением полагать, что значение каждой такой находки измеряется арифметическим отношением числа найденных сосудов к сумме уже имеющихся. Каждая новая крупная надпись на сосуде, найденном непосредственно в поле в составе клада или погребения, представляет собой значительную ценность. Дело в том, что многие из эпиграфических текстов, вошедших в упомянутые публикации 30—50-х годов, были обнаружены еще в средневековую эпоху (главным образом в период династии Сун и позднее). Среди них, в свою очередь, целый ряд надписей дошел до нас в виде эстампажей или даже прорисовок, сами же

[16] *Го Можо*. Ук. соч.

[17] *Ло Чжэньюй*. Собрание надписей на бронзе трех династий. (б.м.), 1936 (на кит. яз.).

[18] *Чэнь Мэнцзя*. Датировка бронзовых сосудов эпохи Западного Чжоу // Каогу сюэбао. 1955. № 9—10; 1956. № 1—4. (на кит. яз.).

[19] Систематические раскопки чжоуских памятников начались в 50-е годы, примерно на 30 лет позднее начала археологических исследований Инь.

сосуды оказались утраченными. Это обстоятельство существенным образом ограничивает наши возможности при работе с такими текстами, не говоря уже о том, что в некоторых случаях может быть оспорена сама подлинность их (специалисты по древнекитайской бронзе не раз сталкивались с подделками). В отличие от многих «старых» текстов, сосуд с надписью, найденный при раскопках, осуществляемых современными методами, может принести максимальную, разностороннюю и аутентичную информацию, интересующую исследователя [20]. Когда же мы имеем дело с группой таких сосудов, связанных между собой, то значение этой информации увеличивается еще больше.

Первый аспект проблематики, возникающей в связи с находкой клада в Фуфэне, можно назвать техническим. Речь идет о вопросах, относящихся к датировке бронзовых сосудов. Нет нужды подробно обосновывать значимость этих вопросов, ведь датировка — первая и необходимая операция при работе со всяким источником. Здесь следует совершить небольшой экскурс в историю вопроса. Известно несколько основных способов датировки бронзовых сосудов. Первый был обоснован У Цичаном [21]. Он заключается в реконструкции реальной даты изготовления сосуда на основе дат, упоминающихся в надписи (день, месяц, год). Метод У Цичана был подвергнут обоснованной критике со стороны Го Можо [22]. Главная проблема состоит в том, что мы по существу не знаем чжоуского календаря. У Цичан предлагал исчислять даты, основываясь на наиболее древнем из дошедших до нас календарей — ханьском. Но нет никаких доказательств того, что способ летосчисления не изменился за почти тысячу лет, прошедших со времени основания чжоуской династии. Мы знаем лишь, что 60-дневный цикл не был «привязан» к годам и месяцам. У нас нет никаких данных относительно того, когда прибавлялся дополнительный (високосный) месяц. Наконец, не известно, сколько лет каждый из западночжоуских ванов находился на престоле (даты, называемые в нарративной традиции, зачастую недостоверны). Словом, в настоящее время надежность метода, предложенного У Цичаном, вызывает серьезные сомнения. Го Можо предложил иной способ датировки [23]. Прежде всего, по его мнению, следует выделить те сосуды, надписи на которых точно указывают на время их изготовления. Например, упоминается имя правящего вана. Эти сосуды следует затем взять в качестве «эталонов» и по этим эталонам (особенностям их формы, орнамента, палеографии) датировать остальные сосуды. Этот способ датировки был развит Го Баоцзюнем, предложившим использовать в качестве эталонных не отдельные сосуды, а группы сосудов, характерные сочетания различных их типов [24]. Не останавливаясь на деталях и конкретных проблемах этого метода датировки, отметим, что к настоящему моменту (без находки в Фуфэне) имеется всего 12 надписей, в которых названы имена ванов и ко времени правления которых их, следовательно, можно отнести.

---

[20] Вообще не следует забывать, что ритуальные сосуды играли важную роль в жизни чжоусцев, являясь прежде всего одним из сакральных «средоточий» архаической культуры.

[21] *У Цичан.* Исследование летосчисления в надписях на бронзе. Шанхай, 1936 (на кит. яз.).

[22] *Го Можо.* Эпоха сосуда «Мао-гун дин» // Дунфан цзачжи. 1931. Т. 27. № 13 (на кит. яз.).

[23] См. *Го Можо.* Бронзовый век. М., 1959. С. 418—421.

[24] См. *Го Баоцзюнь.* Комплексное исследование типов бронзовых сосудов эпохи Шан и Чжоу. Пекин, 1981 (на кит. яз.).

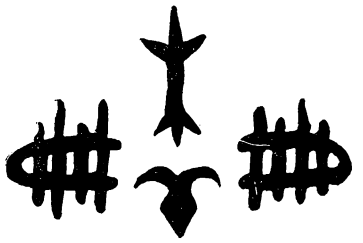

Рис. 2. «Родовой» знак в надписях на сосудах Чжэ, Фэна, Цяна и Ина

Клад в Фуфэне дает целую серию эталонов. Уникальность этой находки состоит в том, что здесь мы впервые имеем дело с целой группой сосудов, принадлежавших нескольким поколениям родственников. Судить об этом мы можем прежде всего потому, что надписи на сосудах Чжэ, Фэна, Цяна, Ина объединяет одинаковый «родовой» знак, проставленный в конце каждого текста [25] (см. рис. 2). Датировать сосуды (с точностью до периода правления вана) мы можем на основе родословной, данной в надписи на чаше «Ши Цян пань». В ней даются два родословных ряда — «царский» и «семейный»: Вэнь-ван — У-ван — Чэн-ван — Кан-ван — Чжао-ван — Му-ван — Сын Неба (Гун-ван); Гао-цзу — Ле-цзу — И-цзу — Я-цзу — Цзу-синь — И-гун — ши Цян (первые пять — посмертные имена предков ши Цяна). Нам известно, что цзоцэ Чжэ был сыном И-цзу (надпись № 1 посвящена «отцу И», т. е. И-цзу), а значит Я-цзу Цзу-синем. Фэн был сыном Чжэ (см. надпись № 2, посвященную «отцу Синю»), т. е. И-гуном. Ин был сыном Цяна (он же — Дин-гун), внуком Фэна (И-гуна) и правнуком Чжэ (Цзу-синя, он же Синь-гун) (см. надпись № 10). Далее мы можем совместить два хронологических ряда, начиная с Ле-цзу, прибывшего к У-вану, и кончая Цяном, служившим Гун-вану, и Ином, надо полагать, жившим уже при И-ване, сыне Гун-вана. Всего в составе клада Чжэ принадлежало 4 сосуда разных типов, Фэну — 5, Цяну — 3, Ину — 43, итого 55 надежных эталонов.

От вопросов датировки перейдем к анализу самих надписей и прежде всего надписи «Ши Цян пань», которая является уникальным и — возможно — древнейшим полноценным стихотворным произведением в китайской культуре из числа дошедших до нас (время создания надписи — конец X в. до н. э.). По последним подсчетам общее число чжоуских эпиграфических текстов на бронзе, в которых есть рифмованные иероглифы, довольно велико — около 60. Но из них лишь небольшая часть относится к эпохе Западного Чжоу, а большинство создано уже в период Чуньцю (VIII—V вв. до н. э.). В свою очередь большинство западночжоуских текстов принадлежит ко времени заката государства Западного Чжоу. Только три надписи — на сосудах «Да Фэн гуй», «Мин гуй», «Ю гуй» [26] — относятся к началу чжоуской династии и, следовательно, древнее надписи на чаше «Ши Цян пань» на 70—90 лет. Но эти надписи не отвечают в полной мере признакам стихотворного произведения в строгом смысле. В случае с «Лин гуй» и «Ю гуй» речь может идти лишь о наличии нескольких рифмованных иероглифов; относительно надписи на сосуде «Да Фэн гуй» приходится констатировать, что здесь реконструируемые рифмы (всего — 11) используются бессистемно, и какое бы то ни было ритмическое членение текста отсутствует (что, впрочем, справедливо и для первых двух надписей).

Надпись на сосуде «Ши Цян пань» выгодно отличается от всех известных

[25] О родовых знаках в надписях на бронзе см.: *Хаяси Минао*. Пиктографические знаки в эпоху Инь и Чжоу // Тохо гакухо. 1968. № 39. С. 1—117 (на японск. яз.).

[26] Тексты надписей см.: *Го Можо*. Дополнительные замечания о рифмах в надписях на бронзе // Сборник статей о надписях на бронзе. Т. 2. Пекин, 1952. С. 147—149 (на кит. яз.).

рифмованных эпиграфических текстов своим объемом и отчетливой выдержанностью с точки зрения рифмы и ритмической структуры. В надписи имеется 35 рифмованных знаков. В соответствии с классификацией рифм «Шицзина» (древнейшего китайского поэтического канона) рифмованные знаки могут быть отнесены к шести группам (бу) категории «ян», двум группам категории «инь» и трем группам категории «жу». Характер рифмовки «Ши Цян пань» напоминает аналогичную традицию «Шицзина», а некоторые пары рифм имеют прямые аналоги в «Книге песен» (например, рифмы «ван» (правитель) и «цзян» (граница), «цзу» (предок) и «чу» (обитель)). В то же время «Ши Цян пань» обладает определенной спецификой, отличающей этот текст от «Шицзина». В частности, имеются такие типы так называемых «смешанных рифм» (хэ юнь), которые не обнаружены в «Книге песен». Поэтому можно сделать вывод, что при всей преемственности между стихотворными традициями ранних надписей на бронзе и «Шицзином» (в его канонической форме) их разделяет известный период развития, в течение которого произношение отдельных иероглифов могло измениться, а значит, мог измениться и состав соответствующих разделов рифм.

Важнейшей структурной единицей текста «Ши Цян пань» является четырехсложная строка (см. схему 1). Показательно, что и в «Шицзине» строка, состоящая из четырех иероглифов, является первичным уровнем ритмической организации текста. Формально-структурная связь между надписью и «Книгой песен» менее отчетлива на уровне строф. Основу «Од», «Нравов» и «Гимнов» составляют четырех-, шести- и восьмисложные строфы. Правда, в «Больших одах» важное место занимают также пяти- и десятистрочные строфы [27] (а надпись «Ши Цян пань» по содержанию и стилю более всего приближается именно к «Большим одам»). Также следует учесть, что строфическое деление, предложенное в настоящей публикации, не является единственно возможным. Оно было осуществлено на основе разграничения различных сюжетных тем надписи и с учетом особенностей рифм. Однако нельзя считать принципиально невозможным сведение в одну строфу, например, строф I и II или III и IV и т. д.

Разумеется в «Книге песен» не существует прямых аналогов или параллелей этой надписи, да и сама она в таком виде вряд ли была бы включена в состав стихотворного канона, но вполне возможно, что сходные с ней тексты по прошествии необходимой обработки могли входить в «Шицзин». Новая надпись из клада в Фуфэне — важное свидетельство в пользу связи между архаической стихотворной эпиграфикой (надписями на бронзе) с традицией, легшей в основу «Шицзина». При этом, конечно, не следует понимать эту связь слишком прямолинейно. Между первым и вторым — существенный идеологический разрыв. Надписи на бронзе не могли войти в состав канона, поэтического в том числе, в собственном качестве, ибо были неотделимы от вещи (сосуда) и ритуала («использования сосуда как драгоценности», т. е. жертвоприношения — коммуникации с духами предков, для кого и делались надписи). Однако, несмотря на всю их синкретичность и невычленимость из конкретного ритуала — они не могли существовать как самостоятельный письменный текст — надписи на жертвенных сосудах все же иногда превращались в «образцовые» произведения и тем самым — в потенциальную основу для канонического текста. Ведь всякая надпись является фиксацией определенного события, а значит, может стать объектом «вторичного» воспроизведения и принятия. Механизм

[27] История развития китайского письма. Пекин, 1960. С. 82 (на кит. яз.).

подобного воспроизведения впервые зафиксирован в надписях, предлагаемых в данной публикации. Обратимся к надписи № 9. Ее начало совершенно аналогично I строфе и пяти строкам IX строфы стихотворного текста «Ши Цян пань». Примечательное обстоятельство, ведь речь идет о «цитировании», столь характерном для нарративной традиции в Китае (более других цитировались «Шицзин» и «Шуцзин». Значит, можно предположить, что надпись «Ши Цян пань» (или часть ее) в клане вэйских скрибов стала своего рода закавыченным знанием, которое не подлежит произвольному пересказу. Именно так и могли формироваться местные образцы, впоследствии ставшие предметом конфуцианской переработки, систематизации и канонизации.

Заключительная часть проблем относится к анализу текста «Ши Цян пань» и других надписей клада как ценного источника по истории и идеологии раннечжоуского общества. Китайский историк Дай Цзясян назвал сведения «Ши Цян пань» уникальным описанием биографии первых семи чжоуских ванов, примеров которого не содержится в источниках, за исключением знаменитых «Исторических записок» ханьского Сыма Цяня [28]. И эта оценка нисколько не преувеличена. В самом деле, до сих пор наши знания о политической истории Западного Чжоу ограничивались сведениями, приводимыми Сыма Цянем, и спорадическими, разрозненными свидетельствами в отдельных письменных источниках — «Гоюй», «Цзочжуань» и др. Сложился своеобразный эпистемологический разрыв между двумя эпохами, на которые традиционно разделяется чжоуская династия,— Западным Чжоу и Восточным Чжоу. По многочисленным летописям мы досконально знаем политическую историю Чуньцю и Чжаньго и можем проследить ее события буквально по годам. Что же касается раннечжоуского периода, то здесь нам зачастую неизвестны даже важнейшие его вехи, у нас нет его хронологии (с уверенностью мы можем назвать лишь одну дату — 770 год, год переноса Пин-ваном столицы на восток, что ознаменовало начало Восточного Чжоу). О достоверности данных, упоминающихся в позднейших нарративных памятниках, нам приходится только гадать. Совершенно очевидно, что лишь синхронные эпиграфические свидетельства установят окончательную истину. Кое-что мы уже имеем. Например, в нашем распоряжении есть новая надпись на сосуде «Ли гуй», изготовленном на 48-е сутки после завоевания иньской столицы У-ваном; в ней называется и день падения иньской династии. Им волею судеб (а может быть, волею воинственного чжоуского полководца, приурочившего решающий штурм к этой дате) оказался первый день шестидесятиричного цикла, цзя-цзы [29]. Текст «Ши Цян пань» далеко не снимает всех вопросов, но он вносит большую ясность.

Во-первых, эта надпись представляет собой первую генеалогию западночжоуских ванов (вплоть до Гун-вана), сообщаемую в синхронном источнике. Во-вторых, из надписи «Ши Цян пань» мы узнаем о некоторых реальных событиях раннечжоуской истории. Сообщается о походах У-вана на *ди* и *чжа* (очевидно, северные племена), а также *и* и *тун*(*дун*), которые, вероятно, обитали к востоку от Чжоу. Упоминается известный из письменных источников поход Чжао-вана на Чу («охота в южных пределах»). До этого в ряде надписей на бронзе встречались сообщения о некоем «южном походе», предпринятом одним из ванов, но кем именно, не говорилось. С другой стороны, явно не подтверждаются некоторые свидетель-

[28] См. *Дай Цзясян.* Толкование надписи... С. 60.

[29] Ритуальный сосуд гуй с надписью о покорении Шан У-ваном, найденный в уезде Лунтун провинции Шэньси // Вэньу. 1977. № 3. С. 1—7 (на кит. яз.).

ства, дошедшие в письменной традиции. Она описывает, в частности, большую поездку Му-вана по Поднебесной. Поздний источник «Му Тяньцзы чжуань» даже приводит подробности этого путешествия. Если бы такое незаурядное событие действительно произошло, то это наверняка получило бы отражение в надписи «Ши Цян пань».

Из политических деятелей, помимо ванов и предков Цяна, называется Чжоу-гун. Конфуцианская литература окружила Чжоу-гуна ореолом сакральным и харизматическим и приписала ему чуть ли ни все достижения чжоуской династии и даже самую чжоускую «идею» («чжоуский ритуал»); себя же конфуцианцы объявили адептами Чжоу-гуна и хранителями его мудрости. У нас есть серьезные основания считать такую характеристику по меньшей мере завышенной и приписанной задним числом. Дело в том, что во всей раннечжоуской эпиграфике мы найдем все что угодно, но только не описание «деяний» Чжоу-гуна. Само это имя встречается лишь несколько раз, и по этим упоминаниям нельзя составить политический портрет его обладателя: он просто упомянут среди прочих сподвижников правителя. Текст «Ши Цян пань» впервые фиксирует конкретный политический акт Чжоу-гуна (отвел резиденцию Ле-цзу по приказу У-вана). Этот факт можно расценивать двояко: с одной стороны, действительно, лишь Чжоу-гун назван среди всех сановников первых семи чжоуских ванов, и это характеризует его как известного политического деятеля; с другой — сам характер совершенного им действия и отсутствие всяких комментариев не позволяют усмотреть в персоне Чжоу-гуна что-либо из ряда вон выходящее — в глазах чжоуского аристократа конца X в. до н. э.

Наконец, в надписи даны характеристики ванов. Безусловно, они носят панегирический характер, но по ним можно судить о некоторых особенностях политической деятельности чжоуских правителей. При этом нам не пристало сетовать на излишнюю «идеологизированность» описания, мешающего объективной оценке. Не будем забывать, что, говоря о «чжоуской истории», мы должны иметь в виду не только историю как совокупность неких реальных событий и фактов, но не в меньшей степени — Историю, архаическую концепцию истории, играющую, кстати сказать, принципиальную роль в раннечжоуской идеологии. Важным достижением чжоуской цивилизации, собственно, и было открытие собственной истории как моральной и одновременно сакральной глубины, прозреваемой в чжоуской культуре. В отличие от иньцев чжоусцы узнали, что у них есть возвышенная «древность» (гу), имеющая значение смыслообразующего и парадигматического события: Вэнь-ван стяжал небесное повеление (тянь мин), У-ван (не Чжоу-гун!) претворил его. Не имея возможности говорить об этом подробно, отметим некоторые существенные моменты. Открытие Истории было сопряжено с зарождением морализаторских мотивов, открытием добра и зла, соответствующим «осевой эпохе», о которой говорил К. Ясперс. Карающая десница У-вана поразила не конкретного Ди-синя (последнего иньского владыку), но порок par excellence. Деяния «прежних ванов» стали не только моральным, но и сакральным образцом и первоистоком, они создали тот сакральный потенциал, благодаря которому и возможна жизнь их потомков. Это также и высота, на которую надобно равняться и к которой следует стремиться. Словом, это — священное Событие. Эпиграфические надписи сообщают о нем, как правило, в следующих выражениях: «Достославные ваны Вэнь и У получили небесное повеление (шоу тяньмин) и распространили свою власть на четыре стороны света» [30].

[30] См., например, *Го Можо*. Общий свод надписей... Т. 7. С. 139.

Текст на сосуде «Ши Цян пань» описывает ситуацию в несколько ином ключе: «Верховный Владыка ниспослал (Вэнь-вану) великую опору совершенной благодати (Шанди цзян и дэ да пин), (И Вэнь-ван) объял покровительством верхи и низы, Сплотил воедино десять тысяч стран». Тем самым получает новый поворот известная тема вручения «небесного мандата» (тянь мин), признаваемая большинством исследователей в качестве одной из важнейших и новаторских концепций раннечжоуской идеологии. Ранее в научной литературе сущность тянь мин сводилась, как правило, к идее «этической детерминированности» (Небо лишает своего мандата порочных правителей и вручает его добродетельным). Надпись «Ши Цян пань» обнаруживает новую коннотацию «концепции тянь мин» ибо в ней, как это явствует из контекста, идея небесного повеления отождествляется с темой священного небесного дара. Вэнь-вану ниспосылается сакральная «благодать», или магическая сила (дэ), аналогичная или близкая океанийской силе мана [31].

Попутно заметим, что надпись также подтверждает мнение о том, что ранние чжоусцы полностью переняли у иньцев поклонение верховному божеству Шанди и превратили его в собственный культ [32]. Именно Шанди является, согласно надписи, привилегированным источником «совершенной благодати» и «благого повеления», так что можно говорить не только о концепции «тянь мин», но и с не меньшим основанием — об идее «Шанди мин». Впрочем, реальное соотношение между Шанди и Небом не вполне ясно. Интересно и упоминание легендарного чжоуского первопредка Хоуцзи («Государь-просо»), названного в одном ряду с Шанди, хотя справедливости ради надо признать, что написание двух последних иероглифов первой строки в VIII строфе допускает и иное их толкование.

Все сказанное позволяет оценить действительный статус и смысл надписи «Ши Цян пань» как документа особого рода. Его можно было бы назвать первым историографическим опытом в китайской культуре, если бы он не был ритуальной надписью на священном сосуде. Не вдаваясь в подробности герменевтики текста, следует отметить, что его описания представляют собой не простое перечисление определенных событий, но прежде всего и по преимуществу смысловое развертывание некоей символической цепи, имеющей завязкой парадигматическое событие в начале Истории. Новое, нарождающееся мироощущение отразила надпись «Ши Цян пань». Одной из важнейших его особенностей являлось тесное переплетение «исторического» и «личностного». Сама структура надписи построена на этом. Генеалогия царствующей династии создает сакральный фон, на котором развертывается генеалогия клана Цяна и который, освящая ее по принципу сопричастия, придает ей значимость исторического, или, вернее сказать, космического факта. Но тем самым и события возвышенной древности и деяния «прежних ванов» не могут существовать иначе, как объект личностного, интимного переживания. Можно предположить, что сопряжение двух событийных рядов — это нечто большее, чем «литературный прием», именно — символическое выражение архаического восприятия человека как частицы кланового тела, образуемого его предками и потомками (отсюда непременно «десятитысячелетнее» использование сосуда), которое в свою очередь является частью державы, или тела правителя. История поэтому, наряду с принципиально новым этическим и идеологическим обоснованием, сохраняет значение древнего родового концепта.

[31] См. *Крюков.* Первоначальная семантика дэ...

[32] См. *Васильев Л. С.* Культы, религии, традиции в Китае. М., 1976. С. 54—57.

Вне связи с этим последним обстоятельством нельзя оценить характер архаического ритуала и архаической идеологии. Рассказ о «древности», примерами которого служат надписи «Ши Цян пань» и «Ин чжун» (Б) не является отстраненным повествованием, текстом в строгом смысле. Такую роль склонен придавать ему современный исследователь, видящий в нем «исторический источник» и только. Но повествование это было обращено отнюдь не к современному исследователю, но к «великим духам» и «прославленным предкам»[33]; оно являлось средством и актом непосредственной коммуникации, связующей воедино мир предков и прежних ванов и мир живущих, мир «земной» и «небесный», мир интимный и одновременно космический. Воплощением основной темы коммуникации было то, что можно назвать идеологией дара.

Дар выражает цельность чжоуской культуры и в смысловом отношении, и морфологически. Он находится у истоков чжоуской цивилизации («совершенная благодать», которую снискал Вэнь-ван), и он — через актуальные дарения — составляет ее живую ткань. Речь идет о различных «способах» коммуникации, динамизм которых вскрывает иерархическую структуру социума. В публикуемых надписях освещены основные коммуникативные аспекты: земные дарения правителей своим подданным и ответные подношения ванам (в данном случае в виде честного служения и усердной помощи); дары духов живущим потомкам («счастье», «долголетие», «вечные повеления», «первозданные щедроты» и т. д.) и жертвенные подношения предкам[34]. При этом дары «земные» и «небесные», ниспосылаемые и возносимые, представляют лишь разные ипостаси одного целого — первозданного ритуала, чьим привилегированным воплощением стал первый дар, ниспосланный Вэнь-вану. Судя по всему, именно в этом контексте надо воспринимать встречающиеся в эпиграфике вообще и в надписи «Ши Цян пань» в частности (вторая строка XII строфы) упоминания первоначальной «целостности», достижение которой является идеалом чжоуского аристократа.

Анализ публикуемых надписей позволяет выявить амбивалентную природу коммуникации в архаическом ритуале, отражавшую в последнем счете двоякий характер рангового социума как «одной большой семьи» или «одного тела», с одной стороны, и иерархической организации, построенной на жестком соподчинении «верхов» и «низов»,— с другой. Строгая дистанция должна соблюдаться между подданными и правителями, людьми и духами. Символы коммуникации являются и символами власти: опеке духов надлежит быть непременно «строгой», неотъемлемая черта благостного дарителя — «умение внушать благоговейный страх». Но верно также и обратное. Знаки власти служат залогом истинной коммуникации, возможной лишь как слияние; именно через «благоговейный ужас» достигается «первозданная целостность». Другим выражением того же самого является двойственность дара как объекта регламентации и в то же время изобильного, изливающегося потока (образы «обильного счастья», «вечных повелений», «сияния великого неба, не приносящего пресыщения»).

В. М. Крюков

---

[33] Надписи делались на внутренних стенках жертвенных сосудов — не для досужего обозрения, а для ознакомления с ними предков во время жертвоприношения, т. е. совместной жертвенной трапезы людей и духов.

[34] В частности, рифмы «дар» (чжуй) и «жертвоприношение» (сы) (третья и пятая строки XI строфы надписи «Ши Цян пань») образуют не только фонетический, но и семантический ряд.

LES INSCRIPTIONS DES RÉCIPIENTS DE BRONZE DE LA HAUTE EPOQUE ZHOU TROUVÉS A FUFENG (R.P.C.)

V. M. Kr'ukov

Un trésor de récipients de bronze de la haute époque Zhou (XIe — VIIIe ss. av. n.è.) a été découvert lors de fouilles dans le canton de Fufeng, province de Shanxi (R. P. C.). 74 des 103 récipients portent des inscriptions dont le volume varie de 1 à 284 hiéroglyphes. Dans cet article est proposée une traduction des 10 textes épigraphiques les plus longs qui présentent le plus d'intérêt. Le plus important est l'inscription sur la coupe de bronze «*Shi Qiang pan*» qui est une source très précieuse sur l'histoire et la culture de la société Zhou Occidentale et, en outre, un des monuments versifiés les plus anciens de la tradition culturelle chinoise.

Les inscriptions sur les récipients du trésor de Fufeng apportent une contribution importante et variée à notre savoir sur la Chine de la haute époque Zhou. Premièrement, nous sommes désormais en possession de toute une série de «récipients-étalons», irremplaçables pour la datation des autres récipients de bronze de l'époque. Deuxièmement, nous obtenons des données nouvelles sur la genèse de la tradition versificatoire en Chine — ainsi que la possibilité de mettre en correlation les inscriptions à rimes sur bronze avec le canon poétique le plus ancien du *Shih-ching*. Troisièmement, des textes épigraphiques publiés fournissent des données nouvelles sur l'histoire politique, l'idéologie et la religion du Zhou Occidental.

РЕФОРМЫ АМАСИСА И ИХ СУДЬБА В ПОЗДНЕСАИССКОЕ ВРЕМЯ

К середине VI в. до н. э., в социально-экономической и внутриполитической жизни Египта произошли большие изменения, сущность которых, однако, во многом еще остается не выясненной. Одну из возможностей сделать это предоставляют так называемые реформы Амасиса, предпоследнего фараона XXVI (саисской) династии [1] (570—526 гг. до н. э.). О реформаторской деятельности египетского царя нам сообщают античные авторы — Геродот и Диодор, ряд египетских иероглифических надписей и демотическая традиция.

Античная традиция подробно не раскрывает сущности реформ Амасиса. Геродот лишь очень поверхностно пересказывает общее содержание благодеяний царя в пользу главных святилищ г. Саиса, отмечая главным образом его строительную деятельность, экономические мероприятия, а также введение Амасисом в стране ежегодного подушного налога (Herod. II. 172—177; особенно II. 177). Диодор помещает Амасиса в ряду законодателей древнего Египта, среди которых отводит ему пятое место перед последним, шестым, законодателем Египта, которым, по Диодору, был персидский фараон Дарий I. Диодор полагает, что Амасис осуществил

[1] Время правления в Египте XXVII («персидской») — XXX династий автор называет здесь позднесаисским. Такое название уже предлагалось Б. А. Тураевым, но, правда, только для обозначения нескольких лет правления XXVIII династии в лице ее единственного представителя Амиртея. См. *Тураев Б. А.* История древнего Востока. Т. II. СПб., 1914. С. 217.

реформы административного характера, в том числе установил систему управления различными частями своего государства (Diod. I. 95; I. 68). Данные Диодора выглядят более определенными в той части, которая касается собственно реформаторских мероприятий последнего крупного правителя Египта саисской эпохи, но в целом они дополняют положения, содержащиеся у Геродота.

Важно отметить, что для античных авторов главным источником часто была демотическая традиция, относившаяся к Амасису в общем весьма благосклонно. Демотическая традиция представлена рассказом о «декрете» Дария, зафиксированном в так называемой «Демотической Хронике» (P. Bibl. Nat. 215) [2]. Согласно ей, Дарий I повелел собрать «законы (вар. «делá, записи») [3] книг Палаты (от) года правления 44-го фараона Йахмеса до дня, когда Камбиз стал главою Египта» [4], и с этой целью была создана специальная комиссия «из мудрецов среди военных, жрецов и писцов Египта» [5]. Следует полагать, что в комиссии были представлены самые авторитетные и наиболее просвещенные представители каждого социального разряда египетского общества [6]. Текст «Хроники» далее сохранился плохо, однако его исследователи вслед за Е. Ревийю и В. Шпигельбергом склонны видеть в 12-й и 13-й строках документа указание на то, что работа над выполнением указа Дария I продолжалась в течение 24 лет [7]. Следовательно, крайними датами «Хроники» в этом отношении являются «4-й год правления Дария», т. е. 518 г. до н. э.[8], и «27-й год правления» того же царя, т. е. 495 г. до н. э. Очевидно, все это время потребовалось комиссии для того, чтобы осуществить кодификацию египетских законов или записать «египетское право в копии на папирусе письмом арамейским и письмом демотическим» [9]. По этому поводу Е. Елинкова-Реймонд заметила, что мероприятия Дария означали «восстановление институтов, введенных Амасисом», очевидно, в противоположность действиям Камбиза [10]. Однако и последний, как мы попытаемся показать ниже, также не ликвидировал ни египетской администрации, ни египетских правовых институтов, и, таким образом, представленная выше оценка деятельности первых персидских фараонов является несомненно ошибочной. Персидские правители ничего не изменили—да и не в силах были этого сделать — ни в экономической жизни, ни в административном управле-

[2] *Spiegelberg W.* Die sogenannte Demotische Chronik des Pap. 215 der Bibliothèque National zu Paris nebst den auf der Rückseite des Papyrus stehenden Texten//Demotische Studien. 1914. Ht 7.

[3] О термине hp см. специальное исследование: *Nims Ch.* The Term hp, «Law, Right» in Demotic // JNES. 1948. V. 7. P. 243—260.

[4] P. Bibl. Nat. 215. Vs., c. 6—7.

[5] P. Bibl. Nat. Vs., c. 9—10.

[6] См. *Reich N.* The Codification of the Egyptian Laws by Darius and the Origin of the «Demotic Chronicle» // Mizraim. 1933. V. I. P. 178—180. Ср. с данными Страбона (XVIII. 3) о социальном делении египетского общества на воинов, земледельцев и жрецов и сведениями Геродота (II.164).

[7] *Reich.* Op. cit. P. 178—185. Новейшее исследование: *Johnson J.* The Demotic Chronicle as an Historical Source // Enchoria. 1974. Bd. 4. P. 1—17.

[8] Приказ Дария о компиляции «правовых норм Египта (p' hp n km.t)» последовал «его сатрапу в году третьем» — утверждал В. Шпигельберг (op. cit. S. 31). Но демотический текст «Хроники» имеет здесь не цифру «3», но цифру «4» (P. Bibl. Nat. 215. Vs., c. 7.9). Эта ошибка В. Шпигельберга была исправлена В. В. Струве, как он пишет, еще в транскрипции 1924 г. (*Струве В. В.* Восстание в Египте в первый год царствования Дария I // ПС. 1954. Вып. I (63). С. 8. Прим. 7). Автор признателен М. А. Дандамаеву за это указание.

[9] P. Bibl. Nat. 215. Vs., c. 14.

[10] *Elinková-Reymond E.* Quelques recherches sur les réformes d'Amasis // AS. 1954. 54. P. 252.

нии столь древнего государства, как Египет. Наоборот, все фараоны Позднего времени в равной степени проявляли самый пристальный интерес к особенностям египетской религии, к деятельности египетских храмов, к праву, экономике, социальной жизни и управлению страной в целом и отдельных ее областей — в частности.

В литературе прошлых лет основным древнеегипетским иероглифическим источником, освещающим отдельные аспекты деятельности Амасиса, служила автобиографическая надпись Паефчауанита, сына Засобека, на наофорной статуэтке Louvre A 93 [11], исключительное значение которой подчеркивалось. Между тем прямые данные о мероприятиях Амасиса содержатся по крайней мере еще в двух автобиографических египетских текстах — в надписи Нехтхархеба на его наофорной статуе [12] и в хорошо известной надписи Йахмеса из Мемфисского Серапеума (SIM 4017) [13]. Обе последние надписи не имеют в своих текстах ссылок на конкретные даты. Ж. Веркутте высказал предположение, что стела Йахмеса может быть датирована примерно 4-м годом правления Дария I. Что же касается статуэтки Нехтхархеба, то ее можно отнести ко второй половине правления Амасиса. Однако в обоих текстах речь определенно идет о событиях времени правления Амасиса. Наконец, еще одна группа сведений представлена различными частями демотического папируса № IX из библиотеки Дж. Райлендза в Манчестере (далее — ПР IX) [14] — так называемой «Петиции Петеисе». Все тексты, кроме надписи Louvre A 93, привлекаются для рассмотрения содержания и анализа реформ Амасиса впервые.

Тексты сразу же обращают внимание своих читателей на прямую связь государственных по масштабу нововведений реформатора с храмами Египта. Все действующие в надписях лица либо являются ответственными за проведение мероприятий в пользу храмов и иногда даже действуют на храмовой территории, либо непосредственным образом учитывают интересы храмов.

Текст на наофорной статуэтке Louvre A 93 был составлен Паефчауанитом, имевшим в качестве главных следующие должностные звания (титулы): «великий врачеванием», «управитель Дома Белого (= Дома Серебра) и Дома Золота», «великий управитель царского хозяйства». Это вполне реальные и очень высокие звания одного из высших администраторов Египта времени Амасиса, из которых наибольшую значимость имел титул «великого управителя царского хозяйства» [15]. Что касается надписи Нехтхархеба, сына Нессен(ни)пермута, то ее владелец был «начальником врат чужеземных Зелени Великой (= Моря)». В имеющейся литературе этот титул изучен пока недостаточно. Согласно Ж. Познеру, он был связан с «таможенной» службой Дельты и всего Нижнего Египта [16]. На наш взгляд, следует добавить, что титул обозначал должность одного из наи-

---

[11] Ibid. P. 276—277.

[12] *Tresson P.* Sur deux monuments égyptiens inédits de l'époque d'Amasis et de Nectanebo Ier // Kêmi. 1931. V. IV. P. 126—144.

[13] *Vercoutter J.* Textes biographiques du Sérapéum de Memphis. P., 1962. P. 59—64 (с указанием литературы прошлых лет).

[14] *Griffith F. Ll.* Catalogue of the Demotic Papyri in the John Rylands Library, Manchester. V. I—III. Manchester, 1909.

[15] Ср. *Elinková-Reymond.* Op. cit. P. 253.

[16] *Posener G.* Les douanes de la Méditerranée dans l'Égypte saite // RP. 1947. V. 2. P. 117—131. Это понимание титула несомненно более удачно, чем предлагавшиеся ранее; например, Трессо предлагал интерпретировать его как обозначение должности чиновника, ответственного за все иностранные порты Египта; см. *Tresson.* Op. cit. P. 131—133.

более крупных чиновников в администрации фараона, ответственного за экономику Севера страны. Третий иероглифический текст, сохранивший сведения о реформаторской деятельности Амасиса, принадлежит Йахмесу, «великому военачальнику» [17] (т. е. лицу, обладающему высшим воинским званием в Египте), которому в момент описываемых им событий принадлежал титул «управителя войск (= военачальника)» [18]. Из упомянутых выше текстов последний является единственным содержащим указание на деятельность не гражданского, но военного чиновника. Впрочем, сведения ПР IX лишний раз убеждают нас в том, что деятельность «военачальников» далеко не всегда бывала связана с командованием исключительно войсковыми контингентами.

Все перечисленные выше источники могут быть объединены в группу документальных памятников. В отличие от них ПР IX — памятник литературный, что подчеркивал в свое время еще Б. А. Тураев [19]. Однако отраженные в литературной форме, перед нами и здесь предстают вполне конкретные исторические сведения, из которых остановимся лишь на одном, сообщающем о деятельности крупного правительственного чиновника Йахмеса, сына Падихарнипе. Этот чиновник, занимавший должность «управителя пашен (Верхнего и Нижнего Египта)», предстает в папирусе совершающим инспекционную поездку по районам всей страны, что не оставляет сомнений в государственном характере его деятельности.

Все сообщаемые иероглифическими источниками сведения являются очень близкими по характеру. Их авторы — особо доверенные царские посланцы, которые действуют в силу царских распоряжений («назначил меня Его Величество на должность» [20], сообщает один из них; «приказал мне Его Величество» [21], говорит другой). Исключение составляет Йахмес, сын Паиунихеру и Такапенах(бит) памятника SIM 4017, который, осуществляя свои действия, не ссылается ни на кого. Это служит известным препятствием для того, чтобы определенно датировать события, которые нашли отражение в этой надписи. На наш взгляд, следует пересмотреть датировку стелы SIM 4017 временем персидского господства (примерно 4-м годом правления Дария I, как полагал Ж. Веркутте [22], или 34-м годом правления того же царя, как считал Ж. Познер [23]). Обе датировки не основаны на прямых данных источников, что же касается двух используемых свидетельств косвенного характера, то они, на наш взгляд, не могут иметь решающего значения. В качестве одного из последних привлекают слова Йахмеса из SIM 4017: «Дал я страх твой (Аписа — *А. Э.*) в сердце человека всякого Нагорий чужеземной страны всякой (= чужеземца — *А. Э.*), бывшего в Египте» [24]. Йахмес, следовательно, сообщает, что он внушил чужеземцам, которые находились в Египте, мысль о величии бога Аписа, его могуществе и тем самым страх перед его мощью. Но это объяснение едва ли может оказать нам существенную помощь в датировке самих событий. Это же относится к использованию в качестве аргумента для поздней датировки обеих стел (SIM 4017 и Louvre 330) имени основ-

[17] SIM 4017. Автор признателен Е. С. Богословскому за ряд существенно важных поправок перевода на русский настоящего текста и надписи Louvre A 93.

[18] Louvre 330; *Posener G.* La première domination perse en Égypte. Recueil d'inscriptions hiéroglyphiques. Le Caire, 1936. P. 46—47.

[19] *Тураев Б. А.* Египетская литература. М., 1920. С. 230 сл.

[20] *Tresson.* Op. cit. P. 13—14.

[21] Louvre A 93. 2.

[22] *Vercoutter.* Op. cit. P. 64.

[23] *Posener.* La première domination... P. 44—47.

[24] SIM 4017, 4—5.

ного действующего в них лица. Попытка отождествить рассматриваемого здесь «начальника войска (или же «великого военачальника») Йахмеса с действовавшим у Геродота при наместнике Арианде «Амасисом из марафиев» (Herod. IV. 167 и др.) уже была подвергнута в литературе серьезной критике [25].

Надпись SIM 4017 вызывает целый ряд вопросов, на которые, по нашему мнению, весьма трудно ответить с традиционных позиций. Не ясно, например, почему ее автор, представленный здесь простым «управителем войска», вершит очень важные для государства, реформаторские в сущности, как мы полагаем, дела. Последние в целом выглядят, правда, традиционными — связанными с погребением быка Аписа. Однако важно, что в Позднее время прерогатива совершать таковые по праву принадлежала самому царю, ссылки на распоряжение которого, как мы говорили, отсутствуют. Ж. Веркутте, однако, полагал, что некоторые намеки на связь с царской властью в тексте существуют. Это — титул «управителя войска» — «носитель лука (царя)», а также эпитет «доблестное» [26], характеризующий возглавляемое Йахмесом войско. Тем не менее все же отсутствуют известные нам традиционные и необходимые указания на царский приказ, которые, на наш взгляд, ничем не могли быть равноценно заменены.

В Мемфисском Серапеуме свои поминальные стелы помещали многие частные лица, однако содержание их надписей значительно отличалось от текстов на стелах, изготовленных по приказу царя. Деятельность военачальника Йахмеса, на наш взгляд, столь масштабна, что видеть в ней лишь личную инициативу военного также невозможно. Сам он говорит о своих деяниях следующее: «Приказал я идти посланцам в Верхний Египет, подобно тому как и в Нижний Египет, велев, чтобы пришли князья всякие городов и областей (= градоначальники и номархи. —*А. Э.*) с дарами своими в Палату Уабет твою (= Аписа.— *А. Э.*)» [27]. Было бы весьма заманчивым видеть здесь деятельность будущего фараона Амасиса до его воцарения на египетском троне, но это совершенно исключается, так как в тексте речь идет не о Йахмесе, сыне Ташеритниасет (т. е. Амасисе) [28], но об Йахмесе, сыне Такапенах(бит). Лексика надписи на стеле SIM 4017 явно саисского времени, однако только на этом основании нельзя точно датировать сообщаемые надписью исторические сведения. Тем не менее, на наш взгляд, есть некоторые возможности подойти к решению проблемы датировки. Основания для этого представляет та же цитировавшаяся выше часть текста, где речь идет о сборе всех правителей городов и областей страны (заметим, что это была весьма внушительная совокупность людей, вероятно, в несколько сот человек). Возможность осуществить подобное мероприятие едва ли могла возникнуть в начале правления персов — вряд ли кто-либо из местных военачальников мог позволить себе отдать подобное распоряжение при завоевателях-чужеземцах. Геродот,

---

[25] См. *Posener.* La première domination... P. 177.

[26] SIM 4017. 3; *Vercoutter.* Op. cit. P. 64.

[27] SIM 4017. 6.

[28] B. M. 775; Chicago. Or. Inst. 10584; *Meulenaere H. de.* La famille du roi Amasis// JEA. 1968. 54. P. 183—187. Pl. 1—3. Здесь же указана библиография (кроме работы: *Golénischeff W. S.* Inventaire de le collection égyptienne. Ermitage Imperiale. Lpz, 1891. P. 94—97, где дано описание двух эрмитажных гранитных саркофагов № 766 и 767, принадлежавших соответственно «начальнику лучников Йахмесу, сыну царской жены Нехетесбастетру» и самой Нехетесбастетру. Настоящий Йахмес — совсем другой, в нашем случае уже третий персонаж. Никакого отношения к двум другим действующим лицам, его тезкам, фараону Йахмесу и военачальнику Йахмесу, он не имел).

например, сообщает о жестокой расправе Камбиза над египтянами, праздновавшими рождение нового Аписа без разрешения на то со стороны завоевателя (Herod. III. 29) [29]. Вот почему, на наш взгляд, возможен только один сколько-нибудь определенный вывод. Важный государственный акт, имевший место во время приготовления к погребению Аписа, а именно — созыв местных правителей со всей страны, произошел еще до завоевания персов, при Амасисе. Может быть, речь при этом должна идти о самых первых годах правления фараона, что и объясняет отсутствие на памятной стеле имени египетского царя и традиционных полагающихся при этом фраз. Экстраординарный характер прихода Амасиса к власти, как и чрезвычайный характер мероприятий, нашедших отражение в надписи на стеле SIM 4017, также могли бы служить при этом вполне возможными дополнительными объяснениями.

Доверенное царское лицо Паефчауанит, согласно надписи Louvre A 93, действовал по личному царскому повелению в г. Абидосе, центре почитания важного общеегипетского божества Осириса. Объектом его активности формально выступал храм Осириса Хентиименти, но в действительности деятельность чиновника была как будто бы шире: он «ежедневно просил пожалования у господина (= царя) своего для восстановления Абидоса» и заботился о «процветании в вещах области Абидосской» [30]. Это выражалось в осуществлении целого ряда крупных и весьма трудоемких работ. Посланец руководил прокладкой особого канала; выделил храму стандартный земельный «надел в 1000 арур пашни в целине области Абидосской, наделенного (полагающимися при этом) людьми и мелким скотом всяким» [31]. Следовательно, перечисленные мероприятия касались не только какого-то одного святилища или даже города Абидоса, но всего нома в целом. Это же следует сказать и о повышении норм ежедневного и вообще всяческого довольствия для храма Осириса. Как на само собой при этом полагающееся указано на наделение храма землей с зависимым населением («людьми»), до́ма-*шенау* — рабами и рабынями, а храмового сада — рабами-садовниками [32]. Именно такой характер земельных пожалований вместе с зависимым населением определенно прослеживается в источниках всего Позднего царства; это соответствовало практике, хорошо известной из предшествующего периода истории Египта.

Перечисленные мероприятия, к которым примыкают по своему общему содержанию и сведения надписи Нехтхархеба, сына Нессен(ни)пермута, в общем, на наш взгляд, не выглядят чрезвычайными. По мнению Е. Елинковой-Реймонд, они могли быть вызваны сильными волнениями в Абидосском номе. Ее гипотеза основывается на попытке анализа термина tr ḥbs «правонарушение» [33], содержащегося в 7-й строке надписи Louvre A 93, однако, на наш взгляд, термин этот никак не указывает на самый характер действий. Сам автор этого текста так описывает свои деяния: «Дал я в храм доход (=имущество, js.t.— *А. Э.*), выходящий из Нагорья области Абидосской, (который) нашел я у князя, из желания совершить заупокойную службу (= похоронить) по абидоссцам. Дал я в храм барку-*мехнет* области Абидосской, (которую) отобрал я у князя» [34].

[29] Обзор мнений см. *Posener.* La première domination... P. 171—175; новая работа: *Hoffman I., Vorbichler A.* Das Kambysesbild bei Herodot // ArOr. 1980. Bd. 27. S. 86—105.

[30] Louvre A 93. 2—3.

[31] Louvre A 93. 4.

[32] Louvre A 93. 4. 5—6.

[33] *Elinková-Reymond.* Op. cit. P. 256; ср. Wb. III. 256.

[34] Louvre A 93. 7—10.

Можно предложить следующую интерпретацию этих сведений. Еще Х. Кеес, одним из первых обративший серьезное внимание на эту часть надписи, полагал, что здесь речь идет о ликвидации прежних «старых прав феодального периода», в том числе права получения номархами доходов от караванных путей через пустыню или же к оазисам, а также от эксплуатации каменоломен [35]. Такое понимание «правонарушения», т. е. совокупности действий, названных в цитировавшейся части надписи, несомненно, ближе к действительности, чем мнение Е. Елинковой-Реймонд, но и оно не является полным.

Паефчауанит ставит ликвидацию им «правонарушения» в номе Абидосском в один ряд с другими своими действиями, о которых также сообщает в надписи. Важно, что он дал храму Хентиименти «доход» (или «имущество»), принадлежавший к тому времени не храму, но местному князю, номарху. Он также возвратил в храм священную ладью-*мехнет*, принадлежавшую ранее всей области, храму, но оказавшуюся захваченной князем. Этого, однако, нельзя сказать о «доходе (имуществе)», который определен как «выходящий из Нагорья области Абидосской». Какая-то часть «дохода (имущества)» или он весь целиком могли принадлежать храму Хентиименти. Но в такой же степени он мог принадлежать и храму любого другого бога Абидосской области. Царский посланник и чиновник Паефчауанит отобрал, следовательно, немалые доходы у номарха и передал их храму с целью, как он говорит, «совершения заупокойной службы для всех жителей Абидоса». Следует, по всей вероятности, видеть здесь сокращение расходов на погребальные обряды и их удешевление как часть реформаторских мероприятий Амасиса, затрагивавших, вероятно, исключительно Абидосскую область. Но в целом смысл его реформ был, конечно, необозримо шире. Важно отметить значительное сокращение доходов номарха Абидосской области.

«Имущество (доход) Нагорья области Абидосской» поступало после мероприятия царского посланца не ному и не городу и тем более не номарху, но в храм Осириса. Сюда же была пожертвована, кстати, и изготовленная по специальному приказу «божья барка из кедра (взамен той, что) нашел я сделанной из дерева акации» [36]. Без проведения специального рассмотрения термина «доход (имущество) Нагорья» будет трудно понять весь смысл мероприятий царского чиновника и содержание реформаторских действий самого фараона, по приказу которого действовал Паефчауанит.

Следует подчеркнуть, что должность (и титул) «начальника (= управителя, jmj-r', дем. mr) Нагорья» (во всех возможных вариантах написания и перевода) была связана непосредственно, начиная с саисского времени, с деятельностью пограничных гражданских чиновников, которые возглавляли своеобразные экономические подразделения, определяемые Ж. Познером как «таможни» [37]. Последние контролировали финансово-экономическую деятельность исключительно пограничных городов и территорий, через которые шел приток чужеземцев и чужеземных товаров в Египет. Словом «таможня» Ж. Познер предложил переводить термин ꜥ (dual. ꜥ.wj) [38], означающий собственно «дверь (двери)», «створка

---

[35] *Kees H.* Zur Innerpolitik der Saitendynastie // Göttinger Gelehrte Nachrichten. 1935. S. 103 f.

[36] Louvre A 93. 7.

[37] *Posener.* Les douanes de la Méditerranée... P. 117—131.

[38] Для слов ꜥ, ꜥ.wj и незначительного ряда производных терминов и титулов см. Wb. I. 164; 165, 1; *Faulkner R.* A Concise Dictionary of Middle Egyptian. Oxf.,

двери», «врата» и хорошо известный еще начиная с эпохи Старого царства [39]. Но гораздо более важно то, что начиная с саисского времени и позднее в текстах административного и социально-экономического характера весьма часто встречаются названия местных, региональных постов, т. е. «врат» или «таможен». Это такие пункты на рукавах Дельты Нила (которые никак не назовешь пограничными постами), как «Врата города Хапи», «Врата города Пахесусер (?)», «Врата азиатских стран», «Врата Зелени Великой (= Моря)», «Врата чужеземные Ливии (вар. «Врата ливийские»)». От этих названий происходят и соответствующие обозначения титулов «управителей» или «начальников». Такие же должности чиновников администрации Юга и их названия также известны. Это «начальник Врат чужеземных стран южных», и «начальник Врат Верхнего Египта».

Должности чиновников, глав «врат», между собой отличаются непринципиально. Это отличие скорее функционального характера, чем по сущности. Другое дело — должность «начальника (управителя) Нагорья». «Нагорье», ḫ3s.t, это все то, что не составляло уже собственно «Долины» Реки, Нила, т. е. Египет. Поэтому должности «начальника Нагорья (вар. «Нагорий»)» или «начальника чужеземных стран азиатских» [40], «начальника чужеземных стран Зелени Великой (= Моря)» [41], «начальника чужеземных стран Хаунебут (= средиземноморского островного мира)» [42] были испокон веков связаны в древнем Египте с руководством «вратами». Чиновники с такими титулами возглавляли целые ведомства, которые контролировали прибывавшие в Египет караваны, флотилии и отдельные суда, деятельность чужеземных купцов и отдельных торговцев, мастеровых и ремесленников, а также убывавшие за пределы Египта египетские суда и различные контингенты египтян и их деловую активность. На севере страны имелось два подобных ведомства. Их функции были одинаковыми: одно из них контролировало восточное направление, другое — западное, ливийское. Такой вывод был сделан еще Ж. Познером. Дополнительно необходимо отметить тесную связь военных и гражданских служб на границах Египта. Она проявлялась и в прочных контактах с деятельностью областеначальников-номархов. Во время господства в стране персов деятельность всех означенных служб тщательно контролировалась канцелярией сатрапа. В позднесаисское время цари XXVIII—XXX династий сами контролировали эти службы, издавая специальные указы, которыми строго регламентировали деятельность как целых ведомств,

---

1962. P. 34. Для демотики словарь В. Эриксена (*Erichsen W.* Demotisches Glossar. Kopenhagen, 1954. S. 55) настоящего термина не фиксирует. Берлинский словарь, однако, приводит для позднего времени четыре титула (Wb. I. 164.25—26; 165.1), но без соответствующих ссылок.

[39] Ю. Я. Перепелкин переводил это слово как «пограничная крепость» (Частная собственность в представлении египтян Старого царства. М.— Л., 1966. С. 115). Во главе ее в эпоху Старого царства стоял «таинник». В Позднее время обозначение должности чиновника стало иным.

[40] СМ $\frac{27/11}{58/8}$; *Bresciani E.* Una statua della XXVI dinastia con il cosiddetto «abito persiano» // SCO. 1967. V. 16. P. 273—280.

[41] Гос. Эрмитаж, 2962; *Лапис И. А., Матье М. Э.* Древнеегипетская скульптура в собрании Государственного Эрмитажа. М., 1969. С. 113—115. Табл. IV, 119а; *Meulenaere H. de.* Le surnom égyptien à la basse époque. Istanbul, 1966. P. 14.

[42] Louvre A 90; *Maspero G.* Notes sur quelques points de grammaire et d'histoire // ZÄS. 1884. Bd. 22. S. 88—89; *Brugsch H.* Beiträge zu § LVII der vorstehenden Mitteilungen // Ibid. S. 93—97; *Breasted J.* Ancient Records of Egypt. V. IV. Chicago, 1906. P. 506—508.

так и высших чиновников областей, городов и военных форпостов [43]. Таким образом, уже к концу саисской эпохи в Египте сложилась прочная система экономического контроля государством разнообразных доходов, «имущества», поступавшего в страну в результате торговли, в виде налогов с зависимых территорий, в том числе с районов, входивших в территорию государства, но не составлявших собственно Долины. Ранее, еще в начале правления Амасиса, такой системы в стране не существовало, что и позволило областеначальнику-номарху Абидосской области совершать «правонарушения»: захватывать и присваивать городское (государственное) и храмовое имущество. Для того, чтобы положить конец этому и другим злоупотреблениям местных правителей-номархов, были предприняты преобразования, получившие в традиции название реформ Амасиса. Они означали очень важный шаг на пути к завершению процесса централизации государственной власти в саисском Египте.

Положения надписи на статуе Louvre A 93 перекликаются с теми, что представлены в надписи на стеле SIM 4017. И здесь речь идет о «всех князьях городов и областей» [44], которых «военачальник» Йахмес, исполняя царский указ, созвал с целью сбора по всей стране обязательных приношений богу Апису. Эти действия военачальника по своему смыслу, масштабности и размаху были близки тем, о которых говорил в своей надписи специальный царский посланец, царедворец Паефчауанит. Поэтому и действия военного не были его личной инициативой. Если же иметь при этом в виду весьма многочисленные сведения ПР IX, которые показывают нам армейских офицеров при выполнении ими полицейских акций в Верхнем Египте во время правления последних саисских фараонов, то следует сделать вывод о проявлении Амасисом своего недовольства не только *«всем князьям городов и областей»*, согласно надписи на стеле SIM 4017, но и своим гражданским чиновникам. Этим, пожалуй и следует объяснять экстраординарный характер действий чиновников фараона.

ПР IX позволяет проследить в некоторой степени судьбу реформ при первых персидских правителях. Здесь более определенно, чем в любом другом современном ему или хотя бы близком по времени источнике, указывается, например, на то, что глава персидской администрации, сатрап, «стал первым жрецом-пророком Амуна Теуджойского» [45], т. е. первосвященником единственного храма на небольшом острове Теуджой на Ниле. Об этом становится известно из распоряжения «управителя пашен (Верхнего и Нижнего Египта) Йахмеса, сына Падихарнипе», в котором этот важный государственный чиновник требует от *лесониса* (т. е., судя по греко-египетским билингвам, «архиерея») храма Амуна выплаты очень большой задолженности храма персидскому сатрапу [46]. Неизбежно возникает вопрос: как объяснить, что должностными владениями и самими жреческими должностями отдаленных от центра египетских храмов стали распоряжаться персидские сатрапы? Несомненно, что в этом нельзя видеть лишь прямое следствие права завоевателей распоряжаться завоеванной страной и ее ресурсами: важно, что в ПР IX (в том числе и в тек-

[43] Подробнее об этом см. *Эдаков А. В.* Чужеземцы и храмы в Египте в VI—IV вв. до н.э. // Античная гражданская община. Межвузовский сборник научных трудов. М., 1984. С. 56—70.

[44] SIM 4017.6.

[45] Ryl. IX. 1.3; *Griffith.* Op. cit. V. III. P. 65. Not. 6; ср. *Elinková-Reymond.* Op. cit. P. 259.

[46] В толковании этого сообщения мы расходимся с Ф. Гриффисом, который в свое время полагал, что «Правитель (т. е. сатрап.— *А. Э.*), должно быть, передал свое жалование Йахмесу» — *Griffith.* Op. cit.

сте первой колонки) прямо указывается, что сам автор произведения, Петеисе, и глава ведомства пахотных земель страны, Йахмес, не мыслят себе существование иного собственника должности, чем глава государства — фараон. В стране сложилось такое положение вещей, при котором ко времени начала господства персов сумма доходов первого жреца-пророка, равная пятой части всех доходов храма, уже некоторое время формально принадлежала не храму и его жрецам, но фараону. Застав настоящую практику, персы без изменений восприняли ее. Вот почему, по всей вероятности, персидский сатрап, представлявший в стране фараона в его отсутствие, и распоряжался «долей фараона». Другими словами, согласно реформам Амасиса, осуществленным до прихода персов и, следовательно, независимо от них, фараон вновь объявлялся в стране владельцем пятой части всех ежегодных храмовых доходов. Этим Амасис едва ли вводил новую практику, но опирался на давние традиции развития египетского государственного сектора экономики и на практику всей саисской эпохи.

В словах одного из высших правительственных чиновников, ссылающегося на «год, когда Правитель (т. е. сатрап.— *А. Э.*) стал первым жрецом-пророком храма Амуна Теуджойского», подразумевалось, конечно, не отдаленное время, но какой-то определенный год правления в Египте персидского царя. Крайними датами, называемыми в ПР IX для господства в стране персов, являются 523 г. до н. э., «4-й год Камбиза» [47], и 514 г. до н. э., «9-й год Дария» [48], время создания текста ПР IX. Следовательно, в нашем случае речь идет о какой-то дате, приближающейся к 522 г. до н. э., к началу правления Дария I, в том числе и как фараона. Иначе, если бы речь шла о правлении царя саисского времени, его имя (что и имеет место в тексте ПР IX по отношению ко всем фараонам XXVI дин.) было бы обязательно названо. В качестве наиболее подходящей даты может служить время ок. 518 г. до н. э., период важных изменений во всей Персидской державе, время преобразования Дарием завоеванных стран и территорий в сатрапии.

Существенную помощь для дальнейших изысканий нам могут оказать другие части ПР IX, которые по общему содержанию сведений относятся к более раннему времени — началу VI в. до н. э. Но здесь мы будем вынуждены обратиться к краткому рассмотрению главного предмета споров — всевозможных злоупотреблений, связанных со жреческими выплатами, ḥtp.w. Очень показательными в этом отношении являются сведения 15-й колонки ПР IX, где сказано, что в начале саисского времени «доля первого жреца-пророка Амуна Теуджойского является долей фараона, и она принадлежит нашему господину (p'y-n ḥry), т. е. номарху» [49]. О фараоне как о собственнике должности первого жреца прямо говорится и в других частях папируса [50], а местный князь или один из глав центральной администрации страны называются при этом как владельцы должности, звания и полагающейся при этом пятой части различного рода материальных благ. Такая практика хорошо была известна и в фараоновском Египте в различные периоды его истории. Согласно ей, фараон имел свою «долю», т. е. право собственности на часть богатств храмов. В позднее время при должностном владении полагалась, в частности, пашня определенной площади с работающим зависимым населением, скотом,

---

[47] Ryl. IX. 21.7.
[48] Ryl. IX. 1.1.
[49] Ryl. IX. 15. 3—4. К толкованию см. *Malinine M.* // OLZ. 1955. S. 502.
[50] Ryl. IX. 3.16; 8.1—2.

птицей, разнообразным имуществом, т. е. со всем тем, что обозначало реальное, материальное содержание.

Такая же практика продолжала существовать и в саисское время. Но здесь еще многое предстоит выяснить в связи с существованием в социально-экономической и внутриполитической практике того времени ряда институтов, из которых наиболее важным являлся институт «божьих жен». Известно, что он возник в Египте задолго до саисских правителей как форма борьбы за внутреннее экономическое и политическое единство страны [51], как форма существования храмового сектора экономики. Просуществовал же он, как это принято считать, вплоть до персидского завоевания, но уже вместе с институтом «божьих хвалительниц». В числе последних состояла, в частности, и дочь фараона Амасиса, Анхнеснеферибрэ [52]. Она еще была жива при Псаметике III, накануне персидского завоевания. Но мы не имеем никаких свидетельств существования подобной практики при персах. Завоеватели ни с кем не делили храмовые доходы. Это касалось и самих жреческих должностей, в том числе и в ведущих египетских храмах того времени: Нейт, Амуна, Атума Гелиопольского [53]. Персы стремились как можно прочнее забрать в свои руки и «долю фараона», ликвидировав институт «божьих жен» или его вариант — институт «божьих хвалительниц», которые к середине саисской эпохи становятся религиозными и политическими анахронизмами.

Подтверждение этой политики персов мы находим в «декрете» Камбиза о храмах, данные о котором сохранились в столбце «D» «Демотической хроники» [54]. Анализ этих данных мы предлагаем ниже.

Судя по декрету, Камбиз приказал сократить доходы египетских храмов, в том числе урезать, а в ряде случаев упразднить вообще поставки корабельного леса, особого вида (жертвенных) дров для возжигания, льна, папируса, зерна, птицы и скота. Интересно, что сами авторы сведений о «декрете» связывают это положение дел с тем, которое имело место при Амасисе. Текст сообщает и о «доле», которую Камбиз велел изъять у всех храмов Египта, за исключением трех святилищ Нижнего Египта (в том числе по меньшей мере двух — столичных). Название третьего храма, к сожалению, не читается. Трудность представляет и понимание самих сведений о размере и характере «доли, которая должна была составлять «серебра 160 530 дебен (?) 8 ките, зерна 170 210 (?) мер, 6000 рационов (?), 376 400 (единиц еще какого-то вида ценностей, но определенно не серебра.— *А. Э.*)» [55]. Но храмы Египта все же не лишались всех своих прежних доходов. Сущность приказа Камбиза заключалась в том, чтобы все прежние поступления храмам от государства были сильно сокращены. Так, вместо обязательных поставок храмам леса на строительство специальных культовых барок для традиционных религиозных церемоний текст обязывает: «Дать места на Севере и на Юге для того, чтобы они (= египетские храмы) добывали корабельный лес и дрова для возжига-

---

[51] Новейшее исследование: *Grcefe E.* Untersuchungen zur Verwaltung und Geschichte der Institution der Gottesgemahlin des Amun vom Beginn des neuen Reiches bis zur Spätzeit. Wiesbaden, 1981.

[52] Chicago Or. Inst. 10584; *Meulenaere.* La famille... Tabl. XXIX, *3*. P. 187; *Vittman G.* Die Familie der saitischen Könige // Orientalia. 1975. Bd. 44. S. 382.

[53] Stat. Dar. 2.2; *Yoyotte J.* Une statue de Darius découverte à Suse. Les inscriptions hiéroglyphiques // JA. 1972. V. 260. P. 260—261.

[54] P. Bibl. Nat. 215. Vs., d. 14—15.

[55] P. Bibl. Nat. 215. Vs., d. 14—15; ср. *Дандамаев М. А., Луконин В. Г.* Культура и экономика древнего Ирана. М., 1980. С. 348.

ний и приносили своим богам...» [56]. В данном контексте «Север» и «Юг» несомненно не являются топонимами; невозможно их, на наш взгляд, понимать и как обозначение «низменностей (болот ph(w))» и «города Птореса p't'rsj». Это «(определенные) места на Севере (для храмов Нижнего Египта и таковые же для храмов Верхнего Египта соответственно) на Юге». Таким образом, эту часть текста следует понимать также в том смысле, что храмам Нижнего и Верхнего Египта, согласно новой регламентации, предназначались строго определенные места для заготовок ими необходимых запасов. При этом имела место практика введения централизованных заготовок храмами всех необходимых запасов. Создается, однако, впечатление, что, согласно «Демотической Хронике», при Камбизе произошло законодательное закрепление основных положений ряда реформ, которые первоначально имели место еще при Амасисе. Похоже, что своим «декретом» Камбиз просто подтвердил прежние законы и реформы, указал, что они не отменяются, но их действие продолжается без каких-либо существенных изменений. Мало того, такой «декрет» был вместе с тем и своеобразным логическим завершением всех мероприятий, которые были начаты еще предшествующим правителем Египта, реформатором Амасисом.

При всем явно негативном — согласно традиционной точке зрения — отношении к Камбизу авторов «Демотической Хроники» следует отметить, однако, что «декрет» его не мог возникнуть как простая прихоть завоевателя. Такая оценка выглядела бы ныне просто наивной. Приказ: «Не давать!» [57] храмам «доли», т. е. «доли фараона», о чем явно в унисон говорят и данные «Хроники» и материал 15-й и 8-й колонок текста ПР IX и что полностью соответствует египетской практике, а не практике завоевателей [58], в действительности должен был последовать первоначально еще до Камбиза, при Амасисе. ПР IX указывает, что в египетской практике еще до правления Амасиса «доля фараона» какое-то время не принадлежала фараону, ее собственнику. При этом называются и лица, которые обладали этой «долей»: номарх и один из крупнейших государственных чиновников, царедворец и одновременно царский фаворит. При Амасисе же и позднее эта «доля» возвратилась к своему собственнику, поистине вновь стала «фараоновой». Следовательно, приказ об этом и исходить должен был первоначально именно от Амасиса, а не от завоевателя-перса Камбиза.

Лишение храмов Египта сначала Амасисом, а затем и последующими правителями части значительного количества государственных субсидий (но вовсе не доходов вообще) в какой-то степени означало и уменьшение размаха их деятельности и роли в политической жизни страны. Но рассматривать настоящее положение дел только как ущемление хозяйственной и политической активности египетских храмов было бы поверхностной и односторонней оценкой реформ Амасиса. Источники свидетельствуют о том, что египетские храмы в целом традиционно продолжали получать в саисское время и новые пожертвования, доходы и новые привилегии. Но важно, что их общее количество не выглядит чрезвычайным по сравнению с тем положением дел, которое было введено в практику позд-

[56] P. Bibl. Nat. 215. Vs., d. 4—6.

[57] P. Bibl. Nat. 215. Vs., d. 9.

[58] В 6-й колонке ПР IX об этом также есть данные. Там речь идет о событиях саисской эпохи, времени правления Псаметика I, и говорится о «податях, b'kjw.w» и о «налогах, š'krw.w» (Ryl. IX. 6.12). В тексте знаменитого Розеттского камня последнему термину соответствует древнегр. φόρολογια. В. В. Струве видел здесь указания на действия в Египте ассирийских завоевателей (Хронология VI в. до н.э. в труде Геродота // ВДИ. 1952. № 2. С. 64).

нее, в VI—IV вв. до н. э. Все приведенные выш примеры служат тому достаточно наглядной иллюстрацией. В дополнение следует отметить весьма показательное обстоятельство. Необходимо обратить внимание на ту роль, которую приобретает в храмовом персонале начиная с правления последних фараонов XXVI дин. особый жрец, «лесонис» (вар. «лешон» и производные коптские формы, а также демотическ. mr-šn, что соответствует в дву- и трехязычных текстах древнегреч. λεσώνις[59], ἀρχιερεύς, т. е. «архиерей» или «главный жрец»). Должность этого старшего (главного) жреца практически была тождественной должности jmj-r' ḥm.w-nṯr.w, «начальника жрецов-пророков». Однако обязанности архиерея перед центральной администрацией были значительно выше, чем у «начальника жрецов-пророков». В ПР IX, например, он выступает как главное ответственное лицо за все материальные ресурсы храмового комплекса, за все серебро и зерно храма и его хранилищ [60]. Источники времени правления Дария I показывают и примеры личной заинтересованности высшей персидской администрации Египта и центральной канцелярии персидского царя в выборах и деятельности архиереев [61].

Проводя в жизнь свои реформы, Амасис вынужден был навсегда отказаться от многого, давно отжившего в экономической области и в административной сфере. Не случайно именно при Амасисе был окончательно ликвидирован институт «божьих жен» и сделан тем самым решающий шаг к подчинению интересам государства всего храмового сектора экономики [62]. При нем же был совершен принципиальный поворот во внешней политике государства в сторону контактов с античным миром, античной экономикой (Herod. II. 178 sq.), что в значительной степени способствовало дальнейшему общему процветанию Египта и успехам саисской дипломатии. Настоящий аспект отмечается так или иначе всеми исследователями, однако при этом они ограничиваются по существу лишь рассмотрением данных археологии и античных авторов [63]. Между тем египетские тексты, которые частично были опубликованы и первично обработаны еще в 30—40-е годы, существенно расширяют источниковедческую базу возможных исследований.

Реформы Амасиса необходимо рассматривать в качестве достаточно удачной попытки привести в прочную систему всю администрацию страны, ее экономику и внутриполитическую жизнь. Ранее, до Амасиса, близкую попытку такого рода из саисских правителей предпринимал один Псаметик I, основатель XXVI династии. Но перед ним и перед страной в то время стояли иные проблемы. Египет, вышедший из тяжелой борьбы с иноземными поработителями и сепаратистскими стремлениями номархов, нуждался не в реформах, но в возрождении прежде всего сугубо египетских институтов и принципов управления внутренней жизнью страны, которые видоизменились в изменившихся исторических условиях,

[59] *Spiegelberg W.* Der Titel λεσώνις // RT. 1902. V. 24. S. 1—5.

[60] Ryl. IX. 1.3.

[61] P. Berlin. 13539, 13540; *Spiegelberg W.* Die demotische Schreiben aus der Korrespondenz des Pherendates // SPAW. 1928. 29—33. S. 604—614. Taf. IV—V; P. Staat. Mus. Berlin — Charlottenburg 23548; *Zauzich K.-Th.* Ägyptische Handschriften. Tl 2. Wiesbaden, 1971. S. 119—120; P. Berlin. 13575; *Zauzich K.-Th.* Papyri von der Insel Elephantine. B., 1978.

[62] Chicago Or. Inst. 19584; *Meulenaere.* La famille... Tabl. XXIX, *3*. P. 187; *Vittman.* Die Famillie... S. 382.

[63] См., например: *Bilabel F.* Polykrates von Samos und Amasis von Aegypten // Neue Heidelberger Jahrbücher. N.F. 1933. S. 129—151; *Kees.* Zur Innenpolitik... S. 95—106; *Kienitz F.* Die politische Geschichte Ägyptens vom 7. bis zum 4. Jahrhundert vor der Zeitwende. B., 1955.

либо оказались уничтоженными завоевателями, в том числе ливийцами эфиопами и ассирийцами. При Псаметике I и начинается поэтому саисский «ренессанс», что необходимо рассматривать в качестве закономерного процесса развития страны после господства чужеземцев и ликвидации децентрализации Египта, внутренней экономической и политической неустойчивости. Но до середины VI в. до н. э. в стране еще не создались объективные условия для принципиально новых административных, экономических и политических систем и институтов. Начиная с определенного периода правления Амасиса, последнего крупного правителя XXVI (саисской) династии, в Египте осуществляются и законодательно оформляются в масштабах всего государства важные изменения в различных отраслях внутренней политики и социально-экономической жизни. Рассмотренный материал, разумеется, фрагментарный, в чем-то даже неполный и поверхностный, показывает нам только отдельные части общей картины той перестройки, которая позволила Египту достигнуть вершин в своем социально-экономическом развитии.

В заключение о датировке реформ. Из всех имеющихся в нашем распоряжении источников одну из возможных дат называет только ПР IX. Это «15-й год правления» Амасиса, т. е. 555 г. до н. э. Но это едва ли является временем начала всех тех действий, о которых мы ведем разговор. С другой стороны, реформы не могли быть начаты в первые два года правления царя, когда еще шла его борьба с Априем за египетский престол. Привлечение для датировки и анализа сущности реформ материала исторической стелы Амасиса, датирующейся третьим годом правления царя (567 г. до н. э.) [64], нельзя считать оправданным. Здесь ни слова не говорится ни о реформаторских мероприятиях Амасиса, ни о намерении осуществить таковые, но излагаются ход и перипетии борьбы Амасиса с Априем [65]. В условиях ожесточенной междоусобной войны явно было не до осуществления реформ основ внутриполитической жизни и египетской администрации.

Однако столь масштабные действия не могли занимать очень короткий промежуток времени. Здесь нам несколько может помочь та часть ПР IX, в которой рассказывается, как в 555 г. до н. э. «глава всех пашен страны» действовал с целью, должно быть, смотра земельного фонда страны в провинции, в Верхнем Египте. Следовательно, реформы были начаты ранее 555 г. до н. э. Другие источники практически не указывают времени событий, о которых в них идет речь. В качестве ориентировочной даты можно предложить 560—550-е годы до н. э. как время наиболее крупных, основных по характеру и размаху реформаторских мероприятий. Прямое указание об их завершении, на наш взгляд, содержится в приказе Дария I о сборе всех египетских законов. Там назван «44-й год правления Амасиса» [66], последний год правления царя. Это 526 г. до н. э. Но процесс осуществления основных результатов реформ не прекратился и после Амасиса. Он продолжался и при правлении в Египте персов, и при фараонах XXVIII —XXX династий. Он приходится на весь позднесаисский период истории Египта.

А. В. Эдаков

---

[64] См. *Spalinger A.* The Civil War Between Amasis and Apries and the Babylonian Attack Against Egypt // Acts of the Ist International Congress of Egyptology. B., 1979. P. 645—649.

[65] Hist. Stela; *Daressy G.* Stèle de l'an III d'Amasis // RT. 1900. V. 22. P. 1—9.

[66] P. Bibl. Nat. 215. Vs., c. 6—7.

LES RÉFORMES D'AMASIS ET LEUR DESTIN A L'EPOQUE SAÏSSIENNE TARDIVE

A. V. Edakov

De nombreux textes hiéroglyphiques et démotiques égyptiens (avant tout *P. Ryl.* IX), de même que les auteurs antiques, apprécient hautement l'activité d'Amasis, dernier pharaon de la XXVIe dynastie, celle de Saïs, le pharaon-réformateur. Ses réformes de la vie administrative du pays, des fondements de la vie politique intérieure et de l'économie ont conduit jusqu'à leur aboutissement logique l'activité de tous les pharaons de l'époque saïssienne, mais avant tout celles du fondateur de la XXVIe dynastie, Psammétique Ier. Ces réformes ne furent pas oubliées sous les monarques des XXVIIe—XXXe dynasties, à la basse époque saïssienne. C'est ainsi qu'il s'avère que le «décret» de Cambyse sur les temples, au sujet duquel nous possédons des données grâce à l'ainsi-dite *Chronique démotique* du *P. Bibl. Nat.* 215, rédigée à la fin du IVe s. av. n.è., entérinait législativement les principes fondamentaux de réformes initialement introduites encore par Amasis. Cambyse lui-même n'apporta rien de nouveau à la pratique foncièrement égyptienne des contacts entre les secteurs public et hiératique de l'économie.

Les réformes d'Amasis furent appliquées avec une énergie particulière durant les années 560 et 550 av. n. è. Pas un seul monarque d'Egypte, de tous les pharaons des XXVIe—XXXe dynasties ayant régné après Amasis, n'a abrogé ni les réformes de celui-ci, ni le «décret» de Cambyse, qui en était le prolongement, réduisant brutalement les subventions accordées par l'Etat aux temples. Qui plus est, à partir de Cambyse commença en Egypte une codification législative des réformes principales d'Amasis.

ОДЕЖДА КОЧЕВЫХ И МИГРИРУЮЩИХ НАРОДОВ ХАНААНА ПО ДРЕВНЕЕГИПЕТСКИМ ИЗОБРАЖЕНИЯМ XIV—XII вв. до н. э.

(Опыт исторической этнографии)

Население Ханаана II тыс. до н. э. принадлежало к различным языковым и хозяйственно-культурным группам, но в основном — к семитам, а на севере — к хурритам и хеттам [1]. Кроме того, по его территории проходил интенсивный процесс миграции так называемых «народов моря», часть которых принадлежала к индоарийской языковой группе. Многие из этих народов не имели своей письменности и развитого изобразительного искусства, поэтому восстановить их историю удается лишь по источникам, дошедшим из древнего Египта. Начиная с XVI в. до н. э. египтяне имели постоянные контакты с народами, населяющими Ханаан, и отразили их внешний облик в детализированных массовых памятниках изобразительного искусства. Многие из них сопровождаются текстами, позволяющими определить этническую и социальную принадлежность изображенного.

Анализ египетских источников XVI—XII вв. до н. э. показал, что население земледельческих районов и городов Передней Азии обладало од-

[1] Об этнической и языковой ситуации в Передней Азии этого времени см. *Дьяконов И. М.* Народы древней Передней Азии // ТИЭ, н.с. 1958. XXXIX. С. 5—7.

ним из признаков этнической общности — общей формой костюма [2]. Замыкаясь внутри городов-государств, оседлые ханаанеяне не имели общего этнонима; источники употребляют по отношению к ним скорее географические, чем этнические обозначения [3]. Кроме оседлого населения на территории Ханаана (егип. *Хару*) египтяне упоминают кочевников-*шасу* и мигрирующие группы так называемых «народов моря». Общим между ними было то, что и те и другие обладали этнонимами, т. е. в этническом отношении были более консолидированы, чем оседлое население *Хару*.

Появление большого количества источников объясняется тем, что начиная с XVI в. до н. э. Египет вел постоянные войны в Ханаане, где побывали многие египтяне и откуда поступало в Египет большое количество пленных. В это время в Египте возникают поселения, названия которых говорят об этническом составе населения: «*Шасу*», «*Хару*» и т. д. Благодаря этому египтяне могли хорошо познакомиться с многими сторонами жизни и быта иноземцев, тем более с таким заметным явлением, как костюм. Для одетых в белые одежды египтян цветной костюм был необычен и поэтому хорошо запоминался. Одновременно в разных областях Египта возникают изображения ханаанеян, совпадающие даже в деталях, что можно объяснить только верностью прототипу.

1. *Мужская одежда кочевого населения Хару*. Кроме оседлого земледельческого населения Ханаана, египетские документы начиная с первой половины XVIII династии упоминают и кочевников *шасу*. Неегипетское слово «*шасу*» египтяне употребляли как этноним, но и переводили его для себя «овечий пастух, кочевник», «бедуин» [4]. В аккадских текстах того же времени встречается упоминание *апиру*, *хабиру* — «разбойник, грабитель». Египтяне же понимали слово «*апиру*» как обозначение этнической группы. В 1982 г. Н. Науман опубликовал доказательства тождества одного из городов *шасу* (Ибирта) городу *апиру*, тем самым показав, что *апиру* и *шасу* — синонимы [5].

Шасу, по мнению Р. Гивеона, собравшего сведения об этом народе, пришли с территории восточнее Иордана, а затем расселились по всему Южному и Среднему Ханаану. *Шасу* вели кочевой и полукочевой образ жизни, иногда надолго поселяясь в городах; их число было так велико, что некоторые города египтяне отмечают как находившиеся «в земле *шасу*» [6].

Кочевники *шасу* оставили о себе память только в египетских документах; их изображения часто встречаются на храмовых рельефах, благодаря которым мы можем восстановить некоторые черты материальной культуры этого исчезнувшего народа. Ко времени Сети I относится рельеф

---

[2] См. *Богословская И. В.* Одежда оседлых народов Ханаана по древнеегипетским изображениям XVI—XII вв. до н.э. // ВДИ. 1980. № 3. С. 117—141; *она же.* Одежда в этногенезе Ханаана во II тыс. до н.э. // Древневосточная культура и вопросы ее преподавания на историческом факультете. Тезисы докладов. Даугавпилс, 1985. С. 10—14.

[3] Например, князья Туниа и Кадеша, князь Митанни — *De Garis Davies N. M. and N.* The Tomb of Menkheperrasonb, Amenmose and Another. L., 1933. Pl. IV—VIII; *idem.* Syrians in the Tomb of Amounedjeh. // JEA. 1941. 27. P. 96—98.

[4] *Černý J.* Coptic Etymological Dictionary. Cambr., 1976. P. 252; *Ranke H.* Die ägyptischen Personennamen. Bd I. Glückstadt, 1935. S. 117. № 24.

[5] *Na'uman N.* The Town of Ibirta and the Relations of the ʿApiru and the Shosu // Cöttinger Miszellen. 1982. Ht 57. S. 27—33.

[6] *Giveon R.* Les bédouines shosou des documents égyptiens. Leiden, 1971. P. 235—241; *Кленгель Х.* Экономические основы кочевничества в древней Месопотамии (в особенности II тыс. до н.э.)// ВДИ. 1967. № 4. С. 60—61.

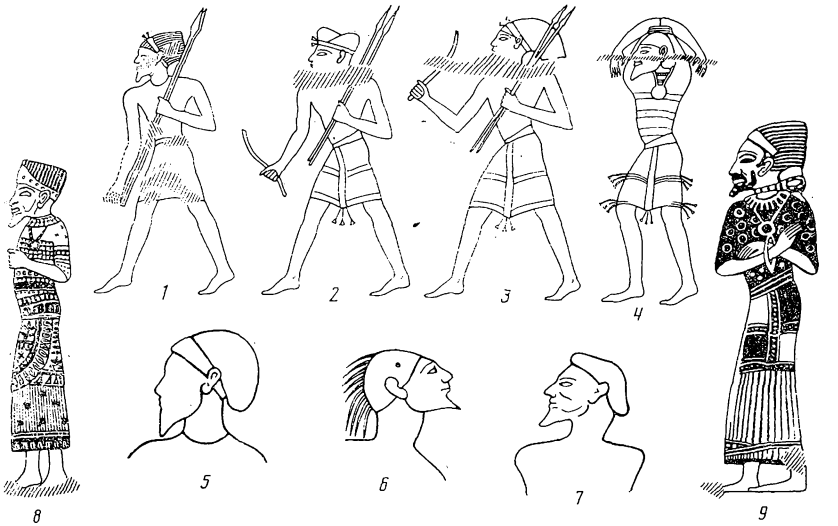

Таблица I. *Шасу*: *1*. *шасу* из личной гвардии Рамсеса III (Мединет Абу, конец XIII в. до н. э.); *2*. то же; *3*. то же; *4*. Пленный *шасу* (Мединет Абу, конец XIII в. до н. э.); *5*. *шасу* — защитник «крепости Ханаана» (Карнак, XIV в. до н. э.); *6*. Пленный *шасу* (Карнак, конец XIV в. до н. э.); *7*. то же; *8*. *шасу* (храм в Мединет Абу, конец XIII в. до н. э.); *9*. то же.

из Карнака со сценой боя за «крепость Ханаана» [7], вероятно, город Газа [8]. Изображенные здесь люди резко отличаются от жителей других городов. Надпись называет их «поверженные (т. е. враги) (из числа) *шасу*». *Шасу* одеты лишь в короткие опоясания, не доходящие до колен и повязанные поясом. (Термин «опоясание» употребляется в том случае, когда мы имеем дело с несшитой одеждой, термин «юбка» — для сшитой). Спереди в центре опоясания проходит вертикальная полоса; край, вероятно, отделан кантом. От подмышек до талии *шасу* бинтовали себе грудь, поэтому у некоторых защитников крепости отмечены горизонтальные полосы на теле. Р. Гивеон полагает, что это своеобразные доспехи из льна [9] (аналогичные см. рис. 4).

Однако самой характерной особенностью *шасу* являлись, бесспорно, их обычные головные уборы. На этом рельефе они двух типов. Часть мужчин имеет головные уборы, которые по форме напоминают чепец, свободно лежащий на голове (рис. 2—5). Другие повязали себе голову платком, концы которого туго охватывают голову. И в первом, и во втором случаях все волосы убраны под платок или чепец. Разнообразие форм чепцов и повязок свидетельствует о том, что единой, до деталей разработанной формы головного убора не было, но все же головной убор *шасу* можно узнать сразу. Маленькая острая бородка обрамляет только подбородок.

[7] *Pritchard J. B.* The Ancient Near East in Pictures. Princeton, 1954 (далее — ANE). Fig. 327, 329; *Smith W. S.* Interconnections in the Ancient Near East. L., 1965. Fig. 214; *Giveon.* Op. cit. Pl. Vg; *Rosellini I.* I Monumenti dell'Egitto e della Nubia disegnati della spedizione scientifico-litteraria Toscana in Egitto, III, 1—3. Pisa, 1834—1836. Tav. XLVIII.

[8] *Faulkner R. O.* Egypt: From the inception of the Nineteenth dynasty to the Death of Ramesses III // CAH³. II. 2. 1975. P. 219 по *Rowe A.* The Topography and History of Beth-Shan. Philadelphia, 1930. P. 9. Pl. 39.

[9] *Giveon.* Op. cit. P. 255.

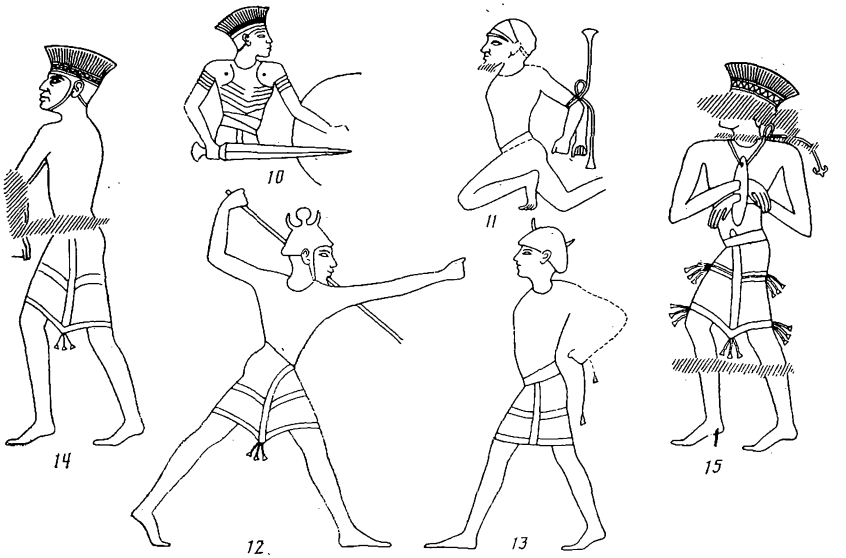

Таблица II. «Народы моря»: *10*. Филистимлянин или *дануна* (Мединет Абу, конец XIII в. до н. э.); *11*. *турша* (там же); *12*. *шардана* (там же): *13*. пленный *шардана* (там же); *14*. филистимлянин из Амурру (там же); *15*. то же.

Рельефы из Карнака [10], повествующие о победах Сети I и приводе им пленных *шасу*, показывают, что *шасу* могли носить свободную накидку-плащ, одевающуюся поверх опоясания. Накидка падала с плеч, закрывая руки по локоть; в талии она была стянута поясом и спускалась вниз до щиколоток. На тех же рельефах мы можем видеть и еще одну разновидность головного убора *шасу*: у нескольких мужчин головной убор сзади украшен бахромой (рис. 6). Некоторые исследователи считают, что таким образом изображали выбившиеся наружу волосы [11], но египетские художники обычно не разрабатывали их отдельно, по волоску, а передавали только общей массой или прядями; учитывая, что эти «волоски» расположены там, где вполне могла быть пришита бахрома, можно предположить, что налицо именно украшение платка. У некоторых *шасу* можно видеть головной убор, состоящий из полосы надо лбом и отходящих вверх и назад густой массы волокон, может быть, конских волос [12] или пальмовых волокон (рис. 1, 8, 9).

На изображении Кадешской битвы в Луксоре [13] в числе защитников города различимы и *шасу*; среди других воинов они выделяются короткими опоясаниями и головными уборами.

[10] *Giveon*. Op. cit. Pl. V a—f; *Capart J.*, *Werbrouck M*. Thèbes. Bruxelles, 1925. Fig. 65; *Wreszinski W*. Atlas zur altaegyptischen Kulturgeschichte, 2. Lpz, 1929. Taf. 43; *Pritchard*. ANE. Fig. 326.

[11] *Giveon*. Op. cit. P. 252—253; *Helck W*. Die Beziehungen Ägyptens zu Vorderasien im III. und II. Jahrtausend v. Chr. Wiesbaden, 1971. S. 335.

[12] *Giveon*. Op. cit. Pl. Va. VI; *Rosellini*. Op. cit. I. Tav. XLIX, L; *Smith*. Op. cit., Fig. 70; *Daressy G*. Plaquette émaillées de Médinet-Habou // ASAE. 1911. XI. Pl. IV.

[13] *Giveon*. Op. cit. Pl. VI; А. Нибби и Н. Сандерс приняли этих защитников Кадеша за представителей «народов моря» — филистимлян или *чакарау*. Однако головные уборы ясно указывают, что изображены именно *шасу*. Ср. *Nibbi A*. The Sea-Peoples: A Re-Examination of the Egyptian Sources. Oxf., 1972. P. 116; *Sandars N. K*. The Sea Peoples. Warriors of the Ancient Mediterranean 1 250—1150 B. C. L., 1978. P. 35.

Со времени правления Рамсеса III *шасу* появляются в составе войск фараона. В то время они носили короткие одеяния несколько иной формы [14]. В такие же юбки одеты и пленные *шасу*, приведенные из страны Амурру Рамсесом III [15]. Скорее всего, эта одежда является уже сшитой юбкой, обшитой по краю широкой полосой ткани или кожи. Подобные же полосы разделяют юбку вдоль и поперек на несколько частей. Концы швов часто бывают украшены выпущенными ниже подола кисточками, иногда кисти располагаются только по центральному вертикальному шву (рис. 2).

Р. Гивеон пытается связать количество кисточек на юбке с принадлежностью *шасу* к разным племенам. По наличию кисточек у опоясания он относит к *шасу* и переднеазиатов из гробницы Харемхеба [16]. К сожалению, оба предположения не подтверждаются письменными источниками. Следует вспомнить хотя бы, что кисточки украшали рубахи митанийского типа [17], опоясания сирийцев [18] и ханаанеян [19]. Следовательно, способ украшения одежды кистями был широко распространен на территории Хару и не являлся отличительной чертой *шасу*. На груди *шасу* носили амулеты округлой формы, сходные с теми, которые были распространены у оседлых семитов.

Наиболее подробные изображения *шасу* дошли до нас на табличках с изображениями иноземных пленников из Мединет Абу и Кантира [20]. Таблички не подписаны, поэтому отождествить изображенных пленных с *шасу* можно только на основании сопоставления одежды и головных уборов на подписанных и неподписанных изображениях. Однако между этими изображениями имеются и различия (рис. 8, 9).

Шасу храмовых рельефов одеты только в опоясания и юбки, рубаха у них встречается редко; короткие юбки и опоясания не доходят до колен. Одежда же пленников на табличках состоит из рубахи с рукавами, сшитой из небольших кусков ткани юбки с поперечными и продольными полосами или опоясания (один случай из четырех) и головного убора, по форме напоминающего некоторые головные уборы *шасу* в изображениях на рельефах. У трех из четырех пленников грудь повязана поперечными полосами ткани. У троих изображенных юбка или опоясание одето поверх длинной (до щиколоток) рубахи, верхняя часть и выступающий низ которой расцвечены одинаково. У одного из пленных верхняя часть рубахи показана черной с узором в виде желтых колец, а из-под короткой юбки выступает длинная юбка зеленого цвета, вся в сборку. Головной убор состоит из обода надо лбом и отходящей назад или вверх общей массы каких-то ровно обрезанных волокон. В обобщенном виде они вполне могли бы быть изображены в виде тех переданных только контурной линией «чепцов», которые мы видели у *шасу* на рельефах Мединет Абу и Карнака [21].

Сходство контуров головных уборов, вида юбки, употребление полос ткани для обматывания груди — все эти иконографические моменты

[14] Medinet Habu, II. Chicago, 1932. Pl. 62, 98—100; *Giveon*. Op. cit. Pl. XI—XII.
[15] Medinet Habu, II. Pl. 98—100.
[16] *Giveon*. Op. cit. Pl. III, IV.
[17] *Smith*. Op. cit. Fig. 92.
[18] *De Garis Davies N., Gardiner A. H.* The Tomb of Ḥuy, Viceroy of Nubia in the Reign of Tutʿankhamūn. L., 1926. Pl. XIX.
[19] *De Garis Davies N., Faulkner R. O.* A Syrian Trading Venture to Egypt // JEA. 1947. 33. Pl. VIII.
[20] *Daressy*. Op. cit. Pl. IV, 13, 15; *Smith*. Op. cit. Fig. 70; *Giveon*. Op.cit. Pl. XIII; *Bossert H. Th.* Altsyrien. Tübingen, 1951. Abb. 956; *Hayes W. C.* Glazed Tiles from a Palace of Ramesses II at Kantir. N.Y., 1937. Fig. 10; *Osing J.* Les populations asiatiques // Le monde de la Bible. 1985. 41. P. 23—24. Fig. 17. Pl. III.
[21] *Giveon*. Op. cit. Pl. XVII.

позволяют заключить, что таблички из Мединет Абу все-таки донесли до нас облик кочевников-*шасу*. Различия же в одежде можно объяснить тем, что в бою или в сценах доставки пленных (композиции с такими сюжетами и дошли до нас в рельефах) изображали воинов-*шасу*, одетых в облегченный костюм, удобный для битвы. Следует добавить, что на табличках из Мединет Абу не только *шасу*, но и другие народы изображены наиболее детально.

Юбки, разделенные поперечными и продольными полосами, появляются у *шасу* со времени контактов с «народами моря», а до этого времени у них существовало только опоясание. Украшения, встречающиеся у *шасу*, аналогичны украшениям-амулетам всех сиро-ханаанеян, а именно: круглые медальоны или кольцо и в одном случае — крест [22].

Учитывая все особенности костюма *шасу*, можно сопоставить его с одним из современных арабских костюмов, а именно — с костюмом арабов Хадрамаута. До самого недавнего времени они носили в качестве полного костюма несшитую юбку-опоясание, рубаху и платок, повязанный по голове тем или иным способом. Если учесть особенности изображения, то костюм жителей Хадрамаута тождествен одному из костюмов *шасу*. Территория Аравии была местом формирования протоарабских народностей, время от времени выплескивавшихся на территорию Ближнего Востока. Абсолютная изолированность Хадрамаута, мало изменившиеся экологические условия позволили сохраниться древнейшему типу костюма [23]. Изменения коснулись костюма лишь в самом недавнем прошлом. Следует отметить также, что сопоставление изобразительных источников с этнографическим материалом дает возможность конкретнее, нагляднее понять, что хотел передать художник в рисунке. Контуры «чепцов» *шасу* и контуры головных повязок арабов если и не совпадают из-за импровизационности наматывания платка, то все же очень близки. Отсутствием строгой фиксированности формы и объясняется большое количество вариантов головных уборов *шасу*.

2. *Мужская одежда «народов моря»*. Египетские храмовые рельефы, повествующие о победах фараонов XIX—XX династий, донесли до нас облик еще нескольких исчезнувших народов — так называемых «народов моря», потрясавших жизнь оседлых жителей Ближнего Востока во второй половине II тыс. до н.э. Надписи сохранили самоназвания этих индоарийских (если не всех, то частично — бесспорно) народностей. Эти самоназвания дают возможность проследить их судьбу и сдвиги в этническом составе населения Передней Азии и Египта. Набеги «народов моря» на Египет и близлежащие территории отражены в документах начиная со времени правления Мернептаха (XIX дин.), однако уже в амарнском архиве есть письма, свидетельствующие о появлении *шардана* возле Библа и *дануна* в районе Тира. Во время Мернептаха на Египет нападали *шардана* (их сопоставляют с позднейшими жителями о-ва Сардиния), *шекелеша* (позднее жители о-ва Сицилия), *турша* (как предполагают,— жи-

[22] Medinet Habu, II. Pl. 98—100; *Giveon*. Op. cit. Pl. XII—XIII.

[23] Благодарю А. Г. Лундина за сообщение, что несшитое опоясание бытует на территории всей южной и даже, по-видимому, центральной Аравии. В собрании Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого имеются несшитые юбки из НДРЙ № 6767—1, 6920—9, поступившие в собрание музея в 70—80-е гг. В последнее время подобные юбки описаны в работе немецкого врача: *Шруль К. Д.* Сабах — утренняя заря. М., 1986. С. 46, 97, 158. Великолепные фотографии приведены в книгах: *Stark F.* Seen in the Hadhramaut. L., 1938. P. 109, 110, 114, 137, 150, 152, 156, 158, 161; *idem*. The Souther Gates of Arabia. A Journey in the Hadhramaut. 1936. Pl. among the pp. 50—51, 66—67, 128—129, 166—167.

тели островов и земель Тирренского моря, давшие начало этрускам) и лука (возможно — ликийцы) [24]. Уже первая волна заставила египтян строить для защиты от них крепости на побережье. Ко времени Рамсеса III *шардана* и *шекелеша* уже служили в войсках фараона, часть же пленных иноземцев была посажена на землю; в Египте существовали целые поселения народов моря [25]. При Рамсесе III на Египет нападала вторая волна переселенцев, состоявшая из *пеласти* (филистимляне), *шекелеша*, *дануна* (данайцы), *чакараи* и *акайуаш* (ахейцы) [26].

Волна переселенцев двигалась из Малой Азии по морю и суше вдоль берегов, уничтожив по дороге государство Каркемиш, бывшее в то время под хеттским влиянием, и захватив страну Амурру [27]. В восьмом году правления Рамсеса III произошло большое сражение, где морские народы были разбиты. Часть из них ушла от берегов Египта, часть филистимлян и *чакараи* обосновалась на побережье, захватив ряд финикийских городов, и в стране Амурру. На протяжении нескольких последующих столетий происходил процесс ассимиляции пришельцев местным населением, частично же они были уничтожены новыми завоевателями. Египетские источники — единственные современные письменные свидетельства о народах, сыгравших важную роль в этнической истории Ближнего Востока. В ближневосточных источниках эти события отражены очень глухо и туманно (например в текстах из Угарита).

Египетские художники изображают всех представителей «народов моря» одетыми одинаково. Исключение составляет одна деталь одежды, а именно — головной убор. Только благодаря головному убору и иногда наличию и форме бороды можно догадаться, кто показан на неподписанном изображении. «Ключом» же к таким чисто изобразительным памятникам являются приписки, в которых точно указано, кого изобразил египетский художник.

Одним из таких подписанных памятников является фрагмент рельефа из Мединет Абу (времени правления Рамсеса III) [28]. Среди других народностей в череде захваченных египетскими войсками пленных на рельефе предстают *туруша*, *шардана* и *чакараи*. Все трое изображены очень схематично, так что по этому памятнику можно судить лишь о контуре одежд

---

[24] Я не касаюсь археологического материала о них. Египтологические гипотезы по поводу судеб «народов моря» рассматриваются в работах В. Макса Мюллера, а также: *Hall H. R.* The Peoples of the Sea // Recueil d'études égyptologiques dédiées à la memoire de J. F. Champollion. P., 1922. P. 298—329; *Weil R.* Phéniciens, Egéens et Hellènes dans la Méditerranée primitive // Syria. 1921. 2. P. 133; *idem.* Sur la dissémination géographique du nom de people dans le monde égéo-asianique // Syria, 1922. 3. P. 37; *Wainwright G. A.* Some Sea-peoples // JEA. 1961. 47. P. 71—90; *Sandars.* Op. cit.; *Helck W.* Die Beziehungen Ägyptens zu Vorderasien im III. und II. Jahrtausend. v. Chr. Wiesbaden, 1971. S. 346—347; *idem.* Die Seevölker in den ägyptischen Quellen // Jahresbericht des Instituts für Vorgeschichte der Universität Frankfurt a. M., 1976. S. 7—21, и многих других. Вопросы, связанные с одеждой «народов моря», затронуты также в указанной работе Нибби, но в связи с тем, что она изучает отдельные произвольно взятые изображения, не сопоставляя их в массе, ее замечания по иконографии народов моря часто бывают ошибочными.

[25] P. Harris. I, *75.* 5 — *76,* 5. См.: Хрестоматия по истории древнего Востока. М., 1963. С. 133.

[26] *Beckerath J. von.* Tanis und Theben. Historische Grundlagen der Ramessidenzeit im Ägypten. Glückstadt, Hamburg, New York, 1951. S. 80, 81.

[27] *Klengel H.* Geschichte Syriens im 2. Jahrtausend v. u. Z. Teil 3. Historische Geographie und allgemeine Darstellung. B., 1970. S. 241—243; см. также: *Wainwright G. A.* Some Sea-peoples // JEA. 1961. 47. P. 71—90; *idem.* Some Sea-peoples and Others in the Hettite Archives // JEA. 1939. 25. P. 148—153; *Helck.* Seevölker... S. 14.

[28] *Bossert.* Op. cit. Abb. 948; *Pritchard.* ANE. Fig. 9.

и головных уборов, а для более подробного описания нужно привлекать другие памятники.

Турша [29]. К сожалению, у нас нет более достоверных изображений представителей этого народа, которые помогли бы до мелочей реконструировать внешний облик и костюм *турша*. Судя по этому рельефу, *турша* были высоколобыми людьми с крупными чертами лица, с густыми, нависшими над глазами бровями и небольшой, видимо, остроконечной бородкой. Волосы на голове они сбривали, а на лбу носили широкую повязку, сужающуюся к уху.

Одеты *турша* так же, как и представители других «морских» народностей на этом рельефе: в рубашку с круглым вырезом у шеи и рукавами до локтя и короткую юбку (может быть опоясание), стянутую нешироким поясом; обуви нет (рис. 11).

Шардана. *Шардана* появились в Египте одними из первых «народов моря». Ко времени Рамсеса III, когда было выполнено изображение, египтяне их уже хорошо знали, в Египте существовали целые селения *шардана*. На упомянутом рельефе из Мединет Абу *шардана* одет так же, как и *турша*, но отличается несколько иными чертами лица и другим головным убором. У *шардана* более изогнутый и тонкий нос, широкие, несколько плоские губы, брови не нависают над глазами, а образуют ровную дугу. На этом рельефе *шардана* показан бородатым. Форма бороды совершенно отлична от тех, что носили *турша*, и от тех, которые встречаются у сирийцев. Но все же эта деталь, очевидно, не характерна для *шардана*. На рельефе из Мединет Абу *шардана* изображен в головном уборе, напоминающем шлем, с двумя рогами в виде лежащего полумесяца [30], и с навершием из шарика на длинном стержне. Над ушами тулово головного убора опускается вниз, образуя своеобразные наушники. Аналогичные головные уборы можно видеть и у *шардана* из личной охраны Рамсеса III [31], и у участников Кадешской битвы (времени Рамсеса II — начало XIII в. до н. э.) [32]. В обоих случаях на египетской службе *шардана* носили опоясания египетского покроя, но сохранили головной убор своего народа, причем навершие в виде шарика со стержнем могло быть или не быть, но рога на шлеме являлись необходимой деталью [33]. Такие шлемы без навершия показаны у участников битвы египтян с мор-

[29] Сандерс упоминает о хеттском тексте, называющем Ta-ru(u)i-ša, которые были известны в греческом мире (Op. cit. P. 111).

[30] Египтяне изображали шлем *шардана* всегда с рогами в виде полумесяца. На одной стеле из Рас-Шамры мы видим очень сходное изображение воина в опоясании и шлеме с рогами, направленными вперед. Стержень у шлема есть, а диск или шарик отсутствует. В том, что на шлеме рога изображены развернутыми, сказались особенности художественного мышления у египетских резчиков рельефов (*Bossert*. Op. cit. Abb. 433; ср. также *Sandars*. Op. cit. P. 30). Сандерс сравнивает изображения *шардана* с фигурой бога из Энкоме (XII в.), пишет и о находках фигурок «*шардана*» на Кипре (Op. cit. Fig. 112, 129). Изображения *шардана* на острове Сардиния см. *Красновская Н. А.* Происхождение и этническая история сардинцев. М., 1986. С. 24.

[31] Medinet Habu, II. Pl. 62.

[32] *Pritchard*. ANE. Fig. 59; *Bossert H. T.* Altanatolien. B., 1942. Abb. 744—749; *Wreszinski*. Atlas..., 2. Taf. 20; *Müller W. M.* Asien und Europa nach dem aegyptischen Denkmälern. Lpz, 1893, S. 376.

[33] Древний Восток. Л., 1937. Табл. 29(3); *Smith*. Op. cit. Fig. 218; *Müller*. Asien... S. 376; *Steindorf G., Seele K. C.* When Egypt Ruled the East. Chicago, 1957. Fig. 97; *Sanford E. M.* The Mediterranean World in Ancient Times. N. Y., 1938. Pl. 21a. Отсутствие шарика на шлеме заставило А. Нибби предположить, что шарик — символ принадлежности к египетским войскам (Op. cit. P. 114—116). В. Хелк же считал, что шлем без шарика принадлежит не *шардана*, а *шекелеша* (Seevölker... S. 116). Однако, если учесть все изображения, становится очевидно, что на подписанных изображениях в таких шлемах и с шариком и без шарика изображены исключительно *шардана*.

скими народами [34]. В этой битве *шардана* изображены сражающимися в войсках обеих сторон. Там же можно видеть и подробные изображения юбки, аналогичной уже упомянутой юбке *шасу* (рис. 12, 13). Контурное подписанное изображение на рельефе из Мединет Абу вполне могло бы быть упрощенной схемой подобной юбки; кисточки на нем не отмечены [35].

Чакараи. Некоторые исследователи считают *чакараи* одним из племен филистимлян [36]. На рельефе *чакараи* показан одетым как филистимлянин и в таком же головном уборе. Разница только в одном — *чакараи* носили окладистые бороды; филистимлян, так же как и *шардана*, обычно изображали безбородыми [37].

Филистимляне. Несмотря на то, что египетский художник показывал *чакараи* похожими на филистимлян, египтяне четко разделяли эти этнические группы. В «Путешествии Ун-Амуна в Библ» описаны приключения Ун-Амуна в стране *чакараи* (Северная Палестина), настроенной враждебно по отношению к Египту (в тексте назван город Дор) [38]. От времени XX династии дошло много изображений филистимлян. Они упоминаются в египетских источниках начиная с первых лет правления Рамсеса III. После боев с египетскими войсками филистимляне были отброшены к берегам Ханаана и Финикии, где и захватили ряд прибрежных городов; часть же филистимлян-*пеласти* направилась к островам Эгейского моря. В связи с этим следует вспомнить, что частью догреческого населения Балканского полуострова были пеласги, о чем, в частности, упоминает Геродот в своей «Истории» [39].

До нас дошло много изображений филистимлян в качестве пленных или в сценах битв. Одежда у филистимлян везде одна и та же: короткая юбка с полосами и «кистями», рубашка и своеобразный головной убор, благодаря которому их можно узнать в любом, даже неподписанном изображении [40] (рис. 14, 15). Внешне филистимляне сильно отличались от жителей материка своим прямым и довольно тонким носом и округлыми бровями. Почти на всех рельефах филистимляне предстают безбородыми [41], а головной убор закрывает голову таким образом, что волос совершенно не видно. Юбка, в которую одеты филистимляне, подобна юбке *шасу*, *шардана* и *чакараи*. Конечно, такое совпадение не могло быть случайным. Уже было высказано мнение, что *шасу* заимствовали ее у «морских народов» [42]. Что же касается самих «народов моря», то пока можно

---

[34] Medinet Habu, I. Chicago, 1930. Pl. 37; *Müller.* Asien... S. 374; *Michałowski K.* Sztuka egipska. Teby. Warszawa, 1976. Ill. 37; *Rosellini.* Op. cit. I. Tav. CXXVII—CXXXI.

[35] Головной убор и опоясание, напоминающий костюм *шардана*, можно видеть на статуэтке бога из Рас-Шамры. См. *Bossert.* Altsyrien... Abb. 574; *Gray J.* The Canaanites. L., 1964. Fig. 28.

[36] *Gardiner A. H.* Ancient Egyptian Onomastica, Text. I. Oxf., 1947. P. 200; ср. *Wainwright.* Some Sea-peoples... P. 71—90; *idem.* Some Early Philistine History // Vetus Testamentum, 1953. 9. P. 73—84.

[37] О сходстве головных уборов *чакараи* и филистимлян: *Lutz H. F.* Textiles and Costumes Among the Peoples of the Ancient Near East. Lpz, 1923. P. 135.

[38] *Коростовцев М. А.* Путешествие Ун-Амуна в Библ. М., 1960. С. 40—41.

[39] *Геродот.* История в девяти книгах. Л., 1972 (I, 57—58).

[40] Medinet Habu, I. Pl. 37, 40, 42—44; II. Pl. 98—100, 118; *Rosellini.* Op. cit. I. Tav. CXXVII — CXXXI; *Werbrouck, Capart.* Thèbes... Fig. 75; *Klebs L.* Die Reliefs und Malereien des Neuen Reiches. Heidelberg, 1934. S. 197. Abb. 124; *Pritchard.* ANE. Fig. 7, 57; *Bossert.* Altsyrien... Abb. 947, 949, 954.

[41] За исключением одного памятника, где изображение бородатого филистимлянина сопровождается подписью. См. *Bossert.* Altsyrien... Abb. 953.

[42] *Giveon.* Op. cit. P. 248, 249; *Montet P.* Les reliques de l'art syrien dans l'Égypte du Nouvel Empire. P., 1937. P. 41.

только констатировать тот факт, что египетские художники, так чутко реагировавшие на все различия во внешности и костюме, всегда изображали представителей «морских народов» одетыми в одинаковые юбки. Такие же юбки появляются и на египетских воинах со времен контактов с «морскими народами», потому что в египетской армии служило много наемников из числа «морских народов», носивших подобное одеяние.

На многих рельефах филистимляне показаны одетыми в рубашку с короткими рукавами и круглым вырезом горловины. На некоторых более подробных рельефах рубашка покрыта своеобразными нашивками из плотной ткани или кожи, превращающими обычную рубашку в род доспехов (рис. 10) [43]. В связи с этим можно вспомнить, что сирийское слово trjn обозначало панцирь из кожи и детерминировалось знаком «шкура». Это слово перешло и в египетский язык [44]. Следовательно, панцири из кожи целиком или частично, как мы видим на изображениях филистимлян и *шардана* [45], на Ближнем Востоке существовали. В некоторых случаях филистимляне показаны одетыми только в юбку и головной убор, верхняя же часть туловища остается обнаженной.

Головной убор филистимлянина состоял из обода, украшенного орнаментом, нижней части, напоминающей нижнюю часть шлема и закрывающей голову сзади до шеи, и видимой верхней части, состоявшей из высокой густой «щетки» из конского волоса (?), которую закрепляли в ободе [46]. Верхняя часть «щетки» свободно распадается в стороны. На изображениях не видно, закрывал ли этот головной убор голову сверху, но можно предположить, что закрывал, иначе незачем было так тщательно закрывать голову сзади. В этом случае мы явно имеем дело с боевым шлемом и в связи с ним можно вспомнить более поздний греческий шлем, также украшенный щеткой из конского волоса [47]. Держался шлем на голове с помощью тесемок, связанных под подбородком [48] (рис. 14).

Данайцы. На рельефах в Мединет Абу изображены одетыми точно так же и представители другого племени — данайцев (*дануна*) [49]. Скорее всего, мы имеем в данном случае дело с близкими по некоторым чертам материальной культуры народами.

Так же, как и у *шасу*, у представителей «морских народов» существовал и более полный комплект одежды, включавший кроме юбки, рубахи и головного убора длинную юбку (или длинную рубаху), поверх которой одевалась короткая. Такое изображение дошло на табличке из Мединет Абу [50]. К сожалению, лишь по старой копии известна ваза времени Нового царства [51], на которой дошли до нашего времени изображения двух мужчин в одеянии жителей *Хару*, но в типичном головном уборе филисти-

[43] Medinet Habu, I. Pl. 40, 43.

[44] *Erman A., Grapow H.* Wörterbuch der ägyptischen Sprache. 5. Bd. B., 1955. S. 386. Anm. 6—10; *Janssen Jac. J.* Commodity Prices from the Ramessid Period. Leiden, 1975. P. 260.

[45] Medinet Habu, I. Pl. 37.

[46] Было высказано предположение, что материалом для этого головного убора служили перья птиц, но египетские художники обычно очень детально изображали перо; в данном случае сами частицы «щетки» слишком тонки для пера. Ср. *Gardiner.* Onomastica. I. P. 200.

[47] Э. Гардинер сопоставил этот головной убор с головным убором критянина с фестского диска (Onomastica. P. 203*—204*); *Nibbi.* Op. cit. P. 118.

[48] *Pritchard.* ANE. Fig. 57; *Sandars.* Op. cit. P. 120, Fig. 75.

[49] Medinet Habu, I. Pl. 44; ср. *Wainwright.* Some Sea-peoples... P. 71—90; *idem.* Abimilki's News of the Danuna // JEA. 1969. 49. P. 175 f.

[50] *Bossert.* Altsyrien... Abb. 956; *Wallis H.* Egyptian Ceramic Art, 1900. Pl. V; *Smith.* Interconnections. Fig. 70; *Daressy.* Op. cit. Pl. IV.

[51] *Rosellini.* Op. cit. 2. Tav. LVIII; *Müller.* Asien... S. 366.

млян, *чакараи* и данайцев. Судя по отсутствию бороды и пышной прически, характерной для ханаанеян, перед нами свидетельство процесса ассимиляции «народов моря»; последней деталью национального костюма оставался именно головной убор.

На примере одежды филистимлян, *чакари*, данайцев и *шардана* мы встречаемся прежде всего с костюмом воинов. Особенностью костюма является то, что в основном он был одним и тем же для всех «народов моря», исключение составлял только национальный головной убор. Именно форма головного убора была этнодифференцирующим признаком. Некоторые же народности (данайцы и *пеласти*), имея самоназвание и отличаясь от других протогреческих народностей некоторыми существенными чертами культуры, в отношении одежды ничем между собой не различались.

Как уже отмечалось, тот же тип юбки — военного костюма — был заимствован *шасу*; во всяком случае появляется он у *шасу* со времен контактов с «морскими народами». Однако *шасу* сохранили собственный головной убор, следовательно, именно он являлся наиболее важной в этнодифференцирующем и этноконсолидирующем отношении деталью костюма. Это наблюдение подтверждается и изображением представителей «народов моря» в сирийской одежде, но в своем головном уборе.

К сожалению, египетские источники не сохранили изображений женщин «народов моря».

Крайне редки и изображения женщин-*шасу*. Судя по плохо сохранившемуся изображению в сцене битвы у стен «крепости Ханаана», женская одежда *шасу* состояла из длинной рубахи без каких бы то ни было конструктивных деталей. Ребенок показан там же обнаженным и без украшений. Нужно оговориться сразу, что изображение выполнено самым обобщенным образом.

Египетские изображения, сохранившие до нашего времени внешний облик многих народов Ханаана, дали возможность проследить историю одежды этого района на протяжении почти полутысячелетия. Памятники с изображениями азиатов показали, что коренное население этой территории делилось на две большие хозяйственно-культурные группы. Одна из них — население земледельческих районов и возникавших в Передней Азии городов. Другая группа — кочевники-*шасу*, жители полупустынь и степей, скотоводы, изредка селившиеся в городах. Каждая из этих больших групп обладала собственной материальной культурой.

Кочевники были, по-видимому, более консолидированной народностью, поскольку кроме общих черт материальной культуры и хозяйства обладали и общим этнонимом — *шасу*.

Что же касается земледельцев, то, обладая явными общими чертами материальной культуры, они замыкались внутри городов-государств. Египетские документы употребляют скорее географические, чем этнические обозначения по отношению к ним. Именно поэтому во многих источниках Нового Царства сообщается о прибытии посольства из того или иного города без употребления этнонима. Важнее этнической принадлежности в этот период была принадлежность политическая [52]. Однако семиты, существовавшие на территории Передней Азии, все же обладали одним из важных признаков этнической общности — общей формой одежды [53].

---

[52] Т. е. принадлежность к определенному городу-государству. См. *Кленгель*. Экономические основы кочевничества... С. 61.

[53] Выделяя общие типы одежд, нужно учитывать, что абсолютного сходства в деталях не было. На подробных изображениях видно, что в каждом случае цвет, система отделки, иногда — детали кроя были индивидуальны.

Точные данные об одежде кочевников-*шасу*, которыми мы располагаем, ограничиваются временем правлений XIX—XX династий, хотя в письменных источниках *шасу* упоминаются начиная с правления Аменхотепа II. Одежда *шасу* до времени их контактов с «морскими народами» состояла из запахивающегося опоясания с поясом, рубахи или обмоток для рук или груди и головного убора нескольких форм. Одной из них являлся мягкий, неопределенный формы чепец, другой — более жесткий головной убор из каких-то волокон. Р. Гивеон высказал предположение о принадлежности разных форм головных уборов разным племенам *шасу*. Наличие же отдельных племен и их федерации было фактом для египтян [54].

Время вступления *шасу* в контакты с «народами моря» — это время появления в их среде сшитой юбки, обшитой по краю полосой ткани или кожи и разделенной на квадраты такими же поперечными и продольными полосами. Такую одежду могли носить отдельно, а могли сочетать с короткой или длинной рубахой (примером служат таблички из Мединет Абу и Кантира). Учитывая специфичность содержания сцен с *шасу*, где они выступают в качестве воинов или военной добычи, можно предположить, что в мирное время их наряд мог быть дополнен длинной юбкой и рубахой или длинной рубахой. Неизменным является только головной убор, благодаря которому их и можно узнать на изображениях, не имеющих подписей [55]. Отсутствие такой важной для кочевника части одежды, как штаны, объясняется тем, что верховая езда стала широко распространяться с первой половины I тыс. до н.э., до этого лошади использовались в основном для колесниц или перевозки грузов. В начале I тыс. *шасу* исчезают. По-видимому, они растворились в среде оседлых земледельцев. Женщины-*шасу* носили сшитую рубаху без оборок на юбке, длиной до щиколоток. К сожалению, изображения женщин-*шасу* малочисленны и обобщенны, поэтому невозможно проследить покрой или цветовое решение одежды.

Изображения показывают, что в отношении нательной одежды представители разных народностей, входивших в мигрирующие федерации «народов моря», мало чем отличались друг от друга. Их костюм, состоящий из опоясания или сшитой юбки с накладными полосами, рубахи (ее могло и не быть) и панциря, характерен для всех народностей. Но головные уборы являлись этнодифференцирующим признаком. Шлем *шардана* и головной убор филистимлян, *чакараи* и *дануна* резко отличаются между собой, причем шлем *шардана* в том или другом варианте принадлежит исключительно *шардана*, головной убор филистимлян же был аналогичен шлему (?) *дануна*, хотя признать их разными племенами одного народа не представляется возможным, потому что в более позднее время данайцы и *пеласги* противопоставлялись друг другу. Следовательно, нужно констатировать факт, что эти две этнические группы обладали общими чертами материальной культуры. *Чакараи* же являлись одним из племен филистимлян.

---

[54] *Giveon*. Op. cit. P. 258.

[55] Ср. *Wente E. F.* Shekelesh or Shasu? // JNES. 1963. 22. P. 167—172; *Wainwright G. A.* Shekelesh or Shasu? // JEA, 1964. 50. P. 40—46. Дискуссия об этнической принадлежности изображенного в Мединет Абу иноземца связана с тем, что часть приписки оказалась разрушенной. Однако головной убор явно говорит о том, что показан именно *шасу*, *остальная же часть костюма выполнена художником настолько обобщенно* (как и у других пленных на этом рельефе), что судить о нем не представляется возможным. К тому же и разрушенная часть надписи слишком мала, чтобы там могло уместиться слово *шекелеша*.

На примере одежды «морских народов», показанных художниками в сценах боя, мы имеем прежде всего дело с костюмом воина. Недаром, поступая на службу в войска фараона, *шардана* сохранили свою юбку, ее же переняли *шасу* и египетские воины. Шлем же играл особую знаковую роль и остался принадлежностью исключительно *шардана*, так же как головной убор филистимлян и *дануна*.

Важную знаковую функцию головной убор сохраняет и по сей день. Ярким примером может служить отношение к феске. Во многих областях Оттоманской империи ношение фески было весьма желательным, практически обязательным, хотя остальной костюм мог оставаться региональным. С распадом империи и отношение к феске резко изменилось, почти везде она была заменена на местные типы головных уборов, а там, где форма ее сохранилась, шапочку иначе окрашивают и выдают за свой традиционный головной убор [56]. В связи с этим можно вспомнить и употребление современными арабами головных платка и кольца даже в сочетании с современным общемировым костюмом. Такую же роль головной убор играл и в костюме древних народов.

Кроме облегченного военного костюма мы видим у *шасу* и у «народов моря» полный вариант, когда короткая юбка одевается поверх длинной рубашки с длинной юбкой. На керамических табличках видны яркие узорчатые одежды *шасу* и представителей «народов моря».

Завершая исследование одежды кочевых и мигрирующих групп народов Ближнего Востока второй половины II тыс. до н. э., можно заключить, что изучение одежды позволяет судить о многих сторонах жизни народов глубокой древности, об их контактах и взаимовлиянии культур. Одежда была тем ярким «знаком», который позволял отличить *шардана* от *шасу*, *турша* от филистимлянина, в то же время объединяя представителей одной народности. Сотни египетских изображений показали, что на протяжении какого-то периода тот или иной конкретный костюм принадлежал определенной народности и, следовательно, являлся этническим признаком. В то же время можно проследить и взаимовлияние в костюме и его перемены. Строгих канонов, как мы видели, в костюме не было. Тем не менее именно благодаря костюму мы можем узнать на неподписанных изображениях представителей того или другого народа. Пользуясь подобным «ключом», мы можем с большей степенью вероятности определить археологические комплексы, если они донесли изобразительную информацию, а это значительно расширит наши возможности в изучении этногенеза, жизни и быта многих народов.

И. В. Богословская

LE COSTUME DES PEUPLES NOMADES ET MIGRATEURS DU CHANAAN SELON DES IMAGES ÉGYPTIENNES ANCIENNES DES XIVe—XIIe SS. AV. N. È.

(Essai d'ethnologie historique)

I. V. Bogoslovskaja

A partir de la première moitié de la XVIIIe dynastie, les sources mentionnent des nomades de langue sémitique, les *Šasu*, et tout ce que nous savons sur eux provient d'Egypte. Les reliefs des temples et les tablettes glaçurées de Medinet Abu, Kantir, Karnak et Lou-

[56] *Al. Jadir W., Al-Azzawi Dh.* Les vêtements populaires en Irak. Bagdad, б/г. P. 70—71.

xor nous informent sur ce peuple disparu. Le plus souvent, les *asu* dans les *Š* scènes de bataille sont représentés vêtus d'un costume léger de combat comprenant un pagne et un couvre-chef. Ce dernier était soit un casque, soit un fichu. Compte tenu de toutes les particularités du costume des *Šasu*, on peut le comparer à celui des Arabes du Hadramaout actuel. Sous Ramsès III, les *Šasu* étaient représentés comme faisant partie des troupes du pharaon. Après leurs contacts avec les «peuples marins», les *Šasu* leur empruntent leur robe cousue.

Les reliefs de temples des XIXe et XXe dynasties nous ont préservé des images représentant les «peuples marins». Leurs légendes nous ont appris la façon dont ces peuples indo-européens (c'est incontestable pour une partie d'entre eux) s'appelaient eux-mêmes. Ces images nous ont permis d'étudier les costumes des *Turša*, des *Šardana*, des Philistins, des *Čakarai* et des *Danuna*. Une analyse comparative a révélé qu'à l'exception du couvre-chef, tous les «peuples marins» portaient le même costume, mais les couvre-chef des *Turša*, des *Šardana* et des Philistins, des *Čakarai* et des *Danuna* se distinguaient radicalement. Les Egyptiens distinguaient les Philistins des *Čakarai* et des Danéens. Par conséquent, malgré leur ressemblance, on ne peut pas les considérer comme un même peuple. Les images ont également reflété l'assimilation des Philistins en milieu phénicien. La dernière différence qui subsiste est le couvre-chef. L'importance de l'étude du costume en tant que «signe» ethnique tient au fait qu'il permet d'identifier des sources non-écrites à information iconographique comme appartenant à un peuple déterminé.

Les images des temples égyptiens des XIXe et XXe dynasties nous ont conservé des données sur les nomades *Šasu* qui habitaient le Proche-Orient. Le plus souvent leur costume de guerre comprend un pagne, un casque ou turban et une chemise. Parfois les *Šasu* se bandaient la poitrine en créant une espèce de «cuirasse». La comparaison du costume des *Šasu* avec le costume des Arabes d'Arabie méridionale a prouvé leur identité.

Le costume des «peuples marins» est représenté sur les mêmes monuments.

КРЕПОСТИ МИТРИДАТА VI ЕВПАТОРА В КОЛХИДЕ

Среди вопросов, связанных с владычеством Митридата VI в Колхиде, одно из важных мест занимает проблема обеспечения завоевателями господства над этой присоединенной к Понтийскому царству территорией [1]. Мы располагаем одним, к тому же недостаточно ясным, свидетельством Страбона (XII.3.28): «Митридат проявлял столь большую заботу об этих областях (Малая Армения, Софена, Колхида.— *Т. Т.*), что построил там 75 укреплений, где и хранил большую часть своих богатств». Далее Страбон называет четыре из этих укреплений: Гидара, Басгедариза, Синория, Дастир, отмечая, что в них хранилась царская казна. Трудно себе представить, что казна была помещена и в оставшихся 71 укреплении, и в том числе в Колхиде. Очевидно, слова Страбона следует понимать в том смысле, что Митридат позаботился о сооружении 75 крепостей, часть которых была использована в качестве казнохранилищ. Именно

[1] В современной литературе речь идет об экономических факторах владычества Митридата (см. *Шелов Д. Б.* Колхида в системе Понтийской державы Митридата VI // ВДИ. 1980. № 3. С. 40), а не о военно-политическом обеспечении этого господства.

в этом смысле понимают свидетельство Страбона некоторые современные исследователи истории Колхиды [2].

Строительство большого числа крепостей в завоеванной стране, по всей видимости, указывает на то, что Митридат должен был считаться с возможностью сопротивления населения то в одном, то в другом регионе. Если бы мы знали расположение этих крепостей во всей Колхиде, мы бы имели представление о наболее «горячих» районах этой страны. Однако, к сожалению, археологическими исследованиями с уверенностью установлены лишь две опорные точки понтийского владычества в Колхиде: это Эшерское городище в приморской части близ г. Сухуми и Вани во внутренней части Западной Грузии. Разумеется, это не значит, что в Колхиде было всего две понтийские крепости, а остальные 73 находились в Малой Армении и Софене. Напротив, Колхида в системе Понтийского царства имела столь важное значение, что значительная часть этих крепостей, опорных пунктов Митридата должна была находиться именно там. Также нет оснований полагать, что Страбон ошибся и преувеличил число крепостей или отнес к их числу старые крепости [3].

Отсутствие нескольких десятков пунктов понтийского владычества в Колхиде, как мы думаем, результат того, что Колхида в археологическом отношении, кроме небольшого участка, изучена недостаточно. Остаются совершенно неизвестными археологические памятники Рионской низменности, где находился невыявленный археологами Фасис. Именно здесь, в устье Риони-Фасиса и в устьях впадающих в Фасис рек, вероятно, могут быть обнаружены понтийские крепости. Надо думать, что использование аэрофотосъемки и глубокий зондаж позволят их выявить. Очевидно также, что эти крепости следует искать в горных районах, отделявших Колхиду от мест обитания таких племен, как ахейцы и гениохи (Strabo. XI.2. 12). Мы это заключаем на том основании, что Митридату дважды приходилось бороться с этими племенами и однажды в борьбе с ахейцами он потерял две трети своей армии (App. Mithr. 67).

Надо думать, что начальников понтийских гарнизонов в Колхиде беспокоила не только возможность набегов горцев на Колхиду с целью грабежа, но и оказание ими помощи восставшим. В этом отношении знаменательно, что поход Митридата против ахейцев был предпринят после подавления восстания колхов или войны с колхами, как об этом говорит Аппиан (Mithr. 64). Таким образом, горные крепости Митридата должны были иметь целью удержание Колхиды как одного из наиболее богатых и стратегически важных владений Митридата.

Некоторые крепости, возможно, находились в горах над Сурамским перевалом, связывающим Колхиду с Иберией. Хотя Митридат VI заключил мирный договор с царем иберов (Memn., XV. 34), он не мог полагаться на его верность. Здесь следует остановиться на известии Страбона о колхском укреплении Сарапаны. В одном месте (XI.2.17) Страбон указывает, что Фасис был судоходен до Сарапан, в другом же (XI.3.4) — что путь в Иберию ведет через колхское укрепление Сарапаны. Свидетельство Страбона, на наш взгляд, не дает основания утверждать, что Сарапаны находились на границе между Иберией и Колхидой [4], поскольку

[2] *Лордкипанидзе Г. А.* К истории древней Колхиды. Тбилиси, 1970. С. 25. Основываясь на свидетельстве Страбона, многие историки считают крепостью Митридата VI в Колхиде Вани: *Хоштария Н. В.* Археологические раскопки в Вани // КБВС. 1962. II. С. 68 сл.; *Инадзе М. П.* К вопросу о влиянии эллинизма в странах Закавказья // Проблемы античной истории и культуры. I. Ереван, 1979. С. 111.

[3] Ср. *Лордкипанидзе.* Ук. соч. С. 25.

[4] Ср. *Лордкипанидзе.* Ук. соч. С. 31.

само его свидетельство (в частности, сведения о том, что корабли с моря могли доходить до Сарапан) действительно исключает возможность локализации его на границе между Иберией и Колхидой, «прегражденной скалами, крепостями и бурными реками». Под крепостями в данном случае имеются в виду не Сарапаны, а иные пограничные укрепления, названия которых Страбон не указывает. На наш взгляд, совершенно прав Н. Ю. Ломоури, отождествляющий Сарапаны с современным Шорапани, находящимся на значительном удалении от гор, отделяющих Колхиду от Иберии [5]. Надо думать, что именно эти пограничные крепости помешали римлянам после их победы над иберами сразу же проникнуть в Колхиду и дали возможность Митридату спокойно провести зиму в Диоскуриаде (App. Mithr. 101). Только после появления у побережья Колхиды римского флота Митридат вынужден был с остатками своей армии направиться к перевалам Центрального Кавказа и силой пробиваться в Пантикапей.

До открытия крепостей Митридата на территории Колхиды мы можем опираться лишь на данные двух фортификационных сооружений — Эшерского городища и Вани [6]. Показательно само местоположение Эшерского городища: оно находилось в 10 км к северу от Диоскуриады и защищало непосредственно подступы к этому крупному городу со стороны побережья. Эшерское городище по археологическим материалам относится к VI—I вв. до н. э., однако фортификация в нем появляется как раз в годы захвата Колхиды Митридатом.

Оборонительные сооружения Эшерского городища представляли собой крепостные стены, сложенные из сырцовых кирпичей и камня (рис. 1). Обнаружены прямоугольные фундаменты восьми башен, нижние части их — это дикие валуны и известняковые квадры вторичного использования. Вход в крепость, по всей видимости, осуществлялся через калитки слева от башен. Перед стеной находился ров глубиной до 1,5 м и шириной 6 м[7].

Время и обстоятельства разрушения укреплений Эшерского городища, как и самого городища, представляют предмет дискуссии. На наш взгляд, могут быть предложены три варианта, два из которых находят подкрепление в античной традиции. Их гибель могла произойти в результате действий Митридата во время подавления восстания колхов в 85—83 гг. до н.э., захвативших городище [8]. Разрушить его могли также Фарнак и Митридат Пергамский, захватившие безымянную понтийскую крепость в середине I в. до н. э. Ю. Н. Воронов предлагает еще одну версию, не находящую, на наш взгляд, подтверждений в традиции. На основании обнаружения при раскопках стены нескольких стрел, которые он считает сванскими, а также опираясь на свидетельство Страбона (XI.2.19) о том, что сваны употребляли яды для наконечников стрел, он постулирует захват крепости во время набега сванов [9].

---

[5] *Ломоури Н. Ю.* Из исторической географии древней Колхиды // ВДИ, 1957. № 4. С. 109. Карта на с. 101.

[6] *Толстиков В. П.* Эллинистические элементы в фортификационных системах Боспора // Причерноморье в эпоху эллинизма. Тбилиси, 1985. С. 360.

[7] Описание фортификации Эшерского городища см. в работах: *Шамба Г. К.* Эшерское городище. Тбилиси, 1980. С. 12 сл.; *Воронов Ю. Н.* Диоскуриада, Себастополис, Цхум. М., 1980. С. 74 сл. В публикации Г. К. Шамбы содержатся описания трех башен, сведения о восьми башнях — личное сообщение археолога.

[8] *App.* Mithr. 64. Судя по изложению событий, восстание против Митридата произошло до низвержения коварно захваченного им в плен Митридата Младшего.

[9] *Воронов.* Ук. соч. С. 76.

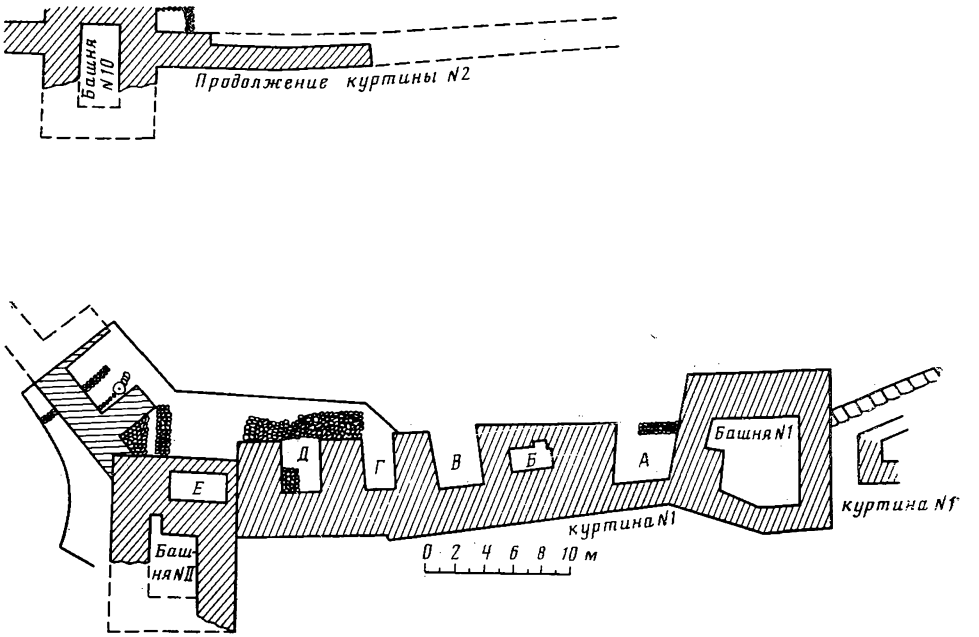

Рис. 1. План укреплений Эшерского городища.

Прежде всего следует заметить, что стрелы, вонзившиеся в стену Эшерского городища, менее всего приспособлены для их использования как ядовитых. С помощью отравленных стрел можно было бороться против незащищенного противника. Использование их при осаде или во время штурма крепости едва ли мыслимо. Стенам отравленные стрелы не могли причинить никакого вреда, а если пускать их через стену, то попадание мало вероятно. К тому же, если допустить, что перед нами те самые наконечники, о которых говорит Страбон, у нас нет основания считать их сванскими. В Сванетии подобных стрел не найдено. Нападение сванов на безымянную крепость Митридата на месте современной Эшеры маловероятно еще и потому, что в источниках нет данных о вражде сванов с колхами или об их участии в восстании колхов против Митридата. И, наконец, находка ядра у стены Эшерского городища [10] — еще одно доказательство того, что событие, в результате которого оно погибло, не было связано с осадой его сванскими племенами поскольку они, как и другие горцы, вообще не были вооружены метательными машинами. Таким образом, мы исключаем версию Ю. Н. Воронова о разрушении крепостных сооружений Эшеры сванами.

Итак, у нас остается лишь две вышеприведенных версии. Из них более реальной кажется та, согласно которой фортификационное сооружение Эшеры было разрушено во время похода Фарнака или Митридата Пергамского. Доказательством этого служит одно указание Страбона. Он рассказывает, что находившееся в Колхиде святилище Левкотеи, некогда богатое, «было ограблено Фарнаком и несколько позднее Митридатом Пергамским. Ибо, по словам Еврипида, после разорения страны, „страдает божество, не жаждет поклонения“» (Strabo. XI.2.17). Контекст явно указывает на то, что речь идет не только о разграблении самого храма

[10] *Шамба.* Ук. соч. С. 60.

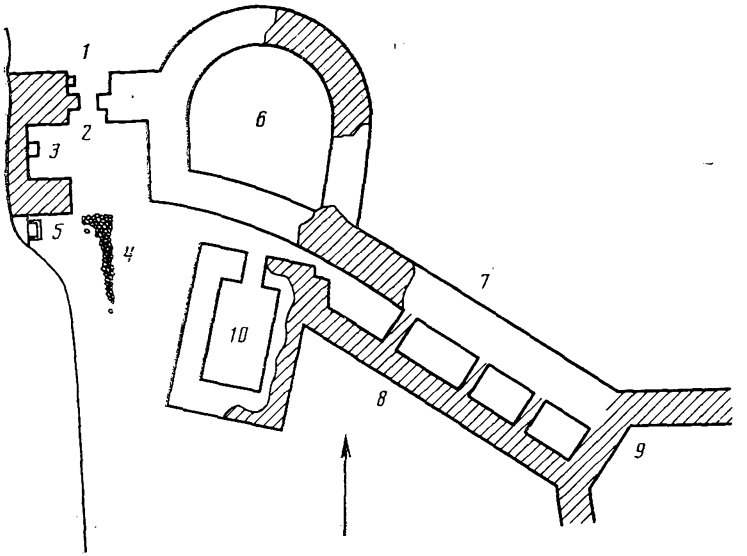

Рис. 2. План укреплений Ванского городища: *1* — катаракта; *2* — калитка; *3* — привратное сооружение с алтарем; *4* — мостовая; *5* — жертвенник; *6* — полукруглая башня; *7* — оборонительная стена (первая линия); *8* — оборонительная стена (вторая линия); *9* — многогранная башня; *10* — казарма.

и хранящихся в нем ценностей, а скорее всей страны. Это подтверждается такими словами Страбона, которыми он характеризует совершившееся: κακωθείσης γὰρ χώρας — «страна опустошена», что дает основание приурочить его разрушение ко времени вторжения Фарнака или Митридата Пергамского.

К числу городов, укрепленных Митридатом VI, принадлежит и другой безымянный центр, находящийся на территории современного районного центра Вани. Местоположение этого городища в междуречье Сулори и Риони давало ему господствующее положение над плодородным и важным в стратегическом отношении районом Колхиды. Наличие здесь древнего, возможно, почитаемого всеми колхами святилища могло обеспечить ему роль центра сепаратистского движения. Этим хорошо объясняется, почему Митридат (или его наместник) позаботился об укреплении этого поселения. Город-крепость Вани обладал хорошо продуманной системой укреплений (рис. 2). Он располагался на треугольном холме площадью в 12 га, при этом был выгодно использован естественный рельеф: крепостные стены из сырцового кирпича на каменном цоколе проходили по обрывам сравнительно глубоких ущелий. Толщина стены в среднем 2,7 м. На север выходили городские ворота, сложенные из квадов размером 50 × 50 × 30 см. Фасадная сторона состоит из рустованных прямоугольных блоков. Пространство, образованное панцирями, заполнено забутовкой, обладающей амортизирующими противотаранными свойствами [11]. Ворота с востока фланкируются полукруглой башней, радиус которой 6 м. Кладка стен у ворот типично эллинистическая и может быть датирована III в. до н.э., но стены вдоль оврагов сложены по системе, анало-

[11] Витрувий, опирающийся на эллинистическую практику фортификации, придает забутовке большое значение (Archit. II. 8.3).

гичной эшерским, и датируются, как и те, II—I вв. до н.э.[12] Таким образом, надо думать, что при Митридате крепость была расширена и укреплена.

О. Д. Лордкипанидзе называет Вани храмовым городом[13], это может навести на мысль, что он не обладал военно-политическими функциями. Однако мощная система укреплений говорит о том, что Вани должен был использоваться и как стратегический территориальный центр. Нельзя не согласиться с Д. Б. Шеловым в том, что храмы не могли служить препятствием для размещения там отряда понтийцев[14]. Помимо храмов у городской стены обнаружен каменный фундамент удлиненного здания, стены которого были сложены из сырцового кирпича, а крыша покрыта черепицей. Поскольку в Херсонесе в нескольких шагах от ворот раскопано здание, условно называемое «казармой», некоторые исследователи также называют удлиненное строение в Вани «казармой»[15].

В последние годы в научной литературе разрушение крепости в Вани все чаще стали связывать с походом в Колхиду Помпея. Еще Н. В. Хоштария высказала предположение, что Митридат VI, бежав в Колхиду, укрепил город в Вани. Разрушен же он был Помпеем на заключительном этапе борьбы Митридата с Римом, во время похода Помпея в Колхиду[16]. Эту гипотезу разделяет и Г. А. Лордкипанидзе, пытающийся подкрепить свое мнение двумя фактами: *1*) в Вани было найдено оружие, напоминающее римский пилум, и *2*) в прошлом веке случайно (вне культурных слоев) обнаружена бронзовая фигурка орла с чуть раскрытыми крыльями высотой 8 см[17], которую исследователь определяет как легионный знак aquila[18]. Поскольку на этих находках строится концепция о разрушении колхской крепости на р. Сулори римлянами, необходимо разобраться в этом вопросе.

Прежде всего следует выяснить, действительно ли названный миниатюрный бронзовый орел мог быть грозным символом римской армии. В специальной литературе указывается[19], что римские легионные орлы имели широко распростертые крылья и их высота составляла 14,5—18 см. Так, например, высота фигурки орла из Перриха (Рейнская область) — 18 см, ширина —10,5 см, т. е. он вдвое больше орла из Вани[20]. Это естественно, поскольку предполагалось, что орел во время марша должен быть достаточно хорошо виден всему легиону. Однако существует мнение, что небольшие фигурки орлов были значками манипулов и преторий. В отличие от легионных орлов они имеют сомкнутые крылья и высота их в современном состоянии —10,5 см[21]. Таким образом, ни по размерам, ни по форме орел из Вани не похож и на aquila римского манипула. Следует отметить, что бронзовые фигурки орлов с чуть раскрытыми или широко распростертыми крыльями были неоднократно обнаружены в Вани в слоях II в. до н. э.[22].

---

[12] *Лордкипанидзе О. Д.* Город-храм Колхиды. М., 1978. С. 60.

[13] *Он же.* Древняя Колхида. Тбилиси. 1979. С. 199 сл.

[14] *Шелов.* Ук. соч. С. 36.

[15] *Лордкипанидзе Г. А.* Ук. соч. С. 32.

[16] *Хоштария Н. В.* Археологические исследования в Вани и в Ванском районе в 1952 г. // МАГК. 1959. Т. II. С. 151 сл.

[17] *Такайшвили Э.* Археологические путешествия и заметки. I. Коллекция Кавказского музея. Т. V. Археология. Тифлис, 1902. С. 1519.

[18] *Лордкипанидзе Г. А.* Ук. соч. С. 32 сл.

[19] *Horn H. G.* Ein römischer Bronzeadler // JRGZ. 1974. 19. S. 63 f.; *Palazzi E.* Dizionario illustrato di mitologia e antichita classiche. Roma, 1960. P. 264.

[20] *Horn.* Op. cit. S. 69.

[21] Ibid. S. 73f.

[22] *Лордкипанидзе О. Д.* Древняя Колхида. С. 203. Рис. 61; сб. Вани I. Тбилиси, 1972 (на груз. яз. с русск. рез.). С. 178. Рис. 135—137.

Схожие фигурки орлов были найдены и в других местах Причерноморья. Так, например, в Пантикапее, на южном склоне горы Митридат, была обнаружена бронзовая фигурка орла со сложенными крыльями [23], слегка напоминающая ванских орлов. Все это вполне естественно, поскольку орел благодаря своему величавому виду и красоте с глубокой древности вплоть до христианского средневековья пользовался необычайной популярностью. В греко-римских верованиях орел отождествлялся с властелином небес [24]. В странах древнего Востока он считался королевской птицей [25]. В Западной Грузии орел олицетворял верховное божество плодородия, владыку неба, связанного с солнцем [26].

Возникает вопрос о происхождении орла, найденного в Вани. Можно предполагать, что статуэтка имеет колхское происхождение: поворот головы этой птицы на местных кувшинах и колокольчиках [27] несколько напоминает тот, какой мы видим у орла из Вани. Так или иначе, но с уверенностью можно утверждать, что это не римский орел.

Что же касается вышеупомянутых образцов римского оружия, обнаруженных при раскопках в Вани, то они, по-видимому, принадлежали осаждавшему город врагу, а не гарнизону города, поскольку это единственный случай находки подобного рода в Колхиде. Тем не менее наконечник тарана оставлен скорее всего не армией Помпея; он не связан с гибелью городища в I в. до н. э., а относится к концу II в. до н. э. [28], что по времени совпадает с нашествием на Колхиду Митридата VI. Поэтому не исключено, что наконечник тарана [29] оставлен войском Митридата, которое, вероятно, вело военные действия против гарнизона Вани. Подтверждением этому может послужить и тот факт, что следы разрушений, относящиеся к концу II в. до н. э., засвидетельствованы на разных участках Ванского городища [30] и, на наш взгляд, связаны с военными действиями, которые предпринял Митридат VI для покорения Колхиды. Правда, как правильно отмечает О. Д. Лордкипанидзе, в Вани на рубеже II—I вв. до н. э. не зафиксировано следов какого-либо большого сражения [31], однако это можно объяснить тем, что город, по-видимому, не оказал царю Понта серьезного сопротивления и сдался вскоре после первых же штурмов.

Мнение о разрушении Вани римлянами опровергает и сама военно-политическая ситуация, сложившаяся в Колхиде после отступления оттуда Митридата и ввода в страну римских войск. Ни один из источников не упоминает об ожесточенных боях. Согласно Флору, Помпей заставил царя

---

[23] *Веселов В. В.* Археологические разведки в Восточной части Керченского полуострова // СА. 1959. XXIX—XXX. С. 244. Рис. 27.

[24] *Wilke G. W.* Der Weltbaum und die beiden kosmischen Vögel in der vorgeschichtlichen Kunst // ZFV. 1922. Bd 14. Ht 1/2. S. 73 f.

[25] *Keller O.* Die antike Tierwelt. Lpz, 1909. S. 2 f.

[26] Подробно мифологическая роль орла в западногрузинской традиции будет рассмотрена в другой подготавливаемой нами работе.

[27] *Каландадзе А. Н.* Археологические раскопки Сухумской горы. Сухуми, 1954. С. 58. Рис. 23; *Лордкипанидзе Г. А.* Колхида в VI—II вв. до н. э. Тбилиси, 1978. С. 121. Табл. XVII, *1*.

[28] Наконечник был найден в 200 м к юго-западу от городских ворот, в развалинах здания, разрушенного в конце II в. до н. э. (см. сб. Вани I. С. 173. Рис. 127).

[29] Правда, наконечник тарана напоминает римский пилум, однако не исключено, что подобным же оружием пользовались и войска Митридата. Это подтверждается сведением Аппиана о том, что армия Митридата Евпатора строилась и вооружалась по римскому образцу (Mithr. 87, 107, 108).

[30] Сб. Вани I. С. 157 сл.

[31] *Лордкипанидзе О. Д.* Ванское городище: раскопки, история, проблемы // Вани III. Тбилиси, 1977 (на груз. яз. с русск. рез.). С. 24.

колхов Орхоза спуститься с Кавказа (Flor. I. 40. 28). Дион Кассий (XXXVII. 3. 2) также ничего не говорит о сопротивлении, оказанном Помпею в Колхиде, и лишь сообщает о применении дипломатии и силы, а сообщение о том, что в числе пленников оказался царь, скорее свидетельствует о тщеславии Помпея, решившего усилить свой триумф над колхами и выдавшего какого-либо колхского скептуха за царя.

Резюмируя все вышеизложенное, можно утверждать, что древний Вани едва ли был взят римлянами. Однако в этом случае опять-таки возникает вопрос: когда же могло произойти разрушение Вани и его фортификационных сооружений? Как уже отмечалось, первое разрушение произошло в конце II в. до н. э., во время аннексии Колхиды Митридатом VI, когда были разрушены некоторые здания и оборонительные стены города, но тем не менее нашествие Митридата не нанесло Вани существенного ущерба. Отдельные разрушенные участки города сразу были восстановлены, более того, на рубеже II—I вв. до н. э. в Вани проводились интенсивные строительные работы: строились новые храмы, возводилась целая система общественных и оборонительных сооружений [32] и т. д. Однако длилось это недолго. В середине I в. до н. э. за небольшой промежуток времени город был сильно разрушен дважды — сначала во время вторжения в Колхиду Фарнака II (примерно в 49 г. до н. э.), а затем Митридата Пергамского [33] (в 47 г. до н. э.). Отчетливые следы этого двукратного разрушения были выявлены при раскопках городища. Так, во время первого нашествия были разрушены городские ворота и святилище с мозаичным полом, а также ступенчатый алтарь. Повсюду видны следы сильного пожара и разрушения: снесенные до основания стены, обожженные черепицы и обугленные деревянные балки [34]. После этого жизнь продолжалась на центральной террасе, которая поспешно была обнесена крепостной стеной, но вскоре город опять подвергся сильному разрушению, после чего вообще прекратил свое существование.

Таким образом, крепости Колхиды, входившие в сеть фортификационных сооружений Понтийского царства, имели важное значение для обеспечения власти Митридата VI в Восточном Причерноморье.

Т. Т. Тодуа

LES FORTERESSES DE MITHRIDATE EUPATOR EN COLCHIDE

T. T. Todua

Parmi les questions que suscite la période où la Colchide fut soumise à Mithridate VI, une des plus importantes est de savoir comment les conquérants ont maintenu sous leur tutelle ce territoire rattaché au Royaume pontique. Des fouilles archéologiques ont révélé l'existence de deux places fortes sur lesquelles s'est appuyée la domination pontique de la Colchide: le lieu-fort d'Ešer au bord de la mer et Vani à l'intérieur de la Géorgie occidentale. Les forts d'Ešer et de Vani se composaient de murailles bâties de briques crues et de pierre et dotées d'un système mûrement réfléchi de fortifications. Vani et ses fortifications furent partiellement détruits à la fin du IIe s. av. n. è., lors de l'annexion de la Colchide par Mithridate VI, et au milieu du Ier s. av. n. è. la ville fut par deux fois sérieusement détruite à peu d'intervalle, d'abord pendant la campagne de Pharnace, puis par Mithridate VII de Pergame. La destruction de la place forte d'Ešer s'est produite lors d'une de ces campagnes.

[32] Сб. Вани I. С. 176 сл.

[33] Подробно о событиях, связанных с этими походами, см. *Ломоури Н. Ю.* Грузино-римские взаимоотношения. Ч. I. Политические взаимоотношения. Тбилиси, 1981. С. 121 сл.

[34] *Лордкипанидзе О. Д.* Древняя Колхида. С. 214 сл.

К ОЛЬВИЙСКОЙ НАДПИСИ IOSPE.I².38

В 1913 г. Б. В. Фармаковский обнаружил при раскопках Ольвии фрагмент мраморной плиты, который был доставлен в Археологическую комиссию в Петербург. Он представляет собой левый угол большой надписи, от которой сохранилось только 10 строк. С правой стороны внизу плита сколота более чем на половину текста. В настоящее время она хранится в Гос. Эрмитаже (инв. ГЭ № А 1101). Камень с надписью — вторичного использования. На нижнем его торце окантовка в виде прямой линии из ов. Оборотная сторона и нижняя часть под окантовкой гладко отесаны. Верхняя половина торца до окантовки преднамеренно сбита, но по остаткам рельефа заметно, что он представлял собой украшение в виде лесбийского киматия. Первоначально камень, вероятно, использовался как карниз здания. Толщина камня —14,5 см, до окантовки из ов она составляет 6,7 см, под окантовкой —6 см, ширина —0,5 м, высота —0,48 м, высота букв —1,5 см. После восьмой строки текста свободное пространство в 8,5 см и далее остатки еще двух строк текста, представляющего собой titulus dedicatorius. Поверхность плиты гладко отполирована, но это хорошо заметно только до стк. 8, далее же полировка едва прослеживается. Поэтому сохранность двух последних строк плохая. К тому же в отличие от остального текста они вырезаны на некотором искусственном возвышении, образовавшемся во время использования плиты как архитектурной детали (рис. 1).

В. В. Латышев, издавший документ в IOSPE. I ². 38, указал, что в его тексте между сткк. 8—9 якобы какое-то повреждение, которого на самом деле нет, в чем мы убедились при осмотре плиты. В. В. Латышев усомнился также в принадлежности посвящения основному тексту, считая, что оно может относиться к другой надписи, вырезанной на плите ранее. Привожу полное восстановление В. В. Латышева:

1 [. . . . . δεδόχθαι τῇ βουλῇ καὶ τῷ δήμῳ ἐπαινέσαι] αὐτὸ[ν ἐπὶ τούτοις καὶ στεφανῶσαι χρυσῷ στεφάνῳ, τοῦ κή]ρυκος ἀ[ναγορεύοντος, ὅτι ὁ δῆμος στεφανοῖ Κότυν
5 Ἀσπ]ούργου β[ασιλέα μέγαν Βοσπόρου φιλοκαίσαρα καὶ φι]λόπατριν ἀ[ρετῆς ἕνεκεν καὶ εὐνοίας (?) τῆς εἰς αὐ]τόν· ἀνα[τε]θῆ[ναι δὲ τὸ ψήφισμα τοῦτο ἐν τῷ ἐπισημο]τάτῳ τῆς πόλεως [τόπῳ . . . . . .
. . . .]μένου εἰς προτροπὴν [τῶν ἀναγινωσκόντων?]

VACAT

[Σ]ωκράτης Σω[κ]ρά[τ]ο[υ . . . . . .]
[τῷ] ἰδ[ί]ῳ αδελφῷ ἀνέ[θηκεν μνήμης χάριν?]

Издатель высказал предположение, что декрет поставлен в честь боспорского царя Котиса I (45—62 гг. н. э.). «К сожалению,— заключает В. В. Латышев,— плохая сохранность документа не позволяет говорить, за что ольвиополиты увенчали царя соседнего государства».

На основании предложенного В. В. Латышевым восстановления был высказан ряд гипотез относительно положения Ольвии в первой половине I в.н.э.[1] Выдвигалось предположение, что римские власти пытались связать Ольвию оборонительным союзом с Боспором, направленным против скифов [2]. Постулировалось также мнение, что Ольвия и Херсонес

[1] Чтение В. В. Латышева приняла Т. Н. Книпович (Греческое лапидарное письмо в памятниках Ольвии // НЭ. 1966. VI. С. 11).

[2] *Гайдукевич В. Ф.* История античных городов Северного Причерноморья // Античные города Северного Причерноморья. М.— Л., 1955. С. 61.

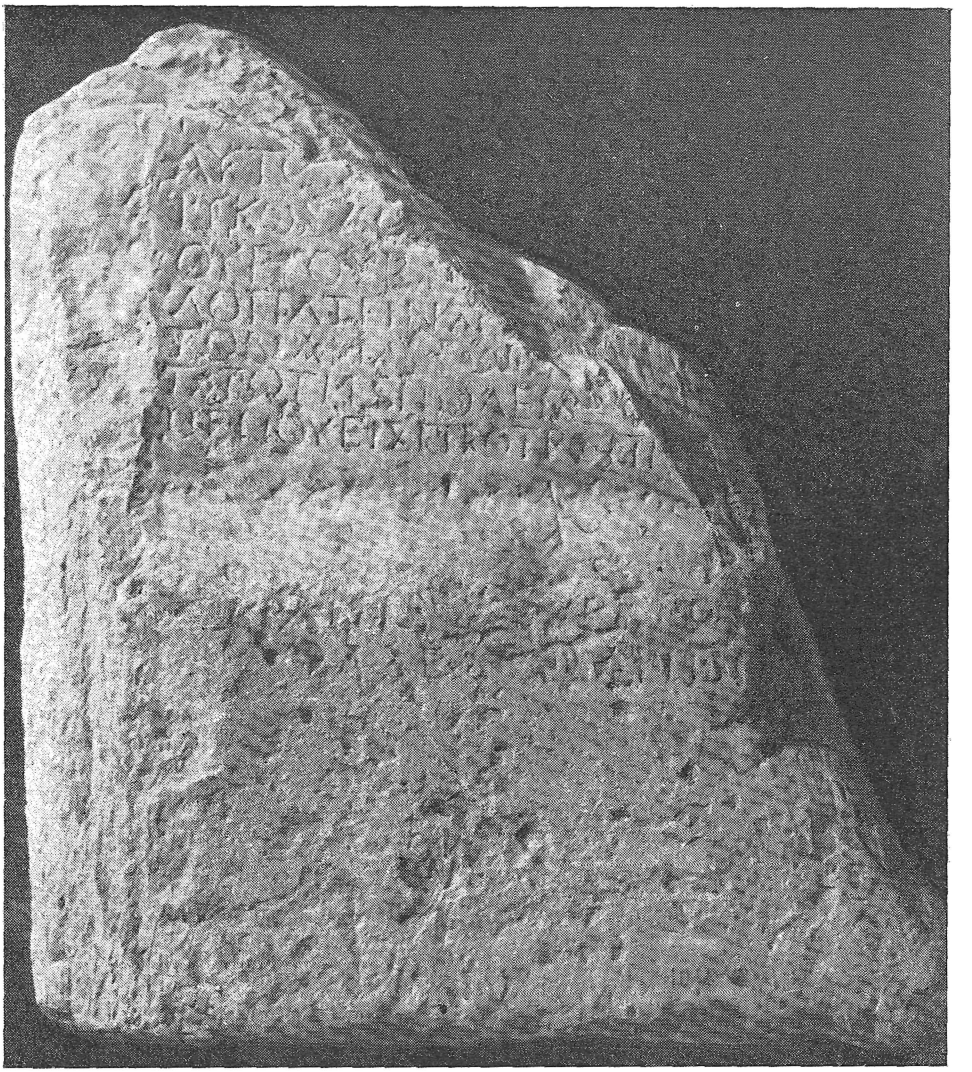

Рис. 1. Фрагмент декрета из Ольвии первой половины II в. н. э.

могли принимать активное участие на стороне Рима в его конфликте с Боспором при Митридате III(VIII) в 45 г. н. э., в результате чего римское влияние в городе усилилось и там была принята новая городская эра (46 г. н. э.) [3]. И только П. О. Карышковский указал, что данная надпись не может относиться к Котису I, поскольку в его титулатуре не было эпитета φιλόπατρις «любящий отечество», отчетливо читающегося на камне. Данный факт, по его мнению, говорит о том, что надпись поставлена в честь другого боспорского царя, Митридата III, также сына Аспурга, в титулатуре которого этот эпитет засвидетельствован и имел ярко выраженную антиримскую направленность [4]. Этот властитель известен своей непокор-

[3] *Анохин В. А.* К вопросу об ольвийской эре // НСф. 1971. № 4. С. 90 сл.
[4] *Болтунова А. И.* К надписи IOSPE II, 400 // ВДИ. 1954. № 1. С. 176.

ностью римлянам, он стремился проводить независимую политику [5]. В этой связи П. О. Карышковский предполагает, что Ольвия в 40-х гг. I в. находилась на стороне Боспора и ее отношения с Римом были весьма натянутыми [6]. Таким образом, от интерпретации надписи IOSPE. I [2]. 38 зависят наши представления о внешнеполитических позициях Ольвийского полиса в эпоху ранней Римской империи, его отношениях с соседними государствами. Это тем более важно, что в нашем распоряжении крайне мало эпиграфического материала, проливающего свет на эти вопросы [7].

Однако истолкование надписи IOSPE. I [2].38 как декрета в честь боспорского царя вызывает серьезные сомнения по следующим причинам.

I. Ввиду того что все исследователи, касавшиеся надписи, опирались на восстановление В. В. Латышева, считаем уместным остановиться на расположении букв в строках. В. В. Латышев исходил из того, что с левой стороны камня повреждение — лакуна в размере 1—3 букв. Однако это относится только к посвятительной части надписи. Что до основного текста, то там никаких повреждений и сколов нет. С левой стороны текст сохранился полностью — отбита только крайняя левая часть плиты, вероятно бордюр, сам же текст не пострадал. Странно, что В. В. Латышев не заметил такой важной детали. В связи с этим должна измениться общая композиция текста при восстановлении. Все читаемые на камне буквы — начальные в соответствующих строках. Это показывает, что строки в большинстве начинались не с полных слов, а с середины или заключительных слогов, по правилам силлабического переноса; исключение составляет лишь стк. 1.

Для правильного чтения и истолкования памятника решающее значение имеет палеография, и прежде всего соотношение шрифтов постановления и посвящения (стк. 9—10). Палеография обеих частей тождественна; следовательно, они относятся к одной надписи. В целом шрифт своеобразен, бросается в глаза неустоявшаяся манера письма. Отдельные буквы, например, *сигма*, *тау*, *пи*, *омега*, *ро*, имеют несколько вариантов написания. Для одних характерно апицирование, для других нет. *Альфа*, *дельта*, *лямбда* имеют выступающие кверху окончания боковых гаст, что свойственно ольвийским лапидарным надписям I в. и конца I — II в.н.э. На Боспоре подобное написание засвидетельствовано только в I в. (время Аспурга), а также на рубеже I—II вв. н. э. *Бета* с недоходящими до вертикальной гасты окружностями (нижняя окружность чуть скошена) встречается в памятниках Ольвии первой половины I в. (IOSPE. I [2].48, 181), а на Боспоре держится с начала столетия до первых десятилетий II в. *Эпсилон*, *эта*, *тета* с черточкой в качестве поперечной гасты встре-

---

[5] *Tac.* Ann. XII. 15—21; *Plin.* VI. 16—17; FHG. IV. S. 185. Fr. 3; *Plut.* Galba. 13.15). О политике Митридата III см. *Gajdukevič V. F.* Das Bosporanische Reich. Berlin — Amsterdam, 1971. S. 341—343; *Блаватский В. Д.* Античная археология и история. М., 1985. С. 228—230; о монетах царя см. *Фролова Н. А.* О времени правления Гипепирии и Митридата III // ВДИ. 1977. № 3. С. 166—174; о политике римлян по отношению к царю см. *Шелов Д. Б.* Римляне в Северном Причерноморье // ВДИ. 1981. № 4. С. 53.

[6] *Карышковский П. О.* О монетах царя Фарзоя // Археологические памятники Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1982. С. 75. Прим. 32; *он же.* Ольвия и Рим в I в. н. э. // Памятники римского и средневекового времени в Северо-Западном Причерноморье. Киев, 1982. С. 24. Прим. 35.

[7] IOSPE.I[2].48 с дополнениями Ю. Г. Виноградова (О методике обработки греческих эпиграфических памятников (По ольвийским материалам) // Методика изучения древнейших источников по истории народов СССР. М., 1978. С. 60—63). IOSPE.I[2].79 — декрет Византия в честь ольвиополита Оронта, сына Абаба.

чаются в боспорской эпиграфике на рубеже I—II вв. н. э. Эпсилон с равновеликими поперечными гастами характерен для Ольвии на рубеже н. э. Поражает разнообразие форм *омеги*, находящих параллели как в I в., так и во II в. н. э. *Сигма* с перекрестием косых гаст с выступающими концами засвидетельствована только для I в. н. э. на Боспоре, а в Ольвии иногда встречается в самом начале II в. Из всех букв надписи только *мю* имеет твердое написание, характерное для II в. В некоторых чертах шрифт надписи сближается с исторически датированным памятником из Истрии — фрагментом надписи, в котором говорится о том, что некий Папас, сын Теопомпа, возвел на собственные средства храм Августу. Эта надпись датируется началом I в.н.э. [8] Поскольку некоторые формы букв нашей надписи находят немало аналогий в указанной истрийской надписи и в лапидарных памятниках Боспора и Ольвии I—II вв. н. э. [9], то вполне вероятно, что ольвийская надпись IOSPE. I [2].38 могла быть поставлена либо на рубеже I—II вв., либо в первой половине II в. н. э. За это говорят неустоявшиеся формы букв, свойственные I—II вв. н. э. Поэтому ольвийскую надпись вряд ли уместно трактовать как декрет в честь боспорского царя, тем более такого, как Митридат III. Ведь после 45 г. н. э. он находился в опале и жил в Риме до 70-х гг. I в. н. э., затем был казнен как один из участников заговора Нимфидия.

II. Сильная фрагментарность не позволяет уверенно восстанавливать в декрете ни имя Котиса I, ни имя его брата Митридата III. Сочетание [Ἀσπ]ούργου βα[σιλέως. . . .] в стк. 4 не является основанием для трактовки его как патронимика царя, так как могло попасть в декрет по другому поводу. Имя Аспурга в качестве отчества Котиса I не могло стоять в надписи еще и потому, что в боспорских документах, где имя Котиса сопровождается полной титулатурой, включая патронимик, оно всегда сочетается с эпитетом εὐσεβής. Полная титулатура Котиса I известна по надписи КБН 41: [Κότυς] ὁ Ἀσπούρ[γ]ου [β]α[σ]ι[λεὺς φιλόκαισαρ καὶ φιλορώ]μαιος, εὐσεβής, ἀρχιε[ρεὺς τῶν Σεβαστῶν διὰ βίου].

В некоторых документах титулатура царя менее полная. Так, КБН 69; 1124 дают титулы без отчества, но с εὐσεβής, а КБН 42; 958 помещают имя и титул Котиса без традиционных «друг Цезаря и римлян», но с отчеством и обязательно с эпитетом «благочестивый» (εὐσεβής). Следовательно, имя Котиса в официальных надписях непременно сопровождалось патронимиком в сочетании с эпитетом «благочестивый». Если же принять восстановление ольвийской надписи В. В. Латышевым как поставленной в честь Котиса, сына Аспурга, то для традиционного эпитета там не остается места. Данное обстоятельство как будто повышает шансы тех, кто склонен видеть в надписи декрет в честь Митридата III. Однако имя и титул этого царя в боспорской эпиграфике засвидетельствованы лишь однажды (КБН 1123), но без отчества. Хотя факт отцовства Аспурга в отношении Митридата III устанавливается согласно литературной и нумизматической традициям [10], прямого указания на это ни в одном

---

[8] *Pippidi D.* Ein Augustus-Tempel in der Dobrudscha // JÖAI. Bd XLIV. Beibl. S. 230—238.

[9] Образцы шрифтов надписей Ольвии и Боспора римского времени см. *Книпович.* Ук. соч. С. 10. Табл. X; *Болтунова А. И., Книпович Т. Н.* Очерк истории греческого лапидарного письма на Боспоре // НЭ. 1962. III. С. 10. 11. Табл. IV.

[10] *Ростовцев М. И.* Бронзовый бюст боспорской царицы и история Боспора в эпоху Августа // Древности. 1914. Вып. XXV. С. 20, 21; *Орешников А. В.* К нумизматике преемников Аспурга // ИРАИМК. 1921. Т. I. С. 2—8; *Болтунова.* К надписи... С. 173—175; *Фролова.* Ук. соч. С. 168 сл.

из известных мне источников, нет, так что подтверждение предполагаемому сочетанию [. . . . Μιθριδάτην Ἀσπ]ούργου βα[σιλέα κτλ.] найти невозможно. Это также заставляет воздержаться от категорического отождествления надписи с декретом в честь мятежного боспорского царя.

Против того, что в ольвийской надписи могли упоминаться Котис I и Митридат III, свидетельствует и то, что сыновья Аспурга не имели в своей титулатуре эпитета «Великий» (μέγας), а посему восстановление В. В. Латышева в стк. 4 [Κότυν Ἀσπ]ούργου βα[σιλέα μέγαν Βοσπόρου] принять невозможно.

III. Решающий аргумент сторонников отнесения надписи к Митридату III сводится к тому, что в стк. 5 якобы восстанавливается эпитет из титулатуры этого царя [φι]λόπατριν (ср. КБН 1123: Βασιλεύοντος βασιλέως Μιθριδάτου φιλο— — καὶ φιλοπάτριδος, согласно восстановлению А. И. Болтуновой, φιλο[συμμάχου]). Однако прилагательное φιλόπατρις не обязательно должно входить в состав царской титулатуры. В ряде почетных надписей этот термин прилагается к частным лицам: IOSPE. I ². 52: τῇ πόλει φιλόπατρις (Ольвия, декрет в честь Дада, сына Тумбага, II—III вв.); IOSPE. I ². 423: Ἀρίστωνα Ἀττίνα τὸν φιλόπατριν (131—154 гг.н.э., Херсонес Таврический); IOSPE. I ². 425: Δημοκράτην Ἀριστογένους... ἀσύγκ[ρι]τον καὶ φιλόπατριν (Херсонес Таврический, II в.); Mendel G.BCH. 1901. №-208: Πόπλιον Αἴλιον Ὀκταουϊανὸν Τύραννον . . . φιλότειμον καὶ φιλόπατριν (Прусиада на Гипии, II—III вв.); IGB. I ². 281: Προμαθίων φιλόπατρις (Езерово, римское время, музей Одесса). IGR.III.1191 : ἀρχιερέα εὐσεβῆν φιλόπατριν (Сирия, римское время). В царской титулатуре помимо Боспора эпитет «друг отечества» засвидетельствован в Каппадокийском царстве у царя Архелая I [11]. Означенный эпитет часто встречается на монетах Фригии, Лидии и города Филадельфии в качестве характеристики монетариев [12]. Подобный эпитет, как и близкие ему по значению φιλόπολις и φιλόδημος, был распространен в римскую эпоху и нередко давался отдельным лицам, прославившимся перед отечеством [13], так что и этот аргумент сторонников принадлежности надписи Митридату III оказывается уязвимым.

IV. Сохранившееся на камне посвящение Сократа, сына Сократа, своему брату «памяти» ради» должно окончательно развеять все сомнения в отнесении надписи к частному лицу. Этот факт находит подтверждение в другой ольвийский надписи —IOSPE. I ². 39. в честь Карзоаза, сына Аттала: после постановления, за что награждает Карзоаза народ ольвиополитов, говорится, что некий Зорсин, сын Никерата, τὸ ψήφισμα ἀνέστησε Καρζοάζῳ Ἀττάλου μνήμης χάριν. Очевидно, стела была сработана и воздвигнута по инициативе и на средства этого человека, что и вызвало необходимость поместить посвящение после текста самого декрета. Такая практика могла быть вызвана в Ольвии нехваткой средств в городской казне после нападения гетов.

В другой надписи из Ольвии IOSPE. I ². 53 после постановления о награждении следует особая оговорка о посвящении декрета Ахиллу Понтарху. По этому поводу В. В. Латышев предположил, что декрет мог быть поставлен в честь члена коллегии архонтов, которые посвятили его своему покровителю Ахиллу за то, что он даровал им в сочлены столь

[11] Anatolian Studies. 1968. V. 18. P. 99. № 2 — Βασιλέα Ἀρχέλαον φιλόπατριν.

[12] См. *Robert L.* // Studii Clasice. 1967. V. 9. P. 116—119.

[13] Относительно терминов φιλόπατρις (стк. 5) и προτροπή (стк. 8) см.: *Robert L.* Études anatoliennes. P., 1937. P. 134, 135 (декрет из Смирны); *idem.* Hellenica XIII. P. 205—216, 224—226 (Афродисиада). Ср. Bull. Epigr. 1976. 739; *Robert L.* Opera Minora Selecta. V. 1. P. 630—622.

выдающегося мужа [14]. Что касается нашей надписи, то посвящение сделано братом брату, а это резонно вызывает вопрос: как увязать посвящение с постановляющей частью декрета об оказании почестей боспорскому царю? Такое положение, как показывают приведенные выше надписи, противоречит самой практике посвящения ольвийских почетных декретов. Поэтому правильнее будет предположить, что в надписи IOSPE.I².38 речь шла об увенчании частного лица, брата Сократа, сына Сократа, который являлся инициатором постановки надписи. Последнее подтверждается надгробной надписью римского времени из Акче-Шехира (древняя Дия-Диосполь в Вифинии), в которой говорится: Μ. Κοκκήϊος Μαρσικὸς Προυσιεὺς ἀπὸ Ὑπίου ἐτῶν λβ′. Χαρισαμένου τὸν τόπον εἰς τὴν ἐνταφὴν Γ. Λαβερίου Οὐαλεντιανοῦ Μερούλα Ἡρακλεώτου, τὸν βωμὸν ἀνέστησεν Μ. Κοκκήϊος Κορνηλιανὸς Χρηστίων, ὁ ἀδελφός, μνήμης χάριν. Χαίρετε — «Марк Коккей Марсик, уроженец Прусиады на Гипии, прожил 32 года. Гай Лаберий Валентиан Мерула, гераклеот, предоставил место для погребения, Марк Коккей Корнелиан Хрестион, его брат, поставил алтарь памяти ради. Прощайте!» [15].

Брат ставит алтарь брату после смерти. По аналогии с этим, а также ольвийским декретом в честь Карзоаза можно допустить, что и Сократ, сын Сократа, пожелал возвеличить брата после смерти, а посему с обычной для ольвийских декретов этого времени пышностью (ср. IOSPE. I². 39, 40, 42—45, 51, 52, 61 и т.д.) перечислил заслуги его перед отечеством. В этой связи предлагаем дополнить в стк. 10 ἀνέ[στησεν μνήμης χάριν]; ср. IOSPE. I². 39; НО 102.

V. Лексика декрета совпадает с формулировками ряда ольвийских декретов римского времени, изданных в честь частных лиц. Особенно это заметно по сравнению с декретами IOSPE.I².39— в честь Карзоаза,42— в честь Каллисфена, сына Каллисфена, 84— в честь ..... сына Каддина, 52— в честь Дада, сына Тумбага, 61— в честь неизвестного. НО 43 — в честь Гистая, сына Садая. Это позволяет отнести и нашу надпись к группе вышеназванных почетных декретов и на основании близких или тождественных формулировок предложить следующее возможное восстановление:

[. . . . . ὡς ἀχθεσθῆναι πᾶσαν τὴν πόλιν ἐπί]
1 τοι[ούτῳ ἀνδρί· δι'ἃ δὴ δεδόχθαι τῇ βουλῇ καὶ τῷ δήμῳ ἐπαινέσαι]
αὐτὸν [ἐπὶ τούτοις καὶ στεφανῶσαι χρυσῷ στεφάνῳ καὶ ὑπὸ τοῦ κή-]
ρυκος ἀ[ναγορευθῆναι· ὁ δῆμος στεφανοῖ . . . . . Σωκράτου Μουλι?-
ούργου βαδ[ίσαντα εἰς τὸ πολίτευμα? . . . . . φι-]
5 λόπατριν, ἀ[ρετῆς ἕνεκεν, καλοκαγαθίας καὶ εὐεργησίας τῆς εἰς αὐ-]
τόν· ἀνα[τε]θῆ[ναι δε αὐτοῦ εἰκόνα καὶ ψήφισμα τοῦτο ἐν τῷ ἐπιφανεσ-]
τάτῳ τῆς πόλεως [τόπῳ, ... τοῦ βίου ἐπαινου-]
μένου εἰς προτροπὴν [τῶν τὴν πόλιν φιλεῖν καὶ εὐεργετεῖν δυναμένων.]
[Σ]ωκράτης Σω[κ]ρά[τ]ο [υ τὸ ψήφισμα . . . . . Σωκράτου Μουλιούργου?]
10 [τῷ] ἰδ[ί]ῳ ἀδελφῷ ἀνέ[στησε μνήμης χάριν.]

Перевод: «(..... так что весь город опечалился по) таком (муже. Поэтому да постановит Совет и Народ похвалить) его (за эти дела и увенчать золотым венком и провозгласить через) глашатая: (Народ увенчивает такого-то, сына Сократа, сына) Мулиурга, (посвятившего себя государственной деятельности), любящего отечество, (за его доблесть, безупречное поведение и благодеяние по отношению к) себе; (изображе-

[14] *Латышев В. В.* Эпиграфические новости из Южной России (находки 1901—1903 гг.) // ИАК. 1904. Вып. 10. С. 3 сл.

[15] *Mendel G.* Inscriptions de Bithynie // BCH. 1901. P. 53, 54. № 197.

ние и настоящее постановление) должны быть выставлены в самом видном (месте) города ... (благодаря его) похвальной (жизни) к побуждению (могущих любить город и благодетельствовать). Сократ, сын Сократа, (настоящее постановление ...) поставил своему брату (такому-то, сыну Сократа, сына Мулиурга, памяти ради)».

Стк. 1 осталась не прочитанной В. В. Латышевым, хотя в ней видны остатки двух букв — ТО или ΙΟ. По аналогии с почетным декретом IOSPE.I². 46. 8 мы предлагаем ὡς ἀχθεσθῆναι πᾶσαν τὴν πόλιν ἐπὶ τοιούτῳ ἀνδρί. Далее стандартная для такого рода надписей формулировка. Достаточно сослаться на многочисленные надписи афинских фиасотов позднеэллинистического и раннеримского времени.

Стк. 3: ὁ δῆμος στεφανοῖ...— стандартная формулировка почти всех декретов Ольвии римского времени (IOSPE.I². 39. 36; 42. 3—4; 52. 15—16). Об эпитете «любящий отечество» выше уже была речь, окончание же стк. 5 восстанавливается по аналогии с IOSPE.I². 42. 5—6: [ἀρετῆ]ς ἕνεκεν [καὶ ...καλοκαγαθί]ας; 61: εἰς τὴν [πατρίδα καλοκαγαθία]; 51: ἀρετῆς ἕνεκ[εν]; 34: ἀρετῆς ἕ[ν]εκα καὶ εὐεργεσίας [τῆς εἰς αὐτόν].

Сткк. 6—8 реконструируются по аналогии с IOSPE.I². 42: ἀνατεθῆ[ναι δὲ αὐτοῦ καὶ εἰκόνα ἔνοπλον? ἐν τῷ ἐπισημοτά]τῳ [16] τῆς πόλ[εως τόπῳ καὶ ἐπιγράψαι τάδε']; 51: [ἀνα]τεθῆναι τε τὸ ψή[φισμα τοῦτο]; 52: ἀνατεθῆναι τε τὸ ψήφισμα ἐν στήλῃ λευκολίθῳ καὶ ἀνατεθῆναι ἐν τῷ ἐπιφανεστάτωι τῆς πόλεως τόπωι. Ср. также IOSPE.I². 63. Для дополнения сткк. 7—8 можно руководствоваться IOSPE.I². 39. 39—49: ἵνα οἱ ἀναγεινώσκοντε[ς] προτροπὴν ἔχωσιν εἰς τὸ μειμεῖσθαι βίον ἐπαινούμενον; IOSPE.I². 40: εἰς προτροπὴν τῶν τὴν πόλιν φιλεῖν καὶ εὐεργετεῖν δυναμένων.

На основании нескольких почетных декретов римского времени из Малой Азии и Греции Л. Робер показал, что προτροπή и προτρέπεσθαι означают, как правило, «призывать, побуждать, подстрекать» к какому-либо действию, будь то приглашение взять на себя обязанности по замещению магистратской должности, как в папирусных документах римской эпохи, либо призыв к расходам по воздвижению статуй атлетов или почетных граждан городов. При этом он ссылается на надписи из Афродисиады: ὑπακούσας καὶ πεισθεὶς τῇ προτροπῇ τούς τε ἀντιπάλους κατηγωνίσατο; Метрополиса (Фригия) (MAMA. IV.132): προτρεφαμένης τῆς πόλεως ἐνδόξως ἀγωνισάμενον πυθικῶν παγκράτιον; Олимпии: ὑπὸ τῆς περὶ τὴν νείκην ἐλπίδος ἐπὶ πλεῖστον ἀγωνίζεσθαι προτρεπόμενος.

В ряде документов προτροπή в винительном падеже встречается с предлогами πρός, κατά (IGR.IV.1662): κατὰ τὴν προτροπὴν τοῦ ἀξιολογωτάτου Τ. Φλ. Λευκίου Ἡράκος ἔδωκαν παρ' ἑαυτῶν ἔξωθεν εἰς τὴν ἐπισκευήν τοῦ μεγάλου βαλανίου ἀργυρίου δηνάρια σν'; Ath. Mit. 1910.S. 408, 3—4: τυγχάνειν τῆς τῶν ἐπ' εὐεργεσίαι τετιμημένων δόξης πρὸς προτροπὴν τῶ[ν ἄλλων]; ср. Хилларима — καὶ προτροπὴν τῶν μελλόντων ὁμοθυμαδὸν ἐπηνέχθη τιμ[ᾶ]ν [17]. Скорее всего и в ольвийских почетных декретах εἰς προτροπήν означает побуждать к свершению благородных и справедливых поступков, кои отличали тех, в честь которых воздвигнуты надписи. В этой связи в сткк. 7—8 нашего документа предлагаем предположительно сочетание засвидетельствованных в декретах Ольвии и Афродисиады выражений.

[16] Здесь возможно восстановление [τῷ ἐπιφανεστά]τῳ по аналогии с IOSPE.I². 52, так же как в нашей надписи вероятно восстановление В. В. Латышева [τῷ ἐπισημοτά]τῳ, что не меняет дела, ибо значение этих слов адекватно.

[17] BCH. 1894.39; *Wilhelm A.* Neue Beiträge zur griechischen Inschriftenkunde // Sitzungsberichte der Akademie der Wissenschaften in Wien. Philos.-hist. Klasse. T. III. 1913. Bd 175. Abh. I. S. 43—48; *Robert L.* Études anatoliennes. P., 1937. P. 513. № 1; *idem.* Opera Minora Selecta. V. I. P. 620.

О заключительных строках декрета, содержащих посвящение, уже говорилось выше. Укажем лишь, что готовы восстановить в стк. 9 τὸ ψήφισμα καὶ εἰκόνα, но настаивать на этом не решаемся.

В стк. 4 все исследователи, в том числе и мы (см. прим. 20), вслед за В. В. Латышевым склонны были читать имя боспорского царя Аспурга. Поскольку надпись очень фрагментарна, то в этой строке возможны различные дополнения и восстановления. Здесь могло быть либо окончание одного из многочисленных слов на -ΟΥΡΓΟΣ, либо одно из личных имен с этим суффиксом и окончанием, которых нам известно 14 [18]. Из них в Ольвии засвидетельствовано только Μουλίουργος Ποσιδήου (IOSPE. I².113—II в.). Мы полагаем, что в стк. 3—4 могло стоять отчество отца того человека, который был почтен согласно декрету. Это предположение основывается на следующих моментах.

В стк. 4—ΟΥΡΓΟΣ стоит в родительном падеже. В этом месте декрета, являющемся началом собственно постановления, могли стоять только имя с отчеством и перечисление заслуг и эпитетов чествуемого. Усматривать здесь какую-либо его должность или эпитет не представляется возможным, поскольку тогда они должны стоять в винительном падеже. Можно, правда, предположить, что все это относится к отцу чествуемого, но это маловероятно и не находит прецедентов в ольвийских почетных декретах римского времени. Поэтому остается допустить, что -ΟΥΡΓΟΥ — это основа патронимика отца чествуемого, т. е. Сократа.

Отцом Сократа и дедом братьев мог быть Мулиург. Прямое подтверждение этому в документах Ольвии рубежа I—II вв. нам найти не удалось, но косвенные данные позволяют высказать такое предположение. В Ольвии конца I—II в. отчетливо выделяются два династических колена одной семьи, поделивших между собой основные полисные магистратуры архонтов и стратегов. К одному из генеалогических колен рода мог относиться Анаксимен, сын Посидея (IOSPE.I².183), архонт, который, вероятно, имел брата Мулиурга, сына Посидея (IOSPE.I².113), стратега, родоначальника или представителя другой ветви рода. Этот Анаксимен, очевидно, был отцом архонта Евресибия (НО 90), который имел двух сыновей: архонта Анаксимена (IOSPE.I².131) и стратега Сократа (IOSPE. I². 105). К указанной семье верховных магистратов Ольвии относились, вероятно, первый архонт Анаксимен, сын Сократа (IOSPE.I².130), и два брата, сыновья Анаксимена,— Антифонт (IOSPE.I².40; НО 42) и Анаксимен (IOSPE.I².132) [19]. К тому же у Антифонта, по-видимому, был сын Сократ, также архонт (IOSPE.I².134).

---

[18] *Dornseiff F., Hansen B.* Rückläufiges Wörterbuch der griechischen Eigennamen. B., 1957. S. 219; *Kretschmer P., Locker E.* Rückläufiges Wörterbuch der griechischen Sprache. Göttingen, 1963. S. 331.

[19] А. Бёк и В. В. Латышев (Comment. ad IOSPE.I².130. P. 156) предлагали следующую родословную архонтов Ольвии II в.: Анаксимен (IOSPE. I².40) — Антифонт (IOSPE.I².40; НО 42) — Сократ (IOSPE. I².134) — Анаксимен (IOSPE. I². 130) или Сократ — Анаксимен (IOSPE. I². 130) — Антифонт (IOSPE. I². 40; НО 42) — Сократ (IOSPE. I². 134). К этой семье они относили и Анаксимена, сына Анаксимена (IOSPE. I². 132). В указанных схемах есть одно уязвимое место: они предусматривают длительный промежуток времени активного действия членов семьи по меньшей мере на протяжении четырех поколений. Надписи, в которых эти лица упоминаются, датируются в основном II в., даже более узко: рубежом I—II — первой половиной II в. Поэтому можно допустить, что сменявшие друг друга у власти лица не обязательно наследники по прямой. Среди них были, вероятно, и братья. Вот почему возможно, что Анаксимен и Антифонт имели одного отца — Анаксимена. Распределение полисных должностей между членами одного рода обычно для греческих городов в римскую эпоху. Известны генеалогические древа родов Флавиев в Херсонесе Таврическом (*Соломоник Э. И.* Но-

К другой генеалогической ветви рода мог принадлежать Сократ, сын Сократа, архонт в первой половине II в. (НО 88), который, вероятно, упоминается и в нашей надписи. Поскольку в этой семье засвидетельствовано имя Мулиург (а многие имена повторялись из поколения в поколение), а Сократ, сын Сократа, принадлежал к одному из ответвлений данного рода, то не исключена возможность, что дедом сыновей Сократа, знатных граждан Ольвии II в., мог быть также Мулиург. Необходимо, правда, учитывать и возможность омонимов.

Вероятность чтения в данной строке других иранских личных имен на -ΟΥΡΓΟΣ не исключается, но, судя по имени и отчеству брата чествуемого, оба они принадлежали к зажиточной эллинской семье ольвиополитов, составлявших полисную верхушку.

В 1985 г. мы предложили дополнить означенную строку надписи как [τὴν παρ᾽ Ἀσπ]ούργου βασ[ιλέως μεγάλου Βοσπόρου πρεσβεῖαν ὑπαντιάσαντα], опираясь на точку зрения В. В. Латышева [20]. Однако ряд данных заставляет нас теперь отдать предпочтение вышеуказанному чтению, предположительно восстанавливая далее причастие аориста βαδ[ίσαντα] [21]. В стк. 4 в правом обломе плиты сохранился нижний левый угол буквы Σ или Δ. Поскольку ни одно слово с начальным слогом ΒΑΣ-, кроме βασιλεύς, не подходит для восстановления, а читать это слово как «царь» применительно к ольвийским должностным лицам все-таки рискованно, мы условно предлагаем здесь причастие от глагола βαδίζω. Хотя В. В. Латышев предположительно и считал, что βασιλεύς в надписи IOSPE. I². 89 может обозначать сакральную должность царя вроде архонта-басилевса в Афинах, однако признавал это предположение весьма спорным. Поэтому, не исключая возможности усматривать и в сыне Сократа «царя»-жреца, мы все же склоняемся к высказанному выше дополнению. При этом мы исходим из того, что в названном месте невероятно упоминание такого факта, как принятие посольства, поскольку непонятно, почему надо было выделять в постановлении, принятом почти столетие спустя, это событие, пусть даже и важное для государства. Это обычный почетный декрет в честь неизвестного сына Сократа, который поставлен на средства и по инициативе его брата. Следовательно, на этот декрет нельзя опираться при реконструкции внешнеполитических событий истории Ольвии I в. н. э.

С. Ю. Сапрыкин

L'INSCRIPTION OLBIENNE *IOSPE* I² 38.

S. Ju. Saprykin

Il s'agi d'une inscription d'Olbia qui fut découverte en 1913 et était considérée comme fragment d'un décret en l'honneur d'un des rois du Bosphore du Ier s. de n. è.: Cotys Ier ou Mithridate IIIe. Mais une analyse paléographique et linguistique de l'inscription permet d'établir que c'est un fragment de décret honorifique de la première moitié du IIe s. de n. è. en l'honneur d'un citoyen d'Olbia, fils de Socrate et petit-fils de Mouliourgos, gravé à l'initiative et aux frais de son frère.

вые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев, 1973. С. 40) и М. Ульпия Артемидора в Истрии (*Pippidi D.* Contributii la istorie veche a României. Bucureşti, 1967. P. 398; IŞM. I. 180. P. 318).

[20] *Сапрыкин С. Ю.* Ольвия и Боспор в I в. н. э. // Проблемы исследования Ольвии. Тезисы. Парутино, 1985. С. 72, 73. Означенная конъектура встретила ряд серьезных замечаний и возражений со стороны наших ученых, доводы которых весьма убедительны и заставили нас пересмотреть предложенную точку зрения.

[21] *Arist.* Pol. IV.5.7; 11.3; 12.4.

ЗАМЕТКИ ПО ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ ЗАКАВКАЗЬЯ. ПЛИНИЙ О НАСЕЛЕНИИ КАВКАЗА

Ввиду состояния, в котором до нас дошел рассматриваемый ниже текст Плиния, в нем трудно усмотреть какую-либо достоверную информацию о народах, населяющих Кавказ, и создается впечатление, будто автор много напутал и едва ли знал то, о чем говорит [1]. Но достаточно подвергнуть этот текст чуть более придирчивому и тщательному филологическому и историко-географическому (картографическому) анализу, чтобы проступили все затемняющие его искажения, все стало на свои места и древняя география Закавказья обогатилась несколькими немаловажными данными, относящимися к I в. н. э., если не к временам еще более отдаленным. Ниже приводится наше чтение оригинала с критическим аппаратом [2], перевод и комментарий.

Текст

Plin. Nat. hist. VI, 29—30 (Mayhoff; Rackham).

Planitiem omnem, a Cyro usque, Albanorum gens tenet, mox Hiberum, discreta ad iis[1] amne Alazane[2] in Cyrum Caucasis montibus defluente. Praeualent oppida: Albaniae Cabalaca, Hiberiae Harmastis[3] ⟨et Moschorum tractus ad Hiberum amnem in Cyrum defluentem. Et infra eos Sacasani[4].⟩ Iuxta flumen Eorin[5]: regio Thusie[6] ⟨usque ad Caucasos montes⟩[7] et Thriare usque ad Parihedros montes. Ultra sunt: Colchicae solitudines, quarum a latere ad Cerasuntios[8] uerso Armenochalybes habitant [—][9], et deinde Macerones ad flumen Absarrum. Sic plana aut deuexa optinentur. Rursus, ab Albaniae confinio, tota montium fronte: gentes Siluorum ferae, et infra Lupeniorum, mox Diduri et Sodi. (30) Ad iis sunt Portae Caucasiae, magno errore multis Caspiae dictae, ingens naturae opus montibus interruptis repente, ubi fores additae ferratis trabibus, subter medias amne Diricdone[10] fluente, citraque in rupe castello, quod uocatur † Cumania[11], communito ad arcendas transitu gentes innumeras, ibi loci terrarum orbe portis discluso ex aduerso maxime Harmastis[12] oppidi Hiberum. A Portis Caucasis per montes: Gumardini Dualli[13] Suani, indomitae gentes, auri tamen metalla fodiunt. Ab his ad Pontum usque, Heniochorum plurima genera, mox Achaeorum.

[1] Ср. перевод И. П. Цветкова: «Всю равнину, начиная от реки Кир, заселяет племя албанцев, а затем — иверов, которые отделены от первых рекою Оказаном, текущею с Кавказских гор в р. Кир. Главные города — в Албании Кабалака, а в Иверии Гермаст близ реки Неорис. Далее лежат область Фасийская и Фриарская до Париедрийских гор. По ту сторону их лежат колхидские пустыни; с той стороны их, которая обращена к Керавнским горам, живут арменохалибы и лежат земли мосхов вплоть до р. Ивера, впадающей в Кир, а ниже их сакасаны и, затем, макероны до р. Абсарра. Так заселены равнины или горные покатости. С другой стороны, начиная от границ Албании, по всему челу гор живут дикие племена сильвов, а ниже лупении, затем дидуры и соды. За ними находятся Кавказские ворота, многими очень ошибочно именуемые Каспийскими,— огромное создание природы, образовавшееся вследствие внезапного разрыва гор; самый проход огорожен обитыми железом бревнами; под ними посредине течет вонючая река, а по сю сторону ворот на скале лежит укрепление по имени Кумания, построенное с целью препятствовать проходу бесчисленных племен. Таким образом, в этом месте, как раз насупротив иверского города Гермаста, воротами разделены части света. От Кавказских ворот в Гурдинских горах живут валлы и свавы, племена, незнакомые с культурой, однако умеющие добывать золото в рудниках. От них до самого Понта живет множество ииохийских и потом ахейских племен» (в кн.: *Латышев В. В.* Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. II. Вып. I. СПб., 1904. С. 181—182).

[2] В аппарате приведены лишь существенные для критики текста разночтения и конъектуры.

1 *iis* hab. Mayhoff, *his* Rackham : *is* codd. ‖ 2 *Alazane* scripsi : *Alazone* Hermolaus (e Strab. XI, 3, 2 [500]) : *ocazane* codd. ‖ 3 *Harmastis* Barbarus : *-tus* Müller (in Ptol. V, 10, 2): *pharmasus* uel *-siis* codd. ‖ 4 ‹ › transponui ex sequentibus (cf. n. 9) ‖ 5 *Eorinci.* Müller (ib.) : *neoris* codd. edd. ‖ 6 *Thusie* scripsi : *thasie* uel *-siae* codd. edd. ‖ 7 ‹ › uel similia conieci (cf. infra *usque ad P. montes*) ‖ 8 *Cerasuntios* scripsi : *ceraunios* codd. edd. 9 [—] hic deleui qua addideram supra (n. 4) ‖ 10 *Diricdone* scripsi : *diri odoris* (*driodori* F^2, *dyriodori* a^3) codd. edd. ‖ 11 *Cumania* (i.e. KOYMANIA ← KOYMAICIA conieci) codd. ‖ 12 *Harmastis* Barbarus : *hermasti* (*-tis* a^3) codd. ‖ 13 *Gu‹ma›rdini Dualli* scripsi (cf. Mok'c'evay K'art'lisay I, 23, traditio B *Gomardi* = *Mt iul*) : *gurdinio* (*-diinio* a, *-dunio* p, *gardinio* R, *gortinios* F^2) *ualli* codd. : *Gurdinios* (Detlefsen) *Valli* edd.

Перевод

Плиний, «Естественная история», кн. VI, § 29—30.

Всю равнину ‹*к северу*› от Кюра (=*Куры*) занимают: племя албан (=*алуан*), а затем ‹*племя*› иберов, отделенное от первых рекой Алазан, стекающей с Кавказских гор в Кюр. Главные города: Албании (=*Алуании*) — Кабалака (=*Кабала*), Иберии — Армастис (=*Армазисцихе*) ‹и «Местность мосхов» (=*Мцхета*) у реки Ибер [или Иберов] (=*Арагви*), впадающей в Кюр. А ниже (=*южнее*) их (*алуан и иберов*): сакасаны.› Рядом с рекой Эорис (=Иори): область Thycue (=*Тушети*) ‹до Кавказских гор› и ‹*область*› Thриаре (=*Триалети*) — до Париэдрийских гор (=*Малого Кавказа*). Дальше ‹*на запад*› находятся: безлюдные области Колхиды, а с той их стороны, что против Керасунтских ‹*гор*› (=*Гиресунского хребта или, шире, Восточно-Понтийских гор, в Турции*), живут арменохалибы, а потом — макероны, до реки Абсарр (=*Чорох*). Таково население равнин и отлогих мест. ‹*Если вернуться*› назад ‹*и двигаться*› от пределов Албании, ‹*то*› по всему переднему склону гор ‹*обитают*›: дикие племена силвов (=*чилбов*), а ниже — лупениев (=*лбинов*), а затем дидуры (=*дидойцы*) и соды (=*цоды*). (30) За ними находятся Кавказские ворота (=*Крестовский перевал и Дарьяльское ущелье*), многими весьма ошибочно именуемые «Каспийскими» — внушительное произведение природы, ‹возникшее› из-за внезапного разрыва гор, где проход укреплен обитыми железом бревнами, а внизу, посередине, течет река Дирикдон (=*Терек*); по сю сторону ‹*хребта*› на склоне стоит замок по имени Кумания (*читай Кумлисия = Кумлис-цихе*), построенный чтобы запереть проход бесчисленным племенам ‹*живущим с той стороны*›. В этом месте, прямо напротив города иберов Армастиса, ворота разорвали круг ‹*римских*› земель. После Кавказских ворот (=*западнее их*) в горах ‹*обитают*›: гумардины (=*гомарды = мтиулы*), дуаллы (=*двалы*) и суаны (=*сваны*), племена неукрощенные — однако они роют золотые рудники. От них до Понта (=*Черного моря*) ‹живут› многочисленные племена гениохов, а затем ахеян.

Комментарий

(см. рис. 1)

Несуразности дошедшего текста (ср. прим. 1) очевидны. Не говоря об искаженных написаниях многих топонимов, налицо 10 трудностей: *1*) отсутствуют какие-либо другие данные — будь то античные, средневековые или современные — о существовании в Иберии (т. е. Картли = Восточной Грузии) крупного города Неорис; зато известна река Иори; *2*) Harmastis — несомненно то же, что Армаз(ис)цихе (совр. Армази), но эта крепость стояла не на Иори, а у слияния Арагви и Куры, на правом берегу последней (т. е. исправление Neoris в Eoris еще не решает проблемы); *3*) об области Thasie, соседствующей с Малым

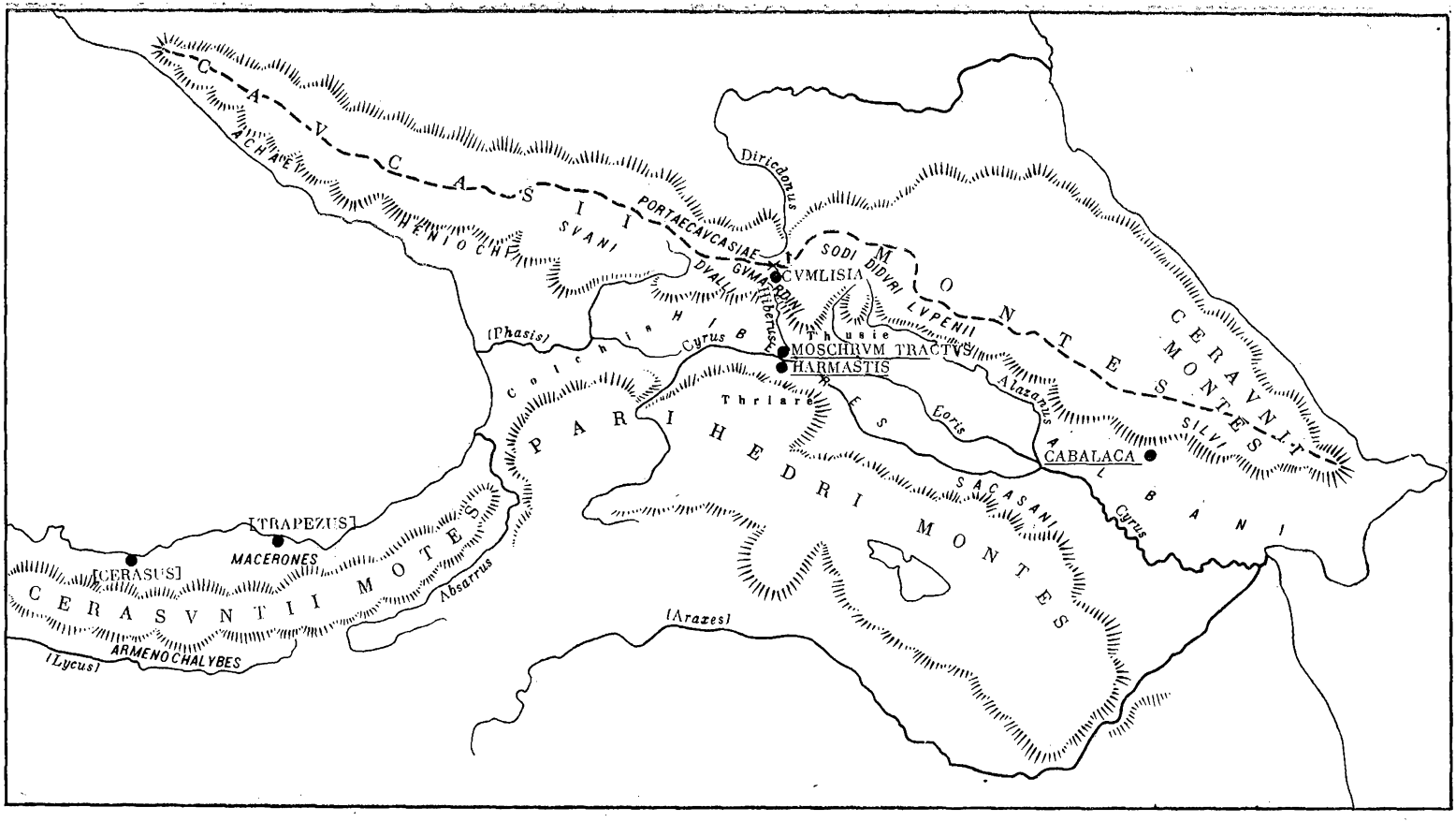

CAVCASII
ACHAEI
HENIOCHI
SVANI
PORTAE CAVCASIAE
DVALLI
GVMISTI BERSILI
Dioscurias
SODI
BIDVRI
LVPENII
MONTES CERAVNII
CVMLISIA
Thusie
MOSCHORVM TRACTVS
HARMASTIS
(Phasis)
Cyrus B
Colchis
Thiare
Eoris
Alazonius
SILVI
CABALACA
PARIHEDRI MONTES
SACASANI
ALBANI
Cyrus
[TRAPEZUS]
MACRONES
[CERASUS]
CERASVNTII MONTES
Absarrus
[Araxes]
ARMENOCHALYBES
[Lycus]

Рис. 1

Кавказом, ровным счетом ничего не известно; *4*) Колхида лишена какой-либо «обращенной к Кераунским горам» стороны, поскольку эти горы тождественны восточной части Большого Кавказа и горам Дагестана [3]; *5*) арменохалибы более никем, кроме Плиния, не упоминаются (см. еще Nat. hist. VI. 12), зато о халибах известно, что они обитали не у Кераунских гор, а в Понтийской Каппадокии, рядом с Малой Арменией; почти там же жили и макроны (см. ниже); *6*) рекой Ибер или Иберов, впадающей в Куру по соседству с «местностью мосхов» (Mesxetʿi?), могла бы быть речка Кваблиани (на ней стоит г. Ахалцихе), но, во-первых, сомнительно, чтобы она привлекла внимание греков и римлян, а во-вторых, вряд ли ей подходит название Ибер(ов), ведь течет она отнюдь не в Картли, не говоря о непонятном соседстве живущих рядом с нею мосхов с арменохалибами, сакасанами (!) и макронами (см. выше и ниже); *7*) территория саксанов, т. е. Сакасена-Шакашен, всеми другими источниками помещается в Восточном Кавказе, к югу от Куры [4]; *8*) непонятно, почему река, текущая посередине Кавказских ворот, «издает сильный запах»: ни Арагви, ни Терек ничем особенным не пахнут; наконец, *9*) и *10*) не дешифрованы топонимы Cumania и montes Gurdinios.

Перенесение слов et Moschorum... Sacasani ближе к началу (между Harmastis и iuxta) автоматически снимает первую, вторую, шестую и седьмую трудности [5]. При этом оказывается, во-первых, что «местность мосхов» обозначает не совр. Месхети, а Мцхету, название которой тоже, по-видимому, когда-то звучало как Mesx-etʿ-i; во-вторых, что р. Ибер(ов) — то же, что р. Ἀράγων/ Ἄραγος Страбона, т. е. Арагви [6]; в-третьих, что Neoris могла обозначать только реку и должно быть, следовательно, исправлено в Eorin [7]. Слова iuxta flumen Eorin могут быть отнесены к предыдущему (Сакасена почти соседствует с нижним течением Иори), но относятся скорее к последующему тексту: положение Сакасены уже достаточно точно определено (infra eos), а Триалети — нет (usque ad предполагает какую-то отправную точку).

Соседство Thasie с Иори и с Триалети и само его написание подсказывает, что речь идет о Тушети (груз. Tʿuš-etʿ-i),— чем решается третья трудность [8]; географическая же симметрия обеих областей и примыкающих к ним гор относительно Иори и недостаточная определенность положения Thusie (как следует писать вместо Thasie) наводят на мысль о лакуне, нарушившей синтаксическую симметрию соответствующих сегментов. Вставка слов usque ad Caucasios montes призвана ее устранить [9].

---

[3] См. *Strabo* XI. 4. 1 (501); 5. 1 (504); *Ptol.* Geogr. V. 8. 8—9; Eustath. *in Dionys. Perieg.* 389; *Plin.* Nat. hist. VI. 27; *Mela* III, 5 (39). Ср. также *Mela* I. 19; *Plin.* Nat. hist. V. 99, где это название, по-видимому, распространяется на весь Северокавказский массив.

[4] *Strabo* II. 1. 14 (73); XI. 7. 2 (509); 8. 4 (511); 14. 4 (528): ср. *Arr.* Anab. III. 8. 4; 11. 4; *Movsēs Kal.* II. 19; III. 13; Ašxar. p. 110 (Eremyan, 1963).

[5] Это искажение предполагает пропуск строки, исправление пропуска на полях и ошибочное включение исправления в текст следующим переписчиком.

[6] *Strabo* XI. 3. 2 (500); 5 (500).

[7] Мюллер (in Ptol. V, 10, 2 [II, p. 928]) предлагал на выбор два исправления: ...Harmastus iuxta ‹Cyrum?› flumen; Eoris... (*Армаст у реки ‹Кюр?›; Эорис...*) или ... Harmastus; iuxta ‹Eorin› flumen Eoris... (*Армаст; у реки ‹Эорис› — Эорис...*), т. е. все же считал Эорис в первую очередь городом.

[8] Отождествлению Thasie с Таширом (= Лори-Дзорагет) препятствует как географическое положение последнего (южнее Триалети, за крайней северной грядой Малого Кавказа), так и произношение его названия [ṭašir]: ни звук [t] (абруптив, без придыхания), ни звук [r] в латинской форме не отражены.

[9] Разумеется, эта вставка достаточно гипотетична.

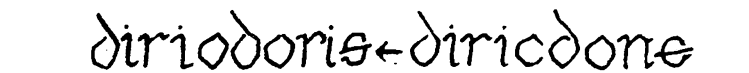

Рис. 2

Исправление Ceraunios в Cerasuntios [10] снимает четвертую и пятую неясности. Керасунт (Κερασοῦς) — название двух приморских населенных пунктов Южного Причерноморья (Понтийской Каппадокии), отстоящих друг от друга примерно на 120 км: колонии Синопа, переименованной позднее в Фарнакию (но возвратившей себе затем старое название: совр. Гиресун, к югу от которого, параллельно морю, тянется Гиресунский хребет), и небольшого селения в Трапезунтском заливе (возможно — совр. Келенима у Трабзона [11]) [12]. На рубеже новой эры, часть халибов (так называемые понтийские халдеи) обитала на территории верхнего течения реки Люк(ос) или Лик (совр. Келькит), с южной стороны Гиресунского хребта, у самой границы Малой Армении. Их-то Плиний и называет арменохалибами. А макроны (таково самое распространенное написание их этнонима) жили у самого Трапезунта, между морем и Чорохом, в полном соответствии с нашим текстом [13].

Исправление — палеографически простейшее — слов diri odoris в diricdone (см. рис. 2) решает восьмую трудность и сообщает нам древнюю — явно алано-иранскую — форму гидронима Терек: Дирик-дон [14].

Что касается Кумании [15] (девятая трудность), мы здесь, по-видимому имеем искажение древней формы, к которой восходит современная Кумлис-цихе. Село с таким названием (где cʿіхе значит «крепость») налицо точно в указанном Плинием месте, чуть южнее Гудаури.

---

[10] Предполагающее лишь пропуск двух букв.

[11] *Lasserre F.* Strabon, Géographie, livre XII. P., 1981. P. 196.

[12] *Xen.* Anab. V. 3. 2; 4, 1; 5, 3: *Diod.* XV. 30. 5; Peripl. P. Eux. 24; Anon. Per. P. Eux. 34 ss.; *Strabo* XI. 2. 17 (499); XII. 3. 13 (547); 17—19 (548—549) etc. См. *Максимова М. И.* Античные города Юго-Восточного Причерноморья. М.— Л., 1956. С. 70—76.

[13] О халибах/понтийских халдеях см. *Xen.* Anab. IV. 5. 34; 3. 4; *Strabo* XII. 3. 18—20 (548—550); 23 (551); 28—29 (555) etc.; о макронах (они же санны = заны) — *Hecat.* FGrH 1 F 206; *Herod.* II. 104; VII. 78; *Xen.* Anab. IV. 8. 3; 6; *Apollon. Rhod.* II. 396; 1245; *Strabo* XII. 3. 18 (548); *Plin.* Nat. hist. VI. 2. Ср. также *Lasserre.* Op. cit. P. 197 suiv., 219.

[14] «Дон» по-осетински — река. Что речь идет о гидрониме, подозревали, по-видимому, и издатели «докритического» периода. См. *Potocki J.* Voyage dans les steps (sic) d'Astrakhan et du Caucase. I. P., 1829. P. 217 (откуда: *Пушкин А. С.* Путешествие в Арзрум. Гл. I = ПСС. Т. VI. М.; Л., 1950. С. 652 [ср. с. 784]: «Под ними [Кавказскими воротами], пишет Плиний, течет река Дириодорис»); *Кузнецов Н.* Дариал или Дариальское ущелье // Энцикл. слов. Брокгауза и Ефрона. Т. X (п/т. 19). СПб., 1893. С. 143. Наличие у Плиния формы Diric*don*-, а у Равеннского анонима (*Rav. An.* II. 8. 12) — Ter*don* (= тот же Терек, но без среднеиранского суффикса -īk < -īg; ср. еще *Ptol.* Geogr. V. 8. 6 ὄδων = Кума?) либо опровергает мнение В. И. Абаева о том, что «переход dan → don произошел не раньше XIII—XIV вв.» (*Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. М., 1958, статья don), либо во всяком случае свидетельствует о том, что аналогичный переход имел место еще до начала новой эры в каком-то скифо-сарматском диалекте Северного Кавказа.

[15] Как ни дешифровывать это название, непреложно одно: крепость эта стояла «по сю сторону... прямо напротив... Армастиса», т. е. на южном склоне (ср. *Strabo* XI. 3. 5 [500] τεῖχος ὄρους μαχρου): Плиний (его источник) «смотрит» с юго-запада (из Понтийской Каппадокии). Ее, следовательно, нельзя отождествлять с так называемым «замком Тамары» в Дарьяльском ущелье — вопреки давнему и до сих пор весьма распространенному мнению (см. *Пушкин А. С.* Ук. соч.; *Кузнецов Н.* Ук. соч.; *Богомолов И., Хуцишвили Г.* Эта удивительная Военно-Грузинская дорога. Тбилиси, 1983. С. 4, 16).

Наконец, я предлагаю отделить от montes и считать этнонимом слово gurdini (без последней буквы o — искаженной d, принадлежащей к началу следующего этнонима, Dualli), исправив его в gumardini. Этот этноним, восходящий к иран. *koh-mardan (или т. п.) «люди гор» и соответствующий груз. mtʿiul-n-i/mtʿiul-eb-i (от mtʿa «гора», т. е. «горцы», «мтиулы»), засвидетельствован еще в форме gomard- в «Обращении Картли» I, 23 (редакция Челишской рукописи), где говорится, что персы, укрепив Осетинские ворота (Дарьял) «setzten die Mtiulen als Gomardi» [16].

Что же мы выиграли в итоге? Немало. Мы теперь располагаем текстом, содержащим пусть беглое и обобщенное, но тем не менее вполне *корректное описание стран и этносов, занимающих территорию между Большим и Малым Кавказом* (а также в Восточном Понте). В этом тексте мы находим: 1) древнейшие известные упоминания городов Кабала [17] и *Мцхета*, областей *Тушети* и Триалети, восточнокавказских горских племен чилбов, лбинов, дидойцев и цодов, центральнокавказских племен *гомардов-мтиулов* и двалов; 2) единственное известное упоминание р. Арагви (Арагон/Арагос) под именем *Ибер* или реки *Иберов* [18]; 3) единственное известное античное упоминание р. *Иори* (иначе Камбюс) под тем самым именем, которое она носит по сей день; 4) единственное известное античное упоминание северокавказской реки *Терек* под именем, почти не отличающемся от современного (Дирик) [19]; 5) единственное античное описание Кавказских ворот со стоящей у их южного входа крепостью *Кумлисия* и с их бревенчато-железным укреплением где-то в ущелье над Тереком; 6) единственное (не считая *Plin.* Nat. hist. VI. 12) упоминание понтийских халдеев под красноречивым именем арменохалибов; 7) наконец, сообщение о безлюдии Колхиды, которое историкам еще предстоит объяснить.

С. Н. Муравьев

NOTES DE GÉOGRAPHIE HISTORIQUE DU CAUCASE. 1. LES PEUPLES DU CAUCASE SELON PLINE L'ANCIEN

S. N. Mouraviev

Critique du texte et commentaire de *Nat. hist.* VI. 29—30. En transposant les mots *et Moschorum tractus ad Hiberum amnem* etc. jusqu'à *Sacasani* entre *Harmastis* et *iuxta* et en introduisant les corrections *Alazane*, *Eorin*, *Thusie*, *Cerasuntios*, *Diricdone*, Κουμλισια (dans l'original grec utilisé par Pline), *Gumardini Dualli*, il est possible de réconcilier le texte de Pline avec la géographie physique et ethnique du Caucase antique et d'interpréter les toponymes et ethonymes énumérés ci-dessus comme désignant respectivement Mcʿxetʿa, l'Aragvi, les Sacasènes, l'Alázani, l'Iori, le Tʿušetʿi, les monts de Cérasonte, le Terek, Kumlis-cʿixe, les Mtʿiuls («montagnards») et les Dvals.

---

[16] См. *Pätsch G.* Die Bekehrung Georgiens. Mokcevay Kartlisay [Übersetzung] // Bedi Kartlisa. V. 33. P., 1975. P. 299. Not. 61.

[17] Плиниева форма Cabalaca соответствует армянской Karaɫak (например, у *Movs. Kaɫ.* I 26); ср. *Ptol.* Geogr. V. 11. 5 Χαβάλα. В настоящее время в древней Кабале (АзССР, Куткашенский р-н, около с. Чухур-Кабала) производятся раскопки.

[18] Две реки того же названия засвидетельствованы и в древней западной (европейской) Иберии, т. е. Испании: совр. Эбро и Рио-Тинто. Любопытно, что один из притоков Эбро называется Арагон (как Арагви у Страбона; ср. также северокавказский Аргун).

[19] Другое возможное древнее название Терека — Алонт(ас) (*Ptol.* Geogr. V. 8. 6) относилось скорее всего к его низовьям.

РОЛЬ ИСКУССТВА В ПРОПАГАНДЕ ОФИЦИАЛЬНОЙ ИДЕОЛОГИИ ПРИНЦИПАТА АВГУСТА

Искусство древнего Рима, достигшее высокого совершенства в период принципата Августа: архитектура, монументальные памятники, стенная живопись, мозаики, геммы, декоративное оформление парадных сооружений,— еще недостаточно привлекается историками и филологами при исследовании римской культуры, древней истории и литературы. А между тем оно драгоценный источник и не только может существенно обогатить наши представления об этой интереснейшей эпохе в истории Рима, но и углубить наши знания о самой официальной идеологии принципата и методов ее политической пропаганды.

Эта пропаганда идеологии нового режима, складывавшаяся постепенно, отличалась необычайным размахом и приняла, по мнению С. Л. Утченко, черты государственного предприятия [1]. Она велась разнообразными способами и в разных сферах литературной и государственной деятельности, но особая и чрезвычайно важная роль отводилась в ней архитектуре и изобразительному искусству. Поэзия, к которой принцепс и особенно его ближайшее окружение (Меценат) проявляли также большой интерес, имела как инструмент пропаганды неизмеримо меньшее значение. Она была обращена к более узкому кругу граждан, чем парадные постройки, скульптуры и монументы, украшавшие площади и улицы Рима, видимые всем и вызывавшие всеобщее внимание.

Август был, как известно, одним из величайших строителей древности. Он стремился придать городу парадность и репрезентативность, достойные центра мировой державы, вдохновляясь примером прославленных эллинистических монархов. Рим не только украшается при нем новыми общественными зданиями, форумами, портиками, храмами, изысканными садами и парками, но и наполняется в невиданных прежде количествах шедеврами классического греческого и эллинистического искусства. По мнению некоторых ученых, город напоминал в этом отношении Флоренцию времени Лоренцо Медичи [2]. Но шедевры искусства подбирались и аранжировались по строго обдуманному плану, в соответствии с идеями официальной пропаганды, и исследование, с этой точки зрения, римских архитектурных памятников и декоративного искусства может существенно обогатить наши знания основных идей и символики августовской пропаганды. Однако то обстоятельство, что эта пропаганда велась средствами высокого искусства, не может быть объяснено только узко утилитарными соображениями.

В капитальных монографиях Ф. Кюмона [3], Х. Марру [4], П. Бойансе [5] убедительно доказано сейчас, что вся сфера культуры и искусства была окружена в Риме особенным, почти религиозным почитанием. По наблюдениям этих ученых, даже надгробные памятники конца республики и периода Империи были полны мусическими мотивами, изображениями умерших за чтением, письмом, декламацией в обществе муз, богов и героев. Приобщение рядового гражданина к миру искусства и культуры давало ему после смерти своего рода апофеоз, делая его участником жизни ге-

[1] *Утченко С. Л.* Юлий Цезарь. М.: Мысль, 1976. С. 345—346.
[2] *Menge R.* Römische Kunstzustände im Zeitalter des Augustus. B., 1878. S. 32.
[3] *Cumont F.* Recherches sur le symbolisme funéraire des Romains. P., 1942.
[4] *Marrou H.* Μουσικὸς ἀνήρ. Grenoble, 1937.
[5] *Boyance P.* Le culte des Muses chez les philosophes Grecs. P., 1937.

роев и богов. Х. Марру назвал это одним из способов «героизации», но «героизации через культуру» [6] и показал глубокие истоки этих представлений, восходящих еще к культу философов в эллинистической Греции. Наблюдения этих исследователей-историков подкрепляются и работами искусствоведов, особенно специалистов в области стенной живописи Помпей, Геркуланума и самого Рима. Анализируя стенную живопись римско-италийских вилл, ученые приходят к выводу, что она служила целям праздничного преобразования, своего рода преображения жизни и ее религиозного подъема. Искусство как бы создавало вокруг обитателей дома своеобразную вторую действительность, населенную не только богами и героями, но и поэтами, философами, мудрецами, всюду изображенными на стенах, общение с которыми приобщало к своего рода высокому существованию [7]. Эту атмосферу поддерживали и сады, окружавшие виллы, как это показано в обширной монографии П. Грималя о римских садах, только что вышедшей в Париже уже третьим изданием [8].

Представления о важной роли в жизни человека мусической сферы, возвышающей и приобщающей к бессмертию, были несомненно свойственны и самому Августу, и именно поэтому искусство, преобразующее действительность в высокий и значительный мир, могущее придать и официальной идеологии глубокий символический смысл, превращающий актуальное, сиюминутное в вечное и бессмертное, должно было, конечно, играть особенно важную роль во всей политической пропаганде принцепса. Однако официальная идеология принципата не была статичной, раз и навсегда сложившейся. Она менялась на разных этапах весьма продолжительной государственной деятельности Августа, и на первый план выдвигались в ней различные стороны, появлялись новые мотивы и символы, переставлялись акценты. Путь, пройденный официальной пропагандой за четверть века, от сооружения знаменитого храма Аполлона Палатинского (28 г. до н. э.) до завершения форума Августа с храмом Марса Мстителя (2 г. до н. э.), чрезвычайно важен не только для понимания идеологии принципата, но в известной степени и для истории римской культуры.

Храм Аполлона Палатинского, посвященный победе при Акции, был достроен в 28 г. до н. э. и открыт 9 октября. До этого Аполлон как чужеземный бог почитался в старинном святилище, расположенном за городской чертой (extra pomerium). Теперь он становится одним из особенно почитаемых римских богов. К подножию его статуи в храме переносятся из капитолийского святилища Юпитера Сивиллины книги пророчеств [9]. Его чтят здесь как покровителя рода Юлиев, патрона Октавиана, помогшего принцепсу победить Антония, и как Аполлона-кифареда — бога наступившего мира, когда пришло время, по словам Проперция, сложить оружие и взять в руки лиру (IV. 6. 69—70). Палатинский холм был выбран для храма с тонким расчетом: именно на этом холме, согласно древней легенде, Ромул и Рем совершали свои ауспиции, положившие начало Риму. Здесь на Палатине родился сам Октавиан, и недалеко от храма стоял его дом-дворец. Греческий бог как бы приобщался на этом холме к судьбе Рима и к неразрывно связанной с ней, как утверждала официальная про-

[6] *Marrou.* Op. cit. P. 30.

[7] *Schefold K.* Pompejanische Malerei. Sinn und Ideengeschichte. Basel, 1952. S. 22 ff.; *idem.* Vergessenes Pompeji. München, 1962. S. 17—20; *Snell D.* Die Entdeckung des Geistes. Hamburg, 1955. S. 392—397; *Maiuri A.* La peinture romaine. Skira. Genéve, 1953. P. 235.

[8] *Grimal P.* Les jardins romains. P., 1984.

[9] *Colini A. M.* Il Tempio di Apollo. Roma, 1940. P. 5—6; *Simon E.* Die Portlandvase. Mainz, 1957. S. 37.

Рис. 1. Аполлон Палатинский. Сестерций Антонина Пия

Рис. 2. Аполлон Палатинский. Подписной сердолик резчика Гилла. I в. до н. э. ГЭ. 2,0 × × 1,4 см.

Рис. 3. Аполлон Палатинский. Сердолик из мастерской Гилла. I в. до н. э. ГЭ. 2,0 × 1,4 см.

паганда, судьбе самого принцепса. Римские и греческие идеи и ассоциации, отразившиеся в убранстве и самой аранжировке храма, слились здесь в своеобразное единство, исполненное глубокого значения. Как Август при Акции разбил Антония и при Филиппах отомстил за убийство Цезаря, так Аполлон изгнал из Дельф галлов и наказал Ниобидов — именно эти сцены были изображены на роскошных, украшенных слоновой костью дверях храма. Перед храмом стояла статуя Аполлона с кифарой в одной руке и сосудом для возлияний в другой. Уста его были полуоткрыты, как у поющего священный пеан Аполлона-мусагета. В целле храма возвышалась его статуя работы Скопаса, здесь он был изображен в дорическом пеплосе с кифарой в руке. Слева от него стояла Латона со скипетром — произведение Кефисодота (сына Праксителя), справа — Диана с факелом, сделанная Тимофеем. Эти боги, впервые в Риме объединенные в группу, напоминали прославленные древние триады латинян — Юпитера, Юнону и Минерву на Капитолии, Цереру, Либера и Либеру на Авентине,— но это была новая триада, созданная по воле принцепса [10]. Этот скульптурный ансамбль утрачен, но достаточно верные воспроизведения статуй сохранились в августовской глиптике [11] (рис. 1—3). Впервые в Риме в этом храме божеству воздавались почести прежде всего как богу мира и богу поэтов, покровителю мусических искусств. До этого коллегия поэтов находилась в ведении Геракла (Hercules Musarum) [12]. В портиках храма были выставлены богатые посвятительные подарки: части актийской добычи, знаменитый канделябр Александра Македонского в виде дерева, драгоценное собрание резных камней. Неподалеку от святилища стояли четыре ростральные колонны, украшенные бронзовыми носами кораблей Антония [13]. При храме были устроены греческая и римская библиотеки, а рядом со скромными помещениями, где хранились бесценные пергамены, располагались репрезентативные залы для чтения и бесед, в одном из них стояла статуя Аполлона с портретными

---

[10] *Gagé J.* Apollon romain. P., 1955. P. 533—534.

[11] *Неверов О.* Мастер Гилл и скульптуры храма Аполлона на Палатине // СГЭ. 1973. 36. С. 45 сл. Ср. сердоликовую инталию с головой Аполлона: ГЭ, инв. № И 10112.

[12] *Gagé.* Apollon romain. P. 534.

[13] Ibid. P. 540.

чертами Октавиана [14] (рис. 4). Стены зала были украшены изображениями и бюстами знаменитых мудрецов и поэтов — здесь Август любил проводить заседания сената. Сама традиция устройства библиотек при храмах восходит к эллинистическому времени, но в храме Аполлона библиотека вошла в глубоко продуманный архитектурный комплекс, все декоративные элементы которого были подчинены представлению о высокой значительности сферы культуры и мусических искусств, которым Октавиан хотел придать особый вес в годы, непосредственно следовавшие за победой при Акции.

Рис. 4. Август-Аполлон. Сард из мастерской Гилла. I в. до н. э. Флоренция. Археологический музей. 3,3 × 2,5 см.

В это время власть Августа еще окончательно не оформилась, и он выступал прежде всего как восстановитель республики: Libertatis populi Romani vindex, основными его лозунгами были: прекращение войн и установление мира [15]. На монетах этого времени чеканилось изображение Виктории на носу корабля с пальмовой ветвью в руке, Аполлона с чертами Октавиана и самого принцепса с плугом и в одежде авгура. На эфесских монетах, датируемых 28 г., была изображена богиня Мира [16].

Политическая пропаганда в это время была направлена и против Антония, так как, хотя его самого уже не было в живых, в Риме все еще распространялись политические памфлеты, направленные против Октавиана, и «партия Антония» еще существовала [17].

Во время ожесточенной и еще недавней борьбы Октавиан и Антоний обвиняли друг друга в стремлении к монархической власти, а незадолго до Акция Октавиан, как известно, обнародовал завещание Антония, из которого стало ясно, что не только дети Клеопатры и она сама получали богатые подарки и обширные владения, но что бывший триумвир постановил, чтобы его погребли в Александрии вместе с Клеопатрой. Это дало повод к распространению слухов, поощряемых Октавианом, о том, что Антоний хочет перенести центр государства из Италии в Египет [18]. Сооружение храма Аполлона и постройка мавзолея Октавиана, воздвигнутого в эти же годы, было своего рода ответом на восточную политику Антония и на его монархические замашки. Мавзолей, имевший форму древнейшего этруско-римского погребения (tumulus), должен был свидетельствовать о том, что Октавиан в противоположность Антонию будет навеки

[14] Возможно, на крупном сарде из флорентийского Археологического музея до нас дошло воспроизведение именно этой скульптуры. См.: *Vollenweider M.-L.* Steinschneidekunst und ihre Künstler in spätrepublikanischer und augusteischer Zeit. Baden-Baden, 1966. S. 55. Taf. 54, *1*.

[15] *Vell. Paterc.* II. 89; *Машкин И. А.* Принципат Августа. М.— Л., 1949. С. 378 сл.

[16] *Машкин.* Ук. соч. С. 38.

[17] *Suet.* Aug. 7.2; *Kraff K.* Der Sinn des Mausoleums des Augustus // Historia. 1967. Bd 16. Ht 2. S. 200 f.

[18] *Glauning A. E.* Die Anhängerschaft des Antonius und des Octavian. B., 1936. S. 5 f.; *Plut.* Ant. 58.8; *Cass. Dio.* 50.4.2; 52.4.8. Для эпохи республики было характерно odium regni, и лозунг «libertatis populi Romani vindex» должен был снять с Августа всякие подозрения в узурпации власти (*Kunkel W.* Zum Freicheitsbegriff der späten Republik und des Prinzipats // Prinzipat und Freiheit. Wege der Forschung. Bd CXXXV. Darmstadt, 1969. S. 86).

верен Риму. Культ же Аполлона, принявший теперь официальный характер, как бы противопоставлялся увлечению Антония религией Диониса и вакхическими оргиями, которым триумвир предавался на Востоке. Верность Октавиана Риму подтверждалась его желанием сделать Вечный город не только центром обширного государства, но и средоточием культуры и искусства, не уступающим Александрии, претендовавшей, согласно официальной пропаганде, направленной против Антония, на то, чтобы стать «столицей мира». Храм Аполлона Палатинского и воплотил эту идею зримо. Лозунг мира привлек к Октавиану различные общественные группировки и нашел широчайшее отражение в поэзии и изобразительном искусстве, но при этом и всей сфере частной жизни, расцветшей наконец после мрачного периода гражданских войн, стало уделяться исключительное внимание как важной общечеловеческой ценности. Гораций в своих одах создал целую концепцию частной жизни (otium), «просвещенного досуга», исполненную глубокой содержательности и философской мудрости. Этот поэт, как заметил В. Пёшль, всегда выделял в официальной идеологии принципата особую ее сторону: «аполлоновскую линию»[19]. Прославляя Августа как Сотера, вернувшего в Рим светлую весну, Гораций писал, что принцепс любит отдыхать в гроте Муз, где богини внушают ему благие мысли, смягчая и облагораживая его душу (с. 4, 5; 3, 4). И действительно, сферы мусической и государственной жизни на краткий период (примерно в течение 20 лет после Акция) как бы уравновесились, гармонически соединились. Об этом свидетельствует не только Гораций, но вся деятельность и даже самый тип личности одного из друзей и ближайших соратников Августа — Мецената, изложившего принципы своей частной жизни в сочинении «De cultu suo». И как раз Меценат, принципиально избегавший непосредственного участия в политических событиях, собирал вокруг себя поэтов и устраивал публичные рецитации в специально построенной для этого аудитории в своих роскошных садах на Эсквилине. Побуждая видных писателей своего времени создавать значительные произведения во славу принцепса, он на практике осуществлял эту «аполлоновскую линию» Августа, основываясь на представлении о высокой значительности сферы искусства, придающего непреходящую ценность эфемерным событиям. Интересно, что его собственные художественные вкусы отнюдь не соответствовали эстетике официального классицизма, однако Август только посмеивался над его литературными странностями и экстравагантными выходками [20]. В этом официальном поощрении «просвещенного досуга», несомненно, таился и известный политический расчет; ведь отход граждан от государственной деятельности развязывал руки самому принцепсу, постоянно входившему в роль непререкаемого главы государства.

Аполлон, как патрон Августа, как бог искусства и своего рода символ «аполлоновской линии» в политике, в течение 20 лет постоянно изображался на скульптурных памятниках, геммах, монетах и вазах в Риме, Италии и римских провинциях. На Карфагенском алтаре gentis Iuliae бог изображен с грифоном, кифарой и неизменной лавровой ветвью в руке [21]. В таком же окружении он выступает и на Венской камее [22]. На многочисленных монетах (до 9 г. до н. э.) Аполлон-кифаред напомина-

[19] *Pöschl V.* Horaz und die Politik // Sitzungsberichte d. Heidelberger Akad. d. Wiss. Philos.-hist. Kl. 1956. Ht 4. S. 10—12; *idem.* Horazische Lyrik. Heidelberg, 1970. S. 123.
[20] *Gardthausen V.* Augustus und seine Zeit. Bd I, 1. S. 762—784; 2. 432—445.
[21] *Simon.* Die Portlandvase. S. 41; *Gagé.* Apollon romain. Pl. VIII.
[22] *Simon.* Die Portlandvase. S. 49.

ет знаменитую статую Скопаса из храма на Палатине [23]. На многих осколках ваз часто встречаются изображения Аполлона у алтаря после его победы над Пифоном [24]. Последние следы аполлоновских мотивов в официальном искусстве представлены на знаменитом Алтаре Мира. Здесь в роскошном декоративном убранстве алтаря с Аполлоном связаны ветви лавра и лебеди, священные птицы Аполлона-мусагета. Участники торжественной процессии, изображенные на этом выдающемся памятнике августовского искусства, несут венки из «мироносного лавра» (pacifera lauru), а должностные лица — «Fasces laureati» (фаски, украшенные лавром) [25].

Плиний Старший свидетельствует, что сам обычай праздновать триумф в лавровом венке и с ветвью в руке восходит к Августу (NH. 15. 29. 137) и именно лавр приобретает своего рода символическое значение в искусстве и поэзии после Акция. У Проперция Аполлон дает сигнал к Актийской битве рукой, держащей лавр (с. 4, 6, 55), Овидий называет лавр «зеленью Акция», и им увенчана у него и сама богиня Мира (Fasti. I.711). Лавровые ветви становятся в это время излюбленным украшением алтарей, саркофагов, канделябров, светильников, монет [26].

Овидий, отзываясь на эту моду, рассказывает в «Метаморфозах» легенду о происхождении лавра. И как раз творчество этого выдающегося поэта свидетельствует о том, куда привела в конце концов эта «аполлоновская линия» в политике, с ее поощрением «просвещенного досуга». Художник, мыслящий широко и свободно, порой демонстративно подшучивающий над официальной идеологией, с юмором повествует о любовной страсти Аполлона к юной красавице Дафне (daphne — лавр, греч.). Однако завоевать любовь прекрасной нимфы оказывается для бога неизмеримо труднее, чем победить Пифона. Героический лавр, тот лавр, что демонстративно украшал вход во дворец Августа на Палатине, по своему происхождению, утверждает Овидий, отнюдь не героичен. В нем увековечена *сияющая красота* превращающейся в *лавровое дерево* Дафны и прославлено могущество любви, подчиняющей себе даже всесильного бога (Metam. I. 452—568). Это смелое, полемически заостренное толкование известного мифа дано в одном из самых традиционных жанров, жанре эпоса, искони считавшемся в Риме глубоко серьезным, философски-концептуальным, мудро толкующим прошлое и настоящее. Овидий выдвигает на первый план не проблемы римской истории и морали, а вопросы внутренней духовной жизни человека, мир его чувств и разнообразных эмоций, облагороженных и утонченных августовской культурой и искусством. На всей поэме лежит печать высокого артистизма, вдохновения и мастерства, часто свободного от традиций. В поэзии Овидия широко отразился многообразный мир того неофициального искусства, что окружал частную жизнь римлянина на его вилле и в его садах, и в этом отношении творчество поэта еще недостаточно исследовано. Как раз поощрение «просвещенного досуга» и богатство, обладателем которого стал Рим в результате войн и ограбления провинций, привели к расцвету не только государственного, но и частного строительства. За парадным фасадом официального искусства с его политической символикой жило и развивалось искусство частного интерьера и сада, окружавших «просвещенный досуг» римлянина. В тончайшем искусстве стенной живописи

[23] Ibid. S. 53.
[24] Ibid. S. 33.
[25] Ibid. S. 40; *Simon E.* Ara Pacis. Tübingen, 1968. S. 13—14.
[26] *Simon.* Die Portlandvase. S. 40.

передавались различные оттенки психологических состояний героев, создавались «иллюзорные перспективы», изображались поэтические пейзажи и исключительный по живописи природный декор. Скульптура, стенные картины, сады с изысканно аранжированным миром природы не могли не способствовать постепенной переоценке традиционно-римских этических и эстетических ценностей. И в то время как сам Август с течением времени стал проявлять все больший интерес к древнему, исконно римскому, новое поколение римлян, напротив, все дальше отходило от старого. В конце правления Августа, когда он отошел от прежней «аполлоновской линии» и когда рядом с ним уже не оказалось ни Мецената, ни Вергилия, ни Горация, ни даже Агриппы, его столкновение с молодым поколением, выросшим в обстановке поощрявшегося прежде принцепсом «просвещенного досуга», стало неизбежным. Жертвой этого столкновения оказался и Овидий, пострадавший, конечно, не только за свою поэму «Искусство любви» и за какое-то неизвестное нам оскорбление Августа, но и за все направление своего творчества, резко расходившегося и с официальной идеологией, и с эстетикой римского классицизма.

Секулярные игры в 17 г. до н. э. были еще связаны с Аполлоном и Дианой. Гораций начинает и кончает свой гимн обращением именно к этим богам, и главные торжества, происходившие на третий день праздника, развертывались на Палатине у храма Аполлона, но торжественный хор матрон выступал и у капитолийского святилища Юпитера. Возможно, что Август хотел как-то примирить между собою этих двух богов, так как в свое время лишил Капитолийский храм Сивиллиных книг [27]. Однако в секулярном гимне Горация заметны лишь некоторые следы «аполлоновской линии». Он упоминает о любви Муз к Аполлону (Carm. sec. v. 61—64), а на первый план выступают мотивы, связанные с «нравами предков» (moribus maiorum): восстановление древних римских добродетелей, военные победы на суше и на морях, легенды о божественном происхождении рода Юлиев, словом, все то, что начинает теперь занимать ведущую роль в политической пропаганде Августа и находит в конце концов свое завершающее и как бы итоговое воплощение в монументальном ансамбле форума Августа и храма Марса Ультора (Мстителя), этих значительнейших сооружений принцепса, далеко не достаточно оцененных еще историками принципата.

Раскопки форума нельзя сегодня считать вполне законченными, но общий вид его убедительно восстановлен итальянскими археологами. Ясны основные мотивы, определившие его архитектуру, скульптурное и декоративное убранство, отразившие основные идеи официальной пропаганды, приведенные в законченную и строго обдуманную систему.

Архитектурным образцом для форума послужили площади эллинистических городов, но в Риме идея делового и репрезентативного центра без рынка и городского движения получила логически стройное и четкое воплощение. В то время как на соседнем форуме Цезаря друг с другом соседствовали разнообразные по стилю и назначению постройки, на Августовом форуме господствовало глубоко продуманное единство. Площадь была отделена от окружающего стеной и образовывала замкнутое пространство, в центр которого был выдвинут храм Марса Ультора. Он стоял на высоком подии и был окружен с трех сторон колоннами коринфского ордера. С юга и севера к стене примыкали портики, при входе на площадь возвышалась триумфальная квадрига Августа. Вели-

[27] *Gagé*. Apollon romain. P. 636.

Рис. 5. Марс Ультор с форума Августа. Сестерций Антонина Пия

Рис. 6. Ромул-триумфатор с форума Августа. Ауреус Адриана

чественный фронтон храма украшали изображения богов, имевшие в ансамбле символическое значение. Первое место принадлежало здесь, конечно, Марсу Ультору, в благодарность которому за победу при Филиппах и было воздвигнуто святилище. Он был представлен с бородой и в полном вооружении, а справа от него стояла Венера с Амуром на левом плече. Рядом с ней была изображена Фортуна с рулевым веслом и рогом изобилия, а по соседству на груде оружия сидела победоносная богиня Рома с копьем и щитом. Возле Венеры на скале восседал Ромул в облике пастуха с авгурским жезлом в руке, а в углу фронтона виднелся бог Тибр, увенчанный тростником. Марс и Венера торжественно стояли, повернувшись друг к другу, в самой целле храма (рис. 5). Панцирь бога войны был украшен грифонами — священными зверями Немезиды — богини мщения — и рогами изобилия — символом мира. Венера опиралась на колонну, а рядом с ней, держащийся за ее подол и как бы увлекающий ее к Марсу, был виден маленький Амур с игрушечным мечом в руках. Грозный бог войны, совершив справедливое возмездие, как бы вступал теперь в союз с прародительницей рода Юлиев — Венерой. Плодом их любовного союза была, согласно греческой мифологии, Гармония, у римлян называвшаяся Конкордией — богиней согласия. И именно идея согласия, погасившего прежнюю вражду и примирившего между собою политических противников от времен Республики до времени Августа, была воплощена в скульптурных группах, стоявших в северном и южном портиках. В экседрах северной колоннады стояли статуи троянских предков Юлиев, окружая возвышающуюся в центральной нише статую Энея (рис. 6—10). В южном портике вокруг Ромула группировались триумфаторы и государственные деятели эпохи республики («togati» и «summi viri»): Сципион Эмилиан, Г. Гракх, Катон, Марий, Сулла и др.[28] Всем им были возданы почести в элогиях, выбитых на мраморных постаментах. Лаконичный стиль элогий напоминает стиль «Деяний» Августа (RGDA), и Плиний Старший свидетельствует, что принцепс сам участвовал в их составлении (NH. 22. 6. 13). Род Юлиев, ведший начало от Венеры, и римляне, происшедшие от Марса и Ромула, как бы объеди-

[28] Воспроизведение скульптур Ромула и Энея сохранились в нумизматике и глиптике. Ср. ГЭ, инв. № ж 4617; 2437; Antike Gemmen in Deutschen Sammlungen. Bd II. München, 1969. № 531.

Рис. 7. Ромул-триумфатор с форума Августа. Сердолик. I в. Берлин. Государственный музей. 1,5 × 1,1 см.

Рис. 8 *а*, *б*. Группа Энея, Анхиза и Аскания с форума Августа. Сердолик. I в. Лондон. Собрание Ионидес. Высота 1,4 см.

нились здесь в вечном союзе, и торжественная вереница римских триумфаторов завершалась Августом. При входе на форум стояла его победная колесница, а на фронтоне храма была выбита горделивая надпись: Caesar Augustus Divi Filius Pater Patriae [29]. Династические идеи, протензии на особую роль рода Юлиев были облачены здесь в специфически римские формы, освященные традициями «morum maiorum». Сам форум с храмом и портиками, в которых была как бы сконцентрирована вся история Рима, должен был восприниматься гражданами, с одной стороны, как центр империи, где решались судьбы государства, вопросы войны и мира, а с другой — как грандиозный атрий правителя, дом всех римлян, объединенных в большую семью во главе с Августом. Ведь Дион Кассий, толкуя смысл титула принцепса «pater patriae», говорит, что само имя «pater» означало, что Август имел власть над римлянами, как «pater familias» над своими домочадцами [30] (Cass. Dio. 53. 18. 3).

Эллинистические представления о божественности монарха, в противоположность малым искусствам времени Августа (геммы, вазы), в этом официальном сооружении были приглушены и сведены к роли своего рода аккомпанемента. Так, в специальном зале на форуме были выставлены две картины Апеллеса с изображением Александра Македонского. На одной он был представлен с Никой и Диоскурами, на другой — на триумфальной колеснице, за которой следовал закованный в цепи демон войны, скрежещущий зубами (Plin. NH. 35. 16. 93). Искусство Апеллеса ставилось здесь на службу августовской пропаганды, и миссия римского принцепса-миротворца была выразительно подчеркнута аналогией с деятельностью обуздавшего войну Александра Великого. Но с Александром были связаны и легенды о его стремлении объединить всех людей в обширном мировом государстве в идеальный союз, основанный на гармонии и согласии [31], и эти легенды как нельзя лучше согласовывались с идеа-

[29] *Zanker P.* Forum Augustum. Tübingen, 1969. S. 1—19; *Bianchi Bandinelli R.* Rome le centre du pouvoir. P., 1968. P. 180—183; *Rodenwaldt W.* Kunst um Augustus. B., 1945. S. 80—83; *Schilling R.* La religion Romaine de Venus. P., 1954. P. 332—342.

[30] *Rowell H.* Vergil and the forum of Augustus // AJPh. 1941. 62. 3. P. 269.

[31] *Машкин.* Ук. соч. С. 243; *Tarn W.* Alexander Helios and the golden Age // JRS. 1932. XXII. P. 135.

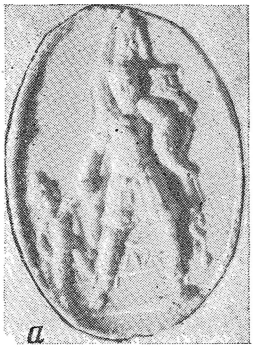

Рис. 9 *а*, *б*. Группа Энея, Анхиза и Аскания с форума Августа. Сердолик. I в. ГЭ. 1,1 × 0,8 см.

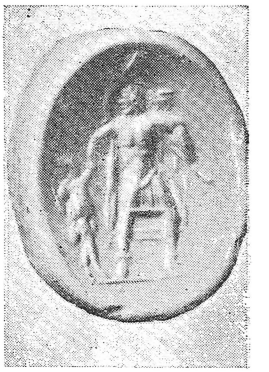

Рис. 10. Группа *Энея*, Анхиза и Аскания с форума Августа. Празер. I в. ГЭ. 1,4 × 1,0 см.

лами союза и мира между гражданами Рима, чем и определялся весь характер архитектуры и скульптурного убранства форума.

Картины Апеллеса существенно обогатили эти идеалы, заставив зазвучать широкую общечеловеческую тему, по-своему отразившуюся и во всем декоре форума, там, где были использованы мотивы греческого искусства разнообразных эпох и стилей — от архаики до эллинистического модерна. Портики, например, были украшены копиями знаменитых кариатид Эрехтейона, а профили колонн храма Марса Ультора заимствованы из построек Перикла на Акрополе [32]. Статуя Афины — памятник греческой архаики — была вывезена Августом из Тегеи. Орнаментальные украшения — листья, плоды и цветы на рельефах и мозаиках, так же как и изображения оружия, были выполнены в стиле позднего эллинизма.

Само это разнообразие стилей, использование различных сортов мрамора, доставленного из разных частей обширной империи, и богатейшее собрание трофейного оружия, захваченного у народов близких и дальних стран, создавало впечатление универсальности и мирового значения Римской империи, импозантно представленной в торжественном атрии ее правителя. Стремясь воплотить в ансамбле форума идеалы dignitatis и maiestatis, столь характерные для всей иконографии Августа и его парадных построек, архитекторы и скульпторы, создатели ансамбля форума, отнюдь не переходили к напористым эффектам и показной помпезности. Конечно, вся официальная символика, представленная статичными фигурами, лишенными страсти и вдохновения, холодна и требует от зрителя скорее работы мысли, чем полета воображения, но тем не менее форум производил на современников сильнейшее впечатление. Плиний считает его одним из самых выдающихся памятников мирового искусства (NH. 36. 15. 102), и Овидий, как современник Августа, подтверждает это мнение. Со свойственным ему артистизмом он описывает самый характер воздействия храма и форума на римского зрителя. Сам Марс спускается у него на землю, чтобы полюбоваться своим святилищем. Оно грандиозно, как огромен и сам древний Маворс, и могло бы вместить трофеи гигантов. Но оно величественно не столько своими размерами, сколько тем, что в его убранстве отражена целая концепция римской истории и ее связи с современностью (Ovid. Fast. V. 545—569). Скепти-

[32] *Wesenberg B.* Augustusforum und Akropolis // JDI. 1984. 99. S. 161 ff.

чески относясь ко многим сторонам официальной идеологии, Овидий, как художник, высоко оценивал выразительную мощь и праздничную приподнятость замечательных архитектурных ансамблей века Августа. Вокруг них всегда кипела своя, особенная, торжественная жизнь: в храмах и на форумах совершали парадные жертвоприношения, происходили церемонии приема иноземных послов, собирались сенаторы, произносились отточенные речи. Церемониальная сторона, также выразительная и часто глубоко продуманная, по-своему служившая целям политической пропаганды, усиливала впечатление, производимое архитектурой и скульптурой. Овидий восхищается праздничным жертвоприношением в храме Януса. Удивительны здесь эффекты освещения: пламя, вспыхивающее на алтаре, зажигает дрожащим светом сверкающие золотом пластинки высокого свода, воздух напоен благовониями, весело потрескивает киликийский шафран, блещут пурпуром одежды магистратов, сияет слоновая кость (Ovid. Fast. I. 75—87).

Таким образом, официальная пропаганда широко использовала все возможности эстетического воздействия искусства на массового зрителя: размеренность пропорций, величавую ретроспективность стиля, разнообразные эффекты освещения, колористические качества декоративных материалов и т. д., не оставлявших равнодушными даже таких тонких ценителей искусства, какими были прославленные поэты «золотого века» Августа.

В этой особенности политической пропаганды августовского принципата, как бы поставленной на котурны высокого искусства, заключена, по нашему мнению, большая доля ее глубокого воздействия на современников.

Форум Августа должен был, по замыслу его создателей, увенчать многолетнюю государственную деятельность принцепса и представить как осуществившиеся те политические идеалы, которыми он якобы руководствовался. Эти идеалы нашли интересное воплощение и на базисе алтаря, относящегося, по-видимому, к последним десяти годам правления Августа и найденного в Сорренто. Здесь храм Аполлона вписан в новый ансамбль и подчинен идеям, воплощенным в форуме Августа. Как там, так и здесь изображены Марс и Венера с Амуром, но к этому присоединено еще и изображение Гения самого Августа с рогом изобилия. Мусическая сфера, подвластная Аполлону, решительно вытеснена здесь сферой Марса и Венеры, и на первый план выдвинуты династические мотивы и значение личности самого Августа [33].

Храм Марса Мстителя был воздвигнут в краткий период затишья в военных действиях и формального благополучия в делах государства. Правда, несмотря на чистку сената, между ним и Августом совсем не было того единодушия, о котором должны были свидетельствовать скульптуры портиков; период даже мнимого единодушия сословий был краток. Вскоре Август лишился своих внуков, с которыми он торжественно открывал свой форум, начались годы семейных распрей в доме Юлиев, и за ними последовали расправы с оппозицией, ссылки и даже уничтожение неугодных принцепсу книг. Идея «аполлоновского века» (Saeculum aureum) резко разошлась с итогами правления Августа, и на первый план принцепс стал выдвигать авторитарное начало и маскировать древними легендами и more maiorum свою откровенно династическую политику.

[33] *Gagé*. Apollon romain. P. 558—574; *Wickert L.* // Der Prinzipat und die Freiheit. Wege der Forschung. Bd CXXXV. Darmstadt, 1969. S. 117 f.

Основные положения официальной пропаганды — идеи завершения борьбы сословий, всеобщего мира и спокойствия внутри империи — вступали в противоречие с чувством отчуждения, разобщенности и бессмысленности существования, охватившими римское общество в связи с утратой больших коллективных целей общественной жизни и унизительным состоянием подданного, пришедшим на смену состоянию свободного гражданина.

Н. В. Вулих, О. Я. Неверов

LE ROLE DE L'ART DANS LA PROPAGANDE DE L'IDÉOLOGIE OFFICIELLE PENDANT LE PRINCIPAT D'AUGUSTE

N. V. Vulikh, O. Ja. Neverov

Le principat d'Auguste fut marqué par une propagande active de l'idéologie officielle. Elle était réalisée par des moyens très divers, mais un rôle particulier était réservé aux arts plastiques et à l'architecture. Auguste mettait à profit l'idée fort répandue du rôle particulier de l'art et de toutes les activités «musiques» capables de transfigurer la réalité quotidienne et d'initier tout le présent, tout le momentané, à l'éternel et à l'immortel. L'idéologie du principat d'Auguste ne fut pas statique: les auteurs étudient son évolution durant un quart de siècle. Les jalons de cette évolution furent: le temple d'Apollon sur le Mt Palatin (28 av. J. C.) et le forum d'Auguste (an 2 av. J. C.). Apollon et les arts «musiques» répondaient au programme de paix universelle avancé par Auguste après la bataille d'Actium, à son orientation vers des «loisirs éclairés» pour les Romains, à son désir de faire de Rome le centre de la culture et des arts. Dans le forum d'Auguste, ce sont les idées dynastiques qui occupent le premier plan, il souligne le rôle providentiel particulier des Julii et d'Auguste lui-même et glorifie les «moeurs ancéstrales» soi-disant restaurées et la prétendue concorde des couches sociales. Cet ensemble architectural devait couronner la longue activité étatique du *princeps* et présenter comme atteints les idéaux politiques qui le guidaient. L'idée d'un «âge Apollonien» dissona énormément avec le bilan du gouvernement d'Auguste, aussi entendit-on de plus en plus clairement, dans l'idéologie officielle modifiée, retentir le thème du pouvoir autoritaire dynastique de celui qui avait jadis été proclamé «le rétablisseur de la république».

ЯЗЫК ФРИГИЙСКИХ НАДПИСЕЙ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК. I

Фригийцы, появившиеся на территории Малой Азии не позднее конца II тыс. до н. э.[1], явились создателями своеобразной культуры, сочетающей древнеевропейские и ближневосточные черты жизненного уклада, государственного устройства, мировоззрения. До недавнего времени сведения о фригийцах I тыс. до н. э. (т. е. периода становления и расцвета фригийской государственности) происходили в основном из внешних источников и носили самый общий, а зачастую и весьма гипотетичный

[1] См. *Haspels C. H. E.* The Highlands of Phrygia. Sites and Monuments. Princeton, 1971; *Haas O.* Die Phrygische Sprachdenkmäler. Sofia, 1966 (далее — Haas).

характер. Но сейчас ситуация предстает совершенно иной: интенсивные археологические исследования Фригии доэллинистического периода и, в частности, раскопки Гордиона [2] позволяют на новом уровне подойти к проблеме феномена фригийской государственности [3], социально-экономического устройства и идеологических представлений древних фригийцев, их взаимоотношений с соседними народами и культурами. В решении этих и ряда других проблем (в том числе и в вопросе об этногенезе фригийцев) одним из основных по своему значению источников (если не главным) являются собственно фригийские эпиграфические памятники. С появлением двухтомного «Корпуса старофригийских надписей» [4] в распоряжении исследователей — около 250 надписей VIII—III вв. до н. э. с тщательно выполненными и выверенными in situ прорисями, сопровождаемыми фотографиями памятника [5]. Необходимость историко-филологического анализа и осмысления этого материала совершенно очевидна. Цель настоящей статьи — исследовать фригийские письменные памятники, дать их интерпретацию и обобщить те сведения культурно-исторического характера, которые могут быть извлечены из фригийских надписей. Первая часть статьи содержит грамматический и текстологический анализ, а также перевод большей части старофригийских эпиграфических памятников; во второй части аналогичным образом исследованы старофригийские надписи Центральной и Восточной Фригии и новофригийские надписи. Там же излагаются выводы сравнительно-лингвистического, исторического и культурного характера, которые оказалось возможным сделать на основе реинтерпретации комплекса фригийских текстов.

При изложении результатов исследования надписей эпиграфическая часть сведена до минимума, так как в целом расхождения с издателями «Корпуса» немногочисленны (все случаи такого рода оговариваются). Напротив, филолого-лингвистический анализ текстов изложен достаточно подробно, поскольку, во-первых, на данном материале это делается впервые, во-вторых, обоснование той или иной интерпретации имеет значение, выходящее за узко лингвистические рамки, — это та основа, на которой создается комплекс наших знаний о древних фригийцах.

В обозначении текстов мы следуем за издателями Корпуса: заглавная латинская буква обозначает географическую локализацию надписи (M — «город Мидаса» в Западной Фригии, W — Западная Фригия, B — Вифиния, G — Гордион, C — Центральная Фригия , P — Птерия, T — Тианида, Dd — «Documents divers», нелокализованные надписи); порядковый номер от 1 до 100 относится к лапидарным надписям (надписи на различных частях одного и того же памятника отмечены строчными латинскими буквами, например M — 01a, M — 01c и т. д.), а от 100 и далее — к граффити. В статье используются следующие знаки: точка под буквой — чтение гипотетично; [ ] — лакуна в тексте; { } — наша

---

[2] The Gordion Excavations. Final Reports. V. 1. Pennsylvania, 1981; From Athens to Gordion. The Papers of a Memorial Symposium for R. S. Young. Philadelphia, 1980.

[3] *Моисеева Т. А.* К вопросу о характере Фригийского государства в VIII — начале VII в. до н. э. // ВДИ. 1986. № 3.

[4] *Brixhe C., Lejeune M.* Corpus des inscriptions paléophrygiennes. T. I—II. P., 1984 (далее — CIPP). См. рец.: *Neumann G.* // Kadmos. 1985. № 1; *Баюн Л. С., Орел В. Э.* // ВДИ. 1986. № 3.

[5] Отличие от предыдущих публикаций носит не только количественный характер (ср. *Нерознак В. П.* Палеобалканские языки. М., 1978 (далее — *Нерознак.* ПЯ), где рассмотрены 89 старофригийских надписей), но и касается чтений отдельных знаков, восстановлений пропущенных знаков и их групп.

конъектура; для обозначения явных ошибок в тексте надписи используются знаки: ⟨ ⟩ — пропущенные буквы и « » — лишние буквы; в круглые скобки в переводе заключены слова, добавленные для большей связности высказывания; / / — обобщенная фонетическая транскрипция фригийских форм.

АНАЛИЗ НАДПИСЕЙ

«Город Мидаса»

M — 01a (надпись на культовом фасаде, левая часть фронтона; конец VIII в. до н. э.)[6].

ates : arkiaevais : akenanogavos: midai : lavagtaei : vanaktei: edaes

ates — им. пад. ед. ч., личное имя (ЛИ)[7].

arkiaevais — им. пад. ед. ч. апеллатива. В слове выделяется суффикс — evais (ср. ниже, M — 01b — memevais, P—03 — kanutieivais), соответствия которому в других и.-е. языках не обнаружены, ср., однако, греч. основы на *-eu̯- типа βασιλεύς, кипр. им. пад. мн. ч. Εδαλιε̄F̄ες [8]. Семантика корневой морфемы arki- (ср. греч. ἀρχή ‘начало, основание; начальствование, государственная должность; представитель власти’) позволяет интерпретировать это слово как титул ‘государственный функционер, управляющий’ [9].

akenanogavos — им. пад. ед. ч. апеллатива. Это сложное слово, первая часть которого, aken(a)-, означает ‘памятник’ (см. подробно ниже, W—07), а вторая, (-)anogavos, является отглагольным именем с суффиксом /-u̯o-/ (ср. proitavos в M—01b) от *an-og-, ср. греч. ἄνωγα (эпич. перфект), ἀνώγω (презенс) ‘приказывать, требовать, заставлять’. Термин akenanogavos обозначал, вероятно, должностное лицо, в ведении которого находились памятники.

midai — дат. пад. ед. ч. ЛИ; ср. Μιδας, фригийский царь (Herod.) = ассир. Mi-ta. Окончание дат. ед. -ai типично для ст.-фриг. a-основ.

lavagtaei — дат. пад. ед. ч.; это слово тождественно греч. λᾱF̄ᾱγέτᾱς, микен. ra-wa-ke-ta. В форме lavagtaei (вместо ожидаемой *lavagetai, ср. им. пад. ед. ч. lav{age}tas в G—01), судя по всему, резчиком была пропущена буква e, которая вставлена через два знака (после a), т. е., вероятно, когда ошибка была замечена. Другое объяснение последовательности -ae- («всюду < и.-е. *ē» [10]) в данном случае неприемлемо, так как ст.-фриг. a-основы в дат. пад. ед. ч. имели окончание -ai.

vanaktei — дат. пад. ед. ч., ср. греч. (F)άναξ, микен. wa-na-ka, ср. еще н.-фриг. ouanaktan (вин. пад. ед. ч.: *Haas*, 126). Окончание дат. ед. -ei характеризует ст.-фриг. консонантные основы.

В связи с последними двумя терминами может возникнуть вопрос: относятся ли эти и подобные им слова к исконной ст.-фриг. лексике или к заимствованиям? Уже сейчас очевидно, что старофригийский и греческий обнаруживают большую близость в области фонетики, морфологии, лексики, обусловленную генетическим родством; но, с другой стороны, постоянные контакты греков с фригийцами должны были способствовать

---

[6] См. *Haas*, S. 187; *Нерознак.* ПЯ. С. 71 сл.; CIPP. P. 6.

[7] *Zgusta L.* Kleinasiatische Personennamen. Prag, 1964 (далее — KP). S. 105 f.

[8] *Шантрен П.* Историческая морфология греческого языка. М., 1953. С. 82.

[9] Сочетание ates arkiaevais понимается издателями как ономастическая формула (ЛИ + прилагательное-патроним) и сопоставляется с baba memevais (M—01b) и т. п. Главный аргумент, не позволяющий принять точку зрения издателей, — это отсутствие соотносимых с формами на -evais личных имен.

[10] *Нерознак.* ПЯ. С. 72.

взаимопроникновению языковых единиц. При определении характера той или иной формы представляется целесообразным придерживаться следующего принципа: в том случае, если нет ни прямых, ни косвенных указаний на иноязычный характер слова (например, нерегулярных фонетических соответствий), то даже при наличии формального совпадения такое слово не считается заимствованием. Что касается ст.-фриг. lavageta- и vanak, это, скорее всего, грецизмы. Для lavageta- косвенным свидетельством этого является семантика второго компонента слова — глагола ege-, который в старофригийском известен только в значении 'делать' (ср. ниже, P—04a), но не 'вести'. Появление vanaktei в конструкции вместе с lavagtaei могло бы свидетельствовать о том, что этот двойной титул был целиком заимствован в старофригийский (хотя и lavageta-, и vanak могут также употребляться по отдельности, ср. M—04, G—01).

edaes — 3 л. ед. ч. аориста. Ст.-фриг. edaes — ключевой глагол посвятительных надписей, «verbe de dédicace» (CIPP, p. 6). Начиная с Х. Педерсена[11], его традиционно связывают с и.-е. *dheH- 'ставить', хотя эта точка зрения нигде не обосновывается. Некоторые соображения заставляют пересмотреть эту интерпретацию. 1. И.-е. звонкие придыхательные в старофригийском обычно передаются глухими согласными, например ст.-фриг. en-park- 'возвысить' < и.-е. *bhergh- 'высокий'. 2. Нормальным рефлексом и.-е. *dheH- является ст.-фриг. ti(ye)-/te- 'ставить, назначать' (аорист tiyes — M—04, «имперфект» etit — B—03 и т. д.), и едва ли разумно считать, что один и тот же глагол *dheH- может иметь в конкретном языке столь разные формы 3 л. ед. ч. аориста, как tiyes и edaes. Более вероятно, что edaes восходит к и.-е.* doH- 'давать', 'предназначать', 'посвящать'. Форма edaes содержит аугмент e-, корень в нулевой ступени (ст.-фриг. a может отражать *ə), распространенный элементом-(i̯)e-, и сигматический суффикс -s. Показатель 3 л. ед. ч. -t отсутствует по фонетическим причинам: конечная группа — C_1C_2 (где C_2 — взрывной согласный) в старофригийском обычно упрощалась с сохранением C_1, ср. vanak < *vanakt, но дат. ед. vanaktei.

Перевод: 'Атес, представитель государственной власти, хранитель памятников, посвятил (это) Мидасу — лавагету, царю'.

M—01b (наружная правая сторона того же фасада)

baba: memevais: proitavos : kϕiyanaveyos : si keneman : edaes

baba — им. пад. ед. ч. ЛИ, ср. н.-фриг. Βαβας (*Haas*, 114).

memevais — им. пад. ед. ч.; это производное с суффиксом -evais от основы mem-, сопоставимой, возможно, с хет. mema- 'говорить', memi(ja)- 'слово' (к и.-е. *men- 'думать, вспоминать, упоминать'). Предполагаемое значение ст.- фриг. memevais — 'советник'.

proitavos — им. пад. ед. ч.; производное с суффиксом *-u̯o- от *pro-i-to- 'идущий впереди, предводитель' — вероятно, старой причастной формы, ср. греч. πρό-ειμι 'идти вперед, впереди'. (Основа (-)i-to- обнаруживается также в отглагольном имени itos 'путь, судьба', ср. G—02 и др.). Надписи M—01a и M—01b содержат в начале идентичные конструкции: 'ЛИ + титул на -evais + титул на -(a)vos'.

kϕiyanaveyos — им. пад. ед. ч. прилагательного с суффиксом -eyo-, ср. kuryaneyon (W—01c). Начальная последовательность знаков kϕ- тождественна k↑- в k↑ianaveyos (M—02: CIPP, p. 8). Поскольку знак ↑

[11] *Pedersen H.* Hittitisch und die anderen indoeuropäischen Sprachen. Copenhague, 1948. S. 192. К. Уоткинс, однако, отнесся к этой идее с большой осторожностью, справедливо ссылаясь на плохое состояние изученности ст.-фриг. текстов (*Watkins C.* Indogermanische Grammatik. Bd III/1. Heidelberg, 1969. S. 55).

обозначал дентальный согласный рядом с i (ср. варианты a ↑ios- — T—02 и adio[·] — B—01, 1)[12], это же значение должен был иметь и знак φ. Возможно, kφiyanaveyos — этникон[13], образованный от *kT'i-yanava, ср. анатолийский топонимический суффикс -wa- в Arzawa, Ahhijawa и др. Не исключено, что ст.-фриг./kT'iyanawa/ связано с названием фригийского города в Восточной Каппадокии Τύανα, хотя издатели отвергают эту идею по фонетическим соображениям (ст. -фриг. kφi- при греч. Τύ-, ср. еще лув. Tuwanuwa, ассир. Tuhana). Однако колебания i/u нередки в малоазийской топонимике и ономастике, ср. килик. Ταρχιωνις ~ лув. *Tarhuwani-, хет.-лув. Assuwa- ~ греч. Ἀσία и др.[14]. В любом случае, историко-фонетическая интерпретация группы kφ-/k ↑ - пока не представляется возможной.

si keneman — вин. пад. ед. ч. указательного местоимения и апеллатива, обозначающего объект посвящения. Едва ли можно согласиться с тем, что keneman — имя среднего рода с суффиксом *-mn̥[15]: ст.-фриг. формы типа kenema-, onoma- — это a-основы мужского или женского (но не среднего) рода, что особенно очевидно, например, в синтагме ovevin onoman 'это имя'. Ст.-фриг. kenema- (сравнимое с н.-фриг. knouma, ср. еще kino[u]ma: Haas, 115), восходит к и.-е. k̂en- 'пустой', ср. арм. sin, греч. κένωμα, κενέωμα 'ниша, углубление'. Н.-фриг. kino[u]ma/knouma,— очевидно, грецизм; что касается ст.-фриг. kenema-, отличный от греческой формы вокализм не позволяет считать это слово заимствованием.

Вин. пад. ед. ч. si может графически передавать /sin/, ср. ст.-фриг. s materan 'эту (Великую Богиню-) Мать' (M—01d) вместо sin materan. Возведение ст.-фриг. si- к и.-е. *k̂- (местоимению ближнего дейксиса)[16] неприемлемо, так как это был бы единственный случай сатемного рефлекса и.-е. гуттуральных в старофригийском, где эти согласные вообще не подвергались палатализации, ср. ст.-фриг. deik- 'указывать' < *deik̂-, terk- 'нарушать' < *terĝh- и др. Ст.-фриг. si(-) восходит к и.-е. местоименной основе *se/o.

Перевод: 'Babas, советник, предводитель из Тианы (?), посвятил эту нишу'[17].

M—01c (там же, внутренняя левая сторона центральной ниши)
mater{ey} atatas bonokaua[

mater{ey} — дат. пад. ед. ч. < mater- 'мать' (основа на сонант). Издатели отмечают, что после формы mater есть место для двух знаков; этими знаками могли быть -an (materan — вин. ед.) либо -ey (дат. ед.). Вторая точка зрения более вероятна, так как аккузатив в старофригийском

---

[12] Варьирование d/ ↑ в старофригийском не учтено К. Бриксом, который считает, что ст.-фриг. ↑ передавал палатализованный велярный (*Brixhe C.* Palatalisations en grec et en phrygien // BSL. 1982. LXXVII. P. 229 suiv.). В качестве типологической параллели автор ссылается на «южноанатолийские языки» (видимо, лувийско-ликийские) — p. 233, но в этих языках палатализация велярных отсутствует; см. *Баюн Л. С.* Позднеанатолийские языки как источник по хетто-лувийской дописьменной истории // ВДИ. 1980. № 2. С. 16 сл.

[13] Это допускают и издатели «Корпуса» (CIPP. P. 9).

[14] См. *Гиндин Л. А.* Древнейшая ономастика Восточных Балкан. София, 1981. С. 38, 140 слл.

[15] CIPP. P. 9; *Нерознак.* ПЯ. С. 74.

[16] *Нерознак.* ПЯ. С. 74.

[17] Адресатом посвящения в этой надписи, расположенной в той же части памятника, что и предыдущая, мог также быть Мидас, хотя более вероятно, что такие культовые объекты, как kenema- 'ниша', akara-gayo- 'святилище' (M—02) и т. п., обычно посвящались Кибеле, что было очевидным и потому могло специально не оговариваться.

может предшествовать подлежащему (занимая абсолютное начало предложения) только в том случае, если он образует с другим аккузативом, расположенным в конце фразы, рамочную конструкцию, выступая в ней в качестве ремы (см. ниже, M—04, M—06). Здесь же такая функция исключена.

atatas — им. пад. ед. ч. ЛИ, ср. ст.-фриг. ЛИ atas (G—128, Dd—101), ata (G—107, —118) и т. п.

bonokaua[— им. пад. ед. ч. патронима, образованного от ЛИ bonok (W—01a) посредством суффикса /-wo-/.

Перевод: ʿ(Великой Богине)Матери Ататас, сын Бонокаʾ [18].

M—01d (там же, внутренняя правая сторона центральной ниши). Надпись состоит из двух частей — *A* и *B* (вторая сильно повреждена), нанесенных на поверхность вплотную одна к другой (*A* — правая колонка, *B* — левая).

A: $_1$midas $_2$s⟨i⟩ materan $_3$tvemes eneparkes

B: $_1$mater ap [... $_2$avie[

(*A*) *midas* — им. пад. ед. ч. ЛИ.

s⟨i⟩ materan — вин. пад. ед. ч. указательного местоимения si- (см. M—01b) и апеллатива mater- [19]. Сокращенная запись местоимения отражает, вероятно, форму /s^{e}m/ перед начальным носовым сонантом следующего слова.

eneparkes — 3 л. ед. ч. аориста (ср. н.-фриг. eneparkes); форма содержит префикс en-, аугмент (-)e- (стоящий, как и в греческом, непосредственно перед корнем), основу -park-e- (к и.-е. *bhergh- ʿвысокийʾ) и сигматический показатель -s [20]. Ступень корня -ar- отражает нулевой вокализм *r̥. Ср. хет. park(ija)- ʿподниматься, возвышатьсяʾ, тох. pärk- ʿподниматьʾ.

tvemes; интерпретация этой формы затруднительна. Синтаксически это может быть адверб (с необъяснимым окончанием/суффиксом) либо глагол в аористе. Надпись метрическая (содержит два шестисложника), и этим может объясняться отсутствие аугмента (ср. аналогичное явление в M—04). Бессоюзное соединение двух глаголов (здесь — tvemes eneparkes) встречается также в B—01 (edaes etoves ʿпосвятил(и) принес жертвуʾ) и др.

(*B*) *mater* {*ap*}; издатели предположительно восстанавливают matera n, но верхняя часть последнего читаемого знака, судя по фотографии, относится, скорее, к p (ср. еще M—01c). Форма mater, возможно, вокатив ед. ч. — восходит к *mātĕr (ср. греч. им. пад. ед. ч. ῥήτωρ, зват. пад. ῥῆτορ) при им. пад. ед. ч. matar < *mātēr.

avie[— вероятна связь с глаголом /avo-/ ʿпозволять, оставлятьʾ (см. B—03).

Перевод: (*A*) ʿМидас эту (Богиню-) Мать почтил (?) (и) возвысилʾ. (*B*)ʿО, (Богиня-) Мать! ['(дальше текст разрушен).

M—01a (там же, цокольная часть справа от центральной ниши).

materey {apa}

---

[18] Глагол (скорее всего, edaes) в этой надписи, как и в некоторых других того же типа (M—05, G—02), отсутствует.

[19] Предположение о том, что s — это предлог (ср. н.-фриг. as), мало вероятно, так как прямой объект переходного глагола в классических и.-е. языках обычно не имеет предлога.

[20] Идеи M. Лежена (Athenaeum. 1969. XLVII. P. 118) и O. Хааса (*Haas*. S. 124) о связи ст.-фриг. eneparkes соответственно с и.-е. *perk-ʿeinkratzenʾ или *perk- ʿпокупатьʾ неприемлемы по семантическим причинам (прямой объект этого глагола — Богиня-Мать, Кибела).

Судя по дат. пад. ед. ч. materey, надпись относится к категории посвятительных.

M—01f (там же, большая ниша слева от центральной части) [21].

[..] as tuav [·] e [y] niy : ae esuryoyoy : totin : edaes

[..]*as* — им. пад. ед. ч. ЛИ (типа akas, dat. sg. akai — G—160).

tuav[·]e[*y*] | *niy* — возможно, дат. пад. ед. ч. (ср. *tuwa- в малоазийской ономастике: килик. Βαργαθοης, лик. Ιδατυης + энклитические частицы ni, ae (ср. ai в P—06, н.-фриг. aini — с другой последовательностью энклитик: Haas, 126) с элементом-у сандхиального происхождения (CIPP, 17).

esuryoyoy — дат. пад. ед. ч. прилагательного с суффиксом -oyo- (ср. выше-eyo- в kφiyanaveyos).

totin — возможно, к греч. τό-θι 'там именно' с сандхиальным -n (или прямой объект глагола edaes?).

Перевод: '{Ак?}ас посвятил здесь (?) (для) *т. е.*'

M—02 (святилище; надпись относится к тому же периоду, что и M—01b, и почти полностью совпадает с ней).

bba: memevais: proitavos: k[iianaveyos: akaragayun: edaes

bba — им. пад. ед. ч. ЛИ; вероятно, scriptio defectiva (сокращенная запись?) ЛИ baba, см. M—01b. Другие примеры сокращенной записи ст.-фриг. ЛИ см. в разделе G.

akaragayun — вин. пад. ед. ч. апеллатива с суффиксом -ayo- (ср. B—01, 2: вин. ед. kavarmoyun при дат. ед. kavarmoyoi) akaragayo-, обозначающего объект посвящения, видимо, 'алтарь, святилище [22].

Перевод: 'Babas, советник, предводитель из Тианы (?), алтарь посвятил' [23].

M—03 (святилище; дат. ?)

]abas iman akio{i}[

]*abas* — им. пад. ед. ч. babas или abas (см. P—104).

iman — вин. пад. ед. ч. апеллатива, обозначающего предмет, связанный с культом (подробно см. ниже).

akio{i} — дат. пад. ед. ч. ЛИ (ср. G—272), распространенного в Малой Азии, ср. исавр. Ακκιτις, лик. Akka [24]. Восстановление окончания дат. ед. -i представляется вполне возможным, так как после слова iman следует ожидать обозначения адресата посвящения.

Перевод: '(B)abas *иман* Акиосу (посвятил)'.

M—04 (памятник в виде пирамиды ступенчатой формы; VII—VI вв. до н. э.).

$_1$ąkinanogavaṇ : tiyes$_2$ moḍro ṿanak : {k}avara{n}

akinanogavan — вин. пад. ед. ч. < akenanogavos 'хранитель памятников'. Чередование i/e (также o/u) часто наблюдается в старофригийском рядом с носовым сонантом.

---

[21] См. об этой надписи (без каких-либо положительных выводов): *Brixhe C., Drew-Bear Th.* Trois nouvelles inscriptions paléo-phrygiennes de Çepni // Kadmos. 1982. Bd XXI. Ht 1. P. 80.

[22] Перевод akaragayun как 'sarcophagus' (*Diakonoff I. M., Neroznak V. P.* Phrygian. N.U., 1985 (далее — Phrygian). P. 11) менее вероятен, так как он не соотносится ни с каким реальным предметом на памятнике, который был культовым сооружением, см. CIPP. P. 9 и фотографии (T. II, XVIII).

[23] Отсутствие адресата посвящения может иметь то же объяснение, что и в M—01b (см. прим. 20).

[24] *Zgusta.* KP. S. 16.

tiyes; это слово понимается исследователями по-разному. И. М. Дьяконов и В. П. Нерознак (Phrygian, p. 10) проводят границу между tiye- и -s и видят в первой форме вокатив слова 'бог', что мало вероятно, так как оставшаяся часть, -s, не поддается интерпретации. К. Брикс и М. Лежен понимают tiyes как ЛИ (ср. фриг. Τιγος), из-за того, что эта форма стоит перед титулом, а всю надпись относят к вотивным с пропущенным глаголом edaes. Но edaes не может иметь в качестве прямого объекта обозначение лица (akinanogavan). Более вероятно, что tiyes — это глагол в форме 3 л ед. ч. аориста без аргумента (отсутствие которого объясняется метрическими причинами) < ti(ye)- 'поставить, назначить' (к и.-е. *dheH- 'ставить'), возможно, в ступени dhy-e- [25]; группа -iy- развивается из *i в соответствии с законом Зиверса.

modro — род. пад. ед. ч. топонима Μοδρα (Вифиния) [26]. Окончание генитива -o в этой форме, вероятно, было двуморным.

vanak — им. пад. ед. ч. vanakt- < (консонантная основа), ср. дат. ед. vanaktei (M—01a).

{k}avara{n} — вин. пад. ед. ч. ЛИ; аккузатив более вероятен, чем дат. пад. (-ai), так как надпись утрачивает смысл, если не указано, кто именно был назначен хранителем памятников. Интерпретации последнего слова надписи в качестве дат. пад. противоречат и соображения синтаксиса: порядок O_d (VS)O_{ind} для старофригийского необычен, тогда как двойной винительный может разрываться другими членами предложения, образуя своего рода рамочную конструкцию (ср. M—06). Начальный согласный в {k}avara{n} восстановлен нами по аналогии с многочисленными малоазийскими именами, содержащими основу *kaμa- [27].

Перевод: 'Царь Модры назначил {К}авару хранителем памятников'.

M—05 (остатки фронтона; дат.?)

apelan mekas tevan ǫ[

apelan — им. пад. ед. ч. теонима, ср. дор. Ἀπέλλων, кипр. Ἀπείλων [28].

mekas — им. пад. ед. ч. прилагательного 'великий' (эпитет apelan), ср. арм. mec, др.-инд. mahi, греч. μέγας, н.-фриг. вин. мн. deōs mekon 'великим богам' (Haas, 120).

tevan — вин. пад. ед. ч. ЛИ (ср. teva{s} в M—06), ср. фриг. ЛИ Τιγος и эпиклезу Кибелы tiveia.

Перевод: 'Великий Аполлон Теваса ['

M—06 (святилище в скале; дат.?)

$_1${v}rekun : deiati : teva{s}$_2$davoi : iman

{v}*rekun* — им. пад. ед. ч. o- или u-основы. Это слово, обозначающее культово значимые предмет или сооружение (ср. W—01a), возможно, связано с не очень ясными глоссами: βρέκυν·τον Βρέκυντα, τὸν Βρίγα. Βρίγες γαρ οἱ Φρυγες (Hes.), а также βερεκύνδαι·δαίμονές τινες [καὶ ῥόμβοι] (Hes.), см. Haas, 195; вторая глосса хорошо согласуется с магическим назначением vrekun. Другим правдоподобным объяснением было бы возведение vrekun к и.-е. *ǵregʰ- 'ломать, дробить' с тем же семантическим развитием, что и в лик. laβra 'стела с надписью' < общелув. *lawar- 'ломать, разбивать'.

---

[25] Ср. ту же степень гласного в слав. (de-)ždet(-) < *dhe-dhye-t.

[26] Иначе CIPP. P. 23; *Нерознак*. ПЯ. С. 76. О ст.-фриг. генитиве на -o см. *Орел В. Э.* Об одной греко-старофригийской изоглоссе: род. ед. o-основ // Балканы в контексте Средиземноморья. Проблемы реконструкции языка и культуры. М., 1986. С. 169 слл.

[27] *Zgusta*. KP. § 556; *Гиндин*. Древнейшая ономастика... С. 51 слл.

[28] *Chantraine P.* Dictionnaire étymologique de la langue grecque. P., 1968. P. 98.

deiati — 3 л. ед. ч. тематизированного презенса. Глагол по своей семантике сходен с edaes и также может восходить к и.-е. *doH- [29].

teva{s} — им. пад. ед. ч. ЛИ (см. М—05).

davoi — дат. пад. ед. ч.; слово обозначает адресата посвящения и может быть связано с глоссой Δάος·ὁπὸ Φρυγῶν λύκος (Hes.) [30]. Уже П. Кречмер предположил, что фриг. Δάος восходит к и.-е. *dhaų- [31], ср. слав. daviti [32]. Ст.-фриг. davo- было, вероятно, обозначением Бога-Волка.

iman — вин. пад. ед. ч.

Перевод: 'Тевас посвящает иман — стелу(?) Богу-Волку'.

М—07 (надпись в глубине грота; дат. ?)

tolos

ЛИ, распространенное в Малой Азии [33].

М—08 (скальный выступ; дат. ?)

[.....] {pais} sabas

]{*pais*}; форма с таким окончанием, скорее всего, может быть дат. пад. мн. ч.

sabas — им. пад. ед. ч. фриг. теонима Σάβος (также Σαβάζιος); ср. Σαβάζιος·ἐπώνυμον Διονύσου·καὶ Σάβον ἐνίοτε καλοῦσιν αὐτον. Φρὺξ δὲ ὁ Σαβάζιος (Hes.) [34].

М—09 (часть фронтона (?) дат. ?)

]akeŋano[

Начальная часть термина akenanogavos 'хранитель памятников' [35].

М—10 (каменная плита; дат. ?)

]ten[или]yen[

Вин. пад. ед. ч. имени или местоимения, ср. В—03.

Западная Фригия

W—01a (надпись на треугольном фронтоне культового памятника, VII—VI вв. до н. э.) [36]

$_1$bonok: akenanogavos: vrekun : te datoy $_2$yos tutut {ev}demnoy $_3$akenanogavos aey materan: areyastin

bonok — им. пад. ед. ч. ЛИ (консонантная основа), ср. патроним bonokaua (М—01c) [37].

te datoy — 3 л. ед. ч. оптатива <*doH-'давать, посвящать' с частицей te местоименного происхождения, появляющейся в старофригийском при глаголах в оптативе. К корню в ступени *ə (ст.-фриг. a) присое-

[29] См. подробно *Баюн Л. С., Орел В. Э.* Старофригийский глагольный строй в сравнительно-историческом освещении // Балто-славянские исследования. 1986. М.: Наука. (в печати).

[30] *Eliade M.* Les Daces et les loups // Numen. 1959. № 6. P. 15 suiv.

[31] *Kretschmer P.* Einleitung in die Geschichte der griechischen Sprache. Göttingen, 1896, S. 211.

[32] *Иванов Вяч. Вс.* Древнебалканский и общеиндоевропейский текст мифа о герое — убийце Пса и евразийские параллели // Славянское и балканское языкознание. М., 1977. С. 181 слл.

[33] *Zgusta.* KP. S. 118.

[34] *Гиндин.* Ук. соч. С. 80.

[35] Ср. *Haspels.* Op. cit. P. 294.

[36] В принимаемой нами последовательности чтения строк (1 — левая сторона «треугольника», 2 — его «основание», 3 — правая сторона) мы следуем за В. П. Нерознаком (ПЯ. С. 77), хотя интерпретация надписи у нас не совпадает.

[37] Не исключено, что это имя — семитского происхождения, ср. общесемит. bn 'сын'.

динен показатель оптатива -toy, который встречается у основ на гласный (у согласных основ — -o/ey, см. ниже). Интерпретация формы tedatoy как имперфекта среднего залога <*dheH- (т. е. *dedhe^{ə}-to-) [38] мало вероятна по фонетическим причинам, так как оставляет без объяснения странные рефлексы взрывных (следовало бы ожидать *detatoy) [39].

yos — им. пад. ед. ч. относительного местоимения, ср. ин.-ир. *ya-*.

tutut — 3 л. ед. ч. «имперфекта» [40] <tud- 'бить, высекать (на камне) (?)' [41]. В этой форме второе *-u-* объясняется, вероятно, ассимилятивным воздействием *-u-* в корне (но ср. deiket < deik-).

{*ev*}*demnoy* — дат. пад. ед. ч. основы на -o. Начальный элемент /eu-/ (<*esu-, греч. εὐ- 'благо-') нередко появляется в словах, выступающих в качестве эпитетов божества (Кибелы или Аттиса). Возможно, evdemno- относится именно к Аттису; этому не противоречит и упоминание в 3-й стк. Кибелы, так как известны и другие надписи, где эти божества фигурируют рядом (ср. B—03).

aey — 3 л. ед. ч. оптатива < *ai- (где i̯ — глайд, функционально изоморфный согласному). Это переходный глагол, прямой объект которого — Кибела. Комбинаторно допустимые значения — 'славить', 'восхвалять' и т. п.

areyastin — вин. пад. ед. ч. эпитета Кибелы; возможна связь с греч. ἄριστος (superl. от ἀγαθός, ср. ἀγαθοὶ θεοί 'добрые, благие боги' — Plut.), но с вокализмом сравнительной степени ἀρείων. Ср. еще G—170.

Перевод: 'Бонок, хранитель памятников, пусть посвятит стелу — (он,) который высек (надпись) — Аттису (?). Хранитель памятников (также) да восславит благую Богиню-Мать'.

W—01b (там же, надпись над фронтоном).

$_1$yos esai t materey : eveteksetey : ovevin : onoman:

da⅄et : la|$_2$ke dokey : venavtun : avtay : materey

esai — дат. пад. ед. ч. ж. р. указательного местоимения *es-, параллельного *so [42].

t — энклитическая частица местоименного происхождения (ср. н.-фриг. :Haas, 123).

eveteksetey — дат. пад. ед. ч. прилагательного (определения к materey) с начальной морфемой ev(e)- 'благо-'; вторая часть слова — возможно, причастие. Предполагалась связь с греч. τίκτω, гомер. τέκτω 'рождать' [43], но ст.-фриг. teks- формально скорее восходит к *tek-s-, ср. хет. takš- 'связывать, соединять' и особенно причастие takšant- 'связанный (договором), дружественный'. Неясно окончание дат. ед. -ey вместо -ey-ay (ж. р.); возможно влияние предшествующей формы materey.

---

[38] Phrygian. P. 30.

[39] Подробно о ст.-фриг. оптативе см. *Баюн, Орел.* Старофригийский глагольный строй...

[40] Условное обозначение ст.-фриг. форм с вторичным окончанием -t в 3 л. ед. ч., которые характеризуются довольно широкой семантикой, включающей значения презенса, претерита, будущего времени и некоторых косвенных наклонений (см. Phrygian. P. 27; *Баюн, Орел.* Старофригийский глагольный строй..., раздел «Имперфект»).

[41] *Нерознак.* ПЯ. С. 77; Phrygian. P. 31. Однако предлагаемая в этих работах грамматическая интерпретация ст.-фриг. формы (*tututaej) основана на чтении двух следующих за tutut знаков как ae/j. В действительности же, как видно по прориси Брикса — Лежена и фотографии памятника, эти знаки читаются как ev и относятся к следующему слову, см. CIPP. T. II, pl. XVI—XVII.

[42] *Brugmann K., Delbrück B.* Gründriss der vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen. Bd 2. Ht 1. Strassburg, 1911. S. 326.

[43] *Нерознак.* ПЯ. С. 78.

ovevin — вин. пад. ед. ч. указательного местоимения (Haas, 125).

daΨet — 3 л. ед. ч. «имперфекта», ср. н.-фриг. (ad)dake-. Выражение onoman daΨet — это архаичная формула, связанная с установлением имени и находящая параллели в целом ряде и.-е. традиций [44] (*(e/o)n(o)-men dheH-). Если ст.-фриг. daΨet (где Ψ — велярный спирант: *Haas*, 125) восходит к и.-е. *dheH-, то налицо нерегулярный рефлекс и.-е. *dh в виде d (обычно *t*). По форме daΨet скорее соответствует и.е. *doH- 'давать' (ср. греч. δέδωκα), однако употребление глагола *doH- в данной формуле как будто не находит аналогий в других и.-е. языках (но ср. N—116).

la — частица с модальным (возможно, пермиссивным — или запретительным?) значением, ср. лит. lai в абсолютном начале фразы («сильный» пермиссив), хет. lē (запретительная частица), слав. lě и др. [45]

ke — частица, сопровождающая глаголы в оптативе; ср. B—03 и греч. κε (<и.-е. *ke).

dokey — 3 л. ед. ч. оптатива на -ey (после согласной основы) <и.-е. *doH- 'давать', в ст.-фриг. также 'посвящать'.

venavtun — вин. пад. ед. ч. м. р. местоимения, сопоставимого с греч. ἑαυτόν 'себя самого'; в ст.-фриг. первая часть — ven <*sṷem имеет полную форму аккузатива.

avtay — дат. пад. ед. ч. ж. р. местоимения, согласованного с materey.

Перевод: '(Тот), который этой *благосклонной* Богине-Матери то/такое (?) имя дал, пусть посвятит (?) себя самого (этой же) самой богине' [46].

W — 01c (там же, правая часть скального фасада).

ataniyen: kuryaneyon: tanegertoy

ataniyen — вин. пад. ед. ч., e-основа.

kuryaneyon — вин. пад. ед. ч. м. р. прилагательного, образованного по модели kφiyanaveyo- (M—01b), что позволяет интерпретировать его как производное от топонима *kuryana-, сопоставимого с названием финикийского города Κῡρήνη (ср. еще Ψuriienois в G—145).

t(e)anegertoy — оптативная частица te (ср. W — 01a) + 3 л. ед. ч. оптатива aneger-, ср. греч. ἀνεγείρω 'пробуждать; воздвигать, возводить'.

Перевод: 'Да воздвигнут/возвысят (?) *а.* из Кирен (?)!'

W—02 (небольшой фасад; дат. ?)

iketaios : pseik{ei} : edaes

iketaios — им. пад. ед. ч. ЛИ дедикатора, ср. греч. Ἱκέτας.

pseik{ei} — дат. пад. ед. ч. <pseike- (e-основа), обозначает адресата посвящения. Сравнение с надписью Dd—101 pseukeyoy atas позволяет уточнить смысл формы pseike-: Dd—101 сопровождается изображением льва, поэтому можно предполагать, что основа pseik-/pseuk-обозначала бо-

---

[44] См. *Иванов Вяч. Вс.* Славянский, балтийский и раннебалканский глагол. Индоевропейские истоки. М., 1981 (далее — Глагол). С. 140 слл.; *он же.* Прус. emnes, emmens 'имя': иерогл. лув. atimaza: хет. laman // Балто-славянские исследования 1982. М., 1983. С. 104 слл.

[45] *Топоров В. Н.* Прусский язык. Словарь. K—L.M., 1984. С. 418. слл.; *Иванов Вяч. Вс.* Происхождение славянских глагольных форм на -l // Советское славяноведение. 1981. № 6. С. 91 слл.

[46] Предлагаемый здесь перевод в последней части несколько отличается от того, что приводится в нашей рецензии на «Корпус...» (ВДИ. 1986. № 3). Отличия касаются толкования местоименных форм venavtun и avtay, а также частицы la, которая имеет скорее пермиссивное, чем запретительное значение.

жество, соотносимое со львом (а львы, как известно, входили в свиту Кибелы).

Перевод: 'Икетайос посвятил (это) (Богу-)Льву'.

W—03 (фронтон скального фасада; VII—VI вв. до н. э.).
]m[ ]t[ ]m[ ]m[
Надпись сильно разрушена; издатели даже выражают сомнение в ее аутентичности (CIPP, p. 45).

W—04 (большая ниша в скале; дат.?).
$_1$matar kubileya [ ]toy $_2$en[
matar — им. пад. ед. ч. <*mātēr 'мать', здесь — 'Богиня-Мать'.
kubileya — им. пад. ед. ч. эпиклезы богини (CIPP, p. 47).
]*toy* — окончание глагола в оптативе (3 л. ед. ч.) или дат. пад. ед. ч. типа anatoy в B—01(?).
Перевод: 'Мать-Кибела (букв.: 'кибелейская') пусть ...-т'.

W—05a (надпись на левой стороне культового фасада; VII—VI вв. до н. э.).
nati meyon na{i}[
nati — 3 л. ед. ч. презенса <*nē- 'вести', ср. др.-инд. naya-ti 'ведет', хет. ne-, nai-, neja-'вести'. Подлежащее этого глагола (вероятно, какое-то божество) в надписи не сохранилось.
meyon — вин. пад. ед. ч., прямой объект глагола nati [47].
Сегмент na {i} [, стоящий перед разрушенной частью надписи, мог быть началом формы глагола na-.
Перевод: '(Божество?) ведет человека, ве.['

W—05b (там же, нижняя часть ниши).
]t.an st[....e]daes pormate[y
]*t.an* — вин. пад. ед. ч. апеллатива, прямого объекта глагола edaes.
st[...] — возможно, им. пад. ед. ч., обозначающий дедикатора.
pormate[*y* — дат. пад. ед. ч. ЛИ (e-основа, ср. pseikei в W—02), ср. лик. Πορματις (CIPP, p. 49).
Перевод: 'Ст. [...] посвятил Порматесу'

W—06 (ниша в скале; дат. ?).
matar
Вокализм второго слога однозначно указывает на им. пад. ед. ч.; другие падежи, включая вокатив, образуются от основы mater (-), см. выше.

W—07 (ниша; дат.?)
[t] :]n [eda]es agas : akenas
agas — им. пад. ед. ч. распространенного в Малой Азии ЛИ [48].
n перед edaes может быть окончанием вин. пад. ед. ч.
akenas — им. пад. ед. ч. 'памятник', подлежащее следующей фразы. Это слово восходит к *akêno- (<*aḵ- 'острый'), ср. др.-инд. aśani 'острие стрелы' греч. ἄκαινα 'стрекало' (<*aḵ-n̥-i̯-), ἀκόνη 'точильный камень'; лик. ekãne 'надгробная плита'.
Перевод: ' [...] Агас посвятил. Памятник [...'

W—08 (наскальная надпись; дат.?)
$_1$8ates agomoi $_2$sa♀tat edáes $_3$alus si⌈eto

[47] Возможно, к хет.-лув. *maja-'(взрослый) человек' (?)
[48] *Zgusta*. KP. S. 16.

$_4$8ateles 8a8a

8ates — им. над. ед. ч. ЛИ. Знак 8 не встречается за пределами Западной Фригии; форма 8a8a в 4-й стк. надписи, как и отсутствие знака *b* в надписях группы W, позволяют считать знак 8 локальным вариантом b [49].

agomoi — лат. над. ед. ч. ЛИ [50], ср. agas вW—07.

saϙtat — вин. над. ед. ч. ср. р. [51] Сравнение с другими малоазийскими алфавитами как будто указывает на чтение знака ϙ (hapax) как q (qoppa) [52]. Однако сопоставление знаков b и 8 позволяет предположить, что ϙ был окказиональным вариантом знака r. С синтаксической точки зрения sartat — прямой объект глагола edaes. В слове можно выделить суффикс -tat (ср. др.-инд. —tāt-, иран. -tat-, греч. -τητ- и др.). Корневая часть формы sartat (<*sarp-tat?), возможно, восходит к и.-е. *serp-'срезать, вырезать', ср. лид. en-sarbta-t 'он высек (надпись)', лик. zrbbla 'надпись (на камне)'.

alus — им. над. ед. ч. апеллатива, предположительно связанного с греч. ἀλύω 'быть вне себя', хет. alwa- 'волшебство, магия'. В ст.-фриг. это слово могло быть обозначением жреца (ср. еще W—09,—10) [53].

si↑eto — 3 л. ед. ч. императива (и.-е. *sēidh-), ср. др.-инд. sādh-'преуспевать, вести к цели', греч. ἰθύς 'прямой, справедливый'; ср. также si↑ido (G—105). О знаке ↑, передающем дентал рядом с i, см. выше, M—01 [54].

8ateles — им. над. ед. ч. ЛИ или патронима, возможно связанного с 8ates (стк. 1) [55].

Текст имеет метрическую структуру и состоит из четырех пятисложников.

Перевод: 'Батес посвятил надпись (?) Агому. Да преуспеет Бателес, жрец (?) '.

W—09 (наскальная надпись; дат.?).

si↑eto ae alus

ae — частица (ср. M—01); издатели сравнивают ее с aey (W—01a), но aey — это глагол в оптативе.

В слове si↑eto знак ↑ записан с дополнительным закруглением справа, что можно считать случайной трещиной на камне (CIPP, p. 54), хотя, возможно, это объясняется неуверенностью резчика — какой знак высекать (↑ или ⋂, т. е. d) и является дополнительным свидетельством связи знака ↑ с дентальными согласными.

Перевод: 'Да преуспеет жрец (?)!'

W—10 (наскальная надпись; дат.?).

$_1$atai edae gelavo $_2$vi↑e atevo atoios

$_3$alus si↑eto das

---

[49] В том случае, если первый знак слова — случайный след на камне, ЛИ будет прочитано ates; ср. *Brixhe, Drew-Bear.* Op. cit. P. 124 (там же знак 8 идентифицирован как b: p. 78).

[50] Или эпиклезы Аттиса? Ср. ibid. P. 71.

[51] Предложение провести словораздел после sarta (ibid. P. 72), которое приводит к появлению ни на что не похожей формы tedaes (вместо обычной edaes), не может быть принято.

[52] Ср. ibid. P. 72.

[53] Известна также ономастическая основа alu-, засвидетельствованная в Лидии (*Buckler W. H.* Sardis. Leiden, 1924. S. 10) и в каппадокийских табличках: Aluwa.

[54] Другая интерпретация этого слова в статье: *Brixhe, Drew-Bear.* Op. cit. P. 76 suiv., где, однако, допускается, что si↑eto может быть 3 л. ед. ч. императива.

[55] Ср. лид. патронимы на -l-, например, alus mretlis 'Алус, сын Мрета' (*Gusmani R.* Lydisches Wörterbuch. Heidelberg, 1964. S. 56).

atai — дат. пад. ед. ч. ata- ‘отец’ [56]. Идея Брикса и Дру-Беа, что это слово может относиться к мужскому божеству — Аттису (подобно тому как matar ‘мать’ используется для обозначения Кибелы), допустима, но не обязательна. Понимание этого слова как апеллатива снимает трудности интерпретации формы gelavo (см. ниже).

edae; эта форма, за вычетом сигматического показателя, идентична аористу edaes и может быть 1 или 2 л. ед. ч. аориста [57], что объясняло бы отсутствие в предложении имени в номинативе. В любом случае мало вероятно, что edae — сандхиальный вариант edaes [58], так как здесь не обнаруживаются какие-либо особые фонетические условия, которые могли бы вызвать падение *s*.

gelavo — род. пад. ед. ч. [59] ЛИ (?). Связь показателя генитива -vo и патронимического суффикса представляется несомненной.

vi̯e — 2 л. ед. ч. императива <*u̯eid — ‘видеть’ с нулевой ступенью основы. Этот же корень выделяется в н.-фриг. oouitetou (3 л. ед. ч. императива *Haas*, 114), хотя корневое -t- едва ли может быть рефлексом и.-е. *d.

atevo — род. пад. ед. ч. ЛИ (?), ср. ates.

atoios — вин. пад. мн. ч. [60],— возможно, производное от ata- ‘отец’ и означающее ‘предки’.

das — им. пад. ед. ч. ЛИ [61].

Надпись, как и W—08, метрическая; 1-я и 2-я строки — восьмисложники, 3-я — семисложник.

Перевод: ‘(Это) [62] я/ты (?) посвятил отцу (?) Геласа. Знай предков Атеса! Да преуспеет жрец (?) (по имени) Дас!’

Вифиния

B—01 (наскальная надпись; дат.?)

$_1$si bevdos adio[i] $_2$kavarmoyoi mroy edaes etoves ni yoi $_3$matar kubeleya ibeya duman ektetoy $_4$yos tivo{t} asperet daynikin telemi $_5${is}toy o{v}is {v}erktevoys ekey dakati̯ opiton $_6$eyoy evememes meneya anato{y} $_7$kavarmoyun matar ote konovo ke sitioy $_7$vos aey apaktneni $_8$pakray evkobey $_9$anepaktoy

Это самая пространная ст.-фриг. надпись и в то же время одна из наиболее трудных для понимания. В ней отсутствуют словоразделители, а пробелы между словами часто не соответствуют реальным границам. Здесь впервые предпринимается попытка грамматического анализа надписи и ее интерпретации.

si — вин. пад. ед. ч. указательного местоимения, ср. M—01 и др.

bevdos — им. пад. ед. ч. ЛИ посвятителя.

adioi — вероятно, дат. пад. ед. ч. (*adioy) адъектива.

kavarmoyoi — дат. пад. ед. ч. апеллатива с суффиксом -oyo-, ср. akaragayo- в M—02. Основа *kawar- относится в ряде и.-е. языков (и в

---

[56] *Brixhe, Drew-Bear*. Op. cit. P. 63.

[57] О парадигматических глагольных формах сигматического аориста, не содержащих показателя -s, см. *Bader F.* Flexions de l'aoriste sygmatique // BSL. 1976. P. 56 suiv.

[58] *Brixhe, Drew-Bear*. Op. cit. P. 84; CIPP. P. 55.

[59] Ibid. P. 85.

[60] Ст.-фриг. окончание вин. пад. мн. ч. о-основ -os можно сопоставить с хет. и пал. вин. мн. -as, где элемент *n изначально отсутствовал.

[61] *Zgusta*. KP. S. 65.

[62] Ср. начало надписи B—01: ‘Это Бевдос посвятил’, без указания, что́ именно.

частности, в позднеанатолийских) к сфере ритуальной лексики; это позволяет интерпретировать kavarmoyo- как 'культовое сооружение', 'алтарь'.

mroy — дат. пад. ед. ч.; сегмент mr представляет собой, возможно, сокращенную запись materoy, ср. bba (M—02) вместо baba, многочисленные аббревиатуры в разделе «Гордион», а также н.-фриг. m-rou (Haas, 122), соотносимое с matar (Нерознак. ПЯ, с. 135). Что касается формы mroy (<*mat(e)roy), она может скрывать архаическое производное типа μητρῷος, ср. τὸ μήτρῳον [ἱερόν] 'храм Великой Богини (т. е. Кибелы)'.

etoves — 3 л. ед. ч. <*dheu- 'дуть, раздувать', по семантике близкий к греч. θύω 'совершать жертвоприношение'. Корень может содержать нулевую ступень *e-tu̯e-s, с развитием вокализма по закону Зиверса.

ni — энклитическая частица (ср. M—01), постпозитивное употребление которой (edaes etoves ni) напоминает позднеанатолийские (лид., лик). конструкции 'глагол + частица', ср. лик. pzziti ti '(если) ниспровергнет кто(-либо)' и, особенно, назализацию гласного флексии в ликийском типа prñnawatẽ <*prñnawate ne 'построил (это)' как указание на наличие у глагола прямого объекта.

yo [*i* — дат. пад. ед. ч. относительного местоимения yos, антецедент которого — kavarmoyoi mroy.

matar kubeleya — см. W—04.

ibeya — им. пад. ед. ч., эпитет Кибелы, образован по модели kubeleya.

duman — вин. пад. ед. ч., 'религиозное собрание/объединение', ср. δοῦμος 'религиозное объединение женщин, связанное с культом Великой Богини' (Hipp. 30) и глоссу: δοῦλος· ἡ οἰκία, ἢ τὴν ἐπὶ τὸ αὐτὸ συνέλευσιν τῶν γυναικῶν (Hes.), где читается δοῦμος [63].

ektetoy — 3 л. ед. ч. оптатива на -toy < ek-te- (где первая морфема — префикс [64]), ср. греч. ἐκτίθημι 'устанавливать'.

tivo{t} — 3 л. ед. ч. «имперфекта». Поскольку в следующем предложении речь идет о наказании, этот глагол, как и следующий за ним asperet, должен обозначать действие, связанное с нанесением ущерба памятнику (telemi). Возможно сопоставление с греч. θῦω 'бушевать, неистовствовать', ср. гомер. θῦεν при ὀλοῇσι φρεσὶ 'потеряв рассудок'. Ст.-фриг. tivot <*dhe̯u̯-e-t; -o- на месте тематического -e- обусловлено, вероятно, лабиальным характером предшествующего -u̯- (ср. ervot в P—04).

asperet — 3 л. ед. ч. «имперфекта» < и.-е. *sper-, ср. лат. sperno̅, sprēvi 'отталкивать, пренебрегать', греч. ἀσπαίρω, σπαίρω 'содрогаться, биться в судорогах, метаться', возможно, арм. harkanem 'бью' (Pok., 819) [65].

daynikin — очевидно, последовательность энклитик. Ст.-фриг. d-: греч. δέ 'но; а; с другой стороны', δαί, δή 'вот; именно' (= ст.-фриг. d-ay-?); ayni — энклитика, в н.-фриг. образующая устойчивое сочетание aini. Что касается формы kin (вин. пад. ед. ч. неопределенного (?) местоимения), то в н.-фриг. мы находим сходное со ст.-фриг. (хотя и более прозрачное семантически) совмещение aini и kin (*Haas.* 128): mourou[n daket ai]ni kakoun kin '(если) совершит безумство или зло какое-либо' (ср. Нерознак. ПЯ, с. 122).

---

[63] *Chantraine P.* Dictionnaire étymologique de la langue grecque. P., 1968. P. 295; *Haas.* S. 79, 98.

[64] Иначе в работе Phrygian. P. 31, где e- понимается как аугмент. Однако во всех приводимых там формах на /-toi/ «с аугментом» элемент e- таковым не является.

[65] *Нерознак.* ПЯ. С. 91.

telemi — вин. пад. ед. ч. ср. р. апеллатива, тождественного н.-фриг. thalami (= греч. θαλάμη 'пещера, место погребения'), ср. еще греч. θάλαμος 'внутренние покои; святилище'.

{is}toy — дат. пад. ед. ч. местоимения ближнего дейксиса (ср. лат. isti). Референтом его является местоимение yos '(тот,) который' в стк. 4.

o{v}is — им. пад. ед. ч. указательного местоимения дальнего дейксиса (ср. тот же корень в ovevi-), референтом которого является либо дедикатор (bevdos, стк. 1), либо matar kubeleya i. (стк. 3).

{v}erktevoys [66] — дат. пад. мн. ч. производного с суффиксом -evais. Основа может быть сопоставлена с греч. εὐ-εργετέω 'делать добро, совершать благодеяния', ср. еще греч. εὐεργέτης 'благодетель' (как звание, с присвоением которого связывались особые привилегии).

ekei — адверб (ср. атт. ἐκεῖ 'там') местоименного происхождения; для аттической формы это допускалось Шантреном и Швицером, которые видели в ней старый локатив [67].

dakati — 3 л. ед. ч. презенса, ср. da$\overset{\Psi}{|}$et (W—01); [68] это переходный глагол, предположительно связываемый с *dheH-'давать, назначать', прямой объект которого — opiton — стоит в начале следующей строки.

opito{n} — вин. пад. ед. ч. апеллатива (возможно, к греч. ὄπις 'возмездие, мщение, кара (богов)' (гомер.: Θεῶν) ср. еще гомер. ЛИ 'Οπῑ́της [69].

eyoy — дат. пад. ед. ч. местоимения 'каждый, любой', соотносимого с yos так же, как ст.-фриг. esa — с местоименной основой si.

ev[e]m[e]mes — 3 л. ед. ч. аориста (типа en-e-parkes) < *eu̯-mem- (или *eu̯-men-? — второе m написано неотчетливо), ср. греч. εὐ-μενής 'благосклонный, милостивый', εὐμενέω 'быть благосклонным, милостивым'.

meneya — им. пад. ед. ч., эпитет Великой Богини; ср. сходные формы: kubeleya, ibeya, tiveia, imeneia и др. Возможна связь с и.-е. *men- (ср. основу греч. εὐ-μένεια 'доброжелательность').

anato{y} — дат. пад. ед. ч.; ср. греч. ἄνᾱτος 'не понесший наказания; безобидный, невинный'. Однако некоторые факты (в частности, отсутствие контракции у Гомера) свидетельствуют о наличии в этой греч. основе дигаммы, которая должна была бы сохраниться в ст.-фриг., если только это не сравнительно позднее заимствование либо вообще не связанное с греческим слово.

kavarmoyun — вин. пад. ед. ч., см. выше.

ote konovo — препозитивная частица или предлог (к и.-е. *o/eti, ср. ст.-слав. отъ-, греч. ἔτι 'сверх того, еще', н.-фриг eti) + род пад. ед. ч. от названия фригийского города Κόνιον.

ke — оптативная частица, ср. W—01b.

---

[66] Анализ фотографии надписи (T. II, pl. XIX) позволяет восстановить первый знак как F (v).

[67] *Chantraine*. Dictionnaire... P. 329; *Schwyzer E.* Griechishe Grammatik. Bd 1. München, 1939. S. 613.

[68] Связь этих двух форм отмечена О. Хаасом (*Haas*. S. 148) и В. П. Нерознаком (ПЯ. С. 91).

[69] О понятии «возмездия богов» у древних греков см. *Ranulf Sv.* The Jealousy of the Gods and Criminal Law at Athenes. A Contribution to the Sociology of Moral Indignation. Copenhagen, 1933—1934. T. 1. P. 63 ff.; T. II. P. 28 ff. Согласно Шантрену (Dictionnaire..., s.v.), греч. ὄπις восходит к и.-е. *ok^{u}^i- 'глаз'; однако после обнаружения ст.-фриг. мы должны либо рассматривать эту форму как раннее заимствование, либо отказаться от этимологии Шантрена, либо рассматривать ст.-фриг. opito- отдельно от греч. ὄπις (что едва ли целесообразно, учитывая их формальную и семантическую близость).

sitioy — 3 л. ед. ч. оптатива siti-[70]; эту основу в порядке гипотезы можно сопоставить со слав. sětu 'гость' и деноминативным глаголом sětiti 'посещать'.

vos — личное местоимение, 2 л. мн. ч. (?).

aey — 2 л. оптатива, ср. W—01a.

apaktneni — вин. пад. ед. ч. основы на -i (ср. si, telemi); -i может передавать незализованный i̯, что отмечается, например, в ликийском (так как лик. алфавит не содержит знака для передачи i̯). В слове выделяются корневая часть apakt- (ср. ниже -epakt- в anepaktoy) и суффикс -nen- (и.-е. *-eno-). Основа может быть сопоставлена с греч. ἐπακτός 'чужой'.

pakray — дат пад. ед. ч. апеллатива, который, весьма вероятно, связан с семит. *paḫr- '(религиозное) объединение', 'храмовая община' ср. финик. m-pḫr-t, аккад. puḫr-, угарит. pḫr '(религиозное) объединение'[71]. Очевидно, что термин pakra- должен был обозначать какую-то особую разновидность религиозного объединения, отличную от собственно фригийского *duma-* и, *возможно*, связанную с этническими *или* какими-то другими различиями.

evkobey — дат. над. ед. ч. атематического прилагательного, согласованного с pakray. «Позитивное» значение этого определения обусловлено наличием морфемы ev-.

anepaktoy — дат. пад. ед. ч. тематического прилагательного, согласованного с pakray и содержащего привативный префикс an-. Корневая часть может быть соотнесена с греч. ἐπακτός 'чужой', а весь термин, вероятно, означает 'не чужой' (т. е. 'адаптированный'?).

Перевод: 'Это Бевдос посвятил святилищу Великой Богини (и) совершил жертвоприношение для него/в нем. Мать Кибела И. пусть учредит/благословит (?) религиозное собрание! (Тот,) кто будет бушевать или же разобьет что-либо в алтаре, ему она в пользу (?) «благодетелей» назначит наказание. (Ко) всякому невинному Милостивая (Богиня) была доброжелательна. Пусть (Богиня —) Мать из Кониона святилище посетит (?)! Вы (же) почитайте вновь пришедшую (?) в религиозном объединении pakra-!'

Этот текст, содержащий несколько частей (вотивную, охранительную и др.), интересен, помимо всего, тем, что в нем определенную роль играет противопоставление apakto —: anepakto-'чужой': 'не чужой', что может быть связано с введением нового культа.

B—02 (каменная плита; дат.?)

Издатели дают только прорись надписи (без транслитерации).

e̯uteanont se̯i [.....]

В первом слове выделяется морфема eu- с позитивным значением. Сочетание согласных ts для старофригийского нетипично, поэтому, вероятно, между ними проходит словораздел. Первое слово может быть глагольной формой (3 л. мн. ч.? Причастие?).

B—03 (большая каменная плита; дат.?).

$_1$es k{uri}a[ ]a{ta}[$_2$evteveyay yos yos yen vre⟨kun⟩ $_3$etit evtevey me{r}oun la ke aǫ[

es; комбинаторные соображения (появление перед апеллативами, ср. es gloka в G—229) свидетельствуют о том, что это предлог со значением 'в' ср. греч. ἐς, εἰς.

---

[70] В *старофригийском глайд *i ведет себя обычно как согласный, чем объясняется* окончание оптатива - oy (вместо -toy).

[71] В семитских языках ḫ был сильным спирантом, который в иноязычной передаче мог восприниматься как взрывной согласный. См. Сравнительный словарь афразийских языков. Вып. 1. М., 1982. С. 22.

kuria[— начальная часть топонима или производного от него слова, ср. kuryaneyon (W—01c) и ⅄uriienois (G—145) [72].

a{ta}; возможно, здесь скрывается теоним Аттис либо его эквивалент atas '(Бог—)Отец', который упоминается в следующей части надписи вместе с Кибелой.

evteveyay — дат. пад. ед. ч. производного на -eyo-, сопоставимого с эпитетами Великой Богини tiveia, kubeleya и др., ср. еще форму мужского рода evtevey (консонантная основа) в стк. 3, относящуюся, вероятно, к Аттису. Ст.-фриг. evtev- ∞греч. εὐθύς 'прямой, справедливый'; ж. р. evteveya ∞ греч. εὐθε(Ϝ)ῖα.

yos yos — неопределенное местоимение 'кто бы ни', ср. лат. quisquis.

yen — вин. пад. ед. ч. неопределенного местоимения 'каждый, любой' (ср. B—01, 6), согласованного со следующим словом.

vre⟨kun⟩ — вин. пад. ед. ч.; слово не дописано до конца (из-за отсутствия места? — следующая — 3-я строка продолжается на другой грани плиты).

etit — 3 л. ед. ч. атематического «имперфекта» <ti- (<*dheH- 'ставить', ср. ст.-фриг. аорист tiyes). Наличие аугмента объясняется той же причиной, что и, например, в арм. ed 'положил, поставил', а именно — односложностью корневой морфемы.

me{r}oun — вин. пад. ед. ч., передающий форму *merovun, ср. греч. μέρος,-εος 'часть'.

la ke — пермиссивная и оптативная энклитики, ср. W—01.

aǫ[— последние читаемые знаки перед обломом; стоящие перед ними частицы la ke позволяют интерпретировать эти знаки как начало глагольной формы в оптативе (аоу?). В качестве параллели можно предложить греч. ἐάω 'оставлять, допускать' <*εϜω [73].

Перевод: '$_1$Из Кире[н (??)] От[ец] $_2$Справедливой (Богине) кто ни поставит стелу, $_3$пусть оставит часть (?) для Справедливого (Аттиса)'.

Гордион

Порядок изложения материала в этом разделе несколько отличается от принятого выше. Отдельно рассматриваются только достаточно пространные и/или удовлетворительно сохранившиеся надписи. Что же касается материала коротких (однословных) и сильно фрагментированных надписей, то он представлен в систематизированном виде в конце раздела.

G—01 (фрагменты известняковой плиты; дат.?).

Надпись, возможно, была выполнена в несколько приемов. Не исключено, что в работе над ней участвовало два резчика, на что могут указывать колебания в начертании e и s. Надпись состоит из четырех отдельных частей (обозначенных далее как *A*, *B*, *C* и *D*). Части *A* и *B* расположены на лицевой стороне плиты, причем *A* обрамляет часть *B*, расположенную в середине. Части *C* и *D* расположены на боковых поверхностях. Можно предположить, что *A* и *B* образуют единый текст. Если это верно, свободное место в начале надписи *B* могло быть заполнено относительным местоимением yos.

[72] Другой возможной идеей было бы допущение связи ст.-фриг. kuryaneyo- с обрядом kureion (соотносимым с институтом эфебии в рамках фратрии), см. *Lafabre J.* L'âge correspondant au sacrifice du koureion et les données historiques du sixième discours d'Isée // Bulletin de l'Académie royale de Belgique. Classe des lettres. 1953. 39. P. 358 suiv.

[73] *Chantraine.* Dictionnaire... S.v. ἐάω.

A:$_1$]vo[. . .$_2$: dumeyay: [ ] {y} eḍa{es}

B:$_1$ . . . i̯a̯y uve[$_2$[—]o̯. la̯va{get}a̯s voy̯kay

C: {pro}ita{vo}[. . .] ṭerkeya ask

D:$_1$ e]n̥[e]$_2$parkes v[...

]*vo*[— данный фрагмент (если он завершает слово) напоминает флексию генетива (ср. itovo), однако ввиду содержания части *C* не исключено, что это часть слова proitavo-, ср. M—01b. В таком случае proitavo- в данном предложении могло бы быть подлежащим.

dumeyay — дат. пад. ед. ч., образованный от эпитета Богини-Матери, относящегося к характерной словообразовательной модели на -eya. Поскольку dumeya- является производным от duma-'собрание' [74], значение dumeya-, вероятно, 'Богиня-Мать, покровительница собрания'.

]*y̯* — видимо, остатки согласованной с dumeyay формы дат. пад. ед. ч.

uve [— начало глагольной словоформы?

[.]*o̯* — возможно, остатки формы род. пад. ед. ч., начало которой не сохранилось в строке 1.

lava{get}a̯s — им. пад. ед. ч., о значении см. M—01a.

voykay — дат. пад. ед. ч. существительного, вероятно сопоставимого с греч. οἶκος 'дом, жилище, родина', др.-инд. véśa-'дом', восходящими к и.-е. *u̯oiḱ-, названию «объединения домов», «поселения» [75]. Этим определяется предположительное значение voyka- 'дом'.

Перевод частей *A* и *B*: 'Вождь посвятил... Покровительнице собрания... которой ... Лавагет (дал, даровал)... дому'.

{pro}ita{vo} — форма косвенного̊ падежа.

ṭerkeya — им. пад. ед. ч. эпитета Богини-Матери. Возможно, начальные буквы эпитета утрачены; ср., однако, глагольную основу terk- (см. P—04a).

ask — весьма вероятно, аббревиатура личного имени, ср. ниже имя askiados (G—161).

Перевод части *C*: 'Богиня-Мать (дает?) вождю Аск(иаду).

Единственное слово части *D* тождественно глаголу eneparkes (M—01d). Неясно, связано ли оно с частью *C*.

G—02 (каменная плита; не позднее VI в. до н. э.).

Наряду с надписью на поверхности плиты высечены изображения двух стоп. По своему содержанию надпись состоит из трех частей, соответствующих трем строкам: посвящения, начальной части формулы проклятия и формулы специального назначения.

$_1$ agarṭioi : iktes : adoikavoi $_2$ ios op oro kiti si̯ $_3$ kakoio itovo : podas kaḳ[

agarṭioi — дат. пад. ед. ч. личного имени (возможно, иранского происхождения; из иран. *ag(a)-arta- 'злое божество'?).

iktes — им. пад. ед. ч. личного имени, ср. лик. Ixtta.

adoikavoi — дат. пад. ед. ч. личного имени или патронима (по модели bonokaua в M—01c?), ср. также G—146, G—153.

op oro — членение данного фрагмента на слова весьма условно. Выделяя глагольную форму kiti, мы склонны понимать op oro как сочетание

[74] *Нерознак.* Ук. соч. С. 87.

[75] См. *Benveniste E.* Le vocabulaire des institutions indoeuropéennes. I. Economie, parenté, société. P., 1969. P. 293 ff.; *Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. Т. 2. Тбилиси, 1984. С. 742 сл. (с семантическим комментарием).

существительного с предлогом. В таком случае or (<*ori) сопоставимо с микен. o-pi, греч. ὄπι 'после, за, сзади', а oro может быть гипотетически связано либо с греч. (гомер.) οὖρος 'страж, защитник' (с неясной этимологией) [76], либо, что более вероятно, с н.-фриг. orou 'сверху, наверху'.

kiti — 3 л. ед. ч. наст. вр. глагола, возможно восходящего к и.-е. *kei- 'двигать(ся)', ср. греч. κίω 'приходить в движение', κῑνέω 'двигать(ся), тревожить, беспокоить' и т. п.

si — вин. пад. указательного местоимения, см. M—01b.

kakoio itovo — род. пад. ед. ч. сочетания прилагательного и существительного, выступающего как формула, тождественная греч. (гомер.) κακὸν οἶτον 'злую судьбу' ← *'недобрый, несчастливый путь' (ср. также P—01). Греч. οἶτο- и фриг. ito- при этом рассматриваются как образования от *ei- 'идти' [77].

podas kak̲{as} — им. пад. мн. ч. атрибутивного сочетания. Значение podas (к *pod-'нога, стопа, шаг') устанавливается по изображению на плите [78]. Что касается kak{as}, то это форма прилагательного kako- 'дурной, плохой'. Заметим, что по своему содержанию строка 3 представляет собой метафорическое истолкование человеческой судьбы как пути (формулу с противоположным значением, означающую «хорошую судьбу», см. P—01).

Перевод: 'Икт Агартию Адойкаву. Кто сдвинет (потревожит) это сверху (?), (тому да будут) плохи шаги злой судьбы'.

G—03 (камень, находящийся в кладке дома; дат.?).

...] kakrayun ni[...

kakrayun — вин. пад. ед. ч. от основы на -yo-. Идентификация затруднительна, так как неясно, где проходит межсловная граница.

ni — частица, см. B—01.

Фрагмент текста. Перевод невозможен.

G—04 (камень, находящийся в кладке дома; VI—V в. до н. э.).

$_1$...]evio$_2$ tatas {i} [...$_3$... {i}m̲ {a̲}⟨n⟩

]evio̲ — вероятно, род. пад. ед. ч. от существительного на -evais.

tatas — им. пад. ед. ч. личного имени, распространенного в Малой Азии и на древних Балканах (см. еще G—122). Ср. н.-фриг.

{i}m̲{a̲}⟨n⟩ — см. M—01 и другие надписи с iman.

Перевод невозможен ввиду фрагментарности текста.

G—07 (осколок белого известняка; V—VI вв. до н.э.). ...]{m}aes i{ya} [...

]{m}aes — судя по характерной финали, может быть формой 3 л. ед. ч. аориста, как edaes. В таком случае допустимо предполагать *emaes и основу *ma(i)-, этимологическое истолкование которой осложняется отрывочностью надписи (к анат. mē-, mai-, miia- 'созревать, процветать'?).

i{ya} — им. пад. ед. ч. личного имени (ср. G—268).

Перевод: '...процветал (?) Ийя...'

---

[76] *Chantraine.* P. 814 f. Реконструкция *u̯orᵘo- или *sor-uo- остается недостаточно убедительной; она, однако, препятствовала бы нашему сопоставлению.

[77] См. *Chantraine.* Op. cit. P. 788. О различии во флексии генитива -oio и -ovo см.: *Орел В. Э.* Об одной греко-старофригийской изоглоссе: gen. sg. o-основ // Балканы в контексте Средиземноморья. Проблемы реконструкции языка и культуры. М., 1986. С. 169—171. Не обосновано контекстом отнесение kakoio к гла ольным формам (ср. *Brixhe, Lejeune.* Op. cit. P. 87).

[78] См. *Нерознак.* Ук. соч. С. 97.

G—105 (большая бронзовая чаша; VIII в. до н.э.?).
si⸢ido sakor
si⸢ido — фонетический вариант формы si⸢eto, см. W—08[79]. С грамматической точки зрения, следовательно, императив на *-tō.
sakor — им. над. ед. ч. существительного с неясным значением (личное имя?). Формально может трактоваться как образование на *-ōr аналогично tekmor в P—04a.
Перевод: ‘Да достигнет цели Сакор (?)’.

G—113 (обломок верхней части большого сосуда; дат. ?).
...] ios toi pitave i̯ [...
ios — идентично yos (W—01 и другие надписи). Слитное написание i с угловатым и наклонным o было ошибочно принято издателями корпуса за знак для a [80].
toi — вероятно, дат. над. ед. ч. указательного местоимения.
pitave⟨i⟩ — согласованный с toi дат. над. ед. ч. атематического образования на *-u̯-. Характер надписи заставляет предполагать связь pitave[i] с греч. πίθος при микен. qe-to, qe-ti-ja, выступающем как обозначение сосуда. Отклонение фонетического характера как в греческих формах, так и во фригийском скорее всего объясняются тем, что перед нами древнее заимствование [81]. Возможно, впрочем, и размежевание микен. qe-to и греч. πίθος, при котором последнее (вместе с лат. fidēlia ‘глиняный горшок’) объясняется как продолжение и.-е.*bh(e)idh- [82]. Эта точка зрения позволяет этимологически отождествить фриг. pitave⟨i⟩ и греческое слово.
Перевод: ‘Кто (нанесет ущерб) этому пифосу...’

G—117 (пифос; VI в. до н. э.).
ios ais [.?.
ios — см. выше.
ais [— видимо, 3 л. ед. ч. аориста без аугмента (или со стяжением аугмента с начальным гласным корня) от переходного глагола ae-/ai-, см. W—01a.
По всей вероятности, окончание текста не сохранилось.
Перевод: ‘Кто возвысил...’

G—125 (керамический обломок с боковой поверхности сосуда; дат.?).
...] ṛonogoy. eneparkes {g}eies
]*ronogoy* — дат. над. ед. ч. личного имени [83].
eneparkes — см. M—01d.
{g}eies — им. над. ед. ч. личного имени.
Перевод: ‘Гей воздвиг ... для [ ]ронога’.

G—128 (керамический обломок, верхняя часть брюшка сосуда. дат.?).
atas ke k{i}[...
atas — им. над. ед. ч. личного имени, ср. M—01 и другие надписи.
ke — не исключено, что это известная частица оптатива ke, ср., например, W—01b.

[79] *Brixhe, Lejeune.* Op. cit. P. 100.
[80] Ibid. P. 106.
[81] *Chantraine.* Op. cit. P. 900 (с литературой).
[82] См. *Гамкрелидзе, Иванов.* Ук. соч. Т. 1. С. 25.
[83] См. *Нерознак.* Ук. соч. С. 99.

k{i}[... — если ke действительно частица оптатива, в этом фрагменте допустимо видеть начало формы 3 л. ед. ч. оптатива. В таком случае перспективно сравнение с kiti в G—02.

Перевод невозможен ввиду отрывочности текста.

G—130 (два смежных обломка вазы; V в. до н. э.?).

...] {t} es servas bo{n} [...

] {t} *es* — исход формы им. пад. ед. ч.; вероятно, следует идентифицировать с личным именем ates или bates.

servas — им. пад. ед. ч. личного имени или эпитета.

bo{n} — грамматически (исходя из комбинаторных соображений) дат. пад. ед. ч. от имени bonok (см. W—01a). Начальное b надписано поверх (ошибочного?) p.

Перевод: '{A}тес Серв — Бон(оку)'.

G — 136 (алебастровая фигурка сокола; VI в. до н. э.?)

tadoy: iman bagun

tadoy — вероятно, 3 л. ед. ч. оптатива на -toy от глагола *dō-, т. е. фонетический вариант (с перераспределением звонкости) формы datoy (см. W—01a). Комбинаторные соображения не позволяют видеть здесь именную форму (датив) [84]. Аналогичные фонетические эффекты ср. в паре si⌈eto — si⌈ido.

iman — им. пад. ед. ч. существительного [85]. Значение определяется комбинаторно по данным D—136 и M—06, где появление iman в одном контексте с vrekun позволяет думать, что iman относится к названию культовых объектов. Весьма вероятно, что в G—136 iman обозначает собственно объект, на котором выполнена надпись, т. е. фигурку сокола. Это предположение подтверждается сопоставлением iman с хет. ḫimma- (культовое) подобие, опирающимся не только на формальное, но и на функциональное сходство, ср. хет. 1GIŠ GI-GIR ḫi-im-ma-aš i-ia-an '1 тележка в качестве культового предмета сделана', ú-e-ra-aš-ša *ŠA* ÍM ḫi-im-ma-aš i-ia-an-za 'и. (Розенкранц: Tablett?) из глины в качестве культового предмета сделан' (IBoT III 93 + KBo XV 21 I 7 ff., 9). О хет. ḫimma- и его значениях имеется подробная литература [86].

bagun — вин. пад. ед. ч. существительного, которое представляется возможным сопоставить с др.-инд. bhága — счастье, процветание', авест. baγa- 'бог', др.-перс. baga-. Наличие этой основы во фригийском подтверждается глоссой Βαγαῖος· Ζεὺς Φρύγιος (Hes.). Поскольку старофригийским надписям известны иранские заимствования (контакты с иранцами засвидетельствованы также и в других источниках [87]), такую возможность нельзя исключить и в этом случае.

Перевод: 'Пусть даст иман счастье'.

G—141 (обломок ручки от вазы; V в. до н. э.?)

...] t viteloi rola [...

]t — возможно, окончание 3 л. ед. ч. инъюнктива.

[84] *Нерознак.* Ук. соч. С. 104; *Brixhe, Lejeune.* Op. cit. P. 125.

[85] Подробно см.: *Баюн Л. С., Орел В. Э.* Рец. на кн.: Brixhe C. Lejeune M. Corpus des inscriptions paléo-phrygiennes // ВДИ. 1986. № 3. С. 116; *они же.* Старофригийский глагольный строй в сравнительно-историческом освещении.

[86] *Oettinger N.* Die Militärischen Eide der Hethiter. Wiesbaden, 1976. S. 61 ff. (StBoT 22); *Иванов Вяч. Вс.* Проблема происхождения и в начальном слоге в балтийском в свете этимологических данных // Балто-славянские этно-языковые контакты. М., 1980. С. 81 сл.

[87] *Orel V. E.* On two Phrygian glosses // Glotta. 1985. Bd LXIII. Ht 3—4. S. 182 f.

viteloi — дат. пад. ед. ч. личного имени. Принятое ранее чтение по на месте loi неверно [88]: вертикальная черта под знаком о является отдельной буквой (i).

rola[— личное имя, ср. фрак. Ῥώλης. Неясно, проходит ли словораздел после a.

G — 144 (дно сосуда; V в. до н. э.?)

estatoi avun

estatoi — 3 л. ед. ч. оптатива на -toy от префиксального глагола *en-stā-. Тот же префикс обнаруживается в форме eneparkes. В целом основа esta- сопоставима с греч. ἐνίστημι 'ставить, класть'.

avun — вин. пад. ед. ч. существительного, возможно, обозначающего объект, на который нанесена надпись (сосуд).

Перевод: 'Да поставят сосуд (?)'.

G—145 (обломок ручки кувшина; V в. до н. э.?).

voine ios {Ψ}uriienois ku{r}[...

voine — им. пад. ед. ч. существительного с предположительным значением 'вино' (ср. тип сосуда, на котором сделана надпись). Тем самым voine может быть сопоставлено с другими индоевропейскими названиями вина (греч. οἶνος и т. д.). Фриг. voine относится к e-основам; видеть здесь атематический тип неверно [89].

Ψ*uriienois* — форма косвенного падежа мн. числа на -ois, вероятно, восходящая к и.-е. дативу-локативу на *-ois. Данное слово трудно отрывать от kuryana- (см. B—03, W—01c) с колебанием a/e после y. Знак s слова ios расположен под знаком Ψ, который, видимо, пытались стереть (причиной чему может быть какой-то неизвестный нам эффект фригийской сандхиальной фонетики).

ku{r}[— по комбинаторным соображениям здесь следовало бы ожидать глагол.

Перевод: 'Вино, которое в Кирене (произведено?)'.

G—147 (два смежных обломка боковой части пифоса; VI—V вв. до н. э.).

...] mẹkas tọs [k ...

mẹkas — M — 05.

tọs — им. пад. ед. ч. (муж. р.) указательного местоимения, ср. G—113.

Перевод невозможен.

G—150 (обломки частей пифоса; IV—III вв. до н. э.?).

Состоящая из трех частей (*A*, *B* и *C*) надпись не образует единого текста.

A: oy̤liavos *B*: di̤ *C*: asakos

oy̤liavos — им. пад. ед. ч. личного имени. Весьма перспективным кажется его сопоставление с греч. Οἰλεύς и, далее, с микен. o-wi-ro [90]. Однако в греческом имени омикрон может рассматриваться и как графический вариант дигаммы [91].

---

[88] *Нерознак.* Ук. соч. С. 105; *Brixhe, Lejeune.* Op. cit. P. 129.

[89] Ср. *Нерознак.* Ук. соч. С. 101.

[90] *Chadwick J., Baumbach L.* The Mycenaean Greek Vocabulary // Glotta. 1963. Bd XLI. S. 225.

[91] *Schwyzer E.* Griechische Grammatik. Bd 1. München, 1939. S. 224; *Chantraine P.* Grammaire homérique. T. 1. P., 1948. P. 116 f. *Chantraine.* Dictionnaire... P. 783.

di — аббревиатура личного имени, ср. G—203 и G—225.

asakas — им. пад. ед. ч. личного имени, возможно, малоазийского происхождения, ср. килик. Ασακα и под.

G—178 (маленький антропоморфный идол; VI в. до н. э.).

eumi vaki...

eumi — 1 л. ед. ч. наст. вр. глагола со значением 'быть' [92]. Сопоставление этой формы с н.-фриг. eitou 'да будет' (для которой значение можно считать твердо установленным) дает возможность этимологически интерпретировать eumi, так как н.-фриг. eitou обоснованно связывают с и.-е. *ei- 'идти' (при семантическом развитии 'идти' → 'стать, быть') [93]. В таком случае eumi следует рассматривать как прямую параллель греч. εἰμί. По фонетическим причинам менее вероятно сравнение eumi с и.-е. *es- (греч. ἔ͡ιμι), поскольку необъяснимым оставалось бы выпадение этимологического *-s- (ср. еще G—229).

vaki — по комбинаторным соображениям может быть признано именем идола, на котором выполнена надпись. При этом нельзя исключать связи vaki с лид. Bakiva- (заимствование в старофригийский?), зап.-малоаз. v/baki (с характерным для ликийской ономастики фонетическим чередованием в анлауте [94]). Малоазийские формы, как известно, обычно сопоставляются с греч. Βάκχος [95].

Перевод: '(Я) есмь Баки...'

G—183 (дно кубка; IV в. до н. э.?)

A: imeneia *B*: tiveia

Надпись содержит два имени или, что более вероятно, эпиклезы на -eia в им. пад. ед. ч., ср. G—216 и G—219. Имя tiveia, возможно, образовано от глагольной основы tiv- (см. B—01). Что касается imeneia, то это слово рассматривается как производное от iman [96].

G—204 (обломок пифоса; IV в. до н. э.?)

...] da alu m s [...

]*da alu* — эта последовательность морфем безусловно напоминает надпись W—10, где читаем alus...das 'маг (по имени) Дас'. В таком случае формы da и alu могут рассматриваться как вокатив.

m s — аббревиатура (слова mekas?).

Перевод невозможен.

G—221 (обломок красной керамики; IV в. до н. э.).

[$_{1}$'.....$_{2}$'?...] a {ur}iy [$_{...3}$'?...] kena [$_{...4}$'?...] atas $_{5}$'?...] aratapa [$_{...6}$'?...] o batą m [?...

]*a {ur}iy* — знаки u и r образуют лигатуру.

]*kena* [— средняя часть слова akena, см. W—07.

atas — им. пад. ед. ч. личного имени (atas или batas).

]*o* — флексия род. пад. ед. ч. о-основ.

batą — им. пад. ед. ч. существительного. Есть основания видеть в нем личное имя (ср. выше и W—08). Вместе с тем обращает на себя внимание наличие сакрального термина в новофригийском; присутствие

[92] *Баюн, Орел.* Старофригийский глагольный строй...

[93] *Haas.* S. 89.

[94] *Zgusta.* KP. S. 118.

[95] *Littmann E.* Lydian Inscriptions. Leiden, 1916. P. 38 f. (Sardis. V. VI. Pt. 1); *Chantraine.* Dictionnaire... P. 159.

[96] *Brixhe, Lejeune.* Op. cit. P. 157.

того же термина в старофригийских надписях также нельзя исключить полностью (см. ниже).

Надпись сильно повреждена, что препятствует переводу.

G—229 (ручка вазы; V—IV вв. до н. э.).

$_1$mamutas sokposa $_2$mamutas itoi es gloka

mamutas — им. пад. ед. ч. личного имени малоазийского происхождения, ср. килик. Μαμουτις [97]. Имеются и балканские параллели, ср. фрак. Mamutzis.

sokposa — видимо, также личное имя в им. пад., ср. G—189.

itoi — 3 л. ед. ч. оптатива на -toy от глагола 'быть' (восходящего к и.-е.*ei- 'идти'), см. выше о н.-фриг. eitou и ст.-фриг. eumi (G—178). Огласовка itoi (за вычетом специфически фригийского элемента -t-) совпадает с огласовкой греческого оптатива ἴοι от εἰμί [98].

es- — предлог, ср. B—03.

gloka — существительное, стоящее, возможно, в вин. пад. В таком случае отсутствие конечного -n напоминает фонетическое (или морфологическое?) различие в местоимении si. Неясно.

G—252 (черепок; IV—III вв. до н. э.).

?...] ates ito{i}[...

ates — им. пад. ед. ч. личного имени, ср. выше.

ito {i} — 3 л. ед. ч. оптатива, см. G—229.

Перевод: 'Да будет]атес ...'

Короткие и сильно поврежденные надписи

1. *Личные имена и их фрагменты*

adoikavos: ...] {d} oikavos, им. пад. (G—146); ...] doika{v}[... (G—153], ср. G—02.

aka, akos: aka {i]] }..., дат. пад. ед. ч. (G—160); ako, род. пад. ед. ч. (G—237), ср. лик. Ακκα.

akios: ...] akios, им. пад. ед. ч. (G—272), ср. M—03.

aladis: aladis, им. пад. ед. ч. (G—109), ср. хет. Alašša, писид. Αλλασσα.

as- (?): as[... (G—187).

askiados: aṣkiạḍoṣ, им. пад. ед. ч. (G—161), ср. фриг. Μὴν Ἀσκαηνός и Ασκαιος.

atas / ates или *batas / bates*: ?...]ạtaṣ, им. пад. ед. ч. (G—119), ?...]ates, им. пад. ед. ч. (G—123), ?...]atẹs, им. пад. ед. ч. (G—124), ?...]ates, им. пад. ед. ч. (G—148), ata[... (G—120), ср. W—08.

ava (?) : aoa, им. пад. ед. ч. (G—269). Связано ли с avun (G—144)? Имеются многочисленные малоазийские соответствия [99].

baba(s): ... ḅaḅaṣ, им. пад. ед. ч. (G—06), ḅaḅạ, им. пад. ед. ч. (G—121), ...] ḅas [?..., им. пад. ед. ч. (G—186), ḅaḅạ [?... (G—184), babiy. [..., косв. пад. ед. ч. (?) (G—138), ср. M—01b.

benagonos: benagonos, им. пад. ед. ч. (G—116). По-видимому, композит, вторая часть которого может быть сопоставлена с греч. -γονος в составе многочисленных сложных имен. К 1-й части ср. известное по гре-

---

[97] Ibid. P. 184.

[98] *Баюн, Орел.* Старофригийский глагольный строй...

[99] *Brixhe, Lejeune.* Op. cit. P. 208.

ческим надписям Писидии и Фригии βέννος 'Fruchtbarkeitsopfer' и Διὶ Βεννίῳ как эпитет Зевса [100].

*dile*Ŧ*os*: dile{Ŧo}, род. пад. ед. ч. (G—246). Редкий знак Ŧ (ср. G—106) и o образуют лигатуру.

dumasta: [?...] dumasta, им. пад. ед. ч. (G—131), dumast {a}, им. пад. ед. ч. (G—245). Образовано от duma (B—01).

eia, *eies*: eia [... (G—131), eies, им. пад. ед. ч. (G—108), ср. подобные имена в малоазийском ареале [101].

ema-: ema [?..., им. пад. ед. ч. (?) (G—211). Вместе с тем может быть каким-то образом связано с *emaes, см. G—07.

eɱta: eɱta [... (G—112). Вероятно, начальная часть композита. Если допустить для знака ɱ чтение p, перспективным окажется сближение с фракийскими именами, содержащими элемент epta- [102].

gard-(?) : gard [... (G—198).

guvatis: guvatis, им. пад. ед. ч. (G—133). Возможно и чтение ṭuvatis. Имеются указания на анатолийские параллели [103].

ise: ise, им. пад. ед. ч. (G—114), ср. фрак. Isius.

iya: iya?..., им. пад. ед. ч. (?) (G—268), iya [... (G—259), ср. G—07.

kala, *kales*: [?...] kala [..., дат. пад. ед. ч. (G—177), ...] {k}ale [... (G—171).

kuliyas: kuliyas, им. пад. ед. ч. (G—127), kuliya, [... (G—101). Ср. фракийское имя Κο(υ)λια.

kupolas: [?...] kupolas, им. пад. ед. ч. (G—139).

*Ψuva*Ψ*aros*: Ψuva Ψaros, им. пад. ед. ч. (G—115). Как полагают, иранское заимствование [104].

lagineia, *lagineios*: [?...] agineia, им. пад. ед. ч. (G—135), ...]agineia, им. пад. ед. ч. (G—276), lagineios, им. пад. ед. ч. (G—110), ...] lagi {n} [... (G—240). Точные соответствия обнаруживаем в местных названиях: вифин. Λαγίνεια, кар. Λάγινα. Возможно, следовательно, что перед нами не имя, а указание на место производства утвари или место жительства ремесленника.

let- (?) : let [... (G—266).

mama, *mamis*: mama, nom. sg. (G—173), {ma}mi ... (G—196), mami (G—274). Имя широко распространено в Малой Азии. Ср. также н.-фриг. Μαμα.

mavas: ma{u}as, им. пад. ед. ч. (G—202), ...]avas, им. пад. ед. ч. (G—242). Имя анатолийского происхождения, ср. каппад. Μαυα [105].

midas: midas [?..., им. пад. ед. ч. (G—137), ...]{i}da [... дат. пад. ед. ч. (G—238), ср. M—01a.

moros: moro{i} [..., дат. пад. ед. ч. (G—214). Ср., возможно, личное имя, гомер. Μόρυς.

murta(s): murtan, вин. пад. ед. ч. (G—226). Многочисленные ономастические параллели имеются в греческом, ср. личные имена Μυρτία, Μύρτις и т. д., связанные с апеллативом μύρτος 'мирт'. Не исключено, однако,

[100] *Haas*. S. 160.
[101] *Brixhe*, *Lejeune*. Op. cit. P. 102.
[102] См. далее: *Гиндин*. Ук. соч. С. 76 сл.
[103] *Brixhe*, *Lejeune*. Op. cit. P. 122.
[104] Ibid. P. 117.
[105] *Гиндин*. Ук. соч. С. 67.

что и фриг. murta- является также именем нарицательным и обозначает само растение мирт или какой-то продукт из него.

nana-: ṇaṇa [... (G—195), ср. н.-фриг. Νανα- и Ναναϛ в ономастике Фракии и Малой Азии.

nanavata: nanavata, им. пад. ед. ч. (G—236). Возможно, композит анатолийского происхождения *nana-wata.

nina: nina, им. пад. ед. ч. (G—212), ср. Nina, Νινα в фракийской и малоазийской ономастике.

noievos: noievos, им. пад. ед. ч. (G—140). Неясно.

paries: paries, им. пад. ед. ч. (G—224), ср. хеттские имена с первым элементом pariia-[106].

sari-: ...] sar{i} [... (G—192). Вероятно, анатолийского происхождения, ср. хет. Šariia.

seΨ*eltias*: seΨeltias, им. пад. ед. ч. (G—249). Неясно. Ср., может быть, фракийское личное имя Σίκελος.

servas: ... ser{v} [... (G—159), ср. G—130.

set- (?): set[... (G—263], sit [... (G—194).

sokposos: [?...] kposoy, дат. пад. ед. ч. (G—189), ср. G—229.

surgastos: ...]{g}astoy, дат. пад. ед. ч. (G—164), ср. Dd—102.

tates: tates, им. пад. ед. ч. (G—122), ср. G—04 и имя Ταταϛ, распространенное во Фракии и в Малой Азии.

tinu(s): tinu{i} [..., дат. пад. ед. ч. (?) (G—190). Неясно.

vasos: va{s} [... (G—134), ...] {s}os, им. пад. ед. ч. (G—08).

2. *Аббревиатуры личных имен и отдельные буквы*

a (G—225). Неясно.

abs (G—166), [?...] ab (G—217) = личное имя abas, ср. P—104.

ai (G—189 bis), a{i} [... (G—227). Неясно.

[?...] *arg* (G—157). Неясно.

bay (G—251). Возможно = дат. пад. ед. ч. личного имени baba, babas. ср. M—01b.

↑ (G—203, G—225). Возможно = di (G—103).

ik[?...] (G—273) — личное имя iktes (G—02) или iketaios (W—02).

ku (G—241) = личное имя kuliyas (G—101) или ср. uv.

Ψ*uv* (G—224) = личное имя ΨuvaΨaros (G—115).

me (G—242), me [?...] (G—167). Неясно.

n (G—213, G—260). Неясно.

nm (G—215). Неясно.

pa (G—162, G—257), [?...] pa (G—271). Возможно = личное имя paries (G—224).

...] *pbas* [?... (G—174]. Возможно = личное имя babas, ср. M—01b.

sir (G—185). Неясно.

ta (G—182). Возможно = личное имя tates (G—122).

[?...] ti (G—274), Ti (G—275). Неясно.

tib (G—158). Идентично ti?

u$\mp$*d* (G — 106). Неясно.

v (G—257). Неясно.

vi (G—243). Возможно = личное имя vitelos (G—141).

---

[106] Там же. С. 62 сл. (с литературой вопроса).

url (G—109). Неясно.

y (G—254). Неясно.

Два неалфавитных знака: *X* (G—203) и ⛧ (G—208). Последний, однако, может представлять собой лигатуру из четырех знаков m (как обозначение Богини-Матери?).

3. *Титулы и эпитеты*

arẽyasti-: aṛẹ{y} [... (G—170), ср. W—01a.

evkob-: ...] kob [... (G—168), ср. evkobey (B—01).

ibeya: iḅ [... (G—231), ср. B—01.

imeneia: ...] ime [... (G—179), ime {ṇ} [... (G—216), ...] me{ṇ} [... (G—220), ср. G—183.

kanutievanos: ...]{ẹ}eivanouṣ [..., им. пад. ед. ч. (G—250), ср. P—02.

kanutievais: ...] {i}eveis [... (G—143), ср. P—03.

lavagetas: {l}aụ ạ [... (G—169), ср. G—01.

mekas: mekas, им. пад. ед. ч. (G—111), mekaịṣ[...?, дат. пад. мн. ч. (?) (G—239), ср. M—05.

memevais (?): ...] {i} u {i} s [..., им. пад. ед. ч. (G—151), ср. M—01b и более близкую фонетически форму BT—02b.

tiveia: ...] tivi {i} [... (G—219), ср. G—183.

vanak: va{ṇ} [... (G—134), ср. M — 03.

4. *Прочее*

iman: iman (G—210), ср. G—136.

kadio: kadiun [..., им. пад. ед. ч. (G—103), аббревиатура ...?] kad (G—102), ср. C—101. Это слово, видимо, обозначает разновидность сосуда и связано с греч. κάδος, κάδιος 'ваза, кувшин', заимствованным из семитского (вероятно, из финикийского), ср. др.-евр. kad 'ведро' [107].

kermos: kermọ [... (G—104). Это существительное, возможно, также обозначает разновидность сосуда, ср. греч. κέραμος 'сосуд, кувшин'.

voine: voines, им. пад. ед. ч. (или мн. ч.) (G—129), voine им. пад. ед. ч. (G—228).

Прочие фрагменты надписей не поддаются интерпретации.

Л. С. Баюн, В. Э. Орел

LANGUE PHRYGIENNE EN TANT QUE SOURCE HISTORIQUE

L. S. Bayun, V. E. Orel

L'article ci-dessus représente la première partie d'un ouvrage consacré à l'étude des monuments épigraphiques phrygiens. On y traite la plupart des documents paléo-phrygiens (sauf les inscriptions de la Phrygie Centrale et Orientale qui, de même que les textes néo-phrygiens, font l'objet de la deuxième partie de notre ouvrage) dont l'interprétation est devenue possible après la réédition des textes paléo-phrygiens (v. *Brixhe C., Lejeune M.* Corpus des inscriptions paléo-phrygiennes. T. I—II. P., 1984) dans une translitération correcte, accompagnée de bonnes photos, réédition, enrichie de documents nouveaux. Dans notre article chaque inscription paléo-phrygienne (datation: VIII—III s. av. n. è.) est suivie d'une analyse grammaticale des formes, de la discussion de division en mots et de la traduction du texte. Les conclusions de caractère linguistique, historique et culturel qu'on peut faire en se basant sur le matériel des inscriptions phrygiennes, seront données dans la deuxième partie de cet ouvrage.

[107] *Masson E.* Recherches sur les plus anciens emprunts sémitiques en grec. P., 1967. P. 42 suiv.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Н. А. ПОМЕРАНЦЕВА. Эстетические основы искусства древнего Египта. М.: Искусство, 1985. 225 с., 16 л. илл.

Тема книги Н. А. Померанцевой в высшей степени интересна и актуальна. Египетское искусство, развивавшееся на протяжении тысячелетий, представляет собой феномен огромных масштабов. Не удивительно, что ему посвящена масса работ, где оно рассматривается в разных аспектах и с самых различных позиций. Тем не менее книг, специально посвященных его теоретическим основам, немного и они далеки от совершенства. Таким образом программа, сформулированная Н. А. Померанцевой в названии ее работы, не может не привлечь к себе внимания.

Будучи продуктом и отражением во многом очень чуждого нам сознания, египетское искусство ставит перед исследователем массу проблем, выходящих далеко за пределы «обычного» искусствоведения. Изучение чисто художественных проблем само по себе здесь невозможно или в лучшем случае бесполезно — ему должно быть предпослано исследование соответствующих областей египетского мировоззрения, а для создания общей картины искусства необходимо понять мировоззрение как единую систему. В наши дни с этим никто, пожалуй, не спорит, хотя, кажется, ни в одном из широкомасштабных трудов по искусству Египта на практике этот принцип последовательно не проводится.

Н. А. Померанцева начинает свою книгу с утверждения о необходимости базировать исследование египетского искусства на изучении египетского мировоззрения и практически всю ее первую часть «Мифопоэтическое творчество как предыстория эстетической мысли» (с. 12—98) посвящает, по существу, рассмотрению взаимодействия и взаимосвязи этих двух частей древней духовной культуры. Тем самым обосновывается методическая основа анализа конкретного материала, который будет предпринят в дальнейшем.

Такой подход можно только приветствовать и безоговорочно принимать, но лишь при одном условии — высоком профессионализме исследователя, без которого при нынешнем все еще недостаточном уровне изученности египетского мировоззрения подобную задачу перед собой лучше не ставить. Посмотрим, как же справляется с ней автор.

В I главе первой части «Древнеегипетское искусство и его сущность. Исторические вехи» предпринимается попытка установить, как сами египтяне относились к своему искусству, и проследить, как изменялось это отношение со временем. Попытка эта, на наш взгляд, явно неудачна, поскольку беглый обзор нескольких терминов, имеющих отношение к искусству, дать ничего сам по себе не может. Положение исправить никак не могут ссылки на «Мемфисский теологический трактат» (с. 14—15) или на любой другой единичный текст. По существу, единственный достигнутый вывод — это то, что египтяне описывали различные проявления прекрасного, которое очень хорошо ощущали, словом nfr (с. 15), но это и без того хорошо известно каждому (как, кстати, хорошо известно многим читателям и то, что имя знаменитой красавицы-царицы Нефертити означает «Прекрасная пришла»).

Не удачнее и обзор развития египетского искусства. На 10 страницах (с. 16—26) рассказать о нем сколько-нибудь подробно все равно невозможно, поэтому было бы разумнее всего проследить ту линию развития, которой в основном посвящена книга, но этого как раз и не происходит. Весь обзор распадается на не связанные между собой замечания, в которых к тому же немало ошибок. Например, утверждается, что Новое царство — самый длинный период в египетской истории (с. 21), однако Старое царство было длиннее; что в саисскую эпоху утрачивается портретность (с. 24) — ошибочность этого ясна каждому, кто видел шедевры скульптуры этого времени; что в эллинистическую эпоху происходит «возрождение египетского заупокойного культа» (с. 24) — но разве до того он находился в упадке? Встречаются и просто лишенные смысла фразы. Например: «...в начале IV тыс. до н. э. культ мертвых вылился в сложную систему верований в вечную жизнь в загробном мире» (с. 16) — однако ясно, что культ не может порождать представления, ибо сам порождается ими. Что же касается высказывания о том, что «египетская культура исторически не дожила до этапа своего „средневековья", завершившись на стадии эллинизма» (с. 24), то оно отчетливо характеризует представления Н. А. Померанцевой о логике исторического развития.

II глава «Понятие образа в древнеегипетском искусстве» начинается утверждением, что «искусство древнего Египта — это искусство образа» (с. 27), что само по себе предполагает существование где-либо в древности искусства безобразного. К сожалению, из главы так и нельзя понять, в чем же заключается специфика образа в египетском искусстве и как сам автор понимает образ. Н. А. Померанцева пытается установить египетский термин для понятия «образ» и приходит к выводу, что «для выражения понятия „образ" у египтян существовало по меньшей мере два десятка словесных эквивалентов» (с. 31). Из этого факта может следовать только один вывод: каждый из этих терминов обозначал лишь частные проявления образа и не был эквивалентен нашему в высшей степени абстрактному понятию, но автором, однако, вывод делается прямо противоположный: по ее мнению, «слово „образ" имело различный оттенок в зависимости от того, кого или что оно обозначает» (с. 31—32). В этой главе также имеются и фактические ошибки, например Н. А. Померанцева считает, что змей в «Сказке о потерпевшем кораблекрушение» «именуется богом» (с. 38) — он так в тексте ни разу не назван, хотя божественная природа его совершенно очевидна. Ошибочно и предельно упрощенное объяснение египетской концепции сущности человека, которая якобы «мыслилась неделимой, состоящей из трех субстанций...: *ка* соответствовало понятию двойника, *ба* часто осмыслялось как душа, хотя оно и значительно многограннее этого определения в своих проявлениях; *шуит* — тень, обладающая способностью защиты» (с. 33). Встречаются фразы, смысл которых совершенно неясен, вроде: «Записанный текст — это древнеегипетский свиток, а не книга» (с. 39) — вряд ли кто-либо всерьез предполагает существование у египтян настоящих сброшюрованных книг!

В высшей степени неудачна III глава «Основные архетипы египетского искусства как эстетическая категория», где Н. А. Померанцева пытается связать воедино египетскую мифологию и египетское искусство. Эта попытка заранее обречена на неуспех, так как уже в предыдущих главах автор достаточно ясно обнаружила ошибочность своих представлений о мифологии. Мы с очевидностью понимаем это, читая, например, о мифе «с его системой религиозных представлений, приятие которых было обязательно, ибо в миф п о л а г а л о с ь в е р и т ь» (с. 37) (разрядка наша.— *А. Б.*).

Содержание III главы заключается в выявлении неких архетипов искусства. «Каждый из ... образов несет присущее ему символическое осмысление, восходящее к своим изначальным функциям и распространяющееся на всю типовую категорию. При этом изначальный образ выступает в качестве своеобразной модели — архетипа» (с. 40). Так что же все-таки такое архетип? Понять это довольно трудно, тем более что автор представляет его себе достаточно своеобразно: «Уже из самого термина яв-

ствует, что архетипы обращены к началу „архе" как к первообразу» (с. 41). Однако в представлениях египтян ничего подобного греческому ἀρχή, категории уже весьма отвлеченной, не было. Но, может быть, мы неверно понимаем автора? Нет, через страницу Н. А. Померанцева, говоря об одной из египетских версий возникновения мира, совершенно недвусмысленно заявляет: «Поднявшийся из хаоса священный холм...— это еще не земля, не камень и не материя, это своеобразная овеществленная, предметно представленная первоматерия, обладающая потенцией для светоносного начала Атума» (с. 42). Из этого набора слов явствует, что автор полагает, будто египтяне могли мыслить о материи и даже о некой отличной от нее первоматерии.

Отсутствие какой-либо последовательности у Н. А. Померанцевой делает совершенно невозможным последовательное изложение содержания этой главы. Однако кое-что об архетипах выяснить все-таки удается. Говоря об изображениях птиц, автор утверждает, что «не все эти птицы причастны к архетипам, хотя отдельные виды (ибисы, аисты, гуси) восходят к своему прообразу». И далее: «Не все птицы, представленные в росписях Бени-Хасана, причастны к освященным, однако сама ритуальная композиция приобщает их изображения к культовым» (с. 86). Из этого следует, что архетип — это всего-навсего мифологический, «освященный» «прообраз». Тогда, разумеется, архетипы есть далеко не у всего, что изображается, но какое значение они могут иметь для исследования искусства, остается непонятным.

Первый раздел III главы носит название «Древнеегипетский космос, его структура и осмысление». К сожалению, ни о каком осмыслении говорить не приходится. Посмотрим, как Н. А. Померанцева описывает египетские представления о небе. «Представление о небе воплощалось у египтян в двух субстанциях — тверди и потока... Две небесные субстанции олицетворялись двумя богинями, символизировавшими небо»,— Нут и Хатхор (с. 46). Уже в этих двух фразах имеется несколько ошибок. Во-первых, совершенно невозможно говорить о разных субстанциях неба, ибо речь идет лишь о разных символах для описания одного и того же явления, и «всякий, кто стал бы искать в этих изображениях передачу действительной формы неба, мог бы лишь совершенно запутаться» [1]. Именно это и делает автор. Во-вторых, мифологических картин неба было не две, а больше: это и корова-Хатхор, и богиня Нут, и крыша на подпорках, и небесный Нил. В-третьих, эти представления автор немилосердно смешивает, и оказывается, что, с одной стороны, небесная твердь — это корова, но, с другой стороны, «твердь ассоциировалась с подпорками» (т. е., надо понимать, с крышей), и в то же время это «одна субстанция». Представления египтян сложны, но такой путаницы у них не было. Примерно такое же непонимание проявляется и во фразе «Старение Ра указывает на несовершенство земного бытия» (с. 51, речь идет о «Книге Коровы»). Но, во-первых, Ра в любом случае, даже будучи правителем Египта, оставался богом, так что дело не в земном бытии, и, во-вторых, «несовершенство земного бытия» — представление, совершенно чуждое египтянам.

Второй раздел главы «Древнеегипетский храм как модель космоса» не содержит ничего оригинального: доказывать, что компоновка храма символизирует устройство мира — это общее место. К сожалению, и этот раздел содержит очень много ошибочных заявлений автора. Например, на трех страницах, посвященных пирамидам Гизы (с. 58—60), можно обнаружить следующее. *1.* Пирамиды строго ориентированы по странам света, потому что их юго-восточные углы лежат на одной прямой. Однако ясно, что расположение предмета на плоскости отношения к его ориентации не имеет. *2.* В погребальные камеры пирамид «проникал световой луч, направленный на альфу созвездия Дракона». Однако коридоры в пирамидах не прямые, а ломаные, а у Хеопса к тому же в погребальную камеру ведет поднимающаяся галерея, так что из нее звезду увидеть никак нельзя. *3.* Гиза была выбрана для некрополя, так как она распола-

[1] *Антес Р.* Мифология в древнем Египте // Мифологии древнего мира. М., 1977. С. 59.

гается на 30 параллели. «Если бы место некрополя было выбрано ближе к дельте (почему-то со строчной буквы?— *А. Б.*), топкий грунт не смог бы выдержать всей нагрузки, пришлось бы увеличить площадь основания, и тогда форма пирамиды получилась бы распластанной»! Однако у египтян было достаточно здравого смысла, чтобы не заниматься бессмысленной работой и не строить пирамид в болотах. *4.* Гиза названа «самым северным из всех древнеегипетских пирамидных ансамблей», но Абу-Роаш находится на 8 км севернее. *5.* Только одна из трех пирамид Снофру имеет «ломаные» грани, а не все, как считает автор. *6.* Размеры блоков пирамид якобы «не выпадают из общей соразмерности», хотя известно, что они различны не только в разных пирамидах (и вне зависимости от размеров последних), но и в каждой из пирамид уменьшаются с высотой. *7.* Пирамиды Хефрена и Микерина якобы «повторяют» конструкцию Великой пирамиды, хотя каждому, хоть раз видевшему их планы и разрезы, известно, что это не так.

Третий раздел главы «Архетипы растительного и животного мира» увеличивает общее число неточностей и порождает много различных вопросов. Вот некоторые из них. *1.* Появление различных ипостасей богов имело якобы «философское истолкование» (с. 43). Но о какой философии может идти речь в Египте? *2.* «По мере развития философских воззрений религиозные представления египтян облекались в наиболее емкую форму выражения» (с. 44—45). Но почему тогда тексты поздних храмов основываются на идеях еще Старого царства и при этом оказываются наименее лаконичными за всю историю страны? *3.* В гробницах Старого царства автор находит «цикл композиций загробного мира» (с. 79), которых там не было. *4.* В гробнице Tjj якобы «на стене перед входом в погребальную камеру» изображена корова-Хатхор (с. 79). Однако, во-первых, в гробницах Старого царства нет вообще ни одного изображения божества, а, во-вторых, у Tjj в погребальную камеру ведет наклонный ход, начинающийся в полу колонного зала [2], так что никакой стены рядом с ним вообще не было. *5.* Н. А. Померанцева считает, что «заклание жертвенных животных символизировало победу над смертью, представлявшейся поверженной» (с. 85). Здесь комментарии излишни. *6.* Хорово имя царя понимается не как имя царя, а как «имя Хора — покровителя фараонов» (с. 83). *7.* На стеле царя Джета «змея... содержит имя фараона» (с. 83). *8.* Автор полагает, что «изображение кобры венчает царский урей» (с. 84),— что же в таком случае является уреем? И здесь встречаются лишенные смысла фразы и выражения, например: «формы ипостасей» богов (с. 44), «ритуал загробного мира» (с. 78), «процесс претворения вида (биологического.— *А. Б.*) в образ» (с. 81) или, например, следующая фраза: «Круг наибольшего радиуса R вмещает в себя четыре концентрические окружности, причем величина радиусов от r к R постепенно нарастает» (с. 63) — как будто бывают концентрические окружности одного радиуса!

Заключительная IV глава первой части «Эстетический смысл древнеегипетского орнамента» также вызывает немало вопросов. Орнамент, несомненно, чрезвычайно интересен как одна из ранних форм художественного творчества, но его нужно исследовать, а не говорить по его поводу красивые слова,— здесь даже цитаты из О. Мандельштама, которыми уснащен текст, помочь не могут. Что же касается красивостей, приведу как образец лишь одну из них: «Египтяне видели в лотосе идеограмму одного из главных принципов своей веры» (с. 93) — понимай, как знаешь!

Историк египетского искусства должен быть в равной мере искусствоведом и египтологом (филологом и историком культуры), египтологом-профессионалом, в совершенстве владеющим искусствоведческим анализом, в противном случае весь разработанный аппарат искусствоведческой науки становится совершенно бессильным и бесполезным. Профессионализм же египтолога определяется в первую очередь знанием языка.

Книга же Н. А. Померанцевой, не затрагивая каких-либо филологических или

[2] *Steindorff G.* Das Grab des Ti. Lpz, 1913. Bl. 1.

лингвистических проблем, обнаруживает тем не менее полное непонимание автором самой языковой системы древних египтян. Уже одно заявление о существовании в египетском письме «букв» (с. 30, 86 — имеются в виду односогласные знаки) говорит само за себя. Однако это еще не все, поскольку наряду с «буквами» у автора существуют еще и «знаки» (видимо, многосогласные знаки), так что «для некоторых слов употреблялось и знаковое, и буквенное написание; так, например, иероглиф ʿnḫ (жизнь) иногда мог сопровождаться и буквенным дополнением nḫ» (с. 30). Таким образом, не будет преувеличением сказать, что последние сто лет развития египетской филологии оказываются зачеркнутыми начисто.

Книга Померанцевой обнаруживает, что автору осталось совершенно непонятно и соотношение изображения, иероглифа и слова. Оказывается, существуют «*иероглифы, в которые входило изображение* гуся» (с. 85, курсив мой.— *А. Б.*) — имеются в виду слова, в состав которых входил знак гуся. Изредка в книге приводятся иероглифические написания некоторых слов, и практически всегда автор называет эти слова иероглифами, даже если они пишутся многими знаками (с. 15, 73, 221). Впрочем, дважды встречается и прямо противоположное: знак r назван словом r', знак t — словом t' (с. 30).

В свете этого неудивительно, что в иероглифических передачах слов появляются несуществующие знаки (с. 12, 13), в слове zšn — «лотос» вместо š постоянно пишется знак папирусного свитка (с. 73, 75), знак ', изображающий стервятника (Neophron percnopterus), описывается как гриф (с. 86), вместо знака ласточки стоит воробей (с. 86), выражение nfr wbn.f — «прекрасен восход его» — транслитерируется как совершенно бессмысленное nfrw b'-nrʿ.f (с. 67), а слово nḫb — «лотос» смешивается с nḫd.t — «бутон лотоса», так что в результате получается нечто среднее — nḫb (с. 73). К тому же текст плохо вычитан, что, не говоря о неправильностях в транслитерациях, приводит к совершенно удивительным ошибкам. Так, еврейское šošan — «лотос» превратилось в слово на загадочном «европейском» языке (с. 73).

Впрочем, сами по себе эти ошибки в книге ничего не меняют, так как ссылки на египетскую систему письма или словоупотребление в ней не работают, и выводов из них не делается, однако они свидетельствуют об уровне представлений автора об египетском языке. Это с неизбежностью свидетельствует, что ни с одним египетским памятником Н. А. Померанцева самостоятельно работать не может,— ведь даже датировать статую нельзя, не прочитав надписей на ней. Что же говорить тогда о сложнейших письменных мировоззренческих памятниках, оценивать которые по переводам так же бесполезно, как изучать живопись по музейным каталогам, не видя самих картин.

Можно возразить, что искусствовед имеет право на свое собственное ви́дение. Разумеется, но только в том случае, если этим «ви́дением» не прикрывается полнейшая беспомощность в египтологии. Не служит оправданием и то, что книга предназначена не только для специалистов, — широкий читатель должен получать достоверную информацию, ибо ему разобраться в хитросплетениях чужой науки невероятно трудно.

Таковы печальные итоги работы, предпринятой в первой части книги. Вторая часть «Творческий метод древнеегипетского мастера как выражение эстетического начала» на ее фоне выглядит несравненно лучше, хотя и здесь встречаются совершенно бессмысленные выражения вроде «ритуальной литургии» (с. 129) или — «изображение можно рассматривать как своеобразный детерминатив условно трактуемой сцены» (с. 107). Сокращение количества ошибок вполне естественно: здесь предпринимается анализ конкретного материала, а количество отвлеченных рассуждений сокращается. К тому же вторая часть практически независима от первой, и поэтому все предшествующие несуразности на ней не сказываются — редчайший случай, когда то, что последующее не вытекает из предыдущего, оказывается несомненным достоинством. Впрочем, это не означает, что вторая часть удачна в абсолютном выражении — она лишь лучше первой.

Задача I главы ясна из ее названия «Эстетические основы древнеегипетского канона» — в ней должны рассматриваться особенности канона в египетском искусстве. Однако проблема канона очень непроста, и прежде всего необходимо четко представить себе, какие именно признаки позволяют говорить о каноничности. Н. А. Померанцева следует здесь за французским архитектором А. Фурнье де Кора, который сводил канон к системе пропорций, основывающихся на правиле золотого сечения (с. 100). Это она называет «математической логикой в построении композиций» (с. 100) — весьма своеобразный термин, свидетельствующий о том, что о математической логике автор не имеет ни малейшего представления. Однако перейдем к сути дела.

То, что египетские художники пользовались при своей работе справочниками, образцами, моделями, совершенно несомненно. Н. А. Померанцева правильно утверждает, что сводить канон лишь к этим пособиям невозможно (с. 103), но кроме нескольких фраз вроде того, что «канон лежал в сфере сакральных таинств» (с. 103), она к проблеме ничего не добавляет. Зато чрезмерное внимание автор уделяет встречающейся иногда на памятниках разбивки изображений на квадраты, по которым якобы строилась фигура человека (с. 104—106). Это означает неверие в силы египетского художника, который получал столь хорошую профессиональную подготовку, что ему не нужно было рабски переносить изображение с образца по квадратам. И действительно, ряд памятников показывает, что сетка могла наноситься поверх готового изображения, т. е. предназначалась она для обучения начинающих художников на копировании признанных эталонов.

Разумеется, предварительная разметка была необходима для древнего художника точно так же, как для современного, но обходился он без квадратов. Такая разметка сохранилась на незавершенном изображении мужчин с приношениями в саккарской часовне Старого царства, принадлежавшей M³(?.j)-nfr(.W)[3]. Она представляет собой вертикальную черту, проходящую по оси тела, на которую нанесены точки, находящиеся на уровне колен, паха, талии, подмышек, плеч и макушки; размеры по горизонтали не размечались. Это и понятно — всякий мало-мальски грамотный художник, имея вертикальную разметку, легко построит пропорциональную фигуру. Чтобы подтвердить, что горизонтальная разметка не играла значительной роли, рецензент проделал промеры полусотни случайно взятых изображений стоящего мужчины из гробниц Старого царства. Результаты получились весьма красноречивыми. Если принять высоту изображения за 100%, то разница в вертикальных пропорциях различных фигур (по схеме M ³(?.j)-nfr(.w)) составляет 3—4%, тогда как горизонтальные пропорции различаются на 5—8%. Это означает, что художник точно размечал лишь вертикаль, а горизонтальные размеры определял на глаз — ведь при стандартной разбивке, когда высота фигуры делится на 18 квадратов, сторона квадрата составляет 5,5% от высоты, т. е. ошибки в горизонтальных пропорциях могли превышать размер квадрата в полтора раза. Зачем же была нужна сетка, если на нее до такой степени не обращали внимания?

Перейдем теперь к системе пропорций Фурнье де Кора. Разработанная им шкала RDH основывается на «восьми пропорциональных соотношениях, являющихся функциями золотого сечения» (с. 100). В этом нет ничего удивительного, ведь многие пропорции человеческой фигуры действительно определяются золотым числом, важно лишь выяснить, насколько эти реальные пропорции унифицируются в изображениях. Н. А. Померанцева считает, что унификация стопроцентна, и отсюда вытекает ее определение египетского канона: «Канон — это шкала пропорциональных соотношений, которые присутствуют *во всех без исключения* памятниках древнеегипетского искусства, размещены в строго установленной системе для каждого типа изображений и обеспечивают соразмерность между всеми частями композиций» (с. 128—129, курсив

[3] *Lepsius R.* Denkmaeler aus Aegypten und Aethiopien. 2. Abt. B., circa 1850. Bl. 65.

мой. — *А. Б.*). Столь категоричное утверждение требует доказательства, и единственным доказательством здесь могут быть промеры многих тысяч памятников, выполненные по одной схеме. Это утомительная работа; чтение таблиц, в которые должны быть сведены результаты, увлекательным тоже не назовешь, но без этого все декларации останутся голословными. К сожалению, Н. А. Померанцева этим не занимается, а лишь приводит несколько иллюстраций своего положения.

Разумеется, иллюстрация — не доказательство, но хорошие иллюстрации могут дать очень много. Для этого, однако, они должны отвечать ряду требований. Прежде всего, в качестве примеров следует выбирать наиболее характерные памятники, во-вторых, примеров одного и того же положения должно быть несколько и, в-третьих, примеры и выводы из них должны быть сопоставимыми. Без этого их ценность близка к нулю. Ни одного из этих требований Н. А. Померанцева не выполняет. Для иллюстрации она выбирает статуи писцов, которые хотя и не единичны в Старом царстве, но и не «принадлежат к числу наиболее распространенных статуарных изображений Древнего Египта» (с. 125) — первое требование нарушено. Далее автор говорит, что было проведено сравнение целого ряда таких статуй, но в книге приводятся результаты измерений одной лишь статуи «Луврского писца» K²j (с. 124—125), которые сопоставлять не с чем, — нарушаются второе и третье требования. Получившиеся схемы пропорций (рис. 31—32) любопытны, но сами по себе они ничего не доказывают.

О том, насколько Н. А. Померанцева пренебрегает принципом сопоставимости, свидетельствует ее анализ двух стел амарнской эпохи (с. 134—136, рис. 33—34). На них в соответствии со шкалой RDH выделяется масса соотношений, но значительная часть их не совпадает — на каирской стеле фигуры вписываются в одни прямоугольники, а на берлинской в другие. Таким образом, пропорции этих памятников друг с другом соотносятся совсем не так полно, как полагает автор. Более того, композиция берлинской стелы разбивается также на круги с радиусами, восходящими к RDH, а каирская стела обходится без кругов. Должно ли это означать, что композиции построены по-разному? К тому же непонятно, что вписывается в эти окружности. Одна из них охватывает фигуры царя и царицы, другая — голову царя и дочь, которую он держит на руках, остальные же три проведены совершенно произвольно. Пользуясь таким методом, на любом изображении можно найти неограниченное число размеров, чему-то соответствующих. Кстати, и сама Н. А. Померанцева проговаривается об этом: «Если бы мы попытались нанести все окружности на чертеж, то они буквально испещрили бы всю композицию стелы» (с. 137), — но о том, что все это возможно лишь благодаря ее произволу, она не задумывается.

Аналогично рассматривается и система пропорций при изображении лица. Здесь анализируются две статуи — «Луврский писец» K²j и «Каирский писец» (с. 144—145, рис. 36—37), но результаты оказываются несопоставимыми. Разумеется, в лицах обеих статуй встречаются пропорции, восходящие к RDH, но только друг с другом они не соотносятся. Если принять за 1 расстояние между наружными уголками глаз[4], то получатся следующие соотношения.

	«Луврский писец»	«Каирский писец»
$\sqrt{3}$	Радиус окружности, в которую вписывается голова (центр на переносице)	Радиус окружности, в которую вписывается голова (центр на переносице)
$^1/_2$	Расстояние от центра этой окружности до границы волос[5]	Расстояние от центра этой окружности до верхней губы
Меньшая часть золотого сечения отрезка 1	Расстояние от основания носа до верхней губы	Расстояние от основания носа до нижней губы

[4] В тексте ошибочно сказано «между внутренними уголками» (с. 144).

[5] В тексте ошибочно сказано «до границы парика» (с. 144), но K²j изображен без парика.

Таким образом, пропорции, восходящие к RDH, относятся к различным частям лица, и, пользуясь столь произвольным методом, их можно найти еще немало, но это ничего не будет значить. Автор, однако, видит в этом проявление каноничности и делает вывод, что «пропорциональная каноническая структура древнеегипетских памятников не нивелирует индивидуальности их внешнего облика» (с. 145). Конечно, индивидуальность не нивелируется, но происходит это потому, что те самые пропорциональные отношения, которые автор хочет видеть «во всех без исключения памятниках» (с. 128), на самом деле далеко не столь универсальны.

Разумеется, всего двух изображений недостаточно для того, чтобы судить об общих закономерностях, но, может быть, необходимый анализ будет приведен во второй главе, которая называется «Иконография древнеегипетского портрета, коптских и раннехристианских памятников Нубии»? К сожалению, этого не происходит и здесь. Лишь мельком упоминается все та же статуя K³j и заодно K³(.j)-ʿpr(.w) («Шейх эль-белед») и Ḥm(w)-jwn(w) (с. 159), да еще триады Микерина (с. 151). Даже если присовокупить сюда упомянутые в первой главе статуи «Каирского писца», Rʿ(w)-ḥtp(.w), *Nfr.t, карлика ———w(j)-snb(.w) [6] (с. 145), выбор памятников получится все равно ничтожным [7]. Невозможно себе представить, как в работе о портрете можно не сказать ни слова о бюсте ʿnḫ(.w)-ḥ³.f [8], лучшей статуе Старого царства, о статуе Mttjj [9], которая если и не превосходит «Шейх эль-беледа» [10], то и не уступает ему, о статуях Rʿ(w)-nfr(.w) [11], ³ḫ.t(j)-ḥtp(.w) [12], Ḥnm(w)-ḥtp(.w) [13] и многих других. Да и об упомянутых сказано мало и не всегда правильно. Например, если сравнить изображения Микерина с его не менее знаменитой сидячей статуей из Бостона [14], у которой чрезвычайно широкие плечи и маленькая голова, все построения автора, посвященные пропорциям, должны рассыпаться — а ведь это царская статуя, изготовленная лучшими мастерами, и ссылок на низкое качество работы здесь быть не может. Точно так же человек, хоть раз видевший все эти портреты, не сможет сказать, что египетский портрет «не предполагает раскрытия психологической характеристики» (с. 157), — он сразу же вспоминает энергичное, несмотря на полноту, лицо Ḥm(w)-jwn(w), огромную внутреннюю силу ʿnḫ(.w)-ḥ³.f, смягченную усталостью, властность K³(.j)-ʿpr(.w), ум K³j, тихую печаль глаз Mttjj, болезненную детскость и почти идиотизм лица карлика Ḥnm(w)-ḥtp(.w). Отрицать психологичность староегипетских портретов — совершеннейший нонсенс.

Вместе с тем Н. А. Померанцева не хочет замечать ключевого для понимания проблемы староегипетского портрета момента — того, что существуют предельно правдивые и совершенно условные изображения одного и того же человека. Лишь о K³j говорится, что наряду со статуей его в виде писца имеется также изображение его сидящим в традиционной позе (с. 159) [15]. Но и здесь все отличия сводятся к тому, что статуи принадлежат разным мастерам, «отличающимся по темпераменту и способности внутреннего видения образа» (с. 159). Между тем, если мы сравним какую-либо пару из портретной и условной статуй, например «Шейх эль-беледа» и другую статую

[6] Эта статуя датируется не V дин., как думает Н. А. Померанцева, а концом VI дин.; см. *Junker H.* Gîza V. Wien und Leipzig, 1941. S. 3—6.

[7] Н. А. Померанцева рассматривает как староегипетскую также голову статуи из бывшей коллекции Солт (с. 160), находящуюся ныне в Лувре. Хотя такая традиция действительно существует, это все-таки амарнский памятник; см. *Vandersleyen C.* Objectivité des portraits égyptiens // BSFE. 1975. № 73. P. 24.

[8] Бостон, MFA 27.442, библиография TB. P. 196.

[9] Нью-Йорк, BrM 51.1, библиография TB. P. 647.

[10] См. *Kaplony P.* Studien zum Grab des Methethi. Bern, 1976. S. 62.

[11] Каир, CG 18, библиография TB. P. 462.

[12] Каир, без номера по CG, библиография TB. P. 638.

[13] Каир, CG 144, библиография TB. P. 722—723.

[14] Бостон, MFA 09.204, библиография TB. P. 32—33.

[15] Кстати, последняя статуя находится не в Каире, как полагает автор, а в Лувре, инв. № A106.

K³(.j)-ʿpr(.w) [16], то увидим, что качество работы в обоих случаях высочайшее и отсутствие портретности в условной статуе объясняется не низким мастерством скульптора. Причина существования парных статуй, по-разному изображающих человека, связана с представлением о Двойнике и отражает глубочайшие слои египетского мировоззрения, без понимания которых ничего нельзя понять в египетском искусстве [17]. То, что говорит в связи со скульптурой о Ка и Ба Н. А. Померанцева (например, что человек через посредство Ка приобщался к вечности и в результате его «образ уподоблялся божественной ипостаси» с. 153), не имеет ничего общего с действительностью.

О портретах Среднего и Нового царства говорится и того меньше, всего две страницы (с. 160—162), о портретах Позднего времени — вообще ничего.

Теперь для того, чтобы выявить специфику интерпретации образа в портрете, автор обращается к погребальным маскам (с. 166—175). Если подходить к этой теме всерьез, она может дать очень многое, но Н. А. Померанцева ограничивается лишь несколькими бессодержательными фразами об «устремленной динамике всевидящего ока» (с. 166), о «выражении мудрости, которое придает этим мастерам причастность к божественному первообразу» (с. 169), о том, что «маска несет в себе потенцию духовного совершенства» (с. 168), и т. д.

Для того, чтобы доказать, что реальные черты лица при изображении искажались в соответствии с каноном, Н. А. Померанцева пытается сопоставить статую человека с его посмертной маской. Делается это довольно странно. Маску неизвестного, хранящуюся в Лейпциге, она без тени сомнения и без каких бы то ни было оснований приписывает Джосеру и сравнивает ее со статуей из сердаба этого царя. Разумеется, при таком подходе не обойтись без подтасовок — для того, чтобы вписать маску в окружность радиусом $\sqrt{5}$ расстояния между наружными уголками глаз, приходится утверждать, что окружающая маску закраина, образовавшаяся при отливке, была сохранена мастером для придания лицу большей пропорциональности. О других масках говорится мало и столь неконкретно, что по существу не сказано ничего.

Таким образом, следует признать, что предлагаемое Н. А. Померанцевой понимание канона очень упрощенно, а делаемые на его основе выводы зачастую просто неверны. Во всем здесь виден тот же самый непрофессионализм, о котором уже немало было сказано. Он проявляется и в нежелании заниматься анализом массового материала (насколько этот термин применим к произведениям искусства), и в произвольном выборе памятников, так что многие наиболее показательные остаются вообще неупомянутыми, и в незнании многих самых элементарных фактов. Имеется и большое количество ошибок помимо уже отмеченных. Вот некоторые из них. *1.* Утверждается, что портретные головы из Гизы не имели раскраски (с. 140), тогда как на некоторых из них следы краски сохранились [18]. *2.* Говорится о различии «гизехской» и «мемфисской» художественных школ (с. 146), хотя за отдельными исключениями памятники из Гизы и Саккары очень сходны и практически неотличимы друг от друга. *3.* Огромная роль зрения в египетском мировоззрении сводится к «духовному прозрению покойного и обретению им жизненной силы» (с. 154), т. е. к совершенно бессмысленным словам. *4.* Представление о боге M-ḫnt(j)-jr.tj/M-ḫnt(j)-n-jr.tj изложено сбивчиво, так что огромное значение его остается непонятным (с. 153—154).

На этом анализ классических памятников заканчивается, и автор переходит к поздним эпохам египетского искусства. Здесь, к сожалению, сделано еще меньше.

---

[16] Каир, CG 32, библиография TB. P. 724.

[17] Свое понимание проблемы рецензент изложил в статье «Староегипетский портрет и староегипетское мировоззрение», которая выйдет в сборнике «Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XX годичная сессия ЛО ИВ АН СССР».

[18] *Junker H.* Gîza I. Wien und Leipzig, 1929. S. 210.

Преемственность классического и коптского искусства рассматривается лишь по одной связующей линии — линии развития погребальной маски и вырастающего из нее фаюмского портрета. Ни храмовые и гробничные рельефы, ни монументальная скульптура, ни бронзы вообще не упомянуты. Разумеется, без рассмотрения других линий преемственности анализ коптского искусства оказывается очень односторонним. Рассматриваются все те же пропорции, что и раньше, и устанавливается их сходство с древними образцами и объясняется их отличие. При этом коптское искусство берется как всецело вырастающее из древности и не испытывающее никаких внешних воздействий. О том, что Египет в это время входит в состав Византии и коптское искусство является одной из ветвей искусства византийского, хотя ветвью и очень специфичной, не говорится ни слова. Автор ограничивается лишь несколькими ничего не значащими словами о влиянии идей христианства. В результате остается совершенно непонятным, как коптское искусство трансформируется и включается в византийский мир. А ведь учет византийской составляющей в коптском искусстве мог бы изменить многие выводы автора.

Несколько слов сказано и о мероитском искусстве, однако сказано так мало и неудачно, что без этого можно было бы обойтись. По существу все сводится к тому, что «в мероитском рельефе выработался ряд стилистических приемов исполнения, не сложившихся еще в систему» (с. 201). Первая половина этой фразы не открывает ничего нового, ибо любое самостоятельное искусство пользуется своими приемами, что же касается второй, то совершенно непонятно, почему эти приемы не образовывали системы, — думается, что система существовала. Не лучше рассматривается и христианское искусство Нубии (фрески Фараса). О них говорится, что по сравнению с коптскими памятниками у них более глубокое содержание, «ибо христианская тематика обусловила образный строй, философские и художественные принципы изображения» (с. 202). К этому практически сводятся все обобщения, а далее следуют все те же попытки проследить в рамках правила золотого сечения закономерности построения ликов фарасских святых.

На этом заканчивается рассмотрение материала и начинается третья часть книги «Прекрасное в его земных измерениях», задуманная как «попытка реконструирования жизни обитателей долины Нила с позиций ее эстетического выражения» (с. 212). В соответствующих разделах говорится об оформлении жилищ, поэзии, музыке и одежде египтян — выбор достаточно произвольный, но дело даже не в этом. Если в предыдущих главах есть хоть какая-то направленность и попытки решения каких-то проблем, то здесь дается лишь очень краткий пересказ и без того всем известных фактов. К тому же сведения черпаются в значительной степени из книги «Культура древнего Египта» (М., 1976), добросовестной, но популярной и поэтому непригодной для роли источника информации. В результате единственный вывод, который можно сделать из всей третьей части,— это то, что присущее египтянам чувство прекрасного пронизывало все стороны их жизни, а не проявлялось только в оформлении храмов и гробниц. Едва ли для доказательства столь самоочевидной истины требовалось тратить 24 страницы.

Закончим на этом наш безотрадный анализ, из которого становится совершенно ясно, что представляет собой книга Н. А. Померанцевой — это работа непрофессиональная и претенциозная. Исходя из чисто профессиональных критериев, о ней вообще не стоило бы говорить — египтологии она никакого ущерба нанести не может и в истории науки останется лишь как курьез. Но, как сказано в аннотации, она рассчитана на «специалистов-эстетиков, а также читателей, интересующихся историей культуры», т. е. на людей, имеющих, как правило, весьма поверхностное представление о Египте. Поэтому мы не вправе сказать, что ценность ее равна нулю, — она измеряется величиной отрицательной, так как книга оказывается для неспециалистов источником недоброкачественной информации, которая подается как нечто совершенно достоверное, как открытие в науке, а этим может принести большой вред.

Рецензент сам видел, как бойко распродавалась книга, так что, наверное, скоро мы сможем встретить в массовых изданиях ссылки на нее как на источник информации. Этому будет способствовать и тираж в 20 000 экземпляров, значительно превышающий тираж книг, профессионально трактующих примерно те же проблемы,— например «Искусство древнего Египта» М. Э. Матье (Л. — М.: Искусство, 1961), лучшее из написанного у нас на эту тему, вышло тиражом всего в 9000 экземпляров, не говоря уже о постоянном и жестком ограничении тиража и листажа специальных исследований.

Однако, может быть, книга Н. А. Померанцевой — плохая египтология, но хорошее искусствоведение, может быть, в ней рассматриваются какие-то проблемы теории искусства? К сожалению, нет в ней и этого. Следующая фраза являет собой яркий образец предпринимаемого в книге «искусствоведческого анализа»: «Тугой, негнущийся передник... пластически не был связан с фигурой и внешне сковывал ее движения, усиливая тем самым духовную потенцию образа» (с. 229). Духовность оказывается в прямой зависимости от статичности — и такие «открытия» встречаются постоянно.

Столь обширная рецензия понадобилась для того, чтобы хоть как-то нейтрализовать приносимый книгой вред, хотя рецензент и сознает всю тщетность попыток исправить ущерб, нанесенный представлениям широкого читателя, отзывом на страницах специального журнала. Но, кроме того, всякая рецензия адресуется и автору рассматриваемой работы с тем, чтобы он учел мнения специалистов. В 1977 г. вышел в свет том «Малой истории искусств», выпускавшейся совместно с издательством VEB Verlag der Kunst, посвященный искусству древнего Востока, где Н. А. Померанцевой был написан египетский раздел. Поражал его непрофессионализм, особенно на фоне разделов, ярко написанных В. К. Афанасьевой и В. Г. Лукониным, и особенно в издании, вышедшем в свет в ГДР — стране традиционно сильной египтологии. Появление рецензируемой книги показывает, что за десять прошедших с тех пор лет Н. А. Померанцева, к сожалению, не сделала для себя никаких выводов.

А. О. Большаков

П. О. КАРЫШКОВСКИЙ, И. Б. КЛЕЙМАН. Древний город Тира. Историко-археологический очерк. Киев: Наукова думка, 1985. 159 с.

Монография двух известных специалистов по истории и археологии Тиры представляет собой результат многолетней кропотливой работы. На основе тщательного изучения всей совокупности имеющихся источников здесь излагается многовековая история одного из крупных античных центров Северного Причерноморья. Судьба Тиры показана на широком историческом фоне. Это дает возможность полнее и правильнее понять основные этапы исторического развития города, его место и роль в общей истории Северо-Западного Причерноморья.

Книга построена по хорошо продуманному плану. Обширный историко-археологический материал всесторонне проанализирован, хорошо систематизирован и изложен очень четко, ясно и компактно. Главы разбиты на параграфы, которые в свою очередь делятся на небольшие разделы. Такая структура значительно облегчает дальнейшую работу над этими материалами. В небольшом введении кратко изложены основные особенности и трудности изучения Тиры. Рецензируемая монография рассматривается как «первый шаг по пути комплексного изучения истории города на фоне имеющихся сведений о синхронных явлениях в Северо-Западном Причерноморье» (с. 4).

I глава посвящена источникам и истории изучения Тиры и состоит соответственно из двух параграфов. § 1 посвящен сведениям древних авторов, которые распределены по трем разделам: 1) древнейшие известия, 2) периплы эллинистического времени, 3) географические труды римского времени. Такое чересчур дробное деление представляется излишним, так как компилятивный характер произведений античных историков и географов, собравших воедино разновременные источники, не позволяет разделить их на какие-либо четко разграниченные периоды. Об этом наглядно свидетельствует и содержание самого параграфа: в первом разделе вместе со сведениями Геродота фигурируют данные Помпония Мелы, Плиния Старшего, Валерия Флакка, во втором разделе — вместе с периплами Пс.-Скилака и Пс.-Скимна — периплы Арриана и Анонимного автора, в третьем разделе — вместе с римскими источниками Страбона — использованные им данные эллинистического времени. Такое изложение материала правомерно и продиктовано сутью рассматриваемых вопросов, но при этом разбивка на разделы вовсе не обязательна.

В целом сведения античных авторов изложены детально и обстоятельно. Имеющиеся замечания относятся в основном к частным вопросам. Коснемся, например, отрывка Валерия Флакка о Нижнем Поднестровье (VI. 84—85). Авторы книги совершенно правильно понимают слова поэта, упоминающего реку Тиру и город Офиуссу (с. 7, 8). *Но при этом следовало бы подчеркнуть, что общеизвестный перевод этого отрывка* в сборнике В. В. Латышева неточен: вместо «реки Тира» там фигурирует «город Тира». Основываясь на неправильном переводе, некоторые исследователи до сих пор ошибочно видят здесь указание на одновременное существование города Офиуссы и города Тиры и приписывают эту ошибку Валерию Флакку (см., например, авторефераты кандидатских диссертаций Н. М. Секерской, Т. Л. Самойловой). Между тем проверка текста показала, что поэт упоминает здесь только один город — Офиуссу, а Тирой названа река, а не город [1]. Этот вопрос имеет принципиально важное значение в связи с проблемой города Офиусса.

На с. 13, рис. 2 авторы дают карту «Часть Европейской Сарматии, Дакия и Нижняя Мезия на карте Птолемея. По Ю. А. Кулаковскому и В. В. Латышеву». Но карты этих ученых в деталях отличаются одна от другой, и одно из важных расхождений связано именно с нижним течением Тиры. Поэтому «объединять» эти две разные карты неправомерно. Здесь же мы видим в основе своей карту В. В. Латышева. Такую подпись и следовало бы дать. Также нельзя «объединять» карты Геродотовой Скифии Б. А. Рыбакова и В. П. Яйленко (с. 6, рис. 1), поскольку они не идентичны.

В четвертом разделе § 1 дается общая оценка античной литературной традиции о Тире и Северо-Западном Причерноморье. Сведения Анонимного автора и Арриана отнесены к двум разным источникам соответственно IV—III вв. до н. э. и середины II до н. э. (с. 14—15). Между тем детальное сопоставление этих описаний показало, что здесь в обоих случаях использован один и тот же источник, видимо, конца IV — начала III в. до н. э., который Анонимный автор привел полностью, а Арриан — значительно сократил [2].

Здесь же авторы рассматривают изложенную рецензентом в ряде статей гипотезу о существовании на дельтовом острове между двумя рукавами реки города Офиуссы, который, видимо, в конце V в. до н. э. был перенесен на коренной берег и переименован в Тиру. Высказав лишь общие сомнения, они приходят к выводу, что «трудно безоговорочно согласиться с фактом существования Офиуссы» (с. 17). Однако гипотеза об Офиуссе, основанная на комплексном изучении письменных, археологических, палеогеографических, картографических и других источников, получила дальнейшее развитие в кандидатской диссертации автора этих строк, где она была рассмотрена

[1] *Агбунов М. В.* Заметки по античной географии Нижнего Поднестровья // ВДИ. 1979. № 2. С. 125—128.

[2] *Агбунов М. В.* Материалы по античной географии Причерноморья // ВДИ. 1984. № 4. С. 140.

на более широком фоне, с привлечением новых историко-географических данных. П. О. Карышковский в официальном отзыве на эту работу и в письме к рецензенту от 11.01.1985 г. принял гипотезу о существовании Офиуссы на дельтовом острове, о перенесении ее на коренной берег и переименовании в Тиру. По нашему мнению, все вопросы, связанные с Офиуссой, нуждаются в корректировке, хотя они и далеки от окончательного решения. Мелкое замечание по этому разделу: на рис. 3б (с. 16) почему-то не указан левый рукав реки, его конфигурация примерно показана на рис. 3а.

§ 2 первой главы посвящен истории изучения Тиры. В соответствующих его разделах авторы обстоятельно знакомят нас с изучением города до начала археологических раскопок, с первыми раскопками Э. Р. Штерна, с дальнейшими археологическими исследованиями и их основными результатами, проблемами. Тут же рассматриваются вопросы топографии города и некрополя, стратиграфия античных слоев, итоги и перспективы изучения памятника. Хотелось бы поддержать сформулированные авторами основные задачи дальнейших исследований: 1) раскопки более широкими площадями на Центральном раскопе и внутри крепости, 2) поиски некрополя, 3) раскопки на хоре, 4) издание корпуса тирасских надписей, 5) издание корпуса монет Тиры.

Во II главе рассматриваются вопросы греческой колонизации Северо-Западного Причерноморья, возникновения и ранней истории Тиры. Здесь изложены новейшие взгляды советских ученых о причинах и характере греческой колонизации, процесс освоения ионийцами Северо-Западного Причерноморья. Следует отметить, что авторы безоговорочно считают временем основания Ольвии вторую четверть VI в. до н. э., хотя, как известно, исследователи выдвигают и другую дату — рубеж VII—VI вв. до н. э. Эта гипотеза, выдвинутая Ю. Г. Виноградовым и активно поддержанная Л. В. Копейкиной, в последние годы находит все больше подтверждений.

На широком историческом фоне авторы показывают раннюю историю Тиры. Вопрос о времени основания города до сих пор остается дискуссионным. В последние годы исследователи относят это событие обычно к концу VI в. до н. э., исходя из того, что после разгрома персами в 494 г. Милет уже не мог выводить колонии. Такое рассуждение вполне логично, однако наиболее ранние слои города относятся лишь к V в. до н. э. Если же принять гипотезу об Офиуссе, проблема снимается. Тира была основана, согласно этой гипотезе, не выходцами из далекого Милета, а жителями соседней Офиуссы. После перенесения города на коренной берег название Офиусса (Змеиный остров) уже не соответствовало его новому местоположению, и город стал называться Тирой. Его перенесение и переименование произошло, видимо, в конце V в. до н. э. Возможно, здесь на возвышенном мысу уже существовало небольшое поселение. Следует отметить, что Ю. Г. Виноградов, рассматривая аналогию с Березанским поселением, которое служило эмпорием Ольвийского государства, высказал мысль о том, что «и Офиусса со временем могла превратиться в эмпорий (хотя и недолговечный) Тирасского полиса» [3]. Это предположение представляется вполне вероятным, хотя пока не может быть проверено.

Во втором и третьем разделах § 5 авторы высказывают вполне обоснованные предположения относительно социально-экономического строя и различных вопросов истории ранней Тиры. Малочисленность имеющихся данных не позволяет более или менее подробно осветить эти проблемы.

III глава посвящена Тире позднеклассического и раннеэллинистического времени. Здесь авторы располагают гораздо более солидной источниковедческой базой, которая позволяет охарактеризовать различные археологические памятники, жилые кварталы, оборонительную систему города, хозяйство и торговлю Тираского полиса,

[3] *Виноградов Ю. Г.* Полис в Северном Причерноморье // Античная Греция. Т. I. М., 1983. С. 374.

общественный и государственный строй, культуру и религиозные верования и дать общий исторический очерк Тиры в IV — первой половине III в. до н. э. Изложенные здесь материалы, сформулированные выводы и положения представляются вполне обоснованными и особых возражений и замечаний не вызывают.

При рассмотрении этой главы хотелось бы добавить несколько слов относительно взаимоотношений Тиры и Никония. Сравнение основных этапов их исторического развития, бросающаяся в глаза малочисленность тирасских монет в Никонии, своеобразие географического положения этой территории (дельта, два рукава, остров между ними), специфика пограничной зоны между скифскими и гето-фракийскими племенами и ряд других общеисторических соображений позволяют предполагать серьезные военно-политические трения между Никонием и Тирой в IV в. до н. э. в борьбе за приоритет в Нижнем Поднестровье. Мы пока не располагаем для этого какими-либо конкретными свидетельствами, но постановка такого вопроса вполне правомерна. Мелкое замечание по этой главе (с. 57): расстояние между Днестром и Дунаем по данным Анонимного автора равно не 750 стадиям, а 870.

Глава IV посвящена Тире позднеэллинистического времени (вторая половина III — первая половина I в. до н. э.). Здесь дана этногеографическая картина региона, охарактеризованы племена кельтов, сарматов, скифов времени распада Скифского царства, галатов, бастарнов, поздних скифов, вкратце показан кризис античных полисов Северо-Западного Причерноморья. На этом широком историческом фоне авторы знакомят нас с хозяйством и общественно-политической структурой Тиры, ее культурой и религией. В конце главы дан исторический очерк города. Рассматриваемые вопросы изложены достаточно полно и четко. Сделанные здесь выводы и предположения особых возражений и сомнений не вызывают, хотя в ряде случаев они не всегда бесспорны. Попутно отмечу небольшую неточность. На рис. 24 (с. 68) перепутаны местами гавань истриан и гавань исиаков. Это оплошность технического характера.

V глава характеризует Тиру в период утверждения римской власти в Нижнем Подунавье (середина I в. до н. э. — третья четверть I в. н. э.). Здесь показано продвижение римлян к Нижнему Дунаю и создание провинции Мезия. На основании всестороннего тщательного изучения нумизматического и эпиграфического материала рассмотрены вопросы о положении Тиры в период раннего принципата и ее включении в состав Римской империи и начале тираской эры в 56 или 57 г. н. э.

Глава VI посвящена положению Тиры в римское время (конец I — первая половина III в. н. э.). После общей характеристики римской экспансии в Северо-Западное Причерноморье рассмотрены имеющиеся данные о размещении римского гарнизона в самой Тире. Затем авторы рассказывают об археологических памятниках и экономике Тиры, общественно-политической структуре, культуре и религии города. Завершает главу краткий исторический очерк. Изложенные в V и VI главах выводы и предположения показывают прекрасное знание материала и вполне убедительны.

VII глава знакомит нас с Тирой в эпоху гибели античной цивилизации. Здесь вкратце рассмотрены кризис Римской империи и начало великого переселения народов и на этом историческом фоне показаны основные этапы истории города. Специальный параграф посвящен вопросу о нападении карпов на нижнедунайскую границу в 214 г. Привлекая новые эпиграфические данные, критически пересматривая их, авторы вполне убедительно определяют место битвы с карпами в районе современного Будакского лимана.

В § 21 характеризуется положение Тиры в середине III в. н. э. Вполне приемлемо предположение о том, что город был разрушен лишь в конце 60-х годов III в. В § 22 собраны накопившиеся в последние годы археологические материалы, характеризующие жизнь в Тире после готского нашествия. Окончательная гибель города по имеющимся данным относится ко второй половине IV в. н. э. Этот вопрос представляется более сложным и требующим специального изучения. Учитывая то обстоятельство, что в последние годы исследователи проводят передатировки поздних слоев боспорских

городов, возможно, что и верхние слои Тиры относятся к более позднему времени. Тогда не исключено, что хронологический разрыв между позднеантичной Тирой и раннесредневековым Белгородом был намного меньше или вообще отсутствовал.

В небольшом заключении подведены общие итоги работы и показана необходимость дальнейшего изучения Тиры как «одного из очагов длительного взаимопроникновения древних народов и культур нашей страны» (с. 141).

Подводя итоги, следует отметить, что рассматриваемая монография охватывает все основные вопросы истории и археологии Тиры, обобщает итоги многолетних исследований и показывает задачи и направление дальнейшего изучения этого крупного античного центра Северного Причерноморья, который должен занять достойное место среди других древнегреческих городов этого региона.

П. О. Карышковский и И. Б. Клейман провели огромную работу по сбору, систематизации, всестороннему анализу и тщательному изучению всей совокупности имеющихся источников. Изложенные выводы, гипотезы, предположения, различные наблюдения сформулированы четко и ясно, как правило, хорошо обоснованы и аргументированы. Авторы не навязывают своего мнения и там, где возможно иное решение вопроса, показывают гипотетичность сделанных выводов и предположений, их сильные и слабые стороны. Сделанные здесь замечания относятся в основном к частным вопросам и не снижают ценности книги. Все это позволяет высоко оценить монографию П. О. Карышковского и И. Б. Клеймана как один из лучших образцов обобщающих работ такого рода.

М. В. Агбунов

А. С. ШОФМАН. Распад империи Александра Македонского. Казань: Изд-во КГУ. 1984. 224 с.

Новая работа А. С. Шофмана — заметное явление в отечественной историографии античности. В сущности эта книга — попытка заполнить лакуну в советской науке, поскольку она освещает отличающуюся особой сложностью и запутанностью исторических событий эпоху диадохов, доселе мало привлекавшую внимание наших исследователей.

В центре исследования А. С. Шофмана — военно-политическая и социально-экономическая история распада империи Александра Македонского и создания на развалинах ее новых эллинистических монархий. Монография написана на основе анализа нарративных, эпиграфических и нумизматических источников, учета богатой современной, в основном зарубежной, литературы по истории эллинизма.

На наш взгляд, работу А. С. Шофмана отличает целый ряд достоинств. Прежде всего автору удалось в занимательной, увлекательной и доступной для любого читателя форме дать красочную и яркую картину зачастую весьма запутанных военно-политических событий, дипломатических акций и войн, показать столкновение личных интересов главных действующих лиц, раскрыть сущность борьбы диадохов, ее ход и результаты.

В монографии дается решение ряда конкретно-исторических проблем. В частности, делая правомерный, по нашему мнению, вывод о том, что «реальная социально-экономическая необходимость прокладывала себе дорогу через многочисленные военные конфликты к более ограниченным, но к более компактным и прочным государственным объединениям и отметала возможность сохранения в целостности прежнего огромного конгломератного государства» (с. 67—68), А. С. Шофман уделяет самое пристальное внимание социально-экономическим отношениям периода диадохов. Он реконструирует на основе отрывочных данных экономическую политику диадохов

или, вернее, основные тенденции ее развития. В связи с этим он подробно останавливается на градостроительной деятельности преемников Александра, выделяя такой специальный ее аспект, как синойкизм (с. 134—148). А. С. Шофман справедливо отмечает противоречивость экономических процессов в период войн диадохов, неравномерность социально-экономического развития различных частей бывшего государства Александра, столкновение (иногда противостоявших друг другу в области экономики) полиса и монархии, экономических организаций Запада и Востока (с. 149—150). Невозможность установить прочное экономическое единство на всей территории греко-македонской державы — несомненно одна из причин ее последующего краха.

Анализ внутренних ситуаций, сложившихся на западе и востоке империи, освободительных движений в Греции, Кирене и Азии (что практически не рассматривалось в советской историографии ранее [1]), позволил автору сделать вывод о том, что держава Александра распалась не столько в результате военных столкновений честолюбивых личностей, сколько (и главным образом) в силу внутренней, объективной экономической необходимости (с. 191 сл.).

В новой работе по истории эллинизма дается убедительная периодизация эпохи диадохов, которую автор подразделяет на три этапа: 323—316 гг. до н. э.; 316—301 гг. до н. э.; 300—280 гг. до н. э. Он делает это на основе учета трех главных и ведущих тенденций эпохи: стремления сохранить империю Александра для его потомков, желания отдельных династов удержать ее под своей личной властью и усиления откровенно сепаратистских тенденций после битвы при Ипсе (С. 32—33).

Вместе с тем изложение в монографии конкретно-исторических событий вызывает у нас, во-первых, некоторые замечания и, во-вторых, стремление в некоторых случаях дополнить этот материал. Прежде всего, думается, что краткая характеристика античных источников по истории эллинизма конца IV — начала III в. до н. э., данная А. С. Шофманом во Введении (С. 3—6), только выиграла бы, если бы он учел данные коллективной работы, посвященной специально источниковедению эпохи эллинизма [2].

Автор, как нам кажется, не прав, утверждая, что после смерти Александра у власти сразу оказалось два регента: Кратер и Пердикка (С. 68—69). В действительности же верховное руководство империей тогда сосредоточилось в руках Антипатра, имевшего звание стратега Европы (στρατηγὸς τῶν κατὰ τὴν Εὐρώπην) [3], Кратера, который осуществлял верховное руководство царством (προστασία τῆς βασιλείας) и функции которого в этом качестве не до конца ясны, и Пердикки, которому была передана верховная военная власть (χιλιαρχία). Система взаимоотношений и степень соподчиненности их друг другу в тот период неясны [4]. В результате компромисса между македонской фалангой и знатью Пердикка стал регентом (ἐπιμελητὴς τῆς βασιλείας). Он передал полномочия хилиарха Селевку и уже в качестве регента произвел передел захваченных Александром Македонским восточных территорий [5].

---

[1] Кроме упомянутых А. С. Шофманом работ Г. А. Кошеленко хотелось бы также указать на имеющие некоторое отношение к этой теме следующие статьи: *Кондратюк М. А.* Политическое положение Греции после Филократова мира и взаимоотношения с Македонией // Вестник МГУ, сер. истории. № 41. С. 80—92; *она же.* Коринфская лига и ее роль в политической истории Греции 20—30-х гг. IV в. до н.э. // ВДИ. 1977. № 2. С. 25—42; *она же.* Политическая борьба в Афинах 324—323 гг. до н.э. и процесс Гарпала // Древний Восток и античный мир. М., 1980. С. 158—180.

[2] См. Источниковедение древней Греции (Эпоха эллинизма). М., 1982.

[3] Г. Бенгтсон считает, что такова была официальная форма его титула, он получил его еще до Александра и сохранил вплоть до вторичного раздела сатрапий в 321 г. до н.э. (*Bengtson H.* Die Strategie in der hellenistischen Zeit. Bd I. München, 1937, P. 15—26).

[4] Позднее верховные полномочия в Македонии принадлежали регенту, второе же место, как подчеркивает Диодор (XVIII.48.4), занимал хилиарх.

[5] См. об этом: *Diod.* XVIII. 2—3; *Arr.* Succ. Alex. 1—6; *Held.* Epit. I. 1—4; *Dexipp.* Succ. Alex., 1—4; *Curt.* X.5. 7—10.5; *Just.* XIII. 1—4; *Oros.* III. 23.8.

Кроме того, А. С. Шофман не останавливается специально на очень важном, по нашему мнению, этапе в карьере Антигона. На собрании в Трипарадисе в 321 г. до н. э.[6] Антигон получил новое назначение: он стал стратегом царского войска (στρατηγὸς τῆς βασιλικῆς δυνάμεως). К этому времени и относятся его разногласия с хилиархом Кассандром [7]. Антигон должен был сначала в этом звании очистить территорию Азии от союзников Пердикки. Он получил в свое распоряжение привилегированный царский отряд, ранее бывший в распоряжении Пердикки, который подобно царской гвардии в Новоассирийском или Персидском царстве должен был осуществлять ежедневную охрану царя [8], что нашло свое отражение в выраженном следующим образом поручении Антигону: «охранять и заботиться о царях» — τοὺς βασιλέας φρουρεῖν καὶ θεραπεύειν (Arr. Succ. Alex. 38).

Назначение Антигона стратегом царского войска сразу выдвинуло его (мы хотели бы это подчеркнуть) в число наиболее влиятельных политических деятелей и дало ему важную военную силу — царский отряд, ставший ядром его собственного войска [9]. И только после этого в 320 г. до н. э. Антигон стал, по словам Диодора (XVIII. 40.1), полномочным стратегом Азии (ἐπὶ τῆς Ἀσίας ἀποδεδειγμένος στρατηγὸς αὐτοκράτωρ) или, согласно вольному истолкованию этого звания Аппианом, «наблюдателем за всей Азией» — ἐπίσκοπος τῆς ὅλης Ἀσίας (Syr. 53).

Рассказывая о войне Антигона с Эвменом, А. С. Шофман не останавливается специально на вопросе о полномочиях стратега-автократора Азии. Между тем, по нашему мнению, это весьма важный вопрос. Действия ставшего в 335 г. до н. э. стратегом Европы Антипатра показывают, что в его ведении находились и гражданские, и военные дела [10]. Эвмен в качестве полномочного стратега Азии в 318 г. до н. э. имел право распоряжаться денежными средствами из царских сокровищниц, набирать наемников на территории Азии; ему обязаны были оказывать военную и денежную помощь правители восточных сатрапий [11].

Таковы же были и права Антигона в звании стратега-автократора Азии. Однако на самом деле назначение сатрапа Фригии на этот пост стало истинным началом распада греко-македонской державы на восточную и западную части, которые (как показали последующие события) оказались ничем не связаны друг с другом. Переломным моментом в этом процессе стала смерть Антипатра в 319 г. до н. э., что, к сожалению, не отмечено А. С. Шофманом. Сразу после получения известия о смерти Антипатра Антигон предпринимает действия, которые можно считать явным превышением его полномочий: он резко увеличивает численность своей армии, распоряжается как своей собственностью территориями завоеванных им сатрапий, их денежными средствами и другими доходами [12], вступает в переговоры от себя лично (между тем это привилегия регента) с опальным Эвменом, стремится заключить с ним союз. Кроме того, он изгоняет из Геллеспонтской Фригии сатрапа Арридея, а из Лидии — Клита и назначает на военные и административные посты в Азии своих приближенных (Diod. XVIII. 50. 4—5; 52.3; Plut. Eum. XII; Marm. Par. B. Ep. 12).

Между тем лишь регент имел право назначать и смещать сатрапов, лишь ему сатрап был подотчетен. Это подтверждает прежде всего ход первого и второго раздела

---

[6] Такова датировка К. Ю. Белоха (*Beloch K. J.* Griechische Geschichte. 2. Aufl. Bd IV. Abt.2.B.— Lpz, 1927. S. 237).

[7] *Diod.* XVIII. 39; *Arr.* Succ. Alex. 38. 43; *Just.* XIII.8. 10; XIV. 1. 1—2.

[8] См. *Bengtson.* Op. cit. S. 97, 99; *Wehrli Cl.* Antigone et Démétrios. Genève, 1968. P. 34.

[9] См. *Самохина Г. С.* Место и роль армии в системе раннеэллинистического государства // ВДИ. 1979. № 3. С. 150.

[10] См. *Bengtson.* Op. cit. S. 12—93.

[11] *Diod.* XVIII. 58. 1—3; 59. 3; 60.2; 61.4; 74.3; XIX. 12. 1—2; 13. 7; 14. 1—8; 15.5; 24.1.

[12] Как это случилось, например, на территории бывших сатрапий Эвмена (*Diod.* XVIII. 41.4).

сатраний (Diod. XVIII. 3.1; 39.5; Arr. Succ. Alex. 34). Официальный титул сатрапа Геллеспонтской Фригии Арридея, как показывает афинский почетный декрет 321—319 гг. до н. э., подчеркивает его зависимость от македонского царя и регента Антипатра — καθέστως σατράπης ὑπὸ βασιλέως καὶ Ἀντιπάτρου καὶ τῶν ἄλλων Μακεδόνων (IG ².II.401.ll. 7—10). Итак, только после смерти Антипатра Антигон вмешивается открыто в междоусобную борьбу.

Определенным упущением со стороны А. С. Шофмана мы считаем и то обстоятельство, что он ничего не говорит о борьбе Антигона против Клита и Арридея в 318 г. на море, в районе Геллеспонта. Во главе объединенного флота Антигона и Кассандра стоял Никанор, бывший фрурарх Мунихии. Летом этого года в результате второго сражения (первое было для него неудачным) Никанор добился важного для Антигона перевеса сил в Малой Азии. О ходе борьбы за Геллеспонт рассказывают Диодор и Полиен, которые пользовались одним и тем же авторитетным источником, скорее всего работой Иеронима из Кардии. Но в основу рассказа Полиена положен, видимо, более подробный список [13]. Завоевание Антигоном благодаря этому городов Пропонтиды и геллеспонтского побережья, несомненно, сыграло положительную роль в его последующей борьбе с Эвменом: он оказался владыкой почти всей Малой Азии, за исключением Вифинии и Карии [14].

Кроме того, нам хотелось бы подчеркнуть, что собрание воинов в Тире летом 315 г., в период борьбы Антигона с коалицией также было важным этапом в карьере последнего. Оно наряду с обвинениями Кассандра и провозглашением автономии греческих полисов приняло решение о выборе Антигона регентом царства. Это решение, во-первых, должно было показать всему греко-македонскому миру, что борьба ведется Антигоном не в узкоэгоистических, а в общегосударственных интересах — для защиты законного малолетнего царя Македонии. Во-вторых, звание регента означало соединение в одних руках военных и гражданских полномочий на законных основаниях, ибо, согласно традициям македонской монархии [15], решение это было принято македонским войсковым собранием. Следует также обратить внимание на то обстоятельство, что постановления этого органа власти учитывали интересы не только греческих городов, но и другой серьезной политической силы того времени, на которую мог опереться Антигон,— азиатских сатрапов (ср. С. 92). Реакция греков и правителей восточных провинций была полностью в пользу стратега-автократора Азии (Diod. XIX.61.1—4).

Хотелось бы дополнить и подтвердить некоторые положения А. С. Шофмана. По нашему мнению, то обстоятельство, что мир 311 г. до н. э. стал удачей Антигона (С. 99), подтверждается расколом коалиции 315 г. до н. э. и сепаратными мирными договорами Антигона с Кассандром, Лисимахом и Птолемеем, как сообщает об этом письмо Антигона к Скепсису [16]. Политическая же изоляция Селевка и последующая война Антигона с Селевком за Вавилонию освещается не только Полиеном, упоминания о ней есть в вавилонских клинописных документах [17], прежде всего в так называемой Хронике диадохов (ср. С. 101) [18]. Из нее следует, что Селевк вернулся в Вавилонию в 6-й год правления Александра IV (310/9 г. до н. э.), попытался вернуть себе дворец и цитадель, которыми овладел годом раньше Деметрий Полиоркет. На следую-

---

[13] *Engel R.* Polyäns Strategem. IV. 6. 8. sur «Seeschlacht am Hellespont» // Klio. 1973. LV. S. 141—146.

[14] *Diod.* XVIII. 72. 2—9; *Polyaen.* IV. 6. 8; *Marm. Par.* B. Ep. 13; см. *Meyer E.* Die Grenzen der hellenistischen Staaten in Kleinasien. Zurich — Leipzig, 1925. S. 19.

[15] *Granier Fr.* Die makedonische Heerversamlung. München, 1931. S. 14, 20.

[16] См. о ходе переговоров: *Simpson R. H.* The Historical Circumstances of the Peace of 311/ JHS. 1954. LXXIV. P. 26—29.

[17] *Bengtson.* Op. cit. S. 111.

[18] *Smith S.* Babylonian historical Text, relating to the Capture and Downfall of Babylon. L., 1924. P. 145—149.

ащий год Месопотамия была охвачена войной, и в течение двух лет Вавилон стал «местом скорби и плача» [19].

Нам хотелось бы обратить внимание исследователей античности на ряд сложных в теоретическом плане проблем, поставленных в рецензируемой работе. Автор охарактеризовал период диадохов как переходный, предполагающий «вырождение старых черт и вызревание новых, временный синтез того и другого». По его словам, «выделение особого переходного периода требует выяснения основного его содержания, характеризующегося борьбой старого с новым, победой нового» (С. 13).

В монографии А. С. Шофмана поставлен также важный вопрос о так называемом конгломератном государстве. Автор использует это понятие для характеристики державы Александра Македонского (см., например, С. 28, 190) и перечисляет главные черты такого политического организма: оно создано и скреплено силой оружия, территории, входящие в его состав, не связаны между собой (иначе говоря, между ними нет прочного социально-экономического единства). Конгломератное государство возникает как своеобразная форма завоевания и существует до тех пор, пока длится это завоевание. С прекращением его данное государственное объединение распадается, поскольку в действие сразу же вступают центробежные силы, что вызвано к жизни отсутствием на его территории единого экономического организма (С. 192).

Наблюдения А. С. Шофмана представляются нам в основном верными. Но вместе с тем дифиниция «конгломератное государство», основанная лишь на социально-экономической характеристике, как нам кажется, носит слишком общий характер. Так, абсолютно не ясно, чем империя Александра отличалась от других государственно-политических конгломератов древности, например от развитой античной конгломератной империи, воплощением которой автор считает римскую мировую державу. Если брать за основу только социально-экономические характеристики, используемые А. С. Шофманом, то непонятно, каково соотношение, сходство и различие между державой Александра и последующими возникшими на ее развалинах территориальными монархиями. Ибо, во-первых, территориальная монархия, возникшая в ходе ожесточенной борьбы соратников Александра — это тоже своеобразная форма завоевания. Во всяком случае, об этом свидетельствует имевшее широкое хождение в эпоху эллинизма обоснование права диадохов на царское звание, на суверенность их в власти, на управление завоеванными ими областями и на любую внешнеполитическую агрессию. Это нашло свое выражение в распространенной в эпоху эллинизма ссылке на право первого завоевания или «право копья» [20].

Во-вторых, трудно согласиться с автором монографии в том, что с экономической нестабильностью, характерной для завоевания сыном Филиппа II областей на Востоке, было покончено в эпоху длительных и жестоких войн диадохов, этому мало способствовала сама политическая обстановка. Нет у нас и четких данных о том, что диадохи организовали более эффективную, чем при жизни Александра, эксплуатацию покоренного населения Востока (в том числе сбор налогов), установили более правильный надзор за общественными работами и торговлей. В сущности экономическая нестабильность прослеживается в западных и восточных странах на всем протяжении эллинистической истории.

И наконец, если «государство Александра было непрочным потому, что оно опиралось на два различных социально-исторических основания: социально-экономический уклад восточного общества и общественную структуру античного рабовладения», то почему в таком случае причину прочности эллинистических территориальных монархий следует искать в их социально-экономической структуре (ср. С. 193)?

[19] *Idem.* The Chronology of Philip Arrhidaeus, Antigonus and Alexander IV // RA. 1925. T. XXII. N 4. P. 191—197; *Olmstead M.* Cuneiform Texts and Hellenic Chronology // CP. 1937. V. XXXII. N 1. P. 4.

[20] См. подробнее: *Самохина Г. С.* Развитие представления о χώρα δορίκτητος в эпоху эллинизма // Античный полис. Л., 1979. С. 92—101.

К. К. Зельин, характеризуя основные черты и сущность эллинизма, считал социально-экономическое содержание эллинизма результатом развития и греческого, и восточного обществ, результатом сосуществования двух — западного и восточного — путей развития рабовладельческого общества [21]. Иначе говоря, в период развитого эллинизма (или период существования территориальных монархий) нашел свое дальнейшее развитие, по нашему глубокому убеждению, тот тип социально-экономических процессов, начало которому было положено самим Александром Македонским. Но в таком случае эллинистическая монархия — не что иное, как еще один вариант конгломератного государства. Указанием на отсутствие экономического единства на территории политического конгломерата можно объяснить причину распада любого подобного образования как древности, так и периода средних веков и нового времени. Но при этом происходит нивелирование отдельных конкретно-исторических процессов, сведение их до уровня простейшей схемы.

Между тем логика исследований политических событий конца IV — начала III в. до н. э. позволяет сделать вывод о том, что краху империи Александра способствовали по крайней мере два обстоятельства. На первое из них А. С. Шофман прямо указывает — это ожесточенная социально-политическая борьба покоренных македонянами народов (С. 151—189, 191 сл). Вторая причина заключалась, как нам кажется, в отсутствии налаженной системы управления греко-македонской державой. Неопределенная рыхлая политико-административная структура способствовала в некоторой степени и развязыванию войны за наследство Александра. Несомненно, существовали и другие основания для краха государственного образования, возникшего после восточного похода, которые следует искать в государственно-правовых и военных институтах, в сфере идеологии, религиозной жизни и т. д.

Итак, только учет конкретно-исторических данных во всей их полноте позволит дать характеристику каждого конгломератного государства в отдельности, его специфики, его отличия от себе подобных, конкретных причин его падения. И правомерно поставленная А. С. Шофманом проблема конгломератного государства будет решена только с учетом этих требований времени.

Комплексного исследования, по мнению А. С. Шофмана, требует и еще одна важная в теоретико-методическом плане проблема преемственности (С. 13). Современное состояние изученности эллинистической эпохи таково, что настоятельно необходим учет всех исследований по проблеме источниковедения, отдельных политических фактов, правовых аспектов раннеэллинистических государств, взаимоотношений полиса и монархии, эллинистической религии и идеологии. Поэтому нам не совсем ясно, почему при анализе зарубежной историографии А. С. Шофман отдает предпочтение работам французских ученых и так низко оценивает исследования немецких ученых-антиковедов (С. 8—11). Их работы, появившиеся в последние годы, пытаются дать ответ на вышеперечисленные проблемы, без решения которых невозможно, на наш взгляд, осветить вопрос о преемственности между Александром и диадохами.

Нам представляется, что нерешенность в западной и в отечественной науке ряда проблем эллинистической истории оказала негативное влияние на весьма конспективное изложение материала о преемственности политики Александра и диадохов, которое дано в работе А. С. Шофмана. Автор правомерно поднимает вопрос о преемственности градостроительной деятельности диадохов и Александра, но решает его, по нашему мнению, по крайней мере странно. То он утверждает, что диадохи «... решительно порвали с традициями царя, создавая новые города в большинстве своем в форме полисов, гражданский коллектив которых формировался только из македонян и греков. Как известно, города создавались Александром в первую очередь как опорные военные поселения с греко-македонскими гарнизонами... имели преимущественно военно-административное назначение» (С. 134). То не менее решительно автор пишет, что

[21] *Зельин К. К.* Основные черты эллинизма // ВДИ. 1953. № 4. С. 147.

Александр «... преимущественно строил города, ориентированные на привлечение греческих переселенцев, на развитие городской экономики, следовательно, античных рабовладельческих отношений», при диадохах же градостроительство «было направлено на укрепление военного господства над местным населением и превращало города в типичные военные крепости» (С. 194). Чему же в данном случае должен верить читатель?

Бездоказательным нам кажется и утверждение А. С. Шофмана о том, что в противовес Александру его преемники отказались в своих отношениях с эллинистическими полисами от принципа гегемонии и придавали большее значение их «свободе» и «автономии», оставив в стороне опору на восточную знать и выдвинув на первое место в своих государствах греков и македонян. Мы совершенно уверены в том, что начало использования в своих интересах политического лозунга «свобода и автономия эллинам» положил еще македонский царь, а его преемники только копировали его политическую практику, расширив в силу разгоревшейся борьбы за власть сферу и географические рамки ее применения. Выдвинув тезис о существовании нескольких форм автономии, автор по существу ничего не говорит о чертах, отличающих западный (или эллинский) ее вариант от восточного, характерного для греческих городов Малой Азии. И наконец, можно ли всерьез считать насильственное введение в Афинах после Ламийской войны новой конституции, учрежденной Антипатром, «автономией с изменением (добавим, насильственным.— *Г. С.*) политической структуры полиса»? (С. 186 сл.). К тому же мы считаем, что нельзя сказать ничего определенного о том, насколько сложной и многоступенчатой была преемственность диадохов в вопросах административного управления, так как сведения об этой сфере их деятельности крайне отрывочны. И пример Эвмена, находящегося в особых экстремальных условиях, мы уверены, не может прояснить дела (С. 194).

Разумеется, наши замечания не умаляют достоинства новой работы А. С. Шофмана — автор не только написал серьезное исследование по важному периоду эллинистической истории, но и вплотную подошел к постановке ряда важнейших теоретических проблем, успешное разрешение которых зависит от более тщательного изучения истории эпохи эллинизма.

Г. С. Самохина

И. Н. ХЛОПИН. Юго-Западная Туркмения в эпоху поздней бронзы. По материалам Сумбарских могильников. Л.: Наука, 1983. 242 с.

Археологические открытия, осуществленные за последние десятилетия на территории среднеазиатских республик СССР, во многом способствовали уточнению устоявшихся представлений о древнейших периодах истории человечества как социальной общности, хотя, возможно, эти открытия и менее сенсационны, чем, например, антропологические открытия в Африке, которые привели к пересмотру традиционных взглядов на историю человека как вида. Достижения советской археологии в среднеазиатском регионе получили международное признание [1]. В отечественной науке накопленные к настоящему времени факты и отдельные наблюдения, существенные не только для рассматриваемого региона, но и в более широкой исторической перспективе, далеко еще не обобщены — известны лишь единичные попытки, предпринимавшиеся в этом направлении [2]. Тем больший интерес вызывает каждая новая публикация

[1] См. The Bronze Age Civilization of Central Asia. Recent Soviet Discoveries. N.Y., 1981; *Kohl Ph.* Central Asia Paleolithic Beginnings to the Iron Age. P., 1984.

[2] *Антонова Е. В.* Очерки культуры древних земледельцев Передней и Средней Азии. Опыт реконструкции мировосприятия. М., 1984.

по археологии Средней Азии периода первобытного земледельческо-скотоводческого хозяйства.

И. Н. Хлопин — автор ряда работ по проблемам археологии и древнейшей истории Средней Азии, средневековой истории, исторической географии, методологии истории. Рецензируемое его исследование является прежде всего исчерпывающим отчетом о материале раскопок, которые проводились под его руководством в 1972—1977 гг. Сумбарской археологической экспедицией Ленинградского отделения Института археологии АН СССР и Южно-туркменистанской археологической комплексной экспедицией АН ТССР. Раскопки велись в предгорьях Копетдага, в окрестностях поселка Кара-Кала (Красноводский р-н Туркменской ССР). Вместе с тем книга является попыткой осмысления на основе археологических данных материальной и духовной культуры земледельцев эпохи поздней бронзы. Сравнительная характеристика массового археологического материала (свыше 1500 предметов из 200 могил), антропологических данных, историко-этнографических сведений о быте среднеазиатских и переднеазиатских народностей сочетаются в монографии с системным анализом особенностей погребального комплекса, установленных в процессе раскопок.

Во введении к книге И. Н. Хлопин кратко резюмирует сведения по исторической географии и археологии Юго-Западной Туркмении. В главе I — «Могильники среднего течения Сумбара» (с. 7—29) подробно описываются керамика, оружие, инструменты, предметы престижности, украшения, а также органические остатки, обнаруженные при раскопках трех могильников, обозначенных как Сумбар I, Сумбар II и Пархай I. Глава II — «Хронология и культурная принадлежность» посвящена сравнительному сопоставлению памятников материальной] культуры сумбарского типа и культур северной подгорной равнины Копетдага, Мешед-Мисрианской равнины, Ирана, юго-восточных областей Средней Азии. В главе III — «Происхождение сумбарской культуры» устанавливается локальное своеобразие культуры Юго-Западной Туркмении, которая является субстратом культуры эпохи поздней бронзы и раннего железного века. Из этой области археологический комплекс эпохи поздней бронзы мог распространиться на территорию Северного Ирана. В главе IV — «Системный анализ погребальных комплексов» сделана попытка по характеру погребального инвентаря и по положению скелета в захоронении выделить те группы, которые отражали реальное разделение людей в обществе исследуемой эпохи (примерно 1300—1000 гг. до н. э.). Занятиям и взаимоотношениям населения этого периода посвящены названные соответственно главы V и VI.

Реконструкция тех хозяйственных занятий, о которых можно судить на основании материала могильников, сочетает свидетельства археологии и данные этнографии. Производственные, родственные, поло-возрастные отношения в обществе восстанавливаются автором на основе анализа погребального комплекса. С этой целью наряду с систематизацией артефактов (по технике изготовления, назначению и т. д.) устанавливается иерархия ряда бинарных оппозиций: преднамеренное погребение в скорченном положении (1) *лицом* ко входу в катакомбное сооружение *своих* или *спиной* ко входу *чужих* при (2) размещении покойника *на левом* боку (мужчины, реже женщины) или *на правом* боку (женщины) и (3) расположении мужского и соответственно женского погребального инвентаря *в ногах* (у мужчин) или *в голове* (у женщин). Анализ системы отношений, выявленных в результате рассмотрения особенностей захоронения и совокупности обнаруженных в могильниках предметов, позволяет автору реконструировать некоторые древние верования и ритуалы, чему посвящена глава VII — «Обряд погребения и вопросы идеологии».

В заключение И. Н. Хлопин отмечает, что долина Сумбара дала за последние десятилетия материал, который разрешит впоследствии «радикально пересмотреть многие вопросы хронологии, генезиса, взаимосвязей и др., касающиеся не только культур Средней Азии, но и Ирана, а может быть и Закавказья» (с. 133).

В приложении к книге дано полное описание материалов раскопок и приведены

типологические таблицы предметов, а также результаты их спектрального анализа, осуществленного В. А. Галибиным.

Некоторые сообщаемые в книге факты и выводы, к которым приходит автор, должны быть отмечены особо.

Уникальны, например, сведения о конструкции погребальных сооружений катакомбного типа с коллективными захоронениями. В разновременном могильнике Пархай II, раскопки которого продолжаются, но материал которого фрагментарно привлекается И. Н. Хлопиным при анализе основного материала, наряду с катакомбами обнаружены полуподземные склепы с боковым входом и деревоземляной кровлей. Сохранились четкие следы от поддерживавших кровлю вертикальных деревянных столбов (с. 61). Конструкция погребального сооружения позволяет, таким образом, установить, что именно в Юго-Западной Туркмении прослеживается развитие погребальных сооружений от камер с деревоземляной кровлей и полуподземных склепов (для коллективных захоронений) до глубоких подземных катакомб. Чтобы оценить этот факт, достаточно упомянуть, что происхождение катакомбной культуры, датируемой серединой II тыс. до н. э. и широко распространенной в степных районах СССР, все еще остается спорным. Следует учесть, что материалы раскопок могильника Пархай II значительно удревняют нижнюю датировку культуры Юго-Западной Туркмении — вплоть до V—IV тыс. до н. э. Разведочные раскопки обнаруженного вблизи него поселения в свою очередь показывают эту древнюю дату.

Решение вопроса о происхождении культуры катакомбных захоронений в более широкой перспективе связано с поисками прародины индоевропейцев, которым эта культура приписывается. Хотя между лингвистическими данными и археологическими не существует более или менее опосредованных взаимосвязей (по крайней мере критерии соотношения тех или иных этнолингвистических общностей с определенными археологическими культурами еще не установлены), открытие И. Н. Хлопина косвенно подкрепляет гипотезы о переднеазиатской прародине индоевропейцев [3]. Именно Передняя Азия была древнейшим ареалом распространения культурных злаковых растений (что доказано исследованиями Н. И. Вавилова), здесь же расположен один из главных очагов одомашнивания диких животных [4]. В контексте индоевропейской проблематики такая совокупность фактов ставит под сомнение традиционные точки зрения о просачивании носителей степных культур в южные области Средней Азии, о скотоводческих племенах Причерноморья и Прикаспия как древнейших индоевропейцах [5]. Только в связи с переходом к производящему хозяйству, в условиях оседлости могли возникнуть предпосылки для последующего разделения труда земледельцев и скотоводов, т. е. разделения первоначальных земледельческо-скотоводческих общин. Лингвистические же реконструкции праиндоевропейской общности обычно исходят из «теории трех ступеней» развития человечества — охота и собирательство, кочевое скотоводство, земледелие. Данная проблема в рецензируемой книге И. Н. Хлопиным не рассматривается, но в одной из своих статей он подчеркивает: «...однотипные культуры эпохи поздней бронзы, распространенные от Урала до Енисея и известные под собирательным названием ямно-афанасьевские, а затем андроновские, сложились первоначально в зоне контактов местного охотничье-собирательского населения с пришлым, принесшим с собой навыки и формы производящего хозяйства... носители культуры степной бронзы являются потомками как изгнанных земледельческих родов, так и населения Приаралья и среднеазиатского междуречья

---

[3] См. *Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. Т. I—II. Тбилиси, 1984.

[4] См. *Шнирельман В. А.* Происхождение скотоводства (Культурно-историческая проблема). М., 1980. С. 46—48.

[5] См., например, сб. Indo-Europeans in the fourth and third millenn. Michigan, 1980.

с присваивающей экономикой»[6]. Локализация очага распространения катакомбной культуры в Юго-Западной Туркмении — в ареале бытования первобытных земледельцев и скотоводов — существенно подкрепляет эту авторскую позицию.

Специфика обследованных памятников сумбарской культуры (раскопаны полностью) позволила автору опереться в своих наблюдениях и выводах не на фрагментарные данные, а на массовый хорошо сохранившийся материал. Так, собранная в результате раскопок керамическая коллекция включает 650 сосудов, представляющих 12 основных типов (в тринадцатый тип выделены три уникальных сосуда), которые в свою очередь содержат от двух до шести подтипов керамики. Это серая керамика различного бытового назначения, причем 60% всей найденной посуды сделано без гончарного круга из кухонного теста (реже из столового — 10%). Сравнивая этот керамический комплекс с керамикой из одновременных памятников Ирана, автор приходит к выводу, что «могильники среднего течения Сумбара представляют собой отдельную культуру, в определенной степени родственную однотипным культурам Северного Ирана и входящую с ними в одну культурно-историческую провинцию, которая спустя несколько веков стала местом формирования мидийско-гирканского ираноязычного этнического объединения» (с. 40—41). Привязка сумбарской культуры эпохи поздней бронзы к иранской ветви индоевропейской семьи не противоречит возможности интерпретации археологической культуры Юго-Западного Туркменистана в целом применительно к более раннему периоду индоевропейской общности. С одной стороны, сумбарская культура представлена вполне развитым и относительно самостоятельным комплексом, с другой — раскопки в долине Сумбара еще продолжаются и культурно-исторический субстрат этого комплекса еще только предстоит обследовать. О древности этого субстрата уже говорилось в связи с датировкой памятника Пархай II.

Об оседлости древних обитателей среднего течения Сумбара можно судить, в частности, по наличию такого строительного материала, как сырцовые кирпичи большого формата, которыми заделан вход во многие погребальные камеры. Конструкция последних и свидетельства о существовании в прошлом у гёкленов, издавна обитавших в Юго-Западном Туркменистане, полуземляночного жилища (*куме*) позволили И. А. Хлопину предположить, что поселения эпохи бронзы (типа полуземлянок) следует искать «по окраинам холмов, недалеко от исследованных могильников» (с. 93).

Основными видами производства, степень развития которых определяла уровень этой древней культуры, были гончарство и металлургия бронзы. Однако погребения дают лишь готовые формы, и автор справедливо отмечает, что о них нельзя сказать ничего, «кроме общих фраз, в равной степени могущих быть приложенными к любой археологической культуре» (с. 98). О занятиях земледелием можно судить по остаткам зерен пшеницы и ячменя, обнаруженных на поселениях северной подгорной равнины Копетдага и по функциональной специфике керамического комплекса (с учетом его деления на сосуды коллективного использования и индивидуального применения). Группировка посуды по назначению (с. 94—96) позволяет выделить, например, чаши, куда могли класть кушанье из злаков, а также конические сосуды со сливом для жидких молочных продуктов (при одновременном наличии в погребении горшочка с открытым носиком — для воды). Занятия скотоводством подтверждаются, кроме того, остатками костей мелкого рогатого скота (коз и овец). Стада, по-видимому, пасли вооруженные пастухи, о чем говорит обилие разнообразных предметов вооружения, которое могло применяться и для охоты. Автор справедливо отказывается связывать эту группу предметов прежде всего с военными столкновениями, которые вряд ли были частыми в первобытной среде («к тому же нет укрепленных поселений, нет оборонительных доспехов» — с. 97). Трагическими случаями на охоте объясняется им и наличие кенотафов.

[6] *Хлопин И. Н.* Индоиранцы: земледельцы или скотоводы? (Исходный вопрос арийской проблемы) // ВИ. 1970. № 10. С. 98; ср. *он же.* Возникновение скотоводства и общественное разделение труда в первобытном обществе // Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма. М., 1970. С. 94—112.

Земледелие и скотоводство определяли и другие хозяйственные занятия. Наряду с формами типа ваз, кубков, графинов, кувшинов, горшочков с одной или двумя ручками или без них встречается набор посуды, предположительно применявшийся для употребления пива,— чайник со сложным носиком, из него пиво через тряпичный фильтр наливалось в сосуд с трубчатым носиком, в который мог быть вложен дополнительный фильтр. В некоторых погребениях найдены ножи с короткими полукруглыми лезвиями, которые могли применяться для обработки кожи. Почти все женские погребения содержали веретено (пряслице), сохранились отпечатки ткани на бронзовых предметах. Найдены два фаянсовых штампа, с помощью которых на ткани наносился узор, бронзовые спицы (парами или по четыре штуки). Ковровые ножи серповидной формы позволяют значительно углубить истоки ковроделия, которое рассматривается в книге на широком этнографическом фоне (с. 99—102).

Для оценки хозяйственной структуры общества показателен вывод И. Н. Хлопина о праве собственности у древних земледельцев и скотоводов, который опирается на самый факт наличия или же отсутствия в погребениях определенных предметов: «...инструменты женского рукоделия, найденные практически в каждой могиле, являлись личной собственностью погребенных... Так же точно обстояло дело и у мужчин — при погребении им давали только вещи, находившиеся в их личной собственности, включая предметы престижности (по нашему мнению — предметы власти). Отсюда можно заключить, что власть расценивалась не как наследственная привилегия, а как избранничество; а значит, признаки власти были сугубо индивидуальными и следовали в могилу за ее держателями. Посуда, помещенная в могилу, не находилась в личной собственности погребенного; это была семейная собственность... данная посуда выводилась из обращения в доме. Орудия земледелия и множество других инструментов не фигурировали в погребальной церемонии; следовательно, эти орудия и инструменты находились в собственности семьи и не подлежали отправке на „тот свет“ ... Родовую собственность составлял скот, вернее — основное стадо, непрерывно обновлявшееся и не подлежавшее уничтожению со смертью членов рода» (с. 100).

Говоря о культурном единстве населения среднего течения Сумбара и северных отрогов Эльбруса (Шах-Тепе) как о территории, которую могли населять родственные племена, автор постулирует существование в Кара-Калинской долине отдельного племени, рассредоточенного в нескольких одновременных поселках (с. 111).

Местные корни сумбарской культуры несомненны, и здесь еще возможны новые открытия. В рассматриваемой монографии подводятся итоги наблюдениям материальных остатков лишь одного из относительно поздних ее этапов, и этот этап допускает поиски своих истоков. Примером такого поиска является один из разделов VII главы — «К истокам иранской мифологии». Пытаясь объяснить положение костяка на *левом* (мужчины) или на *правом* (женщины) боку, в частности, нарушение этого правила в женских захоронениях (при сохранении женского погребального инвентаря) автор исходит из бинарных оппозиций авестийского мифа о первородном быке («Первоскоте») и первородном человеке («Первочеловеке» — Гайомарте). Соответственно группа авестийского мифа «солнце и левый бок (на который упал умерший Гайомарт)» дополняется им мужским полом, а группа «луна и правый бок (на который упал бык)» — женским полом. Реальным для древнего сознания предполагается именно признак пола человека, который луна и солнце только символизируют. Далее И. Н. Хлопин пишет: «В связи с тем, что общество рассматриваемого времени обладало законченной патриархальной идеологией, женщины были включены в один семантический ряд с Первоскотом, из тела которого произошли все культурные и дикие растения, а из семени — все домашние и дикие животные. Проигрывая при погребении женщин смерть Первоскота и укладывая их на правый бок, люди тем самым возвращали природе жизненную силу, способность к воспроизведению, которая была заложена в рожавших женщинах. Бездетные, нерожавшие женщины были бессильны воздействовать на возрождение

природы, ибо не обладали этой силой, отчего их хоронили по-мужски и, по-видимому, считали примыкавшими к мужской части общества, по недоразумению не родившимися мужчинами» (с. 126—127). Таким образом, кажущееся нарушение бинарной оппозиции левого и правого в погребальном ритуале получает очень простое объяснение. Скорее всего, бездетных женщин не относили к мужской части общества (во всяком случае при жизни), но по правилам контактной магии они приобщались к этой части ритуалом погребения.

Попытки семантической, т. е. содержательной, интерпретации наблюдаемых фактов составляют одно из достоинств рецензируемой книги. Значение подобных попыток в том, что автор не ограничивается одним лишь описанием и систематизацией археологического материала, а стремится по возможности осмыслить его исторически, и с этой целью им привлекаются не только археологические, но и мифологические, а также этнографические параллели. Во всех случаях логика материала и типологические аналогии подчинены требованиям подлинного системного анализа, учитывающего и раскрывающего прежде всего генезис явления. Все это позволяет И. Н. Хлопину избежать недостатка системно-структурных исследований, ограничивающихся описанием состояния того или иного объекта, т. е. перечнем инвентаря единиц и формальных отношений синхронного плана между этими единицами, без обращения к причинам, вызвавшим появление соответствующих отношений и обусловивших тот или иной набор единиц в системе. Ценность рецензируемой монографии именно в ее последовательной историчности, хотя историческую часть и невозможно отделить от собственно археологической.

Н. Л. Сухачев

O. STEIN. Kleine Schriften. Hrsg. von F. Wilhelm. Stuttgart, 1985. 663 S.

Рецензируемая книга является одной из публикаций «Фонда Глазенаппа» (известный немецкий санскритолог Хельмут фон Глазенапп завещал свое состояние на издание трудов по индологии). В основном «Фонд Глазенаппа» публикует сборники избранных сочинений наиболее видных представителей немецкой науки конца XIX и XX вв. Первым (в 1967 г.) вышло в свет двухтомное собрание статей Германа Ольденберга, за ним последовали труды Ф. Кильхорна, Г. Якоби, Г. Людерса и многих других (кстати, нельзя не выразить сожаления, что эти ценные издания практически не поступают в наши библиотеки). В данной серии была также опубликована библиография трудов Х. Глазенаппа и материалы конференции немецких индологов. Составленный В. Рау сборник портретов немецких индологов вызвал такой интерес, что был переиздан в расширенном варианте (первое издание включило 100 фотографий, второе — 135). По нашему мнению, подобные издания (ср. Picturesque orientalia, Imagines philologorum и т. д.) не предмет роскоши или праздного любопытства — они помогают живому, «в лицах» восприятию историографии.

Публикации «Фонда Глазенаппа» представляют собою в сущности многотомное собрание индологической классики. Трудно переоценить их значение не только с точки зрения истории науки — многие исследования до сих пор остаются образцовыми. Эта серия дает также представление о традициях национальной школы, о впечатляющем размахе научной работы индологов, писавших по-немецки (не только в самой Германии, но и в Голландии, Австро-Венгрии, славянских странах).

В этой связи мысль невольно обращается и к традициям отечественной науки. В последние десятилетия у нас изданы собрания сочинений В. В. Бартольда, И. Ю. Крачковского и некоторых других выдающихся исследователей Ближнего Востока. Юбилейные даты индологов — И. П. Минаева, Ф. И. Щербатского, С. Ф. Оль-

денбурга — были отмечены изданием юбилейных сборников, но с публикацией их собственных трудов дело обстоит неважно. Кроме весьма скромной книги «Избранные труды русских индологов-филологов» (1962 г.) трудно что-либо назвать. Не только замечательные «Очерки Цейлона и Индии», но и мелкие статьи И. П. Минаева, рассеянные по редким журналам, заслуживают переиздания. Основные труды Ф. И. Щербатского были изданы когда-то только по-английски и неоднократно переиздавались за рубежом (как и переводы его работ, написанных по-русски). Русский перевод избранных трудов ученого давно уже следовало бы опубликовать. Что касается С. Ф. Ольденбурга, то речь может идти не только о перепечатке его многочисленных статей и заметок, но прежде всего о публикации наиболее фундаментального труда по центральноазиатским древностям, который до сих пор остается в рукописи. Статьи и доклады с обзором и оценкой деятельности наших индологов, конечно, могут быть интересны и важны, но в первую очередь необходимо их собственные труды сделать доступными для читателей.

Рецензируемый 25-й том публикаций «Фонда Глазенаппа» содержит статьи и рецензии Отто Штейна. Изданию предпослан краткий биографический очерк, написанный Ф. Вильгельмом. О. Штейн родился в 1893 г. в Австро-Венгрии. Учился он в Праге, по классической филологии — у Генриха Свободы, по санскритологии — у Морица Винтерница. Диссертация, посвященная сопоставлению сведений Мегасфена с только что открытой «Артхашастрой» Каутильи, была опубликована в 1921 г. и вызвала большой интерес (положительная рецензия на нее появилась и в советском журнале «Новый Восток» в 1924 г.). Основной вывод автора о несовпадении данных источников и невозможности датировки «Артхашастры» маурийским периодом неоднократно подвергался критике, но с его аргументами до настоящего времени вынужден считаться любой исследователь. После защиты диссертации О. Штейн преподавал в университете г. Праги (ныне Карлов университет) и вместе с М. Винтерницом был активным организатором чешского востоковедения (в качестве соиздателя журнала «Archiv orientální», сборника Indologia Pragensia и т. д.). Широко публиковался он и в зарубежных изданиях, преимущественно в Индии. Судьба его сложилась трагически вследствие фашистской оккупации Чехословакии. Уже в 1938 г. О. Штейн был лишен возможности преподавания, в то же время ему было отказано в разрешении эмигрировать. Вместе с женой и родственниками он погиб в гетто в Лодзи, видимо, уже в начале 1942 г.

Прижизненные публикации работ ученого относятся к 1921—1938 гг. (посмертно в Индии в 1948 г. вышли в свет его «Исследования по джайнизму»). Кроме упомянутой выше книги и статей в энциклопедии Паули — Виссова (часть последних — значительного объема, например, о Мегасфене более 100 с.) почти все его работы вошли в настоящее издание. Со времени диссертации «Мегасфен и Каутилья» О. Штейна занимает два круга проблем: контакты Индии с античным миром и древнеиндийская государственность и политическая литература. К первому из этих направлений относятся статьи об истории санскритских слов, заимствованных из греческого. Автор стремился, в частности, доказать, что слово «сурунга» в санскрите не могло быть заимствовано из греческого ранее II в. до н. э. (отсюда следует, что и «Артхашастру», где несколько раз встречается это слово, нельзя датировать маурийским временем). Анализируя упоминания «явана» в индийских надписях, он пришел к выводу, что не всегда это слово означает греков (и напротив, имена предположительно греческие встречаются без указания на этнос «явана»). Большое внимание уделял ученый античным источникам (фантастические народы Индии во фрагментах Скилака, упоминания об индийцах в греческих папирусах из Египта и др.). В подробном разборе известного папирусного отрывка фарса, где действующими лицами являются индийцы, О. Штейн убедительно показал, что язык «индийцев» в этом произведении представлял собою исковерканный греческий, а не «канарезский», как считалось прежде и порою повторяется до сих пор [1].

[1] См. Древняя Индия. Историко-культурные связи. М., 1982. С. 32.

Он объяснил появление загадочных «прамнов» в тексте Страбона. По его мнению, «прамны» тождественны «гарманам» (ср. также имя Зарманохег) и соответствуют санскритскому слову «шрамана». Форма «прамнас» является результатом ошибки переписчиков из «грамнас/срамнас».

Прекрасная статья посвящена коронации Чандрагупты Маурья. Сопоставление античных источников с индийской традицией привело О. Штейна к выводу (с. 368), что начало правления Чандрагупты не может быть датировано ранее 317 г. до н. э. (а по некоторым источникам даже ближе к 312 г. до н. э.). После многократных обсуждений данного вопроса в последние десятилетия точка зрения современной историографии практически не отличается от того, что было установлено О. Штейном полвека назад [2]. К статьям данной тематики примыкают и рецензии на книги о связях греко-римского мира с Индией.

Из работ по «Артхашастре» и политическом строе Индии прежде всего обращают на себя внимание три большие статьи, печатавшиеся в течение ряда лет в журнале «Archiv orientální». В первой из них подробно анализируется глава «Артхашастры» II.10, посвященная составлению царских указов. Даже после основательного обсуждения тех же вопросов в книге Х. Шарфе [3], статья О. Штейна сохраняет свое значение не только в деталях, но и в общих выводах о характере древнеиндийского делопроизводства. Еще в большей степени это относится ко второй работе — «Артхашастра и шильпашастра», где две главы «Артхашастры» (II. 3—4) о строительстве города сопоставляются со средневековыми трактатами по архитектуре. Автор справедливо подчеркивал значение материала этих глав, которые могут анализироваться также с привлечением данных археологии и таким образом способствовать прояснению вопроса о соотношении политической теории и действительности. Лишь в последние десятилетия по этой тематике стали появляться публикации, продолжающие работу О. Штейна. Прежде всего надо назвать исследования Д. Шлинглоффа, в которых уточняется система городских оборонительных сооружений и дается общая характеристика индийского города [4]. Внутреннюю планировку города О. Штейн справедливо рассматривает в свете схемы «парамашайика» [5]. Весьма плодотворным является анализ некоторых терминов (например, «кармагриха» толкуется как «тюрьма» от слова «кáрман» в значении «пытка»). Ученый высказал предположение, что в «Артхашастре» сведения о планировке укрепленного города смешаны с данными о сооружениях внутри царской резиденции (с. 396). Нам представляется, что это смешение в значительной мере принадлежит самому исследователю. Формальное построение соответствующего фрагмента «Артхашастры» недвусмысленно указывает на то, что городское население (представители всех четырех варн) живут не *между* зданиями казны, кухни и т. д., а *далее* (tataḥ paraṃ), т. е. *вне* территории, занятой царскими строениями. Несмотря на аргументацию О. Штейна, мы склонны все же думать, что слово tasya относится к «внутреннему городу» (antaḥpura), который включает жилища придворных и разного рода царские службы (описанные в сутрах II.4.8, 10, 12, 14, по восьми сторонам света), а о городе в собственном смысле слова речь идет лишь в сутрах II.4.9, 11, 13, 15 (с ориентацией по четырем сторонам света). Такое наблюдение не только позволяет подчеркнуть двухчастную схему планировки города, но и дает возможность иначе, чем у автора, оценить назначение тех или иных построек. Становится очевидным также, что преимущественное внимание данной главы (как и множества других глав «Артхашастры») сосредоточивается не на городе и государстве, а на царе и его дворе.

Третья большая статья «Новейшие исследования по истории общества, права и государства древней Индии» ценна прежде всего как образец критического анализа исто

[2] См. *Бонгард-Левин Г. М., Ильин Г. Ф.* Индия в древности. М., 1985. С. 208 сл.
[3] *Scharfe H.* Untersuchungen zur Staatsrechtslehre des Kauṭalya. Wiesbaden, 1968.
[4] *Schlingloff D.* Arthaśāstra-Studien II // WZKSOA. 1967. B. XI; *idem.* Die altindischen Sdadt. Wiesbaden, 1969.
[5] См. о ней в сб.: Культура древней Индии. М., 1975. С. 301.

риографии (главным образом индийской). Меньшее значение имеют предлагаемые О. Штейном решения общих проблем развития древнеиндийского государства — в данной области многое сделано в науке в послевоенные годы (в значительной мере в марксистской историографии). Нельзя, однако, не согласиться с О. Штейном, когда он предостерегает от переоценки степени централизации Индии и бюрократизации ее государственного аппарата в маурийский период (с. 284, 380 и др.). Вполне справедливо основное замечание, которое он делает Б. Брелеру в рецензии на его «Исследования по Артхашастре»,— автору не удалось доказать преобладающего значения государственной собственности в древней Индии.

Работы, помещенные в сборнике, не ограничиваются указанной основной тематикой. Автор занимался также эпиграфикой и проблемой символики чисел (им собран, например, интересный материал о числе 18 в индийской традиции), средневековыми комментариями и индийским театром (при этом широко использовал он и работу о театре *катхакали* нашего соотечественника — А. М. Мерварта, также индолога с трагической судьбой). Статьи о М. Винтернице содержат материал не только о научной, но и общественной деятельности знаменитого индолога; многочисленные научные публикации М. Винтерница о женщине в древней Индии, например, получают новое освещение в связи с его активным участием в борьбе за равноправие женщин.

Характеризуя своего учителя, О. Штейн произносит знаменательные слова (с. 565): «Легче развивать теории, чем устанавливать факты. М. Винтерниц стремился придерживаться фактов». Эти же принципы исповедовал, конечно, и сам автор. Имя О. Штейна не принадлежит к числу наиболее известных в мировой индологии. Не всегда мы можем согласиться с его конкретными выводами и с общими методологическими принципами. Однако в его статьях и рецензиях чувствуется настоящая школа, каждое утверждение основано на осторожном, кропотливом анализе фактов — такие работы редко полностью устаревают.

Рецензируемая книга снабжена индексами санскритских и греческих слов, а также предметным указателем.

При знакомстве с подобными сборниками часто испытываешь чувство сожаления, когда то или иное сочинение ученого остается за их пределами. В данном случае речь может идти о статьях О. Штейна по джайнизму и некоторых его рецензиях. Публикация их была бы возможна за счет некоторого сокращения материала. Так, вряд ли следовало включать в сборник статью «Майя в греческом папирусе», так как она соответствует второй части другой статьи — «Индия в греческих папирусах». М. Винтерниц заслуживает особого тома избранных трудов и там, конечно, было бы необходимо поместить составленную О. Штейном и В. Гампертом весьма ценную библиографию его трудов. В целом же подборка, подготовленная проф. Ф. Вильгельмом, дает очень полное представление о научном наследии О. Штейна.

А. А. Вигасин

РАННЕГРЕЧЕСКИЙ ПОЛИС И «ГЕРОИЧЕСКИЙ ВЕК»: СТОЛКНОВЕНИЕ ДВУХ ЭПОХ В VIII в. до н. э.

(Обзор материалов II Международного симпозиума при Шведском институте в Афинах)

Проблемы возникновения греческого полиса на исходе «темных веков» все более притягивают к себе внимание зарубежной историографии [1]. Реконструкция этого исключительно важного этапа древнегреческой истории как никакая другая основывается на синтезе данных археологии, лингвистики, искусствознания и других областей науки. Можно говорить об определенном опережении накопления источниковой базы над его целостным историческим осмыслением. Попытка такого рода исследовательского синтеза была предпринята группой специалистов, участников Международного симпозиума «Греческий ренессанс: традиции и инновации», проходившего летом 1981 г. в Афинах [2]. В нем приняли участие более ста ученых из Греции, Швеции, Англии, ФРГ, США, Канады, Франции и других стран. В томе материалов опубликовано 24 сгруппированных тематически доклада и прения по ним. В конце книги представлена завершающая дискуссия по всей проблематике симпозиума.

Несмотря на многообразие затронутых вопросов, все они с той или иной стороны раскрывают основную тему, условно названную «греческий ренессанс». С момента выхода в свет фундаментального труда В. Десборо «Протогеометрическая керамика» [3] благодаря усилиям многих исследователей все очевиднее становится, что века, охватывающие длительный промежуток времени с XII по VIII в.[4], оказались не столь «темными», как это предполагалось ранее. Ренессансом именуется заключительная фаза «темных веков» — вторая половина VIII в. А. Снодграсс считал, что ренессанс выпадает на середину и вторую половину VIII в., причем Гомер с его поэмами является свидетелем значительных сдвигов, происходивших в раннегреческом обществе [5]. Позднее Дж. Н. Колдстрим, уточнив хронологические рамки ренессанса 770—700 гг., выделил пять его ведущих характеристик: *1*) зарождение фигурной живописи; *2*) начало колонизационного движения на Запад; *3*) рост панэллинских святилищ; *4*) расцвет ионийского эпоса и его распространение в греческом мире; *5*) — возрождение грамотности. Благодаря этим процессам и главным образом поэмам Гомера возникает интерес к микенскому прошлому [6].

Симпозиум открывается докладом *Ш. Хиллера* [7]. Осваивая Средиземноморье, считает автор, греки лицом к лицу столкнулись со своим микенским прошлым. Достаточно в этой связи привести в качестве примера реминисценции микенских плаваний в рассказе Гомера о путешествиях Менелая. Не случайно, видимо, ионийская миграция в Малую Азию концентрировалась в районе Милета, который в свое время

[1] См. *Snodgrass A. M.* Archaeology and the Rise of the Greek State. Cambr., 1977; *idem.* Archaic Greece. The Age of Experiment. L., 1980; *Welwei K. W.* Die griechische Polis. Stuttgart, 1983; *Starr C. G.* The Economic and Social Growth of Early Greece, 800—500 B. C. N.Y., 1977; *Jeffery L. H.* Archaic Greece, the City-State c. 700—500 B. C. L., 1976; *Murray O.* Early Greece. L., 1980; *Gschnitzer F.* Griechische Sozialgeschichte von der mykenischen bis zum Ausgang der klassischen Zeit. Wiesbaden, 1981; *Schachermeyr F.* Griechische Frühgeschichte: ein Versuch, frühe Geschichte wenigstens in Umrissen verständlich zu machen. Wien, 1984, etc.

[2] The Greek Renaissance of the Eighth Century B. C.: Tradition and Innovation. Proceedings of the Second International Symposium at the Swedish Institute in Athens, 1—5 June, 1981 / Ed. by R. Hägg. Stockholm, 1983, 225 p. in 4°.

[3] *Desborough V. R. d'A.* Protogeometric Pottery. Oxf., 1952.

[4] Здесь и далее все даты — до н.э.

[5] *Snodgrass A. M.* The Dark Age of Greece. Edinburgh, 1971. P. 416 f., 428 f.

[6] *Coldstream J. N.* Geometric Greece. L., 1977. P. 367—369.

[7] *Hiller S.* Possible Historical Reasons for the Rediscovery of the Mycenaean Past in the Age of Homer. P. 9—14.

был основной микенской твердыней на побережье. Не меньшее значение могли иметь микенские плавания для греческой колонизации Запада. Хиллер придерживается высказанного В. Тейлором предположения о непрекращающихся контактах Греции с зоной Тарентийского залива на всем протяжении «темных веков». Все эти соображения ставят перед исследователем вопрос: что собственно Гомер и его современники могли знать о своем микенском прошлом? Основной тезис докладчика сводится к тому, что не только эпическая поэзия, но и устная традиция передавали от поколения к поколению предания микенской поры, и потому память о «героическом прошлом» продолжала жить в Ионии помимо Гомера (с. 13). Ренессанс, согласно Хиллеру, в основном отразился в возрождении культа героев — «героического» образа жизни, «героических» погребений и вазописи. В хронологическом смысле все эти явления, характерные для VIII в., своими истоками уходят в «темные века» — Гомер и археология фиксируют лишь максимальный пик процесса (с. 14).

Ш. Хиллер, однако, обошел в своем выступлении немаловажный, как кажется, вопрос о причинах ренессансных явлений в общественной жизни греков. В самом деле, если Гомер лишь отражает ренессансные тенденции, то в таком случае как расценивать так называемые микенизмы в его поэмах: являются ли они искусственным элементом его поэтики или же отражением общественных явлений? Видимо, вычленение собственно «микенского» и «вновь возрожденного» предполагает проведение особого исследования. С другой стороны, далеко не все упомянутые автором ренессансные тенденции были исторически осознанными. В этом смысле следует согласиться с с Б. Берквист, подчеркнувшей в дискуссии, что возрождение «героического» в VIII в. было подчас спонтанным (с. 15).

Блестящий пример исторической интерпретации археологического материала продемонстрировал в своем докладе Дж. Н. Колдстрим [8]. Автор задается вопросом: почему в греческом мире второй половины VIII в. одновременно расцветало так много стилей расписной керамики? Докладчик приходит к выводу, что чередование в бронзовом веке единства стиля с его многообразием вызывалось последовательной сменой периодов политического единения и хаоса. Образец единого стиля в керамическом производстве — микенское койне XIV—XIII вв., за которым наступает период значительного нарушения связей и торжества разных школ микенской III С керамики. Региональная обусловленность стилей в VIII в., по мнению автора, совершенно иная, поскольку межэллинские связи были как никогда прочны, а региональные стили гораздо разнообразнее, чем в предшествующие эпохи. Колдстрим приводит список этих стилей, расположив их в определенной последовательности с точки зрения творческой оригинальности той или иной региональной школы. Список возглавляют Афины, Коринф и Аргос, за ними следуют Эвбея и Лакония. Гораздо менее оригинальны в формировании своего автономного стиля восточногреческие центры, Крит и Киклады, где влияние традиций среднегеометрического времени все еще сильно. Из всего западногреческого мира оригинальный стиль был выработан лишь на Итаке, все же остальные области (Элида, Ахайя, Мессения и другие) находились, по образному выражению Колдстрима, в «керамической пустыне». Какие же исторические выводы могут последовать из этого списка?

Колдстрим наложил рассмотренный список на карту греческих диалектов VIII в. Подобная операция, однако, не дала желаемого результата. Так, афинское влияние распространяется не только на большую часть ионийского мира, но и на Фессалию и Беотию. И, напротив, в ионийском Милете керамисты больше следовали дорийскому Родосу и т. д. Колдстрим предлагает разделить все стили на две группы: креативные и дериватные. Оригинальные школы группируются вокруг того или иного городского центра, дериваты же господствуют в тех районах, где урбанизм отсутствует как та-

[8] *Coldstream J. N.* The Meaning of Regional Styles in the eighth Century B.C. P. 17—25.

ковой. Более того, по мнению автора, список региональных стилей отражает процесс становления раннегреческого полиса. Полисные зоны (Аттика, Эвбея, Арголида, Коринф, Лакония, побережье Малой Азии, Сикион и др.) отличает развитый и самобытный керамический стиль, в то время как зоны этносов, многие из которых сохраняли черты трибализма и в классическую эпоху (Фессалия, Беотия, Ахайя, Элида, Акарнания, Аркадия), во второй половине VIII в. так и не смогли выработать самостоятельного керамического стиля (с. 24).

Можно согласиться с Колдстримом в том, что становление полисной организации было сопряжено с поиском автономности в ремесленном производстве. Однако прямая зависимость между генезисом полиса и региональными стилями в керамике представляется сомнительной. Можно привести ряд контраргументов. Так, на Эвбее во второй половине VIII в. господствует практически единый керамический стиль, но при этом сосуществуют несколько полисов; также в единый стиль сливается керамическое ремесло Киклад. И, напротив, далеко не все полисные зоны имели урбанизированные центры (например, Лакония). В целом подход Колдстрима к выработке археологического критерия полиса чрезвычайно плодотворен, однако его нельзя отрывать от других индикаторов полиса.

Формированию полиса в Арголиде посвящен доклад Р. Хэгга [9]. Автор рассматривает изменения в погребальном обряде, свидетельствующие, по его мнению, о социальной эволюции аргосского общества. «Протогеометрическое» общество Арголиды видится Хэггу социально гомогенным, если судить о нем с точки зрения типа погребений и их заполнения: преобладают погребения в каменных ящиках с крайне скудным инвентарем. «Геометрическое» время представлено простыми пифосными погребениями для большинства членов общины и захоронениями в каменных ящиках внушительных размеров. Увеличивается погребальный инвентарь. Учащаются случаи вторичных захоронений в одно и то же погребение. Индивидуальные захоронения «темных веков» становятся нормой, а каменные ящики — чем-то вроде фамильных склепов, что, как считает Хэгг, говорит об усилении клановости аристократических семей (с. 30). Принадлежность этих склепов аристократии подтверждается появлением в них оружия и предметов военного снаряжения.

На основе приведенного в докладе археологического материала Р. Хэгг считает возможным сделать два кардинальных вывода. Во-первых, социально однородное общество протогеометрического периода к концу VIII в. развивается в направлении к социально дифференцированному. Выделяются по крайней мере две социальные группы, каждая из которых имеет свой погребальный обряд, причем отличие между богатыми и бедными погребениями столь разительно, что автор затрудняется привести синхронные параллели. Во-вторых, выявленные автором закономерности касаются главным образом самого Аргоса; в некрополях других поселений Аргосской долины (Тиринф, Микены, Навплион, Асина) не обнаружено каменных ящиков столь внушительных размеров и почти полностью отсутствует оружие. Как и предполагал Р. Хэгг ранее [10], лишь Аргос к концу VIII в. вырастает в полноценный полис с очевидными следами синойкизма. С этого времени он превращается в политического лидера всей области (с. 31).

Тема, поднятая Хэггом, была продолжена в докладе С. Сорвино-Инвуд [11]. Докладчика интересует феноменологический подход к проблеме смерти в «темные века» и в архаический период. Отношение к смерти в «темные века» приближается, по мне-

---

[9] *Hägg R.* Burial Customs and Social Differentiation in the 8-th Century Argos. P. 27—31.

[10] *Hägg R.* Zur Stadtwerdung des dorischen Argos // Palast und Hütte. Mainz, 1982. S. 125.

[11] *Sourvionou-Inwood C.* A Trauma in Flux: Death in the 8-th Century and After. P. 33—48.

нию Сорвино-Инвуд, к варианту «прирученной смерти» («tamed death») [12]. В этой модели, которая продолжала доминировать и в VIII в., смерть воспринимается как неотвратимый удел человека, как часть жизненного цикла мира и общины, в котором поколения сменяют одно другое, а преемственность в общине обусловливает прерывность индивида (с. 34). Однако в VIII в. вследствие происходящих социальных изменений традиционная база, на которой покоилась модель «прирученной смерти», стала разрушаться и в общественном сознании греков начали формироваться новые модели смерти.

Уже в гомеровской эсхатологии формулируются две модели смерти: «героическая» и «индивидуальная». Наследием «героического века» является восприятие смерти как удела человека, μοῖρα θανάτοιο, и в то же время встречаются примеры, когда герои избегают смерти и обретают бессмертие (Менелай и Диоскуры). В VIII в. смерть все еще расценивается как общественное явление; протесис и экфора — достаточно хорошо разработанные сюжеты геометрической вазописи (с. 41) [13]. Изменение общественных условий в VIII в. постепенно «индивидуализирует» смерть, а погребальный обряд все более замыкается на членах родственной семьи (клана). Для подтверждения высказанной гипотезы автор обращается к археологическому материалу. Прежде всего указанное изменение наблюдается в смене интрамуральных погребений экстрамуральными. Если в «темные века» они еще сосуществовали, то с VIII в. наблюдается тенденция преобладания экстрамуральных погребений. В архаическую эпоху эта тенденция настолько укрепилась, что захоронения в пределах городской черты даже запрещались законом. В классическую эпоху экстрамуральность становится нормативной, исключение составляют лишь захоронения особо выдающихся личностей. Другая отчетливая тенденция второй половины VIII в.— группирование погребений и отделение детских захоронений от взрослых. Автор считает, что причинами, вызвавшими изменения моделей смерти во второй половине VIII в., были становление полиса и связанный с ним рост индивидуализма, а также интеллектуальное развитие Греции в форме новых философско-эсхатологических и этических теорий (с. 48).

Историко-культурологическая схема Сорвино-Инвуд в целом встретила одобрение участников симпозиума. Отметим лишь одно замечание, которое было высказано по докладу. Суть его сводится к различению отношения к собственной смерти и к смерти другого человека. В гомеровских поэмах общее отношение к смерти в целом философское, хотя герои «Илиады» пребывают в состоянии постоянного страха собственной смерти (В. Буркерт, Е. К. Копфф).

Следующая группа докладов была посвящена проблемам искусства и литературы VIII в. Открыл секцию известный специалист в области раннегреческой мифологии и литературы *В. Буркерт* [14]. Автор предпринимает попытку освещения нового аспекта в гомеровском вопросе — влияния факта заимствования письменности на «Илиаду». Иными словами, если ранее гомеровский вопрос сводился к дилеммам «Гомер — Микены» и «Гомер — устная традиция», то Буркерт предлагает новую, не столько противоречащую старым, сколько дополняющую их: «Гомер — Восток».

Гомеровские герои, как принято считать со времен античных критиков, были неграмотными. Основные споры вызвал знаменитый сюжет о Беллерофонте (Ил. VI, 115—206). В этом отрывке поэмы недвусмысленно идет речь о письменах, которые античными комментаторами принимались за египетские иероглифы (Schol. Il. VI, 168). Ряд современных исследователей, указывая на то, что в тексте говорится не о привычных для греческого языка понятиях типа γράμματα или δέλτος, склонны усматривать в отрывке косвенное указание на хеттские иероглифы или линейное письмо *Б.*

[12] В методологическом отношении автор исходит из основных положений известного труда Ф. Ариеса (*Ariès P.* L'homme devant la mort. P., 1977).

[13] Подробнее см. *Ahlberg G.* Prothesis and Ekphora in Greek Geometric Art. Gothenburg, 1971.

[14] *Burkert W.* Oriental Myth and Literature in Iliad. P. 51—56.

Все эти версии, по мнению Буркерта, неудовлетворительны, как, впрочем, и версия о том, что письмена эти — кипрское слоговое письмо, ибо почти невероятно, чтобы оно читалось в Ликии (с которой связывается Беллерофонт) или тем более в Коринфе. В поэме, вероятнее всего, идет речь о семито-греческом алфавите (с. 52).

Согласно Буркерту, мы имеем дело не только с упоминанием алфавита в тексте поэмы, но и со значительным влиянием восточной литературы на текстовку и поэтику поэм. Сравнение многих отрывков поэмы с известным аккадским эпосом Atraḫasis дает основание говорить не только о восточном влиянии на космогонические мотивы в поэме, но и о почти буквальном «переводе восточного текста» (с. 53). Буркерт приводит достаточно солидный список таких заимствований в поэме и заключает, что некоторые сюжеты в ней «прямо восходят к восточному источнику» (с. 55). И поскольку микенские истоки этих фрагментов почти исключены, то, согласно автору, они относятся к заключительному этапу формирования эпоса (VIII в.) и потому не могут быть отделены от процесса заимствования письменности. Таким образом, по Буркерту, знакомство греков с арамейско-финикийским алфавитом одновременно означало и знакомство с восточной литературой (с. 55). Миграция восточных мифов в Грецию, согласно автору, могла осуществляться не только благодаря прямому контакту с Востоком (Сирией, Киликией и др.), но и за счет наиболее мобильной части общества того времени, к которым поэт относит зодчих, гадателей, врачей и аэдов (Од. XVII, 383—385).

Гомероведческий анализ был продолжен в докладе *Е. К. Копффа* [15]. Автор ставит проблему соотношения гомеровских поэм и всего эпического цикла в связи с двумя предполагаемыми эпосами — «Амазономахия» и «Эфиопика». Копфф довольно убедительно показал, что «Эфиопика» представляет собой самостоятельное произведение, сформировавшееся независимо от «Илиады» не позже VIII в. Более того, «Илиада» в свою очередь испытала на себе влияние «Эфиопики»: заключительная часть 24 книги — это вступление к утраченной поэме.

Чрезвычайно важный аспект проблемы развития раннегреческой письменности VIII в. анализирует в своем докладе *А. Джонстон* [16]. Автор суммирует все известные граффити и дипинти до 680 г. и ставит проблему их географического распределения. Выделяются три основные зоны: 1) зоны, где встречаются единичные надписи — Итака, Коринф, Кумы, Сиракузы, Инкоронато, Эгина, Кносс, Фест, Родос; 2) зоны, где встречаются надписи общим количеством до четырех штук — Фера, Фивы, Калимнос, Смирна; 3) зоны, где обнаружено свыше пяти надписей этого времени — Питекуссы, Лефканди, Эретрия, Аттика. В приведенном списке прежде всего бросается в глаза абсолютное преобладание в количественном отношении надписей из эвбейских центров. Эта закономерность, как кажется, очень показательна, особенно если учесть раннюю активность эвбейцев на Востоке [17]. В ходе дискуссии П. Курбен в качестве контраргумента указал Джонстону на полное отсутствие ранних надписей в эвбейской колонии в Северной Сирии — Аль Мине. Между тем, это не так. Совсем недавно в Ашмолеанском музее (Оксфорд) был обнаружен небольшой фрагмент стенки скифоса (по всей видимости, аттического производства рубежа VIII—VII вв.), на внешней стороне которого было сделано граффити: ... γαβεο [18].

Решая проблему места и причин заимствования греками алфавита, А. Джонстон следует достаточно традиционным взглядам в историографии. Джонстон полагает, что местом достаточно тесного греко-семитского взаимодействия был Кипр (с. 67) [19].

[15] *Kopff E. K.* The Structure of the Amazonia (Aithiopis). P. 57—62.

[16] *Johnston A.* The Extent and Use of Literacy: the Archaeological Evidence. P. 63—68.

[17] Сводка о ранней активности эвбейцев содержится в работе: *Desborough V. R. d'A.* The background to Euboean Participation in Early Maritime Enterprize // Tribute to an Antiquity. Essays Presented to Marc Fitch. L., 1976. P. 27—40.

[18] *Boardman J.* An inscribed sherd from Al Mina // Oxford Journal of Archaeology. 1982. V. 1. P. 365—367.

[19] Эта мысль недавно активно развивалась А. Хойбеком (*Heubeck A.* Schrift. Archaeologica Homerica. III:10. Göttingen, 1979).

Принятию этого предположения препятствует, однако, отсутствие греческих надписей на острове практически вплоть до эллинистической эпохи и сильные традиции этеокипрского слогового письма [20]. По всей видимости, заимствование греками алфавита не представляет собой единовременного акта и происходило в течение длительного промежутка времени в разных зонах Средиземноморья, что в значительной степени детерминировало на первых порах региональность раннегреческого письма [21]. Раннегреческий алфавит имеет сходство с семитскими алфавитами Сирии, Палестины, Финикии в равной степени, так что все эти три левантийские зоны могли одновременно влиять на формирование греческого алфавита [22]. В то же время нельзя не учитывать и проникновение семитских этносов (финикийцы) в зону Эгейского бассейна, уже там повлиявших на развитие письма [23].

В докладах *Я. Боузека* и *Й. Шэфера* был предпринят анализ греческого искусства VIII в. с точки зрения сочетания в нем культурного наследства прошлого и инновационных элементов. Я. Боузек [24] считает, что идея антропоморфизации, возникшая еще в протогеометрический период во второй половине VIII в., приобретает форму развитой системы. Керамисты позднегеометрического периода четко различали пропорции тела обоих полов. Постепенно антропоморфизм начинает проявлять себя и в изображении богов. В конечном счете человек становится художественным мерилом мира, что, по мнению Боузека, определяет антропоцентризм позднегеометрического искусства (с. 72).

«Сценичность» раннегреческой вазописи, согласно Й. Шэферу [25], представляла собой по сути инновацию VIII в. и складывалась «без обращения к микенскому искусству» (с. 75). Основная линия творчества — поиск «непрерывного пространства» и создание «художественного повествования» (с. 79—80). Автор выделяет три основные фазы в этом направлении художественного развития VIII в. Если на первой фазе лишь предпринимаются попытки создания пространства и повествования, то на второй наряду с формализацией сцены в вазопись включается развитая декоративная система, особенно в виде орнаментированных зон. На третьей фазе «сценическое» открытие выражается в виде следующих основных его проявлений — создания «группированного пространства» (посредством динамической децентрализации композиции наподобие растянутого пространства), наделения изображения достаточной долей символизма, создания напряжения между обрамлением и собственно композицией (с. 79). Эти «ступени» в направлении к автономизации изображения в позднегеометрическом искусстве, по мнению Шэфера, имеют прямые параллели в поэтике «Илиады» и «Одиссеи».

Наиболее последовательно тема симпозиума была раскрыта на заседании, посвященном раннегреческой религии. Открыл заседание *Б. К. Дитрих* [26]. Докладчик проанализировал динамический рост раннегреческой религиозной активности, засвидетельствованной материально на протяжении IX—VIII вв., по крайней мере в пятикратном увеличении общего числа святилищ. Многие культы раннеархаическо-

---

[20] Предполагается даже, что некоторое время греки, проживающие на Кипре, могли пользоваться кипрским слоговым письмом (*Karageorghis V.* Fouilles à l'Ancienne Paphos // CRAI. 1980. P. 135). Некоторые аргументы против принятия Кипра как места заимствования приводит в своей рецензии на книгу Хойбека Дж. Чэдвик (*Chadwick J.* [Rev. on: *Heubeck A.* Schrift. Göttingen, 1979] // JHS. 1981. 101. P. 222).

[21] *Naveh J.* Some Semitic Epigraphic Considerations on the Antiquity of the Greek Alphabet // AJA. 1973. 77; *Millard A. R.* The Canaanite Linear Alphabet and its Passage to the Greeks // Kadmos. 1976. 15.

[22] *Isserlin B. S. J.* The Earliest Alphabetic Writing // CAH. 1982. III.1. P. 817.

[23] *Coldstream J. N.* Greeks and Phoenicians in the Aegean // Madrider Beiträge. Bd VIII. Mainz am Rhein, 1982. S. 271—273.

[24] *Bouzek J.* The Legacy of Late Geometric art. P. 69—73.

[25] *Schäfer J.* Steps toward Representational Art in 8-th century Vase Painting. P. 75—81.

[26] *Dietrich B. C.* Tradition in Greek Religion. P. 85—89.

го времени порой даже старше крито-микенской цивилизации. Так, культ Гермеса с его хтонической и прокреативной направленностью восходит к каменному веку. То же, видимо, касается некоторых ритуалов хтонических культов Деметры и Артемиды с использованием масок, фаллов, итифаллических фигурок, которые вписываются в общую средиземноморскую традицию неолитического времени (с. 86). Тем не менее возрождение общеэллинского интереса к своему «героическому прошлому» обусловливает вполне определенные религиозные культы. Наиболее рельефно этот процесс наблюдается в культе героев [27]. Автор отмечает, что религиозные культы VIII в. чаще формируются в противоположность своим микенским и минойским предшественникам. Формирование новых религиозных культов, как показывает Дитрих, подчас имеет сложную синкретическую природу. К примеру, выкристаллизовывание культа Афродиты связано с переплетением ее восточных (кипрских) истоков с догреческими, минойскими истоками и микенским культом Ванассы (с. 87—89).

Предложенная схема представляет большой интерес прежде всего потому, что раскрывает синкретичные основы греческой религии. Некоторые идеи автора, однако, не были приняты участниками симпозиума. Так, предположение Дитриха о существовании неолитических компонентов в раннегреческой религии (к примеру, итифаллические фигурки и изображения) вызвало возражение со стороны Н. Маринатос. Исходя из хронологической прерывности этих культов в бронзовый век, она считает возможным рассматривать их в качестве своего рода вторичного изобретения (с. 90). С этим контраргументом, пожалуй, трудно согласиться, поскольку широкое распространение в пределах Эгеиды IX—VIII вв. определенных элементов религиозных верований неолитической эпохи может быть тесно связано с притоком новых этнических группировок с севера микенской ойкумены. Именно благодаря им могли возродиться некоторые неолитические традиции.

Со своеобразным развитием темы выступил *Ш. Хиллер* [28]. Его основной тезис сводится к признанию возможности того, что «некоторые микенские культовые образы могли сохраниться и продолжали сохраняться в классический период» (с. 92). В подтверждение этой идеи Хиллер приводит ряд сюжетов в искусстве классического периода, которые, по его мнению, восходят своими истоками к микенским прототипам. Во-первых, это достаточно хорошо известная микенская богиня с поднятыми руками. В X—VIII вв. микенская богиня с поднятыми руками начинает изображаться как мужское божество, часто идентифицируемое с Зевсом. Этот сюжет перестает существовать в середине VII в. и сохраняется в более позднюю эпоху лишь в виде реминисценций.

Не менее популярным был сюжет сидящей богини. Хиллер подчеркивает, что этот сюжет восходит еще к неолитическому времени, но его появление в вазописи и пластике VIII в. обязано своим непосредственным происхождением микенским моделям (с. 94). Это, в частности, подчеркивается немаловажной деталью, объединяющей микенские и собственно греческие изображения богини — фигуркой сидящей на спинке трона птицы.

Поза поражающего бога, во многом основанная на изображениях египто-сирийского бога Решефа, в самом конце VIII в. становится достаточно распространенным в Греции сюжетом. Однако если в микенское время бронзовые статуэтки такого типа были скорее предметами импорта, то в VIII в.— подражанием импортным моделям. Хиллер приводит ряд примеров, когда трудно определить влияние каких традиций — ближневосточных или микенских — первично, особенно в греческом искусстве конца VIII в., когда восточные веяния становятся достаточно ощутимыми. Тем не менее известные мотивы имеют, очевидно, микенское происхождение. К их числу Хиллер относит иконографию Минотавра, вооруженной богини и некоторые другие.

---

[27] Ср. *Coldstream J. N.* Hero-cult in the Age of Homer // JHS. 1976. 96.
[28] *Hiller S.* Mycenaean Traditions in Early Greek Cult Images. P. 91—99.

Концепция Ш. Хиллера оригинальна в трактовке раннегреческой иконографии, однако, как кажется, она не лишена некоторого схематизма. Это обнаруживается, в частности, при анализе позы богини с поднятыми руками. Еще в ходе дискуссии Колдстрим подчеркнул, что эта поза отнюдь не возрождается в позднегеометрический период, а существует на всем протяжении «темных веков» (с. 99). С другой стороны, поза такого типа в силу своей ритуальной значимости может и не указывать на преемственность или возрождение каких-либо определенных традиций. В противном случае, по саркастическому сравнению К. Роллэ, в позе и жестах генерала де Голля надлежит усматривать влияние минойских традиций (с. 209). Возрождение культовых поз и жестов в примитивных религиях во многом носит случайный характер и не всегда прямо детерминировано традициями предшествующих эпох.

Инновационным явлениям в религиозном развитии Греции VIII в. посвящен доклад *Д. Panna* [29]. Автор ставит проблему эволюции и характера раннегреческих алтарей. Как правило, алтари предшествуют появлению в таких местах каких-либо стационарных строений. Подобные алтари представляют собой достаточно примитивную структуру, полученную путем вырубки части скалы или сооружения небольшой каменной ограды вокруг земляной сердцевины, на которых совершались жертвенные сожжения и приносились вотивы.

Д. Рапп приходит к выводу, что самые ранние алтари никак не связаны с архитектурными остатками и нередко создавались из скопища камней с круглым в сечении планом. Рапп квалифицирует такого рода алтари как «пепельные» (с. 101); чаще всего они возводились на склонах гор. Вторую фазу в развитии алтарей в конце VIII в. представляют алтари в виде прямоугольных структур: поверх каменного основания возводились строения из сырцового кирпича. Не случайно, полагает автор, алтари начинают изображаться в греческом искусстве лишь с середины VI в. По-видимому, непритязательность и аморфность ранних алтарей в сознании греческого мастера не имели видимого художественного эффекта. С развитием классического алтаря, считает автор, во второстепенных частных и даже общественных культах все еще продолжали использоваться «пепельные» алтари.

Заключая свое выступление, Д. Рапп ставит проблему происхождения «строенного» алтаря (включая и его предшественников второй половины VIII в.) и оставляет дилемму «микенская традиция или заимствование с Востока в ранний железный век» без решения. В самом деле, для бронзового века имеется лишь один прецедент такого рода алтарной структуры из цитадели Микен [30]. В то же время подобные культовые платформы (bamah), как показывает археологическое изучение Ленанта, чрезвычайно характерны для ханаанейских религий. Они зафиксированы в Мегиддо, Эн-Геди, Шехеме, Телль Араде и встречаются с ранней бронзы вплоть до эллинистического времени [31]. На заимствование этих культовых платформ греками с Востока указывает вдобавок греческий термин, чаще всего используемый для обозначения алтаря на возвышении — βωμός [32].

Проблема храмового строительства и социальной значимости раннегреческих святилищ анализируется в докладе *К. Роллэ* [33]. Автор останавливается на исторической роли трех крупнейших панэллинских святилищ позднегеометрической Греции — Олимпии, Дельф, Делоса. Культ Зевса Олимпийского в священной роще Альтис на-

[29] *Rupp D. W.* Reflections on the Development of Altars in the Eighth Century B. C. P. 101—107.

[30] *Mylonas G.* Contribution to the Religion of the Achaeans // The Mycenaeans in the Eastern Mediterranean. Nicosia, 1973. P. 101—104.

[31] Сводка письменной традиции и археологических данных содержится в работах: *Albright W. F.* The High Place in Ancient Palestine // Vetus Testamentum (Supp.). Leiden, 1957. IV. P. 242—258; *Vaughaun P. H.* The Meaning of «Bāmâ» in the Old Testament. Cambr., 1974.

[32] *Reisch.* Altar // RE. 1894. Bd II. S. 1663 f.

[33] *Rolley C.* Les grands sanctuaires panhelléniques. P. 109—114.

чинается не ранее 1000 г., по крайней мере, археологический материал (терракотовые и бронзовые статуэтки, треножники) подтверждает эту дату. Святилища Аполлона в Дельфах и на Делосе были основаны, по всей видимости, в конце IX в., что, впрочем, естественно, так как Аполлон — божество молодое и не упоминается в микенских табличках. И тем не менее уже в конце IX в. панэллинский статус всех святилищ быстро укрепляется в связи с началом колонизационной активности эвбейских полисов и Коринфа [34]. Есть даже основания предполагать определенную связь их с доколонизационными плаваниями греков. Это, в частности, подтверждается находками в Дельфах и Олимпии италийского импорта и этрусских шлемов рубежа IX—VIII вв. (с. 111).

Сравнение греческих храмов геометрического времени с микенскими, согласно Роллэ, позволяет выделить кардинальную черту, их отличающую. Микенские храмы всегда находились под контролем правителей, были инкорпорированы в социально-политическую структуру общества. Греческие святилища геометрической эпохи, напротив, обладали не только религиозной, но социально-политической автономией, причем наиболее полной она была у панэллинских святилищ (с. 113—114). Таким образом, автор устанавливает прерывность не только в развитии религиозных культов, но и в социальном статусе храмов.

Феномену странствующих гадателей и заклинателей в Восточном Средиземноморье на рубеже II и I тыс. посвящен доклад *В. Буркерта* [35]. Автор полагает, что греческие прорицатели обнаруживают много общего с заклинателями шумеро-аккадского круга, причем сходство намечается не только в характере и процедуре священнодействий, но и во многих частных деталях. Имя известного жреца Артемиды Мунихии в Афинах — Βᾶρος (Ἄμβαρος) — определенным образом коррелирует с наиболее общим определением аккадских прорицателей — baru. Автор приводит большое число буквальных параллелей из греческих и аккадских легенд и подчеркивает, что он не склонен расценивать все это как простые случайности (с. 116).

Одной из наилучших иллюстраций восточного происхождения искусства гадателей, по мнению Буркерта, является гепатоскопия. Haruspicina получила свое наивысшее развитие в Этрурии в III—II вв., заимствована же она там была в ориентализирующий период, в VII—VI вв.[36] Греческие легенды также достаточно недвусмысленно связывают странствующих прорицателей с Востоком (достаточно вспомнить в этой связи предание о Мопсе и Калханте).

Как в Месопотамии, так и в Греции искусство прорицания переходило от отца к сыну, а их организация могла иметь фамильно-клановый характер, подобно древнейшим организациям врачей (к примеру, Меламподиды и Ямиды). Главное же заключается в том, что это был «способ жизни», определенная «социальная роль в архаическом обществе» (с. 119). В этом смысле прорицателям принадлежит историческая заслуга в области многих заимствований греков с Востока [37]. В VI в., как известно, странствующие иранские маги в свою очередь способствовали формированию ионий-

---

[34] На связь Дельф с Эретрией и Коринфом указал Дж. Колдстрим. В Дельфах имеется обильный коринфский импорт, а эпитет Аполлона — Дафнефорос — указывает на связь Эретрии с Дельфами. Примечательно также, по его мнению, и то, что основные полисные святилища в обоих центрах колонизации были посвящены Аполлону (с. 114).

[35] *Burkert W.* Itinerant Diviners and Magicians: a Neglected Element in Cultural Contacts. P. 115—119.

[36] Уже в начале XX в. А. Буассье усматривал связь шумерского HAR (печень) с этрусским haru(spex). Это, может быть, и так, однако, как справедливо подчеркивает Буркерт, с ассириологической точки зрения бессмысленно, так как у ассирийцев эта идеограмма читалась kabittu (с. 117).

[37] Как подметил в ходе дискуссии Ш. Хиллер, близкие процессы происходили в Элладе и в эпоху поздней бронзы, однако в то время микенцы по большей части контактировали с хеттами (с. 120).

ской космогонии. Прорицатели же, по мнению Буркерта, оказали наибольшее влияние на орфиков.

Проблемы раннегреческой металлургии были подняты в докладах *Р. Фельша* и *К. Килиана* [38]. Авторы анализируют самый разнообразный материал, датируемый второй половиной VIII в.: орудия труда, оружие, бронзовые статуэтки и ювелирные изделия. Доклады объединяет важная мысль, вокруг которой развернулась дискуссия между участниками симпозиума,— теснейшая связь ремесла и храма. На первый взгляд кажущееся сходство во взаимоотношениях храма и ремесленных мастерских в микенское время и геометрическую эпоху носит лишь, как показал К. Килиан, поверхностный характер. В микенский период социально-экономические узы храма и ремесла контролировались государством, а в VIII в. этот контроль вообще отсутствует, хотя ремесло могло существовать в более или менее примитивных условиях при храме (с. 146). С такой постановкой проблемы согласился О. Марри, однако он закономерно поставил вопрос об истоках этого нового типа отношений. По этому поводу сам Марри предлагает две гипотезы: либо храм функционировал в качестве центра обмена, либо раннегреческие наемники подчинялись храму. В пользу второй гипотезы свидетельствуют посвящения со стороны ближневосточных правителей в греческих храмах, а также существование при них ремесленных мастерских по производству оружия. Против нее — археологический материал из святилища в Филиа, поскольку далеко не вся ремесленная продукция была непосредственно связана с храмом [39], кроме того, известны ремесленные мастерские на поселениях Эретрии, Эфесе и Питекуссах (с. 147).

Оригинальную гипотезу выдвинула *Б. Берквист*. Она предположила, что в VIII в. в храмах могли функционировать мастерские, специально предназначенные для производства вотивов, подобно тому как в более позднее время в Греции в святилищах производилась керамика и терракотовые статуэтки для продажи в храмах во время религиозных праздников (с. 147). Однако далеко не весь материал можно трактовать как вотивы, поскольку определенная доля оружия производилась для военных целей.

Интересное наблюдение сделал Р. Хэгг. Он обратил внимание на то, что среди прочих посвятительных предметов в обоих храмах были найдены детали дверей. Это, по его мнению, указывает на то, что весь материал из святилищ — это предметы повседневного пользования. Возможно, что ремесленники посвящали храму первые продукты своего производства (с. 147).

Проблема существования эквивалентов обмена в Греции в VIII в. обсуждалась в докладе *П. Курбена* [40]. Бытует мнение, согласно которому железные четырехгранные прутья из Герайона в Аргосе в связке из шести штук соотносятся с драхмой и имели хождение до появления первых эгинских «черепах». Иными словами, аргосские обелы представляют собой подлинную протомонетарную систему. После недавних находок обелов в варварском некрополе в Понтеканьяно и на Самосе эта идея была отвергнута как «модернизаторская». Обелы стали рассматриваться либо как символ социального статуса (Б. д'Агостино), либо как религиозный знак (А. Фуртвенглер). Согласно Курбену, навязывать обелам символический характер — это изначально упрощать проблему. Очевидно, что обелы могли иметь множество значений, но несмотря на это, протомонетаризм остается их главным назначением. На это недвусмысленно указывает письменная традиция, связывающая реформу Фидона Аргосского по искоренению обелов, с посвящением их храму Геры в Аргосе (Etym. Mag., s. v.

---

[38] *Felsch R. C. S.* Zur Chronologie und zum Stil geometrischer Bronzen aus Kalapodi. S. 123—129; *Kilian K.* Weihungen aus Eisen und Eisenverarbeitung im Heiligtum zu Philia (Thessalien). S. 131—146.

[39] Очевидным подтверждением того, что мастерская все же была связана с храмом в Калаподи, по мнению Р. Фельша, можно считать находки незавершенных предметов вооружения и оружия (с. 147).

[40] *Courbin P.* Obéloi d'Argolide et d'ailleurs. P. 149—156.

ὀβελίσκος). Идею протомонетаризма подтверждают и многочисленные находки обелов от Италии до Кипра именно в слоях позднегеометрического времени, в архаическую эпоху они почти не встречаются. Теория протомонетаризма, очевидно, имеет право на существование, однако из доклада Курбена остается неясным, как мог осуществиться переход от формы примитивного обмена (посредством топоров, треножников, котлов) к протомонетарному.

Выступлению Курбена созвучен доклад *П. Фемелиса* [41]. Автор публикует феноменальную находку, сделанную в ходе раскопок Эретрии в 1980 г.,— клад золотых дел мастера, содержащий набор разнообразных по форме и весу золотых и электровых брусочков, деформированных ювелирных изделий. Он был аккуратно сложен в скифос эретрийского производства конца VIII в. и сокрыт под полом у стены в одном из помещений поселения. Общий вес всех изделий составил 510 г. Что заставило мастера спрятать все эти предметы и не вернуться к ним впоследствии, остается неясным. Это, однако, очень напоминает, по мнению автора, ситуацию конца XIII в., когда разнообразные клады орудий труда и прочих предметов из ценных металлов были сокрыты в микенских цитаделях.

Важно подчеркнуть, что в настоящем кладе присутствуют все базовые элементы античного златокузнечества — кусочки чистого металла и полуфабрикаты в разных стадиях обработки. Особый интерес представляют те изделия, которые в той или иной степени могут быть расценены не столько как полуфабрикаты, сколько как примитивные эквиваленты обмена. Так, наиболее крупный золотой брусок (весом 112 г) по форме напоминает бронзовые и медные слитки конца II тыс., которые, как известно, имели хождение в качестве средства обмена; 13 слиточков (два целых и 11 половинчатых), круглых и приплюснутых молоточком, также по форме чрезвычайно напоминают монеты толщиной от 0,2 до 0,4 см (с. 161) [42], и т. д.

Наибольшее число золотых изделий «темных веков» было найдено при раскопках Лефканди и его некрополей. Импортных изделий там мало и почти все сделаны на самом поселении; образцы лефкандийского производства известны лишь в период с 1100 по 825 г., что было после этого — оставалось загадкой. Фемелис полагает, что с конца IX в. [43] златокузнечество Лефканди перекочевывает в Эретрию (с. 165).

Раздел, посвященный демографическим проблемам, открывается статьей *А. М. Снодграсса* [44]. В ней содержатся два самостоятельных очерка, частично уже опубликованных автором [45]. В первом очерке «Размеры Лефканди» Снодграсс пытается определить демографическую ситуацию в «темные века» на примере археологически наиболее изученного поселения этого времени в центральной части Эвбеи. Уникальность материалов из Лефканди, кроме того, заключается еще и в том, что это пока единственное поселение с синхронным некрополем для всей Греции X—IX вв.

Учитывая раскопанные и нераскопанные части некрополей Лефканди, автор приходит к выводу о том, что основное поселение в «темные века» имело общину, единовременно насчитывающую не более 100—200 членов, в малых же поселениях общая численность населения могла быть и того меньше. Этот демографический барьер был преодолен лишь в позднегеометрическое время, когда наметился демографический рост (с. 171).

Второй очерк посвящен демографической ситуации в Афинах в конце VIII в. В одной из предыдущих работ Снодграсс пришел к заключению, что на протяжении

---

[41] *Themelis P. G.* An 8-th Century Goldsmith's Workshop at Eretria. P. 157—165.

[42] А. Джонстон полагает, что слитки этого типа выполнены в стандартной эвбейской системе веса драгоценных металлов (с. 165).

[43] Традиционно считалось, что Эретрия была основана в начале VIII в., однако последние археологические исследования на поселении показывают, что нижние его слои относятся к середине IX в. (с. 157).

[44] *Snodgrass A. M.* Two Demographic Notes. P. 167—171.

[45] *Snodgrass.* Archaeology... P. 11—14; *idem.* Archaic Greece... P. 18—23.

X — первой половины VIII в. население Аттики в количественном отношении почти не изменялось, однако во второй половине VIII в., начиная приблизительно с 760 г., произошел ошеломляющий рост населения — почти в пять раз по сравнению с первой половиной VIII в. Этот тезис Снодграсса базировался на подсчете общего количества погребений в одно поколение [46]. Используя тот же материал, Дж. Кэмп приходит к совершенно противоположным выводам. Так, где Снодграсс видит демографический рост, он постулирует рост смертности, вызванный сильной засухой [47]. В целом не принимая выводы Кэмпа, Снодграсс признает, что один из поставленных им вопросов представляет проблему, которая на сегодняшнем уровне знаний остается неразрешимой — если в Аттике действительно наблюдался такой значительный рост населения во второй половине VIII в., то чем объяснить столь же значительный его спад в первой половине VII в.?

Снодграсс приводит ряд контраргументов тезису Кэмпа в данном вопросе. Засуха, длящаяся на протяжении жизни двух поколений, почти невозможна; вследствие засухи выросла бы прежде всего детская смертность, что археологически не подтверждается. С другой стороны, рост населения наблюдается и в Аргосе того времени, а это были два наиважнейших центра Эллады, не участвовавших на ранних фазах в колонизации. Наконец, подмечает Снодграсс, прежде чем умереть, люди должны были родиться (с. 170).

Принимая в целом аргументацию А. Снодграсса, хотелось бы высказать некоторое несогласие с его выводами, и прежде всего о демографической ситуации в Лефканди. Действительно, численность греческой общины «темных веков» может и не превышать 100—200 человек. Однако этот вывод может касаться практически всех известных греческих поселений этого времени, кроме Лефканди. Уникальность Лефканди как раз и заключается в том, что кроме сплошной непрерывности в его обживании с микенского времени до VIII в. Лефканди как наиболее значительное поселение Центральной Эвбеи поддерживал морские связи с Востоком и Западом на всем протяжении XI—VIII вв. Причем керамика центральноэвбейского производства встречается в очень значительном числе восточносредиземноморских центров и свидетельствует о присутствии там самих эвбейцев. С другой стороны, нельзя исключать возможность того, что определенная доля лефкандийцев могла проживать в соседних поселениях — Халкиде и Эретрии. Последняя вообще, как кажется, могла быть основана выходцами из Лефканди. Иными словами, простой демографический подсчет в применении к Лефканди наталкивается на значительные сложности социально-политического порядка.

Теперь о демографическом росте Афин во второй половине VIII в. Еще в своей инаугуральной лекции А. Снодграсс приводил материал по численному росту населения Афин на протяжении X—VIII вв. Поскольку невозможно дать абсолютные цифры, то автор оперирует общим количеством погребений в одно поколение. Средняя продолжительность жизни одного поколения в данном случае принимается им за 30 лет. По материалам раскопок на 1976 год [48] получается, что с 1050 по 760 г. численность населения почти не меняется, а за какие-то 60 лет оно увеличивается почти на 500%. Подобный рост, как кажется, не объясним чисто демографическими причинами. Трудно вывести этот рост из революционного скачка в производстве, который, согласно Снодграссу, мог обеспечить поддержание жизни большего числа населения на меньшей территории [49]. Причины, видимо, не столько экономического, сколько социального порядка. Во второй половине VIII в. Афины оформляются в социально-политический центр Аттики и постепенно приобретают урбанистический облик. Население, возможно, мигрирует в город. Материал, собранный Снодграссом, блестяще

[46] *Snodgrass.* Archaeology... P. 21—23.
[47] *Camp J. McK.* A Drought in the Late Eighth Century B. C. // Hesperia. 1979. 48. P. 398—411.
[48] *Snodgrass.* Archaeology... P. 12.
[49] Ibid. P. 14.

иллюстрирует модель аттического синойкизма, о котором писал еще Фукидид (II, 15), и в этом смысле справедливее говорить о росте населения лишь Афин (за счет внешнего фактора), а не Аттики в целом.

Социально-демографический анализ продолжил в своем докладе *Д. У. Скиларди* [50]. Его сообщение было построено на базе археологических исследований, которые ведутся в северо-восточной части острова в районе залива Науса с 1969 г. Поселение Кукунарис является наиболее значительным в этой части острова. Расцвет Кукунарис выпадает на позднегеометрический период, когда возводятся основные жилые и культовые сооружения. Основным занятием поселенцев было земледелие и скотоводство. Возможно, жители были вовлечены в раннегреческое морское дело. Вплоть до последней четверти VIII в., пока не был выработан самостоятельный стиль, в керамике наблюдается сильное влияние Афин.

Главная проблема, вытекающая из раскопок поселения Кукунарис,— это причины, по которым оно было заброшено на рубеже VIII—VII вв. или в первой четверти VII в. Никаких следов разрушения обнаружено не было. Автор подчеркивает, что запустение поселения укладывается в цепочку аналогичных явлений. Приблизительно в это же время забрасываются Лефканди, Загора на острове Андрос и «позднегеометрическое» поселение на острове Донусса. Гипотезы о землетрясении, засухе, нарушении в поступлении пресной воды, как и другие природные факторы, автор отбрасывает, поскольку отсутствуют даже косвенные на них указания (с. 182), и считает, что причина кроется во внутренней миграции населения в основную метрополию острова. Парос к тому времени постепенно превращается в город и становится основным политическим центром острова (с. 183). Демографическая ситуация на острове в конце VIII в. напоминает рассмотренную выше модель аттического синойкизма.

Выяснению вопросов организации врачевания и принципов фармакологии гомеровской медицины посвящен доклад *Х. Дзавилла-Ивьен* [51]. Автор считает, что врачевание в гомеровское время тесно связано с семейными традициями, на что, в частности, указывает преемственность Аполлон — Асклепий — Махаон — Подалерий. Врач имел высокий общественный престиж и, подобно прорицателям и оружейникам, зачастую приглашался издалека (с. 185). По мнению автора, анатомические знания в гомеровскую эпоху в основном накапливались по тем частям тела, которые чаще поражались ранениями. Религиозно-культовые ограничения тем не менее мешали развитию медицинского эксперимента (с. 186). К основным фармакологическим средствам она относит лук, масла, мед, шафран, теплую воду, а также вино, бактерицидные свойства которого были известны гомеровским врачам. Археологически для начала I тыс. фиксируется импорт в «бутылках» кипро-финикийского образца масел и мазей. Очень возможно, считает Дзавилла-Ивьен, что уже в эту эпоху с Востока импортировался опиум, используемый в целях анестезии (с. 188).

Специфический тип культовых строений, обнаруженный на территории некрополя Асины в Восточной Арголиде, был рассмотрен во втором докладе *Р. Хэгга* [52]. Эти строения представляют собой круглые в плане (диаметром до 2 м) каменные сооружения и имеют много аналогий в Трое, Милете, Нихории (Мессения). Все они датируются IX — VIII вв. Отсутствие следов огня исключает гипотезу об их назначении в качестве очагов. Напротив, концентрация «питьевой» керамики (скифосы, канфары, ойнохои), а также большое количество костей животных натолкнули исследователя на мысль об их ритуальном предназначении. Распространение такого рода культовых строений в Греции именно в геометрическую эпоху обусловливалось, по мнению Хэгга, двумя взаимосвязанными процессами: 1) значительным усилением культа предков в идеологии VIII в., особенно в связи с погребальной процедурой; 2) возросшим интересом к

[50] *Schilardi D. U.* The Decline of the Geometric Settlement of Koukounaries at Paros. P. 173—183.

[51] *Tzavella-Evjen H.* Homeric Medicine. P. 185—188.

[52] *Hägg R.* Funerary Meals in the Geometric Necropolis at Asine? P. 189—193.

«героическому прошлому», нашедшим отражение в усилении культа героев (с. 193). Проанализированные Хэггом каменные круги скорее всего были связаны с процедурой погребального возлияния в честь умершего, получившей впоследствии широкое распространение в классическую эпоху (χοή). Первоначально же она была связана еще с ритуальной едой и питьем. Автор категорически высказывается против того, чтобы расценивать эти строения как столы, поскольку место вокруг них очень незначительно, они скорее сооружались как постаменты для установки треножников или котлов.

Анализ древнего «симпозиума» как инструмента социального контроля был предпринят в докладе О. Марри [53]. Об общественной значимости в Греции этого типа социальной организации свидетельствует хотя бы тот набор терминов, которыми он обозначался. По мнению Марри, συμπόσιον обозначает определенную «группу людей, подчеркивающих свое единство через ритуальную процедуру» (с. 196). Гомеровская ἑταρεία, по Марри, не объединяла людей кровными или брачными узами, но тем не менее эти связи могли передаваться по наследству.

Архаические «симпозиумы», как отмечает Марри, вырастают из гомеровских «пиров». Но поскольку в это время происходят значительные социальные сдвиги в обществе — переход от аристократически организованной армии к гоплитской, аристократический образ жизни уже не вписывается в новую социальную структуру. «Симпозиум» превращается в своеобразный способ эскапизма и сохраняет лишь развлекательные функции. Это подчеркивалось введением многих восточных привычек, в частности заменой сидячего положения на возлежание. И тем не менее в дорийских полисах «симпозиум» продолжает сохранять в себе некоторый социальный смысл (с. 198). В ходе дискуссии по докладу Марри некоторыми специалистами была высказана гипотеза, согласно которой «симпозиум» как форма социальной организации мог сформироваться уже в микенское время (Ш. Хиллер, И. Шэфер) и эволюционировать на всем протяжении «темных веков» (Б. Боген).

С заключительным докладом выступил *Дж. Н. Колдстрим* [54]. Раннегреческая керамика, по мнению автора, перемещалась в Средиземноморье по многим причинам. Это могли быть торговые соображения, когда сосуд представлял самоценность своей привлекательностью. Если это были закрытые формы сосудов, то торговля велась скорее их содержимым — вином или маслом. В конце VIII в. греки-колонисты везли с собой необходимую керамическую утварь — это еще одна причина заморских находок греческой керамики. Наконец, в VIII в. керамические сосуды наряду с бронзовыми становятся предметами приношений в панэллинских святилищах. Колдстрима же интересует лишь один вид среднегеометрической посуды — аттические кратеры и амфоры, а также их эвбейские имитации — распространение которого не объяснимо ни одной из вышеперечисленных причин.

Сосуды этого типа встречаются не просто в рядовых центрах, а в средиземноморских столицах: Саламин и Амафунт на Кипре, Кносс на Крите, Самария, Тир, Хама на левантийском побережье и даже Уэльва в Испании (с. 203). Среднегеометрическая аттическая керамика этого типа была высокого качества и по уровню художественного исполнения не имела себе равных во всем Средиземноморье того времени. В Афинах она была доступна лишь высшим слоям аттической аристократии, являясь необходимым компонентом аристократических симпозиумов и церемониальных погребальных ритуалов. В Афинах она пока обнаружена лишь в погребениях. Однако неясно, как она могла попасть в другие районы Средиземноморья и о каких контактах могут свидетельствовать ее находки.

Колдстрим полагает, что все находки среднегеометрической аттической керамики свидетельствуют о «дарах» греков средиземноморским правителям, в хороших отношениях с которыми они были заинтересованы. Совершая подобные дары, греки могли иметь

[53] *Murray O.* The Symposion as Social Organisation. P. 195—199.
[54] *Coldstream J. N.* Gift Exchange in the Eighth Century B. C. P. 201—206.

вполне определенные цели. К примеру, благорасположение со стороны правителя Новохеттского государства в Северной Сирии Хамата могло обеспечить грекам доступ к рынкам металлов в Месопотамии (с. 206). Эта гипотеза не подтверждается данными гомеровских поэм. Дело в том, что практика аристократических даров хорошо засвидетельствована для гомеровских героев, однако они обменивались преимущественно бронзовыми котлами. Археологического подтверждения этому факту пока еще нет — котлы обнаружены лишь в панэллинских святилищах. По мнению Колдстрима, престижная аттическая керамика вполне могла заменить на каком-то этапе раннеархаические котлы.

В дискуссии по докладу Г. Фурухаген подчеркнул, что в дружеских отношениях с правителями прежде всего были заинтересованы греческие торговцы, ибо они более чем другие нуждались в пристанищах для пополнения запасов еды и пресной воды, поскольку совершали далекие морские путешествия. Поэтому именно они могли прибегать к практике дружественного дарения (с. 207).

Идея Колдстрима об «обмене дарами» подтверждается многочисленными историко-этнографическими примерами. В исследованиях по примитивным формам торговли дар зачастую рассматривается как одна из разновидностей натурального обмена и нередко носит обязательный характер [55]. В этом смысле с Колдстримом можно согласиться, однако из поля зрения исследователя выпал не менее важный вопрос о носителях этой керамики. Как было подмечено им же, среднегеометрическая аттическая керамика вряд ли распространялась собственно афинянами, но тогда кем же? Если обратиться к археологическому контексту находок, то обнаруживается определенная закономерность: аттические кратеры встречаются с эвбейскими суб-протогеометрическими сосудами (главным образом скифосами с концентрическими нависающими полукружиями). Заморская активность эвбейцев в VIII в. неоднократно подчеркивалась самим же Колдстримом [56]. Не случайно, видимо, во второй половине VIII в. налаживается эвбейская имитация аттической керамики, которая в свою очередь во второй половине VIII в. получает широкое распространение в средиземноморских центрах [57]. Если аттическая керамика действительно приносилась в качестве дара, то скорее всего эвбейскими торговцами.

Симпозиум завершился расширенной дискуссией по основным проблемам греческого ренессанса. Кардинальной, как выяснилось, оказалась проблема причинности феномена. Были высказаны достаточно разноречивые версии на этот счет, причем многие исследователи, вкладывающие неоднозначный смысл в само понятие ренессанса, сошлись во мнении об особой важности внешнего фактора. По мнению Э. Коппа, греческий ренессанс был подчас искусственным возрождением «героического прошлого» греков как реакция на все усиливающееся влияние Востока, начавшуюся колонизацию и крутые демографические взлеты. Не меньше разногласий среди участников симпозиума обнаружилось по вопросу о характере ренессанса. В значительной степени эти разногласия диктовались амбивалентностью аргументации, хотя, как подчеркнул Б. Дитрих, причины разногласий коренятся скорее в разных подходах к проблеме (историческом, ар-

---

[55] Впервые в виде законченной теории идея об обмене «дарами» была сформулирована М. Моссом еще в 20-е годы (*Mauss M.* Essai sur le don. Forme archaique de l'échange // Année sociologique. 2. sér. 1925. 1). Свое развитие она получила в трудах К. Поланьи, который, в частности полагал, что обмен между примитивными коммунами в условиях доконкурентной торговли ведется в специфических формах типа «экспедиционной» торговли, «торговли-дара» (gift trade), «церемониальных» встреч и других видов «торговли вождей» (*Polanyi K.* Ports of Trade in Early Societies // The Journal of Economic History. 1963. XXIII. № 1. P. 30—32).

[56] *Coldstream J. N.* Greek Geometric Pottery. L., 1968. P. 422—424; *idem.* Cypro-Aegean Exchange in the 9-th and 8-th Centuries B. C. // Praktica tou protou Diethnous Kyprologikou Synedriou A. Nicosia, 1972. P. 15—22; *idem.* Geometric Greece. P. 93—95.

[57] *Coldstream* Geometric Greece. P. 94; *Riis P. J., Sukas I.* The North-East Sanctuary and the First Settling of Greeks in Syria and Palestine. København, 1970. P. 146—148.

хеологическом, искусствоведческом, компаративном, религиеведческом, филологическом и т. д.). В результате определились две основные позиции в вопросе о преемственности в истории древней Греции — концепции континуитета и дисконтинуитета. Несмотря на противоположность этих позиций, все участники симпозиума согласились с тем, что ренессанс не следует рассматривать как простое возрождение «героического прошлого», по сути своей он креативен (с. 210). Под маской возрождения происходили глубинные социально-экономические процессы в недрах греческого общества: демографические сдвиги, оформление протомонетарного обмена, начало колонизационного движения и главное — становление полиса.

А. Ю. Согомонов

L. Winniczyk. Ludzie, zwyczaje, obyczaje starożytnej Grecji i Rzymu. Warszawa: Panstwowe wydawnictwo naukowe, 1983. 763 s.

Популяризация античности всегда занимала одно из важных мест в польской научной литературе [1]. В последнее десятилетие в ПНР издан ряд солидных пособий и справочных изданий по античной культуре [2]. Новая книга профессора Лидии Винничук «Люди, нравы, обычаи древней Греции и Рима» является заметным вкладом в польское антиковедение. Ее обобщающий труд написан на основании глубокого изучения источников и анализа обширной литературы.

Книга состоит из 35 разделов и включает такие вопросы античной культуры, как географическая и хозяйственная структура полисов, природа, животноводство и охота, коммуникация и путешествия, монетное дело, календарь, семья, имена, образование, книга в античности, медицина, еда, отдых, погребальные обряды, жречество, зрелища и праздники в древней Греции и Риме. Изложение материала насыщено цитированием текстов античных авторов, а также иллюстрациями памятников материальной культуры. Существенным дополнением к ним являются таблицы, например о количестве населения в Элладе (с. 15), о римских акведуках(с. 47), о древнегреческой системе календарей (с. 174), о римском календаре и синхронизации греко-римского летосчисления (с. 192—194), о библиотеках в древнем мире (с. 330) и пр. Книга снабжена обширным списком литературы (с. 721—733) и указателем (с. 734—755).

Руководствуясь понятием культуры как совокупности достижений человечества в общем историческом развитии или в определенную эпоху, как степени совершенства и четкости в овладении какой-либо специальностью, искусством и т. п., автор исходит из тезиса о гуманности античной культуры с присущими ей различными оттенками (с. 7) [3]. Справедливы замечания исследовательницы о преемственности культуры в древнем мире, о ее диалектическом развитии, находящемся в неразрывной связи с самим обществом и его развитием. Однако, апеллируя к суждениям Аристотеля и Платона о

---

[1] *Winniczuk L.* Die Popularisierung der klassischen Altertumswissenschaft in Volkspolen// Aus der altertumswissenschaftlichen Arbeiten Volkspolens. Hrsg. von J. Irmscher, K. Kumaniecki B., 1959. S. 143—154.

[2] *Kumaniecki K.* Historia kultury starożytnej Grecji i Rzymu. Wyd. 2. Warszawa, 1965; *Jurewicz O., Winniczuk L.* Starożytni Grecy i Rzymianie w życiu prywatnym i państwowym. Warszawa, 1968; Mała encyklopedia kultury antycznej. A.— Z. Red. Zd. Piszczek. Warszawa, 1968; Mały słownik kultury antycznej. Grecja. Rzym. Pod red. L. Winniczuk Wyd. 2. Warszawa, 1976; *Świderkówna A.* Hellenika. Wizerunek epoki od Aleksandra do Augusta. Warszawa, 1978; *eadem.* Życie codzienne w Egipcie greckich papirusów. Warszawa, 1983.

[3] Ср. *Голубцова Н. И.* О понятии «культура» в эпоху античности // ВИ. 1971, № 7. С. 81—93.

роли личности как носителя культуры в обществе, Л. Винничук обошла вниманием характеристику античной культуры, данную классиками марксизма-ленинизма, проливающую свет на многие аспекты рассматриваемой проблемы [4].

В целом книгу отличают глубокая эрудиция, простота и доступность в изложении материала, что делает ее полезной не только для специалистов, но и для широкой читательской аудитории. Очень ценны, на наш взгляд, в разделе о географической и хозяйственной структуре Эллады данные о территории древнегреческих полисов, таблица о населении Афин, Спарты и Беотии в V—IV вв. до н. э., о полезных ископаемых в древней Греции (с. 12—24); в другом, аналогичном разделе о древнем Риме автор стремится показать подобие и отличие в развитии античных государств (с. 25—34), однако четкой географической картины, включая и гидробиологическую, в них не дано. Отсутствуют в этих разделах и экономические характеристики полисов; например, в древней Греции: Спарта как ярко выраженный тип аграрного полиса. Афины — аграрно-ремесленного, Коринф — торгово-ремесленного, Милет — аграрно-ремесленного со своей спецификой. В разделе о хозяйственном развитии Рима не представлена четкая картина роста его территории. Наконец, в обоих разделах, как и в последующих, нет хронологических рамок в изложении и анализе материала.

Раздел «Природа и человек» (с. 35—72) состоит из нескольких подразделов («Вода на службе человека», «Огонь», «Катастрофы»). Ценными в нем являются рассуждения о важности мелиорации для хозяйственной жизни древних, экскурс о пожарах и пожарных командах в древнем Риме. Говоря о светильниках и системе гипокауста, следовало бы дать их иллюстрации [5]; в подразделе о вулканах ничего не сказано об Этне, о вулкане на о-ве Фере (Санторин) [6]. С интересом читаются разделы о коммуникации и путешествиях в древней Греции и Риме (с. 92—154). Уместно в нем было бы упомянуть о путешествиях Гекатея, Геродота, Солона и др., рассказать о торговых связях Эллады с античными городами Северного Причерноморья. Материал о дорогах в Риме и провинциях можно было значительно расширить, используя, например, данные о Карпато-Дунайском регионе.

Читателя не оставят равнодушным разделы об античных именах (с. 262—270). Возможно, следовало бы в них объяснить значение некоторых имен, заимствованных у других народов, имен рабов и вольноотпущенников. В разделе о книге и письме в древней Греции пропущена информация о линейном письме *А* и *Б*, о Фестском диске, вызывающем интерес у широкой публики, о видах эпистолярного письма. Раздел о погребальных обрядах Эллады (с. 448—462) выиграл бы при наличии в нем материала о гробницах и эпитафиях, так же как и аналогичный раздел о древнем Риме следовало бы дополнить очерком об этрусках (с. 463—483). Раздел о жречестве в древней Греции (с. 484—487) касается преимущественно одних Дельф.

Неоправданно также в книге наличие двух случайных карт (с. 102, 139) при отсутствии карты Средиземноморья. В списке литературы отсутствуют многие работы советских исследователей по античной культуре и идеологии 60—70-х гг. Разделы по культуре Рима написаны по сравнению с разделами об Элладе значительно шире и глубже.

Высказанные пожелания отнюдь не умаляют научной ценности книги Л. Винничук, которую с пользой прочтут специалисты и все, кто интересуется античным культурным наследием.

И. А. Лисовой

---

[4] *Шофман А. С.* Маркс, Энгельс, Ленин об античном обществе. Казань, 1971. С. 40—50, 78—85, 115—128.

[5] Ср. *Press L., Parnicki-Pudełko S.* System ogrzewania budowli w rzymskim mieście Novae // Meander. 1981. № 5. S. 237—248.

[6] *Łoposzko T.* Egejskie Pompeje // Meander. 1976. № 4. S. 131—143.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

IV ВСЕСОЮЗНЫЙ СИМПОЗИУМ ПО ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

26—30 сентября 1985 г. в городах Цхалтубо и Вани Грузинской ССР был проведен IV Всесоюзный симпозиум по древней истории Причерноморья на тему «Местные этнополитические образования Причерноморья и их взаимоотношения с греческим миром в VII—IV вв. до н. э.». Симпозиум был организован Институтом археологии и Институтом всеобщей истории АН СССР и Центром археологических исследований Института истории, археологии и этнографии им. И. А. Джавахишвили АН ГССР. В работе симпозиума приняли участие свыше ста ученых из разных городов СССР — Москвы, Ленинграда, Тбилиси, Кутаиси, Севастополя, Чернигова, Сухуми, Батуми, Владимира, а также ученые из Румынии, Болгарии, Чехословакии, ГДР, Франции, Италии, Испании, ФРГ, США.

Открытие симпозиума состоялось в зале заседаний Гелатской Народной академии (Гелати — храмово-архитектурный комплекс XII в.) Участников симпозиума приветствовал руководитель Центра археологических исследований, профессор О. Д. Лордкипанидзе. На первом пленарном заседании выступили гости симпозиума. *Э. Лепоре* (Италия) в докладе «Греки и „туземцы" в древней Южной Италии» рассмотрел вопрос об «эллинизации» различных народностей Южной Италии. В обществах, существовавших здесь к приходу греков, отметил автор, насильственное завоевание земли и образование организованной территории привели в некотором смысле к задержке развития, порождая некую контрастирующую картину, с одной стороны — «пустынной» или «необитаемой земли», которую в конце концов сделали плодоносной, а с другой — процесса распространения в среде местных жителей привнесенной цивилизации вплоть до полной их «эллинизации».

В докладе «Мегара Гиблея и Сикулы» *Дж. Грейгм* (США) коснулся вопроса об истории колонизации фокейскими греками Гиблейской Мегары на острове Сицилия. Основываясь на сообщениях древнегреческих авторов (Геродота, Полиэна, Страбона, особенно Фукидида как наиболее достоверного), а также используя новейшие археологические данные Б. Брея, автор рисует картину сложных взаимоотношений греческих поселенцев и местных жителей сицилийских городов, принимавших в отдельных случаях характер столкновений и насильственного захвата чужих земель. В работе дается уточненная хронология основания сицилийских городов Наксоса и Сиракуз, а также поселений в Леонтине и Катане. Основание Гиблейской Мегары произошло, по мнению Грейэма, в 728 г. до н. э.

Ян Боузек (Чехословакия) в докладе «Зоны влияния греческого искусства на Балканах в VII—IV вв. до н. э.» пришел к заключению, что существовало несколько художественных зон, испытавших художественное воздействие Греции и ее колоний: 1) области около греческих центров, где художественные запросы удовлетворялись греческими произведениями искусства; 2) районы, где греческие мастера вынуждены были приспосабливаться к местным вкусам, а местные ремесленники работали в тесной зависимости от греческого искусства (Фракия, Иберия, Скифия); 3) области, где греческое искусство было мало известно и развивались автономные художественные школы; 4) области, где были распространены лишь орнаментальные и декоративные мотивы.

В докладе *П. Александреску* (Румыния) «Геты, скифы и истрийская хора в архаическую эпоху» речь шла об археологических находках в этом регионе и приводились новые данные о возникновении истрийской хоры, о проникновении истрийцев на территорию гетов и об их связях со скифами.

Вечернее заседание было посвящено проблемам древней истории города Кутаиси. *О. И. Ланчава* (Кутаиси) представил доклад «Раннесредневековые сооружения города Кутаиси». На выставке Кутаисского государственного историко-этнографического музея *Л. Джикия* (Кутаиси) ознакомил участников конференции с докладом «Археологи-

ческие памятники города Кутаиси и его окрестностей». *О. Д. Лордкипанидзе* (Тбилиси) выступил с докладом «К вопросу о первом упоминании Кутаиси в источниках». На основе анализа и сопоставления данных античной письменной традиции (Аполлония Родосского, Гекатея Милетского, Псевдо-Скилака, Ликофрона, Каллимаха и др.) он отнес первое упоминание Кутаиси к 20-м годам VI в. до н. э., а начальный период истории города — к VII—V вв. до н. э. По его мнению, эта дата совпадает со временем возникновения и формирования в Колхиде городов в качестве религиозных, экономических и культурно-административных центров. Благодаря выгодному географическому положению Кутаиси, который греческие источники именуют городом Айэта, становится главным центром Колхиды. В последовавшей затем дискуссии приняли участие Н. Ю. Ломоури, О. Д. Лордкипанидзе, акад. Б. Б. Пиотровский, П. Левек, Я. Боузек, П. Александреску.

Следующие заседания симпозиума проходили по трем секциям (Западное Причерноморье, Северное Причерноморье, Восточное Причерноморье).

Западное Причерноморье. В докладе «Фракия-Понтика и ее взаимоотношения с греческим миром в XII—IV вв. до н. э.» *В. Велков* (Болгария) дал обзор взаимоотношений фракийских племен, населявших юго-восточную часть балканских земель, с греками. По его мнению, они характеризовались оживленными торговыми и политическими связями гетов, одрисов, тинов и других народностей, говоривших на родственных диалектах фракийского языка, с греческими городами, чему в огромной степени способствовали условия расселения эллинов по берегам Эгейского и Черного морей. Именно морские связи, значительно более ранние, чем легенда об аргонавтах, привели к возникновению многочисленных греческих колоний, смешанных поселений и городов по берегам Черного моря, свидетельством чего служат многие известные науке топонимы этой эпохи. С докладами выступили также *М. Лазаров* (Болгария) — «Фракийцы Западного Понта и греческий мир. Экономические и культурные связи в VII—V вв. до н. э.», *П. Левек* (Франция) — «Местное население средиземноморской Галлии». В обсуждении докладов приняли участие Д. Б. Шелов, Ф. В. Шелов-Коведяев, М. Ю. Трейстер, Н. Л. Грач, А. И. Мелюкова, П. Александреску, М. Лазаров, Я. Боузек, Дж. Грейэм.

Северное Причерноморье. Среди докладов, посвященных проблемам Северного Причерноморья, интерес вызвал доклад *А. И. Мелюковой* (Москва) «Народы Северного Причерноморья накануне и в период греческой колонизации». Автор подчеркнула, что древнейшим населением юга Восточной Европы, название которого дошло до нас в передаче древних авторов, были киммерийцы, которые к моменту греческой колонизации северных берегов Понта, очевидно, уже ассимилировались со скифами. Считалось, что на настоящем уровне знаний нет возможности разделить известные ныне памятники VIII—VII вв. до н. э. на киммерийские и древнейшие, скифские. Это объясняется тем, что оба народа имели одинаковый бытовой и хозяйственный уклад и близкий уровень социального развития. Глубокий анализ как старых, так и новых материалов позволяет, однако, уточнить датировку памятников и время сложения скифской культуры, выяснить сходство и различия между скифскими, меотскими и кобанскими древностями Северного Кавказа. Сопоставление памятников древнейшей скифской культуры в Северном Причерноморье и на Северном Кавказе показало, что они появляются одновременно около середины VII в. до н. э. (т. е. до окончания скифских походов в Переднюю Азию), но лишь во второй половине VI и в V в. до н. э. скифское общество достигло того уровня развития, который может быть назван или последней ступенью военной демократии, или примитивным государственным образованием.

В докладе *А. Н. Щеглова* (Ленинград) «Тавры в VII — первой половине IV в. до н. э. и греко-таврские взаимоотношения» говорилось, что происхождение термина «тавры», вероятно, надо связывать с ионийскими греками, первыми столкнувшимися с обитателями горного побережья Южного Крыма на начальном этапе колонизации северных берегов Понта или в предколонизационных плаваниях. Античная литературная традиция локализует тавров в Крымских горах и характеризует их как независимые, типично горские племена, объединенные общим названием по укладу жизни; у них довольно низкий уровень общественного развития, застойные и экстенсивные по сравнению с греческими формы ведения хозяйства (яйлажное скотоводство, примитивное земледелие, а также набеги и пиратство). По мнению многих исследователей, таврам соответствует локализованная в горном Крыму кизил-кобинская культура. На основе всех опубликованных материалов А. Н. Щеглов пришел к выводу, что в пределах Крымского полуострова в настоящее время достаточно определенно фиксируются три археологические культуры: культура греческих политических образований, северопричерноморская степная скифского времени и культура памятников кизил-кобинского типа.

По мнению *И. С. Каменецкого* (Москва), которое он изложил в докладе «Меоты и греческая колонизация», меоты не искали контактов, но шли на них, поскольку

эпизодические посещения греков не затрагивали существенно их образа жизни и не требовали изменений в хозяйственной сфере. Население Черноморского побережья вступило в тесные отношения с греками, по-видимому, уже в VI в. до н. э., в IV в. до н. э. втянутыми в регулярную торговлю оказались и меоты глубинных районов. В докладе *Г. Мансфельда* (ФРГ) «К периодизации скифских курганных погребений» была представлена систематизация материалов скифских курганных захоронений, что дало возможность произвести относительно точную их датировку. На этом же заседании было заслушано сообщение *А. К. Коровиной* (Москва) «Новые находки Гермонасской археологической экспедиции». В дискуссии по докладам выступили А. Г. Загинайло, А. А. Зедгенидзе, Д. С. Раевский, А. В. Подосинов, Ф. В. Шелов-Коведяев, Ж.-П. Морель, Ю. Н. Воронов, В. И. Козенкова, В. Б. Ковалевская, Э. В. Яковенко, А. Н. Щеглов и др. По проблеме контактов апойкий и местных этно-политических образований выступил Я. В. Доманский, зачитав доклад, написанный совместно с Ю. Г. Виноградовым и К. К. Марченко и существенно дополнивший доклад А. И. Мелюковой.

Восточное Причерноморье. Совместный доклад «Колхида в VII—IV вв. до н. э.» представили *О. Д. Лордкипанидзе* и *Т. К. Микеладзе* (Тбилиси). Начало процесса политической консолидации колхских племен на территории нынешней Западной Грузии, по мнению авторов, нашло отражение в однородной, компактной и территориально четко очерченной материальной культуре эпохи поздней бронзы, начало которой датируется XVI—XV вв. до н. э. С VIII в. до н. э. в урартских источниках фигурирует сильное государство под названием «Колха» или «Кулха». Страна делилась на территориально-административные единицы — скептухии, однако, как подчеркнули докладчики, скептухии были лишь одной ступенью иерархической лестницы в управлении страной колхов, во главе которой стоял царь. Основными производителями материальных благ являлись свободные общинники, роль рабов-пленников в производстве была ничтожна. В докладе было дано описание земледельческих поселений Колхиды, засвидетельствованных на искусственных холмах; дома строились из дерева, были четырехугольной формы, называли их джаргвали. О высоком уровне развития земледелия свидетельствуют частые находки сельскохозяйственных орудий (мотыг, лемехов, серпов). Археологические материалы указывают также на высокую развитость ремесленного производства (гончарное производство, златокузнечество). Земледелие и скотоводство влияли на становление идеологических воззрений народа: все культы колхов сводятся к обожествлению явлений и категорий, связанных с этими занятиями и носящих в себе идею плодородия.

В докладе «К истории местного населения Юго-Восточного Причерноморья» *Т. К. Микеладзе* показал, что местное население Юго-Восточного Причерноморья в VI—V вв. до н. э., в большинстве случаев раздробленное на отдельные племена, в этническом отношении было однородно, чего нельзя сказать об уровне развития племен. После падения владычества хеттов мушки-мосхи, тубалы-тибарены и халибы-халды стараются обрести более высокие формы консолидации, принимают активное (но не до конца уясненное) участие в формировании хеттизированных государств Малой Азии постхеттского периода. Со временем происходит ассимиляция продвинувшихся далеко на запад и юго-запад табальско-тибаренских, мушкско-мосхских и халибо-халдских племен; в новом окружении они теряют свой первоначальный этнический облик, сохраняет его лишь их часть, оставшаяся на севере,— мосхи, тибарены и халибы.

В докладе *Х. М. Бласкеса* (Испания) «Греки на Иберийском полуострове VII—V вв. до н. э. Аналогии с греческой колонизацией на Черном море. Колхида» был дан краткий обзор некоторых значительных аналогий греческой колонизации на крайнем западе Средиземноморья с колонизацией Причерноморья (конкретнее Колхиды) в VII—V вв. до н. э. *Х. Альвар* (Испания) в докладе «Березань — Ампурия: о моделях колонизации» дал сравнительный анализ основания Березанского поселения на Черном море и Ампурии на западе Средиземного моря. Он пришел к выводу, что хотя колониальная политика основания различных поселений была сходна в своей основе и фокейская модель не отличалась от милетской, каждая колония была уникальна, так как специфичность географического положения и контакты с этнокультурной средой туземцев породили ответную индивидуальную адаптацию к местным условиям.

Что было известно Геродоту и Аполлонию Родосскому о Колхиде? Была она для них мифом или реальностью? Соответствуют ли их данные действительности? Эти вопросы поставил *В. Шуллер* (ФРГ) в докладе «Колхида у Геродота и Аполлония Родосского. Сравнение». Автор полагает, что знания Аполлония глубже и дифференцированнее знаний Геродота, и объясняет это тем, что сведения о Колхиде со времен Геродота стали более обширными, Колхида стала одной из важнейших составных частей цивилизованного мира. В обстоятельном докладе «Колонизация Синопы и юго-восточного района Черного моря» *Дж. Хайнд* (Великобритания) рассмотрел вопрос

о дате основания греческой колонии в Синопе. По его мнению, колонизация произошла в конце VIII — начале VII в. до н. э.

Т. С. Каухчишвили (Тбилиси) выступила с сообщением о греческой надписи, найденной в Вани летом 1985 г. По мнению исследовательницы, это эллинистический законодательный акт, обязывающий служителей храма следовать определенным законам. Из текста становится очевидным и то, что в древней Грузии существовала триада местных божеств — Земля, Солнце и Луна. Кроме того, эта надпись дает возможность уточнить древнее название Вани — Сурий. Сообщение *М. И. Джандиери* (Тбилиси) «Деревянное здание V в. до н. э. на Ванском городище» было посвящено исследованию сохранившихся остатков бревенчатого здания, расположенного на верхней террасе городища и погибшего при сильном пожаре на рубеже V—IV вв. до н. э. Привлечение реликтового этнографического материала показало, что здание, очевидно, являлось храмом с примыкающим к нему ритуальным двориком. *М. Барамидзе* (Тбилиси) в сообщении «Печорское поселение» охарактеризовал его как поселение со сложной стратиграфией, которое существовало с III тыс. до н. э. вплоть до эллинистического времени. Выступление *В. Джапаридзе* (Тбилиси) касалось раскопок в Восточной Колхиде по выявлению древнего памятника Шорапани-Сарапанис. Раскопки дали возможность заключить, что в Колхиде существовало еще одно значительное поселение с укрепленным центром, исполнявшим роль акрополя. *Э. М. Гогадзе* (Тбилиси) сделал сообщение на тему «Колхидские поселения-производства VIII—VI вв. до н. э.». *Г. К. Шамба* (Сухуми) посвятил свой доклад историко-культурной характеристике Северо-Западной Колхиды VII—IV вв. до н. э. Затем в дискуссии приняли участие Н. Ю. Ломоури, О. Д. Лордкипанидзе, Ю. Н. Воронов, Д. Б. Шелов, Д. А. Хахутайшвили, Т. К. Микеладзе, Т. С. Каухчишвили, Ю. Г. Виноградов, В. Шуллер, Э. Лепоре, Я. Боузек, П. Александреску и др.

На заключительном заседании симпозиума, высоко оценив его работу, выступили Д. А. Хахутайшвили, А. Н. Щеглов, О. Д. Лордкипанидзе, М. Лазаров, Я. Боузек, П. Александреску. Особым событием стало открытие в эти дни нового археологического музея в Вани. *Участники симпозиума осмотрели археологические памятники* Кутаиси, Вани и Кобулети-Пичвнари, на базах археологических экспедиций ознакомились с материалами раскопок этих памятников.

Е. Г. Гиголашвили

ЗАСЕДАНИЕ, ПОСВЯЩЕННОЕ 90-летию Я. М. БОРОВСКОГО

28 ноября 1986 г. в ЛГУ им. А. А. Жданова состоялось открытое заседание кафедры классической филологии, посвященное 90-летию Якова Марковича Боровского.

С сообщением, посвященным некоторым примечательным аспектам деятельности Я. М. Боровского, выступил А. И. Зайцев (ЛГУ). Он отметил, что стержнем научной и преподавательской деятельности Я. М. Боровского является филологическая интерпретация, лежащая в основе классической филологии. А. И. Зайцев привел несколько примеров, иллюстрирующих достижения Я. М. Боровского в этой области. В сборнике статей в честь академика В. Ф. Шишмарева (Романо-германская филология. Л., 1957) была опубликована небольшая статья, посвященная толкованию 37—38 ст. IV книги «Энеиды». Я. М. Боровский показал, что традиционное понимание слов «...Ductoresque alii, quos Africa terra triumphis | dives alit» — «...и другие вожди, которых вскармливает африканская земля, богатая триумфами» невозможно, так как предполагает недопустимо расширительное толкование слова dives. Я. М. Боровский предложил связать triumphis не с dives, а с alit: «...вожди, которых для триумфов вскармливает африканская земля». При таком толковании слова Вергилия получают глубокий смысл, приличествующий этому поэту. Их произносит Анна, сестра Дидоны, думающая о победах карфагенян, но в контексте «Энеиды» эти слова приобретают противоположный смысл: Африка готовит вождей, которые после поражения пойдут вслед за процессией римских триумфаторов.

Еще один пример тонкой филологической интерпретации находится в статье «Intemptata nites: К истолкованию оды Горация I, 5» (ВДИ, 1977, № 1, с. 192—196), опубликованной также и на латинском языке. Это филологически чрезвычайно убедительное толкование, снимающее традиционно постулируемое понимание intemptata как inexperta, нигде более не засвидетельствованное, придает словам Горация большую глубину и добавляет многое нашим знаниям о поэте.

Далее А. И. Зайцев отметил, что одной из важнейших заслуг Я. М. Боровского является объединение им в своей научной и педагогической деятельности достижений классической филологии и научного языкознания. Вещественным символом этого объединения является перевод «Исторической фонетики латинского языка» М. Нидермана и «Исторической морфологии греческого языка» П. Шантрена, а также редактирование «Исторической грамматики латинского языка» И. М. Тронского.

Свои навыки и любовь к филологической интерпретации Я. М. Боровский переносит из филологии классической в филологию отечественную. Так, он напечатал ряд статей, посвященных интерпретации произведений А. С. Пушкина.

А. И. Зайцев отметил в качестве одной из отличительных черт личности Я. М. Боровского его замечательный общественный темперамент. Уже много десятилетий Я. М. Боровский, будучи последователем Л. В. Щербы, выступает за введение филологического метода преподавания как иностранных, так и родного языка в школе, а также за восстановление обучения древним языкам в том объеме и в таком количестве школ, как это возможно. Много времени и сил отдает Яков Маркович борьбе за чистоту русского языка.

Когда возникло движение за возрождение латинского языка как международного языка общения, Я. М. Боровский немедленно присоединился к нему, и наше отечество не осталось в стороне от этого движения.

Я. М. Боровский является автором латинских статей, а также латинских и греческих стихотворений. Важное место в творчестве Я. М. Боровского занимает переводческая деятельность. В соавторстве с А. В. Болдыревым Я. М. Боровский написал учебник латинского языка, замечательный тем, что в нем в качестве примеров используются только подлинные латинские тексты.

В заключение А. И. Зайцев заметил, что все филологи-классики в Ленинграде, занимающиеся ныне филологической интерпретацией, переняли это искусство именно от Я. М. Боровского и что если традиции развития классической филологии в нашем городе суждено не прерваться, то исключительная роль в этом будет принадлежать Я. М. Боровскому.

С докладом «Я. М. Боровский как редактор и поэт» выступил А. К. Гаврилов (ЛОИИ СССР АН СССР). Он отметил, что редактирование занимает немалое место в деятельности Я. М. В первую очередь необходимо вспомнить два важных справочных издания «Русско-латинский словарь для ботаников» (Л., 1977), за которым признано международное значение, и «Словарь крылатых латинских слов» (1982—1-е изд.; 1985 — 2-е изд.). Участвовал Я. М. и в редактировании и подготовке к изданию собрания фрагментов Демокрита, которое не успел окончательно обработать Я. С. Лурье. Редактировал Я. М. и ряд переводов античных авторов в серии «Литературные памятники»: Тацита, Аполлодора, Фукидида. Сейчас им уже проделана основная часть работы по редактированию готовящихся к изданию в той же серии «Илиады» Гомера, Эпиктета («Энхиридион») и «Снотолкователя» Артемидора.

Далее А. К. Гаврилов рассказал о собственном опыте общения с Я. М. Боровским как редактором. Перевод «Размышлений» Марка Аврелия, выполненный А. К. Гавриловым, привлек к себе внимание Я. М. В результате появился список со 120 замечаниями — своего рода дополнительное редактирование книги. А. К. Гаврилов привел несколько примеров поправок Я. М. Так, например, стоический термин συμπάθεια, переведенный «взаимострастие», Я. М. предложил перевести «единострастие». Это слово передает космический масштаб идеи и превосходно сочетается с принятым в переводе способом передавать термин σύμπνοια как «единодыхание». Внесение предложения Я. М.в текст существенно улучшило бы систему передачи стоических терминов. Исключительная по качеству редакционная работа Я. М. Боровского велика по объему проделанного. Замечания всегда сформулированы кратко, чему способствует искусное пользование техническим языком филологии. Я. М. является не только знатоком европейских языков, но и хранителем норм родного языка, защищающим родную речь как от оскудения, так и от нелепого иногда нормализаторства.

Я. М. Боровский известен как новолатинский поэт. Первый элегический дистих был написан им еще в гимназии. В 30-е годы, откликаясь на замечательные события культурной и научной жизни, он стал писать греческие, а чаще латинские стихи, составляющие теперь целый поэтический сборник, отмеченный высоким литературным достоинством.

Заканчивая свое выступление, А. К. Гаврилов отметил, что особенной заслугой Я. М. Боровского является его неустанная деятельность, служащая тому, чтобы поддерживать и сохранять нашу словесную культуру в ее своеобразных проявлениях.

Затем слово было предоставлено юбиляру. Свое выступление Я. М. Боровский посвятил творчеству А. С. Пушкина. Он с удовлетворением отметил, что в вышедшем более чем 10-миллионным тиражом трехтомном издании А. С. Пушкина учтена правка, предложенная им в одной из статей, и предложил несколько наблюдений и попра-

вок к ныне общепризнанному тексту произведений поэта. В первом издании второй главы «Евгения Онегина» (1826 г.) в ст. V стояло: «...Лишь только вдоль большой дороги | Завидят их домашни дроги». В последующих изданиях вместо первоначального текста стоит «...заслышат их домашни дроги», в Малом академическом издании даже «заслышит». Это последнее чтение перенесено и в новейший трехтомник. Тем не менее первоначальный текст заслуживает внимания. В слове «завидят» заключен тот же образ, что и в словах «вдоль большой дороги». Если же слышен звук подъезжающего экипажа, то образ дороги совершенно исчезает. Трудно сказать, чем вызвано изменение текста, особенно последний вариант. На это уже было указано большим знатоком русского языка В. И. Чернышевым, отметившим связь выражения «вдоль большой дороги завидят» с определенным зрительным образом.

Далее Я. М. Боровский упомянул, что еще в 1969 г. он обратил внимание на одно искажение текста А. С. Пушкина (Вопросы теории и истории языка. Сборник статей, посвященный памяти Б. А. Ларина. Л., 1969, с. 39), которое тем не менее до сих пор не исправлено. В главе VII «Капитанской дочки» Большое академическое издание дает текст, восходящий к первой публикации: «...Они, казалося, казаки...». Привлекает внимание необычность грамматической конструкции. В семидесяти случаях употребления Пушкиным вводного слова «казалося» («казалось») грамматическая категория прошедшего времени выражена кроме вводного слова также формой глагольного сказуемого. Только в одном случае связка отсутствует («Метель», 84,31), что создает некоторую непоследовательность, которая, однако, мотивируется особенностями контекста. В эпическом рассказе Гринева такая непоследовательность крайне неуместна и воспринимается как языковая ошибка. Необходимой поправкой представляется чтение «Они казалися казаки».

Затем Я. М. Боровский привел два примера из «Евгения Онегина», в одном из которых текст, а в другом пунктуация вызывают сомнение в правильности передачи авторского текста и нуждаются в исправлении.

Гл. VIII, ст. III: «...Я музу резвую привел | На шум пиров и буйных споров, | Грозы полуночных дозоров: | И к ним в безумные пиры | Она несла свои дары...». На кого указывает «к ним в безумные пиры»? На участников пиров — так толковали это место редакторы изданий Пушкина. Но, не говоря уже о некоторой грамматической нескладности, это чтение противоречит обрисованной в стихах ситуации. Ведь Пушкин привел музу на пиры, участником которых был сам: «А я гордился меж друзей | Подругой ветреной моей». Он никак не может говорить об участниках этих пиров в 3-м лице. Отсюда с необходимостью вытекает, что ошибочно самое чтение «к ним», вместо подсказываемого ситуацией «к нам». Автограф в данном месте неразборчив. Но если бы рукописные материалы и подтверждали невозможное по смыслу «к ним», то это надлежало бы исправить в печатном тексте как описку Пушкина, разумеется с соответствующим примечанием в критическом аппарате.

Сомнительна пунктуация в ст. VI той же главы: «...Сквозь тесный ряд аристократов, | Военных франтов, дипломатов | И гордых дам она скользит». Слово «франт» явно не подходит к человеку, одетому в военную форму. Мысли Пушкина соответствует противопоставление военных и штатских как одна из черт, характеризующих толпу на светском рауте с ее «смесью чинов и лет». Перед словом «франтов» необходимо поставить запятую.

На заседании председательствовавшими (Ю. В. Откупщиковым и А. И. Зайцевым) были также зачитаны многочисленные письма и телеграммы из различных городов нашей страны и из-за рубежа, поступившие в адрес юбиляра. С поздравлениями выступили также присутствующие на заседании ученики и коллеги Я. М. Боровского.

И. А. Левинская

ПРИЛОЖЕНИЕ

[SCYLACIS CARYANDENSIS]

PERIPLUS MARIS AD LITORA HABITATA

[СКИЛАК КАРИАНДСКИЙ]

ПЕРИПЛ ОБИТАЕМОГО МОРЯ

Перевод с древнегреческого, вступительная статья и комментарии *Ф. В. Шелова-Коведяева*

ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИЕ ПЕРИПЛЫ

Изначально периплом называлось всякое каботажное плавание, полное или частичное морское путешествие вдоль побережья какой-либо области. Но уже очень рано тем же словом стали обозначать и соответствующее описание такого плавания. Так в архаическую эпоху в Греции сложился особый тип географического сочинения, объединяющего в себе практическое (в соответствии с господствовавшей в то время эмпирией) руководство по навигации типа лоции и литературно обработанное пособие, сообщающее разнообразную заслуживающую внимания информацию об описываемых местностях. В его основе лежала традиция составления путевых заметок и записей. Начиная с эпохи эллинизма доля общей этнографической и исторической информации становится в периплах все более значительной, при строгом соблюдении оригинальных принципов построения описания (опорная роль береговой линии, вдоль которой совершается плавание; определение правой и левой сторон относительно движения) в течение всего периода существования жанра.

Перипл детально описывает побережье — мысы, заливы, полуострова, бухты, якорные стоянки, с указанием их количества, размеров (не)доступности и (не)удобства, особенностей и(или) трудностей каждого участка плавания, его длительности в стадиях, днях или сутках, содержит сведения о примыкающих к побережью народах (нередко упоминая об их взаимоотношениях) и ландшафтах, этнических областях (с определением их границ), прилегающих островах (с дефиницией их величины и положения относительно материка), реках, горных системах, природных ресурсах и их использовании, животном и растительном мире, предметах торговли, топографии греческих и варварских населенных пунктов и истории их колониальных связей и отношений с соседями, праздниках, культах, храмах, мифологических представлениях, этнографии, культуре населения перечисленных регионов; иногда здесь встречаются и сведения о наиболее известных представлениях того или иного народа. Благодаря этому древнегреческие периплы отражают не только уровень географических знаний и представлений античности, но и служат своеобразным и весьма важным источником по истории культуры, древней истории и этнографии в целом. Некоторые сохраненные ими сведения уникальны. На русский язык периплы полностью никогда не переводились. При переводе я старался, насколько это было возможно, не нарушая соответствующую русскую традицию, передавать встречающиеся названия фонетически близко к оригиналу, сохраняя форму, в которой они фигурируют в источниках.

Перипл, дошедший до нашего времени под именем Скилака Кариандского, охватывает Внутреннее (Средиземное) море, Пропонтиду, Понт и Меотиду (Мраморное, Черное и Азовское моря), а также продолжается за пределами Геракловых Столпов вдоль побережья Внешнего моря (Атлантического океана) в южном направлении вплоть до основанной карфагенянином Ганноном Керны. Представленное в нем перечисление народов охватывает, как правило, большие хронологические периоды из истории описываемых областей. Надо учитывать, что иногда рядом упоминаются племена, которые в действительности занимали данную территорию в разное время. Ойкумена здесь разделена на три обычные в античной литературе части — Европу, Азию и Ливию (Северную Африку). Граница между ними проводится также традиционно — по Танаису (Дону), Нилу и Геракловым Столпам (Гибралтарскому проливу). Сообщаемая информация полностью отражает все перечисленные выше особенности этого жанра.

Скилак, живший в VI в. до н. э., был весьма известным и уважаемым в древности путешественником, автором географических сочинений, известных нам ныне только по названиям. Его слава исследователя ойкумены и послужила причиной того, почему неизвестный автор IV в. до н. э. присвоил своему произведению, как это нередко бывало в древности, для его вящего успеха и известности, имя знаменитого Скилака. Этот перипл, получивший в научной литературе название перипла Псевдо-Скилака,— многогранная, хотя и не очень искусная компиляция, объединяющая древние и новые для второй пол. IV в. сведения. Так, описание Иберии в § 2 отражает эпоху карфагенского владычества ок. 500 г. до н. э.; в § 3 область иберов показана продолжающейся до Роны, тогда как к началу IV в. юг современной Франции был уже занят кельтами; § 4 утверждает Лигурию в значительно более обширных границах, чем это было в IV в.; в § 13 упоминаются разрушенные соответственно в 407 и 400 г. сицилийские полисы Гимера и Наксос; упоминание в § 58 Гестиэи на Эвбее указывает на источник до 446 г.; в § 89 часть побережья Пафлагонии названа Ассирией; в § 93 сл. многие исторические области Малой Азии показаны в своих старых границах, а в перечислении островов в конце перипла преувеличены размеры Сардинии по сравнению с Сицилией, что также характерно для архаичных представлений. Но тут же в § 8 и 12 области латинов и луканов представлены в границах после 393 г. до н. э.; в § 12 и 13 упомянуты Посейдония и Тавромений, основанные в 396 г.; § 13 отражает представление об о-ве Калипсо, характерное для IV в. и восходящее, вероятно, к Эфору; в § 14 и 27 рядом с Ионическим заливом упомянуто Адриатическое море,

в § 16 — Анкона, основанная Дионом в 390 г., в § 18 — вторжение кельтов в Италию 387/6 г., в § 23 — Фарос, основанный Дионисием Великим в 385 г., § 20 отражает представления IV в. о бифуркации Истра; в §§ 34 приводится другое название полиса Левкас — Эпилевкадии, в § 35 Навпакт отнесен к Этолии, а в § 45 Лепрей — к Аркадии, что стало реальностью соответственно в 338 и 369 г.; хотя автор не знает о гибели ахейских городов Гелике и Бура в 373/2 г., он упоминает синкойкизм полиса Элис, происшедший в 471 г. (§ 43); в § 45 Кипарисс отнесен к Мессении, в § 67 упомянуты Длинные Стены и укрепление на мысе Сунион, возведенные в 461—456 гг.; в § 58 говорится о том, что Гомер был похоронен на о-ве Иос: это мнение, очевидно, восходит к Аристотелю; Эхин стал принадлежать малиэйцам (§ 62) после 341 г.; Стримон был границей Македонии (§ 67) с 356 г., здесь же отражено и характерное для IV в. представление о бо́льшей по сравнению с реальной вытянутости Геллеспонта; в § 109—110 принимается противоположное Геродоту мнение Эвдокса о двух Сиртидах. Поскольку же автору не был известен ни один из основанных Александром Македонским на Востоке городов, то его произведение не могло возникнуть много позднее 338 г. до н. э. Эти соображения не только ясно демонстрируют ценность перипла Псевдо-Скилака как исторического источника, но и позволяют довольно точно датировать его создание 30-ми гг. IV в. до н. э. Содержащиеся в нем сведения обнаруживают знакомство автора с древней ионийской географической литературой (Гекатеем и, возможно отчасти, самим Скилаком), информацией, полученной карфагенянами Ганноном и Гимильконом в результате плаваний за пределы Геракловых Столпов, сочинениями греческих географов VI—V вв. (Антиохом Сиракузским и, вероятно, Филеем), представлениями Эфора, Феопомпа и Эвдокса. Особенности описания побережья Черного моря (скудные сведения о Северо-Западном Причерноморье, неупоминание Ольвии и Борисфена, подробные сведения о Боспоре, Азовском море, Кавказском побережье, расселении племен близ устья Дона) указывают на то, что в этой части источником перипла Псевдо-Скилака было сочинение, либо составленное в Афинах во второй половине V — первой половине IV в., либо отражавшее их интересы в данном регионе в это время. Может быть, что Псевдо-Скилак черпал сведения не непосредственно из этих разнообразных источников, а из более раннего (первая половина IV в.), не сохранившегося перипла.

[СКИЛАКА КАРИАНДСКОГО]

ПЕРИПЛ ОБИТАЕМОГО МОРЯ ЕВРОПЫ, АЗИИ И ЛИВИИ И СКОЛЬКО И КАКИЕ НАРОДЫ В КАЖДОЙ; ЗАТЕМ ЕЩЕ ОБЛАСТИ И ЗАЛИВЫ И РЕКИ; И КАКОВА ПРОТЯЖЕННОСТЬ ПЛАВАНИЙ; И СЕМЬ НАСЕЛЕННЫХ ОСТРОВОВ, И У КАКОГО МАТЕРИКА КАЖДЫЙ ЛЕЖИТ

ЕВРОПА

1. Начну от Геракловых Столпов в Европе и продолжу вплоть до Геракловых Столпов в Ливии и великих эфиопов. Геракловы Столпы стоят прямо друг против друга и расстояния между ними — на день пути. И [к ним] там прилегают два острова, имя которым Гадира. Из них второй имеет город, расположенный в дне пути от Геракловых Столпов. Начиная от Геракловых Столпов, в Европе много эмпориев карфагенян, и суша, и заливы, и моря.

2. ИБЕРЫ. В Европе первые — иберы, народ в Иберии, и река Ибер. Затем Эмпорий (греческий полис, имя которому Эмпорий); они-то [жители Эмпория] суть апойки массалиотов. Плавания вдоль Иберии 7 дней и 7 ночей.

3. ЛИГИИ И ИБЕРЫ. За иберами живут лигии, смешанные с иберами, до реки Родана. Плавания из земли лигиев от Эмпория вплоть до реки Родана 2 дня и 1 ночь.

4. ЛИГИИ. Начиная от реки Родана живут лигии вплоть до Антия. В этой области есть греческий полис Массалия с гаванью [далее Тауроент и Ольвия]. Последние — апойки Массалии. Плавания вдоль этой области от реки Родана вплоть до Антия 4 дня и 4 ночи. Вся эта область, от Геракловых Столпов до Антия — с удобными гаванями.

5. ТИРРЕНЫ. Начиная от Антия живут тиррены вплоть до города Рима. Плавания 4 дня и 4 ночи.

6. КИРН. Против Тиррении лежит остров Кирн. Плавания же от Тиррении до Кирна день с половиной; и еще один населенный остров, имя которому Айталия, находится в середине этого плавания и многие другие пустынные острова.

7. САРДО. От острова Кирн к острову Сардо плавания третья часть дня. И в середине плавания находится пустынный остров. От Сардо в Ливию день и ночь плавания, а в Сикелию от Сардо — 2 дня и ночь. Но возвращаюсь обратно на материк туда, откуда отправился в Кирн.

8. ЛАТИНЫ. Начиная от Тиррении вплоть до Киркайя живут латины. У латинов есть и памятник Эльпенора. Плавания вдоль [земли] латинов день и ночь.

9. ОЛЬСЫ. Начиная от латинов живут ольсы. Плавания вдоль [земли] ольсов — 1 день.

10. КАМПАНЫ. За ольсами живут кампаны. И в Кампании расположены следующие эллинские полисы: Кума, Неаполь. Против них лежит остров и греческий полис Питекусса. Плавания вдоль Кампании 1 день.

11. САВНИТЫ. Начиная от кампанов живут савниты; и плавания вдоль савнитов полдня.

12. ЛЕВКАНЫ. За савнитами живут левканы вплоть до Фурии. А плавания вдоль Левкании 6 дней и 6 ночей. Левкания — полуостров. На нем находятся такие греческие полисы: Посейдония, Элея, Ла́ос (апойкия фурийцев), Пандосия, Платеи, Терина, Гиппоний, Месма, мыс и полис Регий.

13. СИКЕЛИЯ. Против Регия лежит Сикелия, отстоящая от Европы на 12 стадиев — от Регия до Пелориады. В Сикелии живут такие варварские народы: элимы, сиканы, сикелы, финикийцы, троянцы. Эти — варвары, но населяют ее также и эллины. А мыс Сикелии — Пелориада. Полисы же, начиная от Пелориады, суть такие: полис и гавань Мессена, Тавромений, Наксос, Катана, Леонтины; и к Леонтинам 20 стадиев плавания вверх по реке Терия; река Симет и полис Мегарида и гавань Ксифоней. После полиса Мегариды — Сиракузы, и в них две гавани: из них одна внутри стен, а другая снаружи. После них полис Гелор и мыс Пахин. За Пахином же такие греческие полисы: Камарина, Гела, Акрагант, Селинунт, мыс Лилибей. За Лилибеем же греческий полис Гимера, а после полиса Гимеры остров Липара и греческий полис Милы с гаванью. От Мил до острова Липара полдня плавания. Сикелия — треугольник; и каждая ее сторона составляет примерно 500 стадиев. Возвращаюсь опять на материк, откуда отправился. Итак, за Регием суть такие полисы: Локры, Кавлония, Кротон, святилище Геры Лакиний и остров Калипсо, где Одиссей жил у Калипсо, и река Кратис, и Сибарис, и полис Фурия. Такие эллины в Левкании.

14. ЯПИГИЯ. После Левкании лежит племя япигов вплоть до мыса Орион, находящегося в Адриатическом заливе. Плавания вдоль Япигии 6 дней и 6 ночей. В Япигии живут эллины, и полисы их такие: Гераклий, Метапонтий, Тарант и гавань Гидрунт в устье Адриатического и Ионического заливов.

15. САВНИТЫ. После япигов [начиная] от Ориона живет племя савнитов. В этом народе такие языки и наречия: латернии, опики, крамоны, бореонтины, певкетии, живущие от Тирренского моря до Адриатического. Плавания вдоль страны Савнитиды 2 дня и ночь.

16. ОМБРИКИ. После савнитов живет племя омбриков, и полис в этой области

Анкон. Этот народ, облагодетельствованный им, почитает Диомеда; [здесь] и его святилище. Плавания вдоль Омбрики 2 дня и ночь.

17. ТИРРЕНЫ. За Омбрикой живут тиррены. И они [также] расселились от Тирренского моря снаружи до Адрии; и в этой области есть греческий полис [Спина] и река; и плавания вверх по реке к полису около 20 стадиев. Пути же к нему от полиса Писы 3 дня.

18. КЕЛЬТЫ. После тирренов живет народ кельтов, оставшихся после похода и [расселившихся] в теснинах вплоть до Адрии. Здесь же находится вершина Адриатического залива.

19. ЭНЕТЫ. За кельтами живет народ энетов, и в их землях протекает река Эридан. Начиная от него плавания вдоль побережья 1 день.

20. ИСТРЫ. После энетов племя истров и река Истр. Эта река, будучи обращена к Египту, впадает в Понт. Плавания же вдоль земли истриан день и ночь.

21. ЛИБУРНЫ. За истрами живет народ либурны. В этой области у моря лежат полисы Лиант, Идасса, Аттиенит, Диирта, Алупсы, Ольсы, Педеты, Гемионы. Они управляются женщинами, которые являются женами свободных мужей; сходятся они и со своими собственными рабами и с мужчинами из соседних областей. Напротив этой страны лежат следующие острова, имена которых я могу назвать (но есть и многие другие, безымянные): остров Истрида 310 стадиев в длину, в ширину же 120; Электриды, Менториды. Это большие острова. Река Катарбат. Плавания вдоль Либурнидской земли 2 дня.

22. ИЛЛИРИИ. После либурнов живет племя иллирии, и живут иллирии вдоль моря вплоть до Хаонии, что [лежит] напротив Керкиры, острова Алкиноя. И полис там эллинский, имя которому Гераклея, и гавань. Здесь же и варвары, так называемые лотофаги, такие: гиерастамны, булины; [и] пограничные буллинам гиллы. Последние рассказывают, что их поселил здесь Гилл, сын Геракла; и они варвары. А населяют они полуостров немногим меньше Пелопоннеса. От полуострова [тянется остров Сисса наподобие] прямой [ленты]; его населяют булины. Булины же — иллирийское племя. Плавания вдоль земли булинов до реки Нест — один долгий день.

23. НЕСТЫ. А за Нестом плавание [идет] вдоль [побережья] залива. Весь этот залив называется Маний. Плавания вдоль него — 1 день. В этом заливе лежат острова Протерáс, Кратейи, Олинта. Они отстоят друг от друга на 2 стадия или немногим больше, [находясь] против Фароса и Иссы. Здесь же есть и эллинский остров Новый Фарос и остров Исса и одноименные греческие полисы. Прежде же устья реки Нарон и море вдруг выдается большая область. И возле этой прибрежной области лежит остров, имя которому Мелита, и другой остров возле него, имя которому Черная Керкира; и одним из своих мысов этот остров резко выдается от прибрежной области, а другим мысом он направлен к реке Нарон. И от Мелиты он отстоит на 20 стадиев, а от прибрежной полосы на 8 стадиев.

24. МАНИИ. За Нестом следует река Нарон; и вход в Нарон не узок; входит в него и триера, и корабли вплоть до расположенного вверх [по течению] эмпория, который удален от моря на 80 стадиев. Народ мании суть те же иллирийцы. За эмпорием есть большое озеро, и озеро вдается в область иллирийского племени автариатов. А внутри озера лежит остров в 120 стадиев; и остров этот весьма пригоден для земледелия. Из этого-то озера и вытекает река Нарон. И от реки Нарона до реки Ариона 1 день плавания. От реки же Арион [к реке Ридзунт] полдня плавания; и тут стоят камни Кадма и Гармонии, и святилище [не]далеко от реки Ридзунт. А от реки Ридзунт к Бутое плавания [...], как и к эмпорию Ридзунт.

25. ЭНХЕЛЕИ. Энхелеи, живущие за Ридзунтом,— иллирийское племя. А из Бутои к Эпидамну, греческому полису, день и ночь плавания, сухопутного же пути — 3 дня.

26. ТАВЛАНТИИ. Племя же тавлантиев, где находится Эпидамн, иллирийское, и река течет по городу, имя которой Паламн. А из Эпидамна к греческому полису

Аполлонии два дня пути. Аполлония же удалена от моря на 50 стадиев, и у города протекает река Айант. Из Аполлонии к Амантии 320 стадиев. И река Айант протекает у Аполлонии с горы Пинд. Еще дальше вглубь к Ионическому заливу лежит Орик. От Орикии до моря 80 стадиев, а от Амантии 60. Всем им пограничны в глубине суши за Орикией [и] Карией, вплоть до Додонии, атинтаны. В стране же Кестриды, сказывают, есть равнина по названию Эритейя. Там, как говорят, жил Герион и пас быков. Близ этой области, в Эпире, простираются Керавнские горы, и у нее же [лежит] маленький остров, имя которому Сасон. Отсюда к Орику треть дня плавания.

27. ОРИКИ. Орики же живут за Амантийской областью. А иллирийский народ амантийцев живет вплоть досюда, [начиная] от булинов. Устье же Ионического залива [простирается] от Керавнских гор до мысов Япигии. К полису Гидроенту в Япигии от Керавнских [гор] около 500 стадиев плавания, [это] и есть устье залива: то, что внутри [него],— Ионический [залив]. В Адриатике много бухт; Адриатика же и Ионический [залив] — одно и то же.

28. ХАОНЫ. После иллирийцев живут хаоны. Хаония имеет удобные гавани; хаоны живут по деревням. Вдоль Хаонии полдня плавания.

29. КОРКИРА. У Хаонии лежит остров Коркира, и на нем греческий полис, имеющий три гавани у города, из которых одна закрытая. Собственно, Коркира прилегает более к Теспротии, чем к Хаонии. Возвращаюсь опять на материк, откуда отправился.

30. ТЕСПРОТЫ. После Хаонии — народ теспроты. И они тоже живут в деревнях; эта [страна] также с хорошими гаванями. Здесь есть залив, имя которому Элайя. В этот залив впадает река Ахерон. Плавания же вдоль Теспротии полдня.

31. КАССОПЫ. После Теспротии лежит область Кассопия. И эти также живут по деревням. А населяют они побережье до Анакторийского залива. Плавания вдоль страны кассопов один день. Анакторийский же залив от устья до вершины немногим меньше 120 стадиев. А устье [его] шириной в 4 стадия.

32. МОЛОТТИЯ. После Кассопии — народ молотты. Они тоже живут в деревнях; и сидят они здесь менее у [побережья] моря, более же в глубине страны. Вдоль страны молоттов 40 стадиев плавания.

33. АМБРАКИЯ. После Молоттии греческий полис Амбракия; он удален от моря на 80 стадиев. И у моря есть также укрепление и закрытая гавань. Отсюда Эллада начинает быть сплошной вплоть до реки Пеней и полиса Гомолия в Магнетике, который лежит у этой реки. Плавания же вдоль Амбракии 120 стадиев.

34. АКАРНАНИЯ. За Амбракией лежит область Акарнания, и первый полис здесь — Аргос Амфилохийский и Анакторий с гаванью; и вне Анакторийского залива такие: Акте и полис Левка́с с гаванью он простирается к [Левкату], мысу, который выдается [далеко в] море. Этот город прежде назывался также Эпилевкадии. Акарнанцы же, восстав, взяли из Коринфа 1000 эпойков; эпойки, перебив [их], сами владеют [теперь] их землей. Он ныне остров, укрепленный по перешейку рвом. На перешейке расположен Эврип Диорикт. После этого — полис Фара и напротив [него] остров Итака и полис с гаванью; после этого остров Кефалления. Возвращаюсь опять на материк, где его оставил. После этого полис Алидзия, и у него остров Карн, и город Астак с гаванью и река и полис Ойниады; и в эти города надо плыть вверх по Ахелою. Есть и другие полисы акарнанов внутри страны. Плавания вдоль Акарнании — 2 дня. Вся Акарнания [обладает] удобными гаванями; и к ней прилегают многочисленные острова, которые Ахелой, образуя наносы, превращает в материк. Эти острова называются Эхинадами; они пустынны.

35. ЭТОЛИЯ. После Акарнании лежит область Этолия, и полисы в ней суть такие: Калидон, Аликарна, Моликрея; и Дельфийский залив (устье залива имеет 10 стадиев ширины), и у него святилище; и полис Навпакт; и за этим полисом у этолийцев есть много других внутри страны. Вдоль Этолии 1 день плавания. И Этолия погранична всей Локриде от внутренних областей вплоть до энианов.

36. ЛОКРЫ. За этолийцами живут локры, среди которых суть так называемые озолы, и такие полисы: Эва́нтис, Амфисса. И у этих есть полис в глубине земли. Плавания же вдоль земли локров полдня.

37. ФОКЕЙЦЫ. После локров, на Киррайской равнине, живут фокейцы, и святилище Аполлона, и полис Дельфы, и полис Антикира, где лучше всего лечат чемерицей. А плавания вдоль земли фокейцев — полдня.

38. БЕОТИЙЦЫ. После фокейцев живут беотийцы, и такие полисы: Корсии, Сифы с гаванью, Эвтрет и укрепление беотян. Плавания вдоль Беотии меньше, чем полдня.

39. МЕГАРЯНЕ. За беотийцами живут мегаряне, и такие полисы: Айгостена, Пегай, укрепление Геранейя, Арис. Плавания вдоль земли мегарян 100 стадиев.

40. КОРИНФ. После мегарян лежит полис и святилище Коринф; Лехайон, Истм. Отсюда начинается уже Пелопоннес. [Здесь] от моря до нашего моря через перешеек 40 стадиев пути. Эта [страна] — вся приморская. Плавания вдоль коринфской земли полдня.

41. СИКИОН. За Коринфом — полис Сикион. Вдоль него 120 стадиев плавания.

42. АХЕЙЦЫ. За Сикионом живут ахейцы, и полисы тут такие: Пеллена, Айгейра, Айги, Айгион, Рипы, а за Рием Патры, Дима. Вдоль страны Ахайи 700 стадиев плавания.

43. ЭЛИДА. [После ахейцев лежит область Элида, и полисы в ней такие: Киллена с гаванью, и река Алфей. Есть и другой полис в центре страны, образованный путем синойкизма,— Эли́с. У этой области лежит остров Закинф, на котором есть и полис и гавань. Плавания же вдоль страны элейцев вплоть до лепреатов 700 стадиев.

44. АРКАДИЯ. За Элидой лежит область Аркадия. Аркадия выходит из внутренних областей к морю у Лепрея. У них суть такие большие полисы внутри страны: Тегея, Мантинея, Герайя, Орхомен, Стимфал. Есть и другие полисы. Плавания вдоль области лепреатов 100 стадиев.

45. МЕССЕНА. После Аркадии находится область Мессена, и полисы в ней такие: прежде всего Мессена с гаванью, [а затем] Кипарисс, удаленный от моря на 7 стадиев, Итона внутри страны, удаленная от моря на 80 стадиев. Плавания же вдоль земли Мессении 300 стадиев.

46. ЛАКЕДЕМОН. [За Мессенией лежит] область Лакедемон, и полисы в ней такие: Асина, Мотона, Ахиллова гавань и против нее гавань Псаматунт. Между ними обеими [находится] выдающееся в море Святилище Посейдона, Тенар; и полис Лас с гаванью, Гитей, в котором судоверфь, и укрепление, и река Эврот, и полис Бойя, и мыс Малея. У него лежит остров Кифера, с полисом и гаванью. А напротив него лежит остров Крит. А за этим упомянутым выше мысом Малея суть полис и гавань Сида, полис и гавань Эпидавр, полис и гавань Прасия, полис и гавань Метана. Существует и много других полисов лакедемонян. Внутри страны находится Спарта и многие другие. А плавания вдоль земли лакедемонян 3 дня.

47. КРИТ. Против Лакедемона лежит остров Крит: ведь из [областей] Европы Лакедемон ближе всего [к нему] расположен. От Лакедемона до мыса Крита, на котором лежит полис Фаласарны, можно дойти в течение дня. За Фаласарнами находится мыс Бараний Лоб. [От него] в Ливию по направлению к ветру ноту, а именно к Алиадам киренцев на Херсонесе, день и ночь плавания. Крит имеет величину 2500 стадиев, он узок и вытянут с захода на восход солнца. А живут на Крите эллины, иные — переселенцы из лакедемонян, иные — из аргивян, еще иные — из афинян, иные же — из остальной Эллады, кто откуда случится. Некоторые из них и автохтоны. На Крите много полисов. На западе первый к мысу полис — упомянутые Фаласарны с закрытой гаванью; Полиррения и [ее территория] простирается от борея к ноту; здесь святилище Артемиды Диктиннайской — на севере, в земле Пергамии; у нота же Гиртакина; у борея Кидония с закрытой гаванью; внутри острова полис Элир; на юге полис и гавань Лисса у Бараньего Лба; у ветра борея область Аптерайя; за-

тем Лампайя: и этот полис простерся в обе стороны, и река Месапий протекает в нем; [затем Осмида]; после Осмиды Элеутерны у борея; у нота Сибрита; [у борея полис Панорм] и гавань; у нота Фест; у борея Оакс и Кносс; у нота Гортина, Раук; в глубине острова Ликт: и этот простерся в обе стороны; у ветра борея гора Кадист, и гавань при ней Олус и Пан (?) ; Прайс простерся в обе стороны; мыс Крита Гран у восхода солнца. Существуют и другие полисы на Крите; сказывают, что он стоградый.

48. ОСТРОВА КИКЛАДЫ. Эти Киклады заселены у Лакедемонской земли: Мелос с гаванью, вслед за ним Кимол, вслед за этим Олиар, вслед за ним Сикин, этот последний также и полис; после этого Фера, вслед за ней Анафе, после нее Астипалея. Возвращаюсь обратно на материк, откуда отправился.

49. АРГОС. После Лакедемона расположен полис Аргос, и в нем город Навплия и гавань; а внутри страны Клеоны и Микены и Тиринф. Плавания же вдоль области Аргии вокруг (ведь [здесь] находится так называемый Арголический залив) 150 стадиев.

50. ЭПИДАВР. За Аргосом простирается область Эпидавр; до этого залива пролегли 30 стадиев. А после эпидаврийской земли Галия с гаванью. Она расположена в устье Арголического залива. Перипл этой области 100 стадиев.

51. ГЕРМИОН. После нее находится полис Гермион с гаванью. Его перипл — 50 стадиев. За Гермионом лежит мыс Скиллай в заливе, обращенном к Истму; Скиллай относится к Трезении. Прямо напротив него лежит мыс Сунион в области афинян. После этого остров и полис Бельбина. От устья этого залива вплоть до Истма 740 стадиев. И в устье этот залив самый узкий.

52. ТРЕЗЕНИЯ. За Гермионом лежит Трезения — полис и гавань; плавания вдоль нее 30 стадиев: После этого остров Калаврия, и полис, и гавань. Вдоль него 300 стадиев плавания.

53. ЭГИНА. У этой области лежит полис и остров Эгина с двумя гаванями. Возвращаюсь вновь на материк, откуда отправился.

54. ЭПИДАВР. После Трезении находится полис Эпидавр с гаванью. Вдоль области Эпидавра 130 стадиев плавания.

55. КОРИНФИЯ. За Эпидавром лежит восточная область коринфян, и укрепление Кенхрейи и Истм, где [расположено] святилище Посейдона. Здесь заканчивается Пелопоннес. И вне Истма у корфинян есть земля и укрепление Сидунт и другое укрепление Кремнион. Плавания же вдоль области коринфян вплоть до границ мегарян 300 стадиев.

56. МЕГАРА. После области коринфян находится полис Мегара, и гавань, и укрепление Нисайя. А плавания вдоль области мегарян вплоть до Япиды (это же гора в земле афинян) 140 стадиев.

57. АТТИКА. А после мегарян простираются полисы афинян. И первый полис Аттики Элевсин, где находятся святилище Деметры и укрепление. Напротив него расположен Саламин, остров и полис с гаванью. Затем Пирей с причалами и Афины. Пирей же имеет три гавани. Анафлист — укрепление с гаванью; Сунион — мыс и укрепление, святилище Посейдона; укрепление Торик с двумя гаванями; укрепление Рамнунт. Есть и много других гаваней в Аттике. Перипл земли афинян 1140 стадиев: от области Япиды до Суниона 490 стадиев. От Суниона до пределов беотян 650 стадиев.

58. ОСТРОВА КИКЛАДЫ. Против Аттики лежат так называемые острова Киклады, и такие полисы на островах: Кеос (этот — четырехградый: [полис Пайесса] с гаванью; Кореесия, Иулис, Картайя); Гелена; остров и полис Китн; остров и полис с гаванью Сериф; Сифнос; Парос, имеющий] две гавани, из которых одна закрытая; Наксос, Делос, Рена, Сирос, Миконос (этот двухградый); Тенос с гаванью; Андрос с гаванью. Это острова Киклады. Ниже них другие острова, эти — уже к ноту: Иос с гаванью (на нем погребен Гомер); Аморгос, этот трехградый, с гаванью; Икарос, двухградый.

После же Андроса остров Эвбея; он четырехградый: на нем расположен Карист, Эретрия с гаванью, Халкида с гаванью, Гестиэя с гаванью. Эвбея имеет [протяжен-

ность] 1350 стадиев от Кенайя, святилища Зевса, до Герайста, святилища Посейдона; а в ширину Эвбея узка.

В Эгейском море лежат такие острова: против Эретрии Скирос с полисом; Икос, этот двухградый; Пепарет, этот трехградый, с гаванью; Скиат, этот двухградый, с гаванью. После этого возвращаюсь опять на материк, откуда отправился.

59. БЕОТЯНЕ. За Афинами живут беотяне: ведь и они сидят у того же моря. И есть в этой области прежде всего святилище Делий, потом святилище Аулис, укрепление Эврип, укрепление Антедон, Фивы, Теспии, Орхомен внутри страны. Суть и другие полисы. Плавания же вдоль области беотян от Делия вплоть до границ локров 250 стадиев.

60. ЛОКРЫ. После беотян живут локры. И напротив Эвбеи у них есть такие полисы: Ларимна, Кинос, Опунт, Алопа; есть у локров и многие другие. Плавания же вдоль их области 200 стадиев.

61. ФОКЕЙЦЫ. После локров живут фокейцы; и они примыкают к тому же морю. И полисы у них такие: Троний, Кнемис, Элатейя, Пропилон, Панопей. Внутри страны у них есть и другие полисы. Плавания же вдоль области фокейцев 200 стадиев.

62. МЕЛИЭЙЦЫ. За фокейцами живут мелиэйцы и [лежит] Мелический залив (в этом заливе существуют так называемые лимодорийцы такие: Эриней, Бойон, Китинион). Здесь Фермопилы, Трахис, Ойта, Гераклея, река Сперхей. МАЛИЭЙЦЫ. Народ после мелиэйцев. У малиэйцев первый полис Ламия, а последний — Эхин; у малиэйцев существуют и другие полисы, докуда достает залив. И сверху, с внутренней стороны, к земле малиэйцев примыкают эниане, и через них течет река Сперхей.

63. АХЕЙЦЫ. Вне Малиэйского залива живет народ фтиотийских ахейцев; они живут также и в Пагасетийском заливе: до середины залива, для входящего [в него] — с левой стороны. Полисы ахейцев такие: Антроны, Ларисса, Мелитея, Деметрий, Фивы; есть у ахейцев и другие полисы внутри страны.

64. ФЕССАЛИЯ. После ахейцев Фессалия выходит к морю из внутренних областей узкой, в 30 стадиев, полосой. И у моря существуют такие полисы Фессалии: Амфанай, Пагасы; а внутри страны такие: Феры, Ларисса, Фарсал, Киер, Пелиннай, Скотуса, Краннон. В глубине существует и другие полисы фессалийцев. Фессалия же простирается во внутренних областях выше энианов и долопов и малиэйцев и ахейцев и магнетов вплоть до темнов. А глубина Пагасетийского залива от устья до вершины в Пагасах [равна] предполуденному плаванию. А устье у него пяти стадиев. В Пагасетийском заливе есть остров и полис Кикинет.

65. МАГНЕТЫ. У моря сидит народ магнетов и существуют такие полисы: Иолк, Метона, Кораки, Спалавтра, Олидзон, гавань Исы. Вне Пагасетийского залива — Мелибея, Ридзунт, Эвримены, Миры. Внутри страны живет народ перребы, эллины. Вплоть досюда от Амбракии все — сплошь Эллада; и точно так же вся приморская [часть] равным образом расположена [в] Элладе.

66. МАКЕДОНИЯ. А за рекой Пенеем суть македоняне и Термейский залив. Первый полис Македонии Гераклий; Дий; Пидна, греческий полис; Метона, греческий полис, и река Галиакмон; полис Алор и река Лидиас; полис Пелла с царской резиденцией в нем, и плыть к нему надо вверх по реке Лидиасу; река Аксий и река Эхедор; полис Ферма; греческая Айнейя; Паллена, большой мыс, выступающий в море, и такие греческие полисы на Паллене: Потидея, построенная в середине перешейка, Менда, Афитис, Трамбеис, Скиона, Канастрей — святой мыс Паллены. Вне перешейка такие полисы: греческий Олинф, греческая Мекиберна, греческая Сермилия и Сермиликский залив, греческий город Торона с гаванью, греческий Дий, греческий Тисс, греческие Клеоны, гора Афон, греческие Акротои, греческий Харадрунт, греческий Олофикс, греческий Акант, греческая Алапта, греческая Аретуса, гавань Бальбе, греческая Аполлония. Существует и много других (городов) в глубине Македонии. Она изобилует заливами; плавания же вокруг заливов 2 дня. А за Македонией река Стримон; она разграничивает Македонию и Фракию.

67. ФРАКИЯ. Фракия же простирается от реки Стримон вплоть до реки Истр в Эвксинском Понте. Во Фракии существуют такие греческие полисы: Амфиполь, Фагр, Галепс, Ойсима и другие эмпории фасосцев. Напротив них лежат остров Фасос и полис с двумя гаванями; из них одна — закрытая. Возвращаюсь обратно, откуда отправился. Неаполь, против него греческий полис Дат, который заселил Каллистрат Афинянин, и река Нест, полис Абдера, река Кудет и полисы Дикея и Маронея. Напротив этого остров и гавань Самофракия. Против нее на материке эмпории Дрин, Дзона, река Гебр и на ней укрепление Дуриск, полис и гавань Айн, укрепление айниатов во Фракии, залив Мелас, река Мелас, эмпорий Дерис, Кобрис, эмпорий кардианов и другой — Кипасис. Напротив залива Мелас лежат остров и полис Имброс и остров с гаванью Лемнос. Возвращаюсь обратно на материк, откуда отправился. После залива Мелас находится Херсонес Фракийский и полисы на нем такие: Кардия, Ида, Пайон, Алопеконнес, Арапл, Элеунт, Мадит, Сест у устья Пропонтиды, которое шести стадиев. По сю сторону реки Эга Кресса, Критота, Пактия. Вплоть досюда Херсонес Фракийский. От Пактии в Кардию через перешеек пешком 40 стадиев, от моря до моря; и полис посредине, имя которому Агора. Протяженность Херсонеса от Кардии и Элеунт (ибо здесь она максимальна) 400 стадиев. За Херсонесом существуют такие фракийские укрепления: прежде Белое Побережье, [затем] Тейристасис, Гераклея, Ган, Гании, Новое Укрепление, полис и гавань Перинф, укрепление Дамин, полис и гавань Селимбрия. От него до устья Понта 500 стадиев. Пространство Боспора, пока не придешь к самому Святилищу [Зевса], называется Анапл. От Святилища ширина устья Понта 7 стадиев. В Понте существуют такие греческие полисы во Фракии: Аполлония, Месембрия, Одессополис, Каллатис и река Истр. Плавания же вдоль Фракии от реки Стримона вплоть до Сеста 2 дня и 2 ночи, от Сеста до устья Понта 2 дня и 2 ночи, от устья реки Истр 3 дня и 3 ночи. А весь вообще перипл от Фракии и реки Стримон вплоть до реки Истр 8 дней и 8 ночей.

68. СКИФИЯ. ТАВРЫ. За Фракией живут скифы, и у них такие греческие полисы: река Тирис, полис Никоний, полис Офиусса. За Скифией мыс материка населяют тавры; этот мыс выдается в море. В Таврике же эллины населяют такие полисы: эмпорий Херсонес; Бараний Лоб, мыс Таврики. После этого всего опять скифы, греческие же полисы там такие: Феодосия, Китея и Нимфея, Пантикапей, Мирмекий. От Истра к Бараньему Лбу 3 дня и 3 ночи прямого плавания, каботажного же вдвое дольше: ведь здесь существует залив. В этом заливе лежит остров, остров пустынный, имя которому Левка; это священный остров Ахилла. А от Бараньего Лба в Пантикапей день и ночь плавания; от Пантикапея же к устью залива Меотиды — 20 стадиев. Говорят, что залив Меотида — половина Понта. У прямо идущего в залив Меотиду по левую руку остаются скифы: ведь они живут за Таврикой от внешнего моря до залива Меотиды.

СИРМАТЫ. [После скифов] племя [сирматы] и река Танаис, [которая] разграничивает Азию и Европу.

69. ПЛАВАНИЕ ВДОЛЬ ВСЕЙ ЕВРОПЫ. Идущему морем от Геракловых Столпов в Европе по заливам вдоль суши и сосчитавшему, сколько написано ночей и наравне с ними дней, и, где написаны, стадии, [если] дневное плавание принять равным 500 стадиям,— тому плавание вдоль Европы встанет, при том, что залив Меотида будет равен половинной части Понта, в 163 дня. Величайшие же реки в Европе — Танаис, Истр, Родан.

КОММЕНТАРИИ

В комментарии приводятся, в меру необходимости, обоснование перевода, также указания на степень сохранности текста и его реконструкции, предложенные древними и новыми толкователями, эмендаторами и издателями текста; здесь же указывается на анахронизмы, присущие этногеографической картине Псевдо-Скилака. Не коммен-

тируются названия, эквиваленты которых можно без труда найти на исторических или географических картах, а также те их оригинальные формы, тождество которых с общепринятыми может быть легко установлено.

1. В первой фразе предлог «вплоть до» повторен дважды в оригинальном тексте. Геракловы Столпы буквально «удалена друг от друга», а завершение последней фразы параграфа звучит так: «и глина (грязь) и приливы (разливы) и моря». Необычное словоупотребление в этом обороте резко контрастирует с сухим стилем перипла в целом, для которого характерно постоянное повторение довольно однообразных штампов. Гадира — весь этот пассаж был перенесен сюда эрудитами XIX в. из § 2 рукописи, где он следовал за упоминанием реки Ибер. Данная форма МН ближе всего к финикийскому прототипу. Город Гадир (Гадес, Кадис) часто отождествляли с Тартессом. Но греческие поэты упоминают город Гадир и о-в Эритею, нечетко различая эти понятия. Геродот в ряде случаев отличает его от Тартесса, а Псевдо-Скимн, следуя Эфору, Тимею и Эратосфену, их строго разграничивает. Возможно, представление о Гадирах — острове с одноименным городом на нем, отличном от острова Эритея, через Тимея восходит к Пифею. Стефан Византийский упоминает только один остров и город Гадира. Тимей полагал, что кроме Эритеи здесь существовали и другие острова, а Старбон упоминает, что некоторые древние авторы отождествляли Гадиры с Геракловыми Столпами. Контаминация этих представлений и отражена, очевидно, в сообщении Псевдо-Скилака о двух островах Гадира, из которых один имеет город. Наконец, Плиний, ссылаясь на Эфора, Филиста, Тимея, Силена и карфагенян, пишет, что город Гадира был перенесен со своего первоначального места на о-ве Эритее на материк, соединяя тем самым версии об островном городе и Гадире-Гадесе.

2. До Эратосфена Иберией называлось только южное и восточное побережья Пиренейского п-ова. В расширительном значении его стало принятым употреблять лишь после кельтиберийских войн. Эмпорий — Ампуриас.

3. Здесь нашли отражение очень древние представления о территории лигуров, простирающейся от Западного (Атлантического) океана до Альп: так, для Гесиода лигуры были самым западным из известных ему народов. Авторы VI—V вв. до н. э. отводили все побережье Средиземного моря от Пиренеев до Родана (Роны) иберам. Отсюда и представление об их смешении с лигурами. Во времена Псевдо-Скилака на этой территории уже жили кельты.

4. Лигурийские надписи известны к северу — северо-западу от Милана, язык их близок кельтскому. Уже в историческое время лигуры занимали довольно значительную территорию между Нижней Роной и Арно, но впоследствии на юге совр. Франции они смешались с кельтами, и она сузилась до района Приморских Альп и реки По. Ольвия — основанная после 545 г. до н. э. колония Массалии, располагалась примерно в 65 км восточнее Марселя, южнее совр. Иэра. Антий может быть тождествен Антиполю Псевдо-Скимна (Антиб), а Тауроент — Таранту на юге Франции.

5. Сведения Псевдо-Скилака о расселении этрусков отражают действительность VI—V вв. до н. э.

6. Кирн — о. Корсика; Айталия — о. Эльба.

8. Киркайя — совр. Чирчеи. До IV в. устье Тибра еще принадлежало этрускам. Эльпенор — один из спутников Одиссея (см. Од. 10. 552—560). Его могилу показывали на Чирчеи (о. Кирки — Цирцеи).

10. Кумы были древнейшим основанием халкидян и кумян в Италии. До этого, еще в VIII в., греки заселили о. Питекуссу (Искья). Неаполь основан италийскими Кумами ок. 600 г. до н. э.

12. Псевдо-Скилак отразил эпоху, когда Лукания непосредственно еще не граничила с Кампанией. Фурия (обычная форма — Фурии) — относительно актуальная информация, ибо полис был основан как панэллинская колония в 444/3 г. на части территории разрушенного Сибариса после неудавшейся попытки сибаритян восстановить

родной город. Посейдония — Пестум, Элея — Велия, Лаос — колония Сибариса у впадения р. Лайно в залив Поликастро. Гиппоний (колония Локр Эпизефирских, с IV в. относилась к территории бруттиев, а не луканов) — Монтелеоне у залива Эуфемии, Месма — Медма, Терина — в районе р. Фьюме деи Боньи (?).

13. Пелориада — мыс Капо ди Фаро (Фаро ди Мессина). Различие элимов и переселившихся из Азии троянцев проводит только наш автор. Занимали Западную Сицилию (города: Сегеста, Эрикс, Энтелла), возможно, были родственны лигурам. Сикелы — сикулы. Терия — Фьюме ди Сан Леонардо, южнее Ньяна ди Катания (Симета), Ксифоней — небольшой залив восточнее Капо делла Санта Кроче. Пахин — южный мыс Сицилии, в древности считался восточным. Гера была весьма почитаема в Сицилии и Южной Италии (ее святилища были, например, в Акраганте, Акрах, Панорме, Селинунте), она часто изображалась на монетах существовавших здесь полисов. О. Калипсо — здесь источник перипла содержал другую (ср. § 8) информацию о положении этого острова,— очевидно, у побережья области бруттиев.

14. Определить границы Япигии в узком смысле очень трудно, обычно это понятие обозначало сумму территорий салестинов, мессапов, калабров, певкетов, апулов и даунием в Юго-Восточной Италии. Орион — окончание шпоры итальянского сапога, сейчас на нем расположен город Монте Сан-Анджело. Гидрунт лежал в пункте, наиболее близком побережью Греции.

15. Повторное упоминание самнитов (ср. тиррены в § 17), поскольку их территория выходила как к Тирренскому, так и к Адриатическому морю.

16. В область умбров включен Пицен (Пичено), где находится Анкона. Культ Диомеда подтверждается многими источниками. По легенде, возвращаясь из Трои, он попал в область племени даунием в Италии и помог им в борьбе с мессапами, в благодарность за что стал править их страной.

17. [Спина] — вставка критиков текста. Писа была членом этрусского двенадцатиградья.

18. Сведения о расселении кельтов соответствуют положению после 90-х гг. IV в. Имеется в виду поход кельтов через всю Италию и Сицилию в 80—90-х гг. IV в.

19. Энеты — адриатические венеты иллирийского или родственного кельтам происхождения. До прихода кельтов занимали территорию от побережья Адриатики между р. По и Исонцо до Альп. По их землям проходил древнейший янтарный путь. Вначале Эридан представлялся полумифической рекой, впадавшей (так считал, например, Геродот) в Северный океан, по которой к Адриатическому морю доставляли янтарь. Позднее Эридан стали отождествлять, как здесь, с рекой По, так как в раннее время в ее устье находился главный пункт торговли янтарем. По мере же развития другого пути, шедшего по Висле и далее на юг, народ венетов, прочно ассоциировавшийся с торговлей янтарем, был в представлениях древних автоматически перенесен к устью Вислы и уже в новое время отождествлен со славянами.

20. Истры (здесь первое упоминание), иллирийское племя, оставили свое имя в названии полуострова Истрия и греческом имени Дуная. Истр — в данном случае имеется в виду р. Сава, приток Дуная. Но Псевдо-Скилак следует распространенному у греков мнению о том, что она была основным руслом этой реки, почему в греческой традиции за Дунаем и закрепилось название Истр. Место о направлении его течения в рукописи сильно испорчено и восстанавливается сугубо предположительно.

21. Либурния — здесь северная часть Далмации. Либурны жили и на восточном побережье Италии между венетами и мессапами. Электриды — конъектура. Менториды омонимичны племени менторов, живших между истрами и либурнами, возможно, остров Паг и прилегающие острова, к которым должны относиться и Электриды и Истрия (о. Црес?).

22. Иллирийцы занимали земли от Адриатики до Моравы, возможно, включая Пеонию, и от Эпира до Среднего Дуная. Феаков с Керкирой связывает очень древняя традиция, восходящая как минимум к Гелланику. Лотофаги упоминаются здесь только

этим периплом, поэтому их не надо считать гомеровским народом. Нест — р. Четина Булинов перипл Псевдо-Скимна помещает севернее, между либурнами и гиллами. Гиерастамны известны только по этому периплу. Гилл — сын нимфы Мелиты, дочери речного божества Эгея, эпоним также полиса Гилла и гавани на Керкире. Культ Геракла был очень популярен в этих местах. «Остров Сисса и т. д.» — место сильно испорчено.

23. Маний (от племени маниев) — залив, в котором лежат о-ва Вис (Исса) и Хвар (Фарос). Протерас и т. д. — о-ва Шолта, Чиово, Дрвеник. Новый Фарос— очевидно, контаминированное чтение. Нарон — р. Неретва, в тексте букв: «прежде чем проплыть к реке». Мелита — Млет, Черная Керкира — Корчула.

24. Мании — гиманы Плиния (?). В древности у Неретвы в нижнем течении было другое русло, поэтому упомянутый здесь эмпорий соответствует совр. Вид. Под озером здесь следует понимать обширные заливные луга остающиеся весной и летом после наводка. Автариаты жили по левобережью Неретвы в ее среднем течении. Арион — одно из ответвлений карстового потока Требинштица (?). Ридзунт («к реке Ридзунт» — вставка К. Мюллера),— вероятно, глубоко выдающийся в сушу залив у северной границы совр. Черногории; по легенде Кадм и Гармония были обращены в скалы в Иллирии, где их очень чтили. Эти скалы показывали южнее реки Дрин и совр. Албании. «К Бутое плавание...» — место сильно испорчено.

25. Обычно энхелеи локализуются в окрестностях Аполлонии Иллирийской, но здесь они помещены явно поблизости от устья Дрина. По легенде, они управлялись потомками Кадма и Гармонии. Эпидамн (Диррахий) —Дуррес (Дураццо).

26. Тавлантии — племя хинтерланда Эпидамна и Аполлонии Иллирийской. Айант — главная водная артерия северного Эпира. «Айант... с горы Пинда» — включено критиками текста из древних маргиналий. Паламн — через сам город река не протекает, возможно, р. Арцен севернее Дурреса. «Еще дальше вглубь...» —место испорчено. Амантия — возле Лихобово на р. Дринополи. «Кария» — место испорчено, чтение исправленное; возможно, имеется в виду Хаония. Герион — восточногреческий вариант легенды, известный уже от Гекатея. Керавнские (Акрокеравнские) горы — скалистый мыс Глосса, завершение отрогов Малого Балкана. Сасон — о. Сазан.

27. «Гор», «это» — включено К. Мюллером. Источник, использованный здесь Псевдо-Скилаком, не отличал Адриатику от Ионического моря (ср. выше).

28. Хаоны показаны занимающими уже только территорию от мыса Глосса до р. Тиамис, в то время как изначально они населяли бóльшую часть Эпира.

29. Древний полис Коркира лежал несколько южнее совр. г. Керкиры на совр. п-ове Палеополис, ограниченном лагуной и открытым морем.

30. Исторические теспроты жили южнее р. Тиамис (ср. совр. адм. единицу Греции — Теспротия). Элайя — залив Фанари.

31. Анакторийский залив (от полиса Анакторий) — залив св. Петра.

32. Молоттия — заслуживает внимания аттическое оформление имени народа. Он жил от побережья до Янины в центре Эпира.

33. Амбракия — совр. Арта. «Начинает быть сплошной»,— т. е. далее следуют исконно греческие земли. Магнетика — ср. совр. область Магнезия на восточном побережье Центральной Греции.

34. «Надо плыть вверх по Ахелою» — в тексте букв. «плавание». Важная версия о колонизации Левкаса. Геродот, Фукидид, Псевдо-Скимн, Дионисий Галикарнасский, Плутарх сообщают, что Левкадии были колонией коринфян. Страбон же и Николай Дамасский сохранили свидетельство о том, что Кипсел и Горг послали отряд захватить Левкас.

40. «Наше море» — Эгейское.

43. Псевдо-Скилак первым упоминает о синойкизме полиса (ср. Диодор, Страбон, Павсаний). Ныне скала его акрополя называется Калископи. Окончание параграфа в рукописях испорчено, очевидно, сюда надо добавить «до [пределов] лепреатов».

46. Начало параграфа в рукописях сильно испорчено. Путаница в порядке перечисления полисов: Асина должна быть названной прежде Мотоны (Метоны), а Псаматунт (Кайо) — Ахилловой Гавани (Вати). Метана либо ошибочно перенесена из области между Трезеном и Эпидавром, либо поставлена вместо Антаны.

47. Этот параграф в рукописях сильно пострадал. После фразы «На Крите много полисов» снято «Положение Крита»; Осмида и Панорм — реконструкции; «Пан» — место не может быть убедительно интерпретировано. Очень ценное подробное описание Крита, подчеркивающее плотность и разнообразие состава его населения. Артемида Диктинна — очень древнее автохтонное божество, ее святилище было расположено на скалистом мысу Спата.

58. «Полис Пайесса» — реконструкция. «Ниже них... к ноту» — обращает на себя внимание знакомство автора перипла с принципом северной ориентации карты.

59. Аулис — Артемида; известное ее древнее святилище в Авлиде, фигурирующее в цикле мифов об Ифигении и Троянской войне.

62. «сверху, с внутренней стороны» — важное свидетельство знакомства с принципом северной ориентации карты (ср. § 64 «выше энианов»).

66. «Плыть к нему надо» — в тексте букв.: «плавание к нему». Метона — ее упоминание указывает на старый источник: этот полис, основанный эритрейцами, Филипп Македонский сровнял с землей. Лидиас — р. Мавронеро (Карасмак), Ферма — Фессалоники. Харадрунт — Ватопеди (?). Александр расширил границы Македонии до Неста, а Стримон был ее пределом при Филиппе.

67. «к самому Святилищу...» — [Зевса] вставка критиков текста, поскольку на берегу пролива Босфор, на входном мысу из Понта в Пропонтиду близ Кианеев, в древности стоял его знаменитый храм, посещавшийся всеми проходящими мимо мореплавателями. В начале параграфа содержатся важные сведения о размерах древней хоры Фасоса. Галепс был разрушен Филиппом Македонским. Дат — старая апойкия фасосцев, захваченная Филиппом. Здесь упомянуто второе его основание ок. 362 г. до н. э. Каллистрат — знаменитый афинский оратор, бывший стратегом вместе с Тимофеем, Хабрием и Ификратом. Будучи приговорен к смерти, бежал в Македонию, где получил Дат в дар от Филиппа. Дуриск — Тузла, залив Мелас — Сарос, река Мелас — Кавак, Алопеконнес — окончание мыса Сувла-Бурун. Агора лежала на месте будущей Лисимахии, Ган и т. д. локализуются в районе кряжа Ганос-Даг. Аполлония — Созополь, Одессополис (Одессос) — Варна, Каллатис — Кюстендил.

68. Никоний — городище Роксоланы в Молдавии. Офиусса могла находиться на древнем, ныне не существующем дельтовом острове в устье Днестра. Упоминание о Тире (совр. Белгород-Днестровский) могло выпасть из-за совпадения ее названия с названием реки. Но возможно и то, что Офиусса — другое название Тиры. Ко времени создания перипла Херсонес был мощным полисом, поэтому столь скромное его упоминание свидетельствует о старом источнике (в остальном см. Введение) сведений о Северо-Западном Причерноморье. Бараний Лоб — мыс Сарыч. Ахилл почитался на о-ве Левка (Змеином) как божество, помогающее мореходам. Для древних было характерно преувеличенное представление о размерах Азовского моря, которое окружающие народы именовали матерью моря (Понта). Внешним морем в античной традиции обычно называли Атлантический океан, однако здесь речь должна идти о Черном море. Пассаж о сирматах сохранился в рукописях крайне плохо, его текст восстановлен критиками текста. Важное свидетельство о том, что в начале второй половины IV в. часть сарматов уже перешла на правобережье Дона.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АДУ — Археологічні дослідження на Україні
АП УРСР — Археологічні пам'ятки УРСР
АСбГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа
АЭИА — Археологические и этнографические изыскания в Азербайджане
ВАФ — Вопросы азербайджанской филологии
ГХЗ — Государственный историко-археологический Херсонесский заповедник
КБВС — Кавказско-ближневосточный сборник
КБН — Корпус боспорских надписей. М.—Л., 1965
Цхалтубо — I — Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Материалы I Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья. Цхалтубо, 1977 г. Тбилиси, 1979
Цхалтубо — II — Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации. Материалы II Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья. Цхалтубо, 1979 г. Тбилиси, 1981
AA — Archäologischer Anzeiger
AAH — Acta Archaeologica Hungarica
AJA — American Journal of Archaeology
AJPh — American Journal of Philology
BAR — British Archaeological Reports
BASOR — Bulletin of the American Schools of Oriental Research
BCH — Bulletin de correspondence hellénique
BEFAR — Bibliothèque des écoles françaises d'Athènes et de Rome
BHMS — Bulletin of the Historical Metallurgy Society
BrM — Brooklyn Museum, New York
BSA — British School at Athens. Annual
BSFE — Bulletin de la Société française d'égyptologie. Paris
BSL — Société de linguistique de Paris. Bulletin
CAH — Cambridge Ancient History
CG — Catalogue général. Musée du Caire
CIL — Corpus Inscriptionum Latinarum
DAI — Deutsches Archäologisches Institut
IAMS — Institute of Archaeo-Metallurgical Studies
JAS — Journal of Archaeological Science
JFA — Journal of Field Archaeology
JHMS — Journal of Historical Metallurgy Society
JHS — Journal of Hellenic Studies
JRGZM — Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz
JRS — Journal of Roman Studies
JRSA — Journal of the Royal Society of Arts
MASCA — Museum Applied Science Center for Archaeology
MFA — Museum of Fine Arts, Boston
ORLR — Der Obergermanisch-Raetische Limes des Roemerreiches
RA — Revue archéologique
RE — *Pauly's* Real-Encyclopädie der Klassischen Altertumswissenschaft, neue Bearbeitung, begonnen von *G. Wissowa*, hrsg. von *W. Kroll*
Sci. Amer.— Scientific American
SCIV — Studii şi cercetări de istorie veche
SE — Studi Etruschi
TB — *Porter B., Moss R.*— Topographical Bibliography of Ancient Egyptian Hieroglyphic Texts, Reliefs and Paintings. V. III. 2 ed. Oxford, 1974—1981
ZfN — Zeitschrift für Numismatik

УКАЗАТЕЛЬ МАТЕРИАЛОВ, ПОМЕЩЕННЫХ в «ВЕСТНИКЕ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ» АН СССР за 1987 год

50 лет работы журнала «Вестник древней истории» АН СССР 3 3
Кузищин В. И. (Москва) — Великий Октябрь и задачи советского антиковедения 4 3

Алиев И. Г. (Баку) — Племена и племенные группы в Атропатене. Формирование мидийско-атропатенского этноса 3 62
Андреев Ю. В. (Ленинград) — Ранние формы урбанизации 1 3
Андреев Ю. В. (Ленинград) — Архаическая Спарта: культура и политика 4 70
Антонова Е. В. (Москва) — К исследованию семантики антропоморфных статуэток первобытных земледельцев (*На материале анауской культуры*) 4 49
Большаков А. О. (Ленинград) — Представление о Двойнике в Египте Старого царства 2 3
Бонгард-Левин Г. М., Кошеленко Г. А., Мунчаев Р. М. (Москва) — Искусство Матхуры: некоторые итоги и перспективы 3 18
Вейнберг И. П. (Даугавпилс) — Изучение истории древнего мира в республиках Советской Прибалтики (70—80-е годы) 4 40
Виноградов Ю. Г. (Москва) — Вотивная надпись дочери царя Скилура из Пантикапея и проблемы истории Скифии и Боспора во II в. до н. э. 1 55
Глускина Л. М. (Ленинград) — Nothoi в социальной структуре афинского полиса IV в до н. э. 3 84
Глушанин Е. П. (Барнаул) — Военные реформы Диоклетиана и Константина 2 51
Ильинская Л. С. (Москва) — Финикийцы в Сицилии 1 41
Инадзе М. П., Хазарадзе Н. В. (Тбилиси) — Основные итоги научных исследований в области древней истории, филологии и археологии в Грузии (1978—1987 годы) 4 15
Колосовская Ю. К. (Москва) — Муниципализация рудничного округа Дакии 4 87
Лундин А. Г. (Ленинград) — Катабанский декрет о землепользовании RES 3854 . . . . . 3 43
Покровская З. А. — Эстетические взгляды Лукреция 3 97
Ревяко К. А., Ханкевич О. И. (Минск)) — Развитие исследований в области древней истории в Белоруссии (*Работа кафедры истории древнего мира и средних веков БГУ в 1977—1987 годах*) 4 33
Строгецкий В. М. (Горький) — Особенности внешней политики Афин и Спарты в начальный период первой Пелопоннесской войны (460—455 годы) 2 37
Юсифов Ю. Б. (Баку) — Ранние контакты Месопотамии с северо-восточными странами (Приурмийская зона) 1 19

ПУБЛИКАЦИИ

Кастанаян Е. Г. (Ленинград) — Надгробная надпись из Порфмия . . . 2 85
Кигурадзе Н. Ш., Лордкипанидзе Г. А., Тодуа Т. Т. (Тбилиси) — Клейма XV легиона из Пицундского городища 2 88
Кобахия Б. С., Хрушкова Л. Г., Шамба С. М. (Сухуми) — Новая раннехристианская церковь на городище Гюэнос (Абхазия) 1 126
Нестеренко Н. Д. (Анапа) — Заметки по денежному обращению меди Боспора последней четверти II в. до н. э. 2 74
Никитин А. Б., Согомонов А. Ю. (Москва) — Оттиски печатей и клейма на керамике сасанидского времени из Мервского оазиса 4 118
Пилипко В. Н. (Ашхабад) — К вопросу о чекане Митридатокерта 1 115
Соломоник Э. И. (Симферополь) — Два античных письма из Керчи . . . 3 114
Толстиков В. П. (Москва) — Святилище на акрополе Пантикапея . . . 1 88
Ходза Е. Н. (Ленинград) — Терракотовые статуэтки юношей с петухами в собрании Гос. Эрмитажа (*К проблеме типологии и интерпретации*) 4 100

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

Аджинджал Е. К. (Сухуми) — Об одном аспекте ранневизантийской дипломатии на Кавказе 3 174
Бест Й. Г. П. (Амстердам) — К интерпретации надписей линейного письма *А* (Две традиции в спиралевидных надписях на линейном письме *А*; Еще раз о надписи на Закросском пифосе) 1 159
Вершинин Л. Р. (Одесса) — Государство молоссов и территориальная консолидация античного Эпира 1 169
Гиоргадзе Г. Г. (Тбилиси) — К вопросу об обозначении «серебра» в хеттских клинописных текстах 3 132
Горончаровский В. А., Никоноров В. П. (Ленинград) — Илуратский катафрактарий (*К истории античной тяжелой кавалерии*) 1 201
Гуркин В. А. (Ульяновск) — В. П. Карпов — переводчик и комментатор произведений Аристотеля 3 187
Дандамаева М. М. (Ленинград) — Письмо из селевкидского Урука (*К вопросу о «смерти» аккадского языка*) 4 132
Дряхлов В. Н. (Киров) — Войны германских племен с Римом в III в. и их влияние на развитие древнегерманского общества на Рейне 2 151
Зайцев А. И. (Ленинград) — Свобода воли и божественное руководство в гомеровском эпосе 3 139
Зубарь В. М. (Киев) — Из истории Херсонеса Таврического на рубеже нашей эры 2 118
Казанский Н. Н. (Ленинград) — К папирусному фрагменту «Разрушения Трои» Стесихора (P. Oxy. 2619, fr. 15 b, 11—12) 1 168
Ковельман А. Б. (Москва) — Нравственный прогресс в Римском Египте (*По частным письмам II—IV вв.*) 3 153
Лапина Т. А. (Москва) — Некоторые источниковедческие проблемы географических книг Плиния Старшего 2 130
Мавлеев Е. В. (Ленинград) — Самнитские войны и зеркала Вольсиний . . . 1 185
Попова Е. А. (Москва) — Роспись склепа № 1 некрополя позднескифской столицы 2 139
Редер Д. Г. (Москва) — Роль Муцацирского храма в экономике Урарту и Ассирии в VIII в. до н. э. 1 147
Россиус А. А. (Москва) — Полемика Исократа с Академией Платона . . . 2 93
Ссорин-Чайков Н. В. (Москва) — К вопросу об историко-археологической основе некоторых эпических стереотипов (*Описание вооруженного воина в ирландском героическом эпосе*) 4 141
Трейстер М. Ю. (Москва) — Комментарий к письму X. 74 Плиния Младшего 1 213
Фихман И. Ф. (Ленинград) — Проблемы изучения ономастики эллинистического, римского и позднеримского Египта 2 169
Шарнина А. Б. (Ленинград) — Союзы технитов Диониса в эллинистических полисах 2 102
Шелов Д. Б. (Москва) — Монеты-стрелки в Нижнем Побужье 4 124
Шофман А. С. (Казань) — К вопросу о генезисе эллинистических армий (*антитагма*) 3 143

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Баюн Л. С., Иванов Вяч. Вс. (Москва) — Investigationes philologicae et comparativae. Wiesbaden, 1982 . . . . . 2 211
Богословский Е. С. (Ленинград) — Bernadette M e n u. Recherches sur l'histoire juridique, économique et sociale de l'ancienne Egypte. Brassac-les-Mines, 1982; Bernadette M e n u. Droit-économie-société de l'Egypte ancienne. Aurillac, 1984 . . . . . 2 190
Боровский Я. М. (Ленинград) — Марк Аврелий Антонин. Размышления. Л., 1985 . . . . . 3 230
Борщ И. Е. — Указатель литературы по истории античного мира, опубликованной в СССР в 1985 г. 4 192
Вигасин А. А. (Москва) — Г. М. Б о н г а р д-Л е в и н, Г. Ф. И л ь и н. Индия в древности. М., 1985 . . . . . 1 220
Высотский А. М. (Москва) — И. Р. П и ч и к я н. Малая Азия — Северное Причерноморье. Античные традиции и влияния. М., 1984 . . . . . 2 186
Дандамаев М. А. (Ленинград) — *Новая литература по иранистике* (Acta Iranica. Encyclopédie permanente des études iraniennes publiée par le

Centre international d'études indo-iraniennes. Deuxième série: hommages et opera monira. V. 23. Leiden, 1984; v. 24, 25, 1985 . . . . . 3 212
Дьяконов И. М., Медведская И. Н. (Ленинград) — Урартское государство в новом освещении 3 202
Завьялов В. А., Никоноров В. П., Устинова Ю. Б. (Ленинград) — Новые аспекты эллинизации Востока (H.— P. Francfort. Fouilles d'Ai-Khanoum. III. Le sanctuaire du temple à niches indentées. 2. Les trouvailles.— MDAFA. T. XXVII. P., 1984) 4 187
Иванов Вяч. Вс. (Москва) — E. Neu. Althethitische Ritualtexte in Umschrift. Studien zu den Boğazköy-Texten. Heft 25. Wiesbaden, 1980; E. Neu. Glossar zu den althethitischen Ritualtexten Studien zu den Boğazköy-Texten. Heft 26. Wiesbaden, 1983 . . . . . 2 208
Кнабе Г. С. (Москва) — К специфике межличностных отношений в античности (*Обзор новой зарубежной литературы*) 4 164
Кошеленко Г. А. (Москва) — P. Bernard. Fouilles d'Ai Khanoum. IV. Les monnaies hors trésors. Questions d'histoire gréco-bactrienne. Paris, 1985 . . . . . 2 199
Лелеков Л. А. (Москва) — Д. С. Раевский. Модель мифа скифской культуры, М., 1985 . . . . . 4 181
Лелюхин Д. Н. (Москва) — Г. М. Бонгард-Левин, А. А. Вигасин. Образ Индии. Изучение древнеиндийской цивилизации в СССР. М., 1984 . . . . . 4 153
Ломоури Н. Ю. (Тбилиси) — Культура Византии: IV — первая половина VII в. Т. I. М., 1984 . . . . . 1 238
Орел В. Э. (Москва) — А. А. Королев. Древнейшие памятники ирландского языка. М., 1984 . . . . . 4 157
Павленко Л. В. (Симферополь) — The Oxyrhynchus Papyri. V. LII. Ed. with transl. and notes by Cockle H. M. with contrib. by Cavlini A. e. a. L.: Egyptian Exploration Society, 1984, XVIII 1 250
Пугаченкова Г. А. (Ташкент) — Fr. Tissot. Gandhara. Paris, 1985 . . . . 3 223
Рубан В. В. (Николаев) — И. Р. Пичикян. Малая Азия — Северное Причерноморье. Античные традиции и влияния. М., 1984 . . . . . 2 180
Сапрыкин С. Ю. (Москва) — G. Cohen. The Seleucid Colonies: Studies in founding, administration and organization. Wiesbaden, 1978 . . . . 1 243
Трухина Н. Н., Сидорович О. В. (Москва) — И. Л. Маяк. Рим первых царей (Генезис римского полиса). М., 1983 . . . . . 3 194
Шкунаев С. В. (Москва) — M. J. Green. The Wheel as a Cult-Symbol in the Romano-Celtic World. Bruxelles, 1984 . . . . . 2 194
Ярхо В. Н. (Москва) — Новое издание «Киклопа» Еврипида 3 218

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Акимова Л. И., Трейстер М. Ю. (Москва) — IX Международный коллоквиум по античным бронзам 2 223
Голубцова Е. С. (Москва) — Проблемы античной истории на XVII Международной конференции античников социалистических стран «Эйрене» (Берлин, 11—15 августа 1986 г.) 1 253
Горончаровский В. А., Щеглов А. Н. (Ленинград) — Конференция «Проблемы античной и скифо-сарматской археологии», посвященная памяти П. Н. Шульца 2 229
Лопухова О. Б., Ляпустина Е. В. (Москва) — X Всесоюзная авторско-читательская конференция «Вестника древней истории» (Москва, 3—5 июня 1987 г.) 4 216
Научные чтения памяти С. Л. Утченко 3 233
Печатнова Л. Г. (Ленинград) — Научная конференция «Проблемы античного полиса — VI» 2 220

ПРИЛОЖЕНИЕ

М. Туллий Цицерон. Речь к народу по возвращении из изгнания. Перевод с латинского, вступительная статья и комментарии *В. О. Горенштейна* 1 260
М. Туллий Цицерон. Речь в защиту Л. Корнелия Бальба. Перевод с латинского и примечания *В. О. Горенштейна* 2 235
Псевдо-Аристотель. Рассказы о диковинах. Перевод с древнегреческого, вступительная статья и комментарии *Н. А. Позднякова* (Москва) 3 236
То же (*окончание*) 4

СОДЕРЖАНИЕ

Самодурова З. Г. (Москва) — З. В. Удальцова — исследователь, организатор науки, педагог 5
Трейстер М. Ю. (Москва) — Роль металлов в эпоху Великой греческой колонизации 17
Павловская А. И. (Москва) — Отражение социально-политической борьбы в Египте в конце III в. в частной переписке и петициях 43
Алиев И. Г. (Баку) — Изучение проблем древней истории, филологии и археологии в Азербайджане в 1977—1987 годы 56

ПУБЛИКАЦИИ

Зубарь В. М. (Киев) — Новое латинское клеймо из Ольвии 78
Никитин А. Б. (Ленинград) — Перечеканка медных монет в Парфии (*Монеты I в. н. э. из музейных собраний Москвы и Ленинграда*) 82
Касумова С. Ю. (Баку) — Новые находки среднеперсидских надписей в Дербенте 88

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

Крюков В. М. (Москва) — Надписи на западночжоуских бронзовых сосудах из Фуфэна 96
Эдаков А. В. (Новосибирск) — Реформы Амасиса и их судьба в позднесаисское время 112
Богословская И. В. (Ленинград) — Одежда кочевых и мигрирующих народов Ханаана по древнеегипетским изображениям XIV—XII вв. до н. э. . . . 126
Тодуа Т. Т. (Тбилиси) — Крепости Митридата VI Евпатора в Колхиде 139
Сапрыкин С. Ю. (Москва) — К ольвийской надписи IOSPE I² 38 147
Муравьев С. Н. (Москва) — Заметки по исторической географии Закавказья. Плиний о населении Кавказа 156
Вулих Н. В. (Ухта), *Неверов О. Я.* (Ленинград) — Роль искусства в пропаганде официальной идеологии принципата Августа 162
Баюн Л. С., Орел В. Э. (Москва) — Язык фригийских надписей как исторический источник I 173

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Большаков А. О. (Ленинград) — Н. А. Померанцева. Эстетические основы искусства древнего Египта. М.: Искусство, 1985 201
Агбунов М. В. (Москва) — П. О. Карышковский, И. Б. Клейман. Древний город Тира. Историко-археологический очерк. Киев, 1985 211
Самохина Г. С. (Петрозаводск) — А. С. Шофман. Распад империи Александра Македонского. Казань, 1984 г. 215
Сухачев Н. Л. (Ленинград) — И. Н. Хлопин. Юго-Западная Туркмения в эпоху поздней бронзы. По материалам Сумбарских могильников. Л., 1983 221
Вигасин А. А. (Москва) — O. Stein. Kleine Schriften. Hrsg. von F. Wilhelm. Stuttgart, 1985 226
Согомонов А. Ю. (Москва) — Раннегреческий полис и «героический век»: столкновение двух эпох в VIII в. до н. э. (*Обзор материалов II Международного симпозиума при Шведском институте в Афинах*) 230
Лисовой И. А. (Львов) — L. Winniczuk. Ludzie, zwyczaje, obyczaje starozytnej Grecji i Rzymu. Warszawa, 1983 245

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Гиголашвили Е. Г. (Тбилиси) — IV Всесоюзный симпозиум по древней истории Причерноморья 247
Левинская И. А. (Ленинград) — Заседание, посвященное 90-летию Я. М. Боровского 250

ПРИЛОЖЕНИЕ

Скилак Кариандский. Перипл обитаемого моря. Перевод с древнегреческого, вступительная статья и комментарии *Ф. В. Шелова-Коведяева* 253

Указатель материалов, помещенных в «Вестнике древней истории» АН СССР за 1987 год 268

SOMMAIRE

Z. G. Samodurova (Moscou) — Z. V. Udal'cova, son œuvre scientifique, pédagogique et organisatrice 5
M. Ju. Trejster (Moscou) — Le rôle des métaux à l'époque de la grande colonisation grecque 17
A. I. Pavlovskaja (Moscou) — La lutte socio-politique en Egypte de la fin du IIIe s. d'après des lettres et pétitions de l'époque 43
I. G. Aliev (Bakou) — Les problèmes d'histoire, philologie et archéologie dans les travaux de chercheurs azerbaïdjanais publiés en 1977—1987 56

PUBLICATIONS

V. M. Zubar' (Kiev) — Nouveau timbre latin d'Olbia 78
A. B. Nikitin (Moscou) — La refrappe de monnaies de cuivre en Parthie 82
S. Ju. Kasumova (Bakou) — Nouvelles trouvailles d'inscriptions en iranien moyen à Derbent 88

RAPPORTS ET COMMUNICATIONS

V. M. Kr'ukov (Moscou) — Les inscriptions des récipients de bronze de la haute époque Zhou à Fufeng 96
A. V. Edakov (Novossibirsk) — Les réformes d'Amasis et leur destin à l'époque saïssienne tardive 112
I. V. Bogoslovskaja (Léningrad) — Le costume des peuples nomades et migrateurs du Chanaan selon des images égyptiennes anciennes des XIVe—XIIe ss. av. n. è. Essai d'ethnologie historique) 126
T. T. Todua (Tbilissi) — Les forteresses de Mithridate Eupator en Colchide 139
S. Ju. Saprykin (Moscou) — L'inscription olbienne *IOSPE* I² 38 147
S. N. Mouraviev (Moscou) — Notes de géographie historique du Caucase. Les peuples du Caucase selon Pline l'Ancien 156
N. V. Vulikh (Oukhta), *O. Ja. Neverov* (Léningrad) — Le rôle de l'art dans la propagande de l'idéologie officielle pendant le principat d'Auguste 162
L. S. Bayun, V. Orel (Moscou) — La langue des inscriptions phrygiennes en tant que source historique 173

CRITIQUE ET BIBLIOGRAPHIE

A. O. Bolšakov (Léningrad) — Pomerancova N. A. Estetičeskije osnovy iskusstva Drevnego Vostoka. Moskva, 1985 201
M. V. Agbunov (Moscou) — K a r y s z k o w s k i P. O., K l e j m a n I. B. Drevnij gorod Tira. Istoriko arkheologičeskij očerk. Moskva, 1985 . . . 211
G. S. Samokhina (Petrozavodsk) — A. S. S o f m a n. Raspad imperii Aleksandra Makedonskogo. Kazan', 1984 215
N. L. Sukhatchëv (Léningrad) — I. N. K h l o p i n. Jugo-Zapadnaja Turkmenija v epokhu pozdnej bronzy. Po materialam Sumbarskikh mogil'nikov. Leningrad, 1983 221
A. A. Vigasin (Moscou) — O. S t e i n. Kleine Schriften, hrsg. von F. Wilhelm. Stuttgart, 1985 226
A. Ju. Sogomonov (Moscou) — La polis grecque précoce et l'«âge héroïque: l'affrontement entre deux époques au VIIIe s. av. n. è. (*le IIe Colloque international à l'Institut suédois d'Athènes*) 230
I. A. Lisovoj (Lvov) — L. Winniczuk. Ludzie, zwyczaje, obyczaje starozytnej Grecji i Rzymu. Warszawa, 1983 245

CHRONIQUE SCIENTIFIQUE

Je. G. Gigolašvili (Tbilissi) — Le IVe Colloque d'URSS sur l'histoire antique de la Région pontique 247
I. A. Levinskaja (Léningrad) — La séance commémorative consacrée au 90e anniversaire de Ja. M. Borovskij 250

SUPPLÉMENT

Scylax de Caryande. Périple de la mer aux côtes habitées. Traduction et commentaire de *F. V. Šelov-Koved'ajev* (Moscou) 253